РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН

МАГНИТОГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

ВЫПУСК XVI/3

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК
2006

Р е д а к ц и о н н ы й с о в е т

академик РАН *Г.М.Бонгард-Левин* (председатель)

член-корр. РАН *Х.А.Амирханов,* член-корр. *П.Г.Гайдуков,*
академик РАН *А.П.Деревянко, проф. А.Иверницци,*
член-корр. РАН. *С.П.Карпов,* член-корр. РАН. *Г.А.Кошеленко,*
член-корр. НАН Украины *С.Д.Крыжицкий,* член-корр. РАН *Н.А.Макаров,*
д.и.н. *Л.П.Маринович,* д.и.н. *Ю.М.Могаричев,*
академик РАН *В.И.Молодин,* член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев,*
д.ф.н. *В.Ф.Романов,* д.и.н. *Э.Д.Фролов,* проф. *Чан Куквон*

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я

д.и.н. *М.Г.Абрамзон* (главный редактор, Магнитогорский гос. университет)

к.и.н. *В.А.Гаибов* (Институт археологии РАН),
д.п.н. *О.В.Гнэвек* (Магнитогорский гос. университет),
к.и.н. *Ю.В.Горлов* (Институт археологии РАН),
д.и.н. *В.Д.Кузнецов* (зам. главного редактора, Институт археологии РАН),
к.и.н. *С.В.Мокроусов* (зам. главного редактора, Институт археологии РАН),
д.и.н. *И.В.Октябрьская* (зам. главного редактора,
Институт археологии и этнографии СО РАН).
д.и.н. *И.Е.Суриков* (Институт Всеобщей истории РАН),
д.п.н. *З.М.Уметбаев* (Магнитогорский гос. университет),
д.фил.н. *С.Г.Шулежкова* (Магнитогорский гос. университет)

к.и.н. *Л.И.Киреева* (ответственный секретарь, Магнитогорский гос. университет)

E d i t o r i a l B o a r d :

M.G.Abramzon (Editor-in-Chief),

V.A.Gaibov, O.V.Gnevek, Yu.V.Gorlov, V.I.Kulakov, V.D.Kuznetsov, S.V.Mokrousov, I.V.Oktyabrskaya, S.G.Shulezhkova, I.E.Surikov, Z.M.Umetbayev.

Head, Editorial Office L.I.Kireyeva

ISSN: 1991-9484

© Российская академия наук, 2006
Институт археологии РАН
Институт археологии и этнографии СО РАН
© Магнитогорский государственный университет, 2006
© Редколлегия журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2006

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И АРХЕОЛОГИЯ

А. В. КОВАЛЬЧУК (Москва)

КЕРАМИЧЕСКИЙ ШТАМП С ПОС. ГЕНЕРАЛЬСКОЕ-ЗАПАДНОЕ

Вопрос о том, что представляли собой штампы, при помощи которого оттискивали клейма на амфорах и черепицах, неоднократно поднимался исследователями[1].

В 1935 году В. Грейс написала, что штампы для клеймения могли изготавливаться из различных материалов, но преимущественно, по-видимому, из глины[2].

С. Ю. Монахов позднее уточнил, что использовались глиняные штампы двух разновидностей: сделанные из сырой глины и затем обожженные, а также вырезанные на обломках керамики (амфорных ножках, ручках, черепице)[3].

Еще раз обратиться к рассмотрению этого вопроса мы вынуждены в связи с тем, что в ходе археологических раскопок в 2005 году на поселении Генеральское-Западное (раскоп «Юго-западный склон»), на Восточном участке (кв. 93–95) была обнаружена амфорная ручка, на поперечном сколе которой были вырезаны греческие буквы (оп. № 81).

Ручка диаметром 3,5х2,0 см имеет овальную форму. Определить центр производства не удалось (светло-бежевая, тонкозернистая глина со слюдой и непрозрачными белыми включениями).

Штемпель состоит из лигатуры двух букв – тэты и эпсилона – и т. н. знака сокращения, напоминающего внешне лунарную сигму (рис. 1; 2).

Слой, в котором был обнаружен штамп, – это желтовато-коричневый, умеренно плотный и сухой суглинок, местами с включением мелкого щебня. Среди прочих находок необходимо отметить фрагменты чернолаковой посуды (канфары, чашки, рыбные блюда, солонки, лекифы, светильники), красноглиняной столовой посуды (кувшины, миски и рыбные блюда), обломки боспорских и синопских керамид. Для датирования слоя решающее значение имеют амфорные клейма Синопы, Гераклеи и Фасоса:

ΦΙΝΤΙΟΣ
ΑΣΤΥΝΟ
ΔΙΟΝΥΣΙΟ раковина, венок (оп. № 95)

Деятельность синопского магистрата Финтия относится к 50–40 гг IV в. до н.э. [Федосеев[4], № 161, 74].

ΕΠΙ[]
ΦΙΛ[ΩΝ] (оп. № 138)

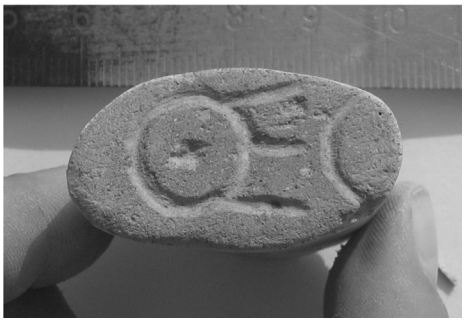


Рис. 1

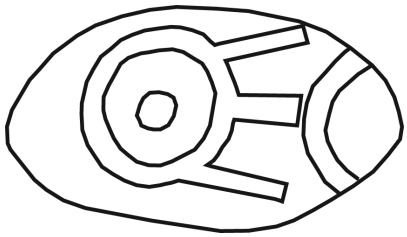


Рис. 2

Имя фабриканта Филона на гераклейских амфорах известно вместе с именами магистратов Алкеты (IosPE III № 65), Молосса (IosPE III № 352–356) и Стифона (IosPE III № 442–444), клейма Филона, по-видимому, следует датировать 80–70 гг IV в. до н. э[5].

ΑΠΟΛΛΩΝ[Ι Ο]
[ΕΠΙ Σ]ΚΥΘΑ (оп. № 119)

Гераклейский магистрат Скиф работал в 60–50 гг IV в. до н.э.[6] Сочетание имен Скифа и Аполлония в одном клейме отсутствует в IosPE III.

[ΑΡ]Ι ΣΤΩΝΟ
ΕΠΙ ΑΠΟΛΛΩ[] (оп. № 121)

Имя магистрата Аполло[ния] ранее неизвестно, гераклейский фабрикант Аристон обычно встречается вместе с Дионисием[7], Кромнием[8], Скифом[9], т.е. магистратами 70–60 гг. IV в. до н.э.

ΠΑΝΤΙ
ΜΙ ΔΗΣ[] ваза на подставке (оп. № 157)

Фасосский фабрикант Пантимид работал приблизительно в 50–30 гг. IV в. до н.э.[10]

Также из этого же горизонта происходит мендейская ручка с клеймом в виде буквы фи (оп. № 169).

Таким образом, слой можно датировать 80–30 гг. IV в. до н.э., и приблизительно к этому же промежутку времени, по всей видимости, следует относить и интересующую нас находку.

Наиболее близкой к данной печати является штамп, вырезанный на поперечном срезе ручки, найденной в 1946 г. во время раскопок в г. Керчи. На сколе вырезаны три буквы – пи, альфа и ро (рис. 6). Но, по всей видимости, керченский штамп относится к более позднему времени, издатель датирует его по аналогии с монетными монограммами II в. до н.э[11].

Л. А. Ельницкий, не обнаружив точного оттиска штампа, в качестве ближайшей аналогии приводит «боспорское» клеймо с лигатурой из букв пи и альфа[12]. Необходимо отметить, что данное клеймо, безусловно, принадлежит к продукции Херсонеса Таврического[13] и датируется первой половиной III в. до н.э.

Кроме того, автор, публикующий керченскую находку, считает, что после обнаружения подобного штемпеля, «представляется более чем вероятным, что клейма с круглыми и эллиптическими очертаниями оттиснуты посредством таких именно керамических штампов, изготовленных из амфорных ручек»[14]. И в качестве одного из примеров такого «круглого» клейма приводит оттиск на боспорской черепице с именем Мо[сха][15]. Однако, это представляется невозможным, так как клейма Мо[сха] размером 4,5х3,2 см имеют четко выраженную прямоугольную рамку.

Рис. 3

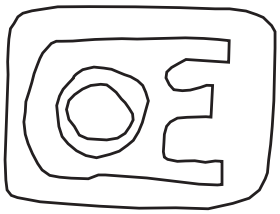


Рис. 4

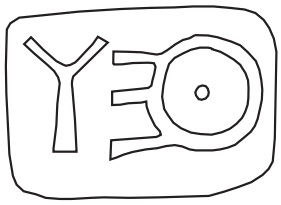


Рис. 5

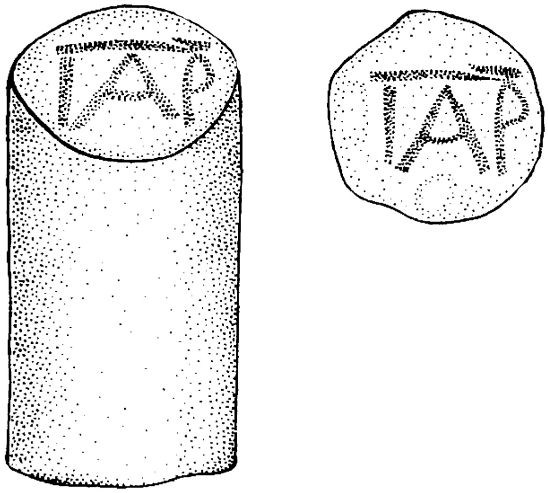


Рис. 6

При анализе штампа, происходящего с поселения Генеральское-Западное, внимание привлекают, прежде всего, два факта.

Во-первых, в настоящее время знак сокращения в виде лунарной сигмы нам известен только в клеймах, оттиснутых на боспорской черепице (см. рис. 3).

Однако данный знак на протяжении всего периода клеймения боспорских черепиц не остается неизменным. Так, можно условно выделить две типологические группы, различающихся формой начертания знака сокращения. На части керамид он вырезан довольно тонко и по форме совсем не отличимым от лунарной сигмы, встречающейся на самых поздних клеймах (в клейме ΒΑCΙ ΛΙΚΗ или ΕΥΘΕΧΙΩΝΟC (№ 228–235[16]). Например, близкий к лунарной сигме знак сокращения фигурирует на клеймах ΘΕΥΔC (№ 335–338), ΙΠΠΟΚΡΑC (№ 373–379), ΚΟΙC (№ 418–436), ΛΥΚ, (№ 495–497), ΠΥΘΟC (№ 775–781).

Во второй группе он сильнее вытянут по вертикали, приобретает значительную толщину и некоторую декоративность. Что можно заметить на штампах ΑΠΟΛC (№ 101–110), ΒΙC, ΖΘC (№ 259–262), ΙΗC (№ 345–351), ΜΟC (№ 624–630), ΤΙC (№ 1230–1238), ΤΙΜΟC (№ 1240–1251).

На рассматриваемой амфорной ручке этот знак имеет вид совершенно сходный с начертанием лунарной сигмы.

Во-вторых, на боспорских керамидах встречаются клейма с именем Τхеод[..], обычно восстанавливаемое большинством исследователей вслед за В.В. Шкорпилом[17] как Теодор.

Б. Н. Гракову в 1957 году, на момент завершения составления IosPE III было известно 9 разных штампов Теод[ора], в двух из которых тэта и эпсилон были вырезаны в лигатуре. Сейчас число известных штампов увеличилось до 12, но по-прежнему только в двух из них две первые буквы соединены вместе (рис. 4, 5).

И вот эти сходные черты заставляют задуматься о том, не могли ли амфорные ручки с вырезанными на поперечном сколе буквами служить печатью, используемой для клеймения черепиц.

Особо следует отметить, что, как и в случае с керченским штампом, не смотря на ряд сходных черт, обнаружить клеймо, оттиснутое этой печатью на черепице, не удалось.

Конечно, подобные глиняные печати, сделанные из амфорных ручек, могли бы иметь несколько значительных преимуществ по сравнению с вырезанными из дерева.

Так, помимо легкости изготовления и долговечности они могли бы быть довольно удобны при штемпелевании.

Однако некоторые факты свидетельствуют, что применение печатей, сделанных таким образом, было очень ограниченным как в практике боспорского, так и греческого клеймения.

Во-первых, практически все клейма по форме, как на черепице, так и на амфорах приближаются либо к квадрату, либо к прямоугольнику (кроме желобчатых херсонесских клейм и круглых родосских).

Среди боспорских исключение составляют только клейма Бакха-Дионисия, Горгиппа и один штамп с именем Спартока. Клеймо Спартока, по-видимому, имеет овальную форму (№ 1131–1158) вследствие неполного оттиска, так как расположение и начертание букв в них полностью совпадает с клеймами, заключенными в квадратную рамку (№1085–1130). Клейма Бакха-Дионисия с энглифическими буквами и рамкой в виде листа плюща довольно резко выделяются среди остальных боспорских клейм, вследствие чего некоторые исследователи сомневались в их боспорском происхождении. Круглые штампы с именем Горгиппа встречаются довольно редко, и, кажется, регион их распространения ограничивается исключительно районом Анапы.

Во всем остальном греческом мире черепичные клейма также обычно заключены в прямоугольную рамку. Круглые клейма известны только из шести мест: из Спарты[18], Оропа[19], Пергама[20], из Албании[21], Сицилии[22] и на Керкире. Но даже там они являются исключением среди подавляющего большинства прямоугольных. Так, например, на Керкире среди 331 разных штампов известно только шесть круглых клейм с именами Филонида и Τхеомнаста[23].

Во-вторых, необходимо отметить то, что применение печатей, сделанных на сечении амфорных ручек, было бы очень ограниченным, так как на узкое поле скола ручки могло бы поместиться не более 2–3 крупных букв.

Клейма, оттиснутые такой печатью, были бы небольшого размера и практически не видны на поверхности черепицы.

По-видимому, для клеймения боспорской черепицы использовались либо деревянные штампы, либо изготовленные из сырой глины и впоследствии обожженные.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Dumont A.* Inscription ceramiques de Grece. P., 1872. P. 45; *Nilsson M.* Timbres amphoriques trouvees a Lindos. Copenhague, 1909. P. 56; *Граков Б. Н.* Древнегреческие керамические клейма с именами астимонов. М., 1929. С. 70; *Гайдукевич В. Ф.* Строительные керамические материалы Боспора // ИГАИМК. 34. 1935. С. 204; *Максимова М. И.* Античные геммы и их оттиски на фрагментах глиняных сосудов // МИА. 56.

1957. С. 192–193; *Монахов С. Ю.* О штампах для клеймения херсонесских амфор // СА. № 2. 1981. С. 270–271.
2. *Grace V*. The die used for the amphora stamps // Hesperia. IV. 1935. P. 422.
3. *Монахов С. Ю.* О штампах для клеймения херсонесских амфор. С. 268–269.
4. *Fedossev N. F.* Classification des timbres astynomiques de Sinope // Production et commerce des amphores anciennes en mer Noire. Aix-en-Provence, 1999. P. 34.
5. *Монахов С. Ю*. Греческие амфоры в Причерноморье. Саратов, 1999. С. 267, 271.
6. Там же. С. 345–346.
7. Там же. С. 282–283.
8. Там же. С. 254–253.
9. Там же. С. 330–332.
10. *Debidour M.* En classant les timbres thasiens // BCH. Suppl. XIII. 1986. P. 330.
11. *Ельницкий Л. А*. Эпиграфические новинки из Керчи // ВДИ. 1947. № 3. С. 207.
12. Там же. С. 208.
13. *Кац В. И.* Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов, 1994. 2А-32, 20.
14. Ельницкий Л. А. Эпиграфические новинки из Керчи // ВДИ. 1947. № 3. С. 208.
15. IosPE III № 611–620.
16. В круглых скобках номера указаны по IosPE III.
17. *Шкорпил В.В.* Керамические надписи, приобретенные Керченским музеем древностей в 1901 и 1902 гг. // ИАК. Спб., 1904. Вып. 11. С. 154. № 697.
18. *Wace A.J.B*. Laconia. II. Excavations at Sparta // ABSA. 1905 – 1906. 12. P. 345.
19. *Dakaronia F.* Αρχαικὲ κεραμιδὲ απο την Ανατολικη Λοκριδα // Hesperia. 1990. 59. P. 179.
20. *Franke M.* Die Inschriften von Pergamon. Berlin, 1895. № 731.
21. *Kindt B*. Les tuiles inscrites de Corcyre. Louvain-la-Neuve, 1997. P. 32.
22. *Cavalier M., Brugnone A*. I bolli delle tegole della necropolis di Lipari // Kokalos. 1986. 32. P. 181–282.
23. *Kindt B.* Les tuiles inscrites de Corcyre. Louvain-la-Neuve, 1997. P. 67–112.

A.V.KOVALCHUK

CERAMIC PUNCH FROM GENERALSKOE-ZAPADNOE SETTLEMENT

Work represents the publication of the ceramic punch found out on the settlement of Generalskoe-Zapadnoe in the East Crimea in 2005. These finds are additional evidence in support of opinion about amphoras handles with the letters cut out on a cross-section slope, which could have been a seal used for marking the tiles. Despite such an opportunity, Bosporan tiles were also marked with the wooden dies, or made from crude clay and then burnt.

А. В. БОНИН (Москва)

ПАМЯТНИКИ ХОРЫ БОСПОРА I В. ДО Н.Э.: ЕЩЕ РАЗ О ХРОНОЛОГИИ ОБЪЕКТОВ СИГНАЛЬНО-ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

I в. до н.э. занимает в истории Боспора особое место. Помимо бурных событий, связанных с последними годами царствования Митридата VI Евпатора и правления Фарнака и Асандра, это столетие примечательно тем, что на внутриполитические процессы Боспорского царства начинает активно влиять Римская республика. Во второй половине I в. до н.э. Римом было предпринято несколько попыток установить контроль над этим регионом античного мира. Несомненно, что все эти события, зачастую сопровождавшиеся военными действиями, не могли не отразиться на облике государства, его городах и сельской территории.

А начало этого столетия хора царства встретила далеко не в лучшем состоянии. Причиной этого были последствия общего кризиса региона, начавшегося еще в III в. до н.э., в результате чего произошло резкое сокращение (более чем на две трети) числа сельских поселений[1]. Изменения, произошедшие в середине — второй половине I в. до н.э., затронули не только численность населенных пунктов, но и характер застройки — появились новые типы укрепленных поселений.

Рассматриваемому периоду посвящено достаточно большое количество статей и монографий (начиная от ставших классикой трудов Латышева и Ростовцева и заканчивая более поздними исследованиями В. Ф. Гайдукевича, Н. И. Сокольского, В. П. Толстикова, А. А. Масленникова, и С. Ю. Сапрыкина). Особое место занимают работы Н. И. Сокольского, который в 1960 гг. обследовал несколько крепостей Фонталовского полуострова и первый выдвинул предположение об их принадлежности к единой системе обороны этого района Боспора[2]. Позже, благодаря исследованиям Н. А. Онайко, Дмитриева и А. А. Масленникова[3], были выделены элементы сигнально-сторожевой системы, как на западной, так и на восточной границах царства (дома-башни). С тех пор различные вопросы, связанные с этой системой (структура, время бытования и т. д.) поднимаются практически во всех исследованиях, посвященных политической истории Боспора. Но если датировки домов-башен в литературе практически не вызывают дискуссий, то хронологические рамки существования крепостей-«батареек» весьма спорны. Н. И. Сокольским постройка фортификаций датировалось второй половиной — концом I в до н.э.[4] Вслед за ним так же датируют батарейки Э. Я. Николаева, В. П. Толстиков[5], в отличие от С. Ю. Сапрыкина, который делает попытку отнести возведение укреплений на конец II — середину I в. н.э.[6] Достаточно широки датировки этих памятников, приведенные АГСП[7]. Кроме того, дискусионны хронологические рамки существования некоторых других поселений (например Полянки). Таким образом, хронология важнейших памятников хоры, без упоминания которых не обходится ни одно историческое исследование, посвященное истории Боспора I в. до н.э. весьма расплывчата.

Данная статья посвящена сравнительному рассмотрению комплексов находок из поселений хоры Боспора, существующих в I в. до н.э. и датировки которых в последнее время достаточно часто используются в реконструкциях различных событий, имевших место на территории Боспора в это время. Особым вниманием историков пользуются поселения новых типов — дома-башни, дома-поселения и укрепления (т. н. «батарейки» Фонталовского полуострова). О них и пойдет речь. Прежде всего, обратим внимание на памятники, время жизни на которых вписывается в рамки данного столетия, такие как «Полянка», башни Узунларского вала (раскопаны в 1990 и 2000 гг. — далее соответственно башня 1 и башня 2), Чокракский мыс, «дом Хрисалиска» и Кутлакская крепость.

Поселение хоры европейского Боспора, известное под названием «Полянка», на сегодняшний день является одним из наиболее исследованных объектов. Расположено в Крымском Приазовье (Караларское побережье), в бухте, защищенной скалами со сторо-

ны степи, характерно для целого ряда местных населенных пунктов позднеэллинистического и римского времени. Оно относится к типу поселений с линейной застройкой, при которой жилые и хозяйственные помещения располагались на невысоких террасах и интересно тем, что является относительно закрытым комплексом, содержавшим, помимо обычного археологического материала, два монетных клада. Интересующий нас второй период жизни этого поселения датируется А. А. Масленниковым серединой — второй половиной I в. до н.э.[8] Однако недавно В. К. Голенко посчитал возможным обосновать свою прежнюю точку зрения, согласно которой поселение подверглось разрушению в середине I в. до н.э., во время войны между Фарнаком и Асандром. Для аргументации выводов им использованы только материалы кладов. Прочие датирующие находки комплекса: тарная и столовая керамика не привлекались[9]. Причина этого — практически полная, до самого последнего времени, неопубликованность этих находок, за исключением наиболее выразительных[10]. Монетные же клады с поселения анализировались уже неоднократно[11]. В значительной степени этот «пробел» снимается только что вышедшей книгой А. А. Масленникова, посвященной святилищу на поселении[12]. Таким образом, с учетом соответствующих архивных материалов «материальная» база хронологических изысканий еще более расширяется[13].

Два следующих памятника (башни Узунларского вала) интересны тем, что время их бытования с достаточно большой степенью вероятности фиксируется письменными источниками. Это упоминание Страбона (Strabo, VII, 4, 6) о возведении Асандром укреплений на «перешейке у Меотиды». В настоящее время принято считать, что строительство подобной оборонительной линии, требующей значительных затрат людских и иных материальных ресурсов, могло быть предпринято Асандром не ранее окончательной победы над Фарнаком, т. е. после 47–48 г., когда в ходе неудачной попытки отвоевать Боспор у мятежного наместника сын Митридата был смертельно ранен (App. Mithr., 120). Разрушение же двух обследованных башен приходится на середину последней четверти I в. до н.э., когда, в конце правления Асандра Рим активно вмешался во внутрибоспорские дела.[14] Находки из этих башен были уже опубликованы[15]. В данной статье они привлекаются в полном объеме.

Без упоминания следующего памятника, расположенного на Таманском полуострове, в окрестностях пос. «За Родину», не обходится ни одна работа, посвященная Боспору в I в. до н.э. Такую известность поселение приобрело благодаря великолепной сохранности строительных остатков, обилию находок и, в частности: плиты с надписью, в которой, помимо имени владельца дома, Хрисалиска упоминается правитель Боспора Асандр[16]. Кроме того, текст надписи содержит и титулатуру Асандра — царь, каковую бывший архонт мог присвоить себе не ранее 44 г. до н.э. В связи с этим время бытования «резиденции», из которого происходит богатый комплекс краснолаковой и простой гончарной посуды датируется серединой II в. до н.э. — концом I в. до н.э., но не позднее 14/13–8 гг. до н.э.[17] После разрушения дома Хрисалиска, который все исследователи вслед за Н. И. Сокольским связывают с войной Полемона I против аспургиан, на городище была возведена крепость, которую можно причислить к «батарейкам[18].

Другим, не менее интересным поселением такого же типа можно считать постройку второй половины I в. до н.э. на городище Чокракский мыс, расположенном на берегу одноименного соленого озера, на Караларском побережье. Это поселение было основано IV–III вв. до н.э., потом было заброшено и только во второй половине I в. до н.э. на нем снова появляется жизнь, правда ненадолго. На городище раскопано достаточно большое здание площадью 421,5 кв. м. с толстыми стенами и четырьмя внутренними помещениями. Одно из них имело каменное мощение и вполне могло играть роль внутреннего дворика. Здание ориентировано углами по сторонам света. Верхние части стен были возведены из сырцового кирпича, сохранились остатки лестницы, ведущей на второй этаж. Дом был покрыт черепицей. Это поселение гибнет в сильном пожаре в конце I в. до н.э.[19]

Последний памятник этого «круга» расположен у самых юго-западных пределов Боспора. Речь идет о крепости, раскопанной в Кутлакской бухте в 60 км юго-западнее

Феодосии и в 4 км к юго-востоку от с. Веселое, на западном приморском отроге г. Карауль-Оба. Раскопками открыта фортификационная система и внутренняя застройка площадью около 1,5 тыс. м^2. Пятиугольный форт с четырьмя башнями и бастионом по углам имел периметр стен около 200 м. Внутри форта выявлены строительные остатки четырех домов. Это укрепление считается форпостом Боспорского царства на его западных рубежах, функционировавшим во второй половине I в. до н.э., когда влияние Боспора распространилось несколько далее Феодосии[20].

Время жизни на этих объектах ограничено рамками рассматриваемого столетия. Вместе с тем следует иметь в виду, что слои и находки приблизительно того же времени известны и отчасти опубликованы еще на нескольких памятниках. Это дома-башни азиатского Боспора: Владимировское, Цемдолинское, Рассвет, поселение у ст. Анапской и усадьбы Юбилейное. Так что не обратиться к этим памятникам нельзя, хотя их общепринятые датировки выходят за рамки рассматриваемого периода. Рассмотрим их подробнее.

Поселение Владимировское расположено в 15 км к северо-западу от Новороссийска. Интересно отметить, что остатки построек скрывались под холмом, называемом местными жителями «батарейкой»[21]. Обнаружено городище в 1971 г. А. В. Дмитриевым, который и провел разведочные раскопки[22]. Дальнейшие исследования поселения были продолжены Н. А. Онайко[23]. Поселение раскопано практически целиком и представляет собой прямоугольное здание, ориентированное углами по сторонам света площадью в 198 кв. м. Постройка возведена из местного песчаника на глине и, судя по находкам и архитектурным особенностям, обладало еще как минимум одним этажом[24].

Неподалеку, в 3,5 км к юго-востоку, на левом берегу притока р. Цемес, находится поселение Цемдолинское (первоначальное название памятника «Золотая рыбка»), раскопанное примерно в то же время, что и Владимировское[25]. Городище расположено на небольшом холме (высота ок. 3 м). Само по себе поселение — прямоугольное в плане двухкамерное здание с толстыми стенами (эта черта, а также находки элементов перекрытий и лестницы свидетельствуют о многоэтажности постройки) и полукруглой пристройкой (загородкой) у входа. Площадь постройки — 212 кв. м. Дом выстроен, как и здание на поселении Владимировское из крупных камней песчаника, скрепленных глиной. Публикаций находок нет.[26]

В районе Анапы есть еще памятники подобного типа. Это поселение у станицы Анапской. Здесь дом-башня, обследованный еще в 1978–1980 гг., был выстроен на возвышенности, на мысу у небольшой реки. Перешеек мыса защищал ров. Здание в плане представляло собой четырехугольник, разделенный внутри на два помещения. Площадь дома, ориентированного углами по сторонам света, составляла 88 кв. м. Как и в предыдущих случаях, судя по толщине стен (около 2,3 м.) и находкам элементов перекрытий возможно наличие как минимум еще одного этажа. К постройке примыкал двор, обнесенной оградой из камня, толщиной не менее 1,7 м. Входной проем, как и на городище в Цемдолине прикрывала пристройка. Нижний этаж был возведен из камня, а верх, скорее всего, из сырцового кирпича. Крышу дома покрывала черепица. За время своего существование дом несколько раз перестраивался. Неподалеку от основной постройки обнаружены остатки нескольких неукрепленных зданий[27].

Следующий дом-башня находится в районе хуторов Рассвет и Тарусино, также неподалеку от Анапы. Здание построено на возвышении и имело в плане форму прямоугольника (ширина 11 м. и длина 16 м.). Постройка возведена, как и вышеуказанные памятники, из местного песчаника на глине. Внутри она разделена перегородкой на два помещения, в одном из которых обнаружен очаг и остатки лестницы, ведшей на второй этаж, фрагменты стен и перекрытий которого найдены при раскопках. Башня имела двор, обнесенной стеной из камня, смешанного с землей[28].

Памятник, который можно условно отнести к типу домов-поселений (см. «дом Хрисалиска» и Чокракский мыс), обследован в урочище Широкая Балка близ Новороссийска (14 км к северо-западу от Новороссийска, в юго-западной части полуострова Абрау).

Поселение получило широкую известность благодаря находке здесь бронзового бюста боспорской царицы Динамии[29]. В результате исследований, проведенных Н. А. Онайко на возвышенности, известной как «холм Динамии» в 1967 и 1969 гг. раскопаны два каменно-сырцовых строения (к сожалению очень плохой сохранности) и выделено три строительных периода, датированные периодом рубежа н.э. — I в. н.э.[30] Нижние части стен сложены из песчаника на глине, что в принципе является характерным строительным приемом для Северокавказского побережья этого времени. Наиболее интересен второй строительный период памятника, когда здесь появляется некое строение, еще М. И. Ростовцевым названное «башней»[31]. Вообще же это поселение было интерпретировано исследователем как небольшой храмовый комплекс. По мнению же Н. А. Онайко Широкая Балка представляла собой в римское время богатое сельское поселение, нечто вроде виллы[32]. Согласно современным представлениям данный объект можно поставить в один ряд с таким известным памятником археологии Таманского полуострова как «дом Хрисалиска»[33], хотя сохранность архитектурного комплекса и число находок значительно уступают городищам Чокракский мыс и За Родину I в. до н.э.

Заслуживают отдельного внимания и «батарейки» Фонталовского полуострова. Подавляющее большинство раскопанных городищ сосредоточено в северо-западной части Тамани, на Фонталовском полуострове. Здесь же находится поселение Батарейка 1 — первый памятник подобного типа, раскопанный в начале 60 гг. Н. И. Сокольским.

Это городище расположено на северном берегу Денского залива, на холме. Примыкающая к береговому урезу часть поселения разрушена абразией. От крепости уцелела северная стена с двумя башнями и частью внутрикрепостных помещений, пристроенных изнутри к оборонительной стене. Напластования на городище достигают пяти метров, выделено 5 слоев, с рубежа н.э. по X в. Укрепления построены в обычной для этого региона царства технике — фундамент стен из необработанного известняка и плитняка средних размеров на глиняной субструкции. Сами стены и башни возведены из сырцового кирпича (подробнее о технологии постройки и реконструкции крепостей см. статью В. П. Толстикова[34]). Тут следует заметить, что размеры кирпича, использовавшегося для сооружения всех раскопанных крепостей-батареек таманского полуострова одинаковы (0,52х0,52х0,07 м). Это служит дополнительным подтверждением единовременности и государственного характера данной сети укреплений. Возведение фортификаций, состоящих из вала и стен с башнями датируется Н. И. Сокольским концом I в. до н.э. — началом I в. н.э., а конец жизни на поселении, ознаменовавшийся грандиозным пожаром относится исследователем на конец I в. н.э.[35]

Батарейка 2, обследованная чуть позже, находится в 2,5 км к востоку. Этот памятник исследовался в течение сезонов 1963–1965 гг. Толщина культурного слоя на данном памятнике также не менее 5 м. Раскопанная площадь не намного больше, чем на Батарейке 1 — исследованы две башни (одна частично) прясло стены и несколько внутрикрепостных помещений. Укрепления возведены в той же технике, что и на городище Батарейка 1 — подушка из глины, каменный цоколь и стены и башни из сырцового кирпича стандартных размеров. Однако в отличие от предыдущего памятника Батарейка 2 не пострадала от разрушения берега, и в этом случае план поселения вполне восстановим. Крепость представляла собой пятиугольник, размерами 60х40 м., стороны которого образованы стенами. По углам имелись четырехугольные башни, кроме того, куртины были усилены промежуточными башнями. Жилые и хозяйственные помещения были пристроены к оборонительным стенам. Датируется данное поселение Н. И. Сокольским так же как и крепость на городище Батарейка 1[36].

Продолжая характеристику «батареек» Таманского полуострова, нельзя не упомянуть самый исследованный памятник I в. до н.э. — I в. н.э. для этого региона, каковым несомненно является Ильичевское городище. Это поселение было разведано в конце 40 гг. Д. Б. Шеловым, потом его исследование начал Н. И. Сокольский и после него раскопки, вплоть до недавнего времени велись под руководством Э. Я. Николаевой. Правда, в последние годы раскапывались лишь позднеантичные слои, сама же крепость рим-

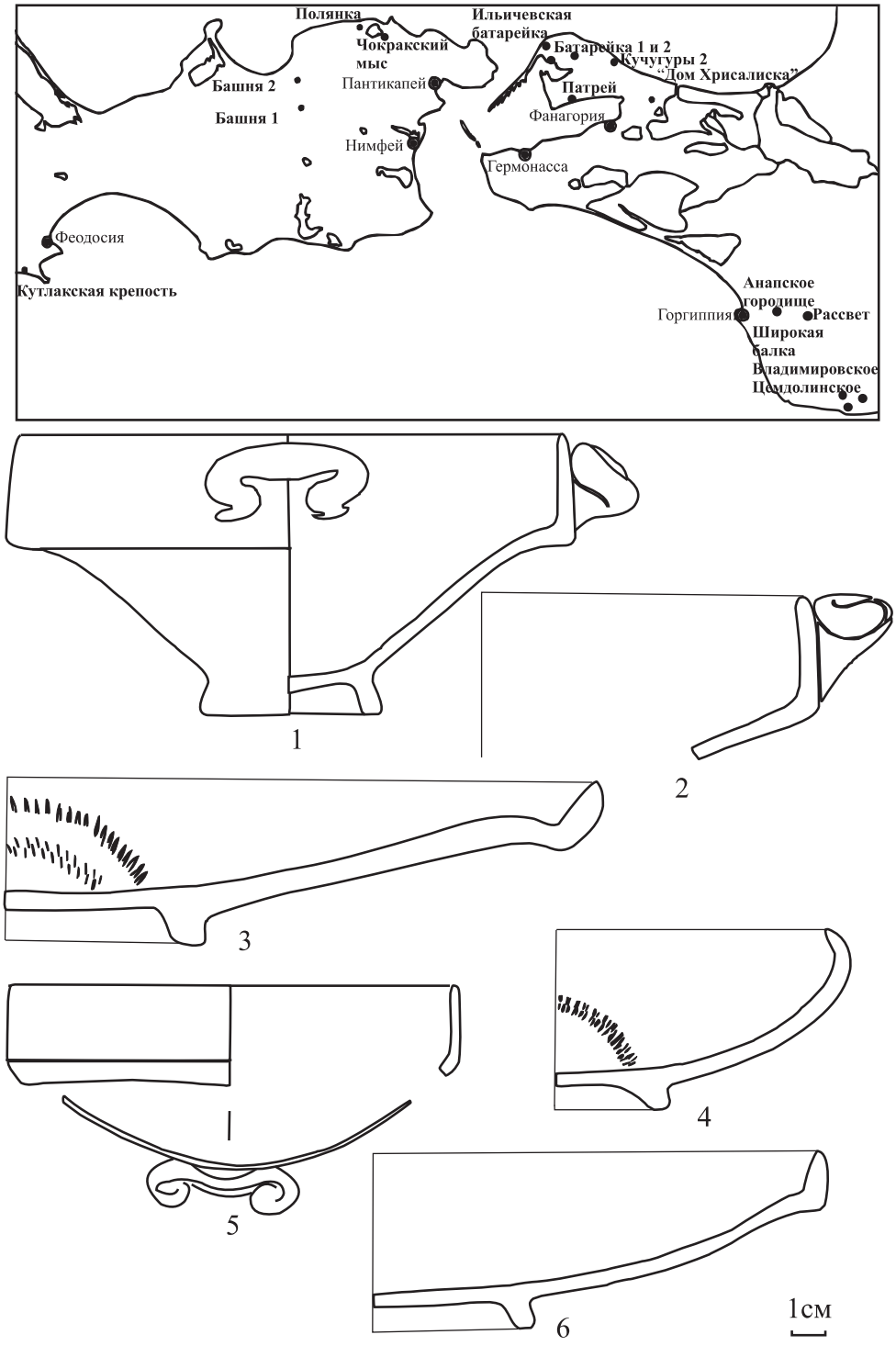


Рис. 1. Краснолаковая и простая посуда из святилища на поселение "Полянка" (по А. А. Масленникову)

ского времени сохранилась очень плохо и вследствие этого изучена не так полно, как хотелось бы. Памятник расположен на северо-западной оконечности Фонталовского полуострова, в 250 м. от береговой линии Азовского моря, на холме. Это четырехугольное в плане укрепление, возведенное с применением все тех же строительных приемов — стены из сырцового кирпича, цоколь из необработанного камня и подстилающая коричневоглиняная подушка. Постройка укреплений датируется рубежом н.э.[37]

Еще одна «батарейка» зафиксирована на городище, отождествляемом с античным Патреем (побережье Таманского залива, западная окраина поселка Гаркуша). Здесь крепость находится на холме, недалеко от береговой линии. Если принять во внимание подтопление городища, то возможно, что укрепление на холме располагалось в центре античного поселения. Дата постройки фортификаций (по Н. И Сокольскому) — середина I в. до н.э. Раньше, в эллинистическое время, здесь располагались жилые дома, остатки которых были перекрыты слоем крепости. Здесь были раскопаны основание оборонительной стены и фрагменты внутрикрепостных сооружений. Въезд в крепость находился в восточной стене, где найдены следы воротных сооружений с надвратными пилонами. Внутри крепости найдены остатки домов, погибших в сильном пожаре, датируемом второй половиной I в. до н.э. Впоследствии крепость восстанавливается и функционирует вплоть до III в. н.э.[38]

Остальные укрепленные городища Фонталовского полуострова либо не исследованы совсем, либо на них проводились только разведочные раскопки. Например, на Каменной батарейке, расположенной в юго-западной части полуострова и ныне практически разрушенной морем Н. И. Сокольским раскопана одна угловая башня и частично два примыкающих к ней прясла[39].

Городище Красноармейское также раскапывалось весьма незначительно. Исследовано только три прясла внешних оборонительных стен. Выяснено, что скорее всего эта крепость не имела башен и была, по мнению Н. И. Сокольского «…шестиугольной со срезанными углами»[40].

Возможно, что еще одна «батарейка» существовала на поселении Кучугуры 2. Городище расположено в северо-восточной части Таманского полуострова, на юго-восточной окраине современного поселка Кучугуры, примерно в 1 км от моря [Паромов. 1992]. Памятник находится на прямоугольном в плане земляном холме (длина 145 м, ширина — 110 м, высота — не более 5 м). Вдоль южного и восточного его склонов обнаружены следы рва. Экспедициями М. М. Кубланова и Ю. М. Десятчикова частично исследован фундамент из сырца (башня?) и два помещения. Культурный слой мощностью не менее 5,5 м подразделяется на пять слоев, которые были продатированы Ю. М. Десятчиковым от IV в. до н.э. по IV в. н.э. включительно[41].

Прежде чем приступить к анализу соответствующих материалов следует сказать, что значительная часть керамического комплекса из Кутлакской крепости и «дома Хрисалиска», поселений Чокракский мыс, Владимировское, Широкая Балка, Анапское опубликованы[42]. Но кое-что, в том числе амфорная тара из «дома Хрисалиска», ныне хранимая в ГИМ (раскопки Н. И. Сокольского, 1970 г., инв. № ГИМ 103991, оп. 1763)[43], рассматриваются в этой статье впервые.

Итак, обратимся к их характеристике. Но прежде отметим абсолютное преобладание лепной посуды над остальными видами керамических изделий на поселении «Полянка»[44], на домах-башнях Узунларского вала и Северокавказского побережья[45]. Этот факт можно легко объяснить, если принять во внимание предполагаемый социально-этнический статус населения. Эти объекты, вероятнее всего, были заселены военными поселенцами-катойками варварского происхождения с невысоким достатком, что нашло свое выражение в качественном составе домашней утвари. Доминирует лепная керамика и в материалах из раскопок поселения в Кутлакской бухте, которое, по предположению исследователей, служило пограничным укреплением Боспорского царства[46]. Совсем противоположная ситуация наблюдается при анализе комплекса посуды из «усадьбы Хрисалиска». Высокий социальный статус владельца нашел свое отражение и в быту —

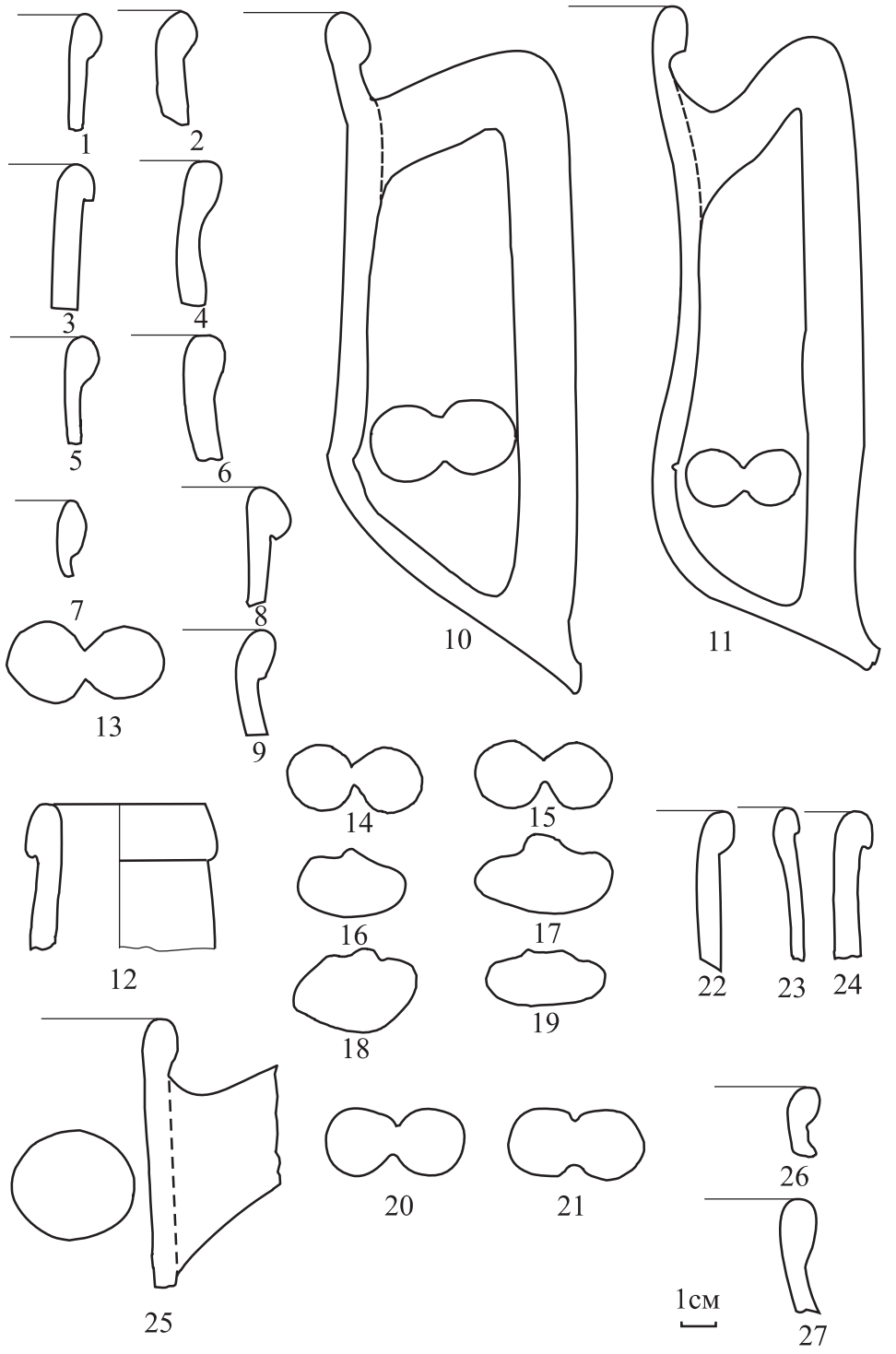


Рис. 2. Амфоры с поселения «Полянка» (по А. А. Масленникову)

по количеству и разнообразию форм краснолаковая керамика преобладает над всеми другими типами. Что же до лепной посуды в целом, то она может стать темой особого исследования, но в интересующем нас плане «мало продуктивна».

Тарная керамика

Типологический состав тарной керамики, то есть главным образом амфор, обычен для рассматриваемого периода. Однако следует отметить, что в составе комплекса на поселениях Чокракский мыс, «Полянка», Владимировское, Цемдолинское и «усадьба Хрисалиска», кроме обломков амфор раннеримского времени, представлено некоторое количество фрагментов тары эллинистических центров. В связи с этим сразу оговоримся, что в рамках статьи будет проанализирована лишь та часть комплекса амфор, которая относится ко времени жизни на поселениях в I в. до н.э., без учета фрагментов из предшествующих слоев эллинистического времени.

Подавляющее большинство обломков керамической тары принадлежит светлоглиняным широкогорлым амфорам с двуствольными ручками типа С Ia (по С. Ю. Внукову) (рис. 2. *1-11, 14-15, 22-24, 26-27*; 3. *3-9*; 5. *1-14, 8-14*; 6. *1-4, 7-9*; 7. *1-2, 4;* 9. *2-3, 5-6*). Он был широко распространен на территории Северного Причерноморья в раннеримский период. Прослежено несколько вариантов профильных частей тары этого типа. Подобные амфоры найдены при исследованиях всех рассматриваемых поселений (см. приложение 1). В литературе время бытования данных амфор относится ко второй четверти I в. до н.э. — середине I в. н.э.[47] или, согласно последним исследованиям С. Ю. Внукова, к середине I в. до н.э. — первой четверти I в. н.э.[48]

Светлоглиняные амфоры других типов не столь многочисленны. В слое I в. до н.э. на поселении «Полянка» зафиксированы фрагменты горла светлоглиняной амфоры типа С II (рис. 2. *25*), датируемого серединой I в. до н.э. — рубежом I в. До — I в. н.э.[49] Обломки амфор этого типа отмечены при исследовании башни 2 и в одном из помещений «усадьбы Хрисалиска» (рис. 6. *2*; 7. *3*).

Достаточно многочисленны в комплексе находок из поселения «Полянка» (в основном фрагменты ручек) светлоглиняные, широкогорлые амфоры с профилированными ручками типа С III (рис. 2. *16-19*). Части этих амфор присутствуют и в числе находок с башен Узунларского вала (рис. 5. *5*; 6. *6*) и Анапского городища[50], а также в составе керамического комплекса из Кутлака[51]. Датируются они концом (20–15 гг.) I в. до — первой третью I в. н.э.[52] Присутствие фрагментов этих амфор в слое весьма показательно, так как они могут датировать время закрытия керамического комплекса.

Нельзя не упомянуть и о светлоглиняных узкогорлых амфорах типа А (по Д. Б. Шелову). Фрагменты подобных сосудов обнаружены при раскопках домов-башен Владимировки[53] и Цемдолины[54], исследовании нижних слоев Ильичевского городища (см. приложение 3). Кроме того, один фрагмент горла светлоглиняной узкогорлой амфоры, обнаружен на поселении «Полянка» (рис. 2. *12*). Амфоры такого типа, датируются концом I в. до — серединой I в. н.э.[55] В составе находок из башен, «усадьбы Хрисалиска» и Кутлака этот тип тары не зафиксирован.

Помимо светлоглиняных в комплексах представлены розовоглиняные и красноглиняные амфоры с двуствольными ручками.

Первые принадлежат к типу псевдокосских восточной разновидности, которые были распространены в Восточном Средиземноморье в I в. до н.э.[56]. Ножки аналогичной тары были встречены также при раскопках обеих башен Узунларского вала и поселения «Полянка» (рис. 3. *1*; 5. *6-7*; 6. *5, 10-11*).

Фрагменты горл и двуствольных ручек красноглиняных амфор также относятся к числу многочисленных псевдокосских амфор. Они датируются второй половиной (четвертью) I в. до н.э. — первой половиной I в. н.э.[57] Зафиксированы на поселении «Полянка» (рис. 2. *20-21*; 3. *2*) при раскопках Кутлакской крепости[58], Цемдолинского городища и нижних слоев крепости на поселение Батарейка 1 (см. приложение 1 и 3).

Помимо описанной тары в составе комплекса из «Полянки» есть коническая ножка

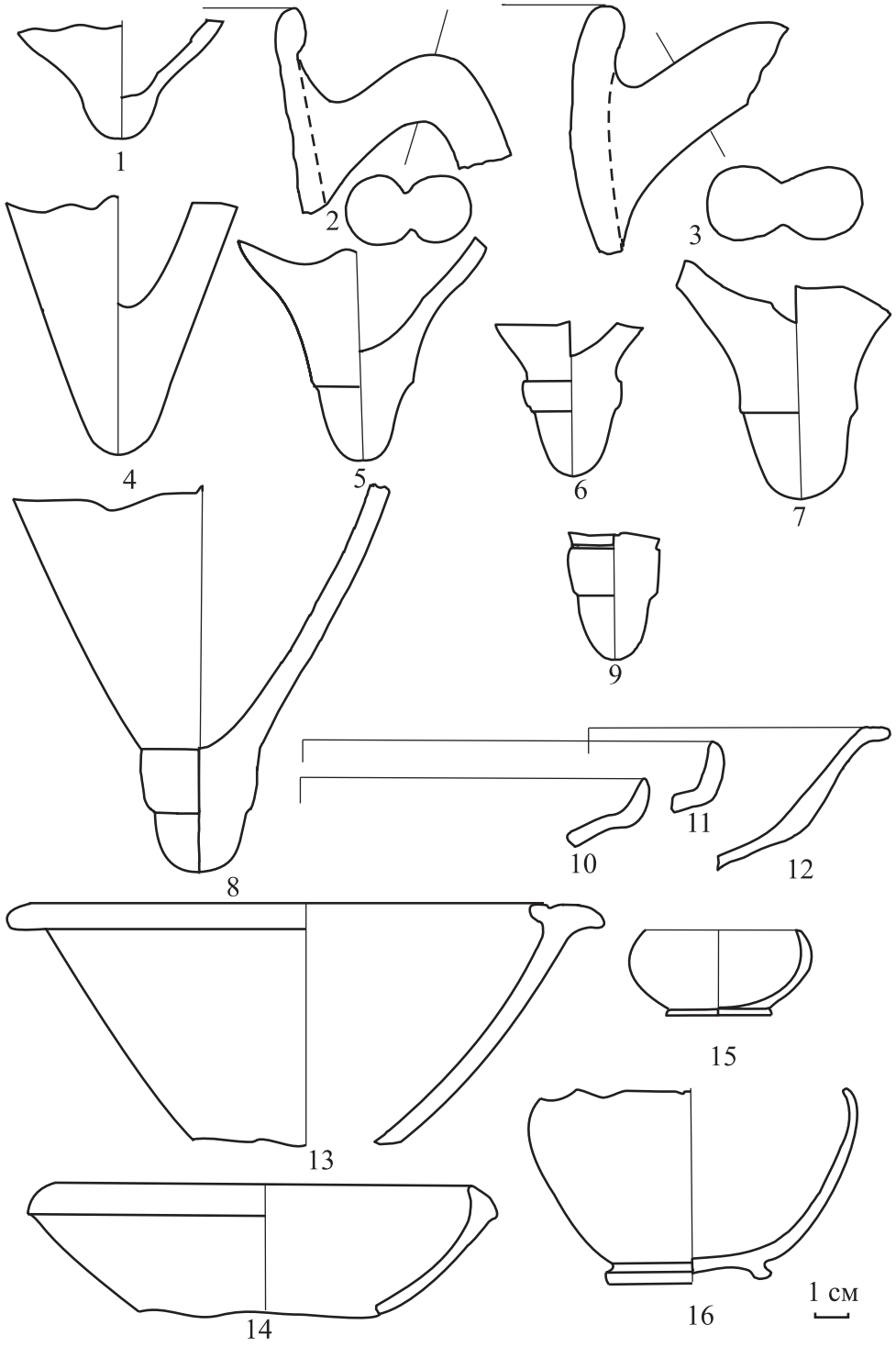


Рис. 3. Амфоры и столовая керамика с поселения «Полянка» (по А. А. Масленникову)

синопской амфоры (рис. 3, *4*), которую можно отнести к типу Син 1в, датируемому С. Ю. Внуковым II в. до н. э — I в. н.э.[59] Аналогичная ножка зафиксирована и в числе находок с Чокракского мыса (рис. 10.*4*)

Итак, рассмотренные типы амфор в целом бытовали во второй половине I в. до н.э. Для башен Узунларского вала, поселений Полянка, Чокракский мыс, дом Хрисалиска, и Кутлакской крепости верхней границей закрытия комплексов является время не позднее конца этого столетия, о чем говорит практически полное отсутствие светлоглиняной узкогорлой тары. Фрагмент горла с поселения «Полянка» все же единичен и позволяет предположить его случайное попадание, либо уточнение датировки. Наличие фрагментов амфор типа С III и красноглиняных с двуствольными ручками в свою очередь определяет нижнюю границу времени жизни на поселениях, т. к. эти амфоры появляются не ранее последней четверти I в. до н.э.

Аналогичная картина распределения фрагментов тарной керамики зафиксирована в нижних слоях «батареек» Фонталовского полуострова. Незначительное количество более ранних фрагментов зафиксировано лишь на Батарейке 1 и Патрейской батарейке (причем на первом памятнике обломки таких амфор найдены в слое предшествующем строительству укреплений) Доминируют обломки светлоглиняных двуствольных амфор типа С I (они представлены практически во всех слоях памятников), фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор типа А (по Д. Б. Шелову), которые датируются концом I в. до — серединой I в. н. э обнаружены лишь на Ильичевке (см. приложение 3). Наличие описанных типов тары в нижних этих памятников свидетельствует о том, что возведены они были не ранее (но и не позднее) второй половины I в. до н.э.

На поселениях Владимировское, Цемдолинское, Рассвет, поселение у ст. Анапской, также зафиксированы светлоглиняные широкогорлые амфоры с двуствольными ручками[60]. Однако определяют хронологию этих памятников совсем другие находки: наличие в комплексах из Владимировского и Цемдолинского и поселения у ст. Рассвет фрагментов амфор типа Яблоновской, Елизаветинских и италийских II–I вв. до н. э, относит время их основания как минимум на конец II в. до н.э.[61]

Краснолаковая керамика

Как уже писалось выше, количество краснолаковой посуды в составе керамических комплексов с «Полянки» и обеих башен незначительно, а типологический состав столовой посуды обычен для этого времени. Одними из самых распространенных сосудов являются конические чаши с вертикальным бортиком, к которому прикреплены две симметрично расположенные ручки. Чаши подобной формы появились еще в эллинистическое время. Близкие по форме, только чернолаковые чаши присутствуют в числе находок, сделанных на некрополе Танаиса[62] и афинской агоре[63] и датируются около 200 либо 175–150 гг. до н.э. Производились они и в Пергаме, во второй половине II в. до н.э. — начале I в. н.э. (Форма S-2 по К. Мейеру-Шлихтману)[64].

Рассматриваемые в статье чаши различаются по величине и форме ручек. Сосуды большего размера имели «бантикообразные» ручки. Они найдены на поселениях «Полянка», Кучугуры 2, в «усадьбе Хрисалиска» и в Кутлакской бухте (рис. 1. *1*; 7. *15*; 8. *3*). Сосуды меньшего размера имели петлеобразные ручки (найдены в башне 2, в Кутлакском поселении и на «Полянке» (рис. 1. *2*; 6. *15*; 8. *1, 4*)).

Согласно современным представлениям подобные чаши относились к изделиям т. н. Боспорской сигиллаты и являлись одной из ее основных форм[65]. Действительно, такие же сосуды были найдены при раскопках Мирмекия (датировка: конец I в. до н.э. — середина I в. н.э.)[66] (тип 3 по Т. Н. Книпович[67]), Нимфея (засыпка хозяйственной ямы конца I–II вв. н.э.)[68], Танаиса[69], меотских городищ на нижнем Дону (тип XIII по И.С. Каменецкому, конец I в. до н.э. — начало I в. н.э.)[70] и при исследовании Пантикапея, где комплекс, содержавший аналогичную описанным образцам чашу, датируется концом II в. до н.э. — первой половиной I в. до н.э.[71] Чаши этого, или близкого, типа находили и за пределами Боспорского царства, например в Ольвии (тип 12 по В. В. Крапивиной) и

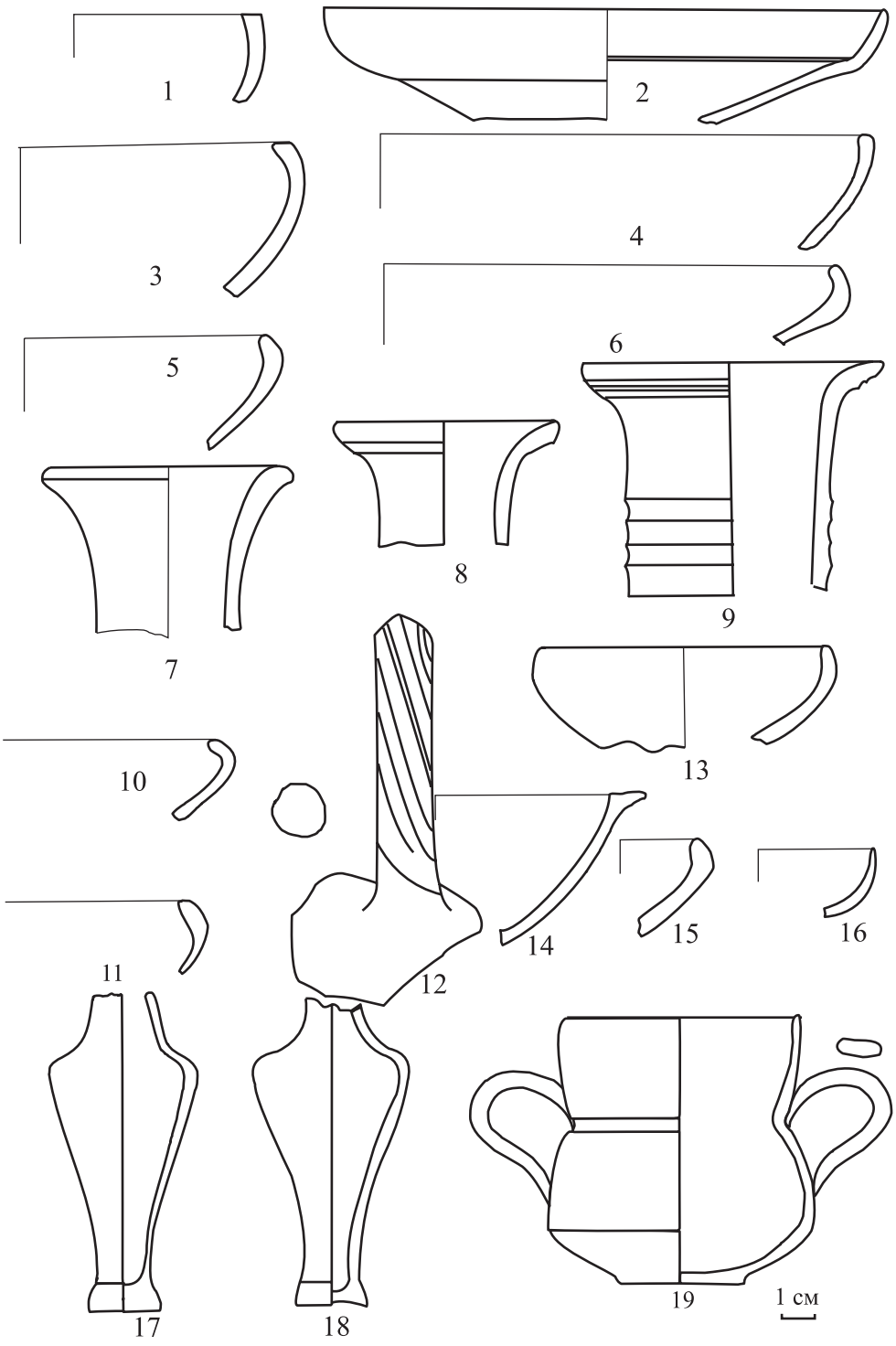


Рис. 4. Краснолаковая и простая керамика с поселения «Полянка» (по А. А. Масленникову)

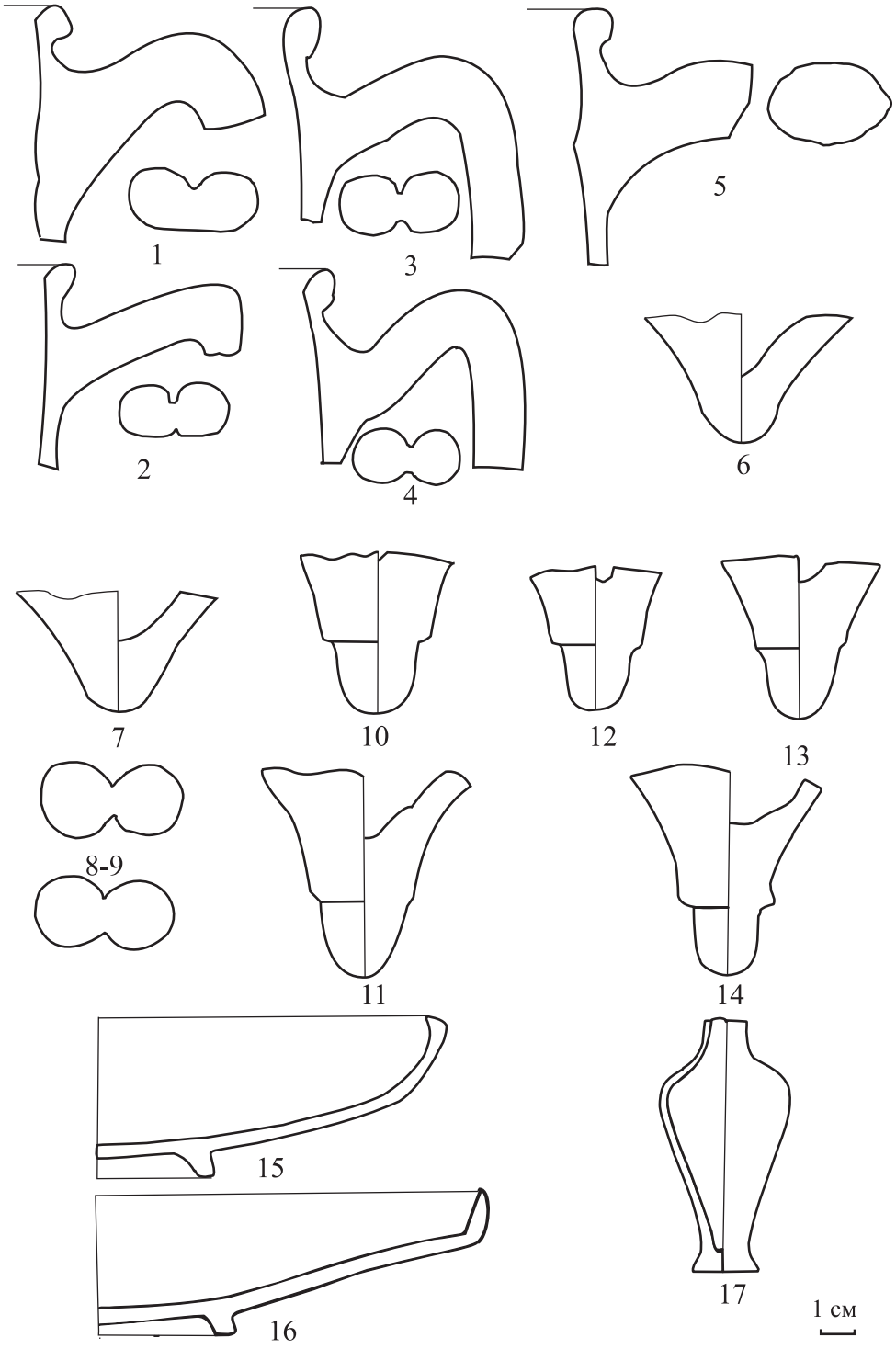


Рис. 5. Тарная и столовая керамика из Башни 1 (по А. А. Масленникову)

Неаполе Скифском. Ольвийские находки датируются I в. до н.э. — I в. н.э., а чаша из Неаполя — второй половиной II в. до н.э.[72] Начало производства этой посуды на Боспоре исследователи датируют серединой II в. до н.э. Большинство же изделий сигиллаты, по их мнению, изготовлено во второй половине I в. до н.э.[73] По всей видимости, необходимо придерживаться этих рамок, так как для их расширения пока нет никаких оснований.

К изделиям Боспорской сигиллаты К. Домжальски и Д. В. Журавлев относят и низкие тарелки на кольцевом поддоне с немного отогнутым наружу краем[74]. Производилась посуда сходной формы и в Пергаме (форма Т2, по К. Мееру-Шлихтману, вторая половина II в. до — начало I в. н.э.)[75]. По типологии Дж. Хейса, эти тарелки относятся к изделиям восточной сигиллаты A, form 2A[76]. Посуда этого типа присутствует в составе комплексов из Башен 1 и 2, Полянки, Кутлака, «дома Хрисалиска», Чокракского мыса и Владимировки (рис. 1. *3, 6*; 3. *10-11*; 5. *15-16*; 6. *13*; 7. *6*; 8. *5-7;* 10*,1-2*), но тарелки из «усадьбы Хрисалиска», Владимировского городища и Кутлакской крепости имеют краснолаковое покрытие (рис. 7. *6*; 8. *5-7*). На поселении «Полянка» они представлены как с лаковым покрытием, так и без него (рис. 1. *3, 6*). Кроме того, подобные изделия найдены при исследовании могильника Золотая Балка[77], могильника Неаполя-Скифского[78], Танаиса[79] и Пантикапея[80].

Фрагмент верхнего края краснолаковой миски из поселения «Полянка» (рис. 3. *14*) не находит точных аналогий среди изделий I в. до н.э. Похожая миска, только не такая глубокая, опубликована в составе находок из Кутлакской крепости (тип 16) (рис. 8. *10*)[81] Фрагменты аналогичных мисок зафиксированы в слоях первых вв. н.э. на меотских городищах Нижнего Подонья[82].

Небезынтересны краснолаковые флаконы, присутствующие в комплексах из «Полянки», обеих башен на Узунларском валу и из «усадьбы Хрисалиска» (рис. 4. *17-18*; 5. *17*; 6. *14*; 7. *12-14*). Они по форме тулова и ножки близки к типу D по В. Андерсон-Стояновичу (II–I вв. до н.э.)[83]. Сходные изделия наличествуют в составе позднеэллинистического комплекса из Пантикапея[84].

Далее следует упомянуть глубокие полусферические миски так называемого типа I (вариант 1 (?)) по И. С. Каменецкому[85]. Они есть в комплексах из «резиденции Хрисалиска» и Кутлакской крепости (рис. 7. *10-11*; 8. *8-9*). Фрагменты краев похожих сосудов найдены и на поселении «Полянка» (рис. 4. *10-11*). Вариант 1 датируется временем Августа, вообще же тип просуществовал до III в. н.э. Помимо находок в меотских городищах нижнего Дона[86] подобные миски встречены и при исследовании Илурата (типы 9 и 23 по Л. Ф. Силантьевой)[87].

Краснолаковые чаши, по формам весьма похожие на одно из основных изделий понтийской сигиллаты — форму 6 по Дж. Хейсу зафиксированы при раскопках только двух памятников: здания в Цемдолине и Широкой балке. От изделий понтийской сигиллаты I–III вв. н.э. эти чаши в основном отличаются формой налепов на вертикальном бортике. У ранних чаш налепы выпуклые, более поздние сосуды имели уплощенные налепы. На территории Боспорского царства подобные находки, датирующиеся позднеэллинистическим временем сделаны в Нимфее[88] и Танаисе, где аналогичная чаша найдена в погребении № 56 вместе с амфорой с двуствольными ручками (I в. до н.э.)[89].

Итак, рассмотренные краснолаковые сосуды бытуют в достаточно широких хронологических рамках (конец II–I в. до н.э. и даже позже), но вместе с тем их датировки не противоречат хронологии амфорной тары, а схожесть типологического набора может свидетельствовать о синхронности формирования этих керамических комплексов.

Столовая керамика без лакового покрытия

Посуда без лакового покрытия достаточно часто повторяет формы краснолаковых сосудов. Как уже упоминалось выше, в составе комплекса керамики из «Полянки» присутствуют низкие тарелки на кольцевом поддоне с немного отогнутым наружу краем (form 2a) (рис. 1. *3, 6*; 3. *10-11*) и чаши с вертикальным бортиком и ручками-налепами

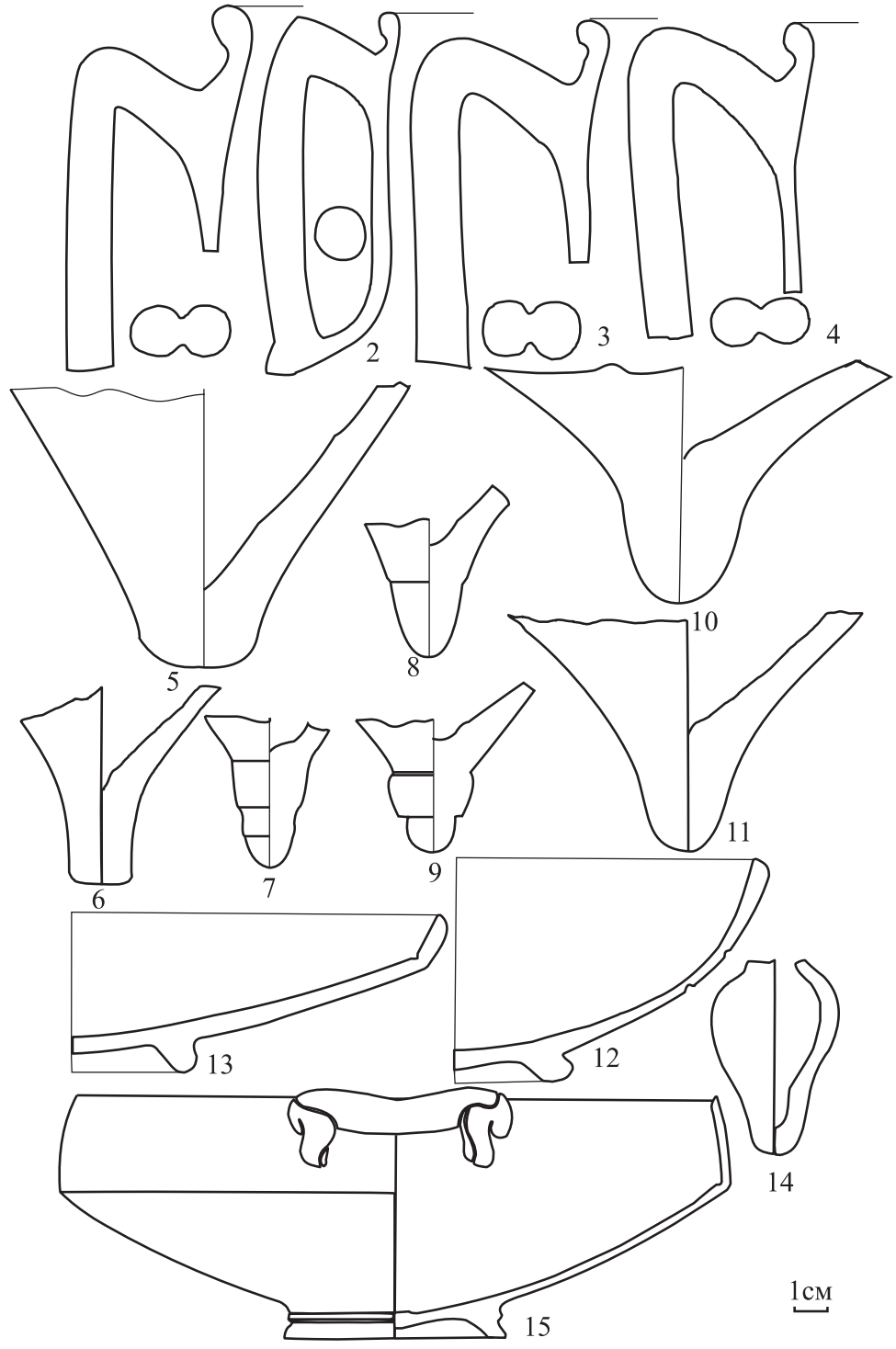


Рис. 6. Тарная и столовая керамика из Башни 2 (по А. А. Масленникову)

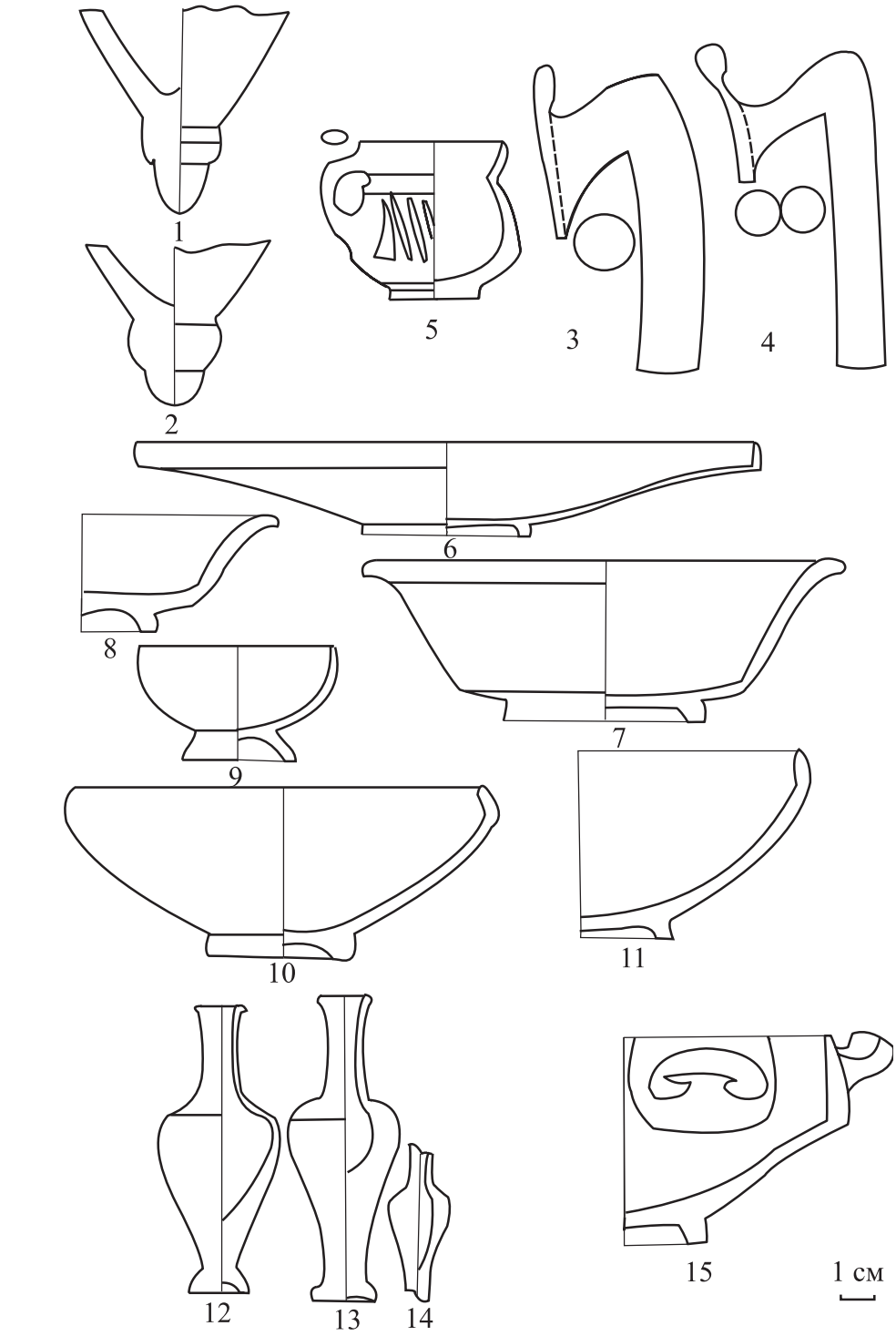


Рис. 7. Тарная и столовая керамика из «дома Хрисалиска» (по Н. И. Сокольскому)

(рис. 1. *1-2, 5*) как с лаковым покрытием, так и без. Низкие тарелки (form 2a) без лакового покрытия найдены при исследовании башен Узунларского вала и поселения Чокракский мыс (рис. 5. *15-16*; 6. *13;* 10. *1-2*). Описание типов и аналогии см. выше.

Среди фрагментов краев мисок, найденных на поселении «Полянка», есть похожие на form 21 (рис. 3, *12*; 4, *14*) (миска конической формы на высоком кольцевом поддоне с отогнутым краем) по Дж. Хейсу[90]. Они, датируемые августовским временем и зафиксированы в «резеденции Хрисалиска» (рис. 7. *7*) и Цемдолинском Из ближайших, территориально, аналогий можно упомянуть находки в Пантикапее[91] и Ольвии[92]. По мнению Д. В. Журавлева, такая столовая посуда, производимая в г. Траллы, относится к ранним формам Восточной сигиллаты B[93]. Миски аналогичной формы изготавливались и в Пергаме (тип N15b по К. Мейеру-Шлихтману)[94].

Следующим типом столовой посуды, представленной большим количеством фрагментов, являются глубокие миски с полусферическими стенками на кольцевом поддоне. На поселении «Полянка» найдены только края и частично стенки подобных изделий (рис. 4. *1-5, 4-6, 13, 15*). По форме края они подразделяются на два подтипа — с плоским, или заостренным верхним краем венчика.

Полусферические миски с уплощенным верхним краем венчика (рис. 4. *1, 3-4*) соответствуют типу 12 по С. Б. Ланцову и А. А. Труфанову (середина — конец I в. до н.э.)[95] и типу 9 (вариант 2) по типологии В. Н. Корпусовой (I в. до н.э.)[96]. Близкие по форме открытые сосуды с плоским верхним краем известны среди инвентаря погребений I в. до н.э. в мавзолее Неаполя Скифского[97] и в некрополе Золотое[98]. Подобные миски среди рассматриваемого материала не столь многочисленны, как выше рассмотренные: это краснолаковые миски из Кутлакской крепости (рис. 8. *9*) и похожая миска из «усадьбы Хрисалиска», но она отличается от кутлакских высотой кольцевого поддона (рис. 7. *9*).

Миски с заостренной формой края (рис. 4. *5, 6, 13, 15*) почти полностью соответствуют типу I (вариант 1) по И. С. Каменецкому[99], описанному выше. Кроме краснолаковых мисок из «дома Хрисалиска» (рис. 7. *10-11*), подобная сероглиняная посуда присутствует в комплексах из башни 2 и Кутлакской крепости и Владимировки (рис. 6. *12*; 8. *8;* 10. *10-11*).

Аналогий глубокой миске с поселения «Полянка» с утолщенным и выступающим наружу венчиком (рис. 3. *13*) обнаружить не удалось, за исключением одного похожего фрагмента, приведенного (к сожалению, без датировок) И. С. Каменецким[100].

Кроме того, следует упомянуть о небольшой мисочке с заостренным верхним краем венчика (рис. 3. *15*). От вышерассмотренных типов ее отличает отсутствие кольцевого поддона. Почти такая же мисочка присутствует в составе комплекса из «усадьбы Хрисалиска» (рис. 7. *9*).

Заслуживают внимания и сероглиняные, темнолощеные двуручные кубки-канфары, обнаруженных в трех рассматриваемых комплексах: «Полянка» (рис. 4. *19*), Чокракский мыс (рис 10. *6*) и Кутлак (рис. 8. *2*). Схожий сосуд (по форме венчика и тулова), но с одной ручкой и канелированными стенками присутствует в комплексе из «усадьбы Хрисалиска» (рис. 7. *5*). Похожий каннелированный кубок был найден в Золотобалкинском могильнике (конец I в. до н.э.)[101]. Сходные сосуды найдены и в Ольвии (тип 4 (вар. Б)) (по В. В. Крапивиной)[102]. Такие же канфары были зафиксированы при раскопках Южно-Донузлавского городища[103] и некрополя Золотое[104]. Канфары этой формы похожи на изделия формы А-9 группы Чандарлийской керамики[105]. Скорее всего, прообразом таких сосудов послужили чернолаковые канфары. Аналогичные сосуды выделены К. Мейером-Шлихтманом в Тип TS-1C и датированы последней четвертью I в. до н.э. — началом I в. н.э.[106]

Помимо всего вышеперечисленного на поселении «Полянка» в слоях I в. до н.э. обнаружены витые ручки и фрагменты горл и кольцевых поддонов красно- и сероглиняных кувшинов (рис. 2. *16*; 4. *7-9, 12*). Сосуды подобных форм встречаются на территории Боспора начиная с последней четверти III в. до н.э.[107] и бытуют вплоть до первой половины I в. н.э.[108] Сходные кувшины присутствуют среди находок из «дома Хрисали-

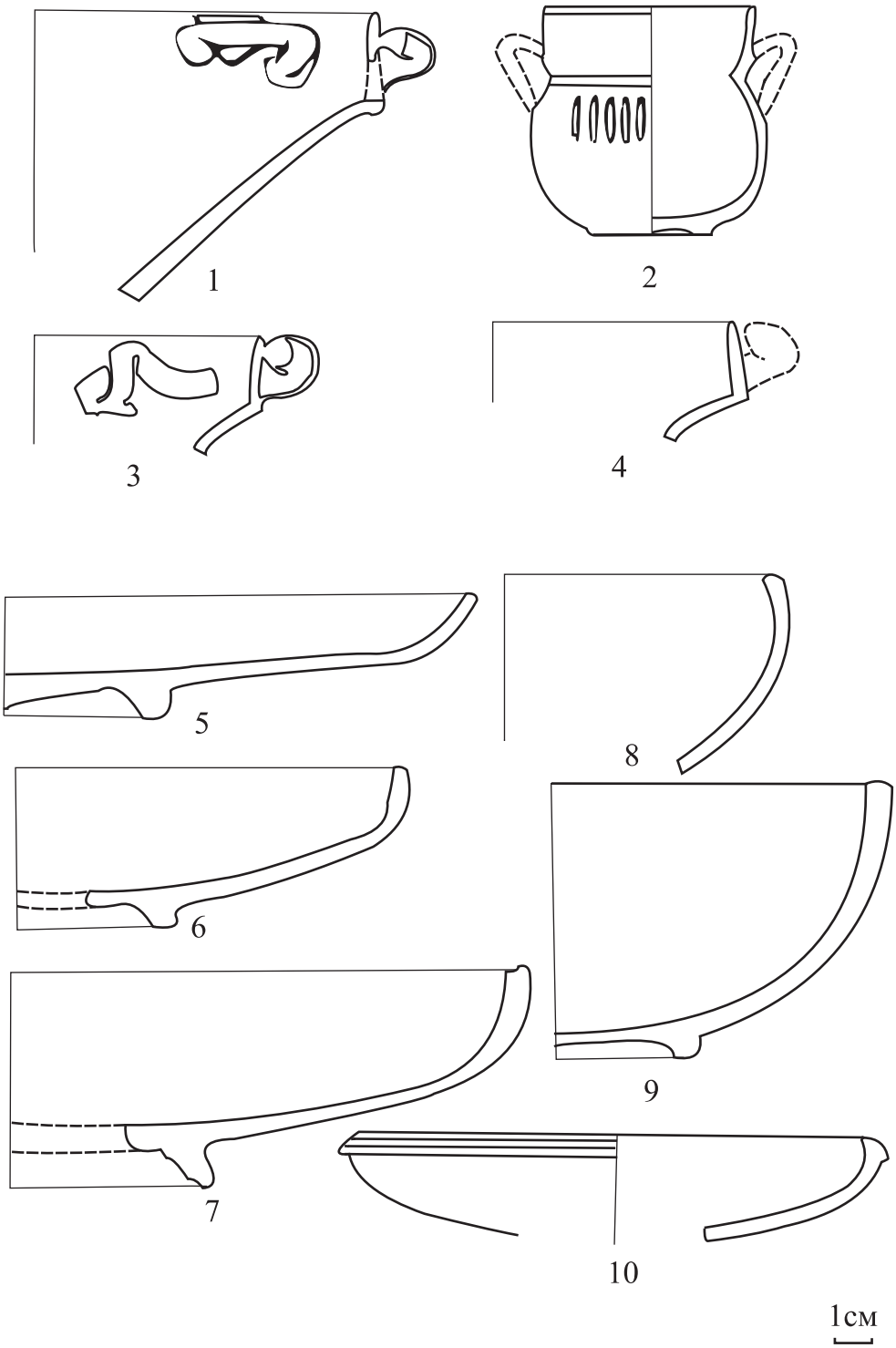


Рис. 8. Краснолаковая керамика из Кутлакской крепости (по С. Б. Ланцову)

ска»[109] и Кутлакской крепости[110]. Кроме того, на трех из пяти рассмотренных памятников (Кутлак, Башня 2 и «усадьба Хрисалиска») найдены кувшины с орнаментом в виде греческой буквы «гамма», нанесенным белой краской на горло[111].

Вышеперечисленные типы столовой посуды позволяют датировать содержащие их слои концом II–I в. до н.э. Для определения их верхних границ комплекса в нашем случае важны глубокие полусферические миски и сероглиняные кубки, которые датируются последней четвертью — концом I в. до н.э. Таким образом можно считать, что вышеописанные комплексы были «закрыты» не ранее указанной даты.

Терракоты

Самые представительные находки терракот происходят из двух памятников — «усадьбы Хрисалиска» и «Полянки». Оба комплекса достаточно подробно, со ссылками и аналогиями проанализированы в соответствующих изданиях[112]. Сходство сюжетов терракот из двух этих поселений слишком велико (до 70–75%)[113], чтобы быть случайным, что лишний раз подчеркивает синхронность существования объектов и сходство религиозных воззрений, а возможно и этнического состава населения. Среди находок из башен Узунларского вала есть схожие по сюжету терракоты (Кибела, Тюхе, фракийский всадник)[114]. Обнаружены они и в некоторых домах-башнях азиатского Боспора, таких как Владимировское и Рассвет. Здесь найдены статуэтки в виде стоящей женской задрапированной фигуры в высоком головном уборе[115]. Подобные им присутствуют среди находок из «усадьбы Хрисалиска»[116], а также святилища «Полянки»[117]. Не вдаваясь в тонкости толкования сюжетов терракот, еще раз отметим их общность на ряде поселений как азиатского, так и европейского Боспора, что лишний раз может свидетельствовать о синхронности их существования.

Монетные находки

Самой крупной нумизматической находкой на рассматриваемых памятниках является монетный клад, с поселения «Полянка». Как уже упоминалось выше, о нем написано достаточно. Однако сравнение с нумизматическими материалами с других памятников может по-новому осветить ситуацию. Напомним, что основная часть клада состояла из медных оболов типа: Аполлон — орел на молниях с легендой ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ (908 *экз.*)[118] и оболов типа: голова Диониса — горит (4 *экз.*)[119], а также медных монет городов Понта и Пафлагонии и трех тетрахалков Херсонеса, Пантикапея и Горгиппии. Все эти монеты выпущены в царствование Митридата Евпатора[120]. Наиболее поздними монетами клада являются тетрахалки Асандра типа: Ника — прора с легендой ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΑΣΑΝΔΡΟΥ (28 экз.)[121]. Хронология выпуска этих монет спорна, Н. А. Фролова датирует их временем после 20 г. до н.э.[122], а В. А. Анохин и В. К. Голенко — временем архонтства Асандра (не позднее 46 г. до н.э.)[123]. Не углубляясь в данную проблематику, отметим еще раз абсолютное численное преобладание в кладе оболов типа: Аполлон — орел на молниях и тетрахалков Асандра-архонта. Другой клад со схожим составом монет был обнаружен при раскопках башни на Узунларском валу в 2000 г. Здесь в юго-западном углу одного из помещений найдены 22 медные монеты[124]. В основном это оболы типа: Аполлон — орел на молниях, перечеканенных после 63 г. до н.э. Далее идут тетрахалки Асандра-архонта типа: голова Асандра — прора с легендой ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΑΣΑΝΔΡΟΥ (2 *экз.*) (однотипны с тетрахалками Ника — прора[125]) (датировки монет см. выше). Кроме того, в составе клада присутствует один тетрахалк Диоскуриады типа: шапки Диоскуров — факел, с легендой ΔΙ-ΟΣ/ΚΟΥ-ΡΙΑ/Δ-ΟΣ (120–63 гг. до н.э.)[126]. Таким образом, клад из памятника, датируемого второй половиной I в. до н.э., по своему типологическому составу (речь идет о монетах боспорского чекана) очень похож на клад с поселения «Полянка». Такое сходство не может быть случайным и говорит если не об их синхронности, то о близком времени сокрытия. Кроме того, при исследовании башни 1 на Узунларском валу, была найдены медная драхма типа: голова Аполлона вправо — лук в горите влево и легендой ΠΑΝ (II в. до н.э.) и медная монета

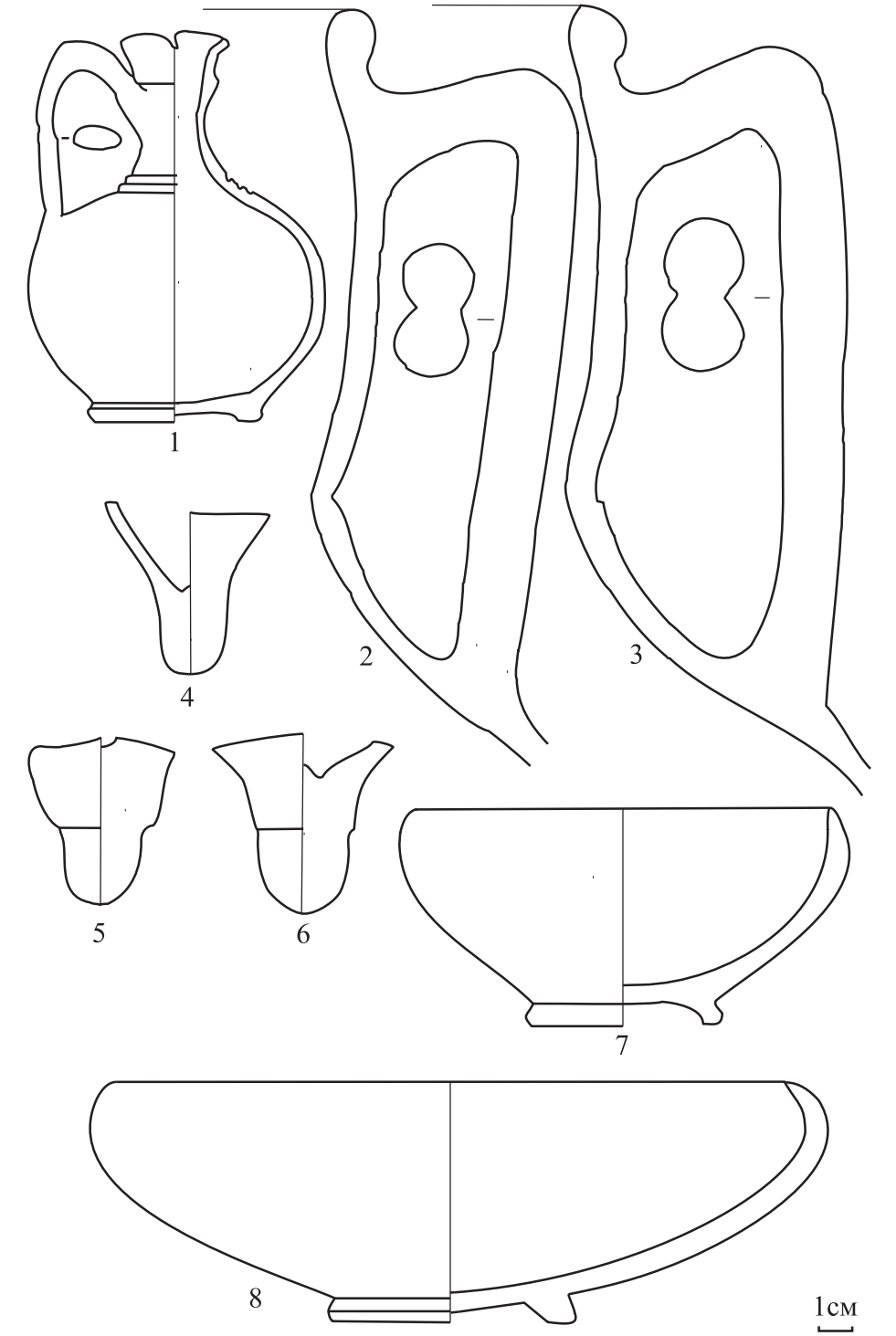


Рис. 9. Тарная и столовая керамика из поселения Чокракский мыс (по А. А. Масленникову)

типа: голова Митридата вправо — лук в горите с ремнем, датируемая В. А. Анохиным 79–63 гг. до н.э.[127] Таким образом, на всех вышеперечисленных памятниках зафиксированы монеты, выпущенные в конце II — первой половине I в. н.э. вместе с керамикой второй половины I в до н.э. Это позволяет допустить, что клад на «Полянке» вполне мог быть скрыт в последней четверти I в. до н.э.

Однако следует считаться и с другими монетным находкам. Помимо монеты города Кесарии, найденной в верхних слоях поселения и вызвавшей оживленную дискуссию в литературе по поводу правомочности датировки времени его гибели по этой находке[128], в слое рассматриваемого времени обнаружен и тетрахалк Фанагории типа: голова Аполлона вправо — нос корабля[129], датируемый 30–17 гг. до н.э.[130] Время выпуска этой монеты вполне соответствует датировкам прочих находок.

Рассмотрим монетные находки с других поселений. При раскопках «усадьбы Хрисалиска», где монеты Пантикапея (обол 63–47 гг. до н.э. и тетрахалк 44–30 гг. до н.э.) найдены вместе с тетрахалком Асандра-архонта и оболом Пантикапея типа Аполлон — орел на молниях митридатовского времени[131].

В слое I в. до н.э. поселения Чокракский мыс обнаружены монеты Амиса и Синопы митридатовской эпохи (80–70 гг. до н.э.) и боспорские времени Асандра (47–41 гг. до н.э.)[132].

Вне здания у хутора Рассвет в слое была найдена медная монета Кесарии (14–8 гг. до н.э.)[133].

Итак, почти всех рассмотренных поселениях найдены монеты, выпущенные от конца II в. до н.э. до середины I в. н.э. Скорее всего, они имели хождение и при преемниках Митридата VI, и во второй половине I в. до н.э. вполне могли быть платежеспособным средством.

После общего рассмотрения датирующего материала уместно вернуться к хронологии каждого поселения.

«Полянка». Из всего массива находок датировку поселения I в. до н.э. определяют светлоглиняные широкогорлые амфоры с двуствольными ручками типа С Ia и светлоглиняные амфоры с профилированными ручками типа С III. Первый тип появился не ранее середины I в. до н.э., а второй датируется не ранее последней четверти I в. до н.э. (по С. Ю. Внукову). Столовая посуда как краснолаковая, так и простая датируются весьма широко, в пределах второй половины I в. до н.э., за исключением сероглиняных кубков, которые относятся к концу I в. до н.э. Хронология клада достаточно спорна, хотя находка на поселении монеты Фанагории, (30–17 гг. до н.э.), вполне соответствует датировкам по прочему материалу. Таким образом, время жизни на поселении «Полянка» приходится в целом на I в. до н.э., а разрушение — не ранее середины последней четверти этого же столетия.

Башня 1 и Башня 2. Эти два памятника достаточно близки как по планировке, так и по составу находок, поэтому рассмотрим их вместе. По типологическому составу комплексы находок весьма схожи с описанными выше. Так же, как в случае с «Полянкой», хронология башен определяется светлоглиняными амфорами типа С I и С III. Среди столовой посуды узкодатированных вещей нет. Кроме того, нельзя не упомянуть и о результатах радиоуглеродного анализа обгорелой деревянной балки из Башни 2. Этот образец датируется временем около 2 г. до н.э. (дата пожара?)[134], что не противоречит хронологии керамического комплекса. Исходя из всего вышесказанного, можно с уверенностью утверждать, что датировка башен вписывается в хронологические рамки, обозначенные для «Полянки». Несколько осложняют ситуацию находки на Башне 1 боспорской монеты Махара (по В. А. Анохину) и монетного клада на Башне 2. Датировки некоторых монетных находок значительно старше прочих составляющих комплекса, и такая ситуация наблюдается на трех синхронных памятниках. В связи с этим, как только что писалось, можно предположить, что боспорские монеты первой половины I в. до н.э. имели хождение и во второй половине столетия, ведь преднамеренное сокрытие уже обесцененных монет бессмысленно.

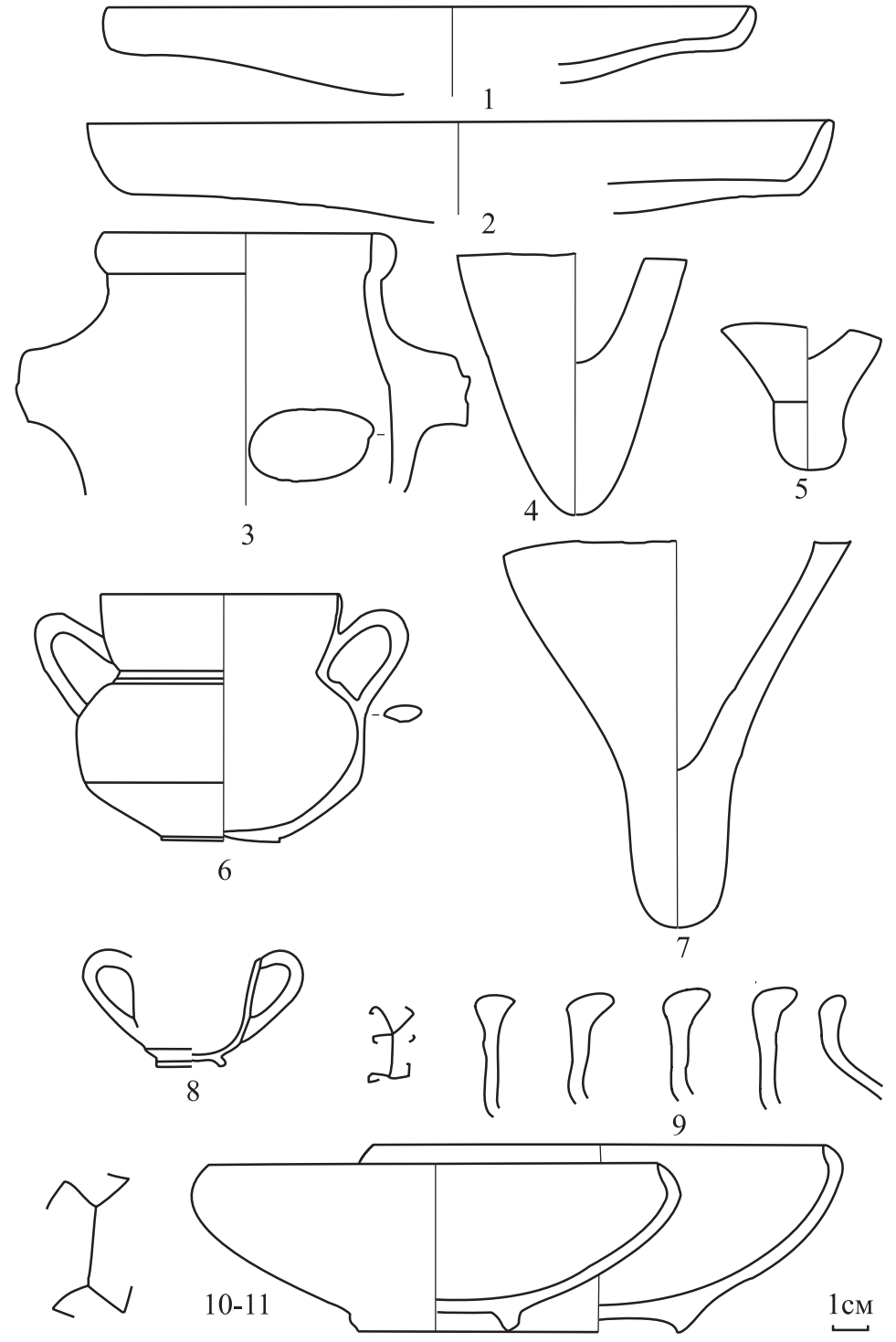


Рис. 10. Тарная и столовая керамика из поселения Чокракский мыс (по А. А. Масленникову) и столовая керамика из поселения Владимировское (по Н.А. Онайко)

Чокракский мыс. Находки амфор из слоя I в. до н.э. почти полностью повторяют набор двух ранее рассмотренных комплексов (рис. 9–10), поэтому останавливаться на нем подробно нет нужды. Так же стандартен набор столовой посуды — в слое присутствуют фрагменты тарелок боспорской сигиллаты. Из датирующих находок, позволяющих уточнить время закрытия комплекса, стоит выделить канфар, датируемый последней четвертью I в. до н.э. — началом I в. н.э. Некоторый интерес представляет находка ойнохойи, которая практически идентична сосуду, происходящему из «рез. Хрисалиска»[135].

«Усадьба Хрисалиска». Хронология этого памятника (конец II в. до н.э. — I в. до н.э.), предложенная Н. И. Сокольским, в целом не противоречит современным датировкам типов столовой керамики, найденной на поселении. Но наличие только светлоглиняных амфор типа С Ia и С II может фиксировать время формирования этого керамического комплекса второй половиной I в. до н.э. Монетные находки также подтверждают датировку Н. И. Сокольского, но тут же следует заметить, что и на этом памятнике не найдено монет, выпущенных позже 30 г. до н.э., что в целом характерно и для всех вышерассмотренных памятников.

Кутлакская крепость. По комплексу находок Кутлакская крепость очень близка к «Полянке» и башням Узунларского вала. Наличие в составе находок фрагментов светлоглиняных амфор типа С Ia и С III и столовой посуды, идентичной находкам в «усадьбе Хрисалиска» и на других поселениях этого времени, позволяют датировать время жизни на поселении второй половиной — последней четвертью I в. до н.э.[136]

Владимировское.Основным датирующим материалом для этого поселения служат светлоглиняные амфоры с двуствольными ручками. Кроме того, на Владимировском городище, найдены светлоглиняные узкогорлые амфоры раннего типа. Фрагментов более ранних амфор не обнаружено, за исключением немногочисленных обломков светлоглиняных амфор типа Яблоновской[137]. Среди столовой посуды численно преобладают фрагменты лепных сосудов, из которых следует отметить двух- трехручные сероглиняные кубки-канфары (рис. 10. *8*), характерные для других таких же поселений Боспора. Сравнительно много и сероглиняной посуды, особенно глубоких мисок типа I варианта 1 по И. С. Каменецкому (время имп. Августа)[138]. Они очень схожи с изделиями из «дома Хрисалиска» и Башни 2 (рис. 6. *12* и 7. *10-11*).

Что же касается краснолаковой посуды, то ее количество невелико: при раскопках поселения зафиксирован обломок низкой тарелки на кольцевом поддоне с круговыми насечками внутри, на днище[139]. Скорее всего этот фрагмент можно идентифицировать как форму 2А восточной сигиллаты А[140], или как изделие боспорской сигиллаты, датируемой второй половиной II–I вв. до н.э.[141]

Таким образом, на основе анализа вышеуказанного материала в целом можно согласиться с датировкой поселения, предложенной Н. А. Онайко и А. В. Дмитриевым — конец II–I до н.э. — середина I в. н.э.[142]

Цемдолинское.Так же, как и для вышеописанного поселения здесь основным датирующим материалом являются светлоглиняные амфоры с двуствольными ручками (тип С Ia) по С. Ю Внукову. Кроме того, в числе подъемного материала, собранного экспедицией А. В. Дмитриева, присутствовали фрагменты красноглиняных амфор с двуствольными ручками и светлоглиняных узкогорлых типа А по Д. Б. Шелову. Из находок столовой посуды следует упомянуть краснолаковую чашу, датируемую I в. до н.э. (тип, предшествующий форме 6 понтийской сигиллаты), и сероглиняную чашечку, по форме сходную с сосудами восточной сигиллаты В, form 21 по Дж. Хейсу (вторая половина I в. до н.э. — рубеж н.э.). Также есть глубокие миски типа I варианта 1 по И. С. Каменецкому (время имп. Августа). Лепная посуда представлена различными фрагментами кувшинов горшков. Присутствуют двух- одноручные сероглиняные кубки-канфары и лепные курильницы.

Очевидно, что вышеперечисленный материал позволяет датировать время жизни на Цемдолинском поселении так же как, и на Владимировском

Анапское городище. Комплекс тарной керамики, опубликованной Е. М. Алексеевой в своей монографии, показывает, что укрепленный дом на Анапском городище мог быть основан во второй половине — конце I в. до н.э. (в пользу этого предположения свидетельствуют фрагменты светлоглиняных амфор с двуствольными ручками типа С I и С III). Здесь же найдены и трехручные кубки-канфары[143]. Из датировок этого материала следует, что укрепленный дом на Анапском городище мог быть основан во второй половине — конце I в. до н.э.

Рассвет. Внутри самого здания найдено чрезвычайно мало фрагментов амфор и все они относятся к одному типу — Яблоновской[144], который датируется II в. до н.э.[145] Обломков светлоглиняных амфор в пределах здания не обнаружено, зато они присутствовали в слое, вскрытом вокруг дома-башни[146].

Кроме того, в одном из помещений дома найдена краснолаковая тарелка, аналогичная, по словам Ю. С. Крушкол, приведенной Л. Ф. Силантьевой из раскопок Илурата[147]. Однако изданная Л. Ф. Силантьевой тарелка, скорее относится к форме 1 понтийской сигиллаты по Дж. Хейсу (I–III вв. н.э.). К сожалению, рисунок или фотография находки не приведена. Так же дело обстоит и с фрагментом горла краснолакового кувшина (ссылка на Т. Н. Книпович)[148]. Этот тип датируется по Т. Н. Книпович не ранее второй половины I в. до н.э., однако, согласно позднейшим исследованиям, этот тип мог бытовать немного раньше[149]. Кроме того, в доме найдены сероглиняные миски, весьма сходные с типом I , возможно вариантом 1 по И. С. Каменецкому, и датируемые им августовским временем.

Таким образом, античное здание у хутора Рассвет вполне можно датировать концом II в. до н.э. — началом-первой половиной I в. н.э. В эти хронологические рамки вписывается и единственная монетная находка — вне здания в слое была найдена медная монета Кесарии (14–8 гг. до н.э.).

Из всего вышесказанного следует, что рассмотренные поселения хоры азиатского Боспора существовали, какое-то время, синхронно с башнями на Узунларском валу и «Полянкой», но вместе с тем их датировки значительно шире. Наличие в некоторых комплексах из домов-башен азиатского Боспора (Рассвет, Владимировское) поселений фрагментов позднеэллинистических амфор фиксирует время их постройки второй половиной — концом II в. до н.э. Присутствие же узкогорлых светлоглиняных амфор внутри зданий свидетельствует о жизни на этих поселениях в начале I в. н.э. Кроме того, сероглиняные миски из «Владимировки» несут на себе тамгообразные знаки, сходные с тамгой Аспурга на монетах и кирпичах из Горгиппии[150], что только подтверждает тезис об их существовании в начале указанного столетия.

Широкая Балка. При раскопках этого поселения выделено три строительных периода. О строениях I С. П. достоверно ничего не известно, кроме того, что они погибли в пожаре. Как будто бы во втором строительном периоде здесь появляется башнеобразная постройка, которая существует и в III С. П.[151]

Хронологию второго и третьего строительных периодов определяют фрагменты светлоглиняных амфор с двуствольными ручками. Следует заметить, что среди лепной посуды присутствуют двуручные канфары местного производства, что свидетельствует о популярности этого вида столовой посуды в указанный период.

Батарейка 1. При раскопках Н. И. Сокольским этого памятника им выделено 5 слоев[152] . Для данного исследования интерес представляет уточнение нижнего слоя–времени возведения крепости и слой пожарища, традиционно датируемый серединой-концом I в. н.э. (см. приложение 1).

Сомнений в правильности датировки возведения крепости: конец I в. до н.э. — начало I в. н.э. практически нет. В самом нижнем слое, в котором лежат субструкция и основания оборонительных стен, зафиксированы находки фрагментов позднеэллинистических амфор и светлоглинянных тарных сосудов с двуствольными ручками (см. приложение 2). К тому же следует отметить общность строительных приемов, примененных при

сооружении усадеб Юбилейное и крепости — насыпка основания-субструкции, выкладывание каменного цоколя и возведение сырцовых стен.

Батарейка 2. Стратиграфия этого памятника в общем сходна с рассмотренным выше[153]. Дата основания крепости не вызывает сомнений: как по материалу (наличие в слое фр. позднеэллинистических и светлоглиняных амфор) (см. приложение 3), так и по технологии строительства и стандарту строительного материала (размеры сырцовых кирпичей).

Патрейская батарейка. Укрепление на античном городище Патрей также сходно с двумя предыдущими памятниками. Одинаковая технология строительства (сооружение субструкции, которое, судя по находкам, имело место около середины — конца I в. до н.э.) дают нам все основания датировать основные этапы жизни этого укрепления так же, как и у двух вышеописанных.

Ильичевское городище. Как уже упоминалось выше, крепость первых вв. н.э. на Ильичевском городище раскопана значительно хуже, нежели позднеантичное поселение на том же памятнике. Согласно описанию амфорного материала (см. приложение 3) и прочих находок основные этапы бытования Ильичевской батарейки вполне сопоставимы с другими похожими памятниками этого региона, такими как Батарейка 1 и 2.

Кучугуры 2. Как уже упоминалось, Ю. М. Десятчиковым при раскопках батарейки выделено 5 слоев. Для данного исследования интерес представляю два: второй и третий, относимые ко времени бытования укрепления. Подробный анализ слоя 2, в котором залегает фундамент монументальной постройки (предположительно оборонительной башни) уже опубликован[154].

Датировка слоя — I в. до н.э. — I в. н.э., что позволяет говорить, если не о синхронности возведения укреплений на городище Кучугуры 2 и остальных батареек Фонталовского полуострова, то хотя бы о строительстве их в один, достаточно короткий временной промежуток. Впрочем, вопрос о наличие укреплений на этом городище остается открытым, раскопана лишь небольшая часть фундамента, выполненного из кирпича, чьи метрические характеристики (размеры 0,52х0,52х0,08 м) сходны с кирпичами, из которых возведены другие крепости.

Анализ тарной и столовой керамики и монетных находок свидетельствует о том, что все поселения Полянка, Чокракский мыс, Кутлакская крепость и башни Узунларского вала существовали, по крайней мере, во второй половине I в. до н.э. и прекратили свое существование не ранее середины последней четверти этого столетия. В этом смысле особенно показательны фрагменты амфор типа С III и красноглиняных с двуствольными ручками (появляются не ранее последней четверти I в. до н.э.), профильные части которых присутствуют среди находок с памятников. Столовая посуда, за исключением некоторых типов (сероглиняные двуручные кубки), датируется слишком широко и для уточнения датировок практически ничего не дает. Однако присутствие сходных изделий в составе комплексов из памятников свидетельствует о синхронности времени жизни на поселениях, которое приходится на царствование Асандра.

К этому же периоду (второй половине — концу I в. до н.э.) можно отнести и возведение укреплений на Фонталовском полуострове. Рассмотренный керамический материал, который в основном представлен светлоглиняными широкогорлыми амфорами с двуствольными ручками (см. приложения 1 и 3) убедительно свидетельствует о закладке и постройке укреплений во время правления Асандра.

Несколько иная картина складывается при анализе материала из домов-башен с восточных окраин Боспора. Здесь поселения основываются как минимум на 50–60 лет раньше и без помех существуют вплоть до середины первой половины I в. н.э., а возможно и дольше (см. приложение 4).

Итак, можно с достаточно большой долей уверенности утверждать, что рассмотренные в статье поселения Восточного Крыма и Фонталовского полуострова были построе-

ны при царе Асандре. Несколько сложнее ситуация обстоит с домами-башнями Азиатского Боспора. Судя по датировкам находок, их основание можно датировать митридатовским временем. Однако находки второй половины I в. до н.э. (монеты, керамика) показывают, что в этот период жизнь на них не прерывалась.

Таким образом, пассаж Страбона (Strabo., VII? 4,6) о грандиозных оборонительных мероприятиях Асандра находит свое археологическое подтверждение. Укрепления и сигнальные пункты были возведены как на Европейском, существовали они и на Азиатском Боспоре, причем об их активном использовании свидетельствуют найденные на поселениях Европейского Боспора клады и следы расхищенного тайника из «дома Хрисалиска».

Постройка крепостей на Фонталовском полуострове также вписывается в общую систему обороны: защита переправы и кратчайшего пути к столице. Вполне возможно, что крепости имели и внутриполитическое значение, как и предполагает В. П. Толстиков[155].

Полянка, Чокракский мыс, башни Узунларского вала, Кутлакская крепость и «дом Хрисалиска» погибли в один короткий промежуток времени, около середины последней четверти I в. до н.э. По всей видимости, это событие следует связать с мятежом Скрибония, либо с военными действиями Полемона I, предпринятыми им при вступлении на боспорский престол, в 13/9 гг. до н.э.

Перечисленные в предыдущем абзаце поселения больше не возрождаются, но крепости Острова продолжают функционировать на протяжении последующего столетия. О важности этого района в I в. н.э. свидетельствует эпиграфически зафиксированное упоминание такой должности, как «начальник Острова»[156]. Продолжается жизнь и на башнях Северокавказского побережья. Все это позволяет предположить, что система обороны государства, созданная Асандром была востребована (хотя бы частично) и при его преемниках. Дальнейшее изучение элементов этой системы, в первую очередь крепостей древнего Острова (а также анализ уже полученного материала), может прояснить еще немало интересных фактов истории Боспора.

Приложение 1

Поселение	Типы амфорной тары I в. до н. э. и датировка							
	Колхидские амфоры коричневой глины (тип II). III–II вв. до н. э. по И. Б. Зеест; вторая половина III – середина I в. до н. э. по А. П. Абрамову	Светлоглиняная широкогорлая типа С Ia 50 гг. I в. до н. э. – первая четверть I в. н. э.	Светлоглиняная широкогорлая типа С II 50 гг. I в. до н. э. – рубеж I в. до н. э. – I в. н. э.	Светлоглиняная широкогорлая типа С III 20-15 гг. I в. до н. э. – первая треть I в. н. э.	Светлоглиняная узкогорлая Конец I в до н. э. – середина I в. н. э.	Розовоглиняная остродонная с двуствольными ручками (Кос?) I в. до н. э.	Красноглиняная с двуствольными ручками Вторая половина (четверть) I в. до н. э. – первая половина I в. н. э.	Позднесиноп-ская типа Син I в II в. до н. э – I в. н. э.
Полянка		*	*	*	*	*	*	*
Башня 1		*		*		*		
Башня 2		*	*	*		*		
"Дом Хрисалиска"		*	*					
Куглакская крепость		*		*			*	
Владимировское		*			*			
Цемдолинское		*			*		*	
Анапское городище		*		*(?)				
Широкая балка		*						
Рассвет		*						
Батарейка 1	*	*					*	
Батарейка 2		*						
Патрейская батарейка	*	*						
Ильичевская батарейка		*			*			
Кучугуры 2		*						
Чокракский мыс		*						

Приложение 2

| Поселение | Вид, тип, датировка столовой керамики | | |

Приложение 3

Тарная керамика I в. до н. э. из раскопок Н. И. Сокольским "батареек" Фонталовского полуострова			
Описание амфоры по Н. И. Сокольскому	**Современная типология и хронология**	**Поселение. Слой. Датировка (по Н. И. Сокольскому)**	**Отчеты Н. И. Сокольского**
Позднеэллинистическая коричневоглиняная амфора с овальными в сечении ручками.	**Колхидские амфоры коричневой глины (тип II)**. III - II вв. до н. э. по И. Б. Зеест; вторая половина III - середина I в. до н. э. по А. П. Абрамову	**Батарейка 1**. Слой 1 (до крепости, II - I вв. до н. э.). **Патрейская батарейка.** Слой 2 (I в. до н. э.) .	Отчет о работе Таманской археологической экспедиции в 1961 г. // Архив ИА РАН. 1961. Р-1. № 2290, С. 78-49; Отчет о работе Таманской археологической экспедиции в 1964 г. // Архив ИА РАН. 1964. Р-1. № 2864. С. 68.
Красноглиняная амфора с двуствольными ручками и ангобом	**Красноглиняная амфора с двуствольными ручками**. I в. до н.э. - I в. н. э. по И. Б. Зеест; вторая четверть I в. до н. э. - середина I в. н. э. по А. П. Абрамову.	**Батарейка 1.** Слой 1 (до крепости, II - I вв. до н. э.)	Отчет о работе Таманской археологической экспедиции в 1961 г…. С. 78-49.
Светлоглиняная двуствольная I в. до н. э. (Светлоглиняная амфора с двухствольными ручками и желудеобразной ножкой).	**Светлоглиняная широкогорлая типа С-I по С. Ю. Внукову**. Iв. до н.э. - I в. н. э. по И. Б. Зеест; вторая четверть I в. до н. э. - середина I в. н. э. по А. П. Абрамову; 50 гг. I в. до н. э - первая треть II в. н. э. по С. Ю. Внукову.	Батарейка 1. Раскоп Б-В. Слой 3 (I в. н. э., пожарище). **Батарейка 2.** Слой 1, нижний горизонт (до крепости, I в. до н. э.) Слой. 1 (постройка крепости, I в. до н. э.).Слой 2 (пожарище, I в. н. э.). **Ильичевская батарейка.** Слой 1 (до постройки крепости, I в. до н. э.) **Патрейская батарейка.** Слой 2 (ворота, I в. до н. э.)Слой 1 (оборонительная стена конца I в. до н. э. - I в. н. э.) Слой 3 (пожарище I в. н. э.) Слой 3 (II в. н. э.)	Отчет о работе Таманской археологической экспедиции в 1961 г…. С. 94-95; Отчет о работе Таманской археологической экспедиции в 1964 г.... С. 31-32, 35, 68, 75; Отчет о работе Таманской археологической экспедиции в 1963 г. // Архив ИА РАН. 1963. Р-1. № 2733. С. 76; Отчет о работе Таманской археологической экспедиции ИА в 1966 г. // Архив ИА РАН. 1966. Р-1. № 3262. с. 45; Отчет о работе Таманской археологической экспедиции в 1968 г. // Архив ИА РАН. 1968. Р-1. № 3710. С. 83; Отчет о раскопках Таманской археологической экспедиции ИА АН СССР в 1970 г. // Архив ИА РАН. 1970. Р-1. № 4251. С. 62-63.
Светлоглиняная узкогорлая амфора (ранний тип).	**Светлоглиняные узкогорлые амфоры типа А по Д. Б. Шелову**. I в. н. э. по И. Б. Зеест; конец I в. до н. э. - I в. н. э. по А. П Абрамову	**Ильичевская батарейка.** Слой 1 (до постройки крепости, I в. до н. э.)	Отчет о работе Таманской археологической экспедиции ИА в 1966 г… С. 45.

Приложение 4

Поселение	Наличие датирующего керамического материала на поселении					
	Рубеж II-I в. до н. э.	**Первая четверть I в. до н. э.**	**Вторая четверть I в. до н. э.**	**Третья четверть I в. до н. э.**	**Четвертая четверь I в. до н. э.**	**Рубеж н. э.**
Полянка				*	*	
Башня 1				*	*	
Башня 2				*	*	
"Дом Хрисалиска"			*	*	*	
Кутлакская крепость				*	*	
Владимировское	*			*	*	*
Цемдолинское	*			*	*	*
Анапское городище	*			*	*	*
Широкая балка	*			*	*	*
Рассвет				*	*	*
Батарейка 1				*	*	*
Батарейка 2				*	*	*
Патрейская батарейка				*	*	*
Ильичевская батарейка				*	*	*
Кучугуры 2				*	*	*
Чокракский мыс				*	*	

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 103–104; *Масленников А. А.* Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М., 1998. С. 89.
2. *Сокольский Н. И.* Город Кепы и крепости Фонталовского полуострова // Тезисы докладов на заседаниях, посвященным итогам полевых исследований. М., 1963. С. 49.
3. *Онайко Н. А. Дмитриев А. В.* Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже н.э. // ВДИ, 1982. № 2. С. 109-111; *Масленников А. А.* Эллинская хора… С. 217-230.
4. *Сокольский Н. И.* Крепость на городище у хутора Батарейка 1 // СА. 1963. № 1, С. 180-181; *Он же*. Город Кепы… С. 49. *Он же.* Ильичевское городище // СА. 1966. С. 126-128; *Он же* Крепость на поселении Батарейка II // КСИА. 1967. 109. С. 114.
5. *Николаева Э. Я.* Поселение у д. Ильич // КСИА. 1981. С. 88; *Толстиков В. П.* Неизвестные страницы истории Боспорского царства // СГМИИ. 1992. 10. С. 50.
6. *Сапрыкин С. Ю.* Боспор на рубеже двух эпох. М., 2002. С. 181.
7. *Десятчиков Ю. М., Долгоруков В. С., Алексеева Е. М.* Сельская территория // АГСП. С. 89-90.
8. *Масленников А. А.* Ук. соч. С. 133; *Он же.* Античное святилище на Меотиде. М., 2006. С. 17.
9. *Голенко В. К.* К «реабилитации» античного поселения Полянка // БФ. 2005. V. С. 386-393.
10. *Масленников А. А*. Эллинская хора… С. 133, рис. 85-86.
11. *Голенко В. К., Масленников А. А.* Два клада монет с поселения «Полянка» // Новое в советской нумизматике и нумизматическом музееведение. Л., 1987; *Фролова Н. А.* Клад боспорских монет I в. до н.э., найденный на античном поселении «Полянка» (1984—1985) // ПИФК. 1998. VI; *Болдырев С. И.* Монетные комплексы Боспора рубежа нашей эры как исторический источник // ДБ. 2002. 5.; *Голенко В. К*. Ук. соч.
12. *Масленников А. А.* Античное святилище… Рис. 59-61 и 63-64.
13. В связи с этим хотелось бы поблагодарить А. А. Масленникова за любезное разрешение воспользоваться неопубликованными материалами раскопок поселения «Полянка» и башен Узунларского вала из своего личного архива.
14. *Болдырев С. И.* Ук. соч. С. 58; *Масленников А. А*. Эллинская хора… С. 106; *Он же* Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М., 2003. С. 87.
15. *Масленников А. А.* Раскопки на Узунларском валу // РА. 1994. № 4. С. 176-184; *Он же* Эллинская хора… С. 105-106; *Он же* К истории Узунларского вала в Восточном Крыму // КСИА. 2001. 212. С. 7-16; *Он же* Древние земляные… С. 81-87 и 98-99.
16. *Сокольский Н. И.* Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. С. 40.
17. *Сокольский Н. И.* Крепость аспургиан на Боспоре // КСИА. 1975. 143. С. 29; *Он же* Таманский толос… С. 106-108.
18. *Сокольский Н. И.* Крепость аспургиан….С. 22-29; *Сокольский Н. И.* Таманский толос…С. 7-55, 89-111
19. *Масленников А. А*. Эллинская хора… С. 46-50, 111-112.
20. *Ланцов С. Б.* Краткие сведения о боспорской крепости Кутлак-Афинеоне (?) Псевдо-Арриана // ВДИ. 1999. №1. С. 121-123.
21. *Онайко Н. А.* Отчет о работе Новороссийско-Геленджикской экспедиции в 1977г. // Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 6753. С. 4.
22. *митриев А. В*. Отчет об археологических исследованиях в районе Новороссийска в 1971 г. // Архив ИА РАН. 1971. Р-1. № 4645.
23. *Онайко Н. А.* Отчет о работе…
24. *Онайко Н. А.* Результаты работ Новороссийской экспедиции 1971-1972 гг. // КСИА. 1975. 143 С. 135; *Онайко Н. А. Дмитриев А. В.* Укрепленное здание в античном поселе-

нии у с. Владимировка //КСИА. 1981. 168. С. 97; *Они же* Сторожевые посты … С. 109-111.

25. *Дмитриев А. В*. Отчет об археологических исследованиях в районе Новороссийска в 1972 г. // Архив ИА РАН. 1972. Р-1. № 4964; *Онайко Н. А.* Отчет о раскопках античного здания на поселении Цемдолинское в окрестностях Новороссийска // Архив ИА РАН. 1978. Р-1. № 7189.
26. *Онайко Н. А*. Результаты работ… С. 83-85; *Онайко Н. А*. Раскопки укрепленного здания на античном поселении Цемдолинское // АО 1978. 1979. С. 140; *Онайко Н. А. Дмитриев А. В*. Сторожевые посты.. С. 109-111.
27. *Алексеева Е. М. Поселения вблизи Фанагории и Горгиппии // АГСП*. С. 90; *Алексеева Е. М*. Горгиппия в системе Боспорского царства I вв. н.э. // ВДИ. 1988. № 2. С. 66-81; Горгиппия. М., 1997. С. 52-53; Калашников М. В. Новый тип поселений азиатского Боспора первой половины I в. н.э. // Актуальные проблемы историко-археологических исследованний. Киев. 1987. С. 64-65
28. *Крушкол Ю. С*. Античное здание в районе Горгипии // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л. 1968. С. 213-219; *Алексеева Е. М*. Поселения вблизи… С. 90.
29. *Ростовцев М. И.* Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Древности. 1916. 25. С. 26.
30. *Онайко Н. А* Отчет о работе Новороссийского отряда в 1967 г. // Архив ИА РАН. 1967. Р-1. № 3551*; Она же* Отчет о работе Новороссийского отряда в 1969 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4253. *Она же* Разведка античных памятников в районе Новороссийска и Геленджика // СА, 1970. № 1. С. 134.
31. *Ростовцев М. И.* Ук. соч. С. 26.
32. *Онайко Н. А*. Разведка античных памятников… С. 134.
33. *Малышев А. А., Дмитриев А. В., Медникова М. Б., Розанова Л. С., Терезова Н. Н., Равич И. Г.* Широкая Балка в античную эпоху: итоги и перспективы исследования // ДБ. 7. 2004. С. 276.
34. *Толстиков В. П.* Неизвестные страницы…С. 44-50.
35. *Сокольский Н. И.* Крепость на городище у хутора Батарейка 1 // СА. 1963. № 1. С. 179-184.
36. *Сокольский Н. И.* Крепость на поселении Батарейка 2 // КСИА. 1967. 109.С. 108-114; *Десятчиков Ю. М. Долгоруков В. С. Алексеева Е. М.* Сельская территория (Поселения в районе Фанагории и Горгиппии)// АГСП. С. 90.
37. *Шелов Д. Б*. Городище около хутора Ильичевка // КСИИМК. 1951. 37. С. 10; *Сокольский Н. И.* Ильичевское городище // СА. 1966. *№ 4.* С. 126-128; *Николаева Э. Я.* Поселение у деревни Ильич // КСИА. 1981. 168. С. 88-89.
38. *Башкиров А.* Историко-археологические изыскания на Таманском полуострове в 1949-1951 гг. // Уч. Зап. Ярославского пед. инс-т. 1957. 27. Ярославль. С. 352-353; *Он же* Из истории Патрея 111-1 вв. до н.э. // ЗОАО. 1967. т. 2(32), Одесса. С. 91-98, *Паромов Я. М.* Археолого-топографический план Патрея // БС.1993. 3. С. 138-139.
39. *Сокольский Н. И*. Отчет о работе Таманской археологической экспедиции в 1961 г. // Архив ИА РАН. 1961. Р-1. № 2290, С. 109; *Он же* Отчет о работах Таманской археологической экспедиции в 1962 г. // Архив ИА РАН. 1962. Р-1. № 2524. С. 104-117.
40. *Сокольский Н. И*. Отчет о работе Таманской археологической экспедиции в 1961 г… С. 109; *Он же* Отчет о работах Таманской археологической экспедиции в 1962 г… С. 57-94.
41. *Бонин А. В.* Античное сельское поселение Кучугуры 2 на Таманском полуострове // ДБ. 2005. 8.
42. *Ланцов С. Б., Труфанов А*. Столовая посуда с лаковым покрытием из Кутлакской крепости // ДБ. 1999. 2. Рис. 4-5; *Сокольский Н. И.* Таманский толос… Рис. 49, 51, 53-54; *Масленников А. А*. Эллинская хора… С. 111-112, рис. 70-72; *Онайко Н. А. Дмитриев А. В.* Укрепленное здание в античном поселении у с. Владимировка // КСИА. 1981. 168. С.

97, рис. 5; *Алексеева Е. М.* Античный город.. С. 52-53, таб. 16-18.

43. Здесь мне хотелось бы поблагодарить Г. А. Ломтадзе (ГИМ) за любезное разрешение воспользоваться неопубликованными материалами из раскопок Н. И. Сокольского.
44. *асленников А. А.* Отчет Восточно-Крымской экспедиции ИА АН СССР за 1984 г. // Архив ИА РАН. 1984. Р-1. № 10358. С. 11; *Он же* Отчет Восточно-Крымской экспедиции ИА АН СССР за 1985 г. // Архив АИ РАН. 1985. Р-1. № 11846. С. 95-96; *Он же* Отчет Восточно-Крымской экспедиции ИА АН СССР за 1986 г. // Архив ИА РАН. 1986. Р-1. № 11285. С. 80-83; *Он же*.Отчет Восточно-Крымской экспедиции ИА АН СССР за 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 1987 № 14585. С. 67-72.
45. *Масленников А. А., Безрученко И. М.* Отчет Восточно-Крымской экспедиции ИА АН СССР за 1990 г. // Архив АИ РАН. 1990. Р-1. № 15455. С. 4-5; *Масленников А. А* Древние земляные… С. 81.
46. *Ланцов С. Б., Юрочкин В. Ю.* «Варварская» посуда Кутлакской крепости // ДБ. 2001. 4. С. 255.
47. *Абрамов А. П.* Античные амфоры. Периодизация и хронология // БС. 1993. 3. С. 45.
48. *Внуков С. Ю.* Причерноморские амфоры I в. до — II в. н.э. (морфология). М., 2003. С. 202.
49. *Абрамов А. П.* Ук. соч. С. 45. Рис. 49; *Внуков С. Ю.* Ук. соч. С. 202.
50. *Алексеева Е. М.* Античный город… таб. 16.*10*.
51. *Ланцов С. Б.* Ук. соч. С. 121-123.
52. *Абрамов А. П.* Ук. соч. С. 45, рис 49; Внуков С. Ю. Ук. соч. С. 202.
53. *Дмитриев А. В.* Отчет об археологических исследованиях в районе Новороссийска в 1971 г. // Архив ИА РАН. 1971. Р-1. № 4645. С. 2-4.
54. *Дмитриев А. В.* Отчет об археологических исследованиях в районе Новороссийска в 1972 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 1972. № 4964. С. 2.
55. *Абрамов А. П.* Ук. соч. С. 45-46, рис. 50.
56. *Emperer J.-Y., Picon M.* Les regions de production d`amphores imperiales en Mediterranee orientale // Amphores Romaines et histore economique: dix ans de recherché. CEFR. 1989. 114. Fig. 3.5; *Внуков С. Ю.* Псевдокосские амфоры Причерноморья // РА. 2000. № 4. С. 56-57, рис. 3.
57. *Opait A.* Un deport d`amphores decouvert a Aeegissus // Dacia. XXXI. 1987. № 1-2. P. 151, fig. 5. 1-4; *Абрамов А. П.* Ук. соч. С. 44-45; *Внуков С. Ю.* Псевдокосские амфоры… С. 61, рис. 6.
58. *Ланцов С. Б.* Там же.
59. *Внуков С. Ю.* Причерноморские амфоры.. С. 130-133, рис. 51, 1.
60. *Онайко Н. А. Дмитриев А. В.* Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже н.э. // ВДИ. 1982. № 2. С. 110-111; *Крушкол Ю. С.* Античное здание …С. 216; *Алексеева Е. М.* Античный город Горгиппия. М. 1997. С. 53, табл. 16. 16.
61. *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. 83. Табл. XXV. 54, 57; *Абрамов А. П.* Ук. соч. С. 44.
62. *Шелов Д. Б.* Некрополь Танаиса: раскопки 1955-1958 гг. // МИА. 1961. 98. С. 19, табл. XXIII. 4.
63. *Rotroff S. G.* Hellenistic pottery. Athenian and imported wheelmade tableware and related materials // The Athenian Agora. vol. XXIX. part 2. Princeton. New Jersey.1997. Fig. 23, № 397, 400.
64. *Meyer-Schlichtmann C*. Die Pergamenische Sigillata aus der Stadtgrabung von Pergamon. Mitte 2 jh. v. Chr. — mitte 2 jh. n. Chr. // PF. 6. 1988. Taf. 43.
65. *Domzalski* K. Terra Sigillata from Nymphaion. Survey 1994 // Arheologia (Warsaw).1996. 47. P. 95-97; *Журавлев Д. В.* Краснолаковая керамика Северного Причерноморья римского времени: основные итоги и перспективы изучения (краткий обзор отечественной литературы) // Эллинистическая и римская керамика Северного Причерноморья. Тр. ГИМ. 1998. 102. С. 35; *Domzalski K., Zin'ko V. N.* Roman fine pottery from rescue

excavations conducted outside the defensive walls of the town of Nimphaion in 1995 // Archeologia. 1999. 50. Warszawa. P. 74-76, fig. 1,1-2; *Zhuravlev D.* Terra sigillata and Red Slip Pottery in the Northern Pontic region (a shot bibliographical surway) // Ancient civilization from Scythia to Siberia. 2002. Vol. 8. No 3-4. Fig. 6; *Zhuravlev D., Zhuravleva N.* Table Ware of Bosporan Kingdom in the Late Hellenistic and Early Roman Period // 8th European Association of Arhaeologists Annual Meeting. 24-29 September. 2002. Thessaloniki. Hellas. Abstract. Book. Thessaloniki. 2002. P. 236; *Домжальски К., Журавлев Д. В*. Боспорская сигиллата // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений. Керчь. 2003. С. 90.

66. *Гайдукевич В. Ф*. Раскопки Тиритаки в 1930-1940 гг. // МИА. 1952. 25. С. 171, рис. 69. 6.
67. *Книпович Т. Н.* Краснолаковая керамика первых веков н.э. из раскопок Боспорской экспедиции // МИА. 1952. 25. С. 296, рис. 1, 3.
68. *Домжальский К., Чистов Д. Е.* Итоги работ на участке Н (1994-1998) // Материалы Нимфейской экспедиции. 1. СПб. 2003. С. 14, рис. 19. 1.
69. *Арсеньева Т. М., Науменко С. А.* Раскопки Танаиса в центре восточной части городища // ДБ. 2001. 4. Рис. 11. 4-5.
70. *Каменецкий И. С.* Городища донских меотов. М. 1993. С. 102-105, рис. 25.
71. *Толстиков В. П., Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А.* Керамический комплекс позднеэллинистического времени из Пантикапея // БИ. 2003. 3. С. 292-293. Рис. 9. 1.
72. *Крапивина В. В.* Ольвия в I–IV вв. н.э. Киев. 1993. С. 109, рис. 48. 1-2, 5; *Зайцев Ю. П.* Неаполь Скифский (II в. до н.э. — III в. н.э.). Симферополь. 2003. С. 22, 28, рис. 59, 5, 7.
73. *Домжальски К., Журавлев Д. В*. Ук. соч. С. 91.
74. *Домжальски К., Журавлев Д. В*. Ук. соч. С. 90.
75. *Meyer-Schlichtmann K.* Op. cit. Taf. 43.
76. *Hayes J. W.* Sigillate orientali // Ceramica fine Romana nell basino Mediteraneo (tardo-ellenismo eprimo impero). Atlante delle forme ceramiche. II. Enciclopedia dell'arte antica. Classica e orientale. Roma.1985. P. 14, tab. I, 4.
77. *Вязьмитина М. И.* Золото-Балковский могильник. Киев. 1972. Рис. 27. 7, 63, 13.
78. *Сымонович Э. А*. Население столицы Позднескифского царства. Киев. 1983. С. 42-43, табл. XIII, 6.
79. *Арсеньева Т. М., Науменко С. А.* Ук. соч. С. 63-64, Рис. 12-13.
80. *Забелина В. С.* Эллинистическая импортная керамика из Пантикапея // СГМИИ. 1984. 7. Табл. I, 17; *Толстиков В. П., Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А.* Ук. соч. С. 292, рис. 8. 13.
81. *Ланцов С. Б. Труфанов А*. Ук. соч. С. 166.
82. *Каменецкий И. С.* Ук. соч. С. 122, рис 31.
83. *Anderson-Stojanovich V.* The Chronology and Function of Ceramic Unguentaria // AJA. 1987. 91.
84. *Толстиков В. П., Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А.* Ук. соч. Рис. 9.
85. *Каменецкий И. С.* Ук. соч. С. 45, рис. 6-9.
86. *Каменецкий И. С.* Ук. соч. Рис. 6-9.
87. *Силантьева Л. Ф.* Краснолаковая керамика из раскопок Илурата // МИА. 85. 1958.
88. *Домжальский К., Чистов Д. Е.* Ук. соч. С. 14, рис. 19. 2-3.
89. *Шелов Д. Б.* Ук. соч .Таб. XVI, 1.
90. *Hayes J. W.* Op. cit. P. 57, tav. XII.
91. *Забелина В. С.* Ук соч. Табл. IV. 5; *Толстиков В. П., Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А.* Ук. соч. С. 291, рис. 8. 1.
92. *Леви Е. И.* Итоги раскопок Ольвийского теменоса и агоры (1951-1960 гг.) // Ольвия. Теменос и Агора. М-Л. 1964. С. 17, рис. 13. 2.
93. *Толстиков В. П., Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А.* Ук. соч. С. 291.
94. *Meyer-Schlichtmann K*. Op. cit. S. 100.
95. *Ланцов С. Б. Труфанов А*. Ук. соч. Рис. 5, 1-11.
96. *Корпусова В. Н.* Некрополь Золотое. Киев. 1983. С. 4.
97. *Шульц П. Н.* Мавзолей Неаполя Скифского. М. 1953. С. 79, табл. XIX. 3. XX. 2.

98. *Корпусова В. Н.* Ук. соч. Табл. V. 15.
99. *Каменецкий И. С.* Ук. соч. С. 45, рис. 6-9.
100. *Каменецкий И. С.* Ук. соч. С. 124, рис. 31.
101. *Вязьмитина М. И.* Ук. соч. С. 40, рис. 16. 6.
102. *Крапивина В. В.* Ук. соч. С. 116, рис. 56. 21-22.
103. *Дашевская О. Д.* Поздние скифы в Крыму // САИ. 1991. Д 1-7. табл. 34, 1.
104. *Корпусова В. Н.* Ук. соч. С. 40. табл. XXXV, 2.
105. *Hayes J. W.* Op. cit. P. 74, tav. XVI.
106. *Meyer-Schlichtmann K.* Op. cit. taf. 43.
107. *Абрамов А. П. Сазонов С. Ю.* Керамика трех подводных комплексов Патрея // БС. 1999. 1. С. 155-156., табл. XI, 13-15.
108. *Толстиков В. П., Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А.* Ук. соч. С. 294, рис. 10-11.
109. *Сокольский Н. И.* Таманский толос… Рис. 53. 1, 6.
110. *Ланцов С. Б. Труфанов А*. Ук. соч. С. 162, рис. 1-4.
111. *Сокольский Н. И.* Таманский толос… Рис. 53.*6*; *Ланцов С. Б. Труфанов А*. Ук. соч. Рис. 3.*2*; *Масленников А. А.* Древние земляные… Рис. 51.
112. *Сокольский Н. И.* Таманский толос… с. 93-106, рис. 55-58; *Масленников А. А.* Античное святилище… С. 27-34, рис. 17-51.
113. *Масленников А. А.* Античное святилище… С. 63-65.
114. *Масленников А. А.* Древние земляные… С. 86, 98 и 206.
115. *Крушкол Ю. С.* Античное здание в районе Горгиппии // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. М. 1968. С. 218, рис 4; *Онайко Н. А.* Результаты работ Новороссийской экспедиции 1971–1972 гг. // КСИА. 1975. 143. С. 84, рис. 3.
116. *Сокольский Н. И.* Таманский толос… Рис. 58. 1.
117. *Масленников А. А.* Античное святилище… Рис. 28.
118. *Зограф А. Н.* Античные монеты // МИА. 1951. 16. XLIII. 20.
119. ам же. XLIII, 22-23.
120. *Фролова Н. А.* Клад боспорских монет I в. до н.э., найденный на античном поселении «Полянка» (1984–1985) // ПИФК. 1998. VI. С. 53; *Голенко В. К.* Ук соч. С. 387-388.
121. *Зограф А. Н.* Ук. соч. XLIV, 8.
122. *Фролова Н. А.* Ук. соч. С. 55 и 60.
123. *Анохин В. А.* Монетное дело Боспора. Киев. 1986. С. 79; *Голенко В. К.* Ук соч. С. 388.
124. *Масленников А. А.* Древние земляные… С. 86.
125. *Фролова Н. А.* Монетное дело Боспора. М., 1997. ч 1. С. 23.
126. *Масленников А. А.* Древние земляные… С. 207.
127. *Масленников А. А.* Древние земляные… С. 207; *Анохин В. А.* Ук соч. *С.* 76 и 146.
128. *Масленников А. А*. Эллинская хора… С. 133; *Сапрыкин С. Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. М. 2002. С. 105; *Болдырев С. И.* Монеты как датирующий элемент в археологии // БФ. 2004. IV. С. 175; *Голенко В. К.* Ук соч. С. 389.
129. *Зограф А. Н.* Ук. соч. XLIV, 12
130. *Масленников А. А.* Монетные находки и денежное обращение в Крымском Приазовье в античную эпоху // ДБ. 1998. 1. С. 210.
131. *Сокольский Н. И.* Таманский толос… С. 118, № 3, 10, 11, 15, 16.
132. *Масленников А. А*. Эллинская хора… С. 112.
133. *Крушкол Ю. С.* Отчет об археологических исследованиях в Анапском районе (х. Рассвет) в 1972 г. МОПИ им. Н. К. Крупской // Архив ИА РАН. 1972. Р-1. № 4856. С. 9; *Зограф А. Н.* Ук. соч. XV. № 12.
134. *Масленников А. А.* Древние земляные… С. 230.
135. *Сокольский Н. И.* Таманский толос… рис. 51.
136. *Ланцов С. Б.* Ук. соч. С. 121-123.
137. *Онайко Н. А. Дмитриев А. В.* Укрепленное здание в античном поселении у с. Владимировка // КСИА. 1981. 168. С. 97.
138. *Онайко Н.А. Дмитриев А.В.* Ук. соч. Рис. 5. *6-7*; *Алексеева Е. М.* Ук соч. Табл. 17. *14-15.*

139. *Онайко Н. А.* Отчет о работе Новороссийско-Геленджикской экспедиции в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 1977. № 6753. С. 14-15.
140. *Hayes J. W.* Op. cit. P. 14, tab. I. 4.
141. *Домжальски К. Журавлев Д. В*. Ук соч. С. 90.
142. *Онайко Н. А. Дмитриев А. В.* Сторожевые посты… С. 106-121.
143. *Алексеева Е. М.* Античный город… Таб. 16.*1,10,15-16*, 18.*19*.
144. *Крушкол Ю. С*. Отчет об археологических исследованиях в Анапском районе Краснодарского края в 1964 г. // Архив ИА РАН. 1964. Р-1. № 3176. С. 16; *Она же.* Отчет об археологических исследованиях в Анапском районе Краснодарского края в 1965 г. // Архив ИА РАН. 1965. Р-1. № 3177. С. 18.
145. *Зеест И. Б.* Ук. соч. Таб. XXV. Рис. 54; *Абрамов А. П.* Ук. соч. С. 44. Рис. 45, 4.36.
146. *Крушкол Ю. С*. Отчет об археологических исследованиях в Анапском районе в 1964 г. // Архив ИА РАН. 1968. Р-1. № 3840. С. 2, 6; *Она же* Отчет об археологических исследованиях в Анапском районе в 1969 г. МОПИ им. Н. К. Крупской // Архив ИА РАН. 1969. Р-1. № 4264. С. 2-4; *Она же.* Отчет об археологических исследованиях в Анапском районе (х. Рассвет) в 1970 г. МОПИ им. Н. К. Крупской // Архив ИА РАН. 1970. Р-1. № 4310. С. 2-4; *Она же.* Отчет об археологических исследованиях в Анапском районе (х. Рассвет) в 1971 г. МОПИ им. Н. К. Крупской // Архив ИА РАН. 1971. Р-1. № 4667. С. 3.
147. *Силантьева Л. Ф.* Ук. соч. С. 287. Рис. 4,1.
148. *Книпович Т. Н.* Ук. соч. С. 305. Рис. 5,6.
149. *Каменецкий Н. И*. Ук соч. С. 68. Рис. 13.
150. *Онайко Н. А. Дмитриев А. В.* Укрепленное здание… С. 97.
151. *Малышев А. А., Дмитриев А. В., Медникова М. Б., Розанова Л. С., Терехова Н. Н., Равич И. Г.* Ук. соч. С. 276.
152. *Сокольский Н. И*. Отчет о работе Таманской археологической экспедиции в 1963 г. // Архив ИА РАН. 1963. Р-1. № 2733. С. 38
153. Там же С. 68.
154. *Бонин А. В.* Ук. соч. С. 31.
155. *Толстиков В. П.* Ук. соч. С. 51.
156. КБН. № 40.

A. V. BONIN

SETTLEMENTS AT THE BOSPORAN CHORA IN THE 1st c. AD: CHRONOLOGY WITHIN OBJECTS OF SIGNAL-DEFENSIVE SYSTEM

The article views the chronology of sites at the Bosporus of 1st c. AD such as «Poljanka», Kutlak fortress, towers of Uzunlar rampart, «the house of Hrisaliskos», Chokraksky cape, the Batarejka 1 and 2, Kuchugury 2, Anapa the Shirokaya Balka and lots of other sites. The detailed analysis is done on the complex of finds from these settlements taking into consideration the last researches on this theme.

So, the settlements of East Crimea and Fontalovsky peninsula have been constructed under the king Asander. There is some difficultly with the situation of houses – towers at Asian Bosporus. Judging from the datings of finds, their basis can be dated to Mithridatic time. However the finds dated to the second half of 1st c. AD. (the coins, the ceramics) show, that during this period life within these places had not been interrupted. The system of defense in the state allows to assume that, everything created by Asander had been claimed for (at least partly) by his successors.

А.В. ИВЕНСКИХ (Пермь)

«БОСПОРСКИЕ» ОТРЯДЫ В РИМСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ

Греко-римский синтез в военном деле Боспора нашел логичное продолжение в практике набора в царстве воинов для вспомогательных частей римской армии, аукзилий. До нас дошли сведения о трех боспорских подразделениях на римской службе.

К сожалению, пока мы располагаем небольшим количеством источников, касающихся боспорских частей в римской армии. Предлагаем первоначально очертить круг источников, где говорится о боспорских соединениях.

Один из первых источников по истории боспорцев на службе римских императоров находим в Антиохии Писидийской (ILS 9503). Надпись относится к 8–7 гг. до н.э.

По сути дела надпись двойная: в первой части говорится о Гае Каристании, сыне Гая и перечисляются все его шаги по политической лестнице. Во второй части надписи тот же Гай Каристаний предстает как трибун XII Молниеносного легиона, а также префектом Боспорской когорты.

Еще одна надпись с упоминанием I Боспорской когорты относится к источнику AE 1920, 0055:

C(aio) Rutilio f(ilio) / Stel(latina) Gallico/ trib(uno) mil(itum) leg(ionis) XIII / geminae q(uaestori) aedili curuli/ legato divi Claudi leg(ionis) XV/ Apollinaris pr(aetori) leg(ato) / provincie Galaticae/ sodali Augustali/ consuli designato/ M(arcus) Aemilius M(arci) f(ilius) Pal(atina)/ Pius praef(ectus) coh(ortis) I Bosp(oranorum)/ et coh(ortis) I Hisp(anorum) legato

Ко времени императора Траяна относится интереснейшая надпись из диплома в честь отставки воинов вспомогательных частей (CIL 16, 00064 (RMD-03 p 243) = AE 1898, 0028):

[IMP(erator) C]aesar divi Nervae f(ilius) [Nerva Traianus Opt]/[imus A]ug(ustus) Germ(anicus) Dacic(us) Pa[rthic(us) pontif(ex) max(imus)] / [trib(unicia)] pot(estate) XX imp(erator) XIII [proco(n)s(ul) co(n)s(ul) VI p(ater) p(atriae)] / [equiti]bus et peditibus qu[i militaverunt in] / [alis qu]inque et cohortibu[s 3 quae appel]/[lantur //

[IMP(erator) Caesar divi Nervae f(ilius) Nerva Traianus Optimus Aug(ustus) Germ(anicus) Dacic(us) Parthic(us) pontif(ex) max(imus) trib(unicia) pot(estate) XX imp(erator) XIII proco(n)s(ul) co(n)s(ul) VI p(ater) p(atriae)] / [equitibus et peditibus qui militaverunt in alis quinque et cohortibus tribus quae appellantur I Ulpia contariorum \|(milliaria) et I Thracum veterana] / et I Cannenf[atium! et I Aravacorum et Hispa]/norum et I Bos[poranorum et I et II Batavorum] / milliariae c(ivium) [R(omanorum) et V Callaecorum Lucensium c(ivium) R(omanorum)] / quae sunt in Pa[nnonia superiore sub L(ucio) Minicio] / Natale quini[s et vicenis pluribusve stipendiis] / emeritis dimi[ssis honesta missione quorum no]/mina subscri[pta sunt ipsis liberis posteris]/que eorum civ[itatem dedit et conubium cum u]/xoribus quas tu[nc habuissent cum est civitas] / iis data aut siq[ui caelibes essent cum iis quas] / postea duxisse[nt dumtaxat singuli singulas

Интересно, что две следующие надписи также говорят о связи XII легиона и Боспорской когорты[1].

В 1879 году между Гереем и Метроном была найдена греческая надпись (Olympia 447):

Город мессенцев (воздвигает) Тиберия Клавдия Криспиана, нового эпаминонда, пожизненного верховного жреца августов, воевавшего в качестве начальника I Боспорской когорты и трибуна XII Молниеносного легиона, наилучшим образом несущего обязанности гражданина.

Вторая надпись также на греческом языке (IGR IV,1323)[2]:

Совет и народ (чествует) Тита Флавия Вара Калвесиана Гермократа, из Квириниевой трибы, начальника ремесленников в Риме дважды, начальника I Боспорской когорты, трибуна XII Молниеносного легиона, верховного жреца Азии в Эфесском храме, притана, стефанефора и жреца Массалии дважды, агонофета, царя ионийцев. Сын Стратоника. Почести ради. Совет и народ. Вольноотпущенники и свободные.

Обе надписи хронологически относятся ко времени правления императора Адриана.

Ко II веку н.э. относится более известный в науке источник «Диспозиция против аланов» Арриана, где упоминаются боспорские пехотинца во главе с Лампроклом (Ekt.,3), а после (Ekt., 18) — боспорские лучники. Сразу оговоримся, что это не два различных отряда, а один. Известия Арриана свидетельствуют о том, что боспорская когорта получила военную функцию «sagittariorum».

Наконец, хронологически последним упоминанием в источниках о боспорских соединениях является перечисление в Notitia Dignitatum войск, расположенных в Понте и подчиненных дуксу Армении, - в Араураке (Arauraca) находилась cohortes miliaria Bosporiana (N.D. XXXVIII).

Нам известно еще одно подразделение с боспорскими корнями - I Боспорская ала. Мы располагаем эпиграфическим свидетельством об але (CIL III,1197), где упоминается Тутор Сильван, родом из Иллирии, прослужившей в Але 16 лет. Кроме того, упомянем диплом ветеранов римских вспомогательных частей, в том числе воинов боспорской алы (RMD-02, 123 = AE 1987, 0843).

Imp(erator) Caesar divi Antonini fil(ius) divi Veri Parthici maximi / frater divi Hadriani nepos divi Traiani Parthici pro/nepos divi Nervae abnepos M(arcus) Aurelius Antoninus / Aug(ustus) Germanic(us) Sarmatic(us) pontifex maximus tribunic(ia) / potest(ate) XXXIII imp(erator) IX co(n)s(ul) III p(ater) p(atriae) et / Imp(erator) Caesar L(ucius) Aelius Aurelius Commodus Aug(ustus) Antonini / Aug(usti) fil(ius) divi Pii nepos divi Hadriani pronepos divi / Traiani Parthici abnepos divi Nervae adnepos Ger/manic(us) Sarmatic(us) tribunic(ia) potest(ate) III imp(erator) II co(n)s(ul) II p(ater) p(atriae) / equitibus et peditibus qui militaverunt in alis duabus / quae appellantur I Batavor(um) et I Bosporanor(um) et co/hortium decem et duobus(!) I Alpinor(um) et I Aug(usta) Itur(a)e/orum et III Dalmatar(um) et V Gallor(um) et I T(h)racium sagit(tariorum) / et I Ubior(um) et II Gallor(um) et Pannonior(um) et I Vindelicor(um) / et VIII Raetor(um) et III Campestrum et IIII Hispanor(um) / et II Fla(via) Commag(enorum) et vexillatio(!) peditum singular(ium) / Brittannicianor(um) et sunt in Dacia superiore sub / Helvio Pertinace leg(ato) quinis et vicenis pluribusve sti/pendi(i)s emeritis dimissis honesta missione quorum / nomina subscripta sunt civitatem Romanam qui / eorum non haberent dederunt et conubium cum / uxoribus quas tunc habuissent cum est civitas iis / data aut cum iis quas postea duxissent dumtaxat singulis / {a(nte) d(iem)} Kal(endis) Aprilibus / [M(arco)] Acilio Faustino L(ucio) Iulio Proculiano co(n)s(ulibus) / cohor(tis) III Campestr(um) cui praefuit / Avonius Saturninus / ex peditibus / Ulpio Ulpi fil(io) Herculano Stobis / descriptum et recognitum ex tabula aerea quae fi/xa est Romae in muro post templum divi Aug(usti) / ad Minervam // Imp(erator) Caesar divi Antonini fil(ius) divi Veri Parthici maxim(i) fra/ter divi Hadriani nepos divi Traiani Parthici pronepos di/vi Nervae abnepos M(arcus) Aurelius Antoninus Aug(ustus) Germa/nicus Sarmaticus pontifex maximus tribunic(ia) potest(ate) / XXXIII imp(erator) X co(n)s(ul) III p(ater) p(atriae) et / Imp(erator) Caesar L(ucius) Aelius Aurelius Commodus Aug(ustus) Antonini / Aug(usti) fil(ius) divi Pii nepos divi Hadriani pronepos divi Traia/ni Parthici abnepos divi Nervae adnepos Germanicus / Sarmatic(us) tribunic(ia) potest(ate) III imp(erator) II co(n)s(ul) II p(ater) p(atriae) / equitibus et peditibus qui militaverunt in alis duabus / quae appellantur I Batavor(um) et I Bosporanor(um) et / cohortium decem et duobus(!) I Alpinor(um) et Aug(usta) Itur(a)e/or(um) et III Dalmatar(um) et V Gallor(um) et I Thracium

sagit(tariorum) / et I Ubior(um) et VIII Raetor(um) et III Campestrum et IIII His/panor(um) et II Fl(avia) Commag(enorum) et vexillatio(!) peditum sin/gular(ium) Brittannicianorum et sunt in Dacia supe/riore sub Helvio Pertinace leg(ato) quinis et vicenis plu/ribusve stipendi(i)s emeri(ti)s dimissis honesta mis/sione quorum nomina subscripta sunt civitatem / Romanam qui eorum non haberent dederunt et co/nubium cum uxoribus quas tunc habuissent cum est / civitas iis data aut cum iis quas postea duxissent / dumtaxat singulis //Kal(endis) Aprilib(us) / M(anio) Acilio Faustino L(ucio) Iulio Proculiano co(n)s(ulibus) / coh(o)r(tis) III Ca(m)pestr(um) cui praefuit / Avonius Saturninus / ex peditibus / Ulpio Ulpi fil(io) Herculano Stobis / descriptum et recognitu(m) ex tabula / aerea quae fixa est Romae in mu/ro post templum divi Aug(usti) ad Miner/vam //D(ecimi) Aemili Felicis / Cn(aei) Pompei Niconis / P(ubli) Tulli Callicrates(!) / D(ecimi) Aemili Quadrati / P(ubli) Orvi Dii / P(ubli) Aeli Trofimi / D(ecimi) Aemili Agat(h)ocletis

У нас также имеются сведения касательно I Боспорско-галльской алы: в дипломе 158 года н.э. упоминается Гептапор, сын Изия (CIL 16, 00108 = IDR-01, 016).

Imp(erator) Caes(ar) divi Hadria[ni f(ilius) di]vi Traia/ni Parth(ici) n(epos) divi Ne[rvae] pron(epos) T(itus) Ae/lius Hadrianus Anton[i]nus Aug(ustus) Pius / p(ontifex) m(aximus) tr(ibunicia) pot(estate) XXI imp(erator) II co(n)s(ul) IV p(ater) p(atriae) / eq(uitibus) et ped(itibus) q(ui) m(ilitaverunt) in al(is) II[I] e[t] co[h(ortibus) I]I[I] et [v]ex(illariis) q(ui) / sunt cum Maur(is) gent(ilibus) in Dacia super(iore) / et sunt sub Statio Prisco leg(ato) XXV stip(endiis) / emer(itis) dim(issis) hon(esta) miss(ione) quor(um) nom(ina) sub/scr(ipta) sunt civ(itatem) Rom(anam) qui eor(um) non hab(erent) / ded(it) et con(ubium) cu[m ux]or(ibus) quas tunc hab(uissent) / cum est civ(itas) i(i)s data aut cum i(i)s quas / post(ea) duxis(sent) dumtaxat singulis //a(nte) d(iem) VIII Id(us) Iul(ias) / Fabiano et Basso co(n)s(ulibus) / alae I Gal(lorum) et Bospor(anorum) cui pr[ae(e)st] / Licinius Nigrinus / ex gregale / Heptapori Isi f(ilio) Bes[so] / [descriptum et recognitum //

Imp(erator) Caes(ar) divi Hadriani f(ilius) divi Tra/iani Parthic(i) nep(os) divi Nervae pron(epos) / T(itus) Aelius Hadrianus Antoninus Aug(ustus) Pius / pont(ifex) max(imus) tr(ibunicia) pot(estate) XXI imp(erator) II co(n)s(ul) IV p(ater) p(atriae) / equit(ibus) et pedit(ibus) qui milit(averunt) in alis III / quae appel(lantur) I Batav(orum) |(milliaria) et I Hisp(anorum) Campag(onum) / et I Gall(orum) et Bospor(anorum) et coh(ortibus) I Thrac(um) sag(ittaria) / et IV Hisp(anorum) et I Aug(usta) Itur(aeorum) et vex(illariis) Afric(ae) / et Mau[r(etaniae)] et Caes(ariensis) qui sunt cum Maur(is) / gentilib(us) in Dacia super(iore) et sunt / sub Statio Prisco leg(ato) quinq(ue) et vi/gint(i) stip(endiis) emer(itis) dimiss(is) hon<e=I>sta / mission(e) quor(um) nomin(a) subscripta / sunt civitat(em) Roman(am) qui eorum non / [ha]ber(ent) dedi[t] et conub(ium) cum uxoribus / [qua]s tunc habuis(sent) cum est civitas i(i)s / [data] aut cum i(i)s quas postea duxiss(ent) / [dum]taxat singulis a(nte) d(iem) VIII Id(us) Iul(ias) / Servilio Fabiano Q(uinto) Iallio Basso co(n)s(ulibus) / alae I Gallor(um) et Bospor(anorum) cui prae(e)st / Licinius Nigrinus / ex gregale / Heptapori Isi f(ilio) Besso / descript(um) et recognit(um) ex tabul(a) aerea / quae fixa est Romae in muro post / templ(um) divi A[u]g(usti) ad Minervam //M(arci) Servili Getae / L(uci) Pulli Chres(i)m[i] / M(arci) Sentili Iasi / Ti(beri) Iuli Fel[icis] / C(ai) Belli Urb[3] / C(ai) Pomponi Stat[iani] / P(ubli) Ocili Pris[ci]

В основном приведенные выше источники относятся к надписям о высших чинах римской армии, которые на определенном промежутке своей карьеры занимали пост начальника когорты боспорцев. Кроме указанных выше дипломов, ни одного свидетельства о боспорских ветеранах мы не знаем.

Несмотря на отрывочность источников, попробуем реконструировать путь доблести боспорцев на римской службе.

Естественно, что первый вопрос, возникающий при исследовании боспорских вспомогательных соединений, - вопрос о времени появления первых отрядов. Отвечая на

этот вопрос, обратимся к первой надписи Гая Каристания, относящейся к самому концу I века до н.э. и сопоставим ее с военно-политическими перипетиями римско-боспорских взаимоотношений после смерти Фарнака.

По сообщениям Лукиана (Lucian, Macrob. 17) Асандр получает от Августа «вместо титула этнарха титул царя боспорского». По всей видимости, Рим и Асандр заключают договор о фактически вассальных отношениях Боспора, причем происходит это примерно в 27–26 гг. до н.э. Вполне вероятно, что одним из пунктов этого договора значилась посылка боспорских контингентов в римскую армию. Однако реализовать договор в этой области вряд ли удается. Причина тому кроется в нестабильной ситуации в самом Боспоре, необходимости консолидации всех военных усилий для стабилизации положения. Напомним, что войска Асандра ведут тяжелые затяжные войны с варварами, оставшимися на Боспоре после Фарнака (Strabo, VII, 4,6; XI, 5,8; App. Mithr. 120). Не следует забывать и борьбы со Скрибонием примерно в 17 году до н.э. (Dio Cass. LIV. 24, 4).

Результатом дестабилизации на Боспоре стала экспедиция Марка Випсания Агриппы на Боспор, которая произошла не позднее 14 г. до н.э. Именно Агриппа способствует тому, что боспорский трон передается понтийскому царю Полемону, римскому ставленнику. Из некоторых источников следует, что Агриппа даже встретил на Боспоре сопротивление (Ios. Fl. Ant. XVI, 2,2; Eutrop. VII, 9; Dio Cass. LIV, 24, 10). Как бы то ни было, римский протекторат над Боспором устанавливается именно в это время. Вполне вероятно, что Агриппой вновь был поднят вопрос о выполнении условий договора с Асандром. Только при условии лояльности Боспора Рим начнет инвестировать в его экономику[3].

В это время происходит интеграция Боспора в систему внутриримских отношений: на местных статерах портрет царя заменяется изображением Августа на аверсе и Агриппы на реверсе, а сама монета по весу соответствует римскому ауреусу[4]. Более того, Рим планирует широкое наступление на Восток, где Понту и Боспору отводилась роль военного плацдарма. Этим объясняется римская авантюра с Полемоном.

Смерть Агриппы в 12 г. до н.э. и события в германском и дунайском регионах переключили внимание Августа на западные проблемы. Следовательно, боспорская когорта могла быть набрана как раз в промежутке между 14 и 12 годами до н.э.

Вопрос о порядке формирования когорты сложен в условиях отсутствия данных. Стремление получить права римского гражданства делают службу популярной, причем не только у привилегированной прослойки граждан. В КБН с середины I века н.э. встречается обилие римских имен у коренных боспорцев. Боспор находился под контролем администрации провинции Вифиния, скорее всего она и занималась набором. Ниже мы еще раз вернемся к вопросу о формировании контингента когорт.

Первоначальная дислокация когорты — провинция Азия. Из Эфеса происходит надпись префекта когорты Марка Эмилия (ILS, 9499). По свидетельствам Хендерсона боспорская когорта вместе с I Испанской когортой находились в провинции Галатии[5]. Именно здесь встречается надпись Гая Рутилия, приведенная нами выше.

Примерно в 17-18 годах когорта была переброшена в более тревожный регион — Каппадокию. Каппадокийские войска были предназначены Armeniae retinendae, что говорило об использовании контингента для защиты Армении.[6]

Важность Каппадокии для Рима была продиктована стремлением организовать в верхнем течении Евфрата военную границу. А через контингенты, расположенные в провинции, влиять на Армению. По сообщениям Тацита в 18 году н.э. Каппадокия становится императорской провинцией 3 ранга со вспомогательными войсками (Tac. Ann. XII, 49,1). Необходимость сформировать военный контингент Капподокии из войск, способных противостоять парфянской и армянской угрозе, способствовала переброске боспорской когорты. По всей видимости, римляне планировали усилить восточную границу за счет более боеспособных военных подразделений: «Достаточно известно, что были в этом *(сирийском*) войске ветераны, которые не ходили ни на сторожевые посты, ни на вигилии, разглядывали вал и ров, как нечто новое и удивительное, и прошли воен-

ную службу по городам без шлемов, без лат, щеголями и людьми, заботящимися о наживе» (Tac. Ann., 35).

Место дислокации когорты можно определить по более поздним надписям времени Траяна — Адриана. В военном дипломе времен Траяна среди вспомогательных подразделений в провинции Паннония Супериор названа боспорская когорта. Переброска на Запад связана с участием когорты в войнах в Дакии.[7] Скорее всего, в переброске участвовали только вексилляции, т.к. вся когорта не могла покинуть нестабильный в то время восточный регион.

Как мы замечали выше все надписи упоминают связь боспорской когорты с двумя легионами: XII Fulminata и XV Apollinar. Гай Каристаний был трибуном Молниеносного легиона. При нем боспорская когорта находилась в Сирии. В надписи Гая Рутилия привязка вспомогательных войск изменяется на связь с XV легионом. Со времен Тиберия легион перебазировался в Карнунт, то есть в один из центральных городов провинции Паннонии Супериор.

Боспорская когорта в это время входит в состав войск в Каппадокии. Предположим, что когорта вполне могла использоваться в походе римлян против Митридата VIII. Прямых доказательств данного предположения у нас нет. Но стоит отметить, что Юлий Аквила и Юний Килон (Tac. Ann. XII, 21) были военными чиновниками Вифинии. Вполне возможно, что при формировании экспедиционного корпуса на Боспор были задействованы и каппадокийские контингенты, в том числе боспорцы, знакомые с условиями ведения боевых действий. Однако никаких подтверждений эта гипотеза пока не находит.

Лишь во время Траяна происходит передислокация когорты в Паннонию, где она вновь взаимодействует с XV легионом.

Наконец, во времена Адриана вновь происходит переброска когорты на восток. Кстати, ясно, что переброска произошла вместе с XV легионом. Время переброски на Восток приходится на парфянскую компанию Траяна, то есть на 117/118 гг. н.э. После завершения парфянской компании боспорская когорта прикрепляется к Молниеносному легиону и остается в Каппадокии, в Мелитене (римский лагерь в северной части Малой Азии).

Вновь когорта упоминается в «Диспозиции против алан» Арриана (Ekt. 4).

Боспорские пехотинцы идут за ними (италийская и киренейская когорты — А.И.), имея начальником Лампрокла…Фланги колонны с обеих сторон прикрывают их собственные конники.

В боевом построении боспорцы занимают место за шеренгами XII и XV легионов вместе с лучниками нумидийцев, итурейцев и киренцев (Ekt. 18). Конные соединения боспорцев выполняли отдельные функции.

Сообщение Арриана ценно для нас еще и потому, что уточняет ситуацию с типом когорты. По всей видимости, с самого начала когорта была миллиарной и смешанной, то есть являлась cohortes equitatae с преобладанием пехотных соединений лучников.

Л. Чисмен, исследователь римских аукзиларных частей, отмечает, что подобные когорты были намного слабее, чем алы и легионные отряды кавалерии.[8] Однако исследования Давиеса и Саддингтона убедительно показали, что эквитатные когорты являются более специализированным и в то же время универсальным родом войск.[9] Они могут применяться для разведки, сопровождения, защиты фуражиров, как эскорт. Кроме того, солдаты таких когорт могут более успешно действовать, чем кавалерия в пересеченной, лесистой местности. Во главе когорты стоял трибун. Соотношение сил в когорте было примерно следующим: 10 центурий пехоты и 6 турм кавалерии, то есть 760 на 240[10]. Не можем не отметить, что подобное тактическое решение при создании военного соединения широко было распространено на Боспоре.

Интересно, что Арриан упоминает начальника когорты — Лампрокла (Arr. Ekt.,3). Но в то же время благодаря греческим надписям мы знаем, что командовали когортой в

это время Тиберий Клавдий Криспиан и Т. Флавий Вар Калвесиан, т.е. Лампрокл был начальником не всей когорты, а лишь вексилляции. По всей видимости, Арриан формируя войско против алан, решил взять лишь часть каппадокийской армии, что логично в условиях опасности удара алан прямо по провинции.

Когорта прочно прикрепляется к восточной границе Рима, перебазируясь в III веке в Арауракк, то есть на самую границу с Арменией. Некоторые данные о жизни когорты в период конца II — начале III века н.э. находим благодаря новым археологическим открытиям на территориях «понтийского лимеса»[11]. Как было отмечено выше, когорта тесно прикреплена к XV и XII легионам, вексилляции которых в конце II века (правление императоров Комода, Септимия Севера) участвуют в охране лимеса в Понте. Так, при раскопках Пицундского городища были обнаружены керамические клейма XV легиона[12]. Еще более интересные данные получаем при раскопках Апсара: гарнизон укрепления состоял из 5 вспомогательных когорт, одна из которых четко фиксируется, - Cohors II Claudiana. Но вместе с клеймами этой когорты обнаружены клейма с надписью SAG I[13].

Позволим себе предположить, что в конце II века н.э. Боспорская когорта лучников совместно с вексилляциями XV и XII легионов активно участвует в охране «понтийского лимеса», в частности, возможно, располагается в Апсаре. Судя по тому, что после 256 года н.э. вексилляции XV легиона не фиксируется в Питиунте, возможно предположить, что и вспомогательные когорты меняют свою дислокацию, в частности Боспорская когорта размещается в Арауракe.

Информация о конных боспорских соединениях достаточно скупа для полной реконструкции боевого пути. Все же отметим, что время появления когорты, по всей видимости, связано со временем Клавдия и воцарением на Боспоре Котиса I. Римская империя вплотную подходит к границам Боспора, когда как свидетельствует Светоний, Понтийской царство становится провинцией (Nero, 18). Военные действия на Боспоре в 45/46–49 гг. н.э. против Митридата VIII (Tac. Ann. XII, 21) не могли обойтись даром для боспорской царской администрации. Перед Котисом явно были поставлены ряд требований, необходимых для исполнения. Среди них уже традиционно было требование вспомогательных войск.

По всей видимости, именно так начинается истории боспорской алы. Примечательно, что во главе римского экспедиционного корпуса стоял легат Мезии Авл Дидий Галл. Именно в Мезии предстоит служить воинам боспорской алы. Ала активно участвовала в обороне Дунайских провинций Рима в 69 году от роксолан[14].

Ала была милиарной, состоящей из 24 турм; во главе стоял префект алы. Боевой путь боспорской алы был таким же сложным как и у когорты. Как было сказано выше, начав свой путь в Мезии, на Дунайской границе, ала прочно закрепляется за этим регионом. Во всяком случае, судя по диплому с упоминанием алы, во времена Марка Аврелия она дислоцировалась в провинции Дакия Супериор. Благодаря имени Гельвия Пертинакса в дипломе, который назван легатом, возможно более точно установить время диплома, а следовательно, и время дислокации когорты в Дакии. Хронологически этот период приходится на 177–178 гг.

В начале двадцатых годов XX века были произведены раскопки античных построек у с. Черковица Ловечской области Болгарии. В ходе раскопок был вскрыт римский лагерь Секуриска, в котором обнаружили надгробие всадника Боспорской алы. Хронологически надгробие относится ко времени не позднее правления императора Клавдия[15]. Данный археологический факт полностью подтверждает нашу теорию происхождения алы.

Вполне вероятно, что местом расположения алы в это время был паг Миция (Micia), контролировавший территорию восточного побережья провинции. К сожалению, большей информацией о передислокации боспорской алы мы не располагаем.

Еще одним интересным источником с упоминанием боспорской алы — надгробие Тутора Сильвана из Иллирии. Ясно, что перед нами уже не боспорец, взявший себе псевдоним на римский лад (если переводить имя воина то получится «защитник Сильва-

на»). Вероятно, что привлечение иллирийского, точнее паннонского, пополнения связано с какими-то крупными потерями алы, восполнить которые только за счет боспорцев было либо невозможно, либо нецелесообразно.

I гальско-боспорская когорта базировалась также в провинции Дакия Супериор. Из диплома узнаем имена двух воинов: Лициния Негрина и Гептапора Изия, сына Бесса. Время появления диплома относится к 158 году. Уверенно можно сказать о том, что оба воина никакого отношения к Боспору не имели. Вероятно, что время появления когорты можно также связать с последствиями экспедиции на Боспор А. Дидия Галла. Во всяком случае локализация боспорской алы и галло-боспорской алы в Дунайском регионе напрямую связана с крупным мятежом 69 года. Новые части, заменившие бунтовщиков и несвязанные с регионом, пополнялись за счет местных жителей[16]. По всей видимости, ко времени правления Адриана этот процесс приобрел массовый характер, что и нашло отображение в дипломе галло-боспорской алы.

Теперь, после реконструкции боевого пути боспорских частей в римской армии, логично вновь вернуться к вопросу о наборе, а также к вопросу о ветеранах этих частей. Все дело в том, что элементарные подсчеты свидетельствуют о том, что Боспор мог спокойно выставить не менее 1000 пехотинцев и 1000–1500 кавалеристов без особого напряжения и с сохранением боеспособности собственной армии.

Что касается следов пребывания на Боспоре ветеранов боспорских аукзилий, то они также имеются. Речь идет о пряжках римского типа. Согласно анализу большинство пряжек, найденных на территории Боспора (в том числе с тамгами)[17], они относятся к типам, распространенным среди дунайской армии. Но как видно из приведенного выше боевого пути боспорцев, они участвовали в разное время в частях на Дунае. Естественно, что отсюда они воспринимают традицию использования пряжек, да и других предметов римского военного снаряжения, и переносят их на боспорскую почву.

Особо отметим, что пик популярности пряжек приходится на I век, то есть как раз на «дунайский» период дислокации боспорской когорты и боспорских ал. А.А. Труфанов четко отмечает: «Датировка большей части причерноморских комплексов с «дугоконечными» пряжками свидетельствует о том, что здесь они появились чуть позднее, чем у центральноевропейских варваров, и использовались короткий период времени — в границах жизни одного поколения»[18]. В комплексах конца I века н.э. они уже неизвестны. Возрождение моды на использование пряжек приходится на II век н.э., причем производство налаживается внутри Боспора.

Согласно этим данным, вполне уверенно можно говорить о том, что первые ветераны боспорских аукзилий появились на Боспоре примерно в середине I века н.э. Если взять за основу 25-летний срок службы во вспомогательных римских частях, и наши выкладки по времени появления боспорской когорты, как раз получается время 20–30-х годов I века н.э. Возможно, что законодателями моды на пряжки для боспорских воинов стали легионеры XV легиона, долгое время находившиеся в Карнунте, в Паннонии. Как бы то ни было, но к концу I века н.э. происходит разрыв боспорских вспомогательных частей и самого Боспора. Вероятнее всего, подобный разрыв с родиной связан с переброской когорты в Паннонию и в перипетиях местных событий. Во II же веке ветераны вновь возвращаются на Боспор, продолжая моду на пряжки.

Следует отметить, что богатой коллекцией римских пряжек располагает Музей истории Пермского Университета. Особо отметим деталь пряжки из коллекции генерала Пальникова, инвентарный № 2264. Генерал Пальников, организовавший собственную весьма богатую коллекцию античных вещей, многое приобретал непосредственно в Керчи у купца и знаменитого торговца антиквариатом Захарьева. Именно из Керчи происходят музейные пряжки.

Вышеприведенная пряжка вызывает интерес по причине сходства с пряжкой римского типа, хранящейся в Государственном Эрмитаже (П.1909.142). В пермском музее представлена непосредственна сама пряжка, без щитка. Она полностью аналогична питерской. Без сомнения, данный тип выделяется из группы пряжек римского типа своей

изящностью и ажурностью исполнения. В этом смысле аналогичность пермской и питерской пряжек показывает, что в Пантикапее действительно налаживается серийное производство пряжек римского типа, используемых ветеранами боспорских частей римской армии.

В собрании пермского музея имеется еще одна аналогия с пряжкой из коллекции Эрмитажа (П.1891.742)[19]. Все это подтверждает факт распространения римского вооружения и снаряжения на Боспоре. Следует отметить, что М.Ю. Трейстер, исследуя коллекцию Эрмитажа, пришел к выводу о предназначении пряжек как наград и отличий в боспорской армии[20]. Однако исследование пермской коллекции показали, что пряжки римского типа вполне могли использоваться и без тамг царей на щитках, то есть как обычные детали военного костюма.

Причем, постепенно изменяется декор ажурных частей пряжек. Фрагмент пряжки (инв.№2314) представлен уже не типом с «лебедиными головками», а просто небольшими каплеобразными отверстиями, при сохранении общей римской формы пряжки. Пряжка со щитком (инв. №2113) демонстрирует следующий тип трансформации пряжек. Здесь нет ни «лебединых головок», ни каплеобразных отверстий, внутренняя сторона пряжки имеет форму незаконченной восьмерки, то есть по середине появляется выпуклость. Ажурность перехода от пряжки к щитку исчезает. Ее место занимает более прочный и надежный вид соединения. Именно такой тип получает дальнейшее распространение: пряжка (инв. №2988) выполнена в виде восьмерки, состоящей не из кругов, а из сильно вытянутых к полюсам овалов. Край нижнего овала спрямлен так, чтобы по краям остались небольшие хвостики. Через этот край к пряжке крепился щиток. Оригинальна форма пряжки (инв. №2987): верхний край выполнен в виде арки, которая постепенно сужается и переходит в две прямые, идущие к штанге крепления щитка. Поверхность обеих пряжек покрыта неглубокими черточками, имитирующими ребристость. Размер приведенных пряжек значительно меньше, чем вышеописанных.

Вероятно, что они предназначались для ремней, скрепляющих какие-либо предметы воинской амуниции. Особо отметим пряжку инв. №2075. Вероятно, что пряжка датируется также более поздним временем, чем все вышеприведенные. Сама бронзовая пряжка выполнена в виде прямоугольника (4 к 3,3 см). Но внимание привлекает язычок крестообразной формы. Явно, что данный тип, хотя и имеет римские корни, уже достаточно далек от своих предков. Если на пряжках, приведенных М.Ю. Трейстером, щитки имели ажурный рельеф с вписанными тамгами боспорских царей, то на простых пряжках использовался щиток в упрощенном варианте. Это прямоугольной формы щиток, состоящий из двух пластин. Пластины крепились друг к другу с помощью маленьких гвоздиков, которые располагались по краям и в середине щитка. Между пластинами оставалось небольшое расстояние для ремня. Судя по всему, подобные пряжки были распространены и в боспорской армии, потому в массовом порядке производились в Пантикапее.

Отметим, что та же самая ситуация прослеживается и по конному снаряжению. Большой интерес представляет небольшая бронзовая статуэтка орла из Музея Истории Пермского Государственного Университета (коллекция Пальникова, инв. №3218). Орел представлен с распростертыми крыльями и головой, повернутой влево. Слева прикреплен хвост птицы. Высота фигурки 74 мм при ширине в 50 мм и толщине 16 мм. На задней части статуэтки есть две скобы (по всей видимости, они загибались).

Генерал Пальников, первый владелец бронзового орла, датировал его I веком н.э., написав в заметках к вещи, что приобретена она в Керчи и принадлежит, вероятно, греко-римской традиции. Хронологически статуэтка относится к I веку н.э.

А.В. Колобов, первым исследовавший статуэтку, предположил, что «первоначально наш орел увенчивал боевой значок или стяг какой-либо небольшой римской воинской части — легионной когорты, центурии, манипулы или турмы, либо вспомогательной алы или когорты»[21]. Впоследствии орел использовался как украшение портупеи или оружия.

При детальном рассмотрении возможно найти взаимосвязь изображения нашего орла с орлом подвески конской упряжи I века н.э. из Аугусты Раурики[22]. Вероятно, ветеран боспорской алы принес с собой на родину детали воинского снаряжения.

Отметим также бронзовую накладку на пояс с ажурным изображением сцены охоты собаки на птицу, происходящую из пантикапейских находок. Аналогия ей обнаружилась в Вайсенбурге, Карнунте и относятся к II–III вв. н.э.[23]

Вполне вероятно, что к римским ветеранам можно отнести двух боспорцев, чьи надгробные надписи зафиксированы в КБН.

Аврелий Родон, сына Лоллея, наместника царской резиденции (КБН 58). В надписи говорится, что Аврелий Родон хилиарх и римский всадник, а также известен Августам. По контексту всей надписи звание хилиарха стоит читать как «военный трибун». По всей видимости, перед нами боспорец, добившийся немалых успехов на римской военной службе и вернувшийся на Боспор для отправления должности, сходной «заведующему царством».

Подобного же агента Рима встречаем и чуть позже, в надписи 306 года н.э. (КБН 64). Здесь встречаем Аврелия Валерия Сога, сына Олимпа, начавшего римскую службу при императорах Диоклетиане и Максимиане. Судя по собственному имени и имени отца, этот человек боспорец. Следует согласиться с мнением В.Ф. Гайдукевича, что Аврелий Сог был почтен римскими императорами за какую-то службу вне Боспора, в одной из римских провинций (епархий)[24]. В пользу этого говорит также то, что в надписи прямо указывается, что Аврелий Сог 16 лет не был на родине, то есть на Боспоре, вероятно исполняя римскую службу.

Еще более интересно то, что этот человек поставлен наместником Феодосии, то есть на один из ключевых постов в государственном аппарате. Таким образом, во II–III веках н.э. на военно-государственные посты в Боспорском царстве попадают люди, прошедшие римскую военную службу, специалисты в военном деле, что создавало более расширенную базу для преобразования боспорской армии и построении ее на передовых в то время технологиях. Вместе с тем, следует особо отметить заинтересованность самого Рима в подобном экспорте и подготовке специалистов для Боспора. Не следует забывать, что Боспор являлся своеобразной буферной зоной между Римом и миром кочевых варварских племен, и от того, на сколько будет силен Боспор напрямую зависела безопасность римских северо-восточных границ.

Таким образом, мы видим, что процесс романизации Боспорского царства шел по разным направлениям: по пути внедрения римского вооружения и снаряжения, а также путем вербовки боспорцев для службы в римской армии. Во всяком случае, отметим, что Боспор получал прекрасную возможность обучения своих воинов в одной из лучших армий античного мира — римской. Вероятно, именно ветераны боспорских формирований римской армии приносили на Боспор многие элементы военного костюма, которые ранее не использовались в боспорской армии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Надписи приводятся по: *Граков Б.Н.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях // ВДИ. 1939. №3. Надписи № 7, 34.
2. Обратим внимание на то, что у Б.Н. Гракова текст искажен. Так Тит Калвесиан назван сыном Стратоника с Кириною, неверное прочтение и последних строк надписи.
3. *Булкин И.Ю.* Этапы и характер римского военного проникновения в Северное Причерноморье. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Саратов, 1999. С. 10–11.
4. *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986. № 255.
5. *Henderson J.G.W.* A Roman Life: Rutilius Gallicus on Paper and in Stone. Exeter, 1998. P. 6.
6. *Кудрявцев О.В.* Каппадокия в системе римской провинциальной политики // ВДИ. 1955. № 2. С.118.

7. *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. Спб.,1913-14. С.331-332
8. *Davies R.W*. Cohortes Equitatae // Historia. 1971. №20. P.754.
9. *Davies R.W*. Op cit. P.756, 758. *Saddington D.B*. The Development of the roman auxiliary forces from Augustus to Trajan // Aufstieg und Niedergang der romischen Welt. 1975. Bd.3. Tl.2. S.187.
10. *Webster G.* The Roman Imperial Army. London, 1969. P. 149.
11. *Леквинадзе В.А.* Понтийский лимес // ВДИ. 1969. №2. С. 75–77.
12. *Кигурадзе Н.Ш., Лордкипанидзе Г.А., Тодуа Т.Т*. Клейма XV легиона из Пицундского городища // ВДИ. 1987. №2. С. 88–92.
13. *Мамуладзе Ш.Х., Халваши М.С., Асланишвили Л.С.* Римские гарнизоны Апсара // ВДИ. 2003. № 1. С. 33–39.
14. *Benes J.* Auxilia Romana in Moesia atque in Dacia. Prag, 1978. P. 6. В 69 году на Дунае действовали три алы: ala Augusta, ala Bosporanorum, ala Capitoniana.
15. *Мартемьянов А.П.* Выходцы из Северного Причерноморья в Нижней Мезии и Фракии в I–III вв. н.э. // Вісник Харківського державного університету. № 385: Історія. Вип. 28. Харьків, 1994. С. 51.
16. *Коннолли П.* Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2000. С. 224.
17. *Труфанов А.А.* Пряжки ранних провинциально — римских форм в Северном Причерноморье // РА. 2004. № 3. С. 167–168.
18. Там же. С. 167.
19. Подобная же пряжка хранится в собрании Берлинского музея. *Драчук В.С*. Ук. соч. Табл. XV. Рис.5.
20. *Трейстер М.Ю.* Местные подражания деталям римского военного костюма на Боспоре // ВДИ. 2000. №3. С.121.
21. *Колобов А.В.* Статуэтка бронзовой птицы из коллекции Музея истории Пермского Университета: деталь римского воинского снаряжения? // Новый Гиперборей. Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 2004. С. 18–22.
22. Deschler — Erb E. Ad Arma! Roemisches Militaer des 1. Jahrhuderts n.Chr. in Augusta Raurica. Augst, 1999. S. 167. Tafel 27, № 551.
23. *Oldenstein J.* Zur Ausruestung roemischer Auxiliareinheiten. Studien zu Beschlaegen und Zierat an der Ausruestung der roemischen Auxiliareinheiten des obergermanisch-raetischen Limesgebietes aus dem zweiten und dritten Jahrhundert n.Chr. // Ber. RGK. 1976. Band 57. № 785, Taf. 62.
24. *Гайдукевич В.Ф*. Боспорское царство. М., 1949. С.451.

A.V. IVENSKIKH

«BOSPORAN» SQUADRONS IN ROMAN IMPERIAL ARMY

The Greco-Roman synthesis in the military science of the Bosporus has found its logical continuation in practice of recruitment for the Roman army subsidiaries — auxilius. The article represents and investigates the data upon three Bosporan military divisions at the Roman service. The work shows, that the process of romanization of the Bosporan state Empire went on in different directions: by introduction of the Roman arms and equipment, and also by recruitment of the Bosporans for service in the Roman army. Probably, veterans from the Bosporan formations of the Roman army brought elements of a military suit which had not been used in Bosporan army earlier.

А.Н. НИКИТИН (Магнитогорск)

ОЧЕРК ИСТОРИОГРАФИИ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РИМСКОЙ АФРИКИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — СЕРЕДИНА XX ВВ.)

Историография военной истории римской Африки неотрывна от процесса исследования римской Африки в целом. Мы полагаем, что в его развитии можно выделить три основных этапа: колониальный (вторая половина XIX — середина XX вв.), переходный (60–70-е гг. XX в.), с 1980-х — международного сотрудничества. Данная статья посвящена характеристике первого периода.

Начальный период изучения — с середины XIX до середины XX вв. — можно с полным правом назвать колониальным. В условиях колониального владычества Франции в Магрибе французские антиковеды заняли практически монопольное положение в изучении римской Африки.

В рамках колониального этапа можно выделить две стадии — стадию романтического, дилетантского исследования античной Африки и стадию научного поиска.

Романтическая стадия исследования римской Африки началась в начале XIX в., когда на руинах древнего Карфагена появились первые археологи-любители из Европы[1]. В связи с оккупацией региона (1830 — Алжир, 1881 — Тунис) значительный вклад в начальное изучение античного прошлого Магриба внесли французские военные. В 1861 в военном и административном центре французского Алжира Константине — крупном городе позднеантичной эпохи — усилиями военной администрации был создан музей географии и археологии. Франция эпохи Наполеона Бонапарта, когда начались любительские археологические раскопки в Алжире и Тунисе, позиционировала себя как империю — наследницу античного Рима. Поэтому французских исследователей, прежде всего, интересовали римские города, дворцы правящей элиты, памятники христианства и военные базы императорской армии[2]. Интерес широкой публики к африканской античности подогрел роман Г. Флобера «Саламбо», после появления которого в 1862 г. руины античного Карфагена и тунисский курорт Хаммамет на многие десятилетия превратились в место паломничества французской богемы[3].

В первые месяцы французской оккупации Туниса в страну по поручению правительства прибыл Р. Канья (1852–1937) — филолог-классик, эпиграфист, с именем которого связано начало научной стадии изучения античного Магриба. Тема римского военного присутствия в северной Африке стала главной для этого исследователя на многие годы[4]. Р.Канья стал автором первой монографии по римской оккупации северной Африки, которая не потеряла актуальности до сих пор[5].

Р. Канья стоит у истоков археолого-эпиграфического изучения легионного лагеря в Ламбессе — главной базе римского военного присутствия в Магрибе. Результаты своих исследований Канья публиковал преимущественно в центральном французском антиковедческом издании того времени — Comptes-rendus des seances de l'Academie des inscriptions et Belles Lettres, в котором работы по Римской Африке в итоге заняли центральное место[6]. В частности, Р. Канья наряду с лагерем для легиона обнаружил в Ламбессе лагерь для вспомогательных частей[7].

Под влиянием Р. Канья Ф. Кюмон, ставший впоследствии авторитетным исследователем духовной культуры Римской империи, свои первые шаги в большой науке делал при изучении памятников легионного лагеря Ламбессы[8] .

Р. Канья был среди организаторов Института Карфагена в 1893 г. Под эгидой Института с 1894 по 1940 издавался первый научный журнал, выходивший в Африке — «Revue Tunisiene». Там печатались результаты археологических исследований не только в Карфагене, но также в Тубурбо Майусе, Тубурбо Минусе, Булле Регии, Табарке, Тимгаде. В серии «Библиотека Института Карфагена» было опубликовано одно из первых региональных эпиграфических собраний[9].

Значительную роль в развитии античной археологии и эпиграфики римского Алжира сыграл С. Гзелль[10]. С.Гзеллю принадлежит честь открытия Тебессы (античной Тебесте) — крупной римской военной базы, предшествовавшей Ламбессе[11], публикации по археологическому изучению легионного лагеря в Ламбессе[12].

В межвоенный период ведущая роль в изучении римской Африки принадлежала Ж.Каркопино — ученику Ст. Гзелля. Будучи вхож в круг французской властвующей элиты (1912 — секретарь премьер-министра Р.Пуанкаре, 1940–41 — директор Эколь Нормаль и ректор Парижской академии, 1941–42 гг. — министр образования в вишистском правительстве А. Петэна), Ж. Каркопино, подобно Р. Киплингу в Англии, стал одним из главным пропагандистом имперских идей в своей стране, а его книги, написанные ярко и увлекательно, пользуются большой популярностью до сих пор[13].

Концепция «благодетельного» империализма, присущая французской историографии колониального периода в целом и наиболее ярко выраженная в работах Ж. Каркопино, сформировалась в результате его длительного пребывания в странах Магриба и погружения в историю южных провинций Римской империи. Посетив первый раз Магриб в 1906 году[14], Каркопино с 1912 по 1914 являлся директором Национального музея алжирских древностей и лично руководил изысканиями французских археологов и эпиграфистов в северной Африке.

Вклад Ж. Каркопино — исследователя в военную историю римской Африки имперской эпохи выразился в создании серии публикаций по археологии и эпиграфике Ламбессы[15], а также первой монографии по истории мавританских провинций[16].

В 30-х гг. XX в. появились первые региональные научные периодические издания во французской Африке, в которых публиковались материалы по военной археологии античной эпохи[17].

Последнее десятилетие «колониальной» историографии римской Африки отмечено интенсивной деятельностью пионера аэрофотосъемки как метода исследования античных памятников Алжира и Марокко полковника Ж. Барадеза[18]. Ж. Барадез является автором первой монографии об африканском лимесе и стоит у истоков международных конгрессов по римской лимесной археологии.

С 1953 г. выходит «Бюллетень службы древностей Алжира», на страницах которого Ж. Барадез активно публикует свои работы по нумидийскому лимесу[19].

Таким образом, первый период развития историографии военной истории римской Африки осуществлялся в рамках французской школы антиковедения. С этим периодом связаны первые и весьма интенсивные археологические раскопки, активная публикация результатов исследований в центральной научной периодике, появление первых специализированных исследований, посвященных римской императорской армии в южных провинциях и, в частности, лимесу, а также первые попытки концептуального осмысления процесса римской оккупации региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Debergh J*. L'aurore de L'Archeologie a Carthage au temps d'Hamouda bey et de Mahmouda bey (1782-1824): Frank, Humbert, Caronni, Girlew, Borgia // L'Africa Romana. Geografi, viagittori, militari nel Maghreb: alle origini dell' archeologia nel Nord Africa. Atti del XIII Convegno di studio sull' Africa Romana. Djerba, 1998 / Cura M.Khanoussi, P.Ruggiero, C.Vismara. Roma, 2000. P. 457-468.
2. *Doclin-Payre M*. L'Armee d'Afrique face a l'Algerie romaine: enjeux ideologiques et contraintes pratiques d'une oevre scientifique au XIX siecle // L'Africa Romana. Geografi, viagittori, militari nel Maghreb: alle origini dell' archeologia nel Nord Africa. Atti del XIII Convegno di studio sull' Africa Romana. Djerba, 1998 / Cura M.Khanoussi, P.Ruggiero, C.Vismara. Roma, 2000. P.725-732; *Blanchard-Lemee M*. De l'exploration archeologique de la Tunisie aux collections de mosaiques: le role des officiers francais (1882-1891) // L'Africa Romana. Geografi, viagittori, militari nel Maghreb: alle origini dell' archeologia nel Nord

Africa. Atti del XIII Convegno di studio sull' Africa Romana. Djerba, 1998 /Cura M.Khanoussi, P.Ruggiero, C.Vismara. Roma, 2000. P.573-580.

3. *Briand-Ponsart C*. Gustave Flaubert a la decouverte de Carthage.Note preliminare // L'Africa Romana. Geografi, viagittori, militari nel Maghreb: alle origini dell' archeologia nel Nord Africa. Atti del XIII Convegno di studio sull' Africa Romana. Djerba, 1998 /Cura M.Khanoussi, P.Ruggiero, C.Vismara. Roma, 2000. P.507-513.
4. *Cagnat R*. Lettres de Tunisie 1881–1882–1883 // BSGAO. 1938. T.59. Fasc.210. P. 132-152; Le Bohec Y. Wilmans, Cagnat et les inscriptions de la "Numidie Militaire" // Antiquites Africaines. 1993. N 29. P.221-228.
5. Cagnat R. L'armee romain d'Afrique et l'occupation militaire de l'Afrique sous les impereurs. Paris, 1892 (второе издание – исправленное и дополненное - 1913.
6. *Cagnat R*. Découvertes sur l'emplacement du camp de Lambese // CRAI. 1901, p. 626-634; *Cagnat R*. Note sur les découvertes nouvelles survenues en Afrique // CRAI. 1902. p. 36-37; *Cagnat R.* Sur une inscription latine trouvie a Lambese // CRAI. 1905. p. 531-533; *Cagnat R*. Inscriptions romaines decouvertes a Lambese et Djemila // BCTH. 1911. P.ccxxxix-cccxli; *Cagnat R*. Inscriptions romaines decouvertes a Lambese et Djemila // BCTH. 1913. P. CCXLVII-CCLII; *Cagnat R.* Inscriptions romaines decouvertes a Lambese // BCTH. 1915. P. CXVIII-CXX; *Cagnat R.* Inscriptions trouvies a Lambese // BCTH. 1915. P. CLXVI-CLXVIII; Idem. Inscriptions latines decouvertes a Lambese // BCTH. 1916. P. CCXXXIX-CCXLIV; Idem. Inscriptions romaines decouvertes a Lambese // BCTH. 1916. P. CXXXII-CXXXVII; Idem. Inscription romaine decouverte a Lambese // BCTH. 1917. P. CLXVIII-CLXXII; Idem. Inscriptions romaines dicouvertes a Lambese, Madaure, Khamissa. // BCTH. 1917. P. CLXXXV-CLXXXVII; Idem. Inscriptions romaines de Lambese // BCTH. 1918. P. CLXXXIII-CXC, CC-CCII.
7. *Cagnat R.* Armie romaine d'Afrique, 2-e id., Paris, 1913. P. 441, 443.
8. *Cumont F*. Decouvertes archeologiques a Lamb èse // BCTH. 1905. P. CCIV-CCV.
9. *Poinssot L*. Inscriptions de Thugga /Biblioteque de l'Institute de Carthage XI. Tunis, 1922.
10. *Gsell S*. Les Monuments antiques d'Algerie. Paris, 1901. Vol.1-2; *Gsell S.* Atlas archeologique de l'Algirie, Paris, 1911; Id., Histoire ancienne de l'Afrique du Nord, Paris, 1913-1928. Vol. 1-8.
11. *Gsell S.* Musee de Tebessa. Paris, 1902. О Тебессе как военном лагере см. также: *Pachtire de F*. Les camps de la III-e legion en Afrique au Ier sincle de l'Empire // CRAI. 1916. P.273-284.
12. *Gsell S*. Notes d'archeologie algirienne,. I inscriptions, II, Stile d'El Kantara, III, Le camp primitif de Lambese // BCTHS. 1901. P. 308-323.
13. *Carcopino J. Cesar. P.*, 1936; Idem. Les etaps de l'imperialisme Romain. P., 1961; Idem. Les bonnes lecons. P., 1990; Idem. Profils de Conquerants. P., 1992.
14. *Carcopino J.* Mission en Tunisie (1906) // Souvenirs romaines. Paris, 1967. P.111-129.
15. *Carcopino J., Focillon H.* Inscriptions latines d'Afrique // BCTH. 1904. Pp. 190-216; Carcopino J. Inscriptions de Khamissa, Lambese, Tebessa et Timgad // BCTH. 1905. P. 218-245; *Carcopino J.* Inscriptions romaines du musie de Lambese // BCTH. 1919. P. CCV-CCXIV; *Carcopino J.* Inscriptions latines relevies a Djemila et Lambиse // BCTH. 1920. Pp. LXXXIV-XCI; *Carcopino J.* Inscriptions latines relevies a Oued-Chouk, Djemila, Lambese, Silligue, Merkkala, Cherchell // BCTH. 1920. P. LVI-LXVI; Idem. Glose d'un passage de l'adlocutio de Lambese // BCTH. 1921. P. CCLXVII-CCLXIX; Idem. Restitution d'un passage de l' «adlocutio» d'Hadrien a Lambese // BCTH. 1921. P.CCLXVII-CCLXIX; Idem. Corrections a deux inscriptions de Lambese portant riglement pour les tubicines et les cornicines // BSNAF. 1926. P. 136-137. (C.I.L., VIII, 2557; 18501) и Тебессы (*Carcopino J.* Note sur une inscription de Tebessa et l'activiti des «arcarii» // BCTH. 1936-1937. p. 187; Idem. Observation sur l'arc de Tebessa // BCTH. 1943-1945. P. 114.
16. Idem. Le Maroc antique. Paris, 1943.
17. *Massiera P.* Notes archeolgiques. I. Les alentours du praetorium de Setif. II. Fondation de la Compagnie algirienne. III. Nouvelle poste. IV. Tombes du faubourg de la gare. V. Sondages

au champ de manoeuvre.VI. Une mosaïque inédite de Sétif. VII. Une trouvaille de monnaies musulmanes // Bulletin de la socite Historique et geographique de la region de Setif (Tocqueville). 1935. N 1. P. 85-107; Idem. Quatre épitaphes setifiennes [romaines] // Bulletin de la socite Historique et geographique de la region de Setif. 1935. N 1. P.108-1110.

18. *Baradez J.* Vue aerienne de l'organisation romaine dans le Sud algerien. Fossatum Africae. p., 1949; Idem. Fossatum Africae. Recherches aeriennes sur l'organisation des confines sahariens a l'epoque romaines. p., 1949; Idem. Tipasa. Ville antique de Mauretanie. Alger, 1952.
19. *Baradez J.* Inscriptions de la region du Limes de Numidie // Bulleten de Service des Antiquites de l'Algerie. 1953. N 1. P.151-156; Idem. Nouvelles foulles a Tipasa // Bulleten de Service des Antiquites de l'Algerie. 1961. N 9. P.7-200.

A.N. NIKITIN

SKETCH ON HISTORIOGRAPHY OF MILITARY HISTORY OF ROMAN AFRICA (second half of 19th — mid. of 20th cc.)

The article is devoted to studying of history of the Roman Africa during the colonial period. Within the framework of a colonial stage it is possible to single out two stages: the amateurish research and the scientific search. The beginning of a scientific stage of studying antique Maghrib is connected to a philologist-classics R.Kanja. During the interwar period the leading part of studying the Roman Africa belonged to Z.Karkopino. Last decade a «colonial» historiography of the Roman Africa is marked by activity of the pioneer in the air photography a colonel Z.Baradez.

А.Н. НИКИТИН (Магнитогорск)

ИСТОРИОГРАФИЯ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РИМСКОЙ АФРИКИ (с 1960-х гг. по настоящее время)

Шестидесятые-семидесятые годы прошлого века выделяются нами как особый, второй этап в развитии римской африканистики. На рубеже 1950-60-х гг. происходит крушение колониальной системы. Марокко, Алжир, Тунис и Ливия стали независимыми государствами. Свертывание французского колониального присутствия в странах Магриба (Марокко, Алжире и Тунисе) выразилось в существенном сокращении — особенно на рубеже 50-60-х гг. — археологических исследований по римско-африканской проблематике. В рассматриваемый период сошли со сцены исследователи, проявившие себя в 1930-50-х гг. (Ж. Каркопино, Л. Леши, Ж. Барадез, Гудчайлд и др.), и заявили о себе ученые молодого поколения, в изменившихся исторических условиях обратившиеся к новым сюжетам.

Особенно пострадал в качестве центра антиковедческих исследований Алжир, где ликвидация колониальной системы вылилась в ожесточенный франко-алжирский военный конфликт 1958-1962 гг. Последовавшее в результате поражения французов массовое изгнание европейцев в метрополию сопровождалась закрытием в Алжире всех региональных антиковедческих музеев и периодических изданий, прекращением работы археологов.

Новым центром по изучению античной истории Алжира стал университет города О-эн-Прованс, куда были эвакуированы архивы, некоторые музейные ценности, а также

исследователи, занимавшиеся историей римской Африкой. С 1967 г. здесь начинает выходить журнал «Antiquites Africaines» («Африканские древности») под редакцией Ж.Лассю, где уделялось определенное внимание военной истории. Там, в частности, публиковались новые материалы по археологии и эпиграфике из римских военных лагерей Ламбессы[1], просопографические этюды по системе провинциального управления и управления анноной — службой продовольственного обеспечения эпохи кризиса III века[2].

Положение дел на «нумидийском» участке характеризует ситуация с центральным академическим изданием «Comptes-Rendus des séances de L'Academie des inscriptions et belles letters» (CRAI), где в колониальный период печатались сотни публикаций по археологии и эпиграфике римской Африки. В рассматриваемый период там были опубликованы всего две работы по алжирскому материалу[3].

В независимом Алжире с 1965 г. стал выходить «Bulletin d'Archeologie Algerienne» (Биллютень алжирской археологии), свидетельствовавший о некоторой реанимации античной археологии и возобновлении, правда, в весьма ограниченных масштабах, сотрудничества алжирских и зарубежных специалистов. В 1960-70-х гг. здесь была опубликована серия статей, связанных с новыми археологическими открытиями на нумидийском лимесе[4].

В Ламбессе — главном центре римского военного присутствия на Черном континенте — раскопки были возобновлены только на рубеже 60-70-х гг.[5] В это время участие в раскопках на территории Алжира принимают зарубежные специалисты не только из Франции, но и из ФРГ и Италии[6].

В «Бюллетене» печатались также материалы, связанные с интерпретацией эпиграфических находок. Обогатилась просопография наместников нумидийской и мавританской провинций[7]. Публиковались также этюды по эпиграфике из зоны нумидийского лимеса[8].

Первые признаки интернационализации научных исследований, связанных с военной историей римской Нумидии, связаны с деятельностью редакции бельгийского журнала «Латомус». В 1962 г. в приложении к журналу вышел сборник, посвященный выдающемуся антиковеду-африканисту А. Гренье, где опубликовались ученые старшего — «колониального» — поколения: Ж. Барадез, А. Д'Эскурак-Дуаси, А. Деман[9]. На страницах «Латомуса» печатались материалы, посвященные деятельности губернаторов римской Нумидии[10]. Именно в этом журнале опубликовала одну из своих статей англичанка Э.Фентресс, ставшая в конце 1970-х гг. одной из ведущих исследовательниц нумидийского лимеса[11].

Уровень археологических исследований нумидийского лимеса весьма красноречиво раскрывает тема доклада П.Труссэ на XI лимес-конгрессе 1977 г. в Будапеште: «Лагерь в Гемеллах на нумидийском лимесе по трудам полковника Ж.Барадеза»[12]. Напомню только, что полковник Барадез — исследователь нумидийского лимеса середины XX века. Несмотря на замедление темпов исследования нумидийского лимсеса и проблемы римского военного присутствия в Нумидии в 1960-70-х гг., наработки, сделанные в предшествующий период были настолько велики, что позволили Э. Фентресс подготовить монографическое исследование, давшее возможность сделать важный шаг вперед в исследовании нумидийского лимеса со свремени выхода в свет книг Ж. Барадеза[13]. Работа Фентресс — построенная преимущественно на анализе уже известного материала — написана с учетом достижений в фронтирологической проблематике в целом, и в вопросе изучения римского лимеса в частности, где в 1960-70-х гг. обозначилась тенденция изучать его не только как фортификационное сооружение, но и с социально-экономической точки зрения.

В Тунисе, где с установлением в 1957 г. независимости были ликвидированы существовавшие на тот момент музейные и археологические службы и соответствующие научные периодические издания, археологическое исследование сахарского лимеса с участием французских специалистов продолжалось, правда, в весьма ограниченных рамках.

О скромных масштабах исследований можно судить на основе публикаций в CRAI[14] и выходящем с 1966 г. тунисско -французском археологическом журнале «Africa»[15].

В отличие от Алжира и Туниса, где римская военная археология в рассматриваемый период пребывала скорее в состоянии стагнации, 1960-70-е гг. стали периодом активного изучения триполитанского лимеса на территории Ливии. Исследователи из Франции, Италии и Великобритании сосредоточили усилия на изучении важнейшего пункта триполитанского лимеса — форта Бу Ньем. Для поддержки археологических исследований в 1969 г. было организовано Общество ливийских исследований (Society for Libyan Studies), спонсируемое Британской Академией.

Результаты работ публиковались во французском издании CRAI[16] и, главным образом, в выходящем с 1964 г. специализированном археологическом издании Libya Antiqua[17].

Важным итогом исследований триполитанского лимеса стала серия монографий П. Труссэ, где были обощены результаты археологических исследований 1960 — 70-х гг. по данной теме[18], а также монография Ч.Даниэлса о кочевниках — гарамантах, обитавших по ту сторону триполитанского лимеса[19].

Регионом наиболее активных археологических и эпиграфических изысканий по интересующей нас проблеме в рассматриваемый период стало Марокко. Как показывает работа Ж. Каркопино[20], уровень представлений ученых колониального периода об античных памятниках на территории Марокко был весьма приблизительным.

Результаты археологических исследований на территории бывших провинций Тингитанской и Цезарианской Мавританий печатались, прежде всего, в «Bulletin d'archeologie Marocaine» (Бюллетене марроканской археологии) — главном археологическом журнале независимого королевства Марокко. Обращает на себя внимание многоплановость публикаций, помещенных в BAM в эти годы. Среди лимесологических публикаций можно выделить как работы по проблеме мавританского лимеса в целом и в частностях[21], так и его наиболее значительным пунктам[22].

На страницах «Бюллетеня» публиковались материалы, посвященные изучению римского вооружения, обнаруженного на территории мавританских провинций[23].

В «Бюллетене марокканской археологии» получила освещение военно-эпиграфическая проблематика[24].

Военно-эпиграфические сюжеты из римской Мавритании также нашли отражении на страницах «Латомуса» — одного из ведущих мировых периодических изданий по римской эпиграфике[25].

Проблемы изучения мавританского лимеса находили отражение во французской научной периодике того времени[26].

Результаты открытий на мавританском лимесе систематически демонстрировались на лимесологических конгрессах[27].

Успехи археологов и эпиграфистов позволили с начала 1960-х гг. опубликовать трехтомный корпус римских надписей из Марокко[28]. Напомню, что в рассматриваемый период это был единственный значительный эпиграфический проект по римской Африке.

Основными темами военной романо-африканстики данного периода стали взаимодействие римского и туземного элементов в зоне лимеса[29] и, особенно, борьба коренного населения против римского господства — сюжет, навеянный, несомненно, анти-колониалистскими реалиями современности[30]. Благодаря Э. Бирли, Ф. Миллару и П. Гэрнси, формируется представление о римской Африке как о мульти — социокультурной зоне, где латинский элемент был важным интегрирующим, но далеко не единственным и даже не доминирующим компонентом античной цивилизации[31]. Э.Бирли и Ж.Шарль-Пикар — о роли африканской фракции в формировании властвующей имперской элиты в эпоху Северов[32].

Важнейшей чертой современного этапа изучения военной истории римской Африки является интернационализация исследовательского процесса. Наряду с тем, что Франция остается основным центром изучения, в разрешении данной проблемы в последние

десятилетия играют все более активную роль исследователи из стран Магриба (Туниса, Марокко, Алжира), Италии, Испании, Великобритании, США, ФРГ. Небывалого размаха достигла международная кооперация в сфере организации археологических исследований, издания эпиграфических собраний, научных симпозиумов.

Во Франции в последней четверти XX века оформилось несколько научных центров, уделяющих серьезное значение развитию римской африканистики: центр Авзоний при университете Бордо, парижская Эколь Нормаль Супериор, Центр исследований римского Запада при универитете Лион-III имени Жана Мулена. Пожалуй, важнейшим в данной сфере в навстоящий период является Центр Камилла Жюльена (О-де-Прованс), в рамках которого были подготовлены корпуса латинской эпиграфики[33].

С начала 1980-х гг. в различных городах Франции проводятся международные коллоквиумы по истории и археологии Северной Африки. Первый коллоквиум состоялся в Перпиньяне в 1981 г., второй — в Гренобле в 1983, третий — в Монпелье в 1985, четвертый — в Страсбурге в 1988, пятый — в Авиньоне в 1990, шестой и седьмой — в По в 1993, восьмой — в Ницце в 1996 г. Непосредственно вопросам военной истории был посвящен четвертый коллоквиум в Страсбурге.

Материалы данных коллоквиумов публиковались в возобновленном с 1966 г. журнале «Bulletin du Comite des travaux historiques et scientifiques. Section Afrique Nord» (BCTH). В работах, опубликованных на страницах «Бюллетеня» по военной проблематике, наибольшее внимание уделялось лимесной археологии. Наибольшее количество публикаций по данной теме на страницах BCTH, что отражало тенденцию предшествующих десятилетий, было отведено мавританскому лимесу на территории современного Марокко. Ведущим исследователем этого сектора лимеса стал М.Озенат[34].

Проблематика лимеса Проконсулярной провинции нашла отражение в работах Э. Фентресс[35]. З. Бензина Бен Абдалла[36]. Тематика триполитанского лимеса на страницах «Бюллетена» затрагивалась лишь в работе Р. Ребуффа[37].

Особенностью современного этапа лимесологических исследований является стремление рассматривать лимес не только как археологический объект военного назначения[38], но и как особую социо-политическую, экономическую и культурную зону[39].

Среди работ, опубликованных в «Бюллетене» по проблемам военной эпиграфики, были как статьи по африканской группе войск[40], так и по уроженцам африканских провинций, служивших за пределами региона[41].

С проблемами руководства воинских частей в рамках отдельных африканских провинций связаны просопографические этюды Ж. Марсиле-Жобера[42] и М. Ле Глэя [43].

На страницах «Бюллетеня» печатались также работы, связанные с религиозными верованиями воинов африканской группировки войск[44].

Проблема ветеранской колонизации в Северной Африке нашла также отражение в материалах коллоквиумов, опубликованных в «Бюллетене»[45].

Мавританский лимес, как и в предшествующие десятилетия являлся регионом преимущественного исследования. Наряду с французскими археологами[46] в его изучении стали принимать участие специалисты из арабских стран[47].

С 2000 г. Международные коллоквиумы по истории и археологии Северной Африки из Франции были перенесены в страны Магриба[48].

Одним из научных периодических изданий Франции, уделяющим в настоящее время серьезное внимание вопросам военной римской Африки, является журнал «Африканские древности» (Antiquites africaines). Здесь освещаются сюжеты из истории динамично изучаемого мавританского лимеса[49]. Как видно, к публикации в данном авторитетном французском издании привлекаются также авторы из США и Великобритании, что соответствует духу времени.

С 1983 г. видным центром по изучению римской Африки стал сардинский университет Сассари (Италия). Инициатором его создания является выдающийся антиковед-африканист А. Мастино. В сотрудничестве с государственными ведомствами Туниса и ве-

дущими тунисскими археологами, прежде всего М. Ханусси, в 1990-х гг. были организованы археологические раскопки в Утине — римской крепости и резервуаре пресной воды возле Карфагена[50].

Итальянские археологи в сотрудничестве с марокканскими и французскими коллегами приступили к раскопкам в крупных центрах мавританского лимеса Волюбилисе и Ликсе[51].

Одновременно с археологическими исследованиями антиковеды из университета Сассари организуют международные конференции по римской Африке, которые с 1983 до 1992 г. собирались ежегодно, а с 1994 г. организуются раз в два года — по очереди: в Сассари и в Африке. Материалы конференций публикуются в журнале «L'Africa Romana», издаваемом в Сассари.

Интересно отметить, что при всем обилии публикаций по военной проблематике и большом количестве новых имен, открытых благодаря участию в данных симпозиумах, работ итальянских исследователей по интересующей нас проблематике мы не увидим[52].

Специально проблемам лимеса был посвящен XV конгресс, состоявшийся в 2002 г. в тунисском Тозере (XV Convegno Internazionale di Studi «l'Africa Romana». Ai confini dell'impero: contatti, scambi, conflitti. Tozeur, 11-15 dicembre 2002). Из множества докладов по военно-провинциальной проблематике: (Jean-Paul Morel (Aix-en-Provence) «De la Grèce a Rome: quelques réflexions sur la «frontière», Jean Michel Roddaz (Bordeaux) «Auguste et les confins», Jean-Pierre Laporte (Paris), «Trois forts du limes en Algérie : Aras, Aïn Grimidi, El Gahr», Nacéra Benseddik (Alger): «Esculape, Hygie et la legio III Augusta», Yann Le Bohec (Parigi): «Un échec de César en Afrique: l'expédition de Curion»; Luís Pons (Barcelona): «La annona militaris en la Tingitana: observaciones sobre la organizaciyn y el abastecimiento del dispositivo militar romano»; Wolfgang Kuhoff (Augsburg): «La politica militare degli imperatori romani nell'Africa dal principato al basso impero») лишь один доклад был подготовлен итальянскими исследователями (Antonino Di Vita (Macerata): «Una «clausura» a Sabratha?»).

В 1990-х гг. в процесс изучения военной истории Тингитанской Мавритании включилась группа исследователей Барселонского университета — CEIPAC — под руководством Х. Ремезаля Родригеса. Х. Ремезаль Родригес стремится опровергнуть принятую многими исследователями теорию бельгийского историка Д.Ван Берхема о создании при Септимии Севере новой централизованной системы обеспечения войск — военную аннону и доказать, что централизованная система обеспечения армии существовала со времен Августа[53]. Постулаты Ремезаля Родригеса были поддержаны его учениками на сравнительном анализе эпиграфического материала из Мавританских провинций, Бетики и Британии[54]. Новизна подхода испанских исследователей к изучению анноны заключается в привлечении массового материала клейм от амфор, в которых перевозили пищевые продукты для армейских нужд, для уточнения времени создания, маршрутов, системы организации и контроля военной логистики в I-III вв. Особое внимание эпиграфисты Барселонского университета уделяют рассмотрению межпровинциальных связей, и, в частности, вопросов взаимодействия африканских провинций с Бетикой и Британией по продовольственному обеспечению воинских частей.

Традиции, заложенные Э. Фентресс на рубеже 70-80-х гг. в англо-американском антиковедении по изучению африканского лимеса как социо-экономического феномена, продолжили в своих монографических исследованиях Д. Черри, представивший исследование социальной структуры африканского лимеса в целом[55] и Д. Маттинли, являющийся в настоящее время ведущим исследователем триполитанского лимеса[56]. Вопросами просопографии командного состава африканского гарнизона эпохи империи активно занимается в настоящее время Дж. Спол[57]. Проблеме взаимодействия общества и армии в римской Африке уделял внимание видный американский эпиграфист П.Б.Чау[58].

В 1990-х гг. в археологическое изучение военных лагерей римской Проконсулярной провинции включились сотрудники Германского археологического института (Мюнхен, ФРГ). Результаты раскопок М. Макензена в Хайдре и Шемту[59] и результаты изысканий

Ф. Ракоба в легионном лагере Ламбессе[60] публикуются в институтском периодическом издании «Römische Mitteilungen».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Janon M.* Recherches a Lambese: I. La ville et les camps. II. Aquae Lambaesitanae // Antiquites Africaines. 1973. N 7. P. 193-217; *Le Glay. M.* La vie religieuse a Lambese d'apres de nouveaux documents // Antiquites Africaines. 1971. N 5. P. 125-155), а также по археологии нумидийского лимеса (*Rebuffat R.* Les erreurs de Pline et la position de Babba Iulia Campestris // Antiquites Africaines. 1967. N1. P. 31-58.
2. *Christol M.* Une prosopographie de la province de Numidie de 253 a 260 et la chronologie des revoltes africaines sous le regne de Valerien et de Gallien //Antiquites Africaines. 1976. N 10. P. 69-78; *David J.-M.* Reformes des administrations de l'annone et des domaines en Numidie, pendant la persecution de Valerien // Antiquites Africaines. 1977. N 11. P. 257-260.
3. *Février P.-A.* Recherches archéologiques en Algérie (1964-1966) //CRAI. 1967. P. 92-109; *Morizot P.* Vues nouvelles sur l'Aurès antique // CRAI. 1979. P. 309-337.
4. *Salama P.* La voie romaine de la vallée de la Tafna // BAA. 1967. T. II. P. 183-218; *Fevrier P.-A., Gaspary A.* La Nécropole orientale de Sétif. Rapport préliminaire sur les fouilles effectuées de 1959 a 1964 // BAA. 1967. T. II. 1966-1967. Pp. 11-94; *Lezine A.* Note sur l'arc dit de Trajan a Timgad // BAA. 1967. T.II. P. 123-129; *Leveau Ph.* Une area funéraire de la nécropole occidentale de Cherchel // BAA. 1974. T. V. P. 73-152.; *Bouchenaki M., Fevrier P.-A.* Un castellum de la région de Tipasa de Juba a Septime Sévère // BAA. 1979. T. VII/1. P. 193-216; *Gassend J.M., Janon M.* La colonne d'Hadrien a Lambèse // BAA. 1979. T. VII/1. P. 233-258; *Rebuffat R.* Sur le fort oriental de Drah-Souid // BAA. 1979. T. VII/1. P. 259-270; *Morizot P.* Renseignements archéologiques complémentaires sur la vallée de l'oued Mellagou (Aurès) // BAA. 1979. T. VII/1. 1979. P. 271-288.
5. *Janon M.* Recherches a Lambese: 1. La ville et les camps. II. Aquae Lambaesitanae // Antiquites Africaines. 1973. N 7. P. 193-254.
6. *Rakob F.* Le «Torsaal» des principia du camp Romain de Lambèse // BAA. 1974. T.V. P. 35-72; *Budriesi R.*, De Angelis D'Ossat D. Relazione preliminare sui lavori compiti dalla missione Italiana a Tipasa (Algeria) // BAA. 1976. T. VI. P. 41-48.
7. *Marcillet-Jaubert J.* Contributions aux fastes de Numidie // BAA. 1967. T. II. P. 159-174; Idem. La carrière du légat de Numidie Q. Cornelius Valens // BAA. 1968. T. III. P. 313-336; Idem. C. Iulius Sallustius Saturninus Fortunatianus, légat de Numidie // BAA. 1970. T. IV. Pp. 313-318; *Le Bohec Y.* Le proconsulat d'Afrique d'Auguste a Claude, questions de chronologie // BAA. 1979. T.VII/1. P. 223-226; *Mahboubi M.* Un nouveau gouverneur de Maurétanie Césarienne // BAA. 1979. T. VII/1. P. 217-222.
8. *Berthier A., Tayeb N.* Une inscription a Saturne d'Aziz Ben Tellis et la formule «Sub Jugum intravit » // BAA. 1970. T. IV. P. 301-312; *Fevrier P.A.* Inscriptions de Sétif et de la Région // BAA. 1970.T. IV. P. 319-410; *Kotula T.* Les Assemblées provinciales prenaient-elles part aux guerres civiles // BAA. 1970. T.IV. P. 411-418; *Lasssere J.-M.* Sur la chronologie des Epitaphes des régions militaries // BAA. 1974. T.V. P. 153-162; *Leveau Ph., Benseddik N., Romane F.* Les nouvelles inscriptions de Cherchel // BAA. 1974. T.V. P. 163-205; *Rebuffat R.* L'ascia de l'épitaphe de Sextus Iulius lulianus // BAA. 1974. T.V. P. 195-206.
9. Baradez J. Monnaies africaines anciennes découvertes dans des tombes du Ier siècle après J.-C. // Collection de Latomus. N 58. Hommages A.Grenier. Bruxelles, 1962. P. 216-227; *Deman A.* Virgile et la colonisation romaine en Afrique du Nord // Collection de Latomus. N 58. Hommages A.Grenier. Bruxelles, 1962. P. 514-526; *D'Escurac-Doisy H.* Lambèse et les vétérans de la legio tertia Augusta // Colletion de Latomus. N 58. *Hommages A.* Grenier. Bruxelles, 1962. P. 571-583.
10. *Desanges J.* Note sur la datation de l'expédition de Julius Maternus au pays d'Agisymba // Latomus. 1964. N 23. P. 713-725; *Pelletier A.* Les Sénateurs d'Afrique proconsulaire

d'Auguste a Gallien // Latomus, 23, 1964, p. 511-531; *Fitz J.* Contribution a la carrière d'un proconsul d'Afrique // Latomus. 1968. N 27. P. 45-74.

11. *Fentress E*. Dii Mauri and Dii Patrii // Latomus. 1978. N 37. P. 507-516.
12. *Trousset P.* Le camp de Gemellae sur le limes de Numidie d'apres les fouilles du colonel Baradez // Limes. Akten des XI Lemeskongresses /Hrsg. J.Fitz. Budapest, 1977. S. 559-577.
13. *Fentress E*. Numidia and the Roman Army: Social, Military and Economic Aspects of the Frontier Zone. Oxford: BAR International Series N 53, 1979.
14. *Mahjoubi A.* Découverte d'une nouvelle cité romaine a Henchir el Faouar // CRAI. 1960. P. 382-391; *Salama P.* Une borne milliaire archaпque de l'Afrique romaine // CRAI. 1963. Pp. 142-158; *Euzennat M.* Quatre années de recherches sur la frontière romaine en Tunisie méridionale // CRAI. 1972. P. 7-27; *Picard G.-Ch*. Les fouilles de Mactar Tunisie (1970-1973) // CRAI. 1974. P. 9-33; *Beschaouch A*. La découverte de trois cités en Afrique Proconsulaire (Tunisie): Alma, Vrev et Asadi // CRAI. 1974. P. 219-234.
15. *Picard G.* Le conventus civium romanorum de Mactar // Africa.1966. N 1. P. 65; *Euzennat M., Trousset P.* Le camp de Remada, fouilles inédites du commandant Donau (Mars-Avril 1914) // Africa. 1978. N 5-6. P. 111-189.
16. *Rebuffat R.* Deux ans de recherches dans le sud de la Tripolitaine // CRAI. 1969. P. 189-212; Idem. Nouvelles recherches dans le sud de la Tripolitaine // CRAI. 1972. P. 319-339; Idem. Trois nouvelles campagnes fouilles dans le sud de la Tripolitaine // CRAI. 1975. P. 495-505; *Marichal R*. Les ostraca de Bu Njem // CRAI. 1979. P. 436-452.
17. Di Vita A. Il «limes » romano di Tripolitania nella sua concretezza archeologica e nella sua realta storica // Libya Antiqua. 1965. N 2. P. 65-98; *Rebuffat R., Deneave T., Hallier G.* Bu Njem // Libya antiqua. 1967. N 3-4. P. 196-220; *Rebuffat R., Gassend J. M., Guery R., Hallier G.* Bu Njem 1968 // Libya antiqua. 1970. N 6-7. P. 9-16; *Boyer R., Fattori Y., Rebuffat R*. Une plaquette de bronze inscrite du camp (1967) // Libya antiqua. 1970. N 6-7. P. 175-180; *Rebuffat R.* Zella et les routes d'Egypte // Libya antiqua. 1970. N 6-7, p. 181-190; *Rebuffat R.* Les inscriptions des portes du camp de Bu Njem // Libya antiqua. 1973. N 9-10. P. 99-120; *Rebuffat R*. L'arrivée des Romains a Bu Njem // Libya antiqua. 1973. N 9-10. P. 121-134; *Rebuffat R.* Gholaia // Libya antiqua. 1973. N 9-10. P. 135-146; Ibid. Graffiti en «Libyque de Bu Njem» // Libya antiqua. 1975. N 11-12/1. P. 165-180; Ibid. Bu Njem 1971 // Libya antiqua. 1975. N 11-12/1. P. 189-195; Ibid. Bu Njem 1972 // Libya antiqua.1977. N 13-14. P. 37-78; Ibid. Dix ans de recherches dans le prédesert de Tripolitaine //Libya antiqua. 1977. N 13-14. P. 79-92; *Brogan O.* Some ancient Sites in eastern Tripolitania // Libya antiqua. 1977. N 13-14. P. 93-109; Di Vita G. Le plus ancien milliaire de Tripolitaine: A Caecina Severus, proconsul d'Afrique // Libya antiqua. 1979. N 15-16. P. 9-13; *Rebuffat R.* L'inscription dit limes de Tripolitaine // Libya antiqua. 1979. N 15-16. P. 123-138; *Le Bohec Y.* L'ala Flavia ou ala I Flavia Numidica // Libya antiqua. 1979. N 15-16. P. 139-145.
18. *Trousset P.* Recherches sur le Limes Tripolitanus du chott El-jerid a la frontiere tuniso-libyenne. Paris, 1974; Ibid. Reconnaisances archeologiques sur la Frontiere saharienne de l'Empire romain dans le sud-ouest de la Tunisie. Lille, 1976; Ibid. Signification d'une frontiere: nomads et sedentaires dans la zone du limes d'Afrique. Oxford: BAR Intern.Series 71, 1980.
19. *Daniels C.M*. The Garamantes of Southern Libya. Newcastle, 1970.
20. *Carcopino J.* Le Maroc antique. Paris, 1943.
21. *Frezouls E*. Baquates et la province romaine de Tingitane // BAM. 1957. N 2. P. 56-77; *Euzennat M.* Annoceur (Kasba des Ait Khalifa), faux poste romain dans le Moyen Atlas // BAM. 1960. N 4. P. 381-383; *Desanges J.* Mauretania ulterior tingitana // BAM.1960. N 4. Pp.137-145; *Marion J.* La liaison terrestre entre la Tinyitane et la Césarienne // BAM.1960. N 4. P. 442-455; *Rebuffat R*. Les fouilles de Thamusida et leur contribution a l'histoire du Maroc // BAM. 1969. N 8. P. 51-66; Ibid. Les principia du camp romain de Lalla Djilaliya // BAM. 1975. N IX. P. 359-368; *Thouvenot R.* Au-dela des camps romains // BAM. 1975. N IX. P. 377-385.
22. По Сале: *Boube J.* Céramique italique a Sala. Les marques de potiers // BAM. 1980. N XII. P. 139-215; Ibid. Index des marques de potiers // BAM. 1980. N XII. P. 217-235; *Rebuffat R.*

Le fossé romain de Sala // BAM. 1980. N XII. P. 237-260; и Волюбилису: *Euzennat M.* Le temple C de Volubilis et les origines de la cite // BAM.1957. N II. P. 4-64; *Marion J.* La population de Volubilis á l'époque romaine // BAM. 1960. N IV. P. 133-188; *Luquet A.* Volubilis: Restauration du Capitole // BAM. 1966. N VI. P. 351-356; *Ferry G., Paskoff R.* Recherches sur les carrières romaines des environs de Volubilis // BAM. 1966. N VI. P. 279-289; *Paskoff R.* Note sur un site romain des environs de Volubilis // BAM. 1966. VI. P. 523-530; *Rebuffat R.* La maison á la disciplina, б Volubilis // BAM. 1975. N IX. P. 32-346; Ibid. Catalogue partiel des monnaies trouvées dans la maison á la Disciplina // BAM. 1975. N IX. P. 347-366.

23. *Boube J.* Fibules et garnitures de ceinture d'époque romaine tardive // BAM. 1960. N IV. P. 319-326; *Boube-Piccot Chr.* Phalères de Maurétanie Tingitane // BAM. 1960. N IV. P. 145-181; Ibid. Une phalère de harnais a décor de trompettes // BAM. 1960. N IV. P. 183-193; Ibid. Trophée damasquiné sur une statue impériale de Volubilis // BAM. 1966. N VI. P. 189-194; *Boube J.* Une Fibule á inscription du type d'Aucissa au Musée de Rabat // BAM. 1966. N VI. P. 517-519.
24. *Thouvenot R.* Un diplôme militaire d'Ain-Chkour, prés de Volubilis // BAM. 1967. N VII. P. 643-648; *Rebuffat R.* Inscriptions militaires au génie du lieu d'ain Schkour et de sidi Moussa Bou Fri // BAM. 1976. N X. Pp. 151-160; *Boube J.* Sala: notes d'épigraphie // BAM. 1980. N XII. P. 111-137.
25. *Pflaum H.-G.* A propos d'une inscription funéraire de Césarée. Un préfet de la Legio VI Ferrata // Latomus. 1961. N 20. P. 826-837; *Roxan M.* The Auxilia of Mauretania Tingitana // Latomus. 1973. N 32. P. 838-855; *Leveau Ph.* L'aile II des Thraces, la tribu des Mazices et les praefecti gentis en Afrique du Nord // Latomus. 1973. N 32. P. 153-156; Ibid. Un nouveau temoignage sur la resistance maure en Mauretanie cesarienne centrale // Latomus. 1974. N 33. P. 103-110; *Speidel M.P.* A thousand Tracian Recruits for Mauretania Tingitana // Latomus. 1977. N 36. P. 167-175; Ibid. An urban cohort of the Mauretanian kings? // Hommages a Jean Lassus. Collection de Latomus. Bruxelles, 1973. P. 121-122.
26. *Jodin A.* Banasa et le limes meridional de la Mauretanie tingitane // Actes du 95e Congres National des Societes savaintes. Section d'archeologie et d'histoire de l'art. Paris, 1974. P. 33-42; *Rebuffat R.* Encientes urbaines et securite en Mauretanie Tingitane // MEFRA. 1974. N 86. P. 501-522.
27. *Euzennat M.* Le limes de Volubilis // Studien zu den Militaergrenzen Roms. Vortrage des 6. Internazionalen Limes Kongresses in Sueddeutschland. Koeln, 1967; Ibid. Les Researches sur la frontiers romaines Afrique (1974-1976) // s. 572-576; *Salama R.* Les deplacements succesifs du limes en Mauretanie Cesarienne (essai du synthese) // Limes. Akten des XI Internazionalen Limes Kongresses / Ed. J.Fitz. Budapest, 1977. S. 577-580.
28. Inscriptions Antiques du Maroc. Paris, 1962-1982. Vol. 1-3.
29. *Lassere J.-M.* Ubique Populus. Peuplement et movements de population dans l'Afrique romaine de la chute de Carthage a la fin de la dynastie des Severes (146 av.J.C. — 235 ap. J.-C.) Paris, 1977.
30. *Rachet M.* Rome et les Berberes: un probleme militaire. Bruxelles, 1970; *Dyson S.* Native Revolts in the Roman Empire // Historia. 1971. N 20. P. 239-274; *Benabou M.* La Resistance africain a la romanisation. Paris, 1975; *Dunn R.* Resistance in the Desert. Madison, 1977.
31. *Millar F.* Local Cultures in the Roman Empire: Lybian, Punic and Latin in Roman Africa // Journal of Roman Studies. 1968. N 58. P. 126-134; *Garnsey P.* Rome's African Empire under the Principate // Imperialism in the Ancient World /Ed.P.Garnsey, C.R.Whittaker. Oxford, 1978. P. 223-254.
32. *Charles-Picard G.* Nord Afrika und die Roemer. Stuttgart, 1962; *Birley A.* Septimius Severus: The African Emperor. Oxford, 1971.
33. *Euzennat M., Marion J., Gascou J.* Inscriptions antiques du Maroc, 2. Inscriptions latines. Aix-de-Provence, 1982; *Labory N.* Inscriptions antiques du Maroc, 2. Inscriptions latines. Supplement. Aix-de-Provence, 2003 и монографии Le Bohec Y. La Troisieme Legion Auguste. Paris, 1989; *Le Bohec Y.* Les unites auxiliaires de l'armee romaine en Afrique

proconsulaire et Numidie sous le Haut-Empire. Paris; Aix-de-Provence, 1989; *Euzennat M.* Le limes de Tingitane. La frontiere meridionale. Aix-de-Provence, 1989.

34. *Euzennat M.* Le limes du Sebou (Maroc) // BCTH. N.s. 1981. N 17. P. 369-382; *Euzennat M., Hallier G.* Les forums de Tingitane. Observations sur l'influence de l'architecture militaire sur les constructions civiles de l'Occident romain // BCTH. N.s. 1984-1985. N 20-21. P. 126-129; *Euzennat M.* La camp romain de Sidi Aïssa (Souk el-Arba du Rharb, Maroc // BCTH. N.s. 1984-1985. N 20-21. Pp.133-136; *Euzennat M*. Le «milliaire d'Arboua» et le camp de l'Oued Fouarat // BCTH. N.s. 190-1992. N 23. P. 211-213; *Euzennat M.* Ad Mercuri-Ad Mercurios // BCTH. N.s. 1990-1992. N 23. P. 227-229; *Souville G*. Les sites de l'oued Beth (Maroc) exploitation rurale et protection militaire // BCTH. N.s., 1981. N 17. P. 237-240.
35. *Fentress E.* Frontier Culture and Politics at Timgad // BCTH. N.s. 1981. N 17. P. 399-409, Н.Бенседдик (*Benseddik N.* Les Cimbriani a Sétif // BCTH. N.s. 1981. N 17. P. 361-368) и П.Труссэ (*Trousset Pol.* Nouvelles barrières romaines de contrôle dans l'extrême sud tunisien // BCTH. N.s. 1993-1995. N 24. P. 155.
36. *Benzina Ben Abdallah Z.* A propos d'un pont de la voie de Carthage a Théveste construit sous Hadrien a l'entrée d'Ammaedara // BCTH. N.s. 1993-1995. N 24. P. 95.
37. *Rebuffat R.* L'arrivée des Romains en Tripolitaine intérieure // BCTH. N.s. 1983. N 19. P. 249-254.
38. из работ традиционного направления следует отметить статьи П.Труссэ: *Trousset P*. Note sur un type d'ouvrage linéaire du limes d'Afrique // BCTH. N.s. 1081. N 17. P. 383-398; *Trousset P.* Sur un terme de géographie militaire: claustra/clusurae // BCTH.N.s. 1984-1985. NN 20-21. P. 124-126.
39. *Fentress E.* Frontier Culture and Politics at Timgad // BCTH. N.s. 1981. N 17. P. 399-409; *Euzennat M.* L'olivier et le limes. Considérations sur la frontière romaine de Tripolitaine // BCTH. N.s. 1983. N 19. P. 161-172; *Beschaouch A*., L'armée romaine et les saltus d'Afrique proconsulaire // BCTH. N.s.. 1993-95. N 24. P. 214-215.
40. *Dupuis X*. Inscriptions méconnues de la Numidie militaire retrouvées dans des archives ou dans des publications confidentielles // BCTH. N.s. 1987-1989. N 22. Pp. 273-279; *Hamdoune Chr.* Les épitaphes militaires de Tingitane // BCTH. N.s. 1993-1995. N 24. P. 129-134.
41. *Legrand D.* L'inscription de Petra et la révolte de Firmus // BCTH. N.s. 1990-1992. N 23. P. 159-170; Di Vita-Evrard G., Les légionnaires africains dans les armées de Pannonie au IIe siècle après J.-C. // BCTH. N.s. 1993-95. N 24. P. 229–235; *Euzennat M.* Un diplôme militaire mentionnant des unités africaines retrouvé en Dacie // BCTH. N.s. 1996-1998. N 25. P. 140-142.
42. *Marcillet-Jaubert J.* Le gouverneur de Numidie, Flavius Achus Victorinus, BCTH. N.s. 1981. N 17. P. 359-360.
43. *Le Glay M.* Sénateurs romains originaires de Numidie et de Maurétanie // BCTH. N.s. 1982. N 18. P. 176-180; *Le Glay M.* Qui fut le premier praeses équestre de la province de Numidie // BCTH. N.s. 1990-1992. N 23. P. 194-195, А.Ларонда (*Laronde A. P.* Flavius Pudens Pomponianus et Cyrène // BCTH. N.s. 1982. N 18. P. 187-189), Ж. Де Вита-Эврар (Di Vita-Evrard G. L. Septimius Seuerus et P. Septimius Geta // BCTH. N.s. 1984-1985. NN 20-21. P. 129-133), М.Кристоля (*Christol M.* A propos des Inscriptions antiques du Maroc: remarques sur quelques procurateurs de Maurétanie Tingitane // BCTH. N.s. 1984-1985. NN 20-21. P. 133-135) и М.Озената (*Euzennat M.* Populis novis ex africa inlatis. Réflexions sur l'activité de P. Aelius Peregrinus sur la praetentura sevérienne, d'après l'inscription CIL, VIII, 9928 // BCTH. N.s. 1993-1995. N 24. P. 232.
44. *Le Bohec Y.* Tertullien, De Corona, I // BCTH. N.s. 1990-1992. N 23. P. 207-210; *Hedi S*. Témoignage sur le culte de Mithra a Thysdrus au IVe siècle ap. J.-C // BCTH. N.s. 1982. N 18, 1982. P. 186-187; *Camps G.* Qui sont les Dii Mauri? // BCTH. N.s. 1984-1985. NN 20-21. Pp. 157-159) и воинов африканского происхождения, служивших в Европе (*Le Glay M.* Un monument du culte de Saturne africain découvert a Potaissa, en Dacie // BCTH. N.s. 1984-1985. NN 20-21. P. 148-150).

45. *Coltelloni-Trannoy M.* Les liens de clientèle en Afrique du Nord, du IIe siècle av. J.-C., jusqu'au début du principat // BCTH. N.s. 1993-1995. N 24. P. 59-65; *Beschaouch A*. Colonia Mariana Augusta Alexandriana Uchitanorum Maiorum // BCTH. 1996-1998. N.s. N 25. P. 99-100.
46. *Rebuffat R.* L'armée de la Maurétanie Tingitane // MEFRA. 1998. N 110. P. 193-242; *Rebuffat R.* La frontière de la Tingitane // Frontières et limites géographiques de l'Afrique du Nord antique. Hommage à Pierre Salama. Actes de la Table ronde réunie à Paris les 2 et 3 mai 1997/ Ed. C. Lepelley, X. Dupuis. Paris 1999. P. 265-292; *Le Bohec Y.* Frontières et limites militaires de la Maurétanie Césarienne sous le Haut-Empire // Frontières et Limites géographiques de l'Afrique du Nord Antique. Hommage à Pierre Salama. Actes de la Table ronde réunie à Paris les 2 et 3 mai 1997 / Ed. C. Lepelley et X. Dupuis, (Histoire ancienne et médiévale nr. 56). Paris 1999. P. 111-127.
47. *Benseddik N.* Septime Sévère, P. Aelius Peregrinus Rogatus et le limes de Maurétanie Césarienne // Frontières et Limites géographiques de l'Afrique du Nord Antique. Hommage à Pierre Salama. Actes de la Table ronde réunie à Paris les 2 et 3 mai 1997 / Ed. C. Lepelley et X. Dupuis, (Histoire ancienne et médiévale nr. 56). Paris 1999. P. 89-110.
48. Actes du VIIIe Colloque International sur l'Histoire et l'Archéologie de l'Afrique du Nord (1er Colloque international sur l'histoire et l'Archéologie de l'Afrique du Nord), Tabarka, 8-13 mai 2000 // Dir. M. Khanoussi. Tunis, 2003.
49. *Christol M.* L'armee des provinces pannoniennes et la pacification des revoltes maures sous Antonin le Pieux // Antiquites africaines. 1981. N 17. P. 133-142; *Lassere J.-M*. Un conflit «routier»: observations sur les causes de la guerre de Tacfarinas // Antiquites africaines. 1982. N 18. P. 11-26 1982; *Christol M.*, Le Roux P. L'aile Tauriana Torquata et les relations militaires de l'Hispania et de la Mauretanie tingitane entre Claude et Domitien // Antiquites africaines. 1983. N 19. P. 15-34; *Speidel M.P*. Numerus electorum in Africa and Mauretania // Antiquites africaines. 1987. N 23. P. 193-196, гарнизона Проконсулярной провинции (*Janon M.* Recherches à Lambese.III, Essais sur le temple d'Esculape // Antiquites africaines. 1983. N 19. P.35-42; *Le Glay M., Tourrenc S.* Nouvelles inscriptions de Timgad sur des legats de la troisieme Legion Auguste // Antiquites africaines. 1985. N 21. P. 103-136, а также триполитанского лимеса, который в настоящее время исследуется менее интенсивно, чем в 1970-х гг. (*Gascou J.* Pagus et castellum dans la Confederation Cirteenne // Antiquites africaines. 1983. N 19. P. 175-208; *Mattingly D.J.* Libyans and the «limes»: culture and society in Roman Tripolitania // Antiquites africaines. 1987. N 23. P. 71-94; *Speidel M.P.* Outpost duty in the desert. Building the Fort at Gholaia (Bu Njem, Libya) // Antiquites africaines. 1988. N 24. P. 99-102.
50. La redécouverte d'une ville antique de Tunisie // Ed. H. Ben Hassen; L. Maurin. Bordeaux; Paris; Tunis, 1998. О ветеранских наделах в округе Удины см.: *Peyras J*. Remarques sur les centuriations et les cadastres de l'Afrique Proconsulaire // De la terre au ciel. Paysages et cadastres antiques. XII-e Stage international (Besançon 29-31 mars 1993) /Ed. M. Clavel-Lévêque, I. Jouffroy, A. Vignont. Paris, 1994. P. 234-235 и в Учи Майус — марианской колонии ветеранов (Uchi Maius 1, Scavi e ricerche epigrafiche in Tunisia // A cura di M. Khanoussi; A. Mastino. Sassari, 1997.
51. *Akerraz A., Rebuffat R.* El Qsar el Kebir et la route intérieure de Maurétanie Tingitane entre Tremuli et ad Novas // Histoire et Archéologie de l'Afrique du Nord. Actes du IV-e colloque international réuni dans le cadre du 113-e Congrès national des Sociétés savantes (Strasbourg, 5-9 avril 1988). Tome II. L'armée et les affaires militaires. Paris, 1991. P. 367-408; *Akerraz A., El Khayari A.* Prospections archéologiques dans la région de Lixus // L'Africa Romana (Roma). 2000. N 13. P. 1645-1668.
52. *Rebuffat R.* L'implantation militaire romaine en Maurétanie Tingitaine // L'Africa Romana. 1986. N 4. P. 31-78; *Alfoeldy G*. Ein soldat des britannischen Heeres aus Madaurus (ILAlg. I 2203) // L'Africa Romana. 1988. N VI. P. 135; Barbulescum. Africa e Dacia. Gli influssi africani nella religione romana della Dacia // L'Africa Romana. 1992. N X. P. 1319-1321; *Benzina Ben Abdallah Z.* Sur une épitaphe d' Ammedara relative a un soldat de la IIIe légion

Auguste, originaire de Naples // L'Africa Romana. 1989. N VII. P. 763; *Christol M.* Governeurs de la Numiie sous les Sévères: Q. Cornlius Valens et Sex.Valerius Marcellus // L'Africa Romana. 1986. N IV. P. 493; Idem. Rome et les tribus indigènes en Maurétanie Tingitanie // L'Africa Romana. 1987. N V. 305–307; Idem. Un functonaire équestre sur une inscription de Césarée de Maurétanie // L'Africa Romana. 1988. N VI. P. 147; Idem. Ti. Claudius Proculus Cornelianus, procurateur de la région de Théveste // L'Africa Romana. 1988. N VII. P. 893; Idem. Remarques sur l'inscription du Légionnaire de Touluse enseveli a Volubilis (IAM, 2, 511, Musée Lapidaire de Volubilis) // L'Africa Romana. 1994. N XIII. P. 1637; *Devijver H.* Equestrian Officers from North Africa // L'Africa Romana. 1989. N VIII. P. 127; Idem. The «campus» in the urban organisation of Africa and Sardinia: two examples, Carthage and Carales // L'Africa Romana. 1990. N X. P. 1035-1038; Di Vita-Evrard G. L. Volusius Bassus Cerealis, légat du proconsul d'Afrique T. Claudius Aurelius Aristobulus et la création de la province de Tripolitanie // L'Africa Romana. 1984. N II. P. 149-152; Eadem. La Fossa Regia et les diocиses d' Afrique proconsulaire // L'Africa Romana. 1984. N II. P. 149; *Doubabi H*. Les fresques de Castellum Dimmidi // L'Africa Romana. 1998. N XIV. P. 2089; Equini Schneider E. Palmireni in Africa: Calceus Herculis // L'Africa Romana.1987. N V. P. 383-386; *Khanoussi M.* Présence et role de l'armée romaine dans la région des Grandes Plaines (Afrique Proconsulaire) // L'Africa Romana. 1991. N IX. P. 319-324; Idem. Les officiales marmorum Numidicorum // L'Africa Romana. 1994. N XII. P. 997-999; Idem. L'armée romaine et la police des domaines impériaux en Afrique proconsulaire // L'Africa Romana. 1996. N XIII. P. 1131-1134; Le Bohec Y. Encore les numeri collate // L'Africa Romana. 1985. N III. P. 233; Idem. Les «discentes» de la III-ème Légion Auguste // L'Africa Romana. 1986. N IV. P. 235-237; Idem. Onomaistique et societé a Volubilis // L'Africa Romana. 1988. N VI. P. 339; Idem. L'inscripition d' Ardara et les chevaliers sardes // L'Africa Romana. 1989. N VII. P. 695; Idem. L'armée et l'organisation de l'espace urbain dans l'Afrique romaine du Haut-Empire // L'Africa Romana. 1992. N X. P. 313-316; Idem. L'Armée et l' organisation de l' espace urbain dans l'Afrique romaine du Haut-Empire // L'Africa Romana. 1993. N XI. P. 1391-1395; Idem. Un fragment d' inscription du Castellum Dimmidi (Numidie) // L'Africa Romana. 1994. N XII. P. 1101-1104; *Lewin A.* La difesa del deserto: osservazioni preliminari per uno studio comparator delle frontiere // L'Africa Romana. 1988. N VI. P. 197-199; *Mackensen M.* Les castra hiberna de la legio II Augusta a Ammaedara / Haïdra // L'Africa Romana. 1996. N XIII. P. 1739; *Rebuffat R.* Voies romaines a barres transversals // L'Africa Romana. 1984. N II. P. 131; Idem. Les centurions de Gholaia // L'Africa Romana. 1984. N II. P. 225-226; Idem. L'implanation militaire romaine en Maurétanie Tingitane // L'Africa Romana. 1986. N IV. P.31; Idem. Le centurion M Porcius Iasucthan a Bu Njem (Notes et documents) // L'Africa Romana. 1990. N XI. P. 79-124.

53. *Remesal Rodriguez J.* Heeresverordnung im frueher Prinzipat. Eine Art, die Antike Wirschaft zu verstehen // Muensterische Beitrage zu antiken Handelsgeschichte. 2002. Bd. 21. Hft.1. S. 69-84.
54. *Chausa Saez A*. Veteranos en Africa Romana. Barcelona, 1997; *Carreras Monfort C., Funari P.* Britannia y el Mediterraneo: Estudeos sobre el abastecimento Betico y Africano en Britannia. Barcelona, 1998; *Pons Pujol C.* La Presencia de las Dressel 20 en la Mauritania Tingitana // Congreso International ex Baeticae Amphorae. Barcelona, 2000. P. 925-933; *Carreras Monfort C.* The Roman Military Supply During the Principate. Transportation and Staples // The Roman Army and the Economy / Ed. P.Erdkamp. Amsterdam, 2002. P. 3-89; *Pons Pujol L.* La Annona militaris en la Tingitana // L'Africa Romana. 2004. N 15. P. 1663-1680.
55. *Cherry D.* Frontier and Society in Roman Africa. Oxford, 1998.
56. *Mattingly D*. Tripolitania. London, 1995.
57. *Spaul J.* Ala I Pannoniorum — one or many? // ZPE. 1995. N 105. P. 63-73; Idem. In Mauretania Tingitana, sub Volusio Martiale // ZPE. 1992. N 94. P. 279-280; Idem. Ti.Fla. Neon — a First Century Prefect? // ZPE. 1992. N 94. P. 281-282.

58. *Chaw P.B.* Soldiers and Society: the Army in Numidia // Opus. 1983. Vol.2. P. 133–159.
59. *Mackensen M.* Die castra hiberna der legio III Augusta in Ammaedara / Haïdra // Römische Mitteilungen. 1997. N 104. P. 321–334; Idem. Erster Bericht über neue archäologische Untersuchungen im sog. Arbeits- und Steinbruchlager von Simitthus/Chemtou (Nordwesttunesien) // Römische Mitteilungen. 2000. N 107. P. 487–503.
60. Rakob F. Die Bauphasen des Groma-Gebäudes im Legionslager von Lambaesis // Römische Mitteilungen. 2001. N 108. P. 7–40.

A.N. NIKITIN

HISTORIOGRAPHY ON MILITARY HISTORY OF ROMAN AFRICA (from 1960 till present time)

The important feature of the present stage of studying the military history of the Roman Africa is the internationalization of the research process. The international cooperation has reached the large scale in efficient organization of archeological researches, scientific symposiums, in editing epigraphic collected works.

Alongside with the fact that France remains the active center of studying this problem, during the last decade researchers from the countries of Maghrib, Italy, Spain, the Great Britain, the USA, Germany play a more and more active role in studies on the subject-matter.

ИСТОРИЯ РОССИИ

А.А. РЫБАЛКО (Челябинск)

КУЛЬТУРА ТРАДИЦИОННОГО ДОМОСТРОЕНИЯ У ОРЕНБУРГСКИХ КАЗАКОВ

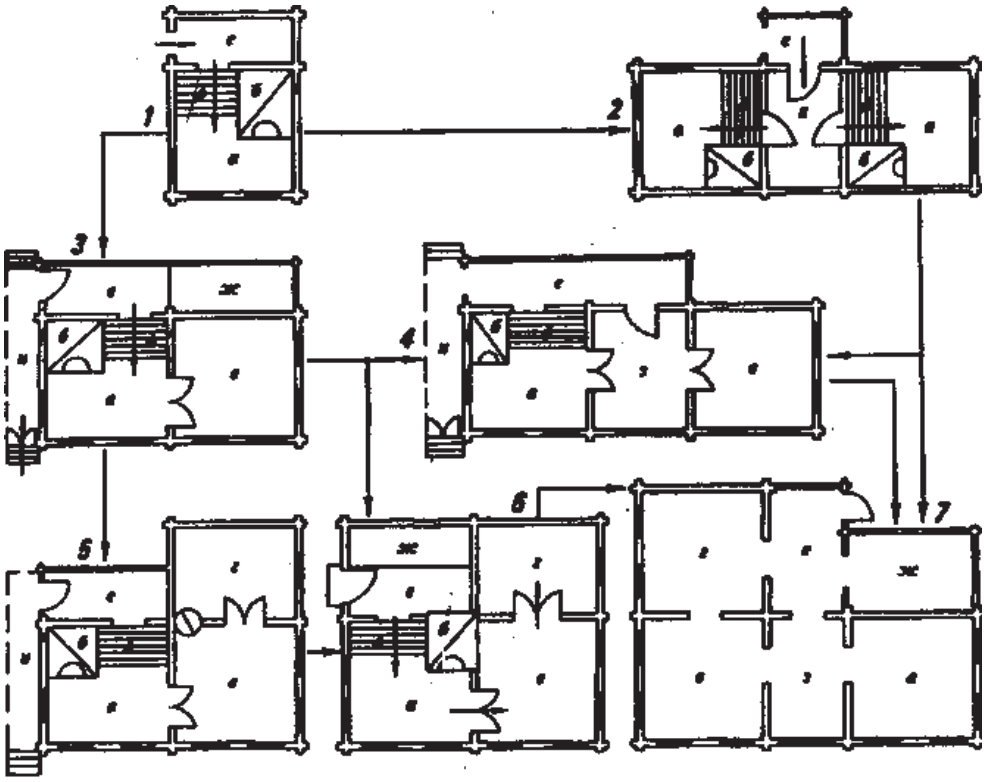
РАЗВИТИЕ ЖИЛИЩА

Оренбургское казачье войско — одно из первых казачьих формирований России, созданных государством искусственно для решения геополитических задач, стоявших перед империей на востоке в XVIII–XIX вв. Объединение в течение двух веков различных групп казаков (волжских, яицких, исетских, украинских), государственных крестьян, солдат линейных батальонов, а также отдельных групп финно-угорских, монгольских, тюркских (в том числе не христианского вероисповедания) народов привело к концу XIX в. к формированию этнографической группы русских с выраженным субэтническим самосознанием — оренбургских казаков.

Сложный состав этнографической группы, проживание на огромной территории от среднего течения реки Урал до среднего течения реки Тобол в различных природно-географических условиях не могли не сказаться на особенностях материальной культуры, в общем, и на особенности традиционной архитектуры в частности. Тем не менее, материальная культура оренбургских казаков до настоящего времени изучена недостаточно. Это в полной мере относится и к такому яркому ее элементу, как традиционное жилище, которое, в отличие от других элементов материальной культуры в значительной мере сохранилось до нашего времени.

Реконструировать процессы эволюции традиционной архитектуры XVIII — начала XIX вв. в сельских населенных пунктах достаточно сложно. Объекты традиционной архитектуры этого времени практически полностью утрачены. Даже если они существуют, датировка их затруднительна, ввиду отсутствия документальных свидетельств о времени их сооружения. Сведения местных жителей в данном случае не могут являться достоверным источником. На материалах новолинейного района видно, что информаторы склонны удревнять возраст старых построек. Приходилось нередко слышать от местных жителей в населенных пунктах основанных в 30–50-х годах XIX в. следующую фразу: «Старый дом — может лет двести — триста, мне дед говорил». Относительный возраст постройки можно определить, если информатор знает, кто именно из его предков построил этот дом — отец, дед, прадед. Но и такие датировки не простираются дальше второй половины XIX в.

Наиболее архаичным типом жилых построек на территории Оренбургского казачьего войска является однокамерное жилище с сенями, чаще всего не возводимыми вместе с домом, а пристроенными к нему после. Это типично для восточнославянской архитектуры в целом[1]. Такие дома сохраняются до настоящего времени в небольшом количест-



Эволюция типов планировки домов оренбургских казаков: 1 — изба; 2 — дом «связь» или две избы через сени; 3 — «пятистенок»; 4 — «шестистенок»; 5 — «угловая связь или дом углом»; 6 — «крестовик»; 7 — «крестовая связь»: а — изба; б — русская печь; в — горница; г — спальня; д — полати; е — сени; ж — чулан; з — средняя комната; и — крыльцо-галерейка; к — теплые сени.

ве почти во всех посёлках оренбургских казаков. Даже на территории новолинейного района освоенном в середине XIX в. дома первых поселенцев были небольшими по площади, однокамерными, часто с пристроенными некапитальными сенями.[2] Сооружались они из сосновых и лиственничных бревен или плах (бревен, расколотых вдоль пополам) диаметром до полуметра (46–50 см). Для возведения дома на высоту трех метров требовалось всего 6–7 венцов. Строительный лес был местный, из соседних боров.

Применяли два основных способа рубки дома: «в чашку» («обло»), то есть с выступающими концами и «в лапу» — без выступающих концов. Более распространенным был первый. При этом способе в бревне выбирали полукруглую «чашу» на половину его толщины. Для плотного соединения бревен в одном из них по длине вырубался с нижней стороны бревна сплошной паз — желоб, что препятствовало затеканию воды под швы бревен.

По многочисленным утверждениям информаторов первый венец дома ставили на вкопанные лиственничные пни «сохи», или обрубки бревен «столбы». О подобных фундаментах под домами местные жители рассказывают в казачьих поселках по всей бывшей новой линии. На древность этого способа указывает Е.Э. Бломквист: «Еще в XI — начале XII вв. у восточных славян практиковалась постройка сруба «на стулья»: под углы дома и под середину бревен первого венца врывают в землю коротышки-чурбаны — обрубки толстых бревен до 1 м высотой (стулья). Для предохранения от гниения их

обжигают или засмаливают. Для зимней избы стулья врывают вровень с землей, чтобы первый венец лежал плотно на земле. Для летней избы стулья выдаются над землей от 10 см до 0,5 м и выше. Иногда под углы ставят «стулья копаные» или «лапы» (выкорчеванные древесные пни корнями вниз)»[3]. У нас подобные фундаменты носили название «столбы», «пни», «сохи». Продольные пазы бревен прокладывают мхом, ветошью или паклей.

Планировка домов первых поселенцев относится к северо-среднерусскому типу. Печь находится слева, очень редко справа от входной двери, направление устья печи и входной двери совпадают. Над входной дверью расположены полати. Крыши домов — на два ската, очень редко шатровые, крытые тесом. Доски для покрытия крыши изготовлялись путем расщепления целых бревен (поселок Кацбах).

За полутора вековую историю поселков новолинейного района, несмотря на пожары, не раз случавшиеся в них, часть домов первопоселенцев уцелела. Располагаются они чаще всего или на «плацу», то есть на площади, или на примыкающих к ней улицах и проулках. Подобные дома сохранились в поселках бывшего Варшавского станичного юрта — Амурском, Полоцком, Кацбахе, в поселке Браиловском Кизильского станичного юрта, Бриентском Кваркенского станичного юрта.

В Амурском поселке Бреденского района Челябинской области таких домов еще в 1988 г. было несколько, располагались они около площади. Один из домов однокамерный, квадратный в плане, сооружен из лиственничных бревен диаметром около 50 см и длиной 6,5 м. Сруб состоит из 10 венцов, высота стен более 3 метров. Постройка имела легкие сени из досок, сооруженные, по-видимому, недавно. Слева от входа — русская «битая» печь весьма архаичного вида, обмазанная желтой глиной, скорее всего, ровесница дома. Планировка дома — северо-среднерусского типа. Над входом в избу — частично разобранные полати. Бревна отесаны таким образом, что углы комнаты получаются округлыми. Площадь помещения 25м^2. Дом имеет пять окон размерами 1×0,5м, три из них выходят на улицу, два — во двор. Со стороны улицы окна прикрываются двустворчатыми ставнями, выходящие во двор — одностворчатыми. Крыша дома четырехскатная. Гребень крыши параллелен улице. Первоначально крыша была покрыта тесом, в данный момент — шифером. Усадьба окружена каменным забором высотой 1,5 м, частично разрушенным. Ворота расположены довольно далеко от дома. Дом принадлежал Корябиной (Бурлуцкой) Прасковье Ивановне, 1905 года рождения (дом сгорел в 1991 г.)

Некоторые дома сооружены из плах, т.е. расколотых пополам бревен. Использование при сооружении дома плах, а не целых бревен не случайно. Сделано это в целях экономии строительного материала. Значительный диаметр расколотых бревен позволяет сохранить теплоизоляционные свойства сруба. Все старые дома из бревен и плах рублены «в чашку».

Относительно небольшие размеры и площадь домов первых поселенцев можно объяснить дефицитом времени. Дома необходимо было построить в течение одного, максимум двух летних сезонов. Определенную роль играл и численный состав семей переселенцев, который в период устройства на новом месте, скорее всего, был небольшим.

Другим широко распространенным типом жилища оренбургских казаков являлся трехкамерный дом. Вход в такое жилище устроен со стороны двора через «холодные» сени, идущие вдоль задней стены дома. «Холодные» сени переходят в «теплые», делящие дом на правую и левую половины. Дом, таким образом, имеет два жилых помещения и фактически является соединением двух однокамерных изб, связанным друг с другом в один сруб теплыми сенями. В плане дом симметричен, линия симметрии проходит через теплые сени. Отапливался он двумя печами, расположенными в правой и левой избах.

Дома подобного типа называют «связью», «две избы через сени». Они были широко распространены по всей России. Планировка дома — «связи» на нашей территории — северо-среднерусская.

Трёхкамерные связи, как и однокамерные дома, являются самым древним типом планировки восточнославянского дома. Появление трёхкамерной конструкции методом «связывания» двух однокамерных или одного двухкамерного и однокамерного дома относят в русских городах к IX–XIII вв., а в сельской местности к XV–XVI вв.[4]

Челябинский историк И.В. Дегтярёв, опираясь на архивные материалы, сообщает о широком бытовании связей в Челябинской и Миасской крепостях в XVIII в. [5]

Дома этого типа были широко распространены в XVIII–XIX вв. в Сибири и даже в XIX веке считались наиболее характерными домами сибиряков[6].

Связи до сих пор встречаются в большинстве населённых пунктов оренбургских казаков. В посёлках, где они не сохранились, местные жители, описывая их по памяти, характеризуют как старые большие дома.

М. Голубых, также со слов местного населения, называет имеющиеся в Тимофеевском посёлке связи «старыми домами», противопоставляя их новым типам жилых многокамерных построек — пятистенкам и крестовикам[7]. Связи широко были распространены и в новолинейном районе, освоение которого началось только в 1835 году. О широком бытовании связей рассказывают информаторы из Кацбахского, Полоцкого, Анненского, Фершампенуазского и других посёлков. Причём информаторы из Кацбаха утверждают, что в их посёлке ещё в 20-е годы XX в. таких домов было большинство (Стрелкова М.Н. 1938 года рождения и Сандаков И.Г. 1911 года рождения).

Связи, как и однокамерные дома чаще всего, рубили из мощных брёвен или плах диаметром 35–40 см. Ставили на вкопанные в землю пни — сохи и стулья. Встречаются связи и на каменных фундаментах (посёлок Кизильский) или даже каменных подклетях с окнами (бывшая станица Степная). При «стандартной» ширине 5–5,5 м длина связи могла достигать 15 м. Пол и потолок сооружались из плах шириной 50 см. Двери, особенно внутренние, были массивными и толстыми. Дверные проёмы невысокими — 1,5 м. Окна четырёхугольные, небольшие (высотой около метра, шириной 0,5 м) относительно общих размеров дома. Ставни окон часто одностворчатые, кроме фасадных.

Декоративные украшения отсутствовали совсем или были выполнены в архаичной технике (желобчатая или двухгранновыемчатая резьба). Мотив орнамента на наличниках традиционен — так называемый «репейник» (лучистый полукруг или ромб с завитками). Иногда ромбы или круги, выполненные в той же технике, размещаются под крышей на утеплительной доске, идущей по периметру дома.

Трёхкамерные дома могли иметь двухскатную тесовую крышу с фронтоном, зашитым горизонтально расположенными досками, с маленьким полукруглым чердачным оконцем и карнизом — «козырем» из тёса, или шатровую четырёхскатную тесовую крышу. Информаторы сообщают об использовании в качестве кровельного материала, как пиленого тёса, так и дранки.

Связи, крытые на два ската стояли, как правило, перпендикулярно улице и окна их, кроме двух-трёх торцовых фасадных, выходили во двор (связи в посёлках Полоцкий и Фершампенуаз). Связи с шатровой четырёхскатной крышей устанавливались вдоль улицы. Тогда большинство окон в правой и левой избах и тёплых сенях выходили на улицу, а торцовые — во двор (связи в станицах Степной и Кизильской). В поселке Петропавловском у «связей», расположенных аналогичным образом, вместо окна «теплых сеней» имелся «крылец».

Металлические детали: гвозди, навесы, шарниры, петли — кованные, изготовлены кустарным способом. Железные петли часто имеют орнамент, выполненный зубилом по горячему металлу. Основной мотив орнамента — змейка.

Совокупность признаков — широкое использование лиственницы, большой диаметр брёвен, значительная ширина и толщина плах и досок, постановка сруба на пни, небольшие размеры окон и дверей (относительно общих размеров дома), их прямоугольная форма, архаичная техника и мотивы декора позволяют отнести связи вместе с однокамерными домами к самым старым типам жилищ, не испытавшим влияния со стороны европеизированной городской моды.

Модернизацией связи, её логическим продолжением являются дома «шестистенки» и крестовые связи. В XVIII в. на территории России повсеместно начинается процесс усложнения планировки традиционных типов жилища — развитие многокамерности. Это явление в первую очередь затронул преимущественно города и только с середины XIX в. городская «мода» стала распространятся и в сельских населенных пунктах. Эволюция имела два направления — вертикальное развитие (увеличение этажности) и горизонтальное (увеличение количества помещений в одноэтажном доме).

Забегая вперед, следует сказать, что у оренбургских казаков вертикальное усложнение планировки не получило широкого распространения. Единичные многоэтажные дома (двухэтажные) появляются в сельской местности лишь к концу XIX в. у зажиточных казаков как городская мода и часто сочетают жилые и торговые помещения. Местным населением такие дома до настоящего времени называются «городскими».

Усложнение планировки домов у оренбургских казаков шло за счёт увеличения количества помещений в горизонтальной плоскости.

Появление следующего типа дома — «пятистенка» или «пятистенника», кроме распространения городской моды часто объясняют отмиранием большой патриархальной семьи у великороссов и в том числе у оренбургских казаков[8]. В России в сельской местности пятистенок широко распространился во второй половине XIX в., и Южный Урал исключения из общего правила не составил. Однако в городах Европейской части России пятистенки появляются ранее во второй половине XVIII в.[9]

Пятистенок является господствующим типом дома в сельской местности и в наши дни. Это изба, длиной около 10 м, шириной приблизительно 5 м, разделенная почти посередине капитальной стеной, рубленной одновременно с возведением сруба. Часто пятую, разделительную стену не рубили полностью, а врубали два или одно бревно в нижние венцы и столько же — в последние верхние. Остальная большая часть пятой стены представляла собой дощатую перегородку. Бревенчатая стена или дощатая перегородка делила дом на «избу» и «горницу». «Избой» становилась та часть дома, куда вел вход с улицы и, где сооружалась русская печь.

Пятистенки, как правило, возводилась на высоких (50–70 см) фундаментах из дикого камня (плитняка, или гранита). Сруб рубился из сосновых бревен или плах. Диаметр строевого леса был заметно меньше, чем у старых домов «связей» и «клетей», 15–20 см. Из лиственницы рубили, при возможности, только два первых венца, соприкасавшиеся с фундаментом. Не смотря на хорошую стойкость к гниению теплоизоляционные свойства ее хуже, чем у сосны.

В Еткульском станичном юрте менее состоятельные казаки строили пятистенки и из «нестроевого» леса — березы, используя пазово-столбовую технику. В станицах Нижнеозерной и Кардоиловской нижние венцы рубили из дуба, а верхние из тополя. На юге II-го военного отдела бедняки сооружали саманные или засыпные пятистенки. В Кизильской станице некоторые «пятистенки» сооружались из дикого камня, обмазывались и белились с фасадной стороны.

К дому со стороны двора пристраивались сени. Часто сени и дом стояли на одном фундаменте и были перекрыты общей крышей. В других вариантах сени не имели общего фундамента, но зато могли иметь собственную односкатную крышу, пристроенную под карниз крыши дома. Вообще, здесь наблюдается множество вариантов: а). сени и дом с общими фундаментом и крышей; б). сени с общим фундаментом и собственной крышей; в). сени на «мостках» с общей крышей; г). сени на помосте — «мостках» с собственной крышей. Сени сооружались из бревен меньшего размера, плах или досок, прибитых к вертикальным стойкам, а также из дикого камня — гранита или плитняка. Очень часто фундамент здания и сени обмазывали глиной, в которую для связи добавляли навоз, и белили. Фундаменты мазали желтой глиной.

Многие богатые дома в казачьих станицах первого, второго и на юге третьего отделов имели «крылец», то есть галерею с парадным крыльцом, которое выходило непосредственно на улицу. Поднимаясь с улицы по парадному крыльцу с маленькой двускат-

ной крышей, поддерживаемой двумя «балясинами» — декоративными колоннами иногда парными то есть по две справа и слева, входящий оказывается перед двустворчатой филенчатой дверью, за которой начинается галерея. Это помост, поднятый до уровня фундамента идущий вдоль торцовой стены, под общей с домом крышей. На галерею выходят одно или два окна. Галерея имеет перила с подпирающими крышу резными или простыми балясинами, потолок ее обшит досками. Она может опираться на общий с домом фундамент или на сложенные из камня столбы или деревянные опоры (обрубки бревен). На углу дома галерея у входа в сени заканчивается спуском во двор. Чаще всего особенно в степной зоне вдоль всей задней стены дом охватывали сени, дальняя часть которых заканчивалась чуланом. В отдельных случаях «галерейка» охватывает дом с двух сторон. Бытование этой конструкции крыльца у казаков поселка Благославенного в I-м военном отделе, правда без описания подробностей отмечает Зеленин Д.К. «Многие избы имеют парадное крыльцо, выходящее прямо на улицу…»[10].

Похожие на описанные «галерейки» распространены на Дону. Однако появление подобных «галереек» у донских казаков связано с весенним разливом Среднего и Нижнего Дона, у оренбургских — это, скорее, культурное заимствование. По мнению М.П. Мочаловой, высказанному автору в частной беседе, оренбургские «крыльца галерейки» является вариантом туркестанского «айвана», заимствованного оренбургскими казаками. Действительно чаще всего «крыльца галерейки» встречаются в поселках I-го и II-го военных отделов, казаки которых служили во 2-м и 5-м Оренбургских полках, дислоцировавшихся в Туркестанском военном округе. Возможно в последствии мода на «галерейки» распространилась по всей степной зоне и даже за пределы войсковой территории. Парадные крыльца с галерейкой аналогичные описываемым и донским имелись у русского старожильческого населения Средней Азии.[11] Галерейки, похожие на наши (на улицу выходит только крылец «галерейка» с торцовой стороны дома во дворе), существовали также у амурских казаков на Дальнем Востоке.[12]

Как указывалось выше, пятистенок делится на две половины: «избу» и «горницу». Дверь из сеней ведет в избу. Слева от входа — русская печь (расположение печи в комнате традиционное), над входом — полати, с левой торцовой стороны у печи — окно, освещающее место у печного чела, выходящее в галерею и привратную часть двора, над печью — маленькое волоковое оконце, напротив входной двери — два или три окна. В пятой, разделительной стене — двустворчатая «горничная», открывающаяся вовнутрь, дверь, ведущая в горницу. Напротив двери — торцовая стена дома с двумя-тремя окнами. Левая фасадная стена горницы, как правило, имеет столько же окон, сколько и фасадная стена избы. Правая стена горницы глухая, за ней — чулан.

Пятистенок обычно имеет невысокую, на четыре ската — «шатровую» крышу. У зажиточных казаков — железную, у менее состоятельных — тесовую. Повсеместное уплощение крыш связано с распространением кровельного железа.

Пятистенки, как правило, расположены вдоль улицы по сибирски. Описанный выше пятистенок типичен и распространен на всей войсковой территории.

Однако существует еще один вариант пятистенка, встречающийся во втором и третьем военных отделах. Зафиксированы они в Верхнеуральском Форштадте, посёлке Кассель Верхнеуральской станицы, посёлке Попово и посёлке Варламово Верхнеувельской станицы. Такой пятистенок всегда расположен перпендикулярно улице. Торцовая часть, выходящая на улицу, является фасадом, а сени образуют задний торец дома. В сенях дальняя часть выгорожена в чулан. Планировка традиционна: над входом — полати, печь — справа или слева от входа, ориентация устья печи совпадает с направлением входной двери. В отличие от пятистенка, описанного выше, здесь горничная дверь тоже двустворчатая, расположена напротив входной двери. В горнице за этой дверью — два или три фасадных окна, выходящих обязательно на улицу. Остальные окна как в горнице, так и в избе, выходят в привратную часть двора. Размеры «избы» и «горницы» стандартные — 5×5 м. Пятистенок этой разновидности может иметь как двускатную с козырем, так и четырехскатную шатровую крышу.

Иногда состоятельные родители строили отделяющимся сыновьям дом «на два двора». Это два описанных выше пятистенка под общей крышей, выражаясь современным языком — двухквартирный дом. Сооружение симметричное. Имеет два отдельных входа, два самостоятельных комплекса хозяйственных построек. Линия симметрии проходит через капитальную стену, разделяющую дом на две равные половины. Сообщение между правой и левой частями возможно только через улицу. Внутреннюю проходную дверь не устраивали не только в сенях, но даже и во дворе. Перекрывалось такое сооружение четырехскатной стропильной крышей, конек которой был параллелен улице и перпендикулярен стене, разделяющей дом на половины. Дома такого типа встречаются в северных станичных юртах Челябинского и Троицкого уездов бывшей Оренбургской губернии (посёлок Варламово, и др.). Бытование дома «на два двора» на войсковой территории ограничено, однако за ее пределами, в горнозаводской зоне современной Челябинской области (г. Нязепетровск, Верхний-Уфалей, Касли и др.) такие дома не редки. Внешне дом «на два двора» похож на «крестовик», однако, по сути, им не является.

Дальнейшим развитием пятистенка через усложнение его планировки в горизонтальной плоскости стало появление «дома углом», и некоторых типов «шестистенка», «крестовика» и «крестовых связей».

«Шестистенки» это трехкамерные дома с расположенными в один ряд (линию) комнатами, где обитаемыми являются все три части дома, в отличие от «однорядной связи», в которой средняя часть, т.е. теплые сени — не жилые. «Шестистенные дома всегда стоят вдоль улицы, внушительных размеров, имеют по фасаду сплошную линию окон, наличников и ставен»[13].

Шестистенными домами на юге Челябинской области называют как перестроенные «связи» так и разросшиеся до трех комнат пятистенки. Часто в средней части дома вместо традиционных одного или двух окон делали большое, сдвоенное окно. Это было характерно и для Среднего Урала. «Большое сдвоенное окно подчеркивало симметрию дома»[14]. Однорядность и трехкамерность являются основными отличительными чертами шестистенка. Все остальные параметры дома аналогичны пятистенку.

Шестистенок в посёлке Могутовском бывшего Варшавского станичного юрта имеет крылец с галерейкой. Сени дома опираются на мощные вертикально стоящие сосновые чурбаки высотой около 1 м и до 0,5 м диаметром. Дом стоит на высоком каменном фундаменте, перекрыт четырехскатной стропильной крышей. Все комнаты в доме — проходные. Фронтон крыльца украшен непрофессиональным изображением двуглавого орла с короной, скипетром и державой. Изображение старое, выцветшее, но хорошо различимое. Дом, со слов сейчас проживающей в нем семьи, ранее принадлежал могутовскому священнику. Расположен дом на плацу, рядом с превращенной в пиломастерскую церковью.

Шестистенки сохранились в небольшом количестве в большинстве крупных посёлков бывшего II-го военного отдела Оренбургского казачьего войска до настоящего времени. Однако по свидетельствам местных жителей раньше их было больше. Жили в них большими семьями. После гражданской войны и коллективизации их активно перестраивали, перевозили из посёлка в посёлок, использовали под различные учреждения. В настоящее время сохранившиеся жилые шестистенки часто разделены на две «квартиры».

«Дома-углом» («угловые дома, дома глаголем, угловые связи») распространены южных поселках степной зоны. Формировался такой дом за счёт углового прируба к пятистенку, или к шестистенку. Если к глухой стене горницы пятистенка прирубить еще комнату, а в стене прорубить дверь, то в плане мы получим дом углом. Дальнюю от входа третью комнату называют «спальней» или «девичьей». Отапливались дальние комнаты, как и горница у пятистенка дополнительной печью «голандкой-барабаном». «Барабан» устраивалась в простенке между горницей и спальней, топка «барабана» выходила в горницу. Дома — углом перекрывались стропильной крышей, гребень которой имел тоже Г-образную форму.

Дома подобной формы часто были угловыми, то есть стояли на перекрестках, и окна спальни в этом случае выходили в проулок. Они встречаются в поселках Фершампенуаз (дом Айтуганова), Кацбах, Анненском и Адрианополе.

Встречаются дома углом и весьма внушительных размеров. Так дом в посёлке Адрианопольском Кваркенского станичного юрта стоит на высоком, более метра, фундаменте, по фасаду имеет шесть больших окон, столько же обращены в проулок. Очевидно, что третья часть дома не прирублена, а возводилась одновременно с другими частями дома на общем фундаменте. Дом имеет «крылец-галерейку» и перекрыт стропильной Г-образной крышей с железным покрытием. Время сооружения дома — первая четверть XX в.

Существуют и переходные, «гибридные» если так можно выразиться формы. В Неплюевском поселке, бывшей Варшавской станицы, «Г-образный», трехчастный в плане дом весьма внушительных размеров, был перекрыт стропильной, четырехскатной крышей с одним коньком и внешне особенно, с улицы выглядел скорее «крестовиком». По словам хозяина, срублен и привезен этот дом был из поселка Анненского Великопетровской станицы в начале XX в. Существуют подобные дома и в самом Анненском поселке.

Дальнейшим усложнением планировки дома является «крестовик», то есть дом, разделенный на четыре части двумя пересекающимися стенами, рубленными одновременно со всем срубом. Крестовые, часто квадратные в плане, дома широко встречаются в Сибири и на Урале. Условной границей распространения крествиков на юг является река Уй. Южнее поселков Степной станицы «крестовики» встречаются гораздо реже. Однако распространение крестовика в степной район продолжалось после гражданской войны. Так называемые «кулацкие» дома, построенные незадолго до коллективизации, чаще всего являются крестовиками. Типичным примером является дом Чернева, построенный в 1928 году в посёлке Варшавка Троицкого округа Уральской области. Но в отличие от северных крестовиков, крестовики на юге часто дополняются традиционными для степной зоны галерейками. Крестовые дома казаков Еткульской станицы, поселка Селезянского были крыты четырехскатными тесовыми или железными крышами. Первая четверть дома — это теплые сени с капитальными стенами без окон, вторая четверть — изба с русской печью и полатями, третья — горница, отапливаемая голландкой, четвертая — спальня.

Часто в крестовики перестраивали пятистенки, прирубая к существующему дому ещё две комнаты. В посёлке Варламово Верхнеувельской станицы построенный в XIX в. пятистенок был в 1900 г. перестроен. К уже существовавшему пятистенному срубу были прирублены ещё две комнаты. В окончательном варианте получилась почти квадратная в плане постройка размером 9,5×8,5 м. Пересекающиеся внутри стены делят дом на четыре примерно равные по площади комнаты. Дом имеет 13 окон, в том числе одно внутреннее, выходящее в сени. Перекрыт он стропильной четырёхскатной (шатровой) крышей с покрытием из листового железа. Сруб обшит тёсом «в ёлочку». Форма оконных и внутренних дверных проёмов полуциркульная. Все двери дома кроме входных двухстворчатые филёнчатые. К дому пристроены некапитальные дощатые сени с «низким крыльцом». Конструкция сеней каркасная горизонтально обшита досками. Сени имеют собственную односкатную крышу, пристроенную под карниз дома, и козырёк над крыльцом. Кровельным материалом также является листовое железо. Кроме того, в сенях имеется одно окно, расположенное напротив внутреннего окна дома. По словам местных жителей первоначально дом принадлежал семье Долгополовых, в последствии в нем размещалась школа. Надворные хозяйственные сооружения у дома не сохранились.

Большинство крестовых домов в Варламово, возводимых сразу, а не перестроенных из пятистенков, первоначально имели только две жилые комнаты (как и пятистенки) — избу и горницу. Впоследствии, по словам местных жителей, в третью жилую комнату превращали чулан, прорубая дверь в горнице и одно или два окна в чулане. Кроме Варламово такие крестовики встречаются в Петропавловском посёлке Уйского станичного

юрта. Однако местные жители не считают их полноценными крестовиками. Крестовики, по их мнению, должны иметь четыре жилые комнаты. Усложнение планировки вызвало необходимость дополнительного обогрева частей дома, удалённых от русской печи. Для этого между горницей и третьей комнатой, как было отмечено выше, устанавливали «голландку-барабан».

В первом десятилетии XX в. в крупных казачьих населенных пунктах появились огромные дома, сравнимые по размерам с городскими. Один из таких домов был построен в Амурском поселке в 1911 году казаком Савельевым, торговавшим скотом. На его месте стоял другой дом, из камня. Дом разобрали, из камня соорудили фундамент и ограду. Новый дом, квадратный в плане, имеет размеры 14,5×14,5 м. Высота фундамента — 1,7–2 м. Дом рублен «в лапу» из сосновых бревен диаметром 35–40 см и длиной 8 м. С левой стороны к дому было пристроено парадное крыльцо-галерея. Вместе с крыльцом длина фасадной стороны дома составила 17,5 м. Крыльцо-галерея было застеклено и опиралось на четыре мощные, двухметровой высоты, опоры-столба, сложенные из гранита. Толщина опор — более 1 м. Высота сруба — 4 м, а вместе с фундаментом высота стен составляла 6 м. Дом имел шесть окон с фасадной стороны, три — с правого торца и три — со стороны двора. Высота окна без наличников — 2 м. Крыльцо-галерея и сам дом были перекрыты четырехскатной крышей из железа. Высота крыши от потолка до конька приблизительно равнялась высоте сруба. Дом был окружен гранитным забором высотой 2,5 м. Под домом находился подвал с выходом во двор.

После революции в доме поочередно размещались школа, правление, общежитие, сейчас в нем располагается дирекция совхоза. После многочисленных перестроек дом утратил первоначальную планировку, не сохранилась и ограда вокруг него.

Еще более внушительных размеров дом находится в Наследницкой станице. Это совсем уже городское здание в два этажа: первый кирпичный, второй — деревянный. На первом этаже размещались торговые заведения и, частично, жилые помещения; второй был полностью жилым. Дом в плане «Г-образный», одним крылом выходит на улицу, другим — на площадь, угловая часть дома срезана. На первом этаже здесь был вход в лавку, на втором этаже — балкон с перилами из кованой ажурной решетки. На втором этаже дома 13 окон, выходящих на площадь и улицу. К зданию пристроены хозяйственные постройки из дикого камня.

Подобные, но меньших размеров городские дома существовали и в других крупных станицах (Степной, Кизильской, Кундравинской и других). Однако широкого распространения они не получили: процесс застройки крупных населенных пунктов городскими домами был надолго прерван революцией и гражданской войной.

ИНТЕРЬЕР

Без существенных изменений традиционный интерьер сохраняется в сельских домах пожилых людей, особенно одиноких, а также в значительной степени среднего возраста до настоящего времени.

Особенно устойчив к изменениям и модернизации интерьер «избы» хозяйственной части дома с печью — русской, осень часто именуемой в настоящее время «кухней» даже лицами старших возрастов.

Традиционный интерьер «избы» прямо связан с традиционной планировкой, распространенной на той или иной территории. Традиционная планировка жилища (избы относительно печи) в поселках оренбургских казаков на всей территории практически без исключения — северо-среднерусская (по Бломквист Е.Э.), т.е. русская печь расположена справа или слева от входа в «избу», направление «устья» печи совпадает с входом в помещение, печное «чело» (цело) обращено к окнам, выходящим на улицу. Полати расположены над входом. Русская печь и «красный угол» диагональны, противоположны друг другу. Аналогичный тип планировки избы относительно печи повсеместно распространен на смежных территориях Приуралья, в Южноуральских и Среднеуральских гор-

нозаводских населенных пунктах, крестьянских селах Челябинского и Курганского Зауралья, в Западной Сибири.

Присутствие других восточнославянских типов планировки «избы» относительно печи в домах постройки рубежа XIX–XX вв. в настоящее время не обнаруживается. Информаторы во всех обследованных поселках знают и помнят только описанную выше северо-среднерусскую планировку.

Однако на схеме дома и усадьбы казака поселка Благословенного Оренбургской станицы I-го военного отдела, иллюстрирующей статью Д.К. Зеленина, планировка избы относительно печи — украинско-белорусско-западнорусская, т.е. печь в углу, слева от входной двери, направление устья печи перпендикулярно входу. Однако на том же плане в «землянке» — летней кухне — планировка помещения северо-среднерусская, направление входа совпадает с направлением устья.[15] Присутствие «западного» типа планировки в этом поселке в начале XX в. может быть объяснено участием украинцев в формировании населения данного конкретного населенного пункта, о чем в этой же статье пишет Д.К.Зеленин.[16] Малорусским влиянием он, кстати, объясняет привычку местных казаков заправлять рубахи в шаровары.[17]

Тем не менее, как уже было сказано, в поселках бывших II-го и III-го военных отделов, где местные жители своим происхождением были связаны с Украиной (в том числе и переселенные из I-го военного отдела), или южно-великорусскими губерниями, планировка изб всегда была северо-среднерусской (пос. Ключевский, пос. Лейпцигский, пос. Аландский и др.). В Тимофеевском поселке Еткульской станицы М.Голубых в планах домов фиксирует исключительно северо-среднерусское размещение печи в избе, несмотря на южнорусское-курское происхождение местных казаков, прекрасно помнящих родину своих дедов. Аналогичная ситуация существовала и в пос. Смеловском бывшего Магнитного станичного юрта, населенного казаками курского происхождения. Даже в соседнем со Смеловским поселке Кирса, где местные жители переселенцы начала XX в. также являлись выходцами из Курской губернии, но не были включены в казаки сейчас присутствует северо-среднерусское размещение печи.

ДЕКОРАТИВНЫЕ УКРАШЕНИЯ

Сохранившиеся дома первопоселенцев в новолинейном районе не имели декоративных украшений. Форма наличников проста, ставни примитивны — часто это обыкновенные дощатые щиты на кованых петлях.

Практически все шестистенки и, особенно, пятистенки второй половины XIX в. имеют декоративные украшения. В основном украшали наличники окон и фриз (утеплительная доска под срезом крыши, идущая по периметру дома). С этой целью использовалась резьба по дереву. Наибольшее распространение получили два ее вида: архаичная — глухая (трехгранно и двугранно-выемчатая, ногтевидная желобчатая), выполненная при помощи долота и пропильная, ажурная возникшая и распространившаяся позднее.

Основным мотивом орнамента глухой резьбы является круг или полукруг, состоящий из радиально расходящихся лучей — «репейник», встречаются и другие геометрические фигуры, например ромб. Лучистый круг или полукруг это, скорее всего солярные символы, сохранившиеся в орнаменте с языческих времен. Подобный мотив широко распространен по всей России. На Южном и Среднем Урале он встречается повсеместно, и является наиболее устойчивым признаком, характеризующим этническую принадлежность жилища.

К концу XIX в. параллельно с распространенным сюжетом солнечных кругов с лучами, выполненных глухой резьбой, бытует растительный орнамент, выполненный пропильной резьбой. Встречается сочетание глухой и пропильной накладной резьбы (поселок Адрианопольский Кваркенской станицы), а в северных районах — элементы пропильной ажурной резьбы (поселок Варламово Коельской станицы). Характерным для южных станиц второго отдела декоративным мотивом являются «арабески», располо-

женные по периметру фриза и соединенные между собой «жгутом» или «цепью». Для изготовления декоративных резных и пропильных деталей использовалась привозная липовая доска. Иногда на утеплительной доске под карнизом в технике пропильной накладной резьбы или краской указывался год постройки дома и очень редко имя мастера строившего дом.

Форма наличников сельских домов часто копировала формы, распространенные в городах губернии (Оренбурге, Троицке, Челябинске, Верхнеуральске). Так, наличники домов в станицах Степной, Санарской, Нижнеувельской, Ключевской, Николаевской повторяют формы, характерные для города Троицка. Троицкая форма наличников встречается и гораздо южнее. Однако господствовавшими в западной части II-го военного отдела являются декоративные мотивы, распространенные в г. Верхнеуральске — аппликация в виде ромашки.

В окрестностях Челябинска и Еткульской станицы преобладает иной тип наличника. Граница между ними проходила севернее Кичигинского поселка Нижнеувельской станицы.

С начала нашего столетия в декоративном оформлении домов зажиточных казаков стал использоваться металл — подзорами из листового железа украшали ворота, крылец, фризы. На юге современной Челябинской области еще в 80-е годы на домах принадлежавших ранее зажиточным казакам можно было увидеть водостоки, выполненные из листового железа, с ажурным орнаментом и декоративными цветами из металла (дом Савельева в поселке Амурском, дом фельдшера в поселке Полоцком). Изготовлялись подобные украшения чаще всего городскими артельными мастерами.

КОНСТРУКТИВНЫЕ ПРИЕМЫ И СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ.

Основным строительным материалом при возведении большинства построек, как на севере Оренбургской губернии, так и в южной ее части являлось дерево. Сельское зодчество, как, впрочем, в большинстве своем и городское, в XIX — начале XX вв. в России было деревянным. Из дерева сооружали жилые строения, церкви, хозяйственные постройки (амбары, конюшни, бани). Наиболее употребительными строительными породами были хвойные — сосна и лиственница. По многочисленным утверждениям информаторов раньше предпочтение отдавалось прочной и долговечной лиственнице, основным преимуществом которой являлась ее особая устойчивость к гниению. Однако тепло сосна держит лучше лиственницы, и протопить сосновые избы проще. Информаторы утверждают, что дома из лиственницы «ровно (словно) каменные зимой не натопишься». Имел важное значение, и вес бревен, так как основным подъемным механизмом при возведении жилища являлись человеческие руки. В этом качестве сосна также была предпочтительней. Сосна и лиственница широко распространены по всему Южному Уралу, даже в степной его части существовали и существуют до настоящего времени реликтовые островные, оставшиеся от послеледникового периода сосновые с примесью лиственницы боры. Сосна, тем не менее, встречается гораздо чаще и заметно преобладает, поэтому большинство зданий, особенно построенных во второй половине XIX века — сосновые. Заготовка леса в Оренбургской губернии производилась согласно «530-й статьи VIII-го тома свода законов устава Лесного», гласившего, что «Вырубка леса под наблюдением местных лесных чиновников, которые смотрят, чтобы рубка была чинена в отведенных местах и в то время, когда из дерева сок в корень, а именно: от сентября до марта. В прочем срок сей, продолжается в губерниях: Вятской, Оренбургской, по 15 марта.[18] Отпускная цена составляла «по 1 рублю за 1 бревно длинной 9 аршин, шириной 10 вершков».[19] Во время заселения новолинейного района, порядок заготовки строевого леса и контроль за рубкой с личной ответственностью «станичных начальников», а также способ транспортировки прописывались в «Правилах о переселении на земли Оренбургского казачьего войска казаков упраздненного Ставропольского калмыцкого войска, белопахотных солдат и солдатских малолетков». Каждому калмыцкому

семейству выделялось «от 50 до 75 корней строевого леса, смотря по изобилию оного в тех местах, где будут основаны станицы».[20] Кроме того, калмыкам, не имевшим навыков «к постройке домов», для производства работ из Самарской, Нижегородской, Оренбургской губерний были вызваны плотники и «пильщики», — «полагая на каждую вновь устраиваемую станицу плотников по 4 и пильщиков по 2 человека.[21]

В строительстве использовался ствол дерева, из которого изготавливались бревна длиной от 5 до 10 м, толщина бревен колебалась от 15 до 50 см. Из бревен изготавливались плахи, (бревно расщеплялось на две половины), брусья и доски. Кроме стволов шли в дело и пни с частью корневой системы. Дома первых поселенцев-казаков Новой линии сооружены на пнях — «сохах».

Неровные стволы лиственных пород деревьев (березы, осины, тополя) для строительства жилья использовались крайне редко, в основном переселенцами с Украины и из Южной России для сооружения каркасных домов. Однако и казаки поселка Селезянского Еткульского станичного юрта сооружали дома из березовых стволов в пазово-столбовой технике, предварительно поправив стволы топором. Иногда осиновые и березовые стволы распиливались на доски, шли также на изготовление столбов для изгородей, а молодые осинки и березки — на поперечины для жердевых изгородей — прясел. Также в качестве строительного материала использовалась и береста. Учитывая её стойкость к гниению и хорошие водоотталкивающие свойства, бересту использовали в качестве гидроизоляции, прокладывая между срубом и оконными коробками. В поселке Париж Великопетровского станичного юрта берестой покрывали крыши. Этот же кровельный материал под сосновые драницы власти рекомендовали использовать при сооружении домов калмыков в новолинейном районе.[22]

Для изготовления декоративных элементов подзоров, наличников и т.д. выполненной в технике пропильной резьбы использовалась привозная липовая доска.

Различные породы ивы использовались для сооружения плетней в казачьих поселках, население которых было этнически связано с югом России и Украиной (поселок Черкасы Варшавской станицы). Из плетня с последующей обмазкой глиной возводили стены хозяйственных построек, оплетали стенки подполья.

Второе место среди строительных материалов на Южном Урале занимал дикий камень (гранит, аспидные сланцы, кварцит). Его активно применяли в Троицком и Челябинском уездах Оренбургской губернии, но наиболее широко — на юге в степной зоне в Верхнеуральском, Орском уездах, где ощущался дефицит строительного леса. Особенно активно дикий камень стали использовать в строительстве в последние десятилетия XIX и в начале XX вв. Дома из дикого камня сооружали редко. Но кое-где они сохранились до сих пор (Кизильская станица). Чаще всего из камня сооружались хозяйственные постройки: амбары, завозни, сараи, конюшни, заборы; выкладывались колодцы (поселок Черкасы), погреба, фундаменты домов, «холодные» сени. В одном из домов Амурского поселка (дом Чиковой Федоры Андреевны) из гранитной плиты изготовлен «шесток» русской печи. Большие ровные каменные плиты нередко укладывали перед калиткой ворот или перед входом в дом в качестве крыльца (поселок Амурский, поселок Александровка Варшавской станицы). В поселках Степной станицы, Стрелецком и Чернореченском гранитными плитами мостили дворы. Сооружением построек из камня чаще всего занимались башкиры-отходники, а позже — местное население.

Кирпич в сельской местности использовался нечасто. В первой половине XIX века кроме печей в офицерских домах и церквей, других сооружений их этого материала почти не было. В третьей четверти XIX в. в Наследницкой и Николаевской станицах вокруг церквей, тоже кирпичных, были выстроены стены ограды с бойницами и башнями из кирпича. Кирпич изготавливался на месте «наряженными для этого нижними чинами 5-го башкирского, 2-го и 5-го мещеряцких кантонов» под руководством «полевого Инженер-порутчика Грушецкого и двух инженерных офицеров», а возведение стен «мастеровыми подрядчика Токорева». Общее руководство осуществлялось теми же «инженерными офицерами».[23] В первых десятилетиях XX в. кирпич стали использовать шире, в ка-

зачьих поселках появились капитальные строения из него, но чаще всего нежилые. Больше кирпичных сооружений было в поселках и станицах, расположенных недалеко от города. Из кирпича строили административные здания и торговые заведения. Кирпич для домашних печей изготовляли на месте, а для капитальных сооружений привозили из городов.

Очень часто временное жилье (времянки), летние кухни, реже — бани и другие хозяйственные постройки сооружали из самана. Саман (от тюркского «saman» — измельченная солома) — это глиняный кирпич с примесью мелко нарубленной соломы, высушенный на открытом воздухе и не подвергавшийся обжигу. Самым доступным из всех строительных материалов в сельской местности была глина. Из глины сооружали «битые печи», использовали для изготовления самана, ею обмазывали «мазали» срубы жилых домов внутри и с наружи, плетневые, саманные, дерновые, каменные стены сараев, стаек, каменные фундаменты, кирпичные печи. Она служила связующим материалом в каменных кладках, гидроизолирующим на крышах времянок и хозяйственных построек, заполнителем в каркасных сооружениях. Пол в большинстве домов переселенцев был глинобитным. Глинобитные полы были во времянках, летних кухнях и в домах небогатых казаков в степных станицах Троицкого, Верхнеуральского, Орского и Оренбургского уездов.

Солому и камыш в основном использовали в качестве кровельных материалов, а также при изготовлении самана. Соломенные и камышовые крыши жилых домов являлись признаком невысокого достатка в казачьих поселках. Глиносоломенные кровли были характерны для хозяйственных построек, предназначенных для содержания скота.

Листовое железо на крышах домов зажиточных казаков появилось во второй половине XIX в., раньше такое покрытие имели только церкви. Из листового железа иногда изготавливались и декоративные украшения, и водостоки.

Часто кровельным материалом для крыш временных жилых построек, как казаков, так и переселенцев (землянок, мазанок, времянок) или хозяйственных построек служил обыкновенный дерновый пласт, нарезанный в степи. Также из нарезанного дерна возводили постройки обычно те же что и из самана. Причем при меньших трудовых затратах связанных с изготовлением «кирпичей», дерновые пласты резали лопатой в степи и возили в посёлок, причем время не расходовалось на замес и формовку с просушкой, процесс к тому же не требовал присутствия воды. Сооружения из дерновых блоков обладали удовлетворительным теплоизоляционным качеством и долговечностью. Некоторые дерновые дома на прииске Болотовском и коммуне «Красный огородник» в близи поселка Аландского Кваркенского станичного юрта построенные в 20-е годы XX в. сохранились обитаемыми до сих пор. Постройки «с дерна», как и саманные, преобладали на переселенческих хуторах и в казахских аулах. Стены построек, как правило, вымазывали глиной.

Развитие казачьего домостроительства на территории Челябинской области позволяет говорить о том, что его изменение происходило не без воздействия антропогенного фактора.

Дома первых переселенцев сооружались исключительно из лиственничных и сосновых бревен внушительных размеров. Лес здесь был сравнительно недалеко — в степных борах на водоразделах и речных террасах. Первое время его хватало. Однако скоро казаки столкнулись с дефицитом строительного леса. Площади боров сокращались одновременно с ростом площади и численности населения казачьих поселков. Во второй половине XIX в. лиственничные срубы постепенно сменяются сосновыми. Диаметр бревен десятилетие к десятилетию сокращается с 45–30 см до 20–15 см.

В конце XIX в. в сельском строительстве стали активно использовать камень и глину. В это время широко распространяется практика ставить дома на высокие (до 1 м) фундаменты из дикого камня. Из камня и самана сооружаются хозяйственные постройки и летние кухни во дворах. Усадьбы ограждаются высокими каменными заборами.

Ухудшение качества строительного леса в начале XX в. вынудило население южных станиц (Наследницкая, Варшавская, Кизильская, Кваркенская) прибегнуть к нетрадиционному способу утепления срубов — обмазке их глиной. Житель поселка Кацбах Вашавской станицы Сандаков Иван Григорьевич, 1911 года рождения, прокомментировал это следующим образом: «Раньше дома не мазали, не белили, лес стал хуже, стали белить».

Казаки поселков Александровский и Черкасинский, переселенные из одноименных поселков Воздвиженской станицы I-го военного отдела во второй и основавшие свои поселки в самом начале XX в., оказались в еще более сложном положении. Временные жилища они строили из самана. Размер первого дома, по рассказу местного жителя Черкасов Любенкова Сидора Васильевича, 1910 года рождения, был 6×3 м, кровля — земляной пласт, пол глиняный.

Сам по себе факт строительства временных саманных жилищ первопоселенцами не является показателем одного лишь дефицита строительного леса, здесь главную роль, скорее всего, играет временной фактор, то есть необходимость построить жилье как можно скорее за один летний сезон.

Жители Неплюевского поселка, основанного в середине XIX в., утверждают, что их собственные первопоселенцы тоже строили «саманухи», и одна из них, точнее, ее часть, сохранилась. Автору данной работы ее показывал владелец усадьбы Озеров Александр Иванович, 1914 года рождения. Сейчас это стена угольного сарая.

В поселках Черкасы и Александровский временное саманное жилище для многих стало постоянным, некоторые казаки так и не смогли к 1917 году построить деревянные дома. В отдельных капитальных домах Александровки, деревянный пол был только в горнице, а в избе — глиняный. Перед входом вместо крыльца помещали каменную плиту.

В поселках, не только в новообразованных, но и старых (Амурский, Кваркенский), на домах небогатых казаков появились соломенные и камышовые крыши. Раньше, в XIX в., соломенные или глиносоломенные кровли были только у хозяйственных построек. Справедливости ради следует сказать, что власти рекомендовали «при недостатке леса» использовать в качестве кровельных материалов камыш, глину, дёрн и в 40-е годы XIX в.[24]

Таким образом, в степной зоне, к началу XX в. в результате адаптации к новым условиям (дефицит леса и повышенная при сильных ветрах пожароопасность летом) произошла трансформация культурной традиции сформированной в лесной зоне. Изменились некоторые технологические приемы, используемые при сооружения жилищ и хозяйственных построек, расширился ассортимент строительных материалов. Поэтому многие поселки на юге Верхнеуральского уезда приобрели черты, свойственные степным южнорусским, донским и украинским населенным пунктам.

Все сказанное не относится к большинству поселков, станиц III-го военного отдела Оренбургского казачьего войска, расположенных в облесёной части Челябинского и Троицкого уездов и не испытывающих острого дефицита строительного леса. Основным фактором, влиявшим на эволюцию жилья являлась городская мода.

Подводя итоги, нужно отметить, что культура традиционного домостроения у оренбургских казаков складывалась под влиянием архитектурных традиций, привнесенных из европейской части России (среднего Поволжья, Волго-Камского региона), Среднего Урала и Западной Сибири. Жилища казаков в южных районах по многим архитектурным особенностям (преобладание пятистенка, обмазка сруба) тяготеет к сельской архитектуре Южного Приуралья и Средней Волги, формировавшихся в сходной ландшафтно-климатической зоне. Традиционная архитектура казачьих поселков, расположенных на территориях бывшего Троицкого и Челябинского уездов, была связана с сибирской традиционной архитектурой и сохранила её в дальнейшем (распространение крестовика).

Несмотря на преемственность традиций, она была не просто перенесена или заимствована. Сохранив основные черты, характеризующие этнографическую принадлежность

жилища (в нашем случае как средне-великорусскую) — строительный материал, технологию сооружения, систему обогрева жилищ, некоторые элементы декора, планировку — культура традиционного домостроения, под воздействием различных факторов: ландшафта и климата, отчасти, этнического состава края, и активного участия администрации в строительстве приобрела собственные специфические черты, став мостом, соединяющим архитектурные традиции русского населения Среднего Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1970. С. 7.
2. *Утешев.* Записки учителя казачьей школы пос. Кассель. Рукопись.
3. *Бломквист Е.Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 204.
4. *Рабинович М. Г.* Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988. С. 122.
5. *Дегтярёв И.В.* Челябинская старина. Челябинск, 1996. С. 20.
6. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири, 1997. С. 135.
7. *Дегтярёв И.В*. Ук. соч. С. 28.
8. *Бломквист Е.Э.* Ук. соч. С. 98; Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. М., 1997. С. 136.
9. *Рабинович М.Г*. Ук. соч. 1988. С. 122.
10. *Зеленин Д.К.* У оренбургских казаков. Этнографическое обозрение. 1905. М., № 4. С.64.
11. *Брусина О.И*. Славяне в Средней Азии. М., 2001. С. 80–83.
12. Жилые и хозяйственные постройки в селах Приамурья начала XX века. *Соболевская Н.А.* Советская этнография. № 2, 1986.
13. *Бубнов Е.Н.* Русское деревянное зодчество Урала. М., 1988. С. 71.
14. *Бубнов Е.М.* Ук. соч. 1987. С.71.
15. *Зеленин Д.К*. Ук. соч. С. 63.
16. *Зеленин Д.К*. Ук. соч. С. 55.
17. *Зеленин Д.К*. Ук. соч. С. 66.
18. ГАОО Ф.6 Оп.10 Д.5288 Л.2.
19. ГАОО Ф.6 Оп.10 Д.5288 Л.2.
20. Правила о переселении на земли Оренбургского казачьего войска казаков упраздненного Ставропольского калмыцкого войска, белопахотных солдат и солдатских малолетков. Департамент военных поселений. СПб, 1843. С.11–12.
21. Правила о переселении… С. 18.
22. Правила о переселении… С. 18.
23. ГАОО Ф.6 Оп.10 Д.5505 Л.175–181. Л.417–425.
24. Правила о переселении… С. 18.

A.A. RYBALKO (Chelyabinsk)

CULTURE OF TRADITIONAL HOUSE-BUILDING AT ORENBURG COSSACKS

Orenburg Cossack army was one of the first Cossack formations in Russia artificially created by the state for decision of the geopolitical problems facing Empire in the East in 18th–19th cc. Unification within two centuries of various groups of Volga, Yaitsky, Isetsky, Ukrainian cossacks, the state peasants, the soldier of linear battalions, and also separate groups Finno-Ugric, Mongolian, Turkic peoples led to the end of 19th c. to formation of the Russian ethnographic group with the vivid sub-ethnic consciousness — the Orenburg Cossacks.

The complex structure of ethnographic group, residing in a huge territory from Ural up to Tobol in various geographical conditions surely affected the features of material culture, in general, and the feature of traditional architecture that is house-building, in particular.

Д.В. ТИМОФЕЕВ (Челябинск)

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ЗАКОН» И «СВОБОДА» В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ПРОЕКТАХ И РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Понятия «закон» и «свобода» — системообразующие понятия европейской либеральной теории. Именно используя эти понятия, европейские мыслители эпохи Просвещения описывали идеальную модель общественного устройства[1]. Содержательно они включали в себя представления об основных регуляторах общественных отношений, приемлемых и оптимальных ограничителях действий личности в социуме, обозначали место и роль индивида в процессах функционирования системы внутри- и межсословной коммуникаций. В данной связи исследование привычных контекстов употребления понятий «свобода» и «закон» помогают определить то, каким образом в сознании представителей образованной части российского общества воспринимались и корректировались, в соответствии с особенностями существовавшей в России начала XIX в. социокультурной среды, европейские либеральные идеи. В конечном итоге, выявление всего спектра смысловых акцентов и соотношения слов «закон» и «свобода» позволит более четко структурировать представления российских подданных об идеальных моделях и практике взаимоотношений личности и государства, а также понять, посредством изучения дополнительных значений слов, приемлемые для представителей образованного российского общества алгоритмы заимствования европейского политического опыта.

В большинстве случаев исследователи, в той или иной степени интересующиеся историей понятий, как правило, констатируют сложность выявления семантического значения слова для современников изучаемой эпохи, т.к. в процессе своего функционирования в социальном, территориальном и временном пространстве значения понятий могли изменяться, утрачивая или дополняясь новыми, не существовавшими ранее, смысловыми акцентами[2]. Решение такой сложной задачи, на мой взгляд, возможно при комплексном исследовании всего спектра значений слова, складывавшегося из целого ряда дополнительных элементов. В первую очередь к таким элементам относятся представления о функциональном назначении обозначаемого понятием явления или объекта, часто употребляемые синонимы и устойчивые выражения. При этом важно отлеживать все позитивные и негативные коннотации изучаемого понятия, а также использование прилагательных, с помощью которых современники расставляли дополнительные смысловые акценты при употреблении слова в письменной форме.

На рубеже XVIII — нач. XIX вв. одновременно существовало два смысловых значения, которые были официально зафиксированы в дважды изданном «Словаре Академии Российской». Одно определение было сформулировано следующим образом: «Закон — предписание, правило поведения, учащее, что делать и чего не делать». Второе — подчеркивало религиозную трактовку данного понятия: — «закон — определенный образ богопочитания, содержимый известным народом, вера»[3]. В этом же издании появляется четкое разделение двух вариантов словоупотребления: «законы гражданские — государями и властьми светскими уложенные уставы» и «законы естественные — суть чувствия и врожденныя понятия о справедливости влияния создателем во всех человеков»[4].

При сопоставлении этих определений становится очевидным, что вне зависимости от источников волеизъявления, указанных в определениях, общий смысл понятия «закон» выражался в словах «предписание», «неотложное правило», «установление». Именно такое значение в начале XIX в. становится общепринятым и встречается как в научных работах российских ученых, так и в периодической печати. Например, профессор Императорского лицея А.П.Куницин в сочинении «Право естественное», объясняя своим читателям значение слова закон, писал: «слово закон по своему производству означает природу, далее которой что либо простираться не должно или не может. В переносном смысле закон есть положение, выражающее необходимость, по которой что либо случается или случится должно»[5]. В переводном варианте произведения профессора Берлинского университета Ф.Шмальца, которое, согласно вступительному слову переводчика, и прилагаемому им списку подписчиков, было достаточно популярно в кругах читающей российской публики, закон был представлен как «…всеобъемлющий, неизменный образец, сообразно с которым что либо может или должно быть производимо»[6].

В значении «правило», общепризнанный «образец поведения» понятие «закон» могло употребляться и в отношении каких-либо внутрисословных или групповых норм. Яркой иллюстрацией такого словоупотребления может служить заметка, опубликованная в одном из номеров журнала «Отечественные записки» за 1821 г. под заголовком «Годичное собрание в Английском клобе с краткою историею сего последняго». В ней было размещено достаточно подробное описание так называемых «законов клоба», которые представляли собой правила регламентирующие порядок сбора взносов и вступления новых членов в Английский клуб Санкт-Петербурга[7]. Наличие такого контекста употребления позволяет предположить, что в первой четверти XIX в. семантическое значение слова «закон» включало в себя не только указание на волю государства или содержание религиозных норм, но и корпоративные правила поведения или принципы организации каких-либо общественных объединений. На мой взгляд, такое расширительное толкование отражает формировавшуюся в то время тенденцию к росту индивидуализма, постепенному признанию самоценности не только государственных, но личных интересов. Однако более важное изменение было связано не с расширением сферы применимости понятия, а с корректировкой представлений о функциональном назначении закона и содержании принципов, которые должны были быть составлять основу любого законодательного акта.

В начале XIX в. под влиянием идей философии европейского Просвещения закон воспринимался в России как универсальный регулятор общественных отношений. Проведенный анализ ряда проектов государственных деятелей, научных и учебных изданий, а также публикаций в периодической печати, позволяет предположить существование как минимум трех взаимосвязанных друг с другом функций закона, которые были признаны наиболее значимыми. Прежде всего, любой закон воспринимался как «источник добрых нравов» и средство «ограничения человеческих страстей»[8]. Не случайно в многочисленных наставлениях современников законодателям, регулярно появлявшихся на страницах столичных журналов, особенно после учреждения в 1803 г. «Комиссии составления законов», звучали призывы обратить пристальное внимание не только на лучшие образцы европейского законодательства, но и традиционные для российского народа нравы и обычаи. В одной из таких публикаций, автор, размышляя над работой «мудрого законодателя», писал: «он почувствует, что законы имеют целью исправлять, сколько возможно, несовершенства человеческие и что потому безразсудно было бы основывать их на идеальном совершенстве»[9]. В данном контексте закон, одновременно должен был основываться и формировать нравственные ценности, что позволило бы сохранить самобытность российской культуры и воспитать новое поколение российских подданных.

В одном ряду с указанной выше воспитательной функцией закона, неоднократно подчеркивалось его важность для организации управления и обеспечения целостности государства. Так, например, член Государственного Совета, председатель «Комиссии

для пересмотра законоположения о евреях» В.С.Попов, писал о сущности законодательства: «Единообразное правление, единые права, единые законы составляют крепость государства[10]. Аналогичное понимание закона как инструмента управления страной присутствует и в работе ординарного профессора Московского университета Х.Шлецера, «Начальные основания естественного права». По его словам, «правитель имеет право выбирать нужныя средства к достижению общей цели, то есть имеет право давать законы…»[11]. Такой инструменталистский, по своей сути, подход не противоречил ни традиционному представлению о роли законодательства, ни модным в то время принципам, которые вдумчивый российский читатель мог почерпнуть в работах М.Вольтера, Г.Рейналя, Ш.Монтескье, Ч.Беккариа, И.Бентама и др. европейских мыслителей.

Не менее важным функциональным назначением закона считалось обеспечение личной безопасности индивида, защита его «естественных» прав и свобод. Признание взаимосвязи устанавливаемых государством правил поведения граждан и прав отдельной личности произошло под воздействием работ либеральных мыслителей, и стало новым заимствованным элементом смыслового поля понятия «закон». В начале XIX в. сочинения А.Смита, Ч.Беккариа, И.Бентама были неоднократно опубликованы как на страницах целого ряда российских журналов, так и отдельными книгами. Именно в этих книгах российский читатель мог найти утверждение о том, что «главнейший предмет законодательства — попечение о безопасности» и «без законов нет безопасности»[12]. При этом понятие «безопасность» в трудах европейских авторов трактовалось достаточно широко и включало в себя не только неприкосновенность личности, но и право индивида на свободу и обладание частной собственностью.

Понимание тесной взаимосвязи закона с обязательством гарантировать соблюдение «естественных прав» граждан присутствует в целом ряде проектов, представленных на высочайшее имя М.М.Сперанским, Н.С.Мордвиновым, Н.Н.Новосильцевым, А.Р.Воронцовым, В.П.Кочубеем и др.[13]. В отчетливой форме стремление юридически закрепить основные права личности представлено, например, в записке А.Р.Воронцова «Статьи или материалы для составления указа или манифеста о привилегиях, вольностях», представленной в августе 1801 г. императору Александру I, в которой автор неоднократно и недвусмысленно высказывался за юридическое закрепления права личности на безопасность и неприкосновенность частной собственности[14]. Постепенно главным признаком общественной «полезности» любого закона, выражающим смысл его существования, признается его направленность на защиту интересов отдельной личности. Показательным являются размышления в «Введении к уложению государственных законов» М. М. Сперанского о предназначении законодательства. «Законы, — по его словам, — существуют для пользы и безопасности людей им подвластных»[15].

Признание в качестве одной из важнейших функций закона защиту прав и свобод личности звучало и в публичных выступлениях императора Александра I. Так, на открытии Польского Сейма российский самодержец призвал депутатов: «...вы преуспеете постановить законы, которые будут служить к ограждению драгоценных благ: безопасность лиц ваших, собственности и свободы ваших мнений»[16]. Подобное обращение царствующей особы было для современников дополнительным подтверждением справедливости установления взаимосвязи между принципом безопасности личности и содержанием идеального законодательного акта.

Нередко идея о необходимости законодательного закрепления «естественных» прав личности, преподносилась как отражение некой исторической закономерности, «духа времени», который, по выражению современников, «есть общий глас народа». Именно такая взаимосвязь функционального назначения закона и его содержания отражена в журнале «Архив истории и политики: из духа журналов», в котором по итогам каждого года повторно печатались наиболее важные и интересные для подписчиков журнала материалы. Обзор опубликованных в 1819 г. статей начинался с материала под заголовком «Чего требует дух времени? Чего желают народы?». Отвечая на поставленный таким образом вопрос, автор публикации рассуждал о наиболее важных потребностях своих со-

временников: «народы… утомленные опустошительными войнами... вздыхают о мире и спокойствии; …гонимые за разноверие, спрашивают свободы совести, терпимости вер; обремененныя налогами, желают облегчения…; стесненные в правах личности и собственности, ищут неприкосновенности прав сих… И все сии желания можно совокупить в одном, всеобъемлющем — *владычество законов*»[17]. Именно «владычество законов», гарантировавших личную безопасность объявлялось главным препятствием на пути установления в любой стране деспотического режима.

С первых месяцев царствования Александра I образованная часть российского общества ожидала появления основополагающего закона, который гарантировал бы неприкосновенность личности и собственности российского подданного. Чаще всего, для обозначения такого документа, употребляли словосочетание «коренной закон», которое, по сути, было синонимом слова «конституция». Конституционный характер предполагаемого «коренного закона» выражался, прежде всего, в представлениях современников о его внутренней структуре, зафиксированных в многочисленных проектах и записках, адресованных императору Александру I, а также в трудах известных российских ученых. Показательной в данном контексте является работа адьюнкт-профессора Главного педагогического института К.Арсеньева «Начертание статистики российского государства», в которой автор, рассуждая о содержательной стороне «коренного закона», писал: «Коренные законы российской империи относятся к трем существенным главным предметам: 1) они сохраняют целость и состав всего государства; 2) они определяют права и власть монарха; 3) содержат права народа или различных классов подданных»[18]. Аналогичное представление о структуре главного законодательного акта страны изложена и в работе М.М.Сперанского «Введение к уложению государственных законов». По его мнению, коренной закон должен определять «1. Права державной власти. 2. Закон, возникающий из прав державной власти 3. Права подданных.»[19]. Таким образом, коренной закон должен был в обязательном порядке регламентировать порядок осуществления государственной власти и определить права и обязанности граждан. Подобная структура прослеживается практически во всех известных нам конституционных проектах, созданных в России первой четверти XIX в.

Использование выражения «коренной закон» помогало устранить определенный психологический дискомфорт, который испытывали многие при употреблении слова «конституция» в связи с революционными событиями во Франции. Особое значение, в данном контексте, имело употребление прилагательного «коренной» значение которого, в «Словаре академии российской», изданном в 1806–1822 гг., объяснялось через синонимы «старинный, первобытный, главный»[20]. Таким образом подчеркивалось две важнейших характеристики предполагаемого «коренного закона»: с одной стороны, данный документ должен был иметь высшую юридическую силу, а с другой — все его положения должны были соответствовать традициям и историческому опыту и народа. Сознательное акцентирование внимание на необходимости согласования содержания коренного закона с традициями, с точки зрения образованного человека начала XIX в., не диссонировало с европейскими принципами свободы личности и неприкосновенности частной собственности. Встраивание либеральных принципов происходило через апелляцию к монарху, его доброй воле, который в силу своего положения должен был заботиться о своих подданных. Такая логика предполагала появление в России октроированного, т.е. дарованного императором «коренного закона», в соответствии с которым всем свободным российским подданным будут предоставлены гарантии соблюдения их «естественных прав». Подобный алгоритм был широко распространен в кругах российского дворянства, и не принимался, пожалуй, лишь членами радикально настроенных тайных обществ. Но даже в программных документах декабристов понятие «закон» и «свобода» были неразрывно взаимосвязаны.

Включенность в смысловое поле понятия «закон» юридических гарантий безопасности личности и целостности государства придавало данному слову, безусловно, позитивную эмоциональную окрашенность. Однако наряду с позитивными коннотациями

понятие «закон» вызывало в российском обществе и ряд негативных ассоциаций, которые формировались у человека при личном столкновении с реально действующей системой российского судопроизводства. Взяточничество, чиновничий произвол, продвижение дел по протекции — все эти явления были на виду и обусловливали осознание существования проблемы исполняемости законов. При этом иногда подчеркивалось, что данная проблема не является сугубо российским феноменом, а существует и развитых странах Европы. О возможности и нецелесообразности существования закона, положения которого не реализуемы на практике, писал автор, опубликованной в журнале «Русский вестник» статьи «Нравственное состояние областей Европейских»: «Англичане величаются личною безопасностию, то есть законом, предписывающим, что бы никто не был задержан без предварительного исследования дела его. Но в той же Англии, где принят сей закон, имеют право без всякого объявления хватать в матросы… Где же личная безопасность?»[21]. Появление в периодической печати такого рода замечаний формировало мнение о недостаточности формального провозглашения закона, и обуславливало стремление определить причины недейственности установленных законом юридических норм.

В поисках решения проблемы исполняемости законов высказывалось множество мнений о причинах ее существования. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют выделить ряд причин, которые российские подданные считали наиболее существенными. Первая из них была связана с пониманием сущностной природой закона и выражалась в констатации того, что закон, какой бы совершенный они ни был, не может предусмотреть всех случаев, т.к. реальность намного сложнее и разнообразнее формально установленных правовых норм. Косвенным подтверждением признания такого несоответствия является выписка из постановления Государственного Совета от 17 марта 1802 г. по делу некоего помещика Орлова, «изнуряющего крестьян своих жестокими и бесчеловечными поступками», в котором наряду с вынесением решения о наказании помещика было признано: «Совет… не находит в законах точного постановления о суде и наказании таковых злоупотреблений…»[22].

Не менее важной причиной малой эффективности существующих законов современники называли отсутствие четкой и внутренне непротиворечивой системы юридических норм, позволяющей быстро и правильно квалифицировать противоправные деяния граждан, а также отсутствие системы подготовки профессиональных юристов. К началу XIX в., по мнению, например, секунд-майора Ивана Давыдова, представившего на имя императора Александра I в октябре 1801 г. всеподданнейшую записку «Об усовершенствовании ведения делопроизводства в присутственных местах», сложилась положение, когда «законы российские веками умножаемые… весьма трудно самому юриспруденту все знать». Такая ситуация была осложнена отсутствием квалифицированных кадров, что и являлось, по словам И.Давыдова, «…первым препятствием правосудию»[23]. Решение данной проблемы автор записки связывал с ужесточением административного и общественного контроля за судами, систематизацией российского законодательства, упрощением системы судебного делопроизводства и созданием для дворян специальных училищ правоведения.

В общем виде, повышение эффективности законов представлялось образованной части российского общества возможным при наличии комплекса объективных условий. Прежде всего, закон должен был быть основан на достоверном знании реального положения дел в стране. В качестве источника такого достоверного знания могли быть не только поступающие от губернаторов отчеты, но и статистические данные, собираемые учеными-статистиками. Именно собранная таким образом информация о социально-экономическом развитии страны, по мнению одного из первых русских статистиков К.Германа, позволила бы повысить эффективность нового российского законодательства. В одной из своих основных работ он писал об этом так: «Никакое правительство не может иначе прийти в состояние учредить полезные заведения и законы для соблюдения и преумножения народного богатства как посредством точных понятий о правилах госу-

дарственного хозяйства»[24]. При этом он особо подчеркивал, что без опоры при создании законов на статистические данные в стране «…нет законами определенной свободы»[25].

Утверждение о необходимости учитывать при создании законов особенности социально-экономического развития страны и тщательно просчитывать возможные последствия их применения, в той или иной форме, неоднократно присутствовало в российской периодической печати. Нередко этот тезис подтверждался примерами негативного действия законов в других странах. Яркой иллюстрацией для российских читателей возможности возникновения негативных последствий от принятия не соответствующего реальности закона, являлась опубликованная в 1819 г. статья под заголовком «Еще некоторые причины бедности Англии», в которой от лица российского подданного, находящегося в Англии, рассказывалось об отрицательном влиянии на экономику этой страны закона «о призрении бедных». Этот закон только увеличивал количество бедных и таким образом еще более усугублял их положение[26].

Реалистичность закона, соответствие его действительности представлялось важной характеристикой любого законодательного акта. С этим соглашались даже наиболее последовательные сторонники, предлагаемых европейскими либеральными мыслителями теоретических схем, но при этом вера в силу закона не заслонила собой российскую реальность. В полном соответствии с принципами, изложенными в трудах И.Бентама и Ч.Беккариа, признавалось ключевая роль закона в процессе регулирования общественных отношений, но одновременно было сформировано четкое понимание того, что даже самый хороший законодательный акт не может изменить природы общества. Именно в этом контексте известный своими либеральными проектами адмирал Н.С.Мордвинов в одной из своих записок, посвященных проблеме освобождения крепостных крестьян признавал, что «никакие законы не сделают никогда равными бедного с богатым, ни первого зависящим от последняго»[27]. Таким образом, в российском обществе наряду с верой в силу закона сосуществовало рациональное понимание его формальной природы.

Еще одно необходимое условие эффективного функционирования законов, которое артикулировалось в российском обществе первой четверти XIX в. — доступность и четкость изложения юридических норм. Это условие в различных вариантах присутствовало в переведенных на русский язык сочинениях европейских правоведов. В некоторых случаях данная мысль была представлена простыми и легко запоминающимися фразами. Например, в работе И.Бентама «О необходимости утверждать законы на причинах» читатель мог найти высказывание автора о том, что «чем легче законы понимать, тем удобнее их затверживать»,[28] а в изданном в 1806 г. сочинении Ч.Беккариа «О преступлениях и наказаниях», мог встретить дополнительное подтверждение справедливости такого рода суждений, выраженное словами: «всякий гражданин должен ведать, когда он виновен и когда прав»[29]. При этом прямо подчеркивалось, что задача сделать законы понятными и общеизвестными является одной «из первейших обязанностей правительства»[30].

В российском обществе подобного рода утверждения имели положительный отклик. В 1801 году А.Р.Воронцов в одной из записок, созданных в процессе подготовки текста манифеста о восшествии императора Александра I на престол, призвал российского самодержца «…снабдить Россию достаточными и ясными законами, для ограждения состояния каждого из подданных…»[31]. С учреждением в России Государственного Совета тезис об обязанности государства доводить до граждан смысл и содержание законов перешел в практическую плоскость. На одном из заседаний «Особого комитета председателей департаментов государственного совета» в 1811 г. был выработан проект создания «комиссии хранилища и обнародования законов», в котором излагалась позиция членов комитета в отношении принципа доступности для большинства населения страны содержания законодательных актов. «Незнание закона, — говорилось в документе, — не служит извинением. Однако ж справедливость требует не принимать сего извинения токмо в то время, когда закон уже мог быть известен…»[32]. В сферу деятельности пред-

полагаемой комиссии «хранения и обнародования законов» входило бы регистрация, систематизация и рассылка законов во все присутственные места и церковные приходы. Все это, по мнению членов особого комитета, могло бы частично решить проблему исполнимости законов.

Все перечисленные выше условия эффективного функционирования законов,– реалистичность, системность, доступность для понимания гражданами, — были, с точки зрения образованного человека начала XIX в., необходимы, но не достаточны для осуществления главного предназначения закона — одновременного обеспечить государственную целостности и защитить «естественные» права граждан. Такая двойственная цель могла быть достигнута только при наличии еще одного важнейшего условия — высокого уровня «просвещения» народа. В данном контексте понятия «закон», «свобода» и «просвещение» были тесно взаимосвязаны: чем выше уровень просвещения граждан, тем более развито у них чувство социальной ответственности, и тем больший объем прав и свобод может предоставить им закон. Такая логика рассуждений присутствует, например, в одной из всеподданнейших записок Д.П.Трощинского «О министерствах», в которой он подробно анализируя состояние личных свобод в Испании, Англии и Франции, пришел выводу, что все «…средства к охранению жителей в нерушимом пользовании гражданской свободою» в Европе были получены в результате «воспитания и просвещения»[33]. В России же, по словам автора записки, «…много людей просвещенных, однако же главная масса народа и не столько просвещена и просвещение ея не такое, как просвещение главных народных масс европейских государств»[34]. Следует отметить, что в начале XIX в. термин «просвещение» обозначал не только уровень образования человека, а главным образом, его способность анализировать происходящее, наличие у него чувства собственного достоинства и социальной ответственности. Именно такая трактовка понятия «просвещение» во взаимосвязи с понятием «свобода» приводило к постановке проблемы определения границ свободы человека в обществе.

Понятие «свобода» на рубеже XVIII — нач. XIX вв., так же как и понятие «закон», имело и позитивную и негативную коннотации. В положительном контексте понятие «свобода» имело несколько значений. В «Словаре Академии Российской» было дано такое определение: «Свобода — воля, противоположность зависимости, порабощению»[35]. Сущностью, определяемого словом «свобода» явления, выражалась, по мысли составителей словаря, в отсутствии внешнего принуждения. Под влиянием сочинений М.Вольтера, Ж.Ж.Руссо, Г.Рейналя, Ш.Монтескье, Ч.Беккариа, И.Бентама и др., в кругах образованного российского общества достаточно широко было распространено словосочетание «естественная свобода», которое употреблялось для обозначения неотчуждаемых «природных» прав человека. В работе Х.Шлецера «Начальные основания естественного права», адресованной, по словам издателя, молодому поколению, автор, объясняя смысл данного словосочетания, писал: «естественная свобода то право человека, по которому человек может предпринимать некоторыя действия к улучшению своей участи»[36].

На уровне отдельной личности свобода воспринималась как отсутствие любых формально установленных ограничений и обязательств. Подтверждением существования такой трактовки являются дневниковые записи Н.И.Тургенева, в которых он описывал свои чувства, переживаемые в Геттингене: «здесь, …хотя я и не имею тех священных обязанностей…, одним словом, хотя я здесь свободен, однакож не чувствую здесь того удовольствия, которое я чувствовал… в Москве»[37]. Кроме этого применительно к личности свобода была связана и с выбором вероисповедания, даже в условиях существования какой-либо официальной государственной религии. В одном из номеров «Санктпетербургского журнала» за 1809 г. автор заметки «О терпимости вер» прямо писал о наличии у человека права придерживаться религиозных взглядов, традиционных для своего народа. «Право власти, — подчеркивали автор, — не простирается на мысль. Общество для безопасности своей не имеет нужды лишать человека сей свободы и насильственно требовать наружных знаков какого-либо вероисповедания…»[38].

Близким по значению словосочетанию «естественная свобода» было понятие «совер-

шенная свобода», но в отличии от первого, больший акцент делался не на внутренние ощущения человека, а на его деятельность. Так, например, в работе К.Арсеньева и в записке А.Р.Воронцова, «совершенная свобода» человека определялась как наличие права «вступать в службу и оставлять оную», «выезжать в чужие края и состоять в службе иностранной державы», совершать операции купли-продажи имущества и т.п.[39]. В данном контексте «совершенно свободой» обладали даже государственные крестьяне, которые, по словам К.Арсеньева, «…пользуются с совершенною свободою всеми плодами, приобретаемыми от земель, на коих они поселены, могут посредством завещаний или законным порядком снискивать имение ровно как и свое благоприобретенное завещать, дарить, продавать, закладывать»[40]. При этом автор констатировал факт, что «казенные крестьяне суть люди не свободныя, принадлежащие или целому Государству или Особе самого Императора или Императорской фамилии»[41]. Наличие такого варианта употребления позволяет предположить, что семантическое значение словосочетания «совершенная свобода» могло не совпадать с личной свободой, и в большей степени обозначала возможность человека проявлять свою активность в сфере экономики. Такая трактовка понятия «свобода» не противоречила сложившейся в стране сословной системе и крепостной зависимости частновладельческих крестьян.

Чаще всего социально-политическое значение слова «свобода» находилось на втором плане, и лишь немногие члены Государственного Совета и представители либерально настроенного дворянства говорили о необходимости наделения свободой в полном объеме всех российских подданных вне зависимости от их сословной принадлежности, доказывая целесообразность такого шага словами И.Бентама, о том, что «свободный человек больше трудится и плоды трудов его конечно изобильнее, нежели плоды трудов человека в рабском состоянии»[42]. В правительственных кругах, в полном соответствии с основными положениями либеральной «политической экономии», свободно действующая личность объявлялась главным двигателем экономического развития[43]. Данный тезис присутствует во всех сочинениях Н.С.Мордвинова, а также и целом ряде проектов, записок, особых мнений Д.А.Гурьева, Н.П.Румянцева, Н.Н.Новосильцева и др. Так, например, в 1802 г. товарищ министра финансов Д.А.Гурьев, в одном из адресованных Александру I всеподданнейших докладов, призвал его помнить, что «…коммерция основана на свободе»[44].

Для обозначения всего комплекса прав человека, закрепленных в действующем законодательстве, использовали понятие «гражданская свобода». Прилагательное «гражданская» не предполагало наличие у человека каких-либо политических прав, а указывало на принадлежность человека к жителям страны, на подданство того или иного государства. Такая трактовка в большей степени подчеркивала включенность человека с систему социальных взаимосвязей и наличие у него определенных законом гражданских прав и обязанностей. В 1818 г. министр внутренних дел О.П.Козодавлев в «Рассуждении о постепенном освобождении крестьян из под рабства и о способах, коими безопасно можно ввести между ими гражданскую свободу», выразил свое понимание значения словосочетания «гражданская свобода»: «Свобода гражданская есть такое положение человека, …в каковом личная его безопасность и безопасность его собственности охраняется законами, и он совершенно удостоверен, что он, будучи законами охраняем, …не подвергается никакому насилию или нарушению безопасности лица или собственности. Посему утвердительно сказать можно, что там, где каждый человек, не изъемля ни единого, наслаждается по законам такою безопасностию, там, без сомнения, существует гражданская свобода в полной мере»[45]. Содержательно гражданская свобода включала в себя «свободу личную» и «свободу вещественную». Сущность личной свободы, по мнению, например, М.М.Сперанского, заключалась в положении, при котором «без суда никто не может быть наказан» и отсутствии у индивида «обязанности отправлять личную службу иначе как по закону, а не по произволу другого»[46]. Определение «свободы вещественной» было структурировано по принципу разделения прав и определения границ обязанностей личности. Подчеркивалось два принципиально важных положения:

«1) всякий может располагать своей собственностью по произволу, сообразно общему закону; никто без суда собственности лишен быть не может. 2) Никто не обязан отправлять вещественной службы, ни платить податей и повинностей иначе, как по закону или условию, а не по произволу другого»[47].

Теоретически «гражданская свобода» предполагала равное действие закона на всех членов общества, включая высших государственных чиновников, и даже императора. Взаимосвязь гражданской свободы и принципа равенства ответственности всех перед законом была очевидна и неоднократно встречается как в работах европейских мыслителей, так и в произведениях российских подданных. Ч.Беккариа, размышляя над проблемой реализации на практике данного принципа, утверждал, что «…знаменитейшие особы должны подвергаться тем же наказаниям, каким подлежит и последний гражданин»[48]. Это правило известный итальянский правовед распространял и на «владыку», государя. «Если он, — писал Ч. Беккариа, — не действует сообразно законам, известным каждому гражданину, …то подобное злоупотребление открывает врата тиранству…»[49]. Аналогичное утверждение присутствует и в работе профессора А.П.Куницина, который выразил принцип равенства граждан перед законом фразой, не допускающей двойственности толкования: «Законы должны быть всеобщие, то есть всех граждан равнообязывающие»[50]. При этом подданные имеют право требовать от властителя соблюдения «коренных законов государства». В противном случае граждане, по мысли А.П. Куницина, имели право неповиновения властям[51]. Защита гражданских прав и свобод в контексте исполнения принципа равенства всех перед законом предлагалась и в замечаниях к проекту манифеста о восшествии Александра I на престол, представленного на высочайшее имя А.Р.Воронцовым. В статьях 10-11 этого документа было объявлено о необходимости гарантировать право «всякого обвиняемого» на адвоката при разбирательстве дела в суде, а в статье 16 прямо указывалось на равенство всех сторон при рассмотрении имущественных претензий граждан к государству. «Качество и ранг спорящей стороны, — писал А.Р.Воронцов, — никак не влияют в глазах закона ни на суть, ни на форму разбирательства, процедуру и судейство»[52].

В реальности принцип равенства граждан перед законом соблюдался далеко не всегда. Об этом свидетельствуют многочисленные жалобы современников на произвол чиновников и судебные разбирательства по дел протекциям. Однако в ранге государственной политики он был признан и в некоторых случаях на заседаниях Департамента гражданских и духовных дел Государственного Совета, который зачастую фактически исполнял функции высшей апелляционной инстанции, принимались решения о наказании виновных вне зависимости от их социальной или профессиональной принадлежности. Интересным, с этой точки зрения, представляется дело о дворовых людях графа А.А.Аракчеева, осужденных за убийство «домоправительницы» одного из его имений. Сам факт убийства и вина подозреваемых были полностью доказаны, но вскоре стало известно, что в ходе следствия исправник коллежского секретаря Назаревский и Молехов, применяли «истязания» для получения признательных показаний подозреваемых. Такое поведение государственных чиновников было признано противозаконным. В результате было принято следующее постановление: «по строгости законов… чиновников Назаревского и Молехова… отстранить от должностей и предать суду Уголовной палаты»[53]. Такое решение воспринималось как восстановление справедливости, соответствующей принципу равенства граждан перед законом.

Однако и на уровне теории, и на уровне практических действий, чаще всего, признание принципа равенства перед законом в отношениях между отдельными гражданами, сопровождалось оговорками о неравенстве функциональных обязанностей личности и государства, которое «в чрезвычайных случаях» имело «право требовать чрезвычайных пожертвований» от граждан в целях обеспечения общественной безопасности[54]. Признание за государством такого своеобразно права «первого среди равных» аргументировалось наличием у государства особых обязательств перед обществом, особенно в сфере обеспечения государственного суверенитета и безопасности граждан. В идеале прави-

тельство должно было стремиться соблюдать баланс между достижением государственных целей по обеспечению «общего блага» и частными интересами отдельных граждан. Подобные мысли неоднократно высказывались на заседаниях Департамента Государственной экономии Государственного Совета.

Указанные выше коннотации словосочетаний «естественная свобода», «совершенная свобода», «гражданская свобода» имели, как правило, позитивный контекст. В то же время понятие «свобода» у многих российских подданных вызывало ряд негативных ассоциаций, связанных, прежде всего, с революционными событиями в Европе. О существовании таких ассоциаций прямо писал О.П.Козодавлев. Размышляя над значением понятия «свобода», он четко определил настороженное отношение современников к обозначаемому этим словом явлению: «Слово свобода принимается в наши времена за слово, возмущающее спокойствие гражданское. Имея в памяти, что престол самой древнейшей в Европе монархии… поколебался от первого сего слова отголоска; или в памяти, что слово свобода, поколебав самый твердейший престол волшебною своею силою, разрушило до основания и все обветшалое здание французской монархии; имея в памяти революцию, которая под щитом сего слова наполнила Францию неслыханными ужасами…; имея все сии происшествия в памяти, не удивительно, что многие без содрогания не могут и слышать о свободе»[55].

Трактовка свободы как безначалия и произвола имела ярко выраженный социально-политический контекст, и звучала как в связи с революционными событиями в Европе, так и в процессе поиска приемлемого решения в России крепостного вопроса. Опасения крестьянского бунта, повторение восстаний подобных выступлениям Е.Пугачева, подкрепляли негативные ассоциации со словом «свобода» в консервативно настроенной части российского общества. Причиной разрушительных последствий свободы, понимаемой как своеволие, произвол или противозаконное неповиновение, объявлялись низкий уровень просвещения и неправильное толкование самой сущности свободы. «Совершенная» или «гражданская» свобода не предполагала социального равенства, напротив — человек, обладая «естественными правами» и возможностью активно действовать, имел право на неравенство, которое в любом обществе неизбежно и необходимо. «Не нужно мечтать на земле о мнимом равенстве», — призывал читателей журнала «Русский вестник» автор статьи «О народном нравоучении», опубликованной весной 1812 г. Все подобного рода «мечтания», по его мнению, могут привести к безвластию или тирании и, в конечном счете, к беззаконию. Для предупреждения негативных последствий он призывал осознать, что «люди тогда будут равны перед законом гражданским, когда законодавцы и исполнители законов убедятся, что пред Богом все равны…»[56]. Апелляция к религиозным чувствам, к закону, данному человеку Богом было попыткой объяснить существовавшее в действительности неравенство в распределении прав и свобод у представителей различных сословий российского общества. При этом существование сословных различий объяснялось, как правило, с помощью двух аргументов: «природным», «естественным» неравенством способностей людей и различиями в степени «просвещения» различных групп населения. Чрезвычайно низкий уровень просвещения большей части людей так называемого «нижняго состояния», отсутствие у них «почти никакого понятия ни о существующих законах, ни о порядке производства дел…»,[57] предполагал и меньший объем предоставляемой законом свободы. Расширение, законом установленных для людей «нижняго состояния» рамок, представлялось возможным только по мере распространения в народе просвещения. Именно такую аргументацию своего плана постепенного освобождения крестьян выдвигал адмирал Н.С.Мордвинов, напрямую связывая предоставление личной свободы частновладельческим крестьянам, с уровнем их просвещения, умением ставить перед собой цели и находить оптимальные пути их достижения законными способами, а следовательно, степенью готовности крестьянина к самостоятельной жизни без опеки помещика[58].

Зависимость между свободой и уровнем просвещения особенно отчетливо прослеживается при анализе словосочетания «политическая свобода». Прилагательное «поли-

тическая» придавало понятию свобода дополнительное смысловое значение. «Свобода политическая», по словам О.П.Козодавлева, это свобода «…основывающаяся на отношениях, между правительством и народом существующих, полагающая пределы властям и касающаяся токмо до конституции государства»[59]. Подобная коннотация слова свобода предполагала право личности участвовать в принятии каких-либо общественно-важных решений. Значимость рассматриваемых вопросов, их сложность и многогранность обусловливали необходимость наделения политическими свободами не всех граждан страны, а только наиболее «просвещенных» их представителей. В начале XIX в. подобная логика рассуждений не вызывала сколько-нибудь серьезных возражений. Постепенность и осторожность в наделении граждан политической свободой хорошо сочеталось с заимствованным из философии европейского Просвещения представлением об органичном развитии любого общества от простого к сложному, от невежества к просвещению. Очевидным считался тезис о невозможности распространения просвещения одновременно во всех слоях русского общества: все передовое и прогрессивное быстрее и результативнее может быть воспринято только представителями наиболее образованных сословий. Заимствованная в таком виде концепция постепенного, прогрессивного развития актуализировала проблему «подготовленности» различных слоев российского общества к «политической свободе».

Анализируя степень подготовленности различных слоев российского общества, многие представители правительственной элиты и авторы многочисленных публикаций в российской периодической печати писали о существовании в России лишь одной социальной группы, которая в полной мере была достойна «политической свободы». Таким сословием объявлялось дворянство. Но даже для представителей дворянства «политическая свобода» не была синонимом «свободы неограниченной». В идеале политическими правами, которые ни в коем случае не предполагали ограничение власти императора, могли обладать только собственники недвижимого имущества, наличие которого считалось показателем способности человека просчитывать все позитивные и негативные последствия принимаемых им решений. В данном контексте, понятие «политическая свобода» использовалась для обозначения сословных или даже внутрисословных прав и привилегий, объем которых напрямую зависел от степени «просвещения» каждого конкретного представителя дворянского сословия.

В целом своеобразие трактовки понятия «свобода» в российском обществе первой четверти XIX в. проявлялось в том, что свобода, оставаясь всегда желанной целью, рассматривалась с более приземленных, утилитарных позиций. Конструирование сложных теоретических схем, раскрывающих метафизическую сущность свободы, представлялось не актуальной и не целесообразной задачей. Косвенным подтверждением этого может служить «Записка неизвестного о государственном управлении», автор которой, утверждая, что «свобода не что другое есть, как закон, равно на всех действующий и всеобъемлющий», подчеркивал: «…метафизические понятия о правах человека ведут только к безначалию, злу стократ горшему, нежели самое жестокое самовластие»[60]. В данном контексте «совершенная», «гражданская», или «политическая» свобода могла и должна была быть ограничена законом вне зависимости от сословной принадлежности индивида.

Для обозначения универсального характера ограничений свободы человека в обществе использовалось словосочетание «законная свобода», которое содержательно включало в себя весь спектр возможностей человека реализовать свои интересы, но только в том случае, если они не противоречат нормам действующего законодательства. Интересным для выявления смыслового значения понятия «законная свобода» представляется речь Ф.Н.Глинки на одном из заседаний «Вольного общества любителей российской словесности», опубликованной в журнале «Отечественные записки». Выступавший, объясняя собравшимся значение слова «вольное» в названии общества, подчеркнул добровольный порядок вступления в общество, который, по его словам, «…соответствует духу законной свободы»[61]. В данном контексте словосочетание «законная свобода»

обозначало, одновременно, и право свободы выбора человеком направления своей деятельности, и наличие установленных законом ограничений, существовавших для сохранения и приумножения так называемого «общественного блага».

Включение в смысловое поле понятия «законная свобода» идеи достижения «общественного блага» предопределило существование дифференцированного подхода при определении границ поведения человека в экономической и социально-политической сферах. Если ограничения свободы экономической деятельности в идеале должны были быть минимальны, и могли устанавливаться только в случае столкновения интересов отдельной личности с финансовыми потребностями казны, то в социально-политической сфере ограничения свободы человека должны были соответствовать степени его «просвещенности» и признавались безусловно необходимыми. Одним из таких ограничений, необходимых для достижения общего блага, представлялось, например, осуществление контроля как над всеми российскими, так и привозимыми из-за границы печатными изданиями. «Правила цензуры должны быть составлены так, — аргументировал целесообразность введения цензуры президент Российской академии наук А.С.Шишков, — чтобы не токмо не отнимали у сочинителей свободы писать и разсуждать, но ободряли бы оную и питали, преграждая в тож время пути к изданию в свет худых, дерзких, соблазнительных, невежественных, пустословных сочинений, от которых развращается нравственность, умножаются ложныя понятия, темнеет просвещение и возрастает невежество»[62].

Таким образом, смысловое значение понятий «закон» и «свобода» находились в тесной взаимосвязи. «Закон» одновременно рассматривался и как инструмент обеспечения свободы и безопасности личности, и как ограничитель свободы каждого конкретного индивида во имя «общего блага». Интеграция этих двух смыслов была зафиксирована в широко распространенном и устойчивом словосочетании «законная свобода», которое содержательно было близко к европейскому пониманию функционального назначения законов. Однако в российском варианте больший акцент делался на прилагательное «законная», подчеркивавшее наличие установленных государством границ поведения человека, как в масштабах всего общества, так и в рамках какого-либо сословия. При этом одновременно с декламацией европейских принципов свободы личности, неприкосновенности частной собственности и равенства всех участников социальных отношений перед законом, существовало убеждение в необходимости тщательного отбора и постепенной адаптации европейских правовых норм. Аргументы целесообразности подобной концепции заимствования российский читатель мог встретить в работах Ч.Беккариа, И.Бентама, В.Гумбольта. Например, в переведенном на русский язык сочинении Ч.Беккариа, присутствовало следующее утверждение: «…приступать к составлению гражданских и уголовных законов надлежало не иначе как по мере обстоятельств, дававших чувствовать в них необходимость»[63]. В данном контексте изменение содержания российского законодательства по мере появления необходимости представлялось наиболее безопасной тактикой модернизации существующей системы правовых норм. Любые, «новые законы», которые являются всего лишь «смелыми творениями ума» и не адаптированы к реальности, должны были, по выражению российских подданных, «…остаться в книгах вместе с другими более или менее любопытными произведениями остроумия»[64]. Более того, исторический опыт и традиции, а также низкий уровень «просвещения» абсолютного большинства населения страны обусловливали, с точки зрения образованного человека первой четверти XIX в., необходимость появления, «устанавливающих сердечную связь подданных с монархом», «мудрых законов»[65]. Именно «мудрые законы» должны были сочетать традиционные народные ценности и европейские принципы защиты «естественных прав» личности на свободу и безопасность.

В общем виде, соотношение понятий «закон» и свобода» воспроизводило патерналистский идеал взаимоотношений личности и государства. Свобода личности рассматривалась как свобода под опекой и покровительством помещика, закона, императора или государства. Существование подобной патерналистской логики рассуждений обуслови-

ло положение, когда при всем многообразии высказываний о необходимости либерализации российского законодательства в первой четверти XIX в. на практике большее внимание уделялось не наполнению законодательных актов новым содержанием, а модернизацией их общей структуры или формальной согласованности конкретного документа с системой действующего в стране законодательства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мир Просвещения: исторический словарь / Под ред. В.Ферроне и Д.Роша /Пер. с итал. М., 2003. С. 51–60, 172–151.
2. См., например: Geschichtliche grundbergriffe: historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in deutschand. Stuttgart.1997; *Ильин М.В.* Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997; *Марасинова Е.Н.* Понятие честь в сознании российского дворянина (последняя треть XVIII века) // Россия в средние века и новое время: Сб. ст. М., 1999; Понятие государства в четырех языках: Сб. ст. СПб., 2002; *Вин Ю.Я.* В поисках новых методов изучения социальной информации понятий и терминов византийских источников // Роль информации в формировании и развитии социума в историческом прошлом. М., 2004; и др.
3. Словарь Академии Российской. Ч. 3.: от З до М. СПб.,1792. С. 9; Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. Ч. 2.: Д–К. СПб.,1809. Стб. 612.
4. Словарь Академии Российской. Ч.3. СПб.,1792. С. 9–10.
5. *Куницин А.П.* Право естественное. Ч.1. СПб., 1818. С. 38.
6. *Шмальц Ф.* Право естественное. Перевод с латинского с прибавлением истории и литературы естественного права. СПб., 1820. С. 38.
7. Годичное собрание в Английском клобе с краткою историею сего последняго // Отечественные записки. 1821. Ч.6. № 12, апр. С. 106–107.
8. См.: Нравственное состояние Европы в середине Осьмогонадесять столетия // Санктпетербурский журнал. 1805. №3. С. 82; Записка графа Завадовского // Русский архив 1908. № 6. С. 18–20.
9. Нечто о началах Правлений // Санктпетербургский журнал. 1804. № 4., апр. С. 117.
10. *Попов В.С.* Политико-исторические примечания, касающиеся русского государства (1814–1815) // Русский архив. 1865. № 2. С. 242.
11. Начальные основания естественного права, изданныя профессором Христианом Шлецером. М., 1810. С. 27.
12. *Бентам И.* Разсуждения о гражданском и уголовном законоположении. Т. 2. СПб., 1806. С. 40.
13. См. подробнее: *Тимофеев Д.В.* Европейские идеи в России: восприятие либерализма правительственной элитой в первой четверти XIX века. Челябинск, 2006. С.115–125.
14. *Воронцов А.Р.* Articles ou materiaux qui peuvent server a la confection d'un edit ou manifeste de privileges, franchises etc. // Русский архив. 1908. Кн. 2. № 6. С. 7–18.
15. РГИА. Ф.1167. Оп.1. Т.XVI. Д.65 а. Л.12.
16. Речь, произнесенная Его Императорским Величеством при открытии Сейма Царства Польского в 15/27 день марта 1818 года в Варшаве // Архив исторический и политический. Из духа Журналов 1818 года. СПб., 1818. С. 98.
17. Чего требует дух времени? Чего желают народы? // Архив истории и политики: из духа журналов 1819 г. СПб, 1819. С. 11.
18. *Арсеньев К.* Начертание статистики Российского государства. Ч. 2. СПб., 1819. С.1.
19. *Сперанский М.М.* План государственного преобразования: (Введение к уложению государственных законов 1809 г.). М., 2004. С. 9.
20. См.: Словарь Академии Российской. Ч. III. СПб., 1814.
21. Нравственное обозрение областей Европейских // Русский вестник. 1817. № 11–12. С. 52–53.
22. РГИА. Ф.1147. Оп.1. Д.295.

23. РГИА. Ф.1250. Оп.1. Д.18. Л.3.
24. *Герман К.* Материалы для российской статистики // Статистический журнал, издаваемый Карлом Германом. 1806. Т.1. Ч.1. С. 72.
25. Там же С. 81.
26. Еще некоторые причины бедности Англии // Дух Журналов. 1819., кн. 20. С. 357-372.
27. РГИА. Ф.1167. Оп.1. Т.XVI, 1826. Д.34. Л.5.
28. О необходимости утверждать законы на причинах. Из Бентама // Санктпетербургский журнал. 1804. № 6, июнь. С. 135.
29. *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях. СПб., 1806. С. 56.
30. *Бентам И.* Разсуждение о гражданском и уголовном законоположении. Т. 3. СПб., 1811. С. 187.
31. Записка графа Воронцова о милостивом манифесте на коронацию императора Александра I, с материалами для сего манифеста // Русский архив. 1908. № 6. С. 5.
32. РГИА. Ф. 1164. Оп. 1, 1811. Д. 9–10. Ч. VII. Л. 43–43 об.
33. Записка Д.П.Трощинского о министерствах // Сборник императорского русского исторического общества. 1868. Т. 3. С.48–49.
34. Там же.
35. Словарь Академии Российской. Ч.V., СПб., 1794. С. 366.; Ч.VI. СПб., 1822. С. 67.
36. Начальные основания естественного права… С. 9.
37. Архив братьев Тургеневых: В 4 т. Т.1. Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1806–1811 г. СПб., 1911. С. 233.
38. О терпимости вер // Санктпетербургский журнал. 1809. № VIII, август. С. 116.
39. См.: *Арсеньев К.* Ук. соч. Ч. 2. С. 45; *Воронцов А.Р.* Articles ou materiaux qui peuvent server a la confection d'un edit ou manifeste de privileges, franchises etc. // Русский архив. 1908. Кн. 2. № 6. С. 7–18.
40. *Арсеньев К.* Ук. соч. С. 76-77.
41. Там же. С. 75.
42. *Бентам И.* Ук. соч. Т.2. С. 261.
43. *Тимофеев Д.В.* Ук. соч. С. 62–110.
44. Особое мнение Гурьева // Архив графов Мордвиновых: В 10 т. Т.3. СПб., 1901–1903. Д. 710. С.120.
45. *Козодавлев О.П.* Рассуждение о постепенном освобождении крестьян из под рабства и о способах, коими безопасно можно ввести между ими гражданскую свободу (около 1818 г.) // Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России конца XVIII — первой четверти XIX века. Сб. док. Липецк, 2003. С.146.
46. *Сперанский М.М.* Ук. соч. С.33.
47. Там же.
48. *Беккариа Ч.* Ук. соч. С. 97.
49. Там же. С. 56.
50. *Куницин А.П.* Ук. соч. Ч.2., СПб., 1820. С.71, 115.
51. Там же. С. 99, 115.
52. *Воронцов А.Р.* Ук. соч. С. 10, 11.
53. РГИА. Ф.1151. Оп.1. Д.155. Л.2 об.
54. *Куницин А.П.* Ук. соч. Ч.2. С. 93.
55. *Козодавлев О.П.* Ук. соч. С. 145–146.
56. См.: Опыт о народном нравоучении // Русский вестник. 1812. № 5. С. 38, 15.
57. РГИА. Ф.1149. Оп.1. Т.1, 1810. Д.30. Л.17.
58. См.: Мнение адмирала Мордвинова. Одна из мер освобождения крестьян от зависимости и с оною возбуждения народной деятельности // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1859. Кн.III, июль-сент. С. 51–54.
59. *Козодавлев О.П.* Ук. соч. С. 146.
60. РГИА. Ф.1167. Оп.1. Т.XVI. Д.52/48. Л.6.

61. Публичное собрание в Вольном общества любителей российской словесности // Отечественные записки. 1820. Ч.2. кн.III. июль. С.90.
62. Мнение адмирала и президента Российской академии наук Шишкова о разсматривании дел, или о цензуре // Русский архив. 1865. № 10–11. Стб. 1347.
63. *Бентам И.* Ук. соч. Т.1. С.506.
64. Приятные виды, надежды и желания ныняшнего времени // Вестник Европы. Ч.3. 1802. №12. С. 314–315.
65. Всеобщее обозрение // Вестник Европы. Ч.1. 1802. №1, январь. С. 84.

D.V. TIMOFEEV

CORRELATIONS OF CONCEPTIONS — «LAW» AND «FREEDOM» IN GOVERNMENTAL PROJECTS AND RUSSIAN PUBLICISM (first quarter of 19th C.)

Semantic meanings of concepts «law» and «freedom» (which semantic field includes estimations and representations of the educated part of the Russian society about practice and ideal models of mutual relations both among individuals and interactions of the person and the state in the first quarter of 19th c.) are under analysis. The latter has been done within the framework of researching the matter of «interpreting» and adopting political ideas from one socio-cultural environment into another. Some negative and positive connotations of concepts «law» and «freedom» are determined on basis of the textual analysis within various projects, notes, popular scientific works and materials of periodicals; character of arrangement for semantic accents in word-combinations «the radical law», «the wise law», «natural freedom», «civil freedom», «political freedom», «lawful freedom» is determined, either. All this has allowed to reveal the most comprehensible, from the point of view of the educated Russian citizen of the first quarter of 19th c., concept of adopting the European experience and the orientation of modernization process within Russian socio-political and Legal system.

И.Г. ОНОПРИЕНКО (Белгород)

ДВОРЯНСКАЯ УСАДЬБА СЕРЕДИНЫ XIX В. КАК ОТРАЖЕНИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА КРЕПОСТНИЧЕСТВА В БЫТУ (на примере Центрального Черноземья)

В статье рассматриваются отношения между помещиками и крестьянами в черноземной деревне середины XIX в. Однозначного ответа на эту проблему нельзя дать. Но четко просматривалась тенденция, чем значительней был социально-экономический статус помещика, тем менее была социальная напряженность среди его крепостных. Во многом, значительную роль играла и сама индивидуальность дворянина-помещика.

Бытовую культуру дворянства невозможно представить без сферы социального общения. С усадьбой всегда соседствовала крепостная деревня, связанная с ней нерасторжимыми экономическими узами, вполне реальными и весьма разнообразными личностными отношениями членов семьи помещика с крестьянами. Взаимодействие с крестьянской общиной раскрывало как высокие моральные качества обитателей господского дома — сострадательность, благотворительность, стремление к просветительству, так и самые низкие.

В мемуарных источниках, особенно в воспоминаниях о детских годах владельца усадьбы, тепло обзываются о кормилицах-нянях и других дворовых — кучерах, поварих и т.д., которые любили детей, заботились о них, от них дворянские дети приобретали житейские навыки[1]. Типичная черта дворянского быта — няня, прожившая в семье лет шестьдесят и вырастившая несколько поколений хозяев. Так в воспоминаниях Б.Глинского, тамбовского дворянина «…няня прелестнейшая старушка. На ее глазах прошла жизнь всех прежних обитателей. И выросли нынешние представители Сергеевки; по части родословной и семейного архива она была ходячим справочным пособием… В ее комнате обыкновенно собирались на советы вся семья, ей доверялись все секреты, как бы родной…»[2].

В своих воспоминаниях курский помещик Анатоли Марков, с теплотой и любовью рассказывает о своей няне: «Марья Григорьевна, в руки которой я попал, будучи отнятым от материнской груди, жила у нас в семье несколько десятков лет и до меня вынянчила мою матушку. Она была из крепостных крестьян моего деда, чем очень гордилась и ставила на вид всей остальной прислуге, что она не «чужая», «своя спокон веков». У нас в семье она была окружена всеобщим уважением. Никому в голову не приходило ее называть «няней», уже не говоря «нянькой», а только ласково-почтительно «нянюшкой»[3].

Что касается дворовой прислуги, так она любила говорить с детьми, не стесняясь и сообщая им всю подноготную. Объясняется это, вероятно, тем, что в крестьянских семьях все происходит явно, и от детей ничего не скрывали, да и скрыть нельзя при тесноте жилья. Могла быть и еще причина той общительности крепостных слуг с дворянскими детьми: слуги, особенно старые, всегда почти пользовались сочувствием детей, которые росли на их руках, так как нет существа более ласкового, нежного и любящего, как русская крестьянка, особенно старая. То же можно сказать и о крестьянах стариках, старых дядьках из отставных солдат и т.п. Таким образом и выходило, что не находя возможности высказать свои горести и обиды самим господам, которые именно и были источниками этих обид, — крепостные слуги находили единственное облегчение, делясь печалями своими с «маленькими дворянами».

«К своей прислуге она относилась очень душевно, входила в их семейные дела, советовала, помогала, защищала обиженных. От нас требовала, чтоб мы всегда были учтивы и предупредительны с служащими нам и не обременяли их ненужными требованиями. Мы были воспитаны в большой простоте, сами одевались и причесывались и не тревожили наших горничных; хотя они были крепостными, но от нас требовалось ласковое и учтивое с ними обхождение. Я еще помню, как была наказана за какое-то грубое слово, сказанное горничной»[4], такие воспоминания встречаются в мемуарах дворянства.

О злоупотреблениях помещичьей властью можно сказать, что они были следствием самой сущности крепостного права, неопределенности и неточности регулировавших его законов. Сказывалось и господствующее насилие, и произвол, низкий уровень образования дворянства, и как следствие невысокая степень нравственного развития. Несомненно, то, что злоупотребления помещиков были значительны и составляли обыденное явление. Например, по всей Курской губернии ходила молва о помещице О.К. Брискорн, она жестоко обращалась с крепостными, в результате чего их погибли сотни от непосильного труда. В воспоминаниях самих крестьян упоминалось «…принимаемся за работу вместе с рассветом… летом до самых потемок, а весной и зимой часов до десяти почти без всякого отдыха»[5].

Вот какая характеристика дается помещику Тамбовской губернии «нелюдим… сверх всего этого, скуп до невозможности. Крестьяне у Королинского никогда не сидели на одном месте: стоило только им устроиться на каком-нибудь отведенном им участке, и отводились им нарочно, одни болота и пустыри; стоило им ценою непосильных трудов создать из этих болот и пустырей что-нибудь похожее на сколько-нибудь сносную почву для произрастания каких-либо растений, как их немедленно переводили на новые болота и пустыри, где приходилось начинать все сызнова. Особенно тяжела была, по сло-

вам крестьян, работа на барщине. Тогда являлся управляющий с кнутом в руках, а следом за ним, верхом на лошади и тоже с кнутом в руках, сам Королинский»[6] .

Было и совсем иное отношение к крепостным, так в одной из усадеб Тамбовской губернии «...эксплуатации крепостных людей не было, бывали случаи, хотя очень редкие, телесного наказания, к середине пятидесятых годов совсем однако прекратившиеся. Крестьяне были по своему состоятельны, дворня жила совершенно обособленно от села...

И зимой и летом, по нескольку раз в год, на усадьбе устраивалось после обедни праздничное угощение для крестьян, подавались пироги и водка, для непьющих — чай, а женщинам и детям — лакомства (орехи, пряники) и подарки (платки, ленты)»[7].

В середине XIXв. политическая атмосфера в столицах не могла не сказаться на отношении владельцев усадеб к своим дворовым. На лето в деревни приезжали сыновья, гости, родственники, участники столичных литературных и прочих кружков, распространявшие либеральные идеи в отношении крепостного крестьянства. «Балует народ, говорили окрестные помещики. Не нравилось им, что после окончания полевых работ устраивался у нас обед на белом дворе. Расставлялись столы на досках; щи, пироги, каши, селедки и прочие деревенские кушанья обильно расставлялись на них, домашнее пиво, иной раз и мед. Пьянства отец не терпел и сам никогда не употреблял спиртных напитков. Все же перед обедом давалось желающим по чаркам водки и больше ни-ни.

В Светло Христово воскресенье у нас, заезжая из церкви, разговлялись соседи. После них приходили христоваться крестьяне. Я, как старшая хозяйка, не мало бород, бывало, перецелую. Глубоко веруя в Христа, с радостным сердцем исполняла я этот обряд общения любви с ближними. А папенька был доволен. Истинно религиозный человек, он не держался узкого показного благочестия, но был того мнения, что господа обязаны своим поведением служить примером для подвластных.

Все его любили и шли к нему без малейшего страха перед барином, кто за советом, кто с жалобой. Просто, сердечно вразумлял и наставлял он крестьян. К слугам папенька относился крайне внимательно. После 9 часов вечера он никогда не позволял нам требовать чего-либо из омшаника или погреба, особенно в темные или холодные ночи. Заранее следовало позаботиться о вечерней закуске. На свои отношения к подвластным он смотрел, как на священный долг[8].

Соответственное было и отношение крестьян к своим помещикам «…человек двадцать окружили нашу карету. Все были так рады. Отец мой, не выходя из кареты, ласково поздоровался со всеми и сказал, что вот он приехал к ним и привез хозяйку и детей… Радость была не притворная, выражалась на всех лицах и слышна была в голосах»[9].

По воспоминаниям Б.Глинского о своем отце тамбовском помещике «В усадьбе и сельской округе его глубоко уважали и боялись, хотя он во всю жизнь не возвысил даже громкого голоса против кого либо. Тем не менее, однако даже новое поколение крестьян, не говоря уже про стариков, проходили мимо окон его кабинета со страхом и с обнаженными головами, даже если шторы были спущены или ставни закрыты. Его сдержанность, молчаливость и спокойствие наружности наводили какой-то суеверный ужас. Старушка нянюшка, член семьи, называла его «монахом» и считала чуть ли не святым»[10].

Владельцам усадеб приходилось уделять внимание обучению своих крепостных различным ремеслам, которые могли пригодиться и для благоустройства усадебного дома и в хозяйстве. Усложнение форм хозяйствования, увеличение управленческого аппарата в усадьбах требовали значительное количество грамотных людей (приказчиков, писарей, старост, рабочих знакомыми с элементарными основами техники и др.). Например, владелец усадьбы Марьино Курской губернии И.И.Барятинский писал своему управляющему: «Рамошники и золотарь будут весьма мне нужны для дому и церкви... Прикажите, как скоро выйдут мальчики из Петербургского училища, отдать их в помощники Федору Резникову, дабы они могли ко всему ходу экономических дел привыкнуть. Мне кажется, что можно бы выбрать двух умных мальчиков из Ивановской школы и отдать в

то же училище; сим способом контора моя преобразуется...»[11]. Многие крепостные И.И.Барятинского прошли обучение различным ремеслам в столице и учась друг у друга на месте. Марьино превратилось в своеобразный ремесленный центр губернии, где можно было заказать и экипаж, и прочую мебель, и найти мастеров, способных украсить барский дом.

Владельцы крупных и средних усадеб многим своим дворовым стремились дать музыкальное образование. Владение различными инструментами, знание музыкальной грамоты, игры по нотам, развитие вокальных данных превратилось в обычное занятие в сотнях усадеб, — это стало показателем общественной значимости, просвещенности и статусности помещика[12].

Определенная «доброта» ряда помещиков была сопряжена с хозяйственными интересами последнего, когда рост профессионализма его крепостных был залогом процветания усадьбы.

Таким образом, взаимоотношение помещиков и крестьян было разнообразным, встречалось как доброжелательное отношение, так и злоупотребление властью помещиками. Все это зависело от конкретной личности помещика и его социально-экономического статуса. Чем он был выше, тем менее ощущалась социальная напряженность среди крепостных.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.: Исторические очерки. М., 2001. С.492.
2. *Глинский Б.* Из летописи усадьбы Сергеевки // Исторический вестник. 1894. Т.58. №10. С.69–70.
3. *Марков А.* Родные гнезда. Сан Франциско, 1962. С.67.
4. С.Б. Из недавнего прошлого // Русская старина. 1910. №7. С. 247, 258.
5. Государственный архив Курской области Ф.1600. оп.1. д.17. л.1.
6. *Мышецкий В.С.* Воспоминания // Исторический вестник. 1896. №11. С.879.
7. *Давыдов Н.* Из помещичьей жизни прошлого столетия // Голос минувшего. 1916. №2. С.193–194.
8. *Новоселова Е.М.* Воспоминания 50-х годов // Русская старина. 1911. Т.148. №10. С.105–106.
9. *Аксаков С.Т.* Детские годы Багрова-внука. Семейные хроники. М., 1885. С.35–36.
10. *Глинский Б.* Из летописи усадьбы Сергеевки… С.63.
11. *Лотарева Д.Д.* Марьино: усадьба аристократа. // Мир русской усадьбы. Очерки. М., 1995. С.165.
12. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв. … С.357.

I.G. ONOPRIENKO

THE NOBLEMANS ESTATE IN THE MIDDLE OF THE 19TH CENTURY AS REFLECTION OF FUNCTIONING OF THE INSTITION OF SERFDOM IN EVERYDAY LIFE (ON THE PATTERN OF THE CENTRAL BLACK EARTH REGION)

The article deals with relations between landlords and peasants in village of the Central Black Earth Region in the middle of the 19th century. The problem offers a variety of views. But the following tendency is evident: the higher landlord's social-economic status, the less social tension among his serfs. The landlord's individuality was also very important.

А.А. ПОДВИГАЙЛО (Белгород)

РАЗВИТИЕ АРЕНДЫ ЦЕРКОВНЫХ ЗЕМЕЛЬ В КУРСКОЙ И ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИЯХ В 60-90-е гг. XIX СТОЛЕТИЯ

Духовенство в Российской империи. Численность духовенства в Курской и Воронежской губерниях. Церковное землевладение в Курской и Воронежской губерниях. Аренда церковных земель в Воронежской губернии по данным 1887 г. Аренда церковных земель в Курской губернии по данным 1887 и 1901 гг.

В данной статье рассматривается проблема развития аренды церковной земли в Курской и Воронежской губерниях в 60-90-е гг. XIX в.

В 1861 г. к началу Великих реформ в Российской Империи насчитывалось 37.381 церковь, 598 соборов, а также 12.186 часовен и молитвенных домов в которых служили 113.815 духовных лиц.[1] Общее же число белого духовенства и церковнослужителей, включая внештатных, доходило до 126.164 человек. В целом же во всей империи вначале 70-х гг. XIX в. насчитывалось представителей «духовного сословия обоего пола» порядка 685.000 человек. На каждую 1000 человек приходилось до10 человек духовного звания.[2] В частности в Курской губернии, в 1865 г. представителей белого духовенства насчитывалось 10.792 человек мужского пола и 11.129 женского (жен и дочерей священников так же относили к духовному сословию).[3] В Воронежской губернии по данным на 1879 г., белого духовенства насчитывалось 13.849 человек, в том числе 6.432 мужского и 7.417 женского пола.[4]

Необходимо так же отметить, что всю вторую половину XIX в. количество церковных приходов неуклонно росло, несмотря на предпринятые правительством с началом реформ меры по сокращению количества функционировавших приходов. В 1870 г. в Курской губернии насчитывалось уже 987 церквей, в то время как в Воронежской губернии функционировали 862 церкви при четырёх упразднённых. В 1880 г. в Курской губернии функционировало уже 1.019 приходов при 26 упразднённых, в то время как в Воронежской губернии числилось 922 прихода при 76 упразднённых.[5] Таким образом, по количеству функционировавших приходов, Курская губерния превосходила Воронежскую, вместе с этим важно отметить так же, что количество упразднённых приходов в Воронежской губернии было больше чем в курской.

Любая вновь открывшаяся православная церковь получала от правительства земельный надел. Поэтому к началу 60-х гг. подавляющее большинство приходов РПЦ имело в своём пользовании земельные угодья. По статистическим данным от 1877 г. в Курской губернии насчитывалось 45.502 десятины, а в Воронежской 41.908 десятин. В 1905 г.

в Курской губернии насчитывалось уже 42.086 десятин, а в Воронежской губернии 47.423 десятин церковной земли.[6] По закону размер церковного надела должен был составлять 33 десятины распашной земли и 3 десятины усадебной, а где это возможно и превосходить установленную норму. В частности, в Курской губернии, средний размер церковного земельного надела, приходившегося на один причт составлял 48,5 десятин земли, а в Воронежской 51,8 десятин.[7]

Земельные угодья и полученный с них прибавочный продукт, по мнению правительства, должны были компенсировать простому приходскому духовенству его низкий денежный оклад, если священник, разумеется, получал от государства жалование. К примеру, в 1890 г. в России насчитывалось 45.037 приходов, а жалование по данным 1891 г. получали лишь 18.883 причта или менее половины от общего их количества.[8] Денежный оклад от государства получали лишь штатные священники, в то время, как заштатное духовенство вынуждено было существовать лишь за счёт прихожан и собственного труда. Прозябающий в беспросветной нищете священник был в России того времени явлением далеко не редким. Низкое жалование, или его отсутствие вынуждало приходских священников активно использовать свои земельные наделы. Священники в основной своей массе обрабатывали землю самостоятельно, трудясь на пашне подобно своим прихожанам, или же обрабатывали её с помощью наёмной рабочей силы. Духовенству разрешалось сдавать церковную землю в аренду. Казалось, что в условиях крестьянского малоземелья Европейской России аренда была наиболее выгодна для членов церковного причта, так как давала возможность получать духовенству дополнительные финансовые средства а острый земельный дефицит, стимулировал повышение рентной платы за сдаваемые в аренду церковные земли. Однако, несмотря на объективные исторические условия, аренда церковных земель в Курской и Воронежской губерниях не получила должного развития. Одной из причин того что аренда церковных земель не получила должного развития было строгое административное регулирование всей экономической деятельности российского духовенства. Нельзя так же не отметить тот факт, что в такой форме землепользования как аренда, церковные причты были серьёзно ограничены.

Права приходского духовенства на пользование церковной землёй, выделенной приходу, чётко регламентировались церковным законодательством, которое предусматривало возможность сдачи церковной земли в краткосрочную аренду, на срок не более одного года (в последствии было разрешено сдавать церковную землю в аренду сроком до 12 лет). Земля могла сдаваться в аренду одним членом причта только с разрешения настоятеля церкви. Причт мог сдавать в аренду всю церковную землю только с согласия всех его членов.[9]

Другая причина, тормозившая развитие аренды церковных земель состояла в практике наделения причта церковной землёй, при которой духовенство получало церковную землю в соответствии с определённой пропорцией. Каждый член причта получал земельные угодья, разделённые на отдельные полосы разного качества: хорошего, среднего и плохого качества. Как отмечала Т.Г.Леонтьева, было «трудно сдать в аренду землю, разделённую между членами причта, на ровные полосы лучшей, средней и худшей земли, в условиях низкой рыночной активности крестьян, больше озабоченных проблемой собственного хозяйственного выживания». Аренда была «рискованна» для членов причта ещё и тем, что крестьяне постоянно забывали платить ренту, считая, «что священнику долг спишется, как некогда прощались недоимка барину».[10]

В условиях подобных административных ограничений, развитие аренды церковных земель в Курской и Воронежской губерниях происходило довольно медленно. В этом можно убедиться, рассмотрев приведённые автором данной статьи статистические данные. Информация по аренде церковных земель в Курской и Воронежской губерниях имеется только на 1880-е гг. Поэтому в качестве примера возьмём Воронежскую губернию, где статистические данные приведены более полно. Согласно данным ЦСК МВД от 1887 г. в пользовании воронежских церквей находилось 39.009 десятин земли. В 1887 г. в аренду воронежским духовенством сдавалось 3.423 десятины или в общей

сложности 195 земельных участков бывших в пользовании церковных причтов.[11] Таким образом в аренду сдавалось менее 10% от общего количества церковных земель находившихся в пользовании воронежского приходского духовенства. Средний размер, сдававшегося в аренду церковного земельного участка составлял 18 десятин. Арендная плата за 1 десятину церковной земли в Воронежской губернии составляла 9 рублей 66 копеек десятину распашной земли и 6 рублей и 33 копейки за десятину луговой земли.[12]

К сожалению, отсутствие статистических данных от 1887 г. по аренде церковных земель в Курской губернии не позволяет нам в полной мере проанализировать развитие арендных отношений среди курского духовенства, чтобы сравнить их с аналогичными показателями воронежского. Тем не менее, отдельные данные по состоянию аренды церковных земель в Курской губернии мы можем привести. Согласно статистическим данным за 1877 г. в Курской губернии насчитывалось 45.502 десятины церковной земли. В работе «Статистические сведения по земельному вопросу в Европейской России» содержатся обобщённые данные по аренде церковных и монастырских земель Курской губернии относящиеся к 1887 г. Согласно этим данным в 1887 г. в Курской губернии в аренду монастырями и церквами сдавалось 4,5 тысячи десятин земель разного рода или 2,9% от общей площади земли церквей и монастырей.[13] Более конкретных данных о том какое количество земельных угодий сдавалось в аренду церквами, а какое монастырями не указывалось. Но обращает на себя внимание, тот факт что, воронежское приходское духовенство сдавало в аренду земельных угодий разного рода почти в 7 раз больше, чем курское белое и черное вместе взятое. Таким образом, по состоянию на 1887 г. развитие аренды церковных угодий было более развито среди простого приходского духовенства Воронежской губернии.

Более полную и точную информацию по аренде церковной земли в Курской губернии мы можем привести по статистическим данным Курского губернского статистического комитета от 1901 г. В 1901 г. в губернии насчитывалось 42.802 десятины церковной земли, которые составляли 882 церковно-приходских владения. В аренду сдавалось 100 участков церковной земли, находившейся в пользовании духовенства.[14]

Общая площадь сдавшейся в аренду церковной земли составляла 1.899 десятин земли. Что составляло не многим более 11% от общего количества церковных владений. В среднем размер одного участка церковной земли, который сдавался в аренду курским духовенством, равнялся 19 десятин земли. Размер ренты за десятину распашной церковной земли в Курской губернии составляла 16 рублей, а за десятину луговой 15,5 рублей, что почти что в 1,5 и 2,5 раза выше чем в Воронежской губернии.[15]

Вышеуказанные факты, подтверждают наш вывод о том, что аренда церковно-приходских земель в Курской и Воронежской губерниях развивалась довольно медленными темпами. Количество сдававшихся в аренду церковных земель в Воронежской губернии (по данным от 1887 г.) и в Курской губернии (по данным от 1901 г.) не превышала и 20% от общего количества церковных земель. Трудности сдачи священниками земли в аренду тормозили её рост. К тому же аренда сопровождалась определённым риском неуплаты ренты со стороны крестьян. Тем не менее, духовенство курской и воронежской епархий в 60–90-е гг. XIX в. являлось одним из активных участников экономической жизни своих губерний.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Римский С.В.* Российская церковь в эпоху великих реформ. М., 1999. С.110.
2. Военно-стратегический сборник. Выпуск IV. Российская империя. СПб., 1871. С. 129.
3. ГАКО. ф.4. Курский Губернский статистический комитет. оп.1. д. 57. л. 109.
4. Памятная книга Воронежской губернии за 1878-1879 год. Воронеж, 1879. С.35.
5. Русская Православная Церковь по статистическим данным с 1840/41 по 1890/91 гг. СПб., 1897. С. 23.

6. Статистика поземельной собственности населённых мест Европейской России. Вып. I. Губернии центральной земледельческой области. СПб., 1880. С.136, 208.
7. *Любинецкий Н. А.* Землевладение церквей и монастырей Российской империи. СПб., 1900. Т.1. С.15.
8. Русская Православная Церковь по статистическим данным с 1840/41 по 1890/91 гг. С. 227.
9. Сборник действующих и рукописных церковных и церковно-гражданских постановлений по Ведомству Православного Вероисповедания. СПб., 1885. С.398-404.
10. *Леонтьева Т.Г.* Вера и прогресс: Православное сельское духовенство России во второй половине XIX — начале XX вв. М., 2002. С.26-27.
11. Статистика Российской империи. XXII. Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 года. Вып. IX. Воронежская губерния. СПб., 1896. С.4-5.
12. *Любинецкий Н.А*. Ук. соч. Т.1. С. 30-31.
13. Статистические сведения по земельному вопросу в Европейской России. СПб., 1906. С. 43-45.
14. Курский сборник с путеводителем по г. Курску и планом города. Вып. I. Курск, 1901. С.88.
15. *Любинецкий Н.А*. Ук. соч. Т. С.30-31.

A.A. PODVIGAYLO

THE DEVELOPMENT OF THE LEASE OF CHURCH LANDS IN THE KURSK AND THE VORONEZH PROVINCES IN 60–90-s OF THE 19th C.

The article deals with the development of lease of church lands in the Kursk and Voronezh provinces in the second half of the 19th c. The landed property in the Kursk and Voronezh provinces according to the data dated from 1887. The landed property in the Kursk province according to the data dated from 1887 and 1901.

Ю.В. ВАРФОЛОМЕЕВ (Саратов)

СВОБОДА СЛОВА ПЕРЕД ЦАРСКИМ СУДОМ: «ОБЩЕСТВЕННЫЕ» И «ЛИТЕРАТУРНЫЕ» СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX В.

Накануне Первой русской революции идеологи охранительной политики царизма, в стремлении обуздать свободомыслие стали подвергать жесткой цензуре произведения искусства, и все чаще прибегать к проповеди религиозной и национальной розни. Наступление на свободу слова первыми ощутили деятели культуры. «Без свободы нет искусства. Истинное творчество не должно считаться с временными интересами существующего режима»[1], — справедливо отмечали русские драматические писатели. Отечественная культура, и, прежде всего, публицистика, литература и театр подверглись интервенции суворинского миропонимания. Некогда либеральный журналист А. С. Суворин, даже пострадавший в 1866 г. за «порицание» правительства[2], стал впоследствии редактором одиозной газеты «Новое время», прославившейся, как справедливо заметил лидер «молодой адвокатуры»[3] Н. К. Муравьев, «…своей беспринципностью, религиоз-

ной и национальной нетерпимостью, проповедью человеконенавистничества, гонением всего живого, деятельного, стремящегося к свету…»[4].

Особое беспокойство вызывало проникновение этих идей на театральные подмостки. «Положение театра в государстве служит чутким показателем степени культурности страны, ее прогрессивного роста или ее распада, — отмечали деятели культуры. — Нигде в настоящее время театр не переживает такого безотрадного состояния как в России. Ближайшая причина этого — в современном положении русской драматургии. Ни одна отрасль литературы, не исключая даже журналистики, не страдает так от административного произвола, как драматургия <…> русский театр скован по рукам и ногам. Несколько чиновников вершат все большое дело современной русской драматургии, изменяя по своему усмотрению фабулы пьес, извращая их мысли, образы, калеча их основные идеи, обесцвечивая самые образы, запрещая касаться целого ряда явлений общественной жизни»[5].

Наряду с этим, русские сценические деятели обратили внимание на то, что гнет, испытываемый русским театром, не только препятствует ему выполнить с честью и достоинством свое культурное служение стране, но и разоряет его экономически, подавляет его нравственно. «Театр испытывает цензурный гнет в неизмеримо большей степени, чем литература, — отмечалось в Записке сценических деятелей. — Редкая пьеса, отражающая жизнь в ее истинных проявлениях и чаяниях, вносится в список — безусловно разрешенных <…> многие из народностей, входящих в состав русского государства, нередко лишены возможности слышать со сцены свой родной язык и видеть на ней изображение родного быта»[6].

Со всей остротой эта проблема обнажилась в антисемитских проявлениях. Показательным в этом отношении стал процесс по делу о нарушении общественной тишины при постановке антисемитской пьесы «Контрабандисты» в Смоленске. Фабула событий такова. Летом 1900 г. в Смоленск на гастроли приехала столичная труппа. По всему городу были расклеены афиши, апробированной цензурой пьесы «Контрабандисты». Но ни для кого не было секретом, что давалась она под покровительством местной полицейской власти. Среди публики в тот вечер было много солдат и офицеров. Ярко выраженный антисемитский характер пьесы не оставлял никаких сомнений. Поэтому не случайно, что во время антрактов и сразу после окончания спектакля группа местной еврейской молодежи устроила стихийный протест по поводу скандального представления. Эти действия возмущенной общественности были квалифицированы властями, как «нарушение общественной тишины». Дело слушалось в городском суде Смоленска в сентябре 1900 г., а затем по апелляции — в Смоленском уездном суде в апреле-мае 1901 г.[7]

Сразу же возникает закономерный вопрос, почему именно это «произведение искусства» вызвало подобные выступления? В поисках ответа, адвокат Н. К. Муравьев, выступивший защитником еврейской молодежи на этом процессе, обратился к содержанию пьесы: не дала ли она «…повод для сильного раздражения, <…> каково происхождение пьесы»[8]? Как выяснилось «литературной колыбелью» скандальной постановки явилась суворинская издательская «кухня». Вот как разоблачил национал-провокаторов в стенах суда Муравьев: «“Сыны Израиля” (первоначальное название пьесы — *Ю. В.*) написаны *Суворинскими* молодцами, впервые увидели свет в *Суворинском* журнале, вышли в отдельную продажу в *Суворинским* издании, были поставлены на сцену в *Суворинским* театре, сыграны *Суворинскими* актерами, встречены сочувствующими рецензиями в *Суворинской* газете… Так впервые идеи, бывшие достоянием задворок литературного мира, были вынесены на сцену…»[9].

Противопоставляя творцам нововременской литературы и драматургии Н. В. Гоголя, А. Н. Островского и Л. Н. Толстого Муравьев писал: «Любовь к родине, преклонение перед страдающим народом, страх за будущее России — вот что двигало пером бесконечно любимых писателей. Любя страну, они кровью своего сердца пишут серьезную, глубоко художественную комедию нравов, обнажая перед всем светом язвы многострадальной России»[10].

Но с какой целью человеконенавистнические, антисемитские идеи получили свое театральное воплощение? И на этот вопрос Муравьев нашел аргументированный ответ. Он сделал вывод о том, что «В наш век народные массы притягивают к себе исключительное внимание»[11]. В этой идейной борьбе за массы уже недостаточно печатного слова, и теперь «…для успеха, победы, пропаганды идеи мракобесия, — писал Муравьев, — нужна живая двигательная сила — чувство, нужно прямое, непосредственное обращение к массе»[12]. Самый эффективный путь в этом направлении и прямой доступ к сотням тысяч умов и сердец, как известно, проходит через театр. «Театр есть одновременно и храм искусства, и школа народная, — отмечали русские сценические деятели. — Театр просвещает и изучает народ, и, вместе с тем, дает художественные наслаждения, смягчая нравы и развивая в людях чувство взаимного общения»[13]. Святилище искусства «*Театр,* — по словам Муравьева, — служил издавна пристанищем всего живого, — света и жизни, в самые мрачные эпохи человечества»[14]. Но и реакция, понимая огромную силу и влияние публичных представлений, стремится завоевать сцену. Именно от опасности выхода темных сил на театральные подмостки и предостерегал общество Муравьев. Единственный выход из создавшегося положения и адвокат-правозащитник и передовые представители отечественной интеллигенции видели в преобразовании, но не в частном, а в общем, которое, как они считали, было страстно ожидаемо «всеми русскими людьми, любящими свою родину: обновление России на началах строго-правового государства»[15].

Итак, «… пьеса “Контрабандисты”, — доказал Н. К. Муравьев, — плоть от плоти, кровь от крови нововременской литературы…»[16], и тогда в зале суда невольно возник сакраментальный вопрос: «что же делать?», как поступить порядочному человеку, если он знает, что в театре дается клеветническая пьеса? Ответ снова прозвучал в речи адвоката, который, апеллируя к совести и здравому смыслу, в оправдание действий своих подзащитных, уверенно заявил: «…вы вмешаетесь тут же, как непременно станете между палачом и жертвой, насильником и насилуемым, если доведется вам быть свидетелем такой возмутительной сцены… Невозможно и обычное поведение зрителя, недовольного пьесой, — протесты в антрактах, по окончании пьесы, когда задеты вопросы общественной нравственности, когда вывод о необходимости, справедливости еврейских погромов сам собою навязывается…»[17]. Насколько прав был Муравьев, показало время: спустя несколько лет вся страна содрогнулась от страшных еврейских погромов в Кишиневе, Гомеле, Киеве…

События Первой русской революции заставили самодержавную власть еще более жестко пресекать выход в свет идейно-опасных антиправительственных публикаций. Цензура и правоохранительные органы внимательно отслеживали и незамедлительно обрушивались на крамольные издания. Наряду с процессами о революционных выступлениях, большое место в судебных отчетах тех лет стали занимать, так называемые, «общественные» и «литературные» дела. В этих условиях представители синергии «молодая адвокатура» выступили на защиту свободы слова, а некоторые из защитников, такие как М. Л. Гольдштейн[18], Н. К. Муравьев[19], А. С. Зарудный, М. Л. Мандельштам, можно сказать, даже специализировались на такого рода политических процессах. Амплуа своих коллег точно выразил присяжный поверенный О. О. Грузенберг, который обоснованно считал, что к уголовным защитам их не влекло, они полностью ушли «…в политические, общественные и, частью, литературные защиты»[20].

Весьма символично, что революционный 1906 год открылся именно «литературными» политическими процессами. 7 января в Санкт-Петербургской Судебной Палате слушалось дело по обвинению редактора-издателя газеты «Русь» А. А. Суворина[21] по 1 и 3 п.п. 129 ст. Угол. Улож. «Это был первый литературный процесс, — отмечал М. Л. Гольдштейн, — исхода которого напряженно ждали обе стороны — правительство и оппозиция»[22]. Защищали Суворина присяжные поверенные С. А. Андреевский и Гольдштейн[23].

Дело заключалось в том, что 21 ноября 1905 г. был выпущен № 26 ежедневной газеты «Русь», в котором было напечатано от имени «общегородского совета депутатов» воззвание за подписью «петербургское отделение всероссийского почтово-телеграфного союза», в котором содержались открытые призывы к продолжению забастовки и неповиновению царским органам власти. В следующем номере газеты, вышедшем 22 ноября было опубликовано очередное воззвание от имени «Совета рабочих депутатов» за подписью «Исполнительный комитет совета рабочих депутатов», в котором также содержались призывы к продолжению забастовки почто-телеграфных служащих, в особенности, к бойкотированию передач правительственных телеграмм. Затем, в № 30 этой же газеты, выпущенной 25 ноября снова появилось воззвание к почтово-телеграфным служащим аналогичного содержания. И, наконец, в № 33 газеты «Русь» от 30 ноября было напечатано воззвание «Союза Союзов», в котором, в связи с арестом председателя совета рабочих депутатов Г. С. Носаря (Хрусталева) и увольнением со службы почтово-телеграфных служащих, содержался призыв к вооруженной борьбе за свободу, и к проведению всеобщей политической забастовки[24]. На основании вышеизложенного, почетный дворянин А. А. Суворин обвинялся в том, что, являясь редактором-издателем ежедневной газеты «Русь», напечатал и распространил ряд воззваний возбуждающих «…к учинению бунтовщического деяния»[25].

Подсудимый виновным себя не признал, заявив, что «…помещенные в редактируемой им газете воззвания и сообщения представляют факты политической жизни и имеют, по его мнению, столь широкое и непосредственное для всех кругов общества значение, что он считал недопустимым и противным интересам государства умалчивать о них»[26]. После допроса свидетелей и речи прокурора слово взяли защитники. «Самое трудное время для суда, — начал свою речь С. А. Андреевский, — это — время, когда все незыблемое зыблется»[27]. Лейтмотивом речи корифея адвокатуры прозвучало то, что наступила «временная эпоха». Адвокат увидел в наступившем безвременье очень опасный симптом «временности», вместо стабильных законов — «временные правила». Подчас жизнь не успевает за быстро изменяющиеся законами — «временными правилами», или, наоборот, опережает их в общественном развитии. От такого положения страдает, прежде всего, правосудие, так как при переменчивых обстоятельствах легко иногда выдать перед судом за преступление то, что при данных условиях еще было дозволено.

Подобные противоречия ударили в первую очередь по печати. Наступило «…поголовное преследование журналистов»[28], — констатировал Андреевский. В подтверждение своих слов адвокат обратил внимание суда на то, что еще 24 ноября вышел новый временный закон о печати. Но все шло по старому, правительство не вмешивалось. И, вдруг, 2 декабря, за манифест Совета рабочих депутатов, Главное управление по делам печати возбудило преследование. После этого своеобразного сигнала прокурорский надзор уже по собственной инициативе пересмотрел предыдущие выпуски «Руси» и составил обвинительный акт по всем номерам газеты. «Нельзя осудить Суворина и за механическое размножение прокламаций, за содействие революционерам в их распространении. Революция вовсе не нуждалась в его услугах. Совет рабочих депутатов имел свою газету, — убежденно говорил Андреевский. — Суворин только сообщал достоверные революционные факты, как это и подобает делать издателю общественной газеты, в такое время, когда каждому необходимо знать о развитии и направлении освободительных течений в стране, переживающей кризис»[29], так как по своей природе печать призвана быть хроникером событий, и ее главная обязанность, в связи с этим, сообщать обществу все самое значительное, что делается как в правительственном, так, и в оппозиционном лагере политической жизни страны. В заключение защитительной речи мэтр адвокатуры настаивал на том, что правительство было обязано предупредить печать о предстоящих преследованиях и о своем намерении прибегнуть к силе законов, самим же правительством временно парализованным. На основании этих выводов адвокат просил оправдать А. А. Суворина, или назначить минимальное наказание.

Второй защитник, ученик и последователь Андреевского, М. Л. Гольдштейн остановился на юридической стороне этого дела. В первую очередь, рассуждения адвоката коснулись наказания, которое грозило подсудимому. Комбинация статей, по которым Суворину грозило и личное наказание и уничтожение газеты, напомнила Гольдштейну Уложение времен царя Алексея Михайловича, а именно «…средневековый тальон, <…> когда в идее наказания воспроизводилась идея преступления»[30]. Затем адвокат остановился на судебной перспективе, и, вновь, прозвучала мысль о несоответствии резко изменившийся обстановки содержанию инкриминируемых подсудимому преступлений. Это противоречие дало право Гольдштейну утверждать, что «…статьи появились в «Руси» лишь по календарю 1,5 месяца назад, по впечатлениям, событиям и чувствам — десять лет назад. Защита имеет право просить вас перенестись в ту эпоху, ту атмосферу, стать на ту точку зрения — с нее судить»[31]. Адвокат доказывал, что привлечение Суворина к уголовной ответственности не логично по срокам, что оно произошло «задним числом», и, самое главное, если сам прокурор «…не знает, что дозволено и что запрещено, то редактору газеты и подавно невозможно было и предполагать, что он собственно не газету издает, а беспрерывно нарушает 129 ст. Угол. Улож.»[32].

«Красной нитью» через всю речь Гольдштейна проходила мысль о том, что в данном случае произошел странный и необъяснимый случай применения этой статьи. В заключение адвокат еще раз обратил внимание суда на то, что газета «Русь» никогда не проповедовала вооруженного восстания, а ее редактор добросовестно исполнял свои обязанности. «Если же то, что он сделал, как редактор, — резюмировал М. Л. Гольдштейн, — считать за преступление, то надо тогда признать, что манифеста 17-го октября не существовало»[33]. Особое присутствие Судебной палаты после почти двухчасового совещания приговорило А. А. Суворина к заключению в крепости на один год, но, принимая во внимание смягчающие обстоятельства, постановило ходатайствовать через министра юстиции перед царем о замене этого наказания трехмесячным заключением в крепости.

Нередко, дела о печати вовлекали в орбиту судебного разбирательства известных общественных деятелей. Так, 6 октября 1906 г. в Петербургском окружном суде рассматривалось «литературное» дело двух профессоров М. М. Ковалевского и И. И. Иванюкова, которые как редакторы газеты «Страна» обвинялись в напечатании статей антиправительственного содержания. Эти известные ученые и общественные деятели обратились за судебной защитой к другой знаменитости — к 70-летнему патриарху русской адвокатуры и талантливому писателю — К. К. Арсеньеву[34].

Для иллюстрации напряженного противостояния оппозиции и власти, изображения «девятого вала» судебного преследования обрушившегося на свободомыслие и печать в царской России достаточно привести лишь несколько характерных процессов по защите инакомыслящих и «крамольных» изданий того времени. Итак, свобода слова перед царским судом.

17 августа 1906 г. в Санкт-Петербургской Судебной Палате рассматривалось дело бывшего редактора газет «Наша жизнь», «Народное Хозяйство» и журнала «Вестник Свободы» В. В. Водовозова, обвинявшегося в 9 «литературных» преступлениях. Защитником подсудимого выступил его давнишний друг и единомышленник, лидер петербургской группы «молодой адвокатуры» А. С. Зарудный. Еще одним постоянным клиентом Зарудного по «литературным» делам был редактор «Всемирного Вестника» С. С. Сухонин. В первый раз Зарудный защищал его в 1907 г., когда Сухонина обвинили в напечатании произведений Л. Н. Толстого «Две войны» и «Николай Палкин»[35]. Зная, каким почитателем таланта великого писателя был Зарудный, можно сказать, что по данному делу он выступал защитником не только редактора-издателя, но, и, в не меньшей степени, своего кумира — Льва Толстого. Спустя полгода, 9 февраля 1908 г. почта приносит адвокату Зарудному еще одно письмо Сухонина[36], в котором он просит адвоката выступить защитником по делу о публикации во «Всемирном Вестнике» статьи профессора П. И. Ковалевского «Сатрапия и помилование»[37]. А еще через год — в июне 1909 г. царская цензура возбуждает дело против редактора «Всемирного Вестника» по

ст. 73 Угол. Улож. за издание очередной брошюры Толстого «О разуме, вере, молитве» и Сухонин традиционно обратился за юридической помощью к Зарудному[38].

Можно сделать вывод, что защита произведений Льва Толстого, опосредствованная через судебную защиту издателей и редакторов, была для Зарудного, судя по всему, делом чести и совести. Так и в 1913 г., по аналогичному делу, Александру Сергеевичу удалось оправдать редактора «Библиотеки рабочего» В. А. Поссе, опубликовавшего произведения «В чем моя вера» и «Исповедь» графа Толстого. Одновременно с этим, адвокат добился и снятия ареста с этих сочинений[39].

В 1913 г. правовая помощь адвокатов Н. К. Муравьева и А. С. Зарудного потребовалась для защиты изданного в столице научного исторического труда — «Русской истории» проф. М. Н. Покровского[40]. Думается, что и этот вид защиты логично вписывался в амплуа политических защитников, ведь их «Судебная речь, — справедливо считал О. О. Грузенберг, — напоминает, до некоторой степени, работу историка, воссоздающего по уцелевшим обрывкам, по случайным обломкам то, что уже отошло: столкновение отдельной воли с велением уголовного закона»[41].

Символично и то, что «литературные» процессы и дела общественных деятелей оказались в числе последних в дореволюционной практике «молодой адвокатуры». Так, 5 (18) августа 1913 г. в газете «Русская молва» была напечатана статья под названием «Гасители духа» за подписью Н. А. Бердяева, которая вызвала негативную реакцию Синода Русской Православной Церкви. Для защиты своих прав Бердяев обратился к лидеру «молодой адвокатуры» Н. К. Муравьеву. Надо полагать, что деятельность и личность Николая Бердяева внушала лидеру «молодой адвокатуры» уверенность в том, что он, защищая писателя, выступал на правой стороне. Уже на первом этапе многолетнего, но быстро раскручивавшегося судебного сюжета Муравьев пришел к выводу о том, что «Н. А. Бердяев — в своей литературной деятельности в продолжение многих лет, защищал христианство и христианскую церковь, борется против неверия, признает и чтит догматы и таинства православной церкви, что также не может не иметь значения при суждении о совершении приписываемого ему деяния и том умысле, который ему приписывается, ибо исключает возможность совершения Н. А. Бердяевым умышленного богохуления или оскорбления Святыни»[42].

Но, безусловно, одной убежденности адвоката в невиновности своего подзащитного было недостаточно, необходимо было еще аргументировано доказать это в суде. Для этого присяжный поверенный Муравьев избрал весьма эффективную тактику защиты. Прежде всего, он мобилизовал лучшие силы столичной и периферийной «молодой адвокатуры», призвал на помощь своих коллег — А. С. Зарудного, М. Л. Гольдштейна, Н. И. Идельсона, Б. Г. Барта-Лопатина, А. А. Иогансена. Кроме того, адвокат Бердяева посчитал необходимым заручиться авторитетной поддержкой известных ученых и общественных деятелей, таких как профессора П. Б. Струве и С. Н. Булгаков. Они не только близко знали обвиняемого, но и могли дать квалифицированную, буквально экспертную оценку и этой статьи, и мировоззрения Николая Бердяева в целом. В то же время, понимая исключительность данного дела, и принимая во внимание тяжесть инкриминируемого его подзащитному преступления, Н. К. Муравьев настойчиво искал в судебной практике прецеденты, которые бы помогли в построении надежной защиты. В столь деликатном деле, он как врач руководствовался, прежде всего, принципом «не навреди».

Свою позицию по этому делу Муравьев выразил весьма недвусмысленно: «Я очень заинтересован в оправдании, — писал он Александру Зарудному, — и потому мне хотелось бы быть весьма осторожным по этому делу. Поэтому я собираю прецеденты»[43]. Серьезные коррективы в ход рассмотрения дела внесла и начавшаяся Первая мировая война. В связи с этим Муравьев обоснованно полагал, что «…не нужно ни ускорять дело, ни замедлять его, а предоставить его естественному течению. Самое лучшее было бы, — советовал он Бердяеву, — если бы Вы могли забыть о деле и в Ваших планах на ближайшее будущее не сообразовываться с ним вовсе»[44]. План и тактика защиты, избранные адвокатом увенчались успехом. Дело Бердяева, умело направленное Муравье-

вым в русло вялотекущего в законных рамках процесса, так и не было окончательно рассмотрено судом, а после Февральской революции и вовсе прекращено.

Большой общественный резонанс имело дело «толстовцев»-пацифистов, выступивших с громким антивоенным воззванием в годы Первой мировой войны. 18 июля 1915 г. дело 27 «толстовцев»[45], обвинявшихся «…в произнесении или чтении, публично, речи или сочинения или в распространении или публичном выставлении сочинения или изображения, возбуждающих <…> к учинению бунтовщического или изменнического деяния…»[46] было передано на рассмотрение Московского военно-окружного суда[47]. Слушание дела проходило 21–30 марта 1916 г. в Кремле при закрытых дверях. Председательствующим на процессе был генерал-майор С. С. Абрамович-Барановский[48], обвинение поддерживал помощник военного прокурора полковник А. Е. Гутор. Защитниками «толстовцев» выступили представители «молодой адвокатуры» Н. К. Муравьев, В. А. Маклаков, П. Н. Малянтович, Б. О. Гольденблат, М. Л. Гольдштейн, И. М. Громогласов, С. А. Кобяков, Г. М. Лунц, Б. А. Подгорный и Б. Е. Ратнер.

Об организации защиты подсудимых на этом процессе следует сказать особо. Именно благодаря усилиям политических защитников, лидером которых был Муравьев, стал возможен благоприятный для обвиняемых исход дела. Муравьев, как организатор судебной защиты, стал по сути своеобразным сценаристом, режиссером-постановщиком и, отчасти, ведущим процесса «толстовцев»-пацифистов. Прежде всего, Муравьев наметил две важнейшие цели. Первая — подбор высококлассного, слаженного и авторитетного адвокатского ансамбля[49]. Вторая — подбор свидетелей и наполнение защитительной базы разносторонними положительными отзывами о личностях подсудимых.

Для достижения первой цели Муравьев окунулся в оживленную и напряженную переписку со знаменитостями «молодой адвокатуры» — В. А. Маклаковым, Н. В. Тесленко, А. С. Зарудным, Н. Д. Соколовым, М. Л. Гольдштейном и другими ведущими политическими защитниками того времени. Большие трудности поджидали Муравьева по привлечению в команду защитников своих давнишних друзей и коллег по «московской пятерке»[50] — депутатов Государственной Думы В. А. Маклакова и Н. В. Тесленко. Напряженный и безотлучный режим работы депутатов создавал почти непреодолимые препятствия для их участия в защите «толстовцев».

О настойчивости Муравьева по привлечению Маклакова к защите свидетельствует их переписка. Почти в отчаянии, за несколько дней до начала процесса, в марте 1916 г., депутат Маклаков писал лидеру защиты: «Я положительно не имею сейчас секунды времени; я как перед большим процессом, когда не успеваешь читать газеты; дня через 3–4 будет легче, но тогда будет поздно, к тому же я, все-таки, недостаточно задет всем вашим инцидентом, плохо схватываю причину страстей и поистине “могу молчать”. Хуже всего, что я едва ли приеду на процесс, приезжать для речи — хулиганство, а сидеть 10 дней я не могу. Отлучка из Думы сейчас неприлична, да на мне лежат и работы, которые не могу бросить»[51]. В преддверии процесса, когда счет пошел на часы на смену письмам пришли телеграммы: от Маклакова — даже на бланках Государственной Думы[52]! Тем не менее, Муравьев искал хоть малейшую возможность добиться участия Маклакова в этом процессе: «…я очень прошу тебя не отказываться по толстовскому делу, — настойчиво убеждал Муравьев, — <…> Мне кажется, что в особенности твой отказ произведет тяжелое впечатление. В некоторых заграничных журналах и газетах уже отмечают этот процесс, объявлен состав защиты, и, в частности, и, в особенности, отмечается твое участие»[53]. Усилия Муравьева увенчались успехом: Маклаков приехал на несколько дней в Москву для участия в «толстовском» процессе.

Для достижения второй цели Муравьев приступил к решению ряда задач. Во-первых, он тщательно продумал и подобрал группу свидетелей. Ими, по его замыслу, стали известные и уважаемые в стране личности. Как нельзя лучше для этого подходили дети Л. Н. Толстого: дочери А. Л. Толстая и Т. Л. Сухотина-Толстая, а также сын — С. Л. Толстой. Во-вторых, для усиления аргументов защиты Муравьев обратился к В. Г. Черткову, которого, кстати, тоже наметил в состав свидетелей, с просьбой «…со-

ставить перечень выдержек из сочинений Льва Николаевича, могущих послужить нам материалом для защиты по этому делу»[54]. В-третьих, Муравьев попросил именитых свидетелей заблаговременно предоставить ему тексты их показаний на суде для того, чтобы «встроить» их в общую защитительную конструкцию процесса. Также, адвокат взял на себя труд и ответственность частично подкорректировать, отредактировать эти показания, так как выступления свидетелей защиты должны были выразить самые главные доводы в оправдание подсудимых «толстовцев». В-четвертых, как «режиссер-постановщик» процесса, он распределил роли адвокатов, очередность выступлений свидетелей, и заранее обговорил с ними вопросы и ответы, которые должны были прозвучать в ходе судебного следствия.

Даже председательствующий на процессе отметил роль и значение лидера «молодой адвокатуры» Н. К. Муравьева. «Удивительный подбор свидетелей защиты, чрезвычайно интересных по своим личностям и по содержанию их показаний, умелый и тонкий опрос их, умелое использование вещественных доказательств и принципиальная постановка всего процесса, — отметил спустя годы в “Воспоминаниях” Абрамович-Барановский, — все эти действия защиты содействовали тому, что на процессе “толстовцев” развернулась та незабываемая картина жизни, которая для историка — исследователя того времени, конечно, будет иметь большое значение»[55].

Приговор по делу «толстовцев»-пацифистов в окончательной форме был объявлен 1 апреля 1916 г. Лица, которым инкриминировалось составление и подписание воззвания «Опомнитесь, люди-братья!», были оправданы ввиду «неосуществленности замысла». Столь неожиданный и благоприятный итог процесса стал возможен не только благодаря объективности и лояльности председателя суда С. С. Абрамовича-Барановского, но, и, во многом, благодаря высокопрофессиональной, креативной работе великолепного адвокатского ансамбля во главе с Муравьевым. Даже адвокаты, участвовавшие в процессе, поспешили поздравить своего лидера с блестящей победой. «Поздравляю приговором, — телеграфировал Муравьеву М. Л. Гольдштейн. — Радуюсь вашему успеху»[56]. Наряду с этим, высшим признанием успеха и Муравьева, и его коллег стали слова признания от 24 подсудимых «толстовцев»: «Сколько труда и сколько души вложили Вы в нашу защиту! Поверьте, что мы оценили и труд, и тронувшее нас внимательное и сочувственное отношение к нашему делу <…> нам хочется еще раз засвидетельствовать Вам чувства нашей глубокой признательности, нашего уважения и нашей общей любви!»[57].

Как и следовало ожидать, 4 апреля 1916 г. прокурор опротестовал оправдательный приговор в кассационном порядке. Однако кассационное рассмотрение дела так и не состоялось. Февральская революция открыла новую страницу в истории страны, а вместе с ней канули в лету судебные процессы, инициированные прежним режимом. «Но, если когда-нибудь “толстовский” процесс получит признанное наукой историческое значение, — со знанием дела и почти пророчески отмечал Абрамович-Барановский, — то он обязан будет за такое признание, главным образом, деятельности защиты. Ни воззвания подсудимых против войны, ни благоприятный для них приговор суда сами по себе не сделали бы «толстовский» процесс историческим. Сделали его историческим организация и постановка его защитой»[58].

Можно сделать вывод о том, что, защищая опальных издателей и авторов революционных статей, художественных и научных произведений, заклейменных самодержавной цензурой, «толстовцев»-пацифистов и деятелей освободительного движения политические защитники из синергии «молодая адвокатура», прокладывали, тем самым, путь к свободомыслию и плюрализму мнений в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Записка русских драматических писателей // Право. 1905. № 11. Стб. 830.
2. См.: *Троицкий Н. А*. Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. Тула, 2000. С. 233.

3. «Молодая адвокатура» — неформальное объединение (содружество) политических защитников в России в нач. XX в. Это был «…небольшой, — уточняет проф. Н. А. Троицкий, — сравнительно с общей численностью российской адвокатуры отряд защитников», выступивший за ее обновление и активное участие в борьбе с произволом и беззаконием властей. (Подробнее см.: *Троицкий Н. А.* Ук. соч. С. 113).
4. Семейный архив Волковых. (Далее. — САВ). *Н. К. Муравьев*. Речь по делу о нарушении общественной тишины при постановке пьесы «Контрабандисты» в г. Смоленске. Л. 1.
5. Там же.
6. Нужды русского театра (Записка сценических деятелей) // Право. 1905. № 7. Стб. 502.
7. Эти сведения любезно сообщены мне внучкой Н. К. Мурвьева — Т. А. Угримовой.
8. САВ. *Муравьев Н. К*. Ук. соч. Л. 1.
9. Там же.
10. Там же. Л. 3.
11. Там же. Л.2.
12. Там же.
13. Нужды русского театра… Стб. 502.
14. САВ. *Муравьев Н. К*. Ук. соч. Л. 2.
15. Записка русских драматических писателей... Стб. 831.
16. САВ. *Муравьев Н. К*. Ук. соч. Л. 5.
17. Там же. Л. 6
18. М. Л. Гольдштейн стал, несомненно, достойным продолжателем дела своего патрона — «поэта среди юристов и юриста среди поэтов» С. А. Андреевского, который также отдавал предпочтение «литературным» защитам.
19. Н. К. Муравьев на протяжении нескольких лет был бесспорным лидером в организации и проведении защит на судебных процессах над «толстовцами» — В. А. Молочниковым, П. И. Бирюковым, И. И. Горбуновым-Посадовым, Д. П. Маковицким и мн. др.
20. *Грузенберг О. О*. Вчера. Воспоминания. Париж, 1938. С. 205.
21. По иронии судьбы на скамье подсудимых оказался редактор прогрессивной газеты Алексей Алексеевич Суворин — сын пресловутого А. С. Суворина, лидера консервативного направления печати.
22. Молодая адвокатура. СПб., 1908. С. 185.
23. См.: Право. 1906. № 3. Стб.230.
24. См.: там же. Стб. 230–232.
25. Там же. Стб. 233.
26. Там же. Стб. 232.
27. Там же. Стб. 235.
28. Там же.
29. Там же. Стб. 237.
30. Там же.
31. Там же. Стб. 238.
32. Там же.
33. Там же. Стб. 239.
34. Подробнее см.: Право. 1906. № 41. Стб. 3172–3176.
35. РГИА. Ф. 857. Оп. 1. Д. 807. Л. 1-Л.2.
36. Там же. Л. 3-3об.
37. РГАЛИ. Ф. 210. Оп. 1. Д. 10. Л. 4об.
38. РГИА. Ф. 857. Оп. 1. Д. 807. Л. 5 — Л.5об.
39. РГАЛИ. Ф. 210. Оп. 1. Д. 10. Л. 5.
40. Там же.
41. *Грузенберг О. О.* Ук. соч. С.205.
42. ОР ГМТ. Ф. 30. Короб 1. Д. 21. Папка 1. Л. 13об.
43. Там же. Л. 21.

44. Там же. Л. 20.
45. Из 43 подписавших перед судом предстали только 27 человек, так как большая часть подписей не была идентифицирована. Кроме того, дело несовершеннолетних Тверитина и Лобкова было выделено в особое производство, а драматург Арвид Ернефельт, как финляндский подданный, подлежал юрисдикции местного суда. К началу судебных заседаний число обвиняемых убавилось до 25 — скончались А. В. Архангельский и Р. В. Буткевич.
46. п. 1 ст. 129 Угол. Улож.
47. По условиям военного времени коллективные антивоенные протесты среди гражданского населения также подлежали юрисдикции окружного военно-судного ведомства.
48. Абрамович-Барановский Сергей Семенович (1866 — после 1930) — генерал-майор, специалист в области военного судопроизводства, профессор Александровской военно-юридической Академии. После Февральской революции 1917 г. по личному представлению и настоянию Н. К. Муравьева Абрамович-Барановский был назначен сенатором. Так высоко оценил председатель Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства Муравьев профессионализм и деловые качества председателя суда над «толстовцами»-пацифистами.
49. Не случайно, их коллега Ф. А. Волькенштейн удачно сравнил работу политических защитников с оркестром — каждый из них уверенно вел свою «партию», а все вместе, исполняя общую тему защиты, создавали шедевр адвокатского искусства (Подробнее см.: *Волькенштейн Ф. А.* В дореволюционных судах. Речи защитников. М.-Л., 1924. С. 5.)
50. «Московская пятерка» — Н. К. Муравьев, В. А. Маклаков, П. Н. Малянтович, Н. В. Тесленко и М. Ф. Ходасевич — первая группа политической защиты в России.
51. ОР ГМТ. Ф. 30. Короб 1. Д. 3. Папка 2. Л. 60.
52. Там же. Л. 54–58.
53. Там же. Л. 64.
54. Там же. Д. 1. Л. 12.
55. Цит. по: «Стой в завете своем…» Николай Константинович Муравьев: Адвокат и общественный деятель. Воспоминания, документы, материалы. М., 2004. С. 290.
56. ОР ГМТ. Ф. 30. Короб 1. Д. 3. Папка 2. Л. 67.
57. Там же. Л. 18.
58. Цит. по: «Стой в завете своем…» С. 290.

Yu.V. VARFOLOMEEV

FREEDOM OF SPEECH AND TZARIST COURT: «PUBLIC» AND «LITERARY» LITIGATIONS IN RUSSIA IN THE BEGINNING OF THE 20th C.

The work is devoted to opposition of free-thinking and authority. Antagonism of emancipating movement and autocratic authority is shown basing on the example of several political processes in the beginning of 20th c. Attention is drawn to the fact that supporters of the guarding ideology put under the rigid censorship works of art and literature in their aspiration to restrain freedom of speech and oppositional statements among various layers of the population. They even resorted to spreading the religious and national discord. The article conveys «literary» processes, over the editors and publishers A.A.Suvorin and V.V.Vodovozov, the talented historian and outstanding politician P.N. Miljukov, professors M.M.Kovalevsky and M.N.Pokrovsky, and also an outstanding Russian thinker N.A.Berdjaev.

М.В. ДРУЗИН (Магнитогорск)

УРАЛЬСКИЕ ГОРНОЗАВОДЧИКИ, ВЛАСТЬ И РАБОЧИЙ ВОПРОС (начало XX В.)

Если у дореволюционной российской интеллигенции было всего два «проклятых вопроса» — «кто виноват?» и «что делать?», то у российского царского правительства таких вопросов было гораздо больше, и носили они куда как более принципиальный характер. Если первые только рассуждали о возможных способах решения своих вопросов, то вторые — пытались разрешать их на практике.

Одним из самых больных и проклятых вопросов правительства Российской Империи в начале XX в. был «рабочий» вопрос. Он затрагивал интересы представителей очень многих слоев российского общества (а не только рабочих, хотя их — в первую очередь), и поэтому требовал к себе особого внимания и осторожности. Прежде всего, необходимо было учитывать интересы предпринимателей, как главных работодателей в стране. А эта социальная группа включала в себя достаточно широкий спектр лиц из разных классов и состояний. И если можно было проигнорировать претензии представителей новорожденной фрондирующей либеральной буржуазии, то интересы владельцев заводов и фабрик, одновременно выступавших в роли высших сановников или/и крупных землевладельцев — главной опоры трона, совсем не учесть было нельзя.

С другой стороны, власть к тому времени уже должна была ощущать нараставшую мощь и силу рабочего класса, осознавать все возможные последствия постоянного невнимания к их проблемам и требованиям, а потому не могла себе позволить покровительствовать только буржуазии. Возникало трудноразрешимое противоречие интересов. Особенно ярко оно проявилось в ходе революции 1905–1907 гг., когда правительство металось между рабочими и промышленниками, не зная, на чью сторону становиться. Все это, отражаясь на взаимоотношениях власти и бизнеса, осложняло их нормальный диалог.

Владельцы уральских горнозаводских предприятий в большинстве своем принадлежали как раз к той указанной «высокопоставленной» группе российских предпринимателей, которые имели реальные рычаги влияния на власть. И хотя многие из них, не сумев преодолеть экономического кризиса и акционировав свои предприятия, остались лишь номинальными владельцами, тем не менее, продолжали лоббировать интересы акционерных горнозаводских обществ, солидный пакет акций которых все же принадлежал и им[1].

Северный, Центральный и, отчасти, Южный Урал представлял из себя густую сеть горнозаводских предприятий, которые являлись главным источником дохода местного населения[2]. Таким образом, почти весь Урал являл собой средоточие рабочего люда, слегка разбавленного в южной части башкирами и казаками, горнозаводской деятельностью не занимавшимися. И попустительское отношение правительства к рабочему вопросу здесь было чревато социальным взрывом целого региона. В результате конфликт интересов здесь стоял еще боле остро, чем где бы то ни было в Российской Империи.

В советской историографии подход к оценке взаимоотношений буржуазии и царского правительства относительно «рабочего вопроса» был достаточно стереотипным, что обуславливалось канонами марксизма-ленинизма. Так, в конце 20-х годов С. Моисеев, говоря о факторах, способствовавших усилению революционного движения на Урале, указывал на следующие: «значительно более беззастенчивая эксплуатация, которой подвергались уральские рабочие со стороны заводчиков, **отсутствие какой-либо, хотя бы и незначительной, защиты интересов рабочих со стороны властей**»[3] (выделено мной. — М.Д.). И даже в литературе конца 80-х — начала 90-х этот штамп еще присутствовал, хотя уже и с оговорками и сомнениями. В.Г. Железкин, проанализировав законодательную деятельность российского правительства по рабочему вопросу в начале XX в., делает вывод о том, что она «в основном соответствовала интересам уральских

заводчиков», но, вместе с тем, отмечает, что все же «существовали определенные противоречия между властями и буржуазией». А затем автор и вовсе констатирует явное улучшение правового положения рабочих Урала «в период империализма»[4].

Между тем, отношения уральских заводчиков, рабочих и власти носили более сложный и неоднозначный характер. В настоящей статье мы постараемся затронуть две стороны этой проблемы: во-первых, отношение уральской буржуазии к нормативно-правовой стороне решения «рабочего вопроса» властью. Во-вторых, речь пойдет о характере взаимоотношений центральной и местной властей с уральскими горнозаводчиками в условиях обострения рабочего движения.

Во внутренней политике российского правительства начала XX в. отчетливо прослеживалась тенденция содействовать постепенному улучшению положения рабочих. Законы от 2 июня 1903 г. «О вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности», 2 декабря 1905 г. «Об отмене карательных статей», 23 июня 1912 г. «О страховании рабочих от несчастных случаев» и «О страховании на случай болезни» и ряд других нормативно-правовых актов[5] существенно улучшили правовое положение рабочих.

Такая внутриполитическая направленность власти по рабочему вопросу вовсе не устраивала уральских горнозаводчиков, которые видели в этом лишь предпосылки к дальнейшему ухудшению экономического положения предприятий Урала и падению рабочей дисциплины. На власть сыпались упреки в пособничестве социализму. Даже успешные владельцы уральских предприятий, а таких было немного, не упускали возможности покритиковать власть за излишний либерализм в таком щепетильном и принципиальном вопросе. Князь С.С. Абамелек-Лазарев являлся полным, а с 1902 г. — единоличным, собственником Чермозского горного округа в Пермской губернии. Благодаря таким своим качествам, как предприимчивость, упорность и принципиальность, С.С. Абамелек-Лазареву удалось вывести предприятия своего округа из тяжелого положения, рассчитаться по всем долгам перед банками и выплатить крупные суммы сонаследникам, и при этом, как отмечали в самом Министерстве торговли и промышленности, он «ни разу (!) не обращался за какими либо субсидиями»[6]. В 1904 г. С.С. Абамелек-Лазарев составляет записку, озаглавленную как «Положение Уральской железной промышленности в настоящее время и ее будущность», где жестко критикует правительственную промышленную политику, касаясь и рабочего вопроса.[7] Чермозский владелец обвинял имперское правительство в чрезмерном и необоснованном «фаворитизме» по отношению к рабочему классу: «Правительству пора убедиться, что железное дело теперь во многих случаях убыточно, в других дает только умеренную прибыль, потому правительству должно, с крайней осторожностью увеличивать как всякие сборы и налоги с железной промышленности, так и в особенности обременение ее все возрастающими требованиями, идущими яко бы для пользы и защиты рабочих, как то: требования к заводским жилищам рабочих, забывая, что нельзя требовать от заводов, чтобы они делали рабочим помещения лучшие, чем те, которыми они пользуются в своих собственных домах, требования к заводской медицинской помощи, к школам, к вознаграждениям, не только за несчастные случаи, но и за болезни, обеспечение от всяких несчастий, даже от старости и смерти.»[8]. Анализируя политику власти в отношении промышленности и рабочих, С.С. Абамелек-Лазарев говорил о невозможности жертвовать одним ради другого, т.к. в конечном итоге такая политика окажется гибельной для всех: «Не сознав своей ошибки, продолжая все ту же политику (неоправданного покровительства рабочим — М.Д.), правительство не только затрудняет развитие промышленности, но поставит даже ее существование в опасность и тем несомненно ухудшит положение заводского и фабричного населения и создаст тунеядцев»[9].

Между тем, нарастание революционной напряженности и обострение рабочего вопроса, выливавшегося в массовые забастовки, подстегивали правительство идти на все более значительные уступки. Поворотным моментом стало 9 января 1905 г. Экстренно

была создана «Комиссия для обсуждения мер по упорядочению быта и положения рабочих в промышленных предприятиях империи» под председательством В.Н. Коковцова, призванная принципиально разрешить данную проблему. Сам В.Н. Коковцов, по словам историка Б.А. Романова, «Еще 5 января … настаивал на том, что требования рабочих незаконны и невыполнимы…», но прошло 4 дня и он «первый берет на себя роль политического оракула и начинает бить тревогу»[10]. На нападки фабрикантов и заводчиков об излишних уступках рабочим В.Н. Коковцов отвечал просто: «…правительство лишь возобновляет то поступательное движение в усовершенствовании наших фабричных законов, которое началось в восьмидесятых годах и продолжение которого, по глубокому его убеждению, равно необходимо в интересах как рабочих, так и работодателей, положение которых будет тем лучше, чем лучше и спокойнее положение рабочих.»[11]. Заметим, что мотивация В.Н. Коковцова сходна с доводами С.С. Абамелек-Лазарева, т.к. рассматривает проблему в общем контексте. Только С.С. Абамелек-Лазарев исходил из того, что благополучие рабочих заложено в благополучии производства, а В.Н. Коковцов убеждал в обратном.

В Комиссию вошли фабриканты и заводчики наиболее крупных промышленных регионов страны. Урал здесь представляли председатель Совета съездов горнопромышленников Урала В.И. Ковалевский, горные инженеры П.М. Карпинский, П.Н. Фигнер, Н.Е. Грум-Гржимайло и А.И. Умов[12]. В результате правительством было выработано рабочее законодательство, которое, по словам одного из представителей Министерства торговли и промышленности, «оно почти текстуально списало с наиболее либерального в то время австралийского рабочего закона»[13]. Фабрикантов такой поворот дела вовсе не устраивал. Но в этот период на их протесты никто уже внимания не обращал. Поэтому они решили пойти на хитрость. Добившись созыва «согласительной» комиссии под председательством В.И. Ковалевского, куда вошли не только правительственные чиновники и предприниматели, но и рабочие, работодатели предложили последним свой законопроект, который был еще радикальнее правительственного. Рабочие, конечно же, не смогли отказаться от лучших условий, и проект правительства, который уже был готов к опубликованию в качестве закона, провалили. В результате, правительство силой подавило рабочее движение, признало законопроект фабрикантов невозможным к осуществлению, а свой — отложило до худших времен. Уже после революции участник данной комиссии А.В. Ивановский беседовал с Ф.Э. Дзержинским и предложил ему реализовать правительственный законопроект, на что последний ответил, что государство не в силах взять на себя такие обязательства[14]. Таким образом, в немалой степени и на рабочих лежала ответственность за тяжесть собственного положения и непоследовательный курс правительства в этом вопросе.

Если в вопросах рабочего законодательства и нормативно-правовой регламентации отношений промышленников и рабочих позиции сторон были предельно ясны и адекватно отражались во взаимных претензиях, то гораздо сложнее дело обстояло в конкретных ситуациях, когда было необходимо властное вмешательство для разрешения конфликтов между «эксплуататорами» и «эксплуатируемыми». Здесь все зависело от личных отношений уральских горнозаводчиков с высокими чиновниками, а также от позиции, занимаемой губернскими властями.

1907 год на Урале продолжал оставаться довольно напряженным в плане социальных потрясений. На многих заводах перманентно происходили забастовки, вызванные, главным образом, задержками в выплате заработной платы, и носившие преимущественно экономический характер. Главными виновниками выступали в данном случае владельцы предприятий, вовремя не перечислявшие заводам необходимые денежные средства. Однако реакция высшей власти по отношению к различным «провинившимся» была часто диаметрально противоположной.

27 марта началась забастовка рабочих на медном заводе Богословского округа, принадлежащего Богословскому горнозаводскому акционерному обществу, но номинальным владельцем которого являлся некогда государственный секретарь, а в рассматри-

ваемый период — член Государственного Совета, А.А. Половцов. И в верхах сразу началась «возня». На следующий же день министр финансов В.Н. Коковцов обратился к председателю Совета министров П.А. Столыпину с письмом, в котором изложил, что положение рабочих завода вполне прилично, а забастовка вызвана исключительно пропагандой заезжих агитаторов, в связи с чем нельзя «нельзя не пожелать принятия энергичных мер к устранению этой агитации». П.А. Столыпиным была наложена резолюция с соответствующим распоряжением пермскому губернатору[15]. Между тем, пермский губернатор А.В. Болотов продолжал спокойно следить за развитием событий, не принимая экстренных мер, но и не упуская контроля за ситуацией. 31 марта В.Н. Коковцов вновь обращается письмом к П.А. Столыпину, возмущаясь бездействием местных властей и почти требуя присылки «солдат», которых «еще нет»[16]. Вскоре не выдержал и сам «владелец» предприятия. 12 апреля П.А. Столыпиным была получена телеграмма, высланная из Монте-Карло, где обычно лечился от своей подагры А.А. Половцов: «Извините за беспокойство, в Богословске начинаются под видом экономических беспорядков анархические беспорядки, если они не будут энергично подавлены, весь Урал будет ими охвачен.». В результате на А.В. Болотова просто сыпались телеграммы из Департамента полиции с требованием принять все необходимые меры вплоть до введения войск. Но губернатор не терял хладнокровия. Поначалу он также объяснял причины забастовки агитацией революционно настроенных рабочих и даже служащих, которых, однако, принимал на работу, а затем восстанавливал после увольнения и ареста местный главноуправляющий заводом. Необходимости же вызывать войска не было, можно было обойтись силами окружной полиции. Как довод А.В. Болотов приводил в пример недавние январские события на Надеждинском заводе того же округа, куда им были вызваны войска. Потом же «командующий войсками Казанского военного округа, чрез штаб округа, обратил мое внимание на то, что вызов этот был бесцелен, т.к. беспорядки удалось предотвратить полицейскими силами и просил требовать содействия войск в действительно серьезных и важных случаях…»[17]. В целом, вину за беспорядки губернатор был склонен возлагать на главноуправляющего, по политическим воззрениям кадета, который «во всем этом деле проявил какую-то двойственность, неискренность»[18]. После окончания беспорядков (13 апреля 1907 г.) А.В. Болотов лично посетил завод и ознакомился с условиями труда и быта рабочих. Это стало поворотным моментом в оценке им происшедших событий. Губернатор составил докладную записку для Департамента полиции, в которой указывал, что «что забастовки, столь гибельно отражающиеся на производстве, там возможны и впредь, внезависимости от какой бы то ни было агитации, а единственно лишь потому, что существующие условия производства работ сами по себе благоприятствуют возникновению забастовки, вызывая недовольство и возбуждение среди рабочих» и рекомендовал сократить количество часов в рабочей смене, увеличив число смен до трех[19]. Подобные рекомендации пришлись не по вкусу владельцам Общества и уже через министра торговли и промышленности Д.А. Философова они выразили свое недовольство подобным вмешательством губернатора в частные дела предприятия П.А. Столыпину. И А.В. Болотова «попросили» не вмешиваться в дела такого рода.

В другом случае все складывалось совсем иначе. В конце 1906 г. на нескольких заводах Сергинско-Уфалейского горного округа начались забастовки, связанные с невыплатой зарплат. Председатель Правления товарищества Сергинско-Уфалейских заводов барон Д.Г. Гинцбург обратился в Министерство внутренних дел с просьбой помочь в предотвращении беспоряков путем выдачи правительственной ссуды. Однако оказалось, что задолжность была не так велика. Пермский губернатор же телеграммой сообщал в Департамент полиции, что «Правление Товарищества Сергинско-Уфалейских заводов всячески старается вызвать беспорядки среди рабочих, дабы таким путем понудить Правительство выдать товариществу ссуду»[20]. Д.Г. Гинцбург был вызван в Департамент полиции, где ему было сделано жесткое внушение. Но неудачливый горнозаводчик, пеняя на нехватку оборотных средств, продолжал обивать пороги разных ведомств, прося пра-

вительственной ссуды. Ситуация, тем не менее, не менялась. 29 декабря 1907 г. А.А. Макаров, товарищ министра внутренних дел, пишет М.А. Остроградскому, временно управлявшему Министерством торговли и промышленности о необходимости воздействовать на Д.Г. Гинцбурга в смысле выплаты зарплат. На что последний ответил, что уже поручил Горному департаменту сделать внушение заводчику, «других же средств к понуждению Товарищества исправно рассчитываться с рабочими в моем распоряжении не имеется»[21]. В конце концов, в 1908 г. Товарищество было передано в административное управление. Таким образом, Д.Г. Гинцбургу, не имевшему серьезных рычагов давления на власть, в сложных экономических условиях не удалось удержать общество наплаву, а «проклятый» «рабочий вопрос» лишь ускорил его разорение. Справедливости ради отметим, что и А.А. Половцову со всеми его связями не удалось уберечь свое предприятие от разорения. Но здесь важно другое. Власть четко разграничивала «своих» и «чужих» в бизнесе. И если последним, т.е. предпринимателям новой генерации, она часто отказывала в помощи по объективным причинам, имея ввиду государственный интерес, то первым, исторически приближенным к трону по происхождению либо по социальному статусу, готова была прощать многое, даже вопреки здравому смыслу.

Интересна здесь и роль местной власти. Выступая, по сути, лицом незаинтересованным, губернатор стоял на стороне справедливости и здравого смысла. Имея возможность на месте реально оценить обстановку, он выступал рупором, оповещавшим верховную власть об истинном положении дел. Но высшее чиновничество прислушивалось к нему лишь тогда, когда это совпадало с его собственным виденьем проблемы. Нельзя сказать, что губернатор старался как-то навредить уральским промышленникам своими донесениями в центр. В своих убеждениях и оценках он исходил единственно из стремления служить развитию местной промышленности, и если для этого было необходимо увеличить зарплаты или улучшить условия труда, значит губернатор должен был сделать все от него зависящее, чтобы достигнуть этой цели. Если говорить конкретно о А.В. Болотове, то лучшим подтверждением его беспрестанной заботы о нуждах губернии, ее промышленности и о населении является ходатайство пермского главы и представителей купечества на имя П.А. Столыпина, отправленное телеграммой 27 декабря 1909 г., накануне его отставки по здоровью: «Гражданский долг заставляет нас, людей Пермского края, обратить внимание высшего правительства на чрезвычайно полезную деятельность нашего губернатора А.В. Болотова, весьма осведомленного в положении и нуждах губернии. В интересах нашего края было бы в высшей степени желательно продолжение его службы в качестве начальника губернии. … Тяжелые дни, переживаемые уральской промышленностью, значительно будут облегчены, если во главе губернии будет поставлено лицо, прекрасно осведомленное о нуждах края. Почтительно просим Ваше Высокопревосходительство отнестись с полным доверием к нашим уверениям и найти возможность не лишать Пермского края прекрасного администратора, внимательно руководящего делами губернии, и оставить Пермской губернии для дальнейшей полезной службы А.В. Болотова»[22].

Поэтому не всегда губернатор становился на сторону рабочих. Когда была очевидна справедливость требований горнозаводчика, местная власть всегда готова была их поддержать. Так, еще в ноябре 1901 г. рабочие Юрюзанского завода Златоустовского уезда Уфимской губернии отказались выйти на работу, т.к. заводоуправление обязало всех рабочих взять «контрольные номера», которые были призваны дисциплинировать и упорядочить работы на заводах. Рабочие же в этом усмотрели умаление своих прав и источник будущих разного рода поборов. Тогда уфимский губернатор Н.М. Богданович был вынужден в интересах сохранения порядка в губернии и нормальной работы заводов обратиться к рабочим со следующим объявлением:

«ОТ НАЧАЛЬНИКА ГУБЕРНИИ
РАБОЧИМ ЮРЮЗАНСКОГО ЗАВОДА

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Предложенные администрацией завода КОНТРОЛЬНЫЕ НОМЕРА выдаются на основании пп. 3 и 6 ст. 142 устава о Промышленности и объявления Г. Уфимского Окружного Горного Инженера от 30 Ноября сего года и должны быть приняты рабочими;

НЕЖЕЛАЮЩИХ принять их администрация завода, согласно того же объявления Окружного Инженера от 30 ноября, имеет законное право с 15 сего декабря уволить;

В СООТВЕТСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСАХ самих рабочих, приглашаю их, подчиниться этому законному требованию завода и Окружного Инженера и взять номера, предваряя, что НЕВЗЯВШИЕ номеров и уволенные с завода, НИ НА КАКУЮ ПОДДЕРЖКУ РАСЧИТЫВАТЬ НЕ МОГУТ, потому, что лишатся заработка по собственной вине.

Г. УФА Губернатор [подпись]
Декабря 10 дня
1901 г.»[23].

И рабочие подчинились, приступив через несколько дней к работе по новым правилам. Данный эпизод, равно как и случай с телеграммой жителей Пермской губернии, указывает еще и на тот факт, что авторитет губернских властей среди населения был достаточно высок. Это позволяло местным правителям определенно влиять на взаимоотношения рабочих и горнозаводчиков, ставя последних в некоторую от себя зависимость.

Рабочий вопрос в начале XX века в России являлся одним из основных в отношениях власти и бизнеса. На Урале он стоял особенно остро, так как затрагивал, так или иначе, все его население. Поэтому избираемые обеими сторонами пути и методы его решения очень точно характеризуют складывавшиеся взаимоотношения правительства и уральских горнозаводчиков. Власть в рассматриваемый период, встревоженная быстро разраставшимся рабочим движением, была настроена идти по пути законодательного улучшения социально-экономического положения рабочих и принимала соответствующие нормативно-правовые акты. Уральских предпринимателей такой курс правительственной политики не устраивал, так как в условиях кризисного положения уральской промышленности возрастание себестоимости уральских промышленных товаров не могло благоприятно отразиться на дальнейшем развитии региона, серьезным конкурентом которого выступал Юг России. В результате, на этих позициях шла жесткая борьба предпринимателей с властью.

Отношения же по поводу повседневных «рабочих» проблем были несколько иными. Здесь многое зависило от личных контаков уральской буржуазии с сановными чиновниками, а так же от социального происхождения первых и их приближенности к высшим эшелонам власти. Такие уральские магнаты, как А.А. Половцов, К.Э. Белосельский-Белозерский, С.С. Абамелек-Лазарев, С.А. Строганов Е.П. Демидов априори могли расчитывать на правительственную поддержку и не только в рабочем вопросе. Другое дело, что не всегда этот фактор являлся решающим в решении задачи общей успешности предприятия — все зависело исключительно от личных качеств, истинной способности к предпринимательской деятельности. Уральские же горнозаводчики новой генерации, вроде Д.Г. Гинцбурга или А.Н. Ратькова-Рожнова, уже в меньшей степени могли расчитывать на безоглядную помощь правительства. Тут нужно было всесторонне обосновать необходимость такой помощи.

Но характер взаимоотношений с Правительством Российской Империи никак не отражался на взаимоотношениях предпринимателей с местными органами власти. Губернатор в данном случае был лицом независимым и часто занимал более взвешенную по-

зицию при разрешении конфликтов рабочих и заводчиков, отдавая предпочтение то одной, то другой стороне, в зависимости от справедливости приведенных претензий.

В целом же, уральские горнозаводчики любили использовать рабочий вопрос как беспроигрышную карту при обосновании требований о выдаче новых правительственных ссуд, о расширении казенных заказов и т.п. Таким образом, они спекулировали на «слабости» правительства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. об этом подробнее: *Сапоговская Л.В.* «Старые» владельцы уральских горнозаводских округов второй половины XIX — начала XX в.: опыт типологии хозяйствования // ВИ. 2006. № 3. С. 19–34.
2. По подсчетам Э.Э. Крузе, число рабочих, задействованных только на частных горнозаводских и фабрично-заводских предприятиях Урала в 1900 г. составляло 350,1 тыс. чел., а в 1913 г. — 403,3 тыс. человек. Удельный же вес всех наемных рабочих Урала в 1900–1914 гг. равнялся не менее 8 % общего числа рабочих России. (*Крузе Э.Э.* Положение рабочего класса России в 1900–1914 гг. Л., 1976. С. 93, 96.).
3. Цит. по: *Селиванова Г.И.* Советская историческая литература 20–50-х гг. о некоторых вопросах формирования рабочего класса на Урале // Промышленность и рабочий класс горнозаводского Урала в XVIII — начале XX вв.: Сб. статей. Свердловск, 1982. С. 119.
4. См.: *Железкин В.Г.* Изменения в правовом положении рабочих Урала в период империализма (1900–1917 гг.) // Промышленность и рабочие Урала в период капитализма (1861–1917 гг.): Сб. науч. трудов. Свердловск, 1991. С. 125.
5. См.: Там же. С. 111–114.
6. *Сапоговская Л.В.* Ук. соч. С. 28.
7. Настоящее положение русской железной промышленности. СПб., 1904. Характерно, что записка была опубликована, но анонимно.
8. РГАДА. Ф. 1252. Абамелек-Лазаревы. Оп. 1. Д. 4562. Л.д. 69–70.
9. Там же. Л. 70.
10. *Романов Б.А.* Предисловие. Комиссия Коковцова по рабочему вопросу и крупная промышленная буржуазия в 1905 г. // Рабочий вопрос в Комиссии В.Н. Коковцова в 1905 г. М., 1926. С. IV.
11. Речь Коковцова на заседании комиссии 15 марта 1905 г. // Там же. С. 51.
12. Личный состав высочайше учрежденной комиссии для обсуждения мер по упорядочению быта и положения рабочих в промышленных предприятиях империи. // Там же. С. 38–39.
13. НИОР РГБ. Ф. 414. *Ивановский А.В*. Карт. 2. Ед. хр. 2. Л.д. 221.
14. Там же. Л.д. 222–223.
15. ГА РФ. Ф. 102. ДП. 4-е делопроизводство. Оп. 116. 1907 год. Д. 50. Ч. 2. Литера. А. Л.д. 1–1об.
16. Там же. Л.д. 8.
17. Там же. Л.д. 28об.
18. Там же. Л.д. 43 об.
19. Там же. Л.д. 73–73об.
20. Там же. Д. 50. Ч. 2. Литера Б. Л.д. 3.
21. Там же. Л.д. 11–13об.
22. Цит. по: *Быстрых Т.И*. Александр Владимирович Болотов // Пермские губернаторы: традиции и современность /Под ред. И.К.Кирьянова, В.В.Мухина. Пермь, 1997. С. 167–168.
23. ЦГИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 35. Т. II. Л.д. 585.

M.V. DRUZIN

URAL BOURGEOISIE, AUTHORITY AND THE WORKING MATTER (BEGINNING OF THE 20th c.)

The author considers influence of the «working matter» upon relations between the Ural bourgeoisie and authority in the beginning of 20th c. The government of Russian Empire has been compelled to follow the way of the legislative improvement of conditions for the workers that did not suit the Ural businessmen for merely economic reasons. But in special cases of conflicts between the workers and their employers, the Supreme authority patronized the Ural bourgeoisie of the «old» generation, but it did not assume the similar attitude to representatives of the new generation of the Ural businessmen.

А.Г. ДОРОЖКИН (Магнитогорск)

ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ОСВЕЩЕНИИ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX В.

Промышленное развитие России в годы первой мировой войны — важная в научном и практическом отношениях тема. Явившись первой в мировой истории войной тотального типа, противостояние 1914–1918 гг. потребовало от основных стран-участниц коренной перестройки народного хозяйства, подчинения его военно-стратегическим целям. Не стала исключением и Россия; ее опыт государственного регулирования экономики в экстремальных условиях содержит немало ценного и поучительного. Необходим взвешенный и непредвзятый подход к изучению опыта хозяйственного развития нашей страны в годы войны, ранее тенденциозно и односторонне трактуемой в качестве «империалистической». Несомненно, углубленное изучение зарубежной историографии проблемы будет способствовать лучшему ее пониманию; оно содействует и проведению сравнительных исследований. Предметом данной статьи является немецкоязычная историко-экономическая литература, посвященная индустриальному развитию России в 1914 — начале 1917 гг., либо уделившая данному вопросу существенное внимание.

Учитывая сложность и многоплановость проблемы, представляется возможным ограничиться анализом трактовки германскими и отчасти швейцарскими историками XX в. таких аспектов проблемы, как результативность деятельности органов государственного регулирования экономики, положение отдельных промышленных отраслей в первые два с половиной года войны, роль иностранного капитала в российской промышленности в этот период, вовлеченность в работу на оборону страны кустарного производства. Данные вопросы получили в немецком россиеведении («остфоршунге») наибольшее освещение. Автором при этом не рассматривается специально интерпретация «остфоршунгом» промышленного развития России после февральского переворота 1917 г. — хаос и дезорганизация, воцарившиеся в стране после свержения самодержавия, сделали невозможным продолжение войны и привели к коллапсу экономической жизни. В контексте предлагаемой работы в центре внимания автора стоит трактовка немецким россиеведением именно результативности промышленного развития России в тот период, когда было еще возможно более или менее нормальное функционирование производства. При этом необходимо отметить как сильные, так и слабые стороны промышленной жизни России 1914 — начала 1917 гг. в видении исследователей-«остфоршеров».

Следует сказать, что анализу развития российской промышленности в годы первой мировой войны германская (и в целом германоязычная) «россика» уделяла сравнительно скромное внимание. Непосредственно в годы войны немецкие экономисты рассматривали в основном трудности, переживаемые Россией. Э.Шульце в этой связи обратил внимание на значительную роль в русской экономике иностранного, особенно французского капитала. Пессимистически оценивая состояние военной экономики страны, он предрекал скорое ее банкротство, от чего существенные потери понесет и главный союзник России — Франция, а Германия окажется в значительном выигрыше (еще ранее, в 1905 г., на то же уповал Р.Мартин)[1]. Обращалось также внимание на непомерный рост прибылей российских промышленников при том, что обложение военных доходов, как и подоходный налог введены были слишком поздно и в очень умеренном масштабе (А.Фогель)[2]. А.Фогель подробно рассмотрел также антигерманские мероприятия в российской экономике, в т.ч. направленные против держателей русских ценных бумаг — подданных Центральных держав[3], но воздержался от оценок возможных последствий соответствующих мер для народного хозяйства страны.

Непосредственно экономическому положению России в годы первой мировой войны посвящена вышедшая в 1920-х гг. и переведенная на русский язык книга Р.Клауса. Основное внимание этот исследователь уделил отрицательным факторам в хозяйственной жизни страны — финансовому расстройству, дезорганизации транспорта, проблемам снабжения промышленных предприятий сырьем, крайне неудовлетворительному проведению эвакуации производства. Р.Клаус отметил значительные трудности в развитии в 1914–1917 гг. каменноугольной, металлургической, химической и текстильной и сахарной промышленности. Причинами этого автор называет изношенность на ряде производств машин и оборудования, отсталость топливно-энергетического баланса (на Урале), трудности с подвозом сырья и вывозом готовой продукции вследствие напряженной ситуации с транспортом; сказалась и сильная зависимость ряда отраслей индустрии (особенно химической промышленности) от импорта сырья и полуфабрикатов, прекратившегося с началом войны[4]. Особо подчеркнута Р.Клаусом деквалификация занятых на призводстве, вызванная призывом в армию значительного количества квалифицированных рабочих и повлекшая за собой значительный спад производительности труда на промышленных предприятиях. Вовлечение в производство несовершеннолетних, военнопленных, женщин, а также законтрактованных китайцев, корейцев и персов не компенсировало потерь и повлекло за собой ухудшение качества рабочей силы[5]. Это ухудшение признается и современной отечественной историографией[6].

Следует отметить, что трактовка Р.Клаусом положения русской индустрии в 1914–1917 гг. представляется не вполне объективной. Наряду с несомненными трудностями, до 1917 г. в ряде отраслей имело место и поступательное развитие, чего не отрицают и современные германские историки. Впрочем, и сам Р.Клаус отмечает поступательное развитие в военные годы нефтяной индустрии России, чему способствовали как затруднения, переживаемые каменноугольной промышленностью, так и возможность относительно быстрой перевозки нефти по Волге. Признает исследователь и рост акционерного учредительства в войну, не увязывая это, однако, с расширением производственной деятельности[7]. Нужно принимать во внимание и региональные особенности — Р.Клаус, к примеру, говоря о положении уральской металлургии в военный период, описывает его исключительно в мрачных тонах, хотя и признает рост добычи железных руд и выплавки чугуна в России в 1916 г. Тому, несомненно, способствовала определенная модернизация горнодобывающих и металлургических предприятий Урала. Так, с началом войны в этом регионе ускорился процесс модернизации цехового оборудования, расширились производственные площади, значительно сократились сроки сдачи заказов. Златоустовская оружейная фабрика уже к концу 1915 г. увеличила объем выпускаемой продукции в 1,8 раза, в 1916–1917 гг. — еще в 2 раза. Саткинский и Кусинский заводы были переориентированы на выпуск боевых трехдюймовых шрапнелей; производительность этих заводов также увеличилась. Был переоборудован Бакальский рудник, на нем значи-

тельно расширили сеть железнодорожных коммуникаций. При всех проблемах военного времени, заводы Златоустовского горного округа сыграли важную роль в снабжении фронта снарядами, холодным оружием и шанцевым инструментом. Их производство в округе за военный период поднялось в 3,4 раза, 2.3 раза и в 16,6 раз соответственно[8].

Не лишена противоречий и интерпретация Р.Клаусом ситуации с рабочей силой в русской промышленности военных лет. Акцентируя основное внимание на изменениях к худшему, он вместе с тем, позитивно оценивает результативность для индустрии «сухого закона», введенного в России с начала войны. Р.Клаус указывает, что вследствие этой меры повысилась трудовая дисциплина на производстве, улучшилось физическое состояние рабочих, уменьшилось количество заболеваний и несчастных случаев. Темп работы ускорился, более редкими стали случаи порчи материала и инструментов; на ряде предприятий повысились производительность и интенсивность труда[9].

В 20–40-е гг. в немецкоязычной исторической литературе не наблюдалось сколько-нибудь значительного интереса к проблемам промышленного развития России в годы первой мировой войны. Определенным исключением стали работа А.В.Баргона о российской мелкой промышленности и обобщающий труд по русской истории швейцарского исследователя В.Гитермана. Анализ работы А.В.Баргона будет дан далее; что касается труда В.Гитермана, третий том которого посвящен периоду XIX — начала XX вв., то некоторое внимание в нем уделено состоянию российской экономики в 1914–1917 гг. Основное внимание автор фиксирует на дезорганизации хозяйственной жизни страны в военный период. Он отмечает нарастание диспропорций в развитии отдельных отраслей индустрии, инфляцию, транспортные проблемы, затруднившие снабжение, в т.ч. и промышленных предприятий, рост внешнеэкономической зависимости страны[10]. Деятельность органов государственного регулирования экономики, однако, совершенно не рассмотрена В.Гитерманом — он даже не упоминает учрежденные в 1915 г. Особые совещания.

Определенное внимание положению российской индустрии в 1914–1917 гг. уделила германская историография 1970–1980-х гг. На трактовку немецкими (как правило, западногерманскими) исследователями индустриального развития России в военные годы значительное влияние оказала советская историография проблемы, особенно труды А.Л.Сидорова. Из его работ больше всего и прежде всего заимствовался фактический материал; обращает на себя внимание и сходство в оценках, содержащихся в работах советского историка и в публикациях Г.Штекля и Х.Хауманна при рассмотрении положения российской промышленности в 1914–1917 гг. Г.Штекль отметил расширение военной индустрии, что сопровождалось увеличением численности занятых в промышленном производстве на 400 тыс. человек. Но российские предприятия не были в состоянии покрывать потребности армии; трудности поддержания связей с союзниками по Антанте и изношенность подвижного состава железных дорог усугубляли ситуацию. Создать централизованную систему снабжения фронта и тыла государству не удалось, что крайне отрицательно сказалось на общем положении России. Подобным же образом оценивает ситуацию в российской индустрии и системе ее управления Р.Лоренц[11]. Вместе с тем этот исследователь отмечал, что в крупной промышленности России вплоть до зимы 1916/17 г. наблюдался рост производства. Отмечены Р.Лоренцем и успехи русской индустрии в выпуске для фронта оружия и снаряжения. Вместе с тем наблюдались кризисные явления в состоянии паровозо- и вагоностроения и, прежде всего, в производстве сельскохозяйственных машин[12].

Из всех немецкоязычных историков наибольшее внимание промышленному развитию России в годы первой мировой войны уделил Х.Хауманн. В своих работах, вышедших в 70–90-х гг. XX в., этот исследователь относительно высоко оценил результаты деятельности Особых совещаний и других органов регулирования военного хозяйства. Благодаря им произошел рост производства в ряде отраслей, были заложены основы для централизованного распределения заказов на долгосрочную перспективу. Снабжение армии боеприпасами, в т.ч. снарядами, в 1916 г. было улучшено и кризис вооружения в

основном преодолен. До 1916 г. наблюдался значительный рост производства; особенно он был заметен в металлообработке и химической индустрии, но и в некоторых отраслях текстильной промышленности имела место та же тенденция. О падении производства здесь Х.Хауманн говорит лишь применительно к 1917 г. — существенно, однако, принимать во внимание нарастание хаоса, анархии и дезорганизации во всех сферах жизнеустройства после крушения самодержавия в стране. В ряде отраслей вплоть до 1917 г. имело место повышение производительности труда — в качестве примеров Х.Хауманн называет металлообработку и химическое производство. Здесь наблюдался и прогресс технического оснащения предприятий. Напротив, на металлургических заводах и угольных копях Юга России вследствие понижения качества рабочей силы производительность труда существенно понизилась. В то же время производство промышленного оборудования в 1913–1916 гг. росло в России опережающими по сравнению с Западной Европой темпами. Доля соответствующей продукции в структуре российского машиностроения увеличилась за это время, по приводимым Х.Хауманном подсчетам А.Л.Сидорова с 22 до 30%[13].

Признавая достижения, Х.Хауманн в то же время подробно рассматривает и трудности, переживаемые российской индустрией в военные годы. Здесь он разделяет критические оценки советских исследователей, прежде всего — А.Л.Сидорова. Несмотря на все достижения, общий план регулирования промышленного производства отсутствовал. Сохранился параллелизм функций в деятельности различных правительственных инстанций, что отнюдь не способствовало эффективному управлению и рациональному распределению заказов и сырья, потребного для их выполнения. Полностью удовлетворить нужды фронта и тыла военная экономика не смогла; тяжелое положение на транспорте обостряло ситуацию. Царское правительство не сумело осуществить в необходимой степени милитаризацию производства[14]. Данный тезис Х.Хауманна заслуживает уточнения. По степени мобилизации промышленности Россия находилась впереди Англии и на одном уровне с Германией и Францией: 58% всех рабочих были заняты в военном производстве[15]. Правительство, однако, не сумело организовать производственную жизнь адекватно условиям тотальной войны — в этом плане действительно есть основания согласиться с Х.Хауманном.

На положении иностранного капитала в российской народнохозяйственной жизни в годы первой мировой войны подробно остановился Б.Бонвеч. Подобно советским историкам, он отметил переплетение в этот период двух тенденций в этой жизни — к росту внешнеэкономической зависимости (через увеличение задолженности заграница) и к ее ослаблению (вследствие падения прямого иностранного участия в промышленных и банковских предприятиях России). Немецким историком отмечен переход в 1914–1917 гг. ряда зарубежных (по капиталу) предприятий в руки русского бизнеса, указано на сокращение иностраннного участия в компаниях смешанного типа и в банках России. В 1915–1916 гг., например, Британский банк внешней торговли потерял 30000 из 40000 ранее принадлежавших ему акций Русского Торгово-Промышленного банка. Зарубежное участие в акционерном капитале русских индустриальных обществ упало с 1914 по 1917 г. с 47 до 38%[16]. С полным основанием Б.Бонвеч ставит под вопрос достоверность данных А.В.Игнатьева о приобретении английскими предпринимателями за указанный период 397 рудников в России, а также приводимую сибирским историком А.А.Лукиным версию о золотопромышленном синдикате Бойля-Гувера, образованном якобы в 1916 г. и объединившем 24 крупнейших золотодобывающих предприятия Сибири. Б.Бонвеч отмечает, что необходимый для финансирования столь широкомасштабных операций капитал не мог поступать из-за границы в необходимых масштабах в условиях военного времени[17]. С точкой зрения Б.Бонвеча о золотопромышленном синдикате полностью согласуются результаты более позднего исследования О.Н.Разумова, показавшего, что сибирская горная индустрия в целом развивалась в направлении эмансипации от иностранного влияния — данная тенденция явственно обозначилась еще до начала мировой войны[18].

Сам Б.Бонвеч, однако, связывает ослабление позиций зарубежных инвесторов в русской индустрии исключительно с военной ситуацией. Как и Х.Шерер, он не усматривает появления предпосылок для этого ослабления уже в годы предвоенного промышленного подъема. Между тем, в 1910–1914 гг. прирост иностранных прямых вложений в российскую экономику был меньшим по сравнению со второй половиной 1890-х гг., хотя и превосходил соответствующий показатель для 1900–1903 и 1904–1909 гг.[19] Тот факт, что за 1900–1913 гг. в России было размещено на 3,84 млрд рублей русских ценных бумаг, а за рубежом — на 1,7 млрд рублей[20], уже говорит о наличии тенденции к некоторому ослаблению зависимости российской индустрии и банков от заграничного фактора. Применительно к первой мировой войне можно, следовательно, говорить о продолжении (а не о зарождении) данной тенденции.

Обращаясь к промышленному развитию России в годы первой мировой войны, немецкоязычные историки рассматривали в основном состояние крупного производства. В первой половине XX в. исключение из правила составила работа А.В.Баргона. Выдержанная в целом на крайне низком уровне, она, однако, содержит интересный материал, основанный на личных наблюдениях автора — в годы первой мировой войны он находился в России в плену и сам работал одно время в системе русской кустарной промышленности. А.В.Баргон отмечает интеграцию мелкопромышленных предприятий в систему военного производства, подчеркивает роль земств в их финансировании. Он указывает, что в одних случаях кустарные предприятия получали непосредственно от земств сырье и полуфабрикаты, сохраняя при этом самостоятельность в процессе производства. В других случаях кустари включались в систему военной индустрии через специальные фабричные конторы — последние распределяли между ними сырьевые материалы. Во втором случае наблюдалась кооперация между мелким и крупным производством; в ряде районов России, например, в Сибири, она, однако, осложнялась транспортными проблемами и климатическими условиями[21].

Основываясь на собственных наблюдениях, А.В.Баргон отмечает рост разделения труда в кустарном производстве, специализацию отдельных промысловых селений в Сибири на выполнении отдельных производственных операций. Так, например, при выполнении заказов на шинели в Омском уезде: в то время как одна из деревень специализировалась на изготовлении пряжи, другая занималась производством сукна. При этом в производственный процесс было втянуто все самодеятельное население соответствующих деревень. Здесь также имело место взаимодействие с промышленностью фабричного типа. Аналогичную организацию А.В.Баргон наблюдал и в Иркутской губернии; в этих случаях имела место артельная организация кустарей; в то же время могла сохраняться и система светелок[22]. Отмечая роль Военно-промышленных комитетов в интеграции кустарной промышленности России в систему оборонного производства, А.В.Баргон вместе с тем преувеличивает реальное значение ВПК для последнего. Так, он безосновательно утверждает, что в 1914–1916 гг. российские фабрики могли изготовлять лишь продукцию, которая заказывалась им через посредство ВПК[23]. Напротив, современный исследователь Х.Хауманн — и его точка зрения вполне подтверждается фактами, приводимыми в отечественной литературе — не придает сколько-нибудь существенного значения роли Военно-промышленных комитетов в организации военной экономики. Напоминая, что через них распределялось не более 5% оборонных заказов, Х.Хауманн подчеркивает, что тяжелая индустрия страны в лучшем случае лишь формально обращалась к посредничеству ВПК. Такое положение поддерживалось правительством Российской империи, усматривавшим здесь возможность не допустить возрастания роли комитетов. Тем самым правящие круги рассчитывали предотвратить усиление влияния политической оппозиции, средоточием которой являлись ВПК[24].

Интерес к положению русской мелкой промышленности вновь обнаружился в немецкоязычной исторической литературе к концу XX в. Данному вопросу посвящена основательная монография К.Гествы. Этот исследователь рассмотрел проблему на микроуровне — на примере кустарных предприятий промыслового селения Павлово. Проана-

лизировав развитие металлообработки в этом селении, К.Гества сделал вывод о кратковременном расцвете павловской кустарной промышленности в годы первой мировой войны. Это было обусловлено притоком заказов на производство кос, хирургических инструментов и т.п. Павловские предприятия в целом были интегрированы в систему производства, работающего на оборону[25].

Г.Альтрихтер в недавней своей работе, подобно Р.Клаусу, акцентировал внимание на дезорганизации хозяйственной жизни России в военные годы. К нарастанию хаоса и развала в системе организации промышленного производства он свел всю свою оценку положения русской индустрии в 1914–1917 гг.[26] Такая оценка представляется нам крайне упрощенной и недопустимо прямолинейной — и в советской, и в белоэмигрантской, и в мемуарной литературе приводится значительный фактический материал как о достижениях промышленного развития России военных лет, так и о значительных трудностях и просчетах царского правительства в этот период[27]. Оценка Х.Хауманна в этом отношении более взвешенна и лучше согласуется с фактами. «Пессимистический» подход, однако, по-прежнему популярен — М.Хильдермайер в недавнем своем исследовании, говоря о российской экономике военного времени, сделал основной акцент на трудностях, переживаемых ею, в т.ч. и промышленным ее сектором[28]. Тем не менее, есть основания говорить о наличии в историографии ФРГ с конца 1970-х гг. тенденции к определенному отходу от «пессимистической» однозначности как при оценке результативности российской капиталистической индустриализации, так и при рассмотрении развития российской индустрии в первые два с половиной года мировой войны. Эта тенденция заметна в работах Х.Хауманна; аналогичный подход присутствует в очерке Г.Шрамма о военно-политической обстановке в России в канун февраля 1917 г.[29] Вместе с тем речь пока может идти о тенденции, а не о законченном процессе смены парадигм. Сохранение «пессимистической» концепции в недавних публикациях Г.Альтрихтера и отчасти М.Хильдермайера свидетельствует о живучести стереотипных представлений в немецком россиеведении и на современном этапе его развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Schultze E*. Das franzosische Kapital in Russland // Finanz-Archiv, 1915. S. 133; *Мартин Р.* Будущность России. Пер. с нем. М., 1906. С. 128.
2. *Vogel A.v*. Kriegsgewinne in der russischen Industrie im Jahre 1915 // Weltwirtschaftliches Archiv, 1917, Bd. 10, H. 1. S. 57–63.
3. *Vogel A.v.* Der Rechtsschutz deutscher Reichsangehoerigen in Russland waehrend des Krieges // Weltwirtschaftliches Archiv. 1917, Bd. 9, H. 4. S. 497–515; Idem. Russlands Kampfgesetze gegen den Aktienbesitz feindlicher Auslaender // Weltwirtschaftliches Archiv, 1917. Bd. 10, H. 2. S. 227–243; Idem. Der Zwangsaufloesung der feindlichen Handels- und Industrieunternehmungen in Russland // Weltwirtschaftliches Archiv, 1917, Bd. 11, H. 3. S. 280–311.
4. *Клаус Р.* Ук. соч. С. 11–39, 56–57, 68–82, 89–97.
5. *Клаус Р.* Ук. соч. С. 43–48, 74, 114.
6. Так, А.В.Жук особо отмечает негативное воздействие на уральскую промышленность призыва в армию значительной части квалифицированных рабочих региона. См.: *Жук А.В*. Война и модернизация: Златоустовский горный округ в годы первой мировой войны // Уральский исторический вестник, 2000, № 5–6. С. 345. В 1920-х гг. обострение в военный период дефицита рабочей силы и ее деквалификацию особо отмечал А.Л.Сидоров. Подобно Р.Клаусу, советский исследователь подчеркивал падение производительности труда в индустрии России вследствие данных обстоятельств. См.: Сидоров А.Л. Влияние империалистической войны на экономику России // Очерки по истории Октябрьской революции. Т. 1. М.-Л., 1927. С. 97–98.
7. *Клаус Р.* Ук. соч. С. 65–66, 77.
8. Там же. С. 73. Ср.: *Жук А.В.* Ук. соч. С. 343–345. Велось в России в военные годы и

строительство новых промышленных предприятий, в т.ч. с участием иностранного капитала. См., например: *Поликарпов В.В.* Виккерс на Волге // ВИ. 1995, № 7. С. 121–132.

9. *Клаус Р.* Ук. соч. С.49
10. *Gitermann V*. Geschichte Russlands. Bd. 3. Hamburg, 1949, Bd. 461, 469–472.
11. *Stoekl G*. Russische Geschichte von den Anfaengen bis zur Gegenwart. Stuttgart, 1973. S. 628; *Lorenz R*. Sozialgeschichte der Sowjetunion. Bd. 1. 1917–1945. Frankfurt a.M., 1976. S. 56.
12. *Lorenz R*. Zur Industriepolitik der provisorischen Regierung // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas/ 1966, Bd. 14, H. 3. S. 367. Вместе с тем Р.Лоренц, подобно всем исследователям, обращавшимся к данной проблеме, отмечает стремительное нарастание дезорганизации и развал производства после февральского переворота 1917 г. (Ibid. S. 368–386).
13. Handbuch der Geschichte Russlands, Bd. 3, Lfg. 7 /8. S. 520–525.
14. Handbuch, Bd. 3, Lfg. 7/8. S. 520–527; *Haumann H.* Kapitalismus im zaristischen Staat. Organisationsformen, Machtverhaeltnisse und Leistungsbilanz im Industrialisierungsprozess. Koenigstein. S. 72–81,132–136.
15. *Яковлев Н.Н.* 1 августа 1914. М., 1993. С. 225. А.Л.Сидоров в 1920-х гг. называл даже более высокую цифру — 86 % от всей численности фабрично-заводских рабочих к концу 1916 г. За вычетом рабочих казенных заводов, 73,3% занятых на частных предприятиях работали на оборону. См.: Сидоров А.Л. Влияние империалистической войны на экономику России. С. 91.
16. *Bonwetsch B.* Kriegsallianz und Wirtschaftsinteressen. Russland in den Wirtschaftsplaenen Englands und Frankreichs. 1914–1917. Duesseldorf, 1973. S. 99–100.
17. Ibid. S. 99–101.
18. *Разумов О.Н.* Иностранный капитал в горной промышленности Сибири в период империализма. Автореф. дисс. …канд.ист.наук. Томск, 1986. С. 12–18.
19. По данным русского экономиста П.В.Оля, прирост иностранных прямых вложений в экономику России составил в 1910–1914 гг. 382,7 млн рублей, в то время как в 1895–1899 гг. он равнялся 489,9 млн рублей, в 1900–1903 гг. — 237,4 млн. рублей, а в 1904–1909 гг. — 285,7 млн рублей. См.: *Оль П.В.* Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России. Л., 1925. С. 12–13.
20. *Сидоров А.Л.* Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 1960. С. 37–38.
21. *Bargon A.W*. Entwicklung und Zerfall der Kustargewerbe Russkands. Lippstadt, 1933. S. 63.
22. *Bargon A.W.* Op. cit. S. 68–70.
23. Ibid. S. 65.
24. *Haumann H*. Alternativen der gesellschaftlichen Entwicklung Russlands an der Jahreswende 1916/17 // Aufbruch der Gesellschaft im verordneten Staat. Russland in der Spaetphase des Zarenreiches. Frankfurt a.M, 1994. S. 356–357.
25. См.: *Gestwa K.* Proto-Industrialisierung in Russland. Wirtschaft, Herrschaft und Kultur in Ivanovo und Pavlovo, 1741–1932. Goettingen, 1999. S. 143. Ранее А.В.Баргон также говорил об оживлении в военные годы производства на ряде мелких предприятий, выполняющих государственные заказы. Вместе с тем и кустарная промышленность столкнулась с серьезными трудностями, вызванными дефицитом сырья и транспортными проблемами. См.: *Bargon A.W*. Op. cit. S. 63, 65. Факт привлечения кустарной промышленности к выполнению военных заказов признавал и Р.Клаус. См.: *Клаус Р*. Ук. соч. С. 65.
26. A*ltrichter H*. Russland 1917. Ein Land auf der Suche nach sich selbst. Paderborn, 1997. S. 101–103. Ход военных действий на Восточном фронте Г.Альтрихтер (как ранее Х.Раупах) трактует как череду поражений русской армии, что далеко от действительности. Как известно, кампания 1914 г. проходила на Восточном фронте с переменным успехом для русских войск; 1915 г. закончился серьезными неудачами — впрочем, Кавказский фронт составлял исключение. В 1916 г. наметился переход стратегической инициативы к России и назначенное на весну 1917 г. наступление русских войск внушало серьезные

опасения командованию Центральных держав. См.: *Эггерт З.К.* Борьба классов и партий в Германии в годы первой мировой войны. М., 1957. С. 375–377; История первой мировой войны. Т. 2. М., 1975. С. 228, 287–290; *Васюков В.С.* Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 — февраль 1917 г. М., 1989. С. 270–274; *Яковлев Н.Н.* Ук. соч. С. 224–228, 248–249, 259–260. Об относительно благоприятных военных перспективах России к началу 1917 г. говорит и современный германский историк Г.Шрамм. См.: Handbuch…, Bd. 3, Lfg. 5/6. S. 476–477. Об этом же говорит и Х.Хауманн, одновременно отмечая, что, при всех недостатках, снабжение русской армии в 1916 г. значительно улучшилось. См.: *Haumann H.* Alternativen. S. 362.

27. См., например: *Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1937; *Сидоров А.Л.* Борьба с кризисом вооружения русской армии в 1915–1916 гг. // Исторический журнал, 1944, кн. 10–11; *Он же.* Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914–1917).М., 1960; *Он же.* Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973; *Маевский И.В.* Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны. М., 1957; *Крупина Т.Д.* Политический кризис 1915 г. и создание Особого совещания по обороне // Исторические записки. Т. 83. М., 1969; *Яковлев Н.Н.* Ук. соч. С. 145–150, 215–228.
28. *Hildermeier M.* Geschichte der Sowjetunion. 1917–1991. Entstehung und Niedergang des ersten sozialistischen Staates. Muenchen, 1998. S. 58–59, 61–62.
29. Handbuch..., Bd. 3, Lfg. 5/6. S. 476–477.

A.G. DOROZHKIN

INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF RUSSIA WITHIN THE FIRST WORLD WAR IN INTERPRETATION OF THE GERMAN HISTORY-ECONOMIC LITERATURE OF 20th c.

The article examines the interpretation of problems within industrial development of Russia in 1914 — the beginning of 1917 made by German researchers of Russia during 20th c. So, the views of historians from the German countries upon the state of Russian military industry during the specified period are under analysis; another point which is under consideration either is understanding positive and negative aspects in general balance of industrial functioning of the country within the extreme conditions of the First World War. Alongside with the estimation done by the German historians as to the state regulation of the Russian industry, they focus their attention upon the interpretation done by «ostforschurong» upon the home-made craft in the 1914 — beginning of 1917. In this connection, the problem of Russian small industry involvement in the system of military economy is observed too.

О.С.НАГОРНАЯ (Челябинск)

ПРОПАГАНДА СЕПАРАТИЗМА СРЕДИ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКИХ НАРОДНОСТЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ГЕРМАНСКИХ ЛАГЕРЯХ ВОЕННОПЛЕННЫХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ[1]

Первая мировая война, потребовавшая от стран-участниц максимального напряжения экономических и политических структур, выявила слабости организации мобилизационных институтов многонациональных империй, особенно на населенных нетитульными народностями территориях. Одновременно противники на Восточном фронте пытались использовать конфликтный потенциал национального вопроса для достижения военных целей. В качестве одного из важных инструментов ослабления лояльности национальных меньшинств по отношению к правительству противника стороны рассматривали солдат и офицеров, в небывалом количестве и этническом разнообразии оказавшихся в лагерях военнопленных.

Россия в привилегированном содержании и формировании добровольческих батальонов из военнопленных славянских народностей видела средство ослабления Австро-Венгрии и создания самостоятельных славянских государств; в военных действиях против Германии предполагалось использовать выделенных из общей массы немецких пленных эльзасцев, лотарингцев и поляков[2]. Центальные державы использовали размещение и обеспечение военнопленных различных наций для политического давления на страны Антанты в попытках смягчения экономической блокады. Привилегированное содержание и пропаганда среди представителей национальных меньшинств Российской империи были нацелены на ослабление России путем стимулирования национально-освободительных движений и создания в будущем на ее окраинах буферных государств.

Отмечая дилемму немецкого военного командования между стремлением к заключению мира с Россией и пропагандой сепаратизма на ее окраинных территориях[3], исследователи до сих пор оставляли без внимания широкий спектр факторов, определивших реализацию и результаты просветительской политики в немецких лагерях военнопленных в контексте специфики Восточного фронта Первой мировой войны.

Факторы, определившие привилегированное содержание и агитацию среди национальных меньшинств в германских лагерях

В первые же месяцы после начала военных действий число военнопленных, оказавшихся в германских лагерях, значительно превысило прогнозируемое количество и выявило несоответствие разработанной системы мероприятий по их содержанию потребностям нового типа войны. Первоначально, согласно секретному распоряжению отдела полевой железной дороги от 13 августа 1914 г., русских, бельгийцев, французов и англичан предполагалось разместить в лагерях по национальному признаку с разделением на солдат и офицеров[4]. В связи с началом английской морской блокады и высокой эпидемической опасностью в лагерях в середине сентября того же года в Прусском военном министерстве как органе, координирующем политику федеративно организованных ведомств по работе с военнопленными, рассматривалась возможность перевода русских военнопленных на оккупированные территории Франции и Бельгии, а представителей западных держав — в лагеря русской Польши[5]. Подобный вариант размещения позволил бы избавить территорию империи от лишних едоков, обезопасить мирное население, а также максимально затруднить пленным организацию побегов.

Однако уже с конца сентября 1914 г. немецкое военное командование, озабоченное судьбой собственных подданных в странах Антанты, стало рассматривать систему содержания вражеских военнопленных как одно из средств влияния на противника. В соответствии с новым видением вопроса Ставкой был изменен и принцип размещения военнопленных: отныне его основой становилось целенаправленное смешение представителей различных наций и народностей в одном лагере. Предполагалось, что совместное

содержание англичан со «стоящими на более низком культурном уровне» русскими, особенно казаками, а также представителей западных стран с «цветными» пленными можно будет использовать как инструмент воздействия на положение немецких военнопленных в лагерях Антанты[6]. Несмотря на возникшие организационные и дисциплинарные трудности, Прусское военное министерство (далее — ПВМ) настойчиво убеждало комендатуры в необходимости скорейшей реализации данного шага и торопило с обменом крупными партиями военнопленных между лагерями[7].

Впоследствии идея смешения наций в одном лагере была признана «несчастливой мыслью». Управление разными национальными группами, включая объявление приказов и цензуру почтовых отправлений, требовало содержания многочисленного штата переводчиков, а также усложнило выбор подходящего для руководства многонациональным лагерем коменданта. Лагерные дирекции в западных районах империи протестовали против размещения там русских военнопленных, настаивая на их дислокации в восточных лагерях, где занятость и обеспечение этих «диких людей» облегчалось бы знанием их нравов[8]. Более серьезной проблемой, нанесшей значительный урон образу Германии на международной арене, стали вспышки эпидемических заболеваний (холеры и тифа), привнесенные в лагеря русскими военнопленными и приведшие к высокой смертности среди менее устойчивых к ним французов и англичан[9].

На формирование политики выделения представителей различных народностей из общей массы российских подданных, которые кстати составляли наибольшую группу в германских лагерях военнопленных, повлияли представления немецкой стороны, что колонизованные и угнетаемые коренными русскими национальные меньшинства воевали против Центральных держав не по собственному убеждению, а по принуждению, и соответственно были предрасположены к сотрудничеству против России[10]. В перспективе привилегированным содержанием и просвещением военнопленных русских немцев, поляков, прибалтов, украинцев, татар и грузин немецкое командование пыталось решить проблему восполнения военных потерь, создать каналы распространения германского экономического и политического влияния на будущие восточно-европейские государства и плацдарм для экономической экспансии на азиатские территории.

В значительной степени на разработку и реализацию этих планов повлияли конкуренция между военными и политическими ведомствами[11], принципиальное противоречие между идеями колонизации восточных областей и создания современных национальных государств, а также пренебрежительное отношение на местах к национальным меньшинствам. Проведение в жизнь агитационных программ затрудняли изначально смутные представления немецкой стороны о населении восточных территорий. Особую роль играло противоречие между привычными для Германии принципами определения национальности и принятым в России самоопределением в соответствии с религиозной принадлежностью. Выделенные на бумаге в качестве отдельных народностей сибиряки и казаки в действительности определяли себя русскими или малоросами и создавали путаницу в статистических данных; напротив, для неожиданно «обнаруженных» в ходе деятельности администрации Обер Ост белорусов ПВМ не смогло сформулировать программу просветительских мероприятий[12].

С течением времени обширные планы национального просвещения военнопленных в Германии корректировались недостатком средств, который в ходе войны становился все более ощутимым, и системой принудительного труда, значение которого для немецкой военной экономики, напротив, все более возрастало. Масштабные планы по сбору военнопленных одной национальности в основном лагере или одном военном округе все чаще наталкивались на сопротивление работодателей, не желающих отдавать уже обученных работников и не воспринимавших уверения в необходимости данного шага в целях увеличения работоспособности пленных[13].

Несмотря на первоначальное убеждение Прусского военного министерства, что насаждение сепаратистских настроений среди российских народностей имеет первостепенное значение, постепенно фактор экономической эффективности принудительного

труда выдвинулся на первый план и способствовал основательной трансформации общей концепции привилегированного содержания и пропаганды. Трудоспособные военнопленные из просветительских лагерей были массово отправлены в рабочие команды, которые, тем не менее, формировались преимущественно по национальному признаку[14]. Агитационные лагеря, где остались только офицеры, представители умственного труда и нетрудоспособные солдаты, превратились в место подготовки агитаторов, которые после интенсивного обучения направлялись в рабочие команды для урегулирования конфликтов с работодателями и проведения просветительских бесед[15]. Военнопленным представителям национальных меньшинств объяснялось, что их успех в борьбе за независимость тесно связан с победой «немецкой идеи», которая на данный момент заключается в обеспечении пропитания немецкого населения[16]. Соответственно, чтобы в будущем основать собственное государство, военнопленные должны были сначала прилежно работать на германскую экономику.

Особое внимание ПВМ уделяло просвещению хозяев, у которых работали представители национальных меньшинств, и охранников рабочих команд. В текст договоров по предоставлению военнопленного на работы, а также в инструкцию для охраны включались условия его особого содержания на уровне немецкого работника: более высокая оплата и лучшая пища, удовлетворение религиозных потребностей и стремления к просвещению, запрет на наименование его «русским» и на использование ругательств и наказаний. Договор и инструкция сопровождались памяткой, в которой кратко и доступно объяснялись причины и мероприятия особого содержания той или иной народности[17].

Военнопленные старательно ограждались от информации, поступавшей в просветительские лагеря извне, если она противоречила общей пропагандисткой концепции. К примеру, Саксонская инспекция лагерей сочла недопустимым раздачу так называемым «крестникам» из Польши и Курляндии именных посылок от Московского городского комитета, так как подобного рода помощь могла вызвать у них чувство благодарности и зависимости от России[18]. Проявлением политики ограничения информации стал запрет для русских немцев, имеющих родственников в США или Канаде, на получение газет, красочно описывавших жизнь заокеанских немецких общин и приглашавших переселенцев к себе[19]. ПВМ каждый раз стремилось подчеркнуть привилегированное положение просвещаемых национальностей по отношению к коренным русским, поэтому исключало их из репрессивных мероприятий[20].

Опасаясь репрессий в адрес собственных подданных, ПВМ прикладывало значительные усилия, чтобы скрыть от России привилегированное содержание национальных меньшинств и в особенности проводимую среди них пропаганду сепаратизма. При организации осмотра мест содержания военнопленных смешанными русско-датскими комиссиями с участием сестер милосердия оно уклонилось от включения в маршрут посещения пропагандистских лагерей и предписало настойчиво отрицать факт их существования[21]. Только в мае 1916 г., когда в ходе визитов немецких сестер в русские лагеря стало официально известно о проводимой русской стороной агитации среди австро-венгерских военнопленных славянского происхождения, ПВМ открыто признало существование просветительских лагерей в Германии[22].

Просвещение российских военнопленных польского, украинского и прибалтийского происхождения

Проблема послевоенного устройства Польши долгое время оставалась ящиком Пандоры, открыть который не решалась ни одна из заинтересованных сторон. Создание польских частей в составе немецкой армии, а тем более образование независимого государства и армии под протекторатом Германии могло затруднить заключение сепаратного мира с Россией, который являлся заветной целью немецкой политики на Восточном фронте; аннексионистские же настроения наталкивались на перспективу увеличения населения империи на 725 тыс. поляков и 94 тыс. евреев. В то же время Германия не могла принять и австрийский вариант образования формально независимого польского государства, привязанного в своей политике к дунайской монархии. Летом 1915 г. было при-

нято компромиссное решение о разделении оккупированной территории «русской» Польши на два генерал-губернаторства: Варшавское, управляемое немецкой военной администрацией, и Люблинское, подчинявшееся австрийскому командованию[23]. Несмотря на заявление Бетмана Гольвега о том, что целью Германии является освобождение Польши от русского ига, германское внешнеполитическое ведомство не выразило ясную позицию в отношении средств ее реализации.

Содержание российских военнопленных польского происхождения не отличалось последовательностью и зависело от позиции Германии в решении польского вопроса в целом. Уже в 1914 г. в ПВМ поступили предложения с мест отделить польских военнопленных от остальных русских, разместить их в особом лагере и предоставить лучшие условия. Подобный шаг, по мнению инициаторов, мог положительно повлиять на настроения населения не только в провинции Познань, но и в Царстве Польском. Данный проект основывался на поведении самих польских военнопленных, объявивших в лагерях о своей лояльности к Германии и не только высказывавших желание быть отделенными от русских, но и на деле дистацировавшихся от них в организации лагерного быта[24]. Прусское министерство аргументировало свой отказ от организации особого содержания и просвещения поляков финансовыми трудностями создания отдельного лагеря и транспортировки туда военнопленных со всей страны. Хотя Берлин разрешил комендатурам отделить поляков от русских в рамках одного лагеря, предоставить знающим немецкий язык возможность работать переводчиками и другими доверенными лицами, а также предусматривал определенные облегчения на физических работах, пропаганды среди польских военнопленных не предполагалось[25].

В сложной для Германии внешнеполитической ситуации 1916 г., когда перспективы сепаратного мира с Россией оставались все так же туманны, а вступление в войну Румынии, напротив, стало реальностью, немецкое Верховое командование приняло решение о создании польской армии. Представители Центральных держав пришли по этому поводу к соглашению, отказавшись однако от объединения генерал-губернаторств и присоединения к будущему независимому государству своих населенных поляками территорий. Независимость Польши, не подкрепленная созданием польского правительства, была провозглашена 5 ноября 1916 г., а через несколько дней был объявлен набор в польскую армию. Это слишком явно раскрыло намерения Центральных держав не только для противника, но и для самих поляков, и способствовало провалу вербовки на территории Польши.

После формального превращения Польши в «союзника» Центральных держав, немецкие военные ведомства оказались в весьма затруднительном положении. Делегация варшавских обывателей, торжественно принятая германским канцлером, потребовала исключительного отношения к полякам и их скорейшего освобождения из лагерей[26]. Одновременно о своей принадлежности к польской национальности объявило около 26 тыс. военнопленных, а офицеры выразили желание вступить в польский легион. Большинство из них рассматривало этот шаг как возможность досрочного освобождения из плена[27].

Дальнейшие шаги Прусского военного министерства в отношении польских военнопленных определялись тремя противоположными целями: необходимостью сохранения рабочей силы на предприятиях Германии, стремлением распространить среди мирного населения польских территорий прогерманские настроения, а также сотрудничеством с Варшавским губернаторством в деле создания польского легиона. Как свидетельствуют предписания, именно первый мотив оказался основным[28]. Прежде всего польским военнопленным было объявлено, что их статус остается неизменным, им категорически запрещалось покидать рабочие места, но разрешалось отделение от русских, кроме того, военное министерство заявило о своей готовности создать просветительские лагеря для нетрудоспособных солдат и офицеров.

Особенностью привилегированного содержания и просветительской политики среди поляков стал ее избирательный характер. Предполагаемые к отправке в один из «поль-

ских» лагерей (Эллванген, Гарделеген и позже Нойштадт) проходили тщательную проверку на предмет их политических убеждений и возможной «полезности» для будущей Польши. В особые лагеря не допускались военнопленные, имеющие близких родственников или собственность в России, а также подозреваемые в симпатиях к ней. Военнопленные, которые в течение определенного времени не демонстрировали успехов, отправлялись обратно. Подобная селекция имела однако отрицательную сторону: оба лагеря постоянно оставались незаполненными, что ставило под вопрос эффективность их содержания[29].

Вследствие принципиальных возражений заместителя начальника Генерального Штаба против вербовки военнопленных в польскую армию заявки на вступление в польский легион откладывались в долгий ящик просветительских лагерей и военной администрации Варшавы. Мотив вступления в армию был использован как стимул для повышения работоспособности военнопленных: добровольцам объяснялось, что в качестве критериев отбора определяется не только примерное поведение, но и прилежный труд. Более активная вербовка началась уже после заключения перемирия на Восточном фронте, когда актуальным стал вопрос о прогермански настроенной буферной зоне на границе с Советской Россией[30].

Политика привилегий в отношении польских военнопленных должна была стать одним из факторов распространения прогерманских настроений среди жителей «союзной» Польши. Чтобы снять противоречия между прокламациями и реальностью немецкой политики занятости военнопленных, ПВМ совместно с Варшавской военной администрацией разработали программу досрочного освобождения из плена поляков, а также предоставления им краткосрочных отпусков на территорию оккупированных областей. Главным критерием ее реализации оставалось обеспечение германской экономики рабочей силой, поэтому в Польшу отправлялись военнопленные, не представлявшие интереса для немецкого хозяйства. Условиями для отправки на территорию Польши были определены наличие земельного владения или другого производства и поддержка ближайших родственников в оккупированных областях. Заключенные позже с австрийским командованием соглашения позволили польским военнопленным посещать родственников и в пределах Люблинского губернаторства[31].

Досрочно освобожденные и отпускники оставались под строгим наблюдением полиции и давали подписку не предпринимать никаких действий против находящихся в Польше германских частей; в случае ее нарушения им грозило возвращение в лагерь и лишение всех привилегий[32]. Хотя количество отпусков было незначительным, само решение о предоставлении возможности военнопленным посещения родственников широко освещалось в польских и немецких газетах[33].

Пропаганда среди польских военнопленных базировалась на исторических экскурсах, которые акцентировали внимание на отрицательных моментах русской имперской политики в Польше, включая подавление польских восстаний и депортацию поляков при отступлении 1915 г., и должны были углубить разрыв с насильно навязанной родиной. Второе направление, заключавшееся в знакомстве военнопленных с немецким языком, культурой, правом и административной структурой, было нацелено на распространение пронемецких настроений, которые позже могли превратиться в ориентир для политики новообразованной независимой Польши. Вспомогательным средством здесь служили библиотеки просветительских лагерей и кинематограф[34]. Распространение газет и журналов строго контролировалось Прусским военным министерством, допускавшим в лагеря исключительно издания немецких ведомств или сторонников примирения из оккупированных областей. Только к маю 1917 г. было принято решение о выпуске специальной газеты для польских военнопленных[35], основной целью которой было сглаживание конфликта между прокламациями немецких политиков в оккупированной Польше и их стремлением сохранить рабочую силу на германских предприятиях. Одним из способов пропаганды стало распространение в лагерях писем жителей оккупированных областей, вступивших в польский легион, а также посещение легионерами родст-

венников в лагерях[36]. Работа на германских предприятиях также рассматривалась как один из факторов просвещения в немецком духе.

В большей степени, чем другие национальные группы, польские военнопленные были восприимчивы к транслируемым кодам. В прошениях в адрес немецких инстанций они стремились упоминать произвол русской администрации и вынужденный характер своего участия в военных действиях против Германии[37]. Кроме того они демонстративно отказывались участвовать в праздновании дня рождения русского императора, несмотря на то, что он был объявлен для всех русских подданных выходным днем[38]. Несмотря на эти ярко выраженные сепаратистские настроения польских военнопленных, их просвещение в германских лагерях затруднялась воздействием стереотипного недоверия немецкой стороны по отношению к полякам и преобладающим значением фактора принудительного труда. Иллюстрируемая на примере политики в отношении военнопленных польской национальности непоследовательность немецких ведомств не позволили достичь основной цели — создания прогермански настроенной Польши.

* * *

В феврале 1915 г. германский МИД определил украинцев в качестве народности, подлежащей отделению от русских военнопленных и просвещению, однако реализация мероприятий была затруднена разразившимися в германских лагерях эпидемиями[39]. Только в апреле того же года ПВМ, подчеркнув важность украинского вопроса, смогло издать общее распоряжение по переводу солдат, а затем и офицеров в просветительские лагеря Раштатт, Вецлар и Зальценведель[40]. В определении необходимости проведения просветительской политики среди украинских военнопленных и создания в их среде прогерманских настроений подчеркивалось экономическое значение Украины для будущей немецкой политики[41]. Однако попытка Прусского военного министерства поставить агитацию среди украинцев выше интересов сельского хозяйства натолкнулись на сопротивление местных органов, опасавшихся срыва сельскохозяйственных работ[42].

Значительную трудность представляла выработка критериев выделения национальной группы из общей массы российских военнопленных, т.к. большинство из них не владело собственно украинским языком и не соблюдало традиций и обычаев «украинской культуры». Единственным зыбким показателем выступало место рождения, поэтому инстанции по работе с военнопленными строго предупреждались от работы с украинцами, высказывающими великорусские воззрения[43]. Необходимость привлечения пленных к принудительным работам способствовала отказу от массовой отправки украинцев в пропагандистские лагеря в пользу тщательного отбора перспективных военнопленных, которые могли быть впоследствии использованы для просвещения своих товарищей в рабочих командах[44].

Сотрудничающий с прусскими и австрийскими военными органами «Союз вызволения Украины» занимался распространением в лагерях изданий на украинском языке и газеты «Украинское слово», воззвания, обращенные к данной группе военнопленных, часто публиковались и в «Русском вестнике». Пропаганда сепаратизма покоилась на двух элементах: негативном, заключавшемся в критике русской политики и государственной организации, и позитивном, знакомящим с яркими моментами и перспективами украинской истории[45]. Внимание читателя акцентировалось на положительном германском влиянии на развитие украинской государственности, России же, напротив, приписывалась негативная роль, заключавшаяся в нарушении условий подписанного Б.Хмельницким договора о полной независимости. Украинцы призывались не проливать свою кровь «за увековечивание русского рабства», а обратиться к помощи Германии-Австрии, дружелюбие которых доказывалось их привилегированным содержанием и предоставлением возможности общаться на родном языке[46].

Значительным препятствием для пропагандистской политики в просветительских и смешанных лагерях стала получившая широкое распространение контрпропаганда, осу-

ществлявшаяся прорусски настроенными военнопленными[47]. По свидетельству очевидцев, русофилы в украинских просветительских лагерях записывали номера военнопленных, изымали украинскую литературу, избивали сепаратистки настроенных военнопленных, пытались атаковать делегатов Союза и распространяли слухи, что немецкое командование будет посылать антирусски настроенных военнопленных на фронт[48]. Это негативно сказывалось на распространении национальных идей, т.к. порождало у представителей национальных меньшинств страх за свою безопасность или опасения за судьбу своих родственников в России. Например, генерал Зелинский, на которого немецкое командование делало особую ставку в деле украинской пропаганды, был вынужден вплоть до революции в России высказывать прорусские настроения даже в беседах с доверенными лицами[49]. Одновременно источники свидетельствуют и о проявлениях индивидуального коллаборационизма, который основывался на двойной заинтересованности военнопленных в изменении политического статуса своей народности и в улучшении собственного положения. К примеру, представители украинской интеллигенции и офицерства — сторонники национально-освободительного движения — пытались своими предложениями скорректировать просветительскую политику немецкого командования в отношении неграмотных солдат[50].

Пропаганда сепаратизма среди украинских военнопленных реализовывалась в тесном контакте с австрийскими ведомствами. По примеру австрийских просветительских лагерей в 1915 г. в Раштатте был создан гимнастический союз «Запорожская сечь», превратившийся позже в батальон с собственной формой и отличительными знаками. Подобные военные формирования распространились и в остальных украинских лагерях. Их представители небольшими партиями в новой форме и при полном вооружении тайно отправлялись в оккупированные области[51] как доказательство твердости намерений Центральных держав основать самостоятельную Украину.

После провозглашения независимого государства в просветительском лагере Ганновер-Мюнден с подачи Прусского военного министерства была образована украинская община — Громада, целью которой стало распространение украинских патриотических идей и сплочение военнопленных для поддержки Центральной Рады. Для укрепления нового движения в Ганновер-Мюнден из других лагерей отправлялись проверенные лица из числа украинских офицеров[52]. К этому времени общая «чувствительность» украинцев к наименованию их русскими возросла настолько, что немецкое командование рекомендовало даже в служебной переписке переименовать просветительские лагеря в «украинские». Немецкие агитаторы стремились связать образ нового государства с политикой Центральных держав, которые создали условия для украинского движения и способствовали возникновению независимой Украины[53].

В период послереволюционного хаоса и неопределенности отношений с Советской Россией для правительства независимой Украины военнопленные в германских лагерях представляли собой готовый материал для формирования новой армии. По соглашению между Радой и немецким Верховным командованием германская сторона обязывалась немедленно предоставить 6 тыс. военнопленных для создания украинских частей. От имени украинского правительства из Раштатта ко всем пленным малороссам был направлен призыв предоставить себя в распоряжение Украинской Рады и защитить родину от большевиков[54]. В первую очередь в распоряжение украинского правительства были предоставлены «запорожские стрелки»[55]. Во избежание увеличения инородных элементов из группы, предназначенной к досрочной отправке, исключались сыновья польских и русских землевладельцев, имеющих собственность на Украине, а также пленные, которые по прибытию на Украину могли повредить немецким интересам[56].

Дальнейшее решение вопроса об украинских пленных было подчинено стремлению Германии укрепить свое влияние в новом украинском государстве. Украинцы стали первой группой бывших русских подданных, которые в результате заключения мира испытали на себе облегчение условий содержания в лагерях и на принудительных работах[57]. По политическим соображением немецкие ведомства шли также на досрочное освобож-

дение отдельных лиц из лагерей[58]. Задержка же основной массы трудоспособных украинцев в Германии вплоть до окончания войны прикрылась разъяснениями, что немедленная отправка военнопленных представляет угрозу для их жизни из-за беспорядков и большевистского террора в самой Украине.

* * *

Сравнимая с польским вопросом дилемма немецкой политики в отношении прибалтийских территорий между стремлением к колонизации оккупированных областей и надеждой на заключение сепаратного мира с Россией повлияли на осторожность немецких военных органов в выборе мероприятий привилегированного содержания и просвещения литовских, латвийских и эстонских военнопленных. Облегчения содержания данных народностей ограничивались их отделением от русских, совместным содержанием с соотечественниками в рабочих командах и лазаретах, увеличением количества посылок и разрешением вести переписку на своем языке. Невозможность организации отдельных богослужений компенсировалась разрешением посещения служб совместно с немецким населением той же конфессии. Длительное время ПВМ подчеркивало нежелательность особой политической агитации[59].

Военнопленные прибалты, численность которых в германских лагерях оценивалась примерно в 10 тыс. человек, рассматривались немецкими военными институтами, особенно Обер Ост, как один из факторов реализации немецких интересов на оккупированных территориях и в будущих независимых государствах. Политикой привилегированного содержания и просвещения немецкое командование намеревалось «пробудить и развить в военнопленных дремлющее национальное чувство, вызывать очуждение по отношению к русскому народу и развить их склонность к немцам». В случае успеха, это гарантировало бы «защиту восточной границы империи от русской угрозы, а также обеспечило бы будущее развитие торговли»[60].

На состоявшемся после Февральской революции в России совещании Верховного командования и Внешнеполитического ведомства было принято решение о включении в сферу немецкого влияния прибалтийских государств-сателлитов в противовес Польше и России. Одновременно началось создание программы по размещению на данных территориях немецких поселенцев[61]. В соответствии с новыми планами интенсивировалась политика по отношению к военнопленным из данных областей. ПВМ и Обер Ост инициировали в лагерях распространение пропагандистских материалов и прилагали настойчивые усилия к восстановлению связи военнопленных с родственниками для преодоления негативного настроя населения по отношению к деятельности немецкой военной администрации[62]. Этой цели должно было способствовать и возвращение в прибалтийские области освобожденных из лагерей крупных земельных собственников, политическая благонадежность которых не вызывала сомнений[63].

* * *

Привилегированное содержание и просвещение национальных меньшинств в лагерях военнопленных в перспективе их использования для достижения военных целей не являлось исключительным признаком германского ведения войны, а вписывалось в контекст развития ситуации на Восточном фронте. Отличием германской политики содержания российских военнопленных стало влияние колониального дискурса, который породил противоречие между планами развития на окраинных территориях России современного национализма, устремлением к колонизации данных областей и необходимостью максимального использования принудительного труда. Восприятие восточно-европейского населения сквозь призму колониальных стереотипов не позволило рассматривать национальные меньшинства в качестве полноценных партнеров и организовать равноправное сотрудничество с ними. Кроме того, стремление к «революю-

ционизации», которая была определена в качестве необходимого условия для укрепления сепаратистских настроений, наталкивалось на опасения по поводу распространения левых идей за пределами лагерей.

Субъективная реакция актеров на транслировавшиеся сверху образцы толкования представляла собой широкую палитру от приспособления к доминирующей риторике и коллаборационизма, до сопротивления, организации контрпропаганды и столкновений на национальной почве. Подобное многообразие не позволяет говорить о безусловных успехах просвещения, но свидетельствует о процессе политизации пленных и подчеркивает актуальность исследования их судьбы после репатриации и их роли в Гражданской войне.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Факт особого содержания народностей Российской империи в германских лагерях военнопленных упоминается во многих современных исследованиях, посвященных теме военного плена Первой мировой войны, однако до сих пор не подвергался комплексному анализу. См.: *Nachtigal R.* Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914–1918. Literaturbericht zu einem neuen Forschungsfeld. Frankfurt am Main 2005. S.32–42, 128; а также: *Auerbach K.* Die russischen Kriegsgefangenen in Deutschland (von August 1914 bis zum Beginn der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution), Diss. Potsdam 1973; *Mitze K.* Das Kriegsgefangenenlager Ingolstadt während des Ersten Weltkrieges. Münster 2000; *Hinz U.* Gefangen im Grossen Krieg. Kriegsgefangenschaft in Deutschland 1914–1921, Essen 2005. Наиболее завершенными являются иллюстрированные публикации берлинских ориенталистов, посвященные мусульманским военнопленным, которые, однако, не вписывают их в систему содержания военнопленных в Германии. См.: *Höpp G.* Muslime in der Mark. Als Kriegsgefangene und Internierte in Wuensdorf und Zossen, 1914–1924. Berlin 1997; *Kahleyss M.* Muslime in Brandenburg. Kriegsgefangene im Ersten Weltkrieg, Berlin 1998.
2. Из последних исследований см.: *Wurzer G*. Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Russland im Ersten Weltkrieg, Göttingen 2005. S.161–181; *Rachamimov A*. POWs and the Great War. Captivity on the Eastern Front, NY 2002; *Nachtigal R*. Russland und seine österreichisch-ungarischen Kriegsgefangenen (1914–1918), Remshalden 2003. S.221–291; *Leidinger H., Moritz V.* Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917–1920, Wien 2003. S.216–226.
3. См., например: *Bihl W.* Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Ihre Basis in der Orient-Politik und ihre Aktionen 1914–1917, Teil I, Wien 1975. S.45; *Remer C.* Die Ukraine im Blickfeld deutscher Interessen. Ende des 19. Jahrhunderts bis 1917/18, Frankfurt am Main 1997. S.172; *Liulevicius V.G.* Kriegsland im Osten. Eroberung, Kolonisierung und Militärherrschaft im Ersten Weltkrieg, Hamburg 2002. S.242.
4. Sächsisches Hauptstaatsarchiv (далее — SächsHSta), 11348, Stellvert. Generalkommando. Nr.142. Отдел полевой железной дороги, 13.8.1914.
5. SächsHSta, 11348, Stellvert. Generalkommando. Nr.142. Besprechung im PKMIN, 18.9.1914.
6. SächsHSta, 11248, Sächsisches Kriegsministerium. Nr.6905. Генерал-квартирмейстер. 22.10.1914.
7. Bayrisches Hauptstaatsarhiv (далее — BayHSta), M Kr. Nr. 1633, ПВМ. 16.11.1914, Смешение военнопленных при их размещении; Nr.1634, ПВМ, 13.1.1915.
8. Württembergisches Hauptstaatsarchiv (далее — HStA Stuttgart), M 400/3, Bü 5, Kommandantur Ulm von 6.3.1915; M 72/2, Bü 92, Inspektion der Kriegsgefangenenlager des XIII. A.K., 2.12.1918. Zur Einrichtung eines Offizier-Gefangenenlagers bei der Mobilmachung.

9. *Gärtner A.* Einrichtung und Hygiene der Kriegsgefangenenlager, in: Hoffmann W. (Hg.), Hygiene. Handbuch der Ärztlichen Erfahrungen im Weltkriege 1914/1918, Bd.VII, Leipzig 1922. S.170.
10. BayHStA, M Kr. Nr.1633, ПВМ, 21.12.1914.
11. См.: *Remer C.* Die Ukraine im Blickfeld deutscher Interessen. Ende des 19. Jahrhunderts bis 1917/18, Frankfurt am Main 1997. S.262.
12. SächsHSta, 11248, Sächsisches Kriegsministerium. Nr.6996. Офицер разведки в Берлине комендатурам лагерей военнопленных. 14.1.1918, (Секретно); HStA Stuttgart, M 400/3, Bü 6, ПВМ, 1.10.1919. К вопросу о белоруссах см.: *Liulevicius, V.G.* Op. sit. S.154.
13. BayHStA, M Kr. Nr.1669. Баварское военное министерство, июль 1918.
14. HStA Stuttgart, M 1/7, Bü 20, ПВМ, 1.1.1916; M 1/8, Bü 222, ПВМ, 1.11.1916; SächsHSta, 11348, Stellvert. Generalkommando. Nr.143, ПВМ, 30.11.1916. В округе инспекции 1 Баварского армейского корпуса, где не было в наличии просветительского лагеря для мусульман, тем не менее на январь 1918 г. насчитывалось 150 чисто татарских рабочих команд, см.: BayHStA, M Kr. Nr.1690; Nr. 1650, ПВМ, 25.4.1916.
15. Так, рабочие команды, в которых работали украинские военнопленные, дважды в неделю посещались членами просветительского комитета лагеря в сопровождении немецкого офицера для раздачи печатной продукции и чтения докладов. См.: BayHStA, Stellv. GKdo II. b. A.K. Nr.545. Лагерь Раштатт. 18.7.1917; *Terletzkyj O.* Op. sit. S.91.
16. BayHStA, Stellv.Generalkommando des III. bayerischen A.K. Nr.174, ПВМ. 10.2.1917.
17. BayHStA, M Kr. Nr.1669. Комендатура лагеря Лехфельд, 20.3.1918. Отчет об особом содержании литовских, латвийских и эстонских военнопленных; Отчет об особом содержании русских немцев.
18. SächsHSta, 11248, Sächsisches Kriegsministerium. Nr.6980. Инспекция лагерей военнопленных военных округов XII и XIX армейских корпусов, 17.8.1916.
19. SächsHSta, 11248, Sächsisches Kriegsministerium. Nr.6950. ПВМ, 18.7.1916. Распространение заокеанских газет среди военнопленных русских немцев.
20. HStA Stuttgart, M 1/6, Bü 823, ПВМ, 30.7.1916; SächsHSta, 11348, Stellvert. Generalkommando. Nr.143, ПВМ, 25.9.1916; HStA Stuttgart, M 1/6, Bü 1425, ПВМ, 12.12.1916; SächsHSta, 11248, Sächsisches Kriegsministerium. Nr.6974, ПВМ, 11.4.1918.
21. BayHStA, M Kr. Nr.1641, ПВМ, 16.9.1915; SächsHSta, 11248, Sächsisches Kriegsministerium. Nr.7081, ПВМ,14.6.1916
22. BayHStA, M Kr. Nr.1650. Протокол заседания ПВМ 26.5.1916.
23. См., *Uhle-Wetter F.* Erich Ludendorff in seiner Zeit. Soldat-Stratege-Revolutiondr. Eine Neubewertung, Augsburg 1996. S. 231; *Leidinger H., Moritz V.* Op. sit. S. 213.
24. Так в офицерском лагере Дебельн польские военнопленные демонстративно отказались присоединяться к организации русской чайной общины, закупив на собственные средства необходимые предметы и продукты. Почти во всех лагерях, где содержались военнопленные данной национальности, были организованы отдельные польские лагерные комитеты. См., SächsHSta, 11352, Stellvert. Generalkommando. Nr.542, ПВМ, 16.11.1914. Также см.: 11348, Stellvert. Generalkommando. Nr.155, Комендатура лагеря Кёнигсбрюк, 1.10.1914; HStA Stuttgart, M 1/8, Bü 230, Санитарное ведомство XIII армейского корпуса, 31.12.1918; ГАРФ. Ф.6169.Оп.1.Д.1. Л.3.
25. SächsHSta, 11248, Sächsisches Kriegsministerium. Nr.6905, ПВМ, 26.10.1914. Раздельное содержание русских поляков в лагерях военнопленных; 11348, Stellvert. Generalkommando. Nr.155, Комендатура лагеря Кёнигсбрюк, 1.10.1914; BayHStA, Stellv. GKdo II. b. A.K. Nr.555, ПВМ, 3.2.1915. Военнопленные русские поляки; M Kr. Nr.1646, ПВМ, 26.1.1916.
26. ГАРФ. Ф.541.Оп.1.Д.284.Л.1.
27. HStA Stuttgart, M 1/7, Bü 24, Комендатура лагеря Ульм, 28.1.1917.
28. BayHStA, Stellv. GKdo II. b. A.K. Nr.555, ПВМ, 15.9.1916, Совместное размещение военнопленных поляков; M Kr. Nr.1689, ПВМ, 26.10.1917; HStA Stuttgart, M 77/1, Bü 823, ПВМ, 18.8.1917; ПВМ, 24.12.1917. Настоящее положение военнопленных поляков.

29. SächsHSta, 11248, Sächsisches Kriegsministerium. Nr.6971. Комендатура лагеря Бишофсверда, 9.11.1916; 11348, Stellvert. Generalkommando. Nr.143, ПВМ, 27.12.1916; BayHStA, M Kr. Nr.1665. ПВМ, 6.7.1918.
30. BayHSta, St.GKdo I.A.K. Nr.1986, ПВМ, 20.12.1916, Положение военнопленных поляков; M Kr., Nr.13436. Комендатура лагеря Розенберг-Кронах, 1.2.1917. Вступление в польскую армию; Nr.1694. Комендатура лагеря Плассенбург, 26.5.1918; SächsHSta, 11348, Stellvert. Generalkommando. Nr.165. Инспекция легерей военнопленных военных округов XII и XIX армейских корпусов, 1.1.1918.
31. BayStA, Stv.GenKdo I. A.K. Nr. 2003, ПВМ, 29.7.1916.
32. HStA Stuttgart, J 151, Bü 1674, Оповещение военной администрации Варшавы, 8.1.1916; SächsHSta, 11350, Abwicklungsamt des XII. A.K. Nr. 120, ПВМ, 1917.
33. Так, по данным Инспекции лагерей военнопленных военных округов XII и XIX армейских корпусов из подотчетных ей лагерей отпуск был предоставлен только 37 полякам. См.: SächsHSta, 11348, Stellvert. Generalkommando. Nr.727, Отчет о деятельности инспекции, Июль 1918. К освещению мероприятий среди польского населения см.: BayHStA, M Kr. Nr.1687, Генерал-губернаторство Варшавы, 24.4.1917.
34. HStA Stuttgart, M 77/1, Bü 819, ПВМ, 8.7.1916.
35. См.: HStA Stuttgart, M 1/8, Bü 222, ПВМ, 20.10.1916; к созданию газеты для польских военнопленных: SächsHSta, 11248, Sächsisches Kriegsministerium. Nr.6950, ПВМ, 20.5.1917. Газеты для польских военнопленных; BayHStA, M Kr. Nr.1688, ПВМ, 9.8.1917.
36. SächsHSta, 11348, Stellvert. Generalkommando. Nr.620. Комендатура лагеря Дёбельн, 29.7.1915, Выписка из письма польского легионера в офицерский лагерь,
37. BayHStA, M Kr. Nr.1687. Прошение польского военнопленного в генерал-губернаторство Варшавы, 4.2.1917.
38. SächsHSta, 11348, Stellvert. Generalkommando. Nr.159. Комендатура лагеря Кенигсбрюк, 23.2.1916.
39. HStA Stuttgart, M 77/2, Bü 33, ПВМ, 13.2.15; BayHStA, M Kr. Nr.1635. Баварское военное министерство, 16.2.1915.
40. BayHStA, Stellv. GKdo II. b. A.K. Nr.555, ПВМ, 26.4.1915; HStA Stuttgart, M 1/6, Bü 1495, ПВМ, 24.6.1915. Отсутствие точных сведений об общей численности украинских военнопленных в лагерях Германии объясняет разницу в данных, приводимых исследователями (от 30 тыс. в германских лагерях до 300 тыс. человек в лагерях Центральных держав). См.: *Remer C.* Die Ukraine im Blickfeld deutscher Interessen. Ende des 19. Jahrhunderts bis 1917/18, Frankfurt am Main 1997. S.261.
41. BayHStA, M Kr. Nr.1638, «Украина и война. Размышления Союза освобождения Украины», 1915.
42. HStA Stuttgart, M 1/6, Bü 1422, ПВМ, 1.8.1915; BayHStA, Stellv. GKdo II. b. A.K. Nr.555, ПВМ,10.8.1915. Дальнейшее совместное размещение украинцев; BayHSta, M.Kr. Nr. 1648, ПВМ, 11.3.1916.
43. SächsHSta, 11248, Sächsisches Kriegsministerium. Nr.6996. Комендатура лагеря Дебельн, 1917.
44. BayHStA, M Kr. Nr.1645, ПВМ, 26.11.1915. Украинцы в Баварии; HStA Stuttgart, M 77/2, Bü 33, ПВМ, 10.12.1917. Просвещение военнопленных.
45. См.: *Terletzkyj O.* Die Ukrainer in Deutschland 1915–1918. Lager Rastatt. Kiew 1920. S.24–25.
46. BayHStA, M Kr. Nr.1638, «Украина и война. Размышления Союза освобождения Украины», Мюнхен 1915; SächsHSta, 11348, Stellvert. Generalkommando. Nr.163, ПВМ, 2.3.1917; 11248, Sächsisches Kriegsministerium. Nr.6950. «Доверительное сообщение украинца своим товарищам» («Vertrauliche Mitteilungen eines Ukrainers an seine Kameraden»).
47. К вопросу о контрпропаганде среди военнопленных Австро-Венгрии см.: *Nachtigal R.* Op. sit. S.230.

48. SächsHSta, 11248, Sächsisches Kriegsministerium. Nr.6996. Комендатура лагеря Дебельн, 1917; *Terletzkyj O.* Op. sit. S.30–31.
49. SächsHSta, 11248, Sächsisches Kriegsministerium. Nr.6970. Комендатура лагеря Бишофсверда, 9.2.1916.
50. BayHStA, M Kr. Nr.1646, ПВМ, 29.1.1916.
51. *Terletzkyj O.* Op. sit. S. 53, 70, 95,107–108.
52. SächsHSta, 11348, Stellvert. Generalkommando. Nr.562, ПВМ. 18.2.1918; Nr.143, ПВМ, 6.3.1918, Перевод украинских офицеров в лагерь Ганновер-Мюнден (Секретно).
53. SächsHSta, 11348, Stellvert. Generalkommando. Nr.166, ПВМ, 31.5.1918. Переименование русского лагеря Раштатт в украинский лагерь.
54. BayHStA, M Kr. Nr.1691, ПВМ, 14.3.1918.
55. *Terletzkyj O.* Op. sit. S.125.
56. HStA Stuttgart, M 77/1, Bü 915, ПВМ, 23.5.1918 (секретно)
57. BayHStA, Stellv. GKdo II. b. A.K. Nr.555, ПВМ, 20.2.1918.
58. Например, подобным образом был освобожден из лагеря Ингольштадт в Баварии тесть военного министра Украины, см.: BayHStA, M Kr. Nr.1691. Баварское военное министерство, 22.3.1918; Nr.1666. Военная комиссия немецкой делегации на Украине, 7.8.1918.
59. HStA Stuttgart, M 1/8, Bü 226, ПВМ, 11.2.1916, (Секретно). Особое содержание литовских, латвийских и эстонских военнопленных; SächsHSta, 11248, Sächsisches Kriegsministerium. Nr.6994, ПВМ, 22.10.1917; BayHStA, M Kr. Nr.1688. Инспекция лагерей военнопленных военного округа II армейского корпуса, 18.8.1917.
60. SächsHSta,11352, Stellvert. Generalkommando. Nr.562. Комендатура лагеря Лехфельд, Памятка для работодателей по просвещению прибалтийских военнопленных.
61. *Liulevicius V.G.* Op. sit. S.245–246.
62. BayHStA, M Kr. Nr.1690, ПВМ, 9.1.1918; Nr.1691, ПВМ, 20.3.1918; Nr.1695, ПВМ, 23.9.1918. Чтиво для военнопленных прибалтов; SächsHSta, 11248, Sächsisches Kriegsministerium. Nr.6950, ПВМ, 21.3.1918. Газета для эстонских военнопленных; 11348, Stellvert. Generalkommando. Nr.150, ПВМ, 10.10.1918. Обмен корреспонденцией военнопленных эстонцев, латышей и литовцев.
63. HStA Stuttgart, M 1/6, Bü 1429, ПВМ, 14.4.1918; BayHStA, Stellv. GKdo II. b. A.K. Nr.555, ПВМ, 8.12.1917. Протокол совещания по поводу литовских, латвийских и эстонских военнопленных; Nr.275. Командование Оберост, 22.4.1918.

O.S. NAGORNAYA

PROPAGATION OF SEPARATISM AMONG EAST EUROPE NATIONALITIES OF RUSSIAN EMPIRE IN GERMAN CAMPS OF WAR PRISONERS DURING FIRST WORLD WAR

The article considers the privileged maintenance and propagation among representatives of the East Europe nationalities within Russian Empire in German war prisoners' camps during the First World War. Using propaganda Germany tried to realize its military purposes and provide means of colonization of the East Europe area as a long term perspective. Determining factors of the given policy were colonial stereotypes in relation to the East Europe nationalities, the contradiction between aspiration to colonization and the leaflets of the independent states, a competition of diplomatic and military departments, development of forced labour system, and also anxiety about propagation path for revolutionary ideas outside camps. Inconsistency of this policy had not allowed to reach the aims, however, undoubtedly, it contributed to politization of the whole amount of war prisoners and their use by various forces in «European civil war».

П.В. БАТУЛИН (Челябинск)

ВОЕННАЯ ЦЕНЗУРА В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ 1917–1918 ГГ.: ПРОБЛЕМА СУЩНОСТИ И ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

В период «архивной революции» 1990-х гг. резко возрос интерес к массовым источникам советского периода, отражающим, с одной стороны, политический контроль государства над населением, а с другой — массовое сознание этого населения (менталитет и настроения)[1]. Среди них — и документы военной цензуры и перлюстрации[2], которые и ранее интересовали исследователей в качестве источника по массовому сознанию, но тогда по условиям времени внимание было приковано к дореволюционному периоду[3].

Однако, в отличие от прежнего узкого способа их использования, ныне материалы военной цензуры (наряду с документами других видов политического контроля) оказались связанными с дискуссиями о происхождении и природе советского режима. Так, введенный В.С.Измозиком термин «политический контроль»[4] имеет универсальный характер («неотъемлемая черта жизни любого современного государства»), что, конечно не исключает специфику, характерную для авторитарных режимов[5]. При таком подходе изучение политконтроля (включая военную цензуру) оказывается связанным с вопросами типологии политических режимов, на что прямо указывается в зарубежной историографии. В частности, возможность использования документов политконтроля стала, по-видимому, одной из причин проявления в историографии новой оппозиции в оценке советского строя (на смену противопоставления тоталитаризм — ревизионистские подходы): модернизм — неотрадиционализм[6]. Сходство советского «надзора» (surveilance) с дореволюционным, периода Первой мировой войны, и зарубежным было одним из оснований модернистского подхода: согласно ему «надзор» — новое явление в развитии политического строя европейских государств, которое представляет собой не просто осведомление о возникающих спонтанно настроениях, но средство воздействия и контроля за результатами действий государства по приданию населению желательных свойств. При таком подходе государство, которое стремится теперь придать новую форму обществу (а не просто, как ранее, управляет территорией и отражает интересы наличных групп), считается важнейшей особенностью политических систем XX в. во всех странах[7]. Зарубежный подход отличается от отечественного: в отечественной литературе на первом плане — преемственность советской перлюстрации с дореволюционной и функциональное родство их как части сыска[8], т.е. хотя нет внимания к проблеме связи большевизма и модерности и перерождения европейской государственности во время и после Первой мировой войны, но в частных выводах есть определенная близость к неотрадиционалистскому подходу.

Изучение дореволюционного и советского политконтроля как с точки зрения преемственности функций и форм сыска до и после революции, так и с точки зрения соотнесения его с проблемой места советского строя в европейском контексте мало продвинулось с тех пор (включая военную цензуру)[9], поэтому следует рассмотреть его заново на примере этого одного его вида[10]. Для чего следует кратко показать значение военной цензуры, придаваемое ей в период Первой мировой войны и революции, т.к. именно оно определяет смысл ее введения, развития и деятельности (тем более что П. Холквист уделил мало внимания этому вопросу, пытаясь охарактеризовать преимущественно объективную сторону — масштаб ее деятельности и характер ее сводок о настроениях — и провести международные параллели). Т.е. была ли военная цензура тем средством надзора или политконтроля, которое в ней обычно видят ныне (и когда им стала) ?

Несмотря на прерывистость истории военной цензуры — вследствие ее развертывания во время войн и свертывания ее в мирное время — к войне 1914–1917 гг. в русском военном ведомстве существовали определенные традиции организации и осуществления военной цензуры собственно военного времени, которые восходили к русско-турец-

кой войне 1877–1878 гг.[11] В 1870-е гг. как армия, так и печать стали приобретать характерные для позднейшего времени черты: большое значение новой военной техники и средств связи, комплектование армии путем мобилизации резервистов, быстрые переброски войск по железным дорогам, пропаганда своих успехов и дезинформация противника и т.д., возрастание независимости печати от правительства и укрепление собственных источников информации у печати (в частности, военных корреспондентов[12]), постоянный рост числа органов печати и их читателей и усиление значения печати как доходного предприятия, превращение газет, вследствие этих новых их черт, в инструмент отражения и формирования общественного мнения внутри страны, а не только за границей, с вытеснением ими журналов с этой роли, и др. По опыту этого золотого века военной журналистики военная мысль отметила повышение роли печати как источника разведданных (хрестоматийным стали примеры из франко-прусской войны), а вот роль почтовой корреспонденции в этом сводилась к захвату переписки противника, преимущественно казенной, своею кавалерией.[13]

Непосредственно же на внимание военных деятелей к военной цензуре накануне мировой войны влиял негативный опыт русско-японской войны. В ее ходе обнаружилась несостоятельность российских разведки и контрразведки и вообще неумение обеспечить секретность в армии (по сравнению с японцами[14]), что впоследствии широко обсуждалось в военной среде, также выяснилась неспособность военного ведомства (и в целом правительства) формировать благоприятное для себя общественное мнение, а критика прессы распространилась на секретные оперативные сведения, и в условиях общего ослабления возможности властей воздействовать на печать в революционном 1905 г. печать делала даже прямые нападки на военную цензуру[15]. Для выработки мер по устранению этих дефектов и обеспечения в будущих войнах секретности с 1905 г. действовали несколько комиссий по выработке положения о военной цензуре в военное время (окончательный проект положения был разработан в 1911–1914 гг. в комиссии под председательством генерал-квартирмейстера Главного Управления Генерального Штаба Ю.Н.Данилова), а политическое воздействие правительства на печать осуществлялось с 1905–1906 гг. согласно временному либерализованному законодательству, повсеместно отменившему предварительную цензуру — штрафами, конфискациями номеров и т.д. (вплоть до ареста и высылки и т.д. — в местностях действия закона от 14 августа 1881 г.), а подготовка нового закона о печати стала важным вопросом политической жизни[16].

Но понимание основной задачи военной цензуры — ограждение военной тайны — не изменилось под влиянием русско-японской войны, т.к. оно уже сформировалось ранее: в военно-научной литературе того времени постоянно указывалась опасность раскрытия печатью военных планов или уже проводимого маневра, а почты и телеграфа — как средств шпионской связи (т.е. подсобного средства агентурной разведки, а не самостоятельного)[17]. Негласная практика недавней войны вроде бы подтверждала такой взгляд (с помощью контроля переписки были арестованы несколько японских шпионов[18]), а в начале 1910-х гг. ряд корреспондентов иностранных газет в Петербурге попали под наблюдение как подозреваемые в шпионаже.[19] Однако взгляд на задачи военной цензуры несколько отделял ее от контрразведки: по опыту русско-японской войны ее задачей в области частной переписке указывалось противодействие оглашению «случайных по недоразумению отправителей ее известий секретного характера», а для борьбы со шпионством — использовать др. средства («в руках военной полиции»).[20] В итоге, именно ограждение военной тайны провозглашало своей целью и Временное положение о военной цензуре, введенное в действие 20 июля 1914 г.[21]

Преимущественное внимание к борьбе за соблюдение секретности имела веские основания: для периода до Первой мировой войны характерна в общеевропейском масштабе беззаботность офицеров в соблюдении секретности, широкие их контакты с зарубежными коллегами и вообще отсутствие преобладания государственной секретности над частной. Например, характерные черты: главным потребителем шифров и кодов

была коммерческая переписка, в газетах широко было распространено помещение частных шифрованных объявлений[22], широко распространено сотрудничество между офицерами разных стран и терпимое отношение к любительской разведке (она считалась необходимым элементом обучения офицеров)[23], австрийские офицеры обсуждали секретные планы в венских кафе, а с документами — работали на дому[24]; и корреспондент «Русского слова» В. Краевский, выдавая себя за британца П.Палмера, мог слать корреспонденции из Токио[25] (при том, что строгое соблюдение военной тайны японской стороной в войне 1904-1905 гг. производило на иностранных наблюдателей не меньшее впечатление, чем на русских[26]). Возможно, тогдашние формы социальных связей, более персонализированные, чем ныне, препятствовали осуществлению формализованного контроля за информацией, какого требуют современные подходы к обеспечению секретности[27].

«Золотой век военной журналистики» закончился в августе 1914 г., поскольку во всех воюющих странах был ограничен доступ корреспондентов в район действующей армии (вместе с цензурой в той или иной форме), взамен чего для информирования публики главные командования стали издавать бюллетени. Все же в начале войны редакции пытались действовать в прежнем духе конкуренции и сенсаций (так, сообщение о вторжении германцев в Бельгию дано «Дейли Телеграф» уже 3 августа, не только до официального сообщения, но и на сутки раньше других газет), и ввиду недопущения корреспондентов в армию те же британские редакции стали пользоваться услугами большого числа неофициальных добровольцев, но затем последовали аресты ряда нежелательных для армии корреспондентов. Однако, начиная с лета 1915 г. корреспонденты стали допускаться в ограниченном количестве для воздействия на общественное мнение (прежде всего — нейтральных стран, особенно США), т.к. печать в ходе войны хорошо зарекомендовала себя как средство пропаганды[28]. В России сначала газеты также получили отказ в допуске корреспондентов в армию и уже с начала сентября 1914 г. последовали многочисленные приказы о недопущении корреспондирования офицерами в газеты[29]. Однако эти меры долгое время не были эффективными из-за мнения о допустимости и желательности для общества таких действий[30] (распространенного среди офицеров, видимо, по причине высокой оплаты таких корреспондентов — даже начальник Бюро печати Ставки сотрудничал в «Вечернем времени»[31]). Во время немногочисленных организованных Ставкой поездок корреспондентов преимущество получали представители зарубежных изданий: в первой поездке корреспондентов в конце сентября 1914 г. из 10 только 3 представляли отечественные издания, а далее были случаи допуска корреспондентов из нейтральных стран по просьбе МИД, организация для иностранцев бесплатного транспорта, питания и т.д.[32] Только через год с лишним после начала войны и в связи со сменой Главковерха и его начштаба при Ставке было организовано Бюро печати для налаживания отношений с отечественной прессой[33]. Таким образом, отношение в России к главному, по довоенным представлениям, объекту военной цензуры, отечественной печати, было скорее охранительным, чем пропагандистским.

Что касается собственно военной цензуры, то ее развитие в России сходно с развитием контрразведки, т.е. оно шло со значительным запаздыванием по сравнению с потребностями, что в конце концов вызвало беспокойство командования. Формирование контрразведывательных отделений в действующей армии и их работа в первые месяцы войны не носили планомерного характера, как отмечал в циркулярном письме от 15 февраля 1915 г. генерал-квартирмейстер Ставки Ю.Н.Данилов, что связывается современными исследователями с довоенным представлением о скоротечности будущей войны, а появление интереса командования к контрразведке — с делом Мясоедова, в результате чего «Наставление по контрразведке в военное время» было утверждено только 6 июня 1915 г.[34]. Организация военной цензуры также оказалась внутренне слабо согласованной, т.к. по Временному положению от 20 июля 1914 г. она делилась на два района — действующей армии, под руководством командования (где осуществлялась в полном объеме, т.е. с обязательной предварительной цензурой печати и цензурой всей кор-

респонденции), и тыловой, под руководством Главной Военно-цензурной комиссии при ГУГШ. Но и в каждом из этих районов систематической работы не было: только в конце октября 1915 г. прошло совещание начальников цензурных отделений трех фронтовых штабов (по вопросам координации цензуры фронтовой печати, недопущения помещения в ней излишних подробностей помимо бюллетеней Ставки, способа информирования Бюро печати Ставки этими местными сведениями для отбора там части сведений для бюллетеней, и недопущения передачи сведений помимо Ставки в тыловую печать и агентства), а Главная военно-цензурная комиссия, как отметило 7 ноября 1915 г. частное совещание у врио нач. Главного управления по делам печати, не собиралась, ее вопросы решал нач. ГУГШ ген. Беляев. 12 января 1916 г. от должности председ. Петроградской военно-цензурной комиссии был отстранен ген.-майор Струков, поскольку им не проводилась выемка не только внутренней корреспонденции (Петроград относился к району действующей армии, с полной цензурой), но без присмотра оставлялся и трансграничный кабель датской компании, не велся учет денежных средств, сотрудники принимались на службу без справок о них у контрразведки, сам этот начальник обвинялся в корыстных связях со страховыми компаниями, продолжавшими сношения со своими германскими коллегами[35].

Но и после раскрытия таких явных недостатков и злоупотреблений российская военная почтово-телеграфная цензура не соответствовала задачам помощи другим ведомствам, борющимся с неприятелем. В мае 1915 г. в Париже прошло совещание представителей Антанты о мерах для более полной экономической изоляции центральных держав, где представителям России и Италии рекомендовалось следовать опыту более продвинутых в этом отношении Британии и Франции. Для реализации этого постановления в России 11 сентября 1915 г. Николай II утвердил особый журнал Совета министров об учреждении «Особого междуведомственного комитета по ограничению снабжения торговли неприятеля» при Министерстве Торговли и Промышленности, председателем которого был назначен П.Б.Струве. КОС, к работе которого привлечены известные экономисты и ученики Струве, изучал экономическое положение Австрии и Германии, готовил проекты соглашений с правительствами нейтральных государств о гарантиях непопадания к неприятелю ввозимых в эти государства российских товаров, а также составлением черного списка иностранных лиц и фирм, замеченных в торговле с неприятелем[36]. В числе источников информации КОС (равно как и у британских и французских аналогов) была военная почтово-телеграфная цензура, которая в период обеих мировых войн рассматривалась в англосаксонских странах как важнейший источник сведений для экономической блокады[37]. Однако этот черный список был утвержден лишь при Временном правительстве[38], и по утверждению Самюэля Хора, направленного для проверки эффективности британского разведывательного сообщества в России и постановки в ней дела блокады Германии (и которого также и Струве привлек к работам КОС), русские без его помощи не смогли бы составить этот список[39]. Между тем, Хор, возможно, и был тем самым британским офицером, который, по утверждению бывшего начальника британской почтово-телеграфной цензуры, обнаружил полную беспомощность российской цензуры в перехвате германской коммерческой и иной корреспонденции, шедшей через Скандинавию и Россию в Азию и Америку, и в работе с кодами, а также бесполезную с точки зрения снабжения союзников почерпнутой из коммерческой и иной переписки информацией. Также утверждается, что он не преуспел в попытке помощи в ее реорганизации (добился лишь прекращения пропуска германских сообщений через Россию)[40] — отечественная цензура, можно сказать, все время отставала на шаг в своем развитии от встающих перед ней задач.

Таким образом, в период 1914 — начале 1917 г. в основе развития военной цензуры лежало стремление воплотить в жизнь довоенные установки о военной цензуре как средстве обеспечения секретности, а также решить выявившиеся в ходе войны вопросы о ее международном и межведомственном взаимодействии; функция ее как органа политконтроля в меньшей степени принималась во внимание при реорганизациях. Именно

осуществление функций, возложенных на военную цензуру изначально, и необходимость совершенствования межведомственных отношений было главной движущей силой развития и изменения российской военной цензуры в Первую мировую войну, по нашему мнению, и только в меньшей степени — изменение отношений государства и общества или использование ее в качестве органа политконтроля.

Но, конечно, опыт русско-японской войны имел и другую травматическую сторону: морально разлагающее влияние печати в тылу (особенно с началом революции 1905 г.). Эта проблема относилась скорее к ведомству Главного управления по делам печати МВД (и в собственно военной публицистике этот вопрос далеко не всегда педалировался), но согласно Временному положению 1914 г. военная цензура была дополнением к законодательству о печати, т.е. должна была взаимодействовать с ГУП МВД, и поэтому как сама военная цензура приобрела сразу же приобрела политический характер[41], так и вопрос о ее усовершенствовании. Ввиду приближения открытия сессии Гос. Думы министр внутр. дел кн. Н.Б.Щербатов 11 июля 1915 г. сообщил нач. штаба Верховного Главнокомандующего Н.Н.Янушкевичу проект реформы, согласно которому тыловая военная цензура должна была сделаться ширмой для воздействия на печать со стороны гражданских ведомств во главе с МВД, на что тот дал отрицательное заключение (такой подход был отвергнут при разработке Временного положения до войны, тыловая печать и так подает материалы в военную цензуру по добровольному соглашению, нужно улучшать кадры и т.д.). Более того, когда 28 июля в Ставке была получена телеграмма с жалобой председателя Гос. Думы Родзянко на запрещение в Киеве печатать речи членов ее от левых партий (даже патриотические), Янушкевич 31 июля отдал телеграммное распоряжение командующим фронтами и армиями об аккуратном употреблении военной цензурой Перечня и с предостережением от произвола. Однако после принятия на себя Николаем II обязанностей главнокомандующего это распоряжение было отменено 13 сентября 1915 г. по всеподданнейшему докладу премьера И.Л.Горемыкина (возможно, в связи с выходом Прогрессивного блока из-под правительственного контроля, правительственных разногласий и роспуска Гос.Думы) и повторно 7 января 1916 г. письмом начштаба Ставки Алексеева командующим фронтами (стоя за налаживание отношений с печатью, он не спешил проводить отмену в жизнь до специальной просьбы МВД).[42] Некоторое заигрывание прежней Ставки с печатью, возможно, было выражением стремления Главнокомандующего вел.кн. Николая Николаевича поддержать свою популярность и обеспечить поддержку печатью угодных ему и популярных среди общественности назначений на места, освободившиеся от Сухомлинова, Щегловитова и др. (более явных мер, вроде инициативы встреч с общественностью, он позволить себе не мог, чтобы не испортить отношений с Николаем II[43]). В конце 1915–1916 гг. центр тяжести пропагандистских усилий был перенесен в полностью лояльный царизму МВД (вторая попытка провести меры для создания благоприятного общественного мнения, после неудачи правительства в этом деле в 1906–1910 гг.: организовать лжерабочую и лжелиберальную печать, скупить акции «Нового времени» и т.д.), а военной цензуре придавалась роль скорее репрессивная. Поэтому, когда Гос. Дума утвердила 11 марта 1916 г. правительственный проект Положения о военной цензуре, вводящий ее повсеместно, но с поправками против политического ее применения, дальнейшего хода он не получил[44].

Такое колебание правительственного курса в отношении печати и цензуры, конечно, не позволяло выработать какой-либо новый взгляд на значение военной цензуры, а только отражало текущую политическую ситуацию, в которой военная цензура оставалась инструментом и символом интриг разных течений правительственного лагеря друг с другом и с общественностью и не сделалась средством консолидированной правительственной политики (ее единства просто не было) — т.е. военная цензура стала просто новой фигурой на поле политической игры.

После Февральской революции политическая цензура в лице ГУП МВД была упразднена, но военная сохранена: 13 марта был опубликован очередной Перечень, 14 марта Временное правительство признало необходимым выработать правила военной и

военно-морской цензуры, 26 июля 1917 г. были утверждены Временные правила о специальном военном почтово-телеграфном контроле и вторые — о военной цензуре печати[45]. Военную цензуру печати осуществить, можно сказать, не удалось: с одной стороны, печать нарушала всяческие запреты, а с другой стороны, самочинную политическую цензуру осуществляли на местах всякого рода местные власти без оглядки на законы[46], даже в Петрограде военно-цензурная комиссия была укомплектована только к 19 сентября 1917 г. и вряд ли приступила к работе[47]. Реорганизация почтово-телеграфной цензуры (только тыловой — Временные правила сохранили в силе прежнюю организацию ее на фронте) была более успешной: создана независимая от цензуры печати система ее органов - Центральное военное почтово-телеграфное контрольное бюро при ГУГШ и местные ВПТКБ, с сокращением их числа до 17 и их укрупнением для упорядочивания контроля корреспонденции (исходящую международную почтовую корреспонденцию предполагалось просматривать в 9 пунктах, входящую — в 8, всю международную телеграфную — в 9, военнопленных исходящую — в 9, входящую — в Москве и Петрограде и транзитную международную — только в Петрограде)[48]. Мотивы реорганизации хорошо показывают материалы совещания по преобразованию фронтовой цензуры представителей штабов фронтов и военных округов района ТВД 16–19 сентября 1917 г., т.к. оно созвано в ГУГШ под председательством генерал-квартирмейстера Н.М.Потапова и помощника обер-квартирмействера Раевского, курировавших спецслужбы и цензуру в тыловом районе. По мнению представителей ГУГШ, целью реорганизации почтово-телеграфной цензуры должно быть установление более тесной связи с контрразведкой, причем отмечалось, что «в задачу контрразведки не входит борьба с внутренней политической пропагандой» — в результате, несмотря на возражения отдельных представителей с фронта (парированных указанием на большее растлевающее действие печати, чем почты), постановлено отменить цензуру входящей в армию почты (кроме выборки по секретным спискам), цензуру международной корреспонденции передать системе тыловых органов почтово-телеграфного контроля, сохранив в полном объеме цензуру исходящей из армии корреспонденции и входящих телеграмм[49]. Этот подход был не только мерой по приспособлению военной цензуры к новому политическому режиму, но и воплощением общей тенденции к «чистой контрразведке», распространенной и в дофевральский период: еще в период разработки «Наставления по контрразведке в военное время» ген. М.Д.Бонч-Бруевич, обследовавший постановку ее на фронтах по заданию Ставки, отмечал отклонение контрразведывательных отделений от борьбы со шпионажем и указывал на необходимость ей следовать этой главной цели.[50] На этом эволюция в дооктябрьский период теоретического взгляда на военную цензуру закончилась — опыт войны выделил ее в отдельную от политики сферу деятельности и показал ее связь с контрразведкой, а не только с секретностью, как представлялось до войны. Однако опыта практического применения этого подхода получено не было из-за октябрьского переворота.

Таким образом, в опровержение модернистского взгляда, в императорский период и период Временного правительства военная цензура развивалась не под влиянием стремления получать точные сведения о населении для контроля за результатами воздействием государства на него (способность к согласованному его воздействию сомнительна в виду разобщенности правительственного лагеря), а в условиях эволюции довоенного теоретического взгляда на нее (с конечной идеей отказа от связи ее с цензурой политической и установления более тесных связей с контрразведкой и другими спецслужбами).

Отсутствие идеи надзора за населением как средства воздействия и контроля за ходом и результатами правительственной политики придания новой формы обществу (surveillance) видно не только из эволюции идейно-теоретических основ военной цензуры, но и из практической деятельности почтово-телеграфной цензуры. Так, изменение процента изъятий писем в 1917 г. свидетельствует в пользу охранительного характера военной цензуры в дофевральский период. В отчете 2-й группы Отдела военного контроля по просмотру корреспонденции военнопленных указано, что в первые 2 месяца

года изымался гораздо больший процент писем (за февраль из 908411 прочитанных — 94926 или 10,45 %), тогда как в послереволюционные месяцы процент изъятий упал до 0,75 (сентябрь: 9592 из 1278328) и ниже (0,71 % в ноябре: 8969 из 1258997 — т.е. октябрьский переворот оказал меньшее воздействие, чем февральский)[51]. Здесь видится полная аналогия с цензурой печати: до февраля почтовый контроль имел значение такой же охранительной цензуры, как и цензура печати (только в области частных коммуникаций, а не СМИ), а после свержения царизма он, как и она, были либерализованы (очевидно, что если бы почтовый контроль рассматривался преимущественно как средство воздействия на сознание масс, то такого радикального сокращения числа изъятий не последовало бы).

На примере тыловых почтово-телеграфных контрольных бюро также видно, что формы отчетности не стремились дать точную сводку каких-либо фактов, а скорее излишне служили выражению субъективности цензора, стремлению его приспособиться к требованиям текущей политики. Собранные в сводках из писем сведения об экспорте, импорте, промышленности, товарообмене, урожае в разных частях страны, курсе рубля за границей могли бы быть собраны другими учреждениями и без помощи цензуры; некоторую самостоятельную ценность имели сведения о настроениях общества и русских военнопленных — но подача их подчас была излишне субъективной. Скажем, если в февральский период отмечалось, что «в еврейских письмах из России бросается в глаза засилие евреев во всех областях нашей государственной жизни», то в советский период можно было прочесть уже, что «черные пятна стушевываются и эра новой жизни загорается перед нашими глазами»[52]. По нашему мнению, изучение функций сводок о настроениях было бы более плодотворно, если бы их эволюция рассматривалась как эволюция форм отчетности. Ни сводки фронтовых учреждений, ни тыловых не были приспособлены к их непосредственному использованию другими учреждениями, как это было бы, если бы они были частью надзора за приданием населению нужных свойств — это скорее отчеты о работе цензурных органов за некоторый период времени. Сходные отчетные функции имели, скажем, и ежегодные отчеты о состоянии общества еще III отделения с.е.и.в Канцелярии в середине XIX в. — просто в сводках периода мировой войны, менее явно звучит мотив оценки значения представленного в обзорах материала и заслуг ведомства (т.к. вообще документы этого позднейшего периода имеют меньше черт публицистики, характерных для раннего, доиндустриального периода)[53]. Поэтому появление новых отчетных документов о настроениях масс может вовсе не свидетельствовать об изменении подхода к управлению населением, а отражать только новые свойства гос.аппарата, вызванные экстремальными военными условиями.

Можно предположить, что широкое распространение сводок просто отражало количественный рост органов цензуры: к ноябрю 1917 г. только в Петрограде имелось по штату 2255 сотрудников почтово-телеграфного контроля (т.е. большая часть от всех штатных 4271 тыловых контролеров).[54] Сам же рост учреждений определялся количеством корреспонденции, которую следовало контролировать (исходя из вышеуказанных теоретических взглядов на цензуру как средства обеспечения секретности, помощи контрразведке, блокаде и т.д.) — оно было столь велико, что даже сложившегося к концу войны многочисленного штата не хватало для просмотра всей ее. Так, согласно тому же отчету 2-й группы Отдела военного контроля по просмотру корреспонденции военнопленных за 1917 г. на 13133154 просмотренных за 32454 контролеро-дней писем приходилось 19060859 пропущенных без контроля под штемпель (рекордное их количество пришлось на сентябрь — 3036145, т.е. более чем в 2,5 раза больше, чем прочитанных, несмотря на сентябрьские 3315 контролеро-дней, что тоже выше среднего). В Британии в годы Первой мировой войны было около 4200 сотрудников цензуры, а в США во время Второй мировой — 14,5 тыс.[55], т.е. потребный штат был в какой-то степени пропорционален населению страны (так что число цензоров в России в 1917 г. могло быть даже недостаточным). В этих условиях сводки о настроениях могли быть просто побочным продуктом деятельности столь крупного ведомства. Но детальное, с международными

сравнениями, изучение вопроса о связях между масштабом объекта приложения усилий военной цензуры, размерами ее аппарата, природой созданных этим аппаратом отчетов о настроениях масс (а также — о военной цензуре как новой политической фигуре), конечно — дело будущих исследований.

После Октябрьской революции органы военной цензуры оказались под угрозой полного упразднения, несмотря на свой масштаб: ввиду заключения 2 декабря 1917 г. перемирия даже старое руководство спецслужб ГУГШ (в лице генерал-майора Рябикова, 2-ого генерал-квартирмейстера, полковника Раевского, 3-го обер-квартирмейстера, и подполковника Елагина, начальника ЦВПТКБ) решило начать сокращение штата, сохраняя саму сеть почтово-телеграфного контроля, о чем была дана телеграмма на места 18–19 декабря[56], а Наркомвоен, следуя примеру большевистского руководства Московского военного округа, произвел еще более радикальное сокращение приказом № 23 12 января 1918 г. — на 90 %.[57] Учреждения почтово-телеграфного контроля боролись за самосохранение — искали новые функции (экономический контроль и погранохрана), новые источники финансирования (в Петрограде Управление военного контроля стало областным), пытались заинтересовать советские учреждения своими услугами путем рассылки меморандумов (так называлась тематическая выдержка из письма)[58]. Новые органы военной цензуры печати были созданы из-за озабоченности руководства Оперативного отдела Наркомвоена утечкой сведений из военных учреждений в печать в мае 1918 г., а возобновление интереса к почтово-телеграфной цензуре (сначала в августе 1918 г., а затем в ноябре) — как распространение цензуры печати на средство частной коммуникации в условиях начавшейся Гражданской войны. Что касается связи с разведкой и контрразведкой, то уже военная цензура печати стала источником разведсведений для т.н. «консультантов» Оперативного отдела Наркомвоена, а далее Отдел военной цензуры был включен в Регистрационное управление Полевого штаба РВСР (центральный орган военной разведки), причем он был бы включен в нем в Отдел военного контроля (контрразведки), если бы контрразведка в целом не была бы передана в ведение ВЧК.[59] Поэтому можно сказать, что в известном смысле, советская военная цензура периода Гражданской войны прошла путь цензуры периода мировой войны заново, но в ускоренном темпе и зашла дальше.

Новый характер военной цензуры в Советской России наиболее ярко виден на примере форм отчетности — тематических сводок сведений из просмотренной корреспонденции (их было 3 главных вида - политическая, военная, дезертирская). В отличие от сводок старого почтово-телеграфного контроля сводки новой, советской, военной цензуры изначально были приспособлены к непосредственному использованию другими учреждениями: они представляли собой род таблицы с краткими выдержками из писем с точной идентификацией места отправления или получения (местность или воинская часть)[60]. На основании этих данных политотделы, дезерткомисии, особые отделы и др. могли сразу же принимать меры либо к отдельному отправителю, либо в отношении всей воинской части, местности и т.д.: «24 стр п. Хоз команда. 28/6. Только получил 1000 р. смотришь другую дают. Право недурно. А иногда спекульнешь на 1000 р. Одним словом в настоящее время, если у меня нет в кармане 5000 р. то я не считаю, что у меня есть деньги», «Кострома. 24.06. Дезертиры стоят окопавшись с пулеметами в нашем болоте» и т.д.[61] По меньшей мере в ВЧК было создано подразделение, занятое взаимодействием с военной цензурой (Стол Цензуры в апреле 1919 г. в составе Особого отдела, для составления списков лиц, чья корреспонденция должна в обязательном порядке подвергаться цензуре, а также просмотра задержанной ОВЦ корреспонденции и сводок[62]), а другим постоянным клиентом военной цензуры были учреждения Цекомдеза (для которого составлялась упомянутая специальная сводка)[63]. Таким образом, эти сводки определенно были документами политконтроля, в отличие от дооктябрьских.

Приведенные данные указывают на то, что приобретение военной цензурой свойств элемента системы политического контроля — результат гражданской войны и развития аппарата большевистского государства, что оно не является прямым наследием Первой

мировой войны, во время которой политконтроль еще не виделся главной задачей военной цензуры в России, и что задачи, которые выдвигались перед этим учреждением — «кандидатом в органы имперского политконтроля», и которые были движущей силой ее развития, на деле не были всегда связаны с политконтролем как таковым. Добавим, что вообще широкое распространение политконтроля в советской стране связано, по нашему мнению, с деятельностью революционного правительства, степень диктаторства которого определялась амбициозностью его задач по переустройству общества (и с какой-либо этатистской идеологией связана только косвенно). Возможно, в других странах и отраслях пути развития политконтроля были другими, более соответствующими модели, следующей из модернистского подхода (или какой-либо прямой альтернативы ему), но наш пример рассмотрения отечественной военной цензуры показывает, что даже эскизный обзор субъективной стороны ее развития (эволюции идей о ее целях и характера ее использования) выявляет чрезмерную абстрактность оснований у противопоставления «модернизм — неотрадиционализм» и у проблемы преемственности форм дореволюционного и советского политконтроля. Ключом к пониманию происхождения и природы советского периода отечественной истории, по нашему мнению, было бы изучение эволюции конкретных институтов и институтизированного поведения, а не совершенствование политической теории вокруг проблемы перерождения или преемственности общественного строя.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Так, для ознакомления широких кругов исследователей предпринята беспрецедентная публикация «Совершенно секретно...»: Лубянка — Сталину о положении в стране (т. 1: 1922–1923, ч. 1 М., 2001 и далее).
2. *Давидян И., Козлов В.* Частные письма эпохи Гражданской войны: (По материалам военной цензуры) // Неизвестная Россия: XX век. Кн.2. М., 1992. С. 200-250; «Еврейский вопрос» в частной переписке советских граждан середины 1920-х гг.: По материалам перлюстрации / Публ. В.С. Измозика // Вестник Еврейского университета в Москве. 1993. № 3. С. 164–188; «…К руководству красноармейскими письмами» (документы о перлюстрации личной переписки в 20-е гг.) / Публ. и комм. И.А.Кожевникова // Великий Устюг. Вып. 1. Вологда. 1995. С. 359-365; *Izmozik V.S.* Voices from the Twentieth: Private correspondence intercepted by the OGPU // Russian Review: An American Quarterly devoted to Russian past and present. Vol. 55. № 2: April, 1996. P. 287–308. Документы военной цензуры ныне — частый элемент освещения общественной жизни на региональном уровне, например в сборниках документов: «Горячешный и триумфальный город». Петроград от «военного коммунизма» к НЭПу: Документы и материалы / Сост. М.В.Ходяков. СПб.: СПбГУ, 2000. С. 113-127, 131-145, 150-154, 161-227; Общество и власть: Российская провинция, 1917–80-е гг. Т. 1: 1917 — сер. 30-х М., Нижний Новгород, 2002. С. 113-115, 187-198.
3. Основной интерес вызывали документы перлюстрации, в настоящее время тема политической перлюстрации тоже продолжает разрабатываться (см.: *Рууд Ч., Степанов С.А.* Фонтанка, 16: политический сыск при царях. М., 1994. С. 109–116; *Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880-1917 гг.). М., 2000; *Измозик В.С.* МВД и служба перлюстрации в Российской империи в XVIII — начале XX вв. // Министерство внутренних дел России: Страницы истории (1802–2002 гг.). СПб., 2001. С. 46-66; *Измозик В.С.* «Черные кабинеты» в России (XVIII — начало XX вв.) // Жандармы России: Политический розыск в России XV–XX вв. М., 2002. С. 333-354) и публиковаться (Охранка предупреждала: «Мы накануне голодного дня, за которым последует голодный бунт». Публ. Ю.Кирьянов // Родина. 1999. № 11. С. 19-23). По периоду Первой мировой войны документы военной цензуры — давний объект публикаций (Солдатские письма 1917 г. / С предисловием М.Н. Покровского. М.; Л., 1927. 167 с.; Царская армия в период мировой войны и февральской революции: (Материалы к изучению истории империалисти-

ческой и гражданской войны). Казань, 1932; Солдатские письма в годы мировой войны / С предисловием О.Чаадаевой // Красный Архив. 1934. Т. 4-5 (65-66) С. 118-163) и изучения (например: *Протасов Л.Г.* Важный источник по истории революционного движения в царской армии перед Февральской революцией //Источниковедческие работы. Вып.1. Тамбов, 1970. С. 3-18; *Вахрушева Н.А*. Солдатские письма и цензорские отчеты как исторический источник (1915-1917 гг.) // Октябрь в Поволжье и Приуралье: Источники и вопросы историографии. Казань, 1972. С. 67-89; *Асташов А.Б*. Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2. С. 72-86; *Поршнева О.С*. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004). Правда, сочетание оценки документов довоенной перлюстрации и военной цензуры остается единичным: *Черняев В.Ю.* К изучению эпистолярных источников начала XX в.: (Контроль почтовой переписки) // Проблемы отечественной истории: Сборник Статей аспирантов и соискателей. Вып. 1. Л., 1976. С. 134-155.

4. «Политический контроль- система регулярного сбора и анализа информации различными ветвями государственного аппарата о настроениях в обществе, отношении различных его слоев к действиям властей, о поведении и намерениях экстремистских и антиправительственных групп и организаций. Политический контроль всегда включает несколько основных элементов: сбор информации, ее оценка, принятие решений, учитывающих настроения социальных и национальных групп и призванных воздействовать в нужном для властей направлении, а также политический сыск (розыск) и репрессии при наличии угрозы (реальной или мнимой) государству и обществу» *Измозик В.С.* Политический контроль и сыск: методологические аспекты // Политический сыск в России: История и современость СПб., 1997. С. 10.
5. Важность его для авторитарного режима обуславливается отсутствием независимых СМИ — он становится единственным способом получения об обществе информации, исходящей от собственно общества, а не агентов государства (которые в своих отчетах и др. документах, конечно, тоже дают информацию об обществе, но в виде, сильно переработанном, часто — до недостоверности), и важным средством воздействия на него, этим же определяется его конспиративный характер; он также — необходимая часть репрессивного аппарата (соединен с политическим сыском), см. там же и: *Измозик В.С*. Глаза и уши режима: государственный политический контроль за населением советской России в 1918–28 гг. СПб., 1995. С. 5. Ср. тж.: *Боева Л.А*. Деятельность ВЧК-ОГПУ по формированию лояльности граждан политическому режиму, 1921–24 гг. М., 2003.
6. Напомню, что сторонники тоталитарной модели подчеркивают диктаторскую форму соввласти и компартии и всеохватный их контроль над обществом, а ревизионисты — «бюрократическую анархию» и поддержку режима населением. Деление модернизм-неотрадиционализм (обозначения введены Ш.Фицпатрик) проходит по другому вопросу: не о природе власти в СССР, а о сущности советского пути (да и вообще европейских авторитарных режимов) — Sonderweg или, напротив, все пути воплощают разные черты магистрального пути европейской цивилизации (поэтому, скажем, ревизионист может относиться к любому из этих подходов, жесткой связи с прежним делением нет). Неотрадицианалисты отмечают, что хотя советский проект был прогрессистским и модернистским по замыслу, он странным образом возродил архаические структуры, не всегда даже на ценностном уровне (а только как формы). Сторонники модернистского взгляда на советский строй указывают общие его черты с режимами периода Первой мировой войны и межвоенным в других странах, включая демократические, и считают советские особенности радикальным развитием идей Просвещения (консервативные черты и т.д. они видят также и в других странах межвоенного времени). См. обзор ряда работ: *Beer D.* Review article: Origins, Modernity and Resistance in the Historiography of Stalinism // Journal of contemporary history. Vol. 40. 2005. № 2. P. 363–379.
7. *Holquist P.* «Information is the Alpha and Omega of Our Work»: Bolshevik Surveillance in its Pan-European Context // Journal of modern history. Vol. 69. 1997. September.

P. 415–450. Изначально теория надзора и мутации европейского государства разработана на материале Германии. Опросы общественного мнения, зародившиеся в 30-е гг. и широко распространившиеся во всем мире после 1945 г., также отнесены к средствам такого контроля.

8. *Измозик В.С.* Перлюстрация в первые годы Советской власти // ВИ. 1995. № 8 С. 26.
9. Особенно мало выходит работ о дореволюционной военной цензуре в противоположность перлюстрации политической полицией, ср.: *Хранилов Ю.П.* «Что им за дело до чужих писем, когда брюхо сыто»: военная цензура Вятской губернии в борьбе за победу над германцами // Военно-исторический журнал. 1997. № 2 С. 22–29; *Константинов А.И., Иванов Д.В.* Военная цензура как условие победы // Военно-исторический журнал. 2000. № 4 С. 20–28 и указ. в прим. 3 лит-ру (Д.В. Иванов — автор диссертации о дореволюционной военной цензуре, но он в ней не рассматривает период Первой мировой войны, см. прим 11). Осведомленность правительства с помощью перлюстрации о тех или иных политических группах вызывает больший интерес (например: *Ганелин Р.Ш.* Государственная Дума и правительственная власть в перлюстрированной переписке кануна 1917-го года // Отечественная история. 1997. № 1. С. 150–158), т.к. по ментальности источников много, а по этому вопросу круг источников ограничен. Имеется также филателистическая литература о военной цензуре — статьи В.Калмыкова (Филателия. 1995. № 1. С. 47–49 и 1996. № 9. С. 51–53) Н.Крашенинниковой (2005. № 2. С. 36–37) и др., причем указываются зарубежные каталоги и литература, мне не доступные, но, возможно ценные (*Michalov P., Skipton D.* Postal Censorship in Imperial Russia (1714 to 1917). 2 vols. Urbana, 1989; *Speeckaert A.* Russische Postzensur/Russian Postal Censorship 1914–1918. 2 vol. 1990, 1997; *Termonen T. Keturi J.* Posti sensuuri suomessa, 1914–1918. 2 vol. Helsinki, 1997–1999, перевод на английский вышел на CD-ROM, но тоже недоступен). Так или иначе, на русском языке очерк, дневниковые заметки и публикации М.К. Лемке остается наиболее обстоятельным, хотя и пристрастным, изложением (в его «250 дней в царской ставке». Пб, 1920; см. очерк в переиздании: Мн.: Харвест, 2003. Т. 2. С. 29-140). Поскольку советская военная цензура — непосредственный предшественник ПК ВЧК-ОГПУ, работ, где она затрагивается, выходит больше: *Ченцов В.* Табу — на думку, заборона — на слово: За матеріалами роботи політконтроля НК-ДПУ у 20-ті роки // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 1994. № 1 (1), В.С.Измозика, указ. в прим. 3 и 8 работы, *Давидян И.* Военная цензура в России в годы Гражданской войны, 1918–1920 // Cahiers du monde russe. Vol. 38. № 1–2: Janvier-Juin 1997. P. 117–125; *Винокуров А.* Цензура почтовой корреспонденции в Советской России в 1918–1924 гг. // Филателия. 2001. № 7 (июль). С. 40–42, а также — работы автора настоящей статьи (см. ниже прим. 58, 59 и *Его же*. Советские военные цензоры Гражданской войны: попытка портрета // Государственная власть и обществ России в XX в.: матер. Межвуз. Науч. конф. 15 мая 2004 г. С. 216–223).
10. Тем более, что в указанной статье П.Холквиста военная цензура как аргумент за общность свойств «надзора» в Европе использована очень широко (приводятся данные как о Британии Первой мировой войны, так и гитлеровской Германии и петэновской Франции), а в статье В.С.Измозика (ВИ. 1995. № 8. С. 26) указывается на приспособление царской перлюстрации для большевистских нужд (в чем видно явное пересечение частных выводов при всем несходстве проблемных полей отечественной и зарубежной историографии).
11. См. *Иванов Д.В.* Формирование военной цензуры России, 1810–1905 гг.: Дисс. к.и.н. М., 2000.
12. Впервые специальные военные корреспонденты, независимые от военных властей, появились у британской прессы во время Восточной (Крымской) войны в 1854–1855 гг. Дальнейшее развитие институт военных корреспондентов получил во время американской Гражданской войны 1861–1865 гг. и франко-прусской войны 1870–1871 гг., когда военные корреспонденты появились у ведущих газет и телеграфных агенств всех европейских стран. Последняя треть XIX в. считается «золотым веком» военных корреспон-

дентов. См. работу известного австрало-британского журналиста (в дальнейшем также исследователя шпионажа XX в.): *Knightley Ph*. The first casualty: The war correspondent as hero, propagandist and myth maker from Crimea War to Vietnam. London, 1975. P. 3–64.

13. *Клембовский В.Н*. Пресса и корреспонденция как средства разведывания в военное время // Варшавский военный журнал. 1899. № 7. С. 657–665.
14. Такая характеристика российских спецслужб не исключает их отдельные успехи: так, японский исследователь (*Инаба Ч.* Из истории разведки в годы русско-японской войны: Международная телеграфная связь и перехват корреспонденции противника // Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 222–227) отмечает превосходство российской стороны в этой области. О других успехах см. *Кравцев И.Н.* Тайные службы империи М., 1999 и работу Д.Б. Павлова (см. прим. 18)
15. См., например, по вопросам секретности публицистику: *Изместьев П.И*. Значение военного секрета и скрытности. 2 изд. Варшава, 1907; *Махров П*. Военная тайна. Ее пределы, примеры уменья и неуменья ее хранить. Военная цензура. Варшава, 1908.
16. *Иванов Д.В*. Ук.соч.; *Лемке М.К*. Ук. соч. Т. 2. Минск, 2003. С. 48; РГВИА, ф.2000, оп.1, д.4895, л.2. Исследование связи разработки положения о военной цензуре и проходивших в это же время дискуссий вокруг закона о печати представило бы большой интерес. Лемке не рассмотрел этот вопрос, а просто обвинил военного министра в затягивании вопроса и непередаче его в Совмин и Госдуму. Работы А.Ф. Бережного (включая его «Русская печать в годы первой мировой войны. Л.: ЛГУ, 1975») также обошли эту тему и в целом устарели, т.к. совершенно не учитывают более сложные, чем традиционно представлялось в либеральной и революционно-демократической традиции, отношения внутри правительственного лагеря и между ним и либеральной общественностью (ср. *Куликов С.В*. Правительственный либерализм и образование Прогрессивного блока // На пути к революционным потрясениям: Мат. конф. Памяти В.С. Дякина СПб–Кишинев, 2001. С. 263–298). В обзорных работах вопрос не рассмотрен ввиду отсутствия специальных работ (*Жирков Г. В*. История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001; *Дейли Д*. Пресса и государство в России (1906–1917 гг.) // ВИ. 2001. № 10. С. 25–45).
17. *Клембовский В.Н*. Ук. соч. и Тайные разведки (Военное шпионство). СПб, 1892. С. 99–101 и 2-е изд. (доп. и перераб.) 1911. С. 130–134; Роллэн. Военно-разведывательная служба в мирное и военное время. СПб, 1909. С. 39–40, 49–51.
18. *Павлов Д.Б*. Русско-японская война: секретные операции на суше и на море. М., 2004. С. 33, 47. В какой-то мере открытая литература тоже отразила новый опыт секретных операций: во 2-м изд. «Тайных разведок» имеются добавления об условной переписке (с. 130, 134), хотя уже в 1-м изд. указана желательность хим. чернил (С. 101).
19. *Зверев В.О*. Противодействие германскому военно-промышленному шпионажу в С.-Петербурге накануне Первой мировой войны (1910–1914 гг.): Дисс. к.и.н. СПб, 2004.
20. Записка о желательной постановке дела военной цензуры /Составлена Цензурным отделением Штаба Главнокомандующего под. Ред. Генерал-квартирмейстера. Харбин, 1905. С. 10.
21. СУиРП, Отдел I — 1914. № 192 — ст. 2057. Ст. 1.
22. *Kahn D*. Codebreakers: The story of secret writings. N.Y., London, 1968. P. 190, 198, 244.
23. *Andrew Ch.* Secret service. London, 1985. P. 24-26.
24. *Шапошников Б.М*. Мозг армии. Кн. 1. М., 1927. С. 72-73. Он связывает это с системой протекционизма и кумовства, кастовым бюрократизмом генштабистов.
25. РГАЛИ, ф.2560, оп. 2, д. 19, л. 15. Это не исключительный случай посылки корреспондента во вражескую страну в то время: когда впервые для британской прессы своим командованием были введены серьезные стеснения во время англо-бурской войны, к бурам одной газетой также был направлен британский корреспондент. И это помимо описания жизни противника корреспондентами, бежавшими из плена (см. *Knightley Ph*. Op.cit. P. 76).

26. Указанная «Записка о желательной постановке дела военной цензуры» начинается с обзора статей иностранной печати о японской военной цензуре (с. 1–7).
27. Сходные с современными меры по охранению секретов (работа только в специальных помещениях, ограничение числа лиц, имеющих доступ к тайне и т.д.) иногда только указывались теоретически (например: Заметки о службе Генерального штаба /Б. СПб., 1902. С. 96). Много примеров неформальных отношений среди офицеров разных стран дано в мемуарах А.А.Самойло («Две жизни». М., 1958 и 2-е изд. 1962).
28. *Knightley Ph*. Op. cit. P. 85-87, 94-96. Этот автор разбирает вопрос о собственно корреспондентах преимущественно на британском материале, привлекая данные других стран скорее иллюстративно и не вдаваясь в тонкие изменения в характере редакционного управления. Ведь не секрет, что и до войны владельцы газет использовали их как пропагандистское средство против конкурентов и в собственно политике (см., особенно о Нортклиффе и Бивербруке: *Беглов С.И*. Четвертая власть: Британская модель. М., 2002. С. 61–62, 68–69), т.е. такое использование печати не было новшеством, вызванным военным временем. В случае Британии крайнее недоверие военных властей к печати следует признать удивительным, т.к. уже полтора года до начала войны там действовала система полудобровольной самоцензуры под руководством комитета из представителей государства и печати (см. *Palmer A.* The history of D-notice Committee // The missing dimension: Governments and intelligence communities in the XX century / ed. Ch. Andrew, D. Dilks. Urbana, 1984. P. 234-235).
29. *Лемке М.К.* Ук. соч. Т. 1. С. 175 и далее.
30. Так П.И.Изместьев в специальном сочинении о военной тайне (См. *Изместьев П.И.* Ук. соч. С. 26) выразил удивление запрещением ген. Линевичем во время русско-японской войны офицерам ген.штаба корреспондировать в газеты — при том, что в принципе в военной мысли того времени эта мера считалась необходимой (ср. Бронзарт фон Шеллендорф. Служба Генерального штаба СПб., 1908. С. 269). Впрочем, во время войны и германским офицерам было разрешено давать в печать описание законченных операций с утверждения развед.отделений (см. *Регге Е.И*. Военная цензура в Германии, Англии и САСШ во время мировой войны // Военный вестник. 1933. № 5 (май). С. 62).
31. *Лемке М.К.* Ук. соч. Т. 1. С. 339–340. Автор мемуаров явно гордился собственноручным разоблачением своего начальника.
32. Там же Т. 1 С. 65, 176–177, 182, т. 2. С. 217. Также для пропаганды в прессе нейтральных странах создано агентство «Нордзюйд».
33. *Лемке М.К*. Ук. соч. С. 40. Собственно, М.К. Лемке и был приглашен для этой работы как специалист: до войны, будучи отставным офицером, он был редактором провинциальных газет, а затем сделался известным историком цензуры, печати и общественного движения, членом общественных организаций журналистов и книжного бизнеса (см. о нем: Вандалковская М.Г. М.К. Лемке — историк русского революционного движения. М., 1972).
34. *Зданович А.А*. Отечественная контрразведка, 1914–1920. М., 2004. С. 21, 25, 29.
35. *Лемке М.К.* Ук. соч. Т. 2. С. 110, 175.
36. *Виттенберг Б.М.* П.Б. Струве и Комитет по ограничению снабжения и торговли неприятеля (1915–1917 гг.) // Английская набережная, 4. СПб., 1997. С. 217–228. Наименование имело французский прототип.
37. *Koop Th*. The weapon of silence. Chicago, 1946. Часть 2, особенно гл. 9 о сборе информации о торговле нейтральных стран в помощь блокаде (на примере 1941–45 гг.).
38. СУиРП — 22.07.1917. № 169 — ст.912.
39. *Cross J.A.* Sir Samuel Hoare: a political biography. London, Jonatan Cape, 1977. P. 45. Возможно, что это не предвзятое мнение, а основанное на международном сравнении, т.к далее Хор отбыл возглавлять разведотдел британской миссии в Италии, а взаимодействие с союзниками итальянского органа борьбы с военной контрабандой было лучше налажено, поскольку он располагался в Париже (*Де Лутиис Дж*. История итальянских секретных служб. М., 1989 С. 16).

40. *Barber W.E*. Censorship // The Encyclopaedia Britannica: The Three new supplementary volumes. London, N.-Y., 1926. Vol. 1. P. 560. Фамилия офицера не указана в словарной статье — возможно потому, что к тому времени Хор уже сделался известным политическим деятелем (но известной своей книги, The Fourth Seal. Lnd, 1930, еще не написал). Конечно, возможно, что Россию в начале 1916 г. посетил другой офицер британской разведки, о котором нет упоминаний в небольшой, но подробной литературе этого вопроса… (*Neilson K.* 'Joy rides?': British intelligence and propaganda in Russia, 1914–1917 // The Historical Journal. 1981. Vol. 24. № 4. December. P. 885–906, *Andrew Ch.* Op. cit. P. 203–206).
41. Указанные очерк М.К.Лемке как раз и имел целью указать на полное несоблюдение Временного положения и Перечней (дано много примеров). См. также упомянутую работу А.Ф.Бережного.
42. *Лемке М.К.* Ук. соч. Т. 2. С. 73, 75–76, 87, 90–92, 97, 125, 130–134. Ср упомянутую работу С.В.Куликова о либеральной бюрократии как инициаторе создания блока и разногласиях в правительственной среде по этому вопросу. Лемке не был в курсе отношений оппозиции и правительства, но и из публикуемых им документов видно опасение властей раскрыть разногласия в правительстве и возможность изменения его состава (с. 119). Поэтому военная цензура была, видимо, также и одним из инструментов борьбы внутри правительственного лагеря, а не только борьбы его с общественностью, в каком качестве преимущественно рассматривал ее Лемке.
43. *Айрапетов О.Р.* Генералы, либералы и предприниматели: Работа на фронт и на революцию, 1907–1917. М., Три квадрата, 2003. С. 50, 92–93, *Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* В.С. Дякин о некоторых вопросах государственного управления в России 1914–1915 гг. // На пути к революционным потрясениям: Мат. конф. Памяти В.С. Дякина. СПб., Кишинев, 2001. С. 57–58. Ставка стала объектом надежд оппозиции, а Николай Николаевич обвинялся впоследствии помощником управделами Совмина А.Н.Яхонтовым в разжигании ее аппетитов.
44. *Бережной А.Ф.* Ук. соч. С. 63–65; *Лемке М.К.* Ук. соч. Т. 2. С. 389–390.
45. *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С. 211–212; СУиРП — 1917. № 199: 26.07 — ст. 1229, 1230.
46. *Журавлев В.А.* Без веры, царя и отечества: Российская периодическая печать и армия в марте-октябре 1917 г. СПб. Ун-т МВД, ГУ Аэрокосмического приборостроения, 1999. С. 40; *Колоницкий Б.И.* Советы и контроль над печатью (март-октябрь 1917 г.) // Рабочие и российское общество: Вторая половина XIX — начало XX вв.: Сб. статей памяти О.Н.Знаменского. СПб., 1994. С. 164-177.
47. РГВИА, ф.13838, оп. 1., д.9, л. 9, ф. 13836, оп. 1, д. 633, л.л. 3, 4, 7, 11, 14. Секретарем (от прежней петроградской комиссии) и 12 цензорами (из почтово-телеграфного контроля) она была укомплектована 4 августа, а вот члены от ведомств и от общества редакторов назначены уже в новых политических условиях после корниловского путча; сведений о ее работе не обнаружено.
48. РГВИА. Ф.13838, оп.1. д.8, л. 43-51. Преобразования на местах закончены как раз к октябрю 1917 г.
49. РГВИА, ф. 2000, оп.1, д.5379.
50. *Зданович А.А.* Ук.соч. С. 26-27.
51. РГВИА, ф.13838, оп. 1, д.24, л.216. Средний процент изъятий в течение года был 2,75, но только за счет высоких норм изьятия в январе и феврале (всего за год изъято 361 019).
52. РГВИА, ф. 13838, оп. 1, д. 24, л.л. 149, 159, 182, 223, 257, 269.
53. См. серию публикаций: *Сидорова М., Щербакова Е.* Россия под надзором. Отчеты III отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии и Корпуса жандармов // Свободная мысль-XXI. 2002. № 3–12, 2003. № 1–12, 2004. № 1–4.
54. РГВИА, ф.2000, оп.1, д.4898, л.41–42. Точное число цензоров на фронте не известно, но порядок цифр, видимо, тот же, поскольку на одном Западном фронте было более 800

цензоров (*Дьячков В.П. Протасов Л.Г.* Великая война и общественное сознание: превратности индоктринации и восприятия // Россия и Первая мировая войн (Мат. междунар. науч. коллоквиума). СПб., 1999. С. 62–63).

55. *Koop Th.* Op.cit. P. 10.
56. РГВИА, ф. 13836, оп. 1, д. 699, л. 6, 15–17. Предполагалось сокращение всех контролеров на 50 %, а в отделах военнопленных — на 75 %.
57. РГВА, ф.25883, оп.4, д.268, л.122; ф.1,оп.1, д.92, д.8,9.
58. См. подробнее о ситуации в целом: *Батулин П.В.* Учреждения военной цензуры в первый год советской власти // Государственные институты России: прошлое и настоящее. Мат. Межвуз. науч. конф. 19–20 декабря 1995 г. М., 1996. С. 50–52.
59. *Батулин П.В*. Военная цензура 1917–1922 гг.: преемственность и изменение нормативных основ деятельности // Государственный аппарат России в годы революции и Гражданской войны: Мат. всеросс. Конф. М., 1998. С. 60–69; *его же*. Московская военная цензура печати в 1918 г.: организация и функции // Российская государственность XX века: Мат. межвуз. конф. М., 2001. С. 187–193; *его же*. Почтово-телеграфная цензура в 1918 г. (к вопросу о распределении функций между советскими ведомствами) // 200 лет министерской системе России: Мат. межвуз. конф. /Каф. ист. гос. учр. и обществ. организаций ИАИ РГГУ. М., 2002. С. 10–20.
60. РГВА, ф.25883, оп.3, д. 1557, л. 18–19. Начиная с самой ранней известной сводки, за период с 19.01 по 01.02.1919 г.
61. РГАСПИ, ф. 17, оп. 65, д. 141, л.л. 17, 28, 48, д. 453, л.176. Сводки местных цензурных учреждений часто были более плохого качества — без указания точных данных отправителя, см. примеры: «Коммуна трещит по швам»: Петроград в сводках цензурного отделения // «Горячешный и триумфальный город». Петроград: от «военного коммунизма» к НЭПу / Сост., авт. пред. и комм. М.В.Ходяков. СПб., 2000. С. 228–269 и др. примеры всех трех видов сводки там же.
62. РСФСР. ВЧК. Отчет Всероссийской Чрезвычайной Комиссии за четыре года ее деятельности, (20 декабря 1917 г. 20 декабря 1921 г.). Часть первая: Организационный отчет. М., 1921. С.102.
63. О Цекомдезе см. *Оликов С*. Дезертирство в Красной Армии и борьба с ним. М., 1926. С. 14, 127 (прямое указание на военную цензуру как источник сведений и цитата из письма красноармейца); о масштабах и значении дезертирства см.: *Овечкин В.В*. Дезертирство из Красной Армии в годы Гражданской войны // ВИ. 2003. № 3. С. 108–115.

P.V. BATULIN

MILITARY CENSORSHIP DURING THE FIRST WORLD WAR AND REVOLUTION OF 1917–1918: PROBLEM OF ESSENCE AND SUCCESSION

The work is devoted to a history of military censorship during the First World War and revolution of 1917–1918. The work notes, that development of military censorship in Russia is similar to development of counterspionage, i.e. it proceeded with significant delay in comparison with requirements. During 1914 — the beginning of 1917 the basis of military censorship was the aspiration to realize pre-war aims about military censorship as means guaranteeing some privacy, and also to solve the questions revealed during the war upon its international and interdepartmental interaction. Military censorship gained some characteristics of an element within the system of the political control. It was the result of the civil war and development of the Bolsheviks' state machinery, rather than the direct heritage of the First World War when the political control had not been viewed yet as a main task of Russian military censorship.

А.А. АБРАМОВСКИЙ (Челябинск)

ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКИХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ СТРУКТУР В УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917–1918 гг.

После октября 1917 г. в Уфимской губернии правоохранительную функцию осуществляли Боевые отряды народного вооружения (БОНВ), Красная гвардия, милиция и иные самодеятельные вооруженные структуры.

В соответствии с марксисткой теорией необходимо было ликвидировать прежние силовые учреждения, в первую очередь милицию. Этот процесс протекал довольно-таки неровно, волнообразно, прерывисто и непоследовательно. Определенные примеры в этом отношении дает Уфимская губерния, в которой даже в пределах одного уезда милиция не была ликвидирована на волостном уровне. Более того, в первый месяц новой власти ряд милицейских начальников занимал важные руководящие посты в административных органах. В состав Бирского уездного военно-революционного комитета, например, входил начальник милиции. В Стерлитамакском уезде уже в ноябре месяце 1917 г. обязанности ушедшего в отставку комиссара Временного правительства исполнял также начальник милиции.[1]

Но постепенно отношение к милиции менялось, критически оценивалась ее деятельность. Уже в декабре 1917 г. Бирский уездный совет крестьянских депутатов постановил: «Признавая, что существующая милиция не охраняет, а, напротив, вредит интересам трудовых граждан, признать необходимым милицию упразднить и заменить вооруженной силой, избранной самим народом и вполне подчиненной воле народа».[2] Однако реализовывалось это решение довольно-таки сложно, и, в конечном итоге, не было выполнено в полном объеме. Поэтому до начала гражданской войны при отдельных волостных советах (например, Буровском, Илишевском) продолжала функционировать прежняя милиция.[3]

В Златоустовском уезде к февралю 1918 г. милиция была ликвидирована («раскассирована») в Емашинской, Месягутовской и других волостях. В Месягутовской она была заменена Красной гвардией численностью в 20 человек переменного и 4 человека постоянного состава.[4] В то же время в самом Златоусте до чехословацкого мятежа параллельно с отрядами БОНВ работала «уездно-городская милиция». После установления советской власти вопрос о ее сохранении или расформировании решался уездным совнаркомом. «Боевые дружины, которые будут организованы при Советах, едва ли будут заниматься раскрытием преступлений, как саботажников, подкидышей и т.д., следовательно, какой-то орган должен существовать, а поэтому надлежит выяснить: должна существовать милиция или нет», — справедливо отмечал на заседании этого исполнительного органа председатель военно-революционного комитета В. Д. Ковшов.[5] И милицейское подразделение решено было не упразднять, комиссаром его стал М. А. Аникеев, являвшийся товарищем уездного комиссара по внутренним делам.[6] В его компетенцию наряду с охраной общественного порядка и борьбой с преступностью входили регистрация охотников и их оружия, пересылка по принадлежности арестованных, взимание «всевозможных налогов, …паспортное дело» и др.[7] Кроме того, в Миасском заводе данного уезда до мая 1918 г. также функционировала милиция. Советом рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 30 марта в должности начальника милиции был «утвержден тов. Егоров».[8] Необходимо отметить, что оставление во многих сельских регионах прежних милицейских структур было характерным явлением для Уфимской губернии. Выборочный анализ ответов волостных советов на анкету Ингороднего отдела губисполкома, датированных серединой мая 1918 г., показал, что, например, в большинстве местностей Стерлитамакского, Белебеевского и других уездов милиция не была ликвидирована. Основными причинами этого являлись либо «не организация боевой дружины» вместо нее; либо то обстоятельство, что «она (милиция — *авт.*) находится в распоряжении уездной власти», (т.е. волостные совета не компетентны принимать

решения по ее упразднению); либо «еще некем заменить, т.к. нет опытных руководителей для формирования Красной армии или Народного вооружения»; либо «ввиду того, что народные вооружения еще не укрепились на крепкий фундамент своего места». В других местностях старый состав милиции разгонялся, и набирались новые сотрудники. «…Совет не собирался. Следовательно, Заинская волость была без всякой власти, члены милиции бездействовали, солдаты тоже, грозило полной анархией, — сообщал в ЦК РСДРП(б) большевик член президиума Заинского волсовдепа Мензелинского уезда И. Я. Горбунов-Корчажский, — 6-го и 7-го (ноября 1917 г. — *авт.*) организовал Военно-революционный комитет, набрали милицию из тех же крестьян, начальником которой был выбран я».[9] Происходили и процессы «смены вывески»: Бишаул-Унгаровским волостным советом крестьянских депутатов Уфимского уезда «милиция переименована в народную дружину, лица остались прежние», — гласила данная анкета.[10]

Другой силовой структурой, участвовавшей в охране порядка, обеспечении личной и имущественной безопасности граждан, борьбе с преступностью, являлась Красная гвардия. Как и в других регионах России в Уфимской губернии она возникла еще при Временном правительстве. Данные вооруженные подразделения были немногочисленными. Уфимский совет рабочих и крестьянских депутатов в ответе на анкету большевистской фракции II-го Всероссийского съезда советов указывал, что Красная гвардия «организована, но состав невелик, преимущественно из железнодорожных рабочих, вооруженных берданками».[11] Поэтому уже в первые месяцы пролетарской власти в условиях острой криминогенной обстановки, продолжавшихся грабежей и бесчинств губисполком уделял особое внимание боевому потенциалу местных советов. «Народное вооружение должно быть сосредоточено, главным образом, в руках революционных народных органов — в Советах депутатов и земельных комитетах. Советы депутатов не только должны быть органами государственно-политической власти, но они должны обладать и материальной силой, материальной основой власти. При Советах депутатов и земельных комитетах должны быть образованы с разрешения Губернского революционного комитета отряды вооруженной Красной гвардии. Революционный комитет предлагает Советам депутатов и земельным комитетам обратить самое серьезное внимание на право сношении с Революционным комитетом организацией крестьянской и рабочей советской Красной гвардии», — говорилось в циркулярном письме волостным и уездным советам в январе 1918 г.[12] Основной способ ее формирования определил Уфимский губернский съезд советов рабочих солдатских и крестьянских депутатов 2 января 1918 г.: «немедленная революционная воинская мобилизация среди рабочих губернии».[13] Деятельность советских учреждений по реализации данной задачи активно поддерживали региональные комитеты правящих партий, в первую очередь большевистские организации инициировали создание новых отрядов Красной гвардии и боевых дружин. Так, в ноябре 1917 г. Топорнинская группа РСДРП(б) Покровской волости Уфимского уезда, обсудив вопрос о формировании буржуазными элементами белой гвардии для борьбы против советской власти, постановила вести агитацию среди крестьян за организацию Красной гвардии «для безболезненного проведения в жизнь декрета о земле и для борьбы с контрреволюционным движением».[14]

Необходимо отметить, что с этого времени (ноябрь-декабрь 1917 г.) красногвардейские формирования Уфимской губернии все больше и больше начинают выступать в форме прежних боевых отрядов народного вооружения, созданных и действовавших в регионе еще со времен первой русской революции. Разработка принципов организации БОНВ, их структуры, состава, уставных и инструктивных документов большевистским комитетом была возложена на братьев Кадомцевых, занимавшихся и формированием данных боевых структур. После октября 1917 г. отряды БОНВ являлись своеобразной формой организации Красной гвардии, по мере укрепления советской власти их задачи и функции сближались. Вскоре какие-либо различия между ними стерлись, все вооруженные формирования как в Уфе, так и на местах, носившие разнообразные названия (Красная гвардия, боевые дружины, народные вооружения, штабы охраны и т.д.), были

подчинены Центральному штабу БОНВ под командованием Э. С. Кадомцева. Постепенно руководство штаба отошло от корпоративного (чисто партийного) принципа формирования боевых дружин. На I-м съезде БОНВ Южного Урала, состоявшимся в Уфе 12 декабря 1917 г., был принят Устав организации, определявший более четко, чем прежде ее цели и задачи, расширена социальная база формирования боевых дружин, начался прием с 18-летнего возраста беспартийных и членов других социалистических партий, поддерживавших новую власть. Этот процесс осуществлялся советами, фабзавкомами и профсоюзами промышленных предприятий.[15] Особое внимание уделялось качеству подбора добровольцев. «Неубежденный и малодушный не должен быть дружинником, вступая в дружину, товарищ должен отчетливо понять свое назначение», — подчеркивалось в одном из руководящих документов. Все члены дружины обязывались подчиняться строжайшей революционной дисциплине. Самым тяжким наказанием считалось удаление из дружины.[16] Согласно Уставу каждая организация состояла из четырех дружин. Первая дружина включала руководящий состав. Вторая дружина состояла из специально отобранных членов, хорошо овладевших военным делом, из их числа формировались боевые отряды. Третья дружина была резервной и получала оружие только для обучения. Она служила для пополнения второй дружины, а в случае необходимости могла организовывать и отдельные отряды. Остальные демократические пролетарские элементы, согласные служить в боевой организации и способные владеть оружием, входили в четвертую, которая выполняла функции народной самоохраны, распределения продовольствия среди населения, контроля за санитарным состоянием населенных пунктов, предприятий и т.д. Дружины делились на десятки и сотни.[17]

Устав определял задачи и компетенцию организации: «БО(НВ — *авт.*) есть та сила, на которую только должна и может действительно опереться революционная демократия в осуществлении и проведении в жизнь законов крестьян и рабочих. БО является автономной организацией (они вовсе не подчиняются партийным комитетам!). БО исполнительный орган советов Р. С. и К. Д. БО и исполком Совета взаимно представлены для правильного освещения политических и специальных вопросов… Организованные граждане, опираясь на первые три дружины, должны были взять в свои руки все функции нового государства… И этим делая излишним существование чиновничества и полиции». Высшим органом был съезд БОНВ, избиравший Совет БОНВ. Для осуществления оперативного руководства всеми вооруженными силами был создан Центральный штаб. Организация строилась на добровольных началах, существовала выборность командиров.[18]

После данного форума начался рост как числа подразделений БОНВ на местах, так и их личного состава, в первую очередь в горнозаводской части Уфимской губернии. В декабре 1917 г. в Кусинском заводе Златоустовского уезда военно-революционным комитетом была организована боевая группа под командованием большевика В. А. Лепешкина, помимо охраны общественного порядка, занимавшаяся разоружением военных эшелонов, проходивших через близлежащие железнодорожные станции.[19] На другом заводе уезда — Миасском напилочном, «для борьбы с местной буржуазией, водворения порядка и охраны революционной законности» по инициативе организации большевиков был организован отряд Красной гвардии под руководством латыша Якобайтиса. Его численность быстро возросла до 130 человек, многие из которых были вооружены трехлинейными винтовками. Наряду с выполнением вышеперечисленных задач, красногвардейцы производили силовые акции в соседних казачьих станицах Чебаркульской и Кундравинской.[20]

Сотрудники БОНВ Златоустовского уезда, патрулируя улицы и иные общественные места, не только поддерживали должный общественный порядок, но и участвовали в предупреждении и раскрытии преступлений по горячим следам. При этом ни статус преступника, ни его должностное положение не влияло на процесс его задержания. Так, например, 13 мая 1918 г. «за дебош в пьяном виде на станции Златоуст… за самочинные контрибуции» дружинниками был арестован и обезоружен товарищ комиссара по национальным делам уездного совнаркома Нафиков, который позже был привлечен к ре-

волюционному суду.[21] На Аша-Балашовском заводе численность БОНВ была достаточна велика, что позволило его командованию в феврале 1918 г. «отправить первый отряд в 70 человек в распоряжение губернского штаба на борьбу с восставшим казачеством», — вспоминал красногвардеец Родионов.[22] Боевой отряд народного вооружения на Катав-Ивановском заводе был создан еще до октября 1917 г. При советской власти его численный состав значительно вырос (по отдельным воспоминаниям красногвардейцев — до 1000 человек). Командовали дружинниками бывшие профессиональные военные нижнего звена — солдаты и унтер-офицеры. «При выборе командира бойцы учитывали его сноровку, ловкость, сметливость, военную практику, твердость характера», — вспоминал участник революционных событий на Южном Урале И. Искра. Помимо военных акций, катав-ивановские красногвардейцы исполняли чисто правоохранительные функции, например, «ликвидация самогонщины».[23]

Стремительный рост численности красногвардейцев можно проследить на примере БОНВ Аша-Балашовского завода. Согласно платежной ведомости, списочный состав отряда в первой половине марта 1918 г. составлял 112 человек, а во второй — уже 221. Штаб боевой организации возглавлял И. Ф. Опарин. Личный состав круглосуточно нес дежурство в совете, милиции и заводской конторе. Систематически (раз в неделю) проводились учебные занятия с дружинниками.[24] Организация обучения боевиков проходила, как правило, в двух формах: а) «спешная» (от полутора недель до 2-х месяцев; б) ускоренная (от полутора до 3-х месяцев).[25] Оклады заводских дружинников были довольно-таки приличными. Так, например, член исполкома совета рабочих депутатов Миньярского завода получал 350 руб. в месяц, а красногвардеец-инструктор — 270.[26]

Создавались правоохранительные структуры и на других предприятиях губернии. Уфимский районный железнодорожный комитет телеграфировал Народному комиссару путей сообщения, что организованная 12 января 1918 г. боевая организация железнодорожников за три недели соей деятельности прекратила всякое движение мешочников. «Беспощадная борьба, — писал он в телеграмме, — ведется со спекулянтами, хулиганством, воровством и безбилетниками».[27] Необходимо отметить четкую организацию несения службы членами данного БОНВ. Основная его часть несла «двусменное дежурство по станции для поддержания порядка», — говорилось в одном из отчетов командира отряда. Остальные дружинники входили в специально созданный для оперативного реагирования на происшествия и преступления летучий отряд. Оплата осуществлялась из расчета среднего заработка железнодорожного рабочего. Сотрудникам городского БОНВ жалование выплачивал Уфимский совет рабочих и солдатских депутатов.[28]

После заключения Брестского мира и выхода левых эсеров из состава правительства началась активная большевизация командования красногвардейских частей. В Уфимской губернии в Саткинском металлургическом заводе Златоустовского уезда в январе 1918 г. при совете рабочих депутатов уже функционировала боевая дружина в составе 70-80 рабочих, четверть из которых (15-20 человек) постоянно несла круглосуточную службу. Командовал этим подразделением левый эсер Гущин. «Боевая дружина выполняла функции милиции», — позже вспоминал дружинник Баранов.[29] В конце марта левоэсеровский штаб занялся самоуправством, провел перерегистрацию боевиков и под этим предлогом отобрал у них все оружие. Узнав об этом, заводской большевистский комитет обратился за помощью к губернской власти. Прибывший из Уфы красногвардейский отряд произвел арест членов штаба, был назначен новый командир дружины — большевик Ф. М. Абросимова.[30]

Однако это был не единственный эксцесс, связанный с красногвардейскими формированиями Златоустовского уезда, где вооруженные конфликты происходили не только с представителями антагонистических классов, но имели место таковые и между местными дружинниками. Так, в середине апреля 1918 г. боевые формирования Кусы и поселка Журкатау, вместо того, чтобы стать образцом правомерного поведения, устроили «кровопролитную стычку», в ходе которой несколько бойцов были убиты, виновные в этом арестованы и преданы революционному суду.[31]

От заводских региональных центров процесс образования новых правоохранительных структур переместился в сельские районы. При этом по инициативе отдельных советов он не приобретал «повальный» характер. Боевые подразделения должны были создаваться, в первую очередь, при осложнении криминогенной обстановки. Так, 28 февраля 1918 г. Московский волостной совет крестьянских депутатов Бирского уезда постановил боевые дружины организовывать в деревнях по мере надобности.[32] И в деревне большевики, вполне естественно, были во главе этого процесса. На общем собрании Зилимской поселковой группы РСДРП(б) Архангельской волости Стерлитамакского уезда 6 марта 1918 г. было принято постановление: «Создать боевую дружину для поддержания порядка и для укрепления революции и отражения белой гвардии».[33] На основании анализа протоколов данной парторганизации можно установить, что основным источником получения оружия сельскими БОНВ была Уфа. Так, например, 15 марта 1918 г. из губернского центра в Зилим было доставлено 30 винтовок и 1000 штук патронов.[34]

Сельские боевые дружины помимо охраны советов, поддержания общественного порядка исполняли и иные правоохранительные функции. В частности боевая организация Благовещенского волсовета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов уже в январе 1918 г. неоднократно изымала краденые вещи у их укрывателей в селе Дмитриевка. Более того, дружинники за такую форму пособничества сами накладывали денежные штрафы.[35]

Численный состав сельских дружин Уфимской губернии возрастал, практически ежемесячно. Конкретную динамику этого процесса можно проследить на примере Давлеткановской городской дружины Белебеевского уезда. «С 1918 г.: в январе месяце было боевых дружинников 34 члена, в феврале — 39, в марте — 40, а в апреле существует всего боевых дружинников 80 членов. Дальнейший набор продолжается», — докладывал в губернский штаб БОНВ командир дружины Мещеряков.[36] Другим примером, подтверждающим эту общую тенденцию, являлось решение Дуван-Табынского волостного исполкома Стерлитамакского уезда от 6 мая 1918 года о скорейшем увеличении численности боевой дружины с 25 до 500 человек «в целях сохранения завоеваний Октябрьской революции».[37]

К началу гражданской войны сеть отрядов сельской гвардии и боевых дружин покрыла практически всю территорию губернии. На территории Стерлитамакского уезда новые правоохранительные вооруженные структуры были образованы в Азнаевской, Архангельской и Верхоторской волостях, Богоявленском заводе, отдельных населенных пунктах — Красноярка (350 человек, командир М. Слободин) и Валентиновка (50, Л. Попало). Аналогичные процессы происходили в других уездах губернии. Так, например, в Бирском — боевые дружины функционировали в Тюнинской, Клебаковской, Чераулловской, Никольской, Верхнетатышменской волостях, в Златоустовском — Верхнекичигинской, Емашинской, Месягутовской, Тастубинской, Ярославской, Еландинской; в Уфимском — Осогринской, Урман-Кудейской, Бишаул-Унгаровской, Караякуповской, Дмитровской, Сафоровсокй и др. волостях.[38]

Однако этот процесс носил не абсолютный характер. В части волостей вплоть до начала гражданской войны дружины так и не были созданы. Так, например, в Уфимском уезде — в **Удельно-Дуванатской** волости; Стерлитамакском — Ишнарсовской; Белебеевском — Алышеевской и др.[39]; Златоустовском — в Метлинской.[40] Одной из причин этого являлось отсутствие денежных средств у советов и партийных комитетов. «Боевую единицу я принимался организовывать два раза и все же под ружьем ни одного человека не имею. Организовал первый раз, пришлось за неимением средств отослать в уезд. Во второй раз, то есть в настоящий момент, организовал только на бумаге, то есть записалось 18 человек и дальше дело встало, нигде не могу исходатайствовать средств», — докладывал в апреле 1918 г. в ЦК РСДРП(б) руководитель партийной ячейки деревни Корчажка Заинской волости Мензелинского уезда.[41] В целях эффективного взаимодействия сельские дружины устанавливали тесные связи с районными штабами БОНВ, в первую

очередь, путем делегирования в их состав своих представителей.[42] Кроме того, в случаях обострения криминогенной обстановки данные правоохранительные формирования своим личным составом помогали Центральному штабу. Так, например, 9 апреля 1918 г. общее собрание Топорнинской боевой организации Покровской волости Уфимского уезда в ответ на просьбу губернского командования направило ему на помощь отряд численностью в 7 человек, выделив денежное довольствие на проезд и суточные расходы. Аналогичное решение было принято в деревне Колтаевой этой же волости.[43]

В то же время взаимоотношения Центрального штаба с другими губернскими правоохранительными структурами не всегда было гладким. Так, например, IV-м съездом представителей БОНВ по результатам докладов с мест была принята резолюция-протест против действий уфимского губревтрибунала, который «выпустил на свободу, якобы вследствие недостаточности улик в контрреволюционных действиях… арестованных на местах и препровожденных в Уфимскую тюрьму саботажников и контрреволюционеров,… мешавших организации советской власти». И далее съезд постановил: «Когда идет война и льется кровь защитников советской власти и рабочее-крестьянской России, выпускать из тюрьмы сторонников и шпионов Дутова является действием, разлагающим на местах советскую работу, а в конечном результате легко может привести к нежелательным расправам на местах и самосудам. Данное постановление съезд доводит до сведения Уфимского губисполкома, Уфимского совета народных комиссаров и Уфимского революционного трибунала».[44]

В результате предпринимаемых Центральным щтабом мер к лету 1918 г. (данные на 30 мая) БОНВ объединяли 79 боевых организации общей численностью около 12 тыс. человек.[45] В общей оценке деятельности БОНВ в переходный период пролетарского государства мы солидарны с мнением уральского исследователя С. А. Василенко, утверждающего, что данная силовая структура задумывалась и действовала как организация, наиболее полно отвечавшая марксистко-ленинской концепции всеобщего вооружения народа с привлечением представителей других партий, с мощным мобилизационным аппаратом. Главный их организатор и руководитель Э. С. Кадомцев писал: «БОНВ создавались на ленинских принципах военных организаций революционного пролетариата: всеобщее вооружение народа».[46] Несмотря на то, что БОНВ не образовывалась для конкретных правоохранительных целей, ей в первый год советской власти приходилось охранять общественный порядок, обеспечивать личную и имущественную безопасность граждан, бороться с преступностью и др.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вперед. 1917. 7 ноября.
2. Земля и воля. 1918. 18 января.
3. Октябрь в Башкирии (октябрь 1917 — май 1918) / Сб. док. и матер. Уфа. 1987. С. 109-157.
4. Там же. С. 77-78.
5. ГУОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 184. Л. 36.
6. Златоустовская энциклопедия. Златоуст. 1994. Т.1. С. 12.
7. ГУОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 184. Л. 73-74.
8. Известия Миасского Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. 30 марта.
9. Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (ноябрь 1917 г. — февраль 1918 г.). / Сб. док. Т. 2. М. 1957. С. 294.
10. Октябрь в Башкирии. 1987. С. 109-157.
11. Там же. С. 17.
12. ЦГИА РБ, Ф. Р-284. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.
13. Правда. 1918. 2 февраля.
14. Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Баш-

кирии (февраль 1917 — июнь 1918 гг.) / Сб. док. и матер. Уфа. 1957. С. 380-381.
15. *Румянцев Е. Д.* Боевые организации народного вооружения на Урале в 1905-1918 гг. // Из истории общественных и политических организаций на Урале. Ч. I. Екатеринбург. 1992. С. 29.
16. *Морозов Е. Г.* Организационная структура Боевых организаций народного вооружения Уфимской губернии в 1917-1918 гг. // Двенадцатые Бирюковские чтения. Челябинск. 1996. С. 67.
17. *Верхось В. П.* Красная гвардия в Октябрьской революции. М. 1976. С. 114.
18. *Василенко С. А*. К вопросу о целях создания различных видов пролетарской милиции на Южном Урале // Наука-ВУЗ-школа. / Сб. науч. трудов молодых исследователей. Челябинск-Магнитогорск. 1995. С. 36.
19. ГУОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 342. Л. 186.
20. Там же. Л. 177.
21. Там же. Д. 184. Л. 12.
22. Там же. Д. 339. Л. 145.
23. Там же. Ф. 526. Оп.2. Д. 58. Л. 109, 118.
24. АО Златоуста. Ф. Р-44. Оп.1. Д. 21. Л. 79-89.
25. *Морозов Е. Г.* Ук. соч. С.68.
26. АО Златоуста. Ф. Р-104. Оп.1. Д. 2. Л. 59-61.
27. Башкирский сборник. Уфа. 1957. С. 411.
28. ГУОГАЧО. Ф. П-596. Оп.1 Д. 184. Л. 19-20.
29. Там же. Д. 341. Л. 64.
30. Там же. Л. 66.
31. Солдаты Октября. Очерки о борцах за установление Советской власти на Южном Урале. Челябинск. 1988. С. 173.
32. ЦГИА РБ. Ф. Р-87. Оп. 1. Д. 22. Л. 6.
33. Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии. С. 273-274.
34. ЦГИА РБ. Ф. Р-954. Оп. 1. Д. 22. Л. 6.
35. Там же. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 2. Л. 7-8.
36. Там же. Ф. Р-954. Оп. 1. Д. 33. Л. 13.
37. Там же. Ф. Р-113. Оп. 1. Д. 1. Л. 54.
38. Октябрь в Башкирию 1987. С. 109-157.
39. Там же.
40. Известия Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и армейских депутатов и Екатеринбургского Совета рабочих и армейских депутатов. 1918. 6 апреля.
41. Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (март-июнь 1918 г.). Сб. док. Т. 3. М. 1967. С. 207.
42. ЦГИА РБ. Ф. Р-954. Оп. 1. Д. 22. Л. 6.
43. Там же. Л. 20.
44. ГУОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 184. Л. 19-20.
45. *Горячев Ю.Н., Дубленных В. В.* Боевые организации народного вооружения // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург. 2000. С. 93.
46. *Василенко С. А.* Ук. соч. С. 37.

A. A. ABRAMOVSKY

FORMATION OF SOVIET LAW-ENFORCEMENT STRUCTURES IN UFA PROVINCE IN 1917–1918

The author shows the process of a formation within law-enforcement structures of the Soviet state in 1917–1918 on the example of Ufa province. According to the marxist theory it was necessary to liquidate the former force establishments and first of all — militia. The struc-

ture — fighting groups of national arming met the requirements of the concept about general arming of people in quite full measurement. However the author marks, that the formation of those new law enforcement bodies had an inconsistent and contradictory character.

А.В. БУДАНОВ (Челябинск)

СТАНОВЛЕНИЕ ОРГАНОВ РАБОЧЕГО УПРАВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛИЗИРОВАННЫМ ПРОИЗВОДСТВОМ УРАЛА (1917 — май 1918 гг.)

Эффективность системы управления как отдельным предприятием, так и промышленностью целого региона всегда имела большое значение для укрепления экономики страны как в период стабильности, так и в кризисные моменты. Изучение управленческих схем и методов прошлого, особенно в периоды социально-экономических преобразований, необходимо для накопления положительного опыта, для избежания ошибок в настоящем и будущем. Не менее важно исследовать соотношение принципов централизации и децентрализации в управлении промышленностью переходного периода.

В конце 1917 — начале 1918 гг. российская экономика в целом и уральская промышленность в частности оказались в довольно тяжелом положении. Возникший кризис был вызван затянувшейся I-й мировой войной, не способствовала стабилизации и начавшаяся Революция. После Октябрьского переворота многие промышленники выступили против экономических преобразований Советской власти, начав массовый саботаж, на что большевики ответили карательной национализацией промышленности, которая привела к разрушению налаженных производственных связей. Урал был одним из лидеров по темпам национализации в стране: за полгода большая часть промышленности региона оказалась в руках государства. В сложившихся условиях на Урале одной из важнейших проблем стала организация действенного механизма управления национализированным производством.

Дореволюционный управленческий аппарат в конце 1917 — начале 1918 гг. перестал соответствовать изменившейся политической и социально-экономической ситуации, а чиновники по большей части оказались в оппозиции к Советской власти. На Урале процесс реорганизации старых органов управления промышленностью начался осенью 1917 г. 30 ноября 1917 г. Уральским Областным Советом рабочих и солдатских депутатов Урала была созвана специальная сессия Заводского совещания (орган Особого совещания по обороне государства на Урале, регулировавший работу промышленности посредством распределения оборонных заказов), на которой делегаты демократической группы Совещания выразили недоверие его Рабочему бюро. После бурных дебатов по новой программе действий Заводского совещания представители заводовладельцев и высших конторских служащих покинули заседание. В результате было избрано новое Рабочее бюро, в которое вошли большевики В.Н. Андроников (председатель), В.М. Быков, П.Л. Войков, А.А. Кузьмин и левый эсер С.М. Стрижев, кандидатами — большевик Б.В. Дидковский, левые эсеры А.И. Гощинский, А.И. Дугин и меньшевик А.М. Маслов. 3 декабря 1917 г. Рабочее бюро было переименовано в Исполнительное бюро, чем подчеркивалось стремление руководства решительно вмешиваться в вопросы регулирования уральской промышленностью[1]. В тот же день Исполнительное бюро обратилось к проходившей в то время I конференции фабзавкомов Урала с предложением передать контроль над исполнением решений Заводского совещания на заводах местным органам рабочего контроля[2]. Реорганизация Заводского совещания была связана в первую оче-

редь с необходимостью проведения широкого распорядительного рабочего контроля на заводах, а также необходимостью помочь фабзавкомам организовать производственный процесс в условиях саботажа заводчиков и представителей высшей администрации уральских горных округов и заводов.

На Урале эти процессы привели к началу массовой национализации промышленности: 7 декабря 1917 г. декретом Совнаркома был национализирован Богословский горный округ, 9 декабря — Симский горный округ, 27 декабря — Кыштымский и Сергинско-Уфалейский горные округа, 29 декабря — Невьянский горный округ. Всего до июля 1918 г. на Урале было национализировано 25 из 34 горных округов, а также множество отдельных заводов[3]. В результате уже в конце декабря 1917 г. возникла острая необходимость в создании системы рабочего управления национализированным производством Урала. Высовнархоз в этих условиях 23 декабря 1917 г. признал Заводское совещание Уральского района своим областным органом, возложив на него руководство работой национализированной промышленностью Урала, её демилитаризацией, через него также осуществлялось финансирование заводов и горных округов[4].

Однако уже тогда было ясно, что этот орган по своей организационной структуре не был создан для решения поставленных перед ним задач и являлся временным. Уже 22 декабря 1917 г. Облсовет разослал по заводам Урала извещение о необходимости избрания делегатов на I Съезд по организации управления бывшими казенными и национализированными предприятиями Урала. Перед новым руководством уральской промышленностью возникла сложная задача: необходимо было самостоятельно разработать структуру управления национализированным производством Урала, так как в центре тогда еще не была разработана соответствующая схема организации управления, так как ВСНХ и его отделы сами еще находились в процессе становления. По признанию первого председателя ВСНХ Н. Осинского (В.В. Оболенского), вступившего в эту должность лишь с 12 декабря 1917 г., у Высовнархоза еще «был слаб аппарат и неопределена окончательно структура»[5]. Даже такой важный вопрос как финансирование уральской промышленности в декабре 1917 г. проводился не через ВСНХ, а напрямую решался Советским правительством. На Урал согласно постановлению СНК от 23 декабря 1917 г. в экстренном порядке было направлено 5 млн руб.[6] 24 декабря 1917 г. на заседании Совнаркома было принято решение перевести на счет Заводского совещания Уральского района еще 30 млн руб. для финансирования заводов[7]. Нормальная работа ВСНХ не наладилась даже к середине января 1918 г. 16 января 1918 г. Совнарком рассмотрел вопрос о затягивании с решением ряда важных вопросов в ВСНХ и обязал его руководителей исправить ситуацию[8].

На Урале вынуждены были самостоятельно вырабатывать новую структуру управления промышленностью. На I Съезде по организации управления национализированным производством Урала (4–10 января 1918 г.) была разработана, а на III Областном съезде советов Урала (24–29 января 1918 г.) утверждена в окончательном варианте своя оригинальная схема управления национализированной промышленностью региона. Основными органами управления отдельными заводами и горными округами стали выборные коллегиальные органы управления — Деловые советы, состоявшие в среднем из 3–7 членов, в зависимости от размеров предприятия. Деловые советы заводов избирались общими собраниями трудового коллектива, либо через профсоюзы; горных округов — периодическими конференциями представителей отдельных заводов и рудников. По социальному составу деловые советы формировались на 2/3 из представителей от рабочих и 1/3 — от служащих, инженеров и техников. Выборность деловых советов, помимо идеологии того времени, была связана с необходимостью восстановить доверие трудовых коллективов к руководству предприятий, подорванному в результате организованного саботажа прежней администрации. Без опоры на трудовой коллектив в то время нельзя было в короткие сроки решить крайне важные проблемы: демилитаризацию производства, решение топливного кризиса, финансовый кризис и т.д. Утверждение принципов коллегиальности в управлении было связано с нестабильной работой предпри-

ятий в связи с напряженной обстановкой в стране. В создавшихся условиях руководству нередко приходилось одновременно решать несколько сложных задач, что требовало четко распределить обязанности и поставить ответственных руководителей во главе отдельных значимых отраслей производства. Тем не менее, коллегиальность всегда приводить к такому явлению как значительная децентрализация управления. Для предотвращения подобных негативных явлений в уральскую схему организации управления было включено положение о персональной ответственности председателей деловых советов за состояние и работу предприятий, отдельные члены отвечали за порученную им сферу производственного процесса. Еще более централизовало работу деловых советов созданное на III съезде советов Областное правление национализированных предприятий Урала, утверждавшее составы деловых советов, наделенное правом кассации их выборов. Оно могло отменять решения деловых советов, благодаря чему достигалась необходимая централизация управления в масштабе всего Урала. Областное правление руководило работой всей национализированной горнозаводской промышленности Урала, через него распределялось финансирование, сырье и материалы, налаживались производственные и хозяйственные связи между предприятиями и т.д.

В связи с тем, что схема организации управления национализированным производством разрабатывалась непосредственно на Урале, все важнейшие полномочия по управлению уральской промышленностью передавались Областному правлению национализированных предприятий, работавшему под контролем Областного совета рабочих и солдатских депутатов, тогда как влияние ВСНХ на процесс принятия управленческих решений сводилось к минимуму. Фактически на Урале Высший Совет Народного Хозяйства рассматривался лишь как источник финансирования. Например, в январе 1918 г. ВСНХ выделил на нужды уральской промышленности 75 млн. руб.[9] Создавшаяся ситуация не устраивала руководство ВСНХ, где к тому времени набирала силу борьба с «областничеством» под лозунгом централизации управления. В центре осознавали важность разработки унифицированной системы управления национализированными предприятиями. Одновременно с III Областным съездом советов Урала в Петрограде проходил Съезд представителей бывших казенных и национализированных предприятий Урала (20–29 января 1918), созванный по инициативе наркома труда А.Г. Шляпникова. На Съезде была разработана оригинальная схема организации управления, но она была более сложной для практической реализации, чем уральская, к тому же баланс централизма и децентрализации в ней соблюден не был, так как предусматривался явный перевес в сторону коллегиальности и выборности. На Съезде была выдвинута идея создания нового органа для управления промышленностью всей страны — Горнопромышленного совета при ВСНХ[10]. С этой идеей делегаты Съезда Г.И. Мясников, Д.Е. Сулимов, М.В. Драгунов, предварительно избранные в состав Горнопромышленного совета, обратились в ВСНХ, руководство которого поспешило воспользоваться случаем и подчинить себе «строптивый Урал». 14 февраля 1918 г. данный проект обсуждался на заседании президиума ВСНХ, хотя амбиции по созданию Горнопромышленного совета были отвергнуты, но взамен было решено создать орган при Горно-металлургическом отделе для руководства уральской промышленностью[11]. Уже 22 февраля было принято решение о создании Уралсекции, куда вошли трое названных выше делегатов Петроградского съезда, а также представители от ВСНХ Н.С. Никольский, Н.М. Егоров, С.И. Любинский. Автором данного проекта был Ю. Ларин (М.А. Лурье) — известный сторонник жесткой централизации управления[12]. Уралсекция по мысли руководства ВСНХ должна была сменить в скором времени Областное правление национализированных предприятий Урала, таким образом, работой уральской промышленности напрямую бы руководили из столицы. На Урале данная идея вызвала бурю негодования и протеста, в частности указывалось, что подобные решения должны приниматься на общеуральском съезде, а не в административном порядке. В результате Высовнархоз вынужден был отступить. 12 апреля 1918 г. Уралсекция была упразднена, взамен был создан Уральский секретариат, выполнявший функции подсобного органа Областного правления через ко-

торый осуществлялась более тесная связь с ВСНХ[13]. Дело было не столько в протесте со стороны уральцев, сколько в объективной невозможности в тех сложных условиях эффективно руководить всей уральской промышленностью из центра, не имея при этом авторитета выборного органа управления. По признанию члена Уралсекции Д.Е. Сулимова её деятельность фактически сразу свелась к переводу на Урал запрашиваемых финансовых средств.

В марте 1918 г. сторонники жесткого подчинения регионов центру из руководства ВСНХ во главе с Ю. Лариным разработали схему организации управления национализированными предприятиями страны. Согласно проекту на каждое предприятие центральным управлением соответствующей отрасли промышленности при ВСНХ назначались технический и административный директора с четко разграниченными полномочиями, а также комиссар, контролировавший их деятельность. Выборным был лишь хозяйственно-административный совет при административном директоре[14]. Схема эта оказалась нежизнеспособной, так как была слишком сложной, создавала на предприятии двоецентрие. С другой стороны, у ВСНХ еще не имелось достаточного кадрового резерва для назначения директоров на национализированные предприятия всей страны, тогда как на местах хорошо знали, кто из местных работников способен возглавить производство. Естественно, что данная схема вызвала протест на Урале, не прижилась она и в других регионах страны и была окончательно отвергнута на I Всероссийском съезде советов народного хозяйства (26 мая — 4 июня 1918).

Следующая попытка центра установить прямое управление уральской промышленностью была предпринята под предлогом реализации проекта, предложенного финансовой группой «Стахеев» о создании гигантского металлургического треста на Урале и присоединением к нему угольных предприятий Кузбасса, с привлечением российского и американского частного капитала. Ю. Ларин предложил создать Уральский горнозаводской комитет для подготовки и реализации этого проекта, куда бы вошли такие известные деятели ВСНХ, как М.А. Савельев, В.В. Оболенский, Г.М. Кржижановский и др., тогда как Урал в нем должен был представлять лишь один человек[15]. Естественно, подразумевалось, что после создания треста Областное правление национализированных предприятий Урала передаст свои полномочия Уральскому горнозаводскому комитету. Эти планы вызвали бурю протеста на Урале, в горно-металлургическом отделе ВСНХ были крайне обеспокоены таким развитием ситуации, которая грозила окончательно испортить отношения с уральским руководством и привести к грандиозному скандалу. Однако этого не произошло, так как вскоре проект группы «Стахеев» был отвергнут Советским правительством, и конфликт был исчерпан.

Вскоре в руководстве ВСНХ стали осознавать, что на данном этапе более широкие полномочия местных хозяйственных органов обусловлены не только и не столько «областничеством», сколько объективной необходимостью, связанной с перестройкой всей хозяйственной и социально-экономической системы организации промышленности на местах. «Областничество» в то время действительно существовало, например, на Урале в первой половине 1918 г. имела место идея создания особой Уральской республики, но исповедовали ее, прежде всего, эсеры. Эти планы не нашли широкой поддержки уральских большевиков, после чего в столице стало ясно, что сепаратистские тенденции на Урале не представляют серьезной опасности. Например, в выступлении на II Съезде по организации управления национализированными предприятиям Урала (Екатеринбург, 14–22 мая 1918) председатель горнометаллургического отдела ВСНХ М.А. Савельев уже отмечал: «Мы — сторонники централизации, но нельзя убивать творческую самодеятельную активность на местах»[16]. Так или иначе, ВСНХ пошел на уступки, в результате с 21 мая 1918 г. началось формирование Уральского областного совета народного хозяйства на основе экономической секции Областного совета, чему до этого создавались всевозможные препоны со стороны Высовнархоза. Окончательно процесс его формирования завершился в начале июня 1918 г., но налаживанию его нормальной работы помешала начавшаяся Гражданская война[17].

Все-таки определенная напряженность в отношениях уральских и центральных хозяйственных организаций сохранялась. В связи с наступлением чехословацких войск на Урал Высшим Советом Народного Хозяйства 20 июня 1918 г. был командирован для вывоза металлов с заводов А.Я. Салитов, наделенный самыми широкими полномочиями. Тем не менее, по словам Салитова руководство Областного правления национализированных предприятий Урала считалось с его полномочиями «постольку, поскольку они им нравились», а председатель Областного правления А.А. Кузьмин «предложил просто работать под их руководством без всяких прав представителя ВСНХ»[18]. Окончательно все противоречия между уральскими хозяйственными органами и ВСНХ разрешила Гражданская война. Подавляющая часть Уральских заводов оказалась под властью белых, Областное правление национализированных предприятий Урала было эвакуировано сначала в Пермь, затем в Вятку, а в феврале 1919 г. — ликвидировано, а многие его члены стали работать в аппарате ВСНХ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, сосредоточение большого числа полномочий в руках уральских хозяйственных органов в первой половине 1918 г. было вызвано объективными причинами. Во-первых, центральные органы, руководившие экономикой страны, сами находились в процессе формирования и еще физически не могли руководить решением многих важных вопросов на местах. В центре еще не имелось достаточного кадрового резерва, поэтому выборность управления позволяла на местах подобрать достойные кандидатуры. Во-вторых, в условиях экономического кризиса, обостренного сменой формы собственности многих предприятий, а значит, разрушением налаженных хозяйственных связей, необходимостью проведения демилитаризации промышленности на Урале и другими проблемами, лишь на месте возможно было принять необходимые антикризисные меры, учитывая все особенности каждого конкретного предприятия и Уральской промышленности в целом. Попытки жесткой централизации управления в тех условиях были не своевременными, не могли привести к положительным результатам в работе промышленности и поэтому оказались неудачными.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Абрамовский А.П.* Становление системы управления национализированной промышленностью Урала (декабрь 1917 — май 1918) // Урал в событиях 1917–1921гг. Актуальные проблемы изучения: материалы регионального научного семинара 24–25 апреля 1999 г., г. Челябинск / Под ред. И.В. Нарского; Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1999. С. 119–120.
2. Национализация промышленности на Урале (октябрь 1917 — июль 1918 гг.). Сборник документов /Под ред. В.В. Адамова и В.Н. Зуйкова. Свердловск: Свердловское книжное изд-во, 1958. С. 50, 134, 135, 287, 190.
3. Там же.
4. *Филоненко А.Л.* ВСНХ: идея и реальность. Магнитогорск: МГПИ, 1998. С. 112–115.
5. *Оболенский В*. Из первых дней Высшего Совета Народного хозяйства // Народное хозяйство. № 11. 1918. С. 12–13.
6. Национализация промышленности на Урале... С. 50, 134, 135, 287, 190.
7. Декреты советской власти. Т. I. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1957. С. 289.
8. ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 1. Л. 39.
9. *Абрамовский А.П.* Первые социалистические преобразования в промышленности горнозаводского Урала. Челябинск: ЧГПИ, 1981. С. 52.
10. *Филоненко А.Л.* ВСНХ: идея и реальность. Магнитогорск: МГПИ, 1998. С. 112–115.
11. Национализация промышленности на Урале... С. 50, 134, 135, 287, 190.
12. РГАЭ. Ф. 4329. Оп. 1. Д. 36. Л. 36–36 (Об).

13. Советы народного хозяйства и плановые органы в центре и на местах (1917–1932). Сборник документов. М., Гос. изд-во полит. лит-ры, 1957. С. 66–69.
14. Там же.
15. РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 4. Д. 88. Л. 4–4 (Об).
16. РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 4. Д. 115. Л. 74.
17. *Козочкина Е.Д.* Из истории организации управления промышленностью (1918–1921 гг.). М: изд-во Московского ун-та, 1964. С. 33.
18. РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 4. Д. 115. Л. 52 (Об).

A.V. BUDANOV

FIRST STEPS OF WORKERS' MANAGING COMMITTEE OF NATIONALIZED INDUSTRY IN URAL REGION (december 1917 — may 1918)

The article reflects some results of a broader scientific research, devoted to the organization of the worker's management. The core of the scientific research is the theory of modernization. The author of this article investigates some features of creation a specific system of management for the nationalized industry in the Ural. That system permitted to carry out the plans of the demilitarization of the Ural industry and to reach the highest results at the beginning of the Civil War in 1918. The relation between the Ural committee of worker's management and Sovnarkhoz is analyzed in the article, as well as correlation of the principles of decentralization and centralization. The process of the financing the Ural industry is investigated in the article either.

О.Ю. НИКОНОВА (Челябинск)

СОВЕТСКИЙ ПАТРИОТИЗМ В ПРОВИНЦИИ: СЛУЧАЙ «КРАСНЫХ ПАРТИЗАН»

10 октября 1929 г. в г. Уфе состоялась первая конференция «красных партизан» — добровольцев, участников первых боев за установление советской власти. Протоколы этой конференции оказались чрезвычайно интересным историческим документом, проливающим свет на проблему интеграции старшего поколения в социокультурный контекст сталинского режима. Под старшим поколением в данной статье понимаются, главным образом, мужчины, родившиеся на рубеже XIX–XX вв. и принимавшие участие в Первой мировой войне, революции и гражданской войне. Ниже мы рассмотрим сюжеты, посвященные участию этого поколения в конструировании памяти о гражданской войне и официального советского патриотизма довоенного периода, проблеме социальной консолидации и политической интеграции ветеранов гражданской войны в сталинское общество через механизмы патриотической мобилизации, а также затрагивающие вопрос о «цене» интеграции старшего поколения в сталинское общество для обеих сторон — режима и исследуемой социальной группы.

Становление сталинского режима сопровождалось сменой идеологической и культурной парадигм: переходом от идеи мировой революции к сталинской концепции построения социализма в одной стране, переносом акцентов пропаганды с интернационализма и международной солидарности на супранациональный советский патриотизм с

элементами имперского русского национализма. В социальной сфере вышеназванные процессы нашли свое выражение в радикальной смене поколений, почти полной гибели так называемой «ленинской гвардии» и формировании сталинской бюрократии. Вместе с тем культурный контекст сталинского общества, весьма противоречивый и эклектичный, оставлял идейное и социальное «пространство» для интеграции поколения, своими руками «делавшего» революцию. Это видно, в том числе, и на примере «красных партизан».

КРАСНЫЕ ПАРТИЗАНЫ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Для большинства уральских красногвардейцев и партизан гражданская война завершилась летом 1919 г., когда войска Колчака были вытеснены с территории Урала. После этого значительное число бывших добровольцев вернулось домой. Оказалось, что дома их ожидало не светлое будущее, а множество проблем — последствия ранений, инвалидность, разрушенное хозяйство и удручающая бедность. Первое постановление ЦИК[1] о помощи и льготах бывшим красноармейцам-добровольцам было принято лишь в 1928 г.[2] Формальным поводом для этого стал 10-летний юбилей Красной Армии. В постановлении ЦК ВКП (б) от 19 января 1928 г. «О праздновании десятилетия Красной Армии» говорилось, что власть решила «отметить заслуги бывших красных партизан и бывших красногвардейцев» выдачей кредитов, землеустроительными льготами, освобождением от платы за учебу и выделением стипендий в вузах детям ветеранов[3]. В реальности за фасадом юбилейной раздачи подарков скрывалось намерение партийного руководства привлечь разобщенных, колеблющихся и недовольных ветеранов к участию в социалистическом строительстве.

После выхода партийно-государственных решений 1928 г. о льготах красноармейцам и партизанам в регионах стали создаваться партийно-советские комиссии по обследованию положения ветеранов Красной Армии. Часто результаты этих обследований были шокирующими. Так, по сообщению башкирской комиссии, сведений о количестве и материальном положении «красных партизан» не имелось, большая часть бывших партизан не получала от власти никакой помощи или получала ее эпизодически и в мизерных количествах. Положение партизан и членов их семей было бедственным. Многие не имели собственных домов и хозяйств, нанимались в батраки или сдавали землю в аренду за хлеб, не имея возможности ее обрабатывать самостоятельно, не получали медицинской помощи и пенсии. Дети партизан, оставшиеся без родителей, нищенствовали, не ходили в школу из-за отсутствия одежды и обуви, а кое-где — и самих школ. Комиссия обратила внимание на некоторые особенно вопиющие факты: *«Прежде всего заслуживает внимания село Зилим в целом. Это бедняцкое село, имеющее около 350 дворов, из коих около 300 домохозяев в 1918 г. участвовали в партизанском движении и многие с фронта не вернулись (убиты). Село в 1918 г. было дотла сожжено, имущество партизан разграблено, семьи (отцы, жены) подвергались истязаниям, и село в целом после ухода партизан с отрядом Каширина представляло кучи развалин. После этого никакой ниоткуда помощи это партизанское село не получало и многие еще живут по чужим избам, в банях, не имеют лошадей и т.д… Партизаны Зилима почти все бедняки. Население Зилима на 75-80% заражено сифилисом… В Зилиме нет ни одного человека, имеющего среднее образование и никто не обучается в среднем учебном заведении… Партизаны обижаются, что им до сих пор не откроют даже фельдшерского пункта и они, искалеченные, израненные, избитые, нуждающиеся более чем кто-либо в лечении, должны ходить за помощью в Архангельск…»*[4]

В условиях тяжелой послевоенной повседневности отношение ветеранов гражданской войны к власти было весьма критичным. Башкирская комиссия сообщала о недовольстве, которое проявлялось «везде и всюду»: *«Комиссию всюду встречали вопросом: „Что заставило Башобком и Башцик на 12-м году революции интересоваться красны-*

ми партизанами, разве опять туго приходится, что власть вспомнила о нас“ (Зилим); „Мы ничего не получили, за что боролись — придется видимо делать новую революцию“ (Зилим); „Нас душат и давят. Белякам живется лучше, придется видно снова в старые партизанские руки взять винтовку“ (Архангельск, Гребнев); „Мы ушли в партизаны от лучшего, пришли к худшему“ (Зилим, намек на разорение); „Мы пойдем за вами, но прежде покончим всех беляков и спецов, примазавшихся к власти, захвативших теплые места и оттирающих партизан“ (Стерлитамак)…»[5]

Открыто высказывая недовольство, ветераны требовали улучшения своего положения. Протоколы уфимской конференции «красных партизан» свидетельствуют о том, что они уловили смысл «послания», содержавшегося в юбилейных торжествах по поводу 10-летия Красной Армии. Стало очевидным, что власть нуждается если не в них самих, то в риторике и образах «их» эпохи. И «красные партизаны» вступили в игру, предложенную властью. Их тексты всегда содержали в качестве главной референции гражданскую войну и революцию. Гражданская война выступала в качестве «символического капитала»[6], придававшего группе ветеранов особый вес в советском обществе и легитимирующего их право на «лучшее обращение». Ветераны пеняли власти за ее забывчивость («*…мы не должны забывать того обстоятельства, что заслуженные партизаны в настоящий момент остались на голодные муки. Красные партизаны совершенно забыты. О красных партизанах, которые вынесли на своих плечах тяжелое время 18-19 гг., теперь забывают»),* напоминали ей о своей роли в победе революции и о своих правах («*…не будем ждать, когда будут нападать на эту власть, мы ее создавали и не позволим ее сокрушить, мы считаем ее своей, если бывают случаи, когда мы ее ругаем, но в глаза мы имеем право ругать, если она неправильно поступает»…),* требовали адекватного вознаграждения за свои заслуги, прошлые и будущие (*«…надо больше заботиться о партизанах, нужно ремонтировать здоровье партизан…, чтобы они могли с большей энергией выполнять поставленные задачи…»; «… с партизанами надо считаться, с ними надо советоваться…»;* «*…чем мы с вами гарантированы, что весной вся эта сволочь не задумает напасть с противоположной стороны. Мы изъявляем готовность, но для того, чтобы быть готовыми, нужно иметь фундамент... Закаленных здесь сидящих бойцов нужно накормить, нужно вооружить и отправить туда, куда нужно»)*[7].

Контуры «желаемого» также апеллировали к тем революционным образам будущего общества, в борьбе за которые ветераны отдавали свои здоровье и жизни. Эти представления были производными от официальных репрезентаций советского общества, например, от образов всеобщей грамотности, благоденствия и подлинно «народной власти». Об этом свидетельствует не только стилистика писем и выступлений ветеранов, наполненных риторическими фигурами, почерпнутыми из государственной пропаганды, но и критика порядка, не совпадавшего с идеальными образами советского общества. «Красные партизаны» Башкирии четко выразили недовольство той пропастью, которая пролегла между идеалом и реальностью: *«Мы здесь не можем себя хвалить, […] то, товарищи, было время схваток с буржуазией и здесь должны внимательно обсудить, выявить все недостатки, ненормальности за нашими отдельными личностями, а также у госаппарата. Нам нужно здесь все силы влить для того, чтобы дать достроиться, довершить те начала, которые мы имеем»; «Самое главное, поскольку здесь мы собрались как завоеватели нашей революции, тех рабочих прав, которые мы должны иметь, мы должны сейчас обсудить этот вопрос… В особенности сейчас нужно обратить внимание на те семьи партизан, которые остались без своего родителя, который погиб во время гражданской войны. В первую очередь предоставить им бесплатно школы, чтобы ни одного не было неграмотного, как родители. Конечно, мы не все сумеем захватить ответственные места, которые требует наша промышленность, наше с.х., но мы всегда сумеем с нашими знаниями взять в руки винтовку и отразить тех нэпманов, которые посягают на нашу советскую республику»*[8].

Гражданская война задавала «рамки» для осмысления партизанской повседневности, международного положения, текущей политики партии и ее лозунгов: *«Мы должны вспомнить и доказать нашим отсталым настроениям, что было время, когда не допивали, не доедали, а все-таки шли вперед. Мы должны заявить правительству, что мы в таком же настроении»;* «*…когда припомнишь период гражданской войны, то мы с таким энтузиазмом брали тот фронт, разбивали Колчаковские и разные банды, то этот энтузиазм мы должны теперь же поставить его для выполнения 5-летнего плана…»; «…до сего времени мы боролись, мы вынесли все невзгоды, и в данный момент, если нас по первому зову вызовут на борьбу против капитала, с международными империалистами, на Китайско-Восточной ж.д., то мы, как заслуженные красные партизаны не должны отказаться и по первому зову мы должны идти на защиту во всем мире рабоче-крестьянского правительства…»; «… у нас борьба еще не кончена. Мы слышим каждое утро и вечер звон колоколов, надо бороться с дурманом, надо снять колокола…»; «Для нас известно для чего нам нужен хлеб. Неправильно те рассуждают, что хлеб нам нужен за границу для получения машин. Нужно вспомнить слова т. Рыкова на Московской партконференциии, когда его спросили, "а долго ли мы будем кашлять на Китайской границе, долго ли будем держать Красную Армию ". Он сказал: "Мы кашлять не будем, пусть кашляет тот, что перебирается к нам из-за границы"... Вот наши основные задачи. Поэтому я беру первой задачей как можно усилить нашу кампанию по хлебозаготовительной работе…»*[9]

ГЕРОИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ КАК ИДЕЙНЫЙ КОНТЕКСТ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В статье, посвященной проблеме формирования мифа о гражданской войне в 1917–22 гг., И.В.Нарский в качестве одного из благоприятных условий процесса мифотворчества называет социальную деформацию и распад «референтных групп» — носителей воспоминаний о событиях. Он также указывает на то, что конструирование мифа шло не только «сверху», но и «снизу», благодаря участию в творческом процессе современников событий[10]. Рассмотрим эти тезисы в применении к конструированию официальной коммеморации о гражданской войне в эпоху раннего сталинизма. А также проанализируем формы участия «красных партизан» в создании «мест памяти» о гражданской войне и процесс инструментализации мифа о гражданской войне на пользу официальному советскому патриотизму.

К концу 20-х гг. через полифонический «рисунок» разнообразных исторических и культурных репрезентаций гражданской войны[11] начала решительно пробиваться «соло»-партия господствующего дискурса. Официальная точка зрения на гражданскую войну не была статичной и трансформировалась по мере становления сталинского режима. Изменения в официальных репрезентациях гражданской войны хорошо видны на примере юбилейных празднований. Благодаря историческому казусу днем «памяти» гражданской войны стало 23 февраля. Поводом к учреждению этого праздника, известного как День рождения Красной Армии, послужили события, связанные с борьбой против внешнего врага и защитой национально-государственных границ[12]. Однако уже во время празднования 10-летнего юбилея Красной Армии топос о «защите социалистического Отечества» от иностранного вторжения был вторичен по отношению к мифам об установлении советской власти в борьбе с внутренним врагом. К 20-летию Красной Армии официальный дискурс памяти о гражданской войне опять претерпел существенные изменения. В официальной коммеморации все явственнее стали звучать патриотические нотки. В нее были встроены риторические фигуры и смыслообразы официального советского патриотизма, что наглядно демонстрируют праздничные тезисы отдела партийной пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) к юбилею: *«Под руководством партии большевиков Красная Армия разбила наголову и выбросила за пределы нашей социалистической Родины вооруженные до зубов полчища иностранных интервентов, кровожадные банды и бе-*

логвардейские армии русских помещиков и капиталистов. Истекая кровью, являя беспримерные в истории мужество и героизм, вооруженные рабочие и крестьяне отстояли фабрики и заводы от капиталистов, землю от помещиков, свою социалистическую Родину от ее внутренних и внешних врагов». На первый план в тезисах были выдвинуты события иностранной интервенции, как часть которой интерпретировались и «белогвардейцы»: *«Перепуганная пролетарской революцией и первыми успехами Советской власти, мировая буржуазия организовала контрреволюционные силы России, вооружила их и бросила их армии на удушение Советской республики. Международный империализм начал военное вторжение… На Красную Армию революция возложила труднейшую задачу — защитить Советскую Россию от объединенных сил иноземных захватчиков и внутренней контрреволюции, отстоять территориальную целостность и независимость нашей Родины, отстоять завоевания Великой Октябрьской социалистической революции»*[13]. Обращает на себя внимание многократное упоминание топоса о свободе и независимости советской страны и риторической фигуры «социалистической Родины». Дата начала гражданской войны под явным влиянием современной международной обстановки смещена на февраль 1918 г. — момент, когда «полчища немецких империалистов» «вторглись в пределы молодой, неокрепшей Советской республики»[14].

«Дни памяти» гражданское войны в регионах были обусловлены местной спецификой. На Урале ежегодно праздновали День освобождения края от Колчака (15 июля). Местные праздники не являлись общегосударственными и не входили в центральные календари праздничных дат, но играли важную роль в формировании коммеморативных практик по отношению к гражданской войне в регионах. День освобождения Урала от «наймита мировой буржуазии» Колчака в уральских городах отмечали в соответствии с праздничным каноном раннесталинской эпохи. Торжества длились несколько дней, открываясь вечерами воспоминаний участников боев гражданской войны на предприятиях и заводах и завершаясь праздничной демонстрацией. В День освобождения проходил военный парад с принятием присяги молодыми красноармейцами, затем демонстрация плавно перетекала в праздничные народные гулянья и «культурные» развлечения. Процесс вписывания коммеморативной культуры гражданской войны в патриотический контекст хорошо прослеживается на провинциальном материале. Еще в 1930 г. на переднем плане празднования 15 июля в Челябинске находилась локальная история гражданской войны. Разворот центральной газеты «Челябинский рабочий» был полностью посвящен памятным событиям. Редакция газеты воспроизвела передовицу об освобождении города, вышедшую на второй день после завершения Челябинской операции, поместила отрывки из воспоминаний о гражданской войне, портреты погибших «героев» — подпольщицы Кривой, рабочего Колющенко, председателя городского совета Цвиллинга — с пафосными некрологами-воспоминаниями[15]. А в юбилейных текстах, опубликованных четыре года спустя, уже явственно ощущается усиливающаяся инструментализация гражданской войны в интересах формирования советского патриотизма. Основным приемом патриотической трансформации памяти о гражданской войне стала ее героизация. Между временем гражданской войны и современностью проводились параллели, демонстрировавшие сходство героизма, патриотизма, жертвенности двух эпох. В планах Челябинского обкома партии по празднованию 15-летней годовщины освобождения Урала от Колчака была подчеркнута необходимость выявления участников гражданской войны, известных также как ударники социалистического строительства. На время юбилея им было уготовано служить примерами перманентного героизма[16]. Героическими «параллелями» пестрели и газеты. В юбилейном номере «Челябинского рабочего» была напечатана статья В.Котельникова «Герои великой родины». В ней за описанием героических эпизодов эпохи гражданской войны следовало подробное изложение эпопеи спасения челюскинцев. *«Пусть же страшатся те, которые и сейчас еще не забыли о планах Колчака и интервентов, которые и сейчас лелеют мечты о превращении советской страны в страну капиталистического рабства,* — заключал автор патриотической цитатой из центральной газеты «Правда». — *Их ждет участь еще более*

позорная, чем участь Колчака! Им лицом к лицу придется встретиться с героями нашей страны. Ляпидевский, Леваневский, Молоков, Каманин, Слепнев, Водопьянов, Доронин показали чудеса героизма, показали, на что способен стосемидесятимиллионный народ, когда встанет вопрос о защите его родины»[17]. И, конечно, в юбилейных текстах почетное место заняли образы мудрого руководителя и организатора Сталина и социалистической родины, являющиеся ключевыми риторическими фигурами официального патриотического дискурса. К концу 30-х гг. связка «Сталин — гражданская война» приобрела гротескные очертания. Из-за этого репрезентация памяти о гражданской войне, исполняемая провинциальными органами власти и учреждениями культуры, выглядела абсурдно. Например, предметом воспоминаний о гражданской войне в Башкирии были отнюдь не события в самой национальной республике, где гражданская война затронула большую часть населения, опустошила целые районы и оставила множество «зарубок» в памяти обычных людей. В 1938 г. коммеморация уже выстраивалась вокруг официальной версии гражданской войны, все более концентрировавшейся на воспоминаниях о событиях на Южном фронте, связанных с именами Сталина и Ворошилова. Вот как представлял себе праздничную программу директор башкирского театра в г. Уфе Шайхутдинов: «*Мы к подготовке 20 годовщины Красной Армии приступили давно — в первой половине января. […] Башкирский театр взял подбор пьесы «Как закалялась сталь», инсценировка Судакова по роману Островского. Режиссера Башкирского театра специально командировали в Москву, там готовился к постановке Трам, поговорил он с инсценировщиком и др. для того, чтобы лучше подготовить… Для того, чтобы показать стратегический план т. Сталина по разгрому Деникина подобрали пьесу «Дорога на юг» Прут…[…]Что мы делали, чтобы актеры уясняли, правильно исполняли и понимали свои роли. Проводили доклады всем работникам театра на тему «Сталин и Красная Армия»… Все участники башкирского театра прочитали роман Островского «Как закалялась сталь» и первый том гражданской войны»*[18].

Другие национальные театры и театральные кружки в колхозах также не отличались богатством репертуара: Давлекановский и Альшеевский театры готовили «Как закалялась сталь», чувашский театр «давал» две сцены из пьесы «Пограничники», а украинский — концерт к Дню Красной Армии. На основе общероссийского материала формировались программы библиотек, кинотеатров, оркестров, радио. Не мог похвастаться экспозицией, сформированной на основе местного материала и посвященной гражданской войне в Башкирии, музей революции в Уфе. Вместо этого посетителям предлагалось ознакомиться с выставкой материалов о событиях в Испании. На вопрос о том, как показана героическая роль РККА в «освобождении башкирского народа от гнета помещиков, кулаков, баев», сотрудница музея Вафитова сообщила: «*У нас есть отдел прошлое Башкирии. Местного материала очень мало…»*[19]

Из приведенных выше примеров видно, что складывание официальной коммеморативной культуры гражданской войны сопровождалось процессами деиндивидуализации локального, группового, этнического и другого опыта гражданской войны, а по мере становления сталинского режима — и девальвацией локальной специфики. На основе этого происходила героизация и мифологизация гражданской войны, стремительность которых действительно показывает «разобщенность» группы носителей опыта и воспоминаний о гражданской войне. Вместе с тем усилия режима по превращению гражданской войны в базовый миф советской власти и составной элемент советского патриотизма возымели и обратный эффект. Они стимулировали у «красных партизан» потребность в консолидации и вызвали волну активизма, направленную на воспроизводство «партизанской» идентичности в новых условиях послевоенного и пост-революционного общества. Юбилейные мероприятия в провинции, как демонстрируют протоколы заседаний местных партийных органов, были мощным импульсом, оживлявшим работу по сбору воспоминаний о гражданской войне[20]. Записывавшиеся с помощью специального опросника или заранее заданной структуры[21], литературно обработанные, эти воспоминания, подобно другим автобиографическим текстам, были способом саморепрезента-

ции «красных партизан». А содержание этой саморепрезентации соответствовало идентификационным потребностям группы старшего поколения, которые четко сформулировали башкирские «красные партизаны» на своей первой конференции. Они определили гражданскую войну как объект ностальгии, сакрализации и как основу для групповой солидарности[22], а себя сравнили с «хранителями» истинного знания и миссионерами по отношению к молодому поколению: *«… мы сюда пришли ободрить себя, мы пришли, товарищи, посмотреть на тот пройденный путь, который мы прошли, пришли обсудить те трудности, которые стоят перед нами… мы здесь должны ободриться духом, посмотреть, что мы сделали в Октябрьские дни, что мы сделали будущему поколению. Товарищи, мы на это пройденное должны смотреть как на какую-то святыню и хранить ее в своей душе и распространять среди молодого поколения»*[23].

Таким образом, заинтересованность ветеранов гражданской войны в поддержании ее репрезентации как самого знакового события в советском прошлом. Это отвечало усилиям власти по ее героизации и создавало основу для квази-общественной активности ветеранов по сохранению и поддержанию памяти о событиях тех лет. Деятельность «красных партизан», направленная на со-участие в формировании официального мифа о гражданской войне, простиралась от установления мемориальных досок и памятников[24], написания мемуаров и участия во встречах с подрастающим поколением до создания землячеств и партизанских бюро. Режим относился к социальному активизму «красных партизан» по-разному. Участие в вечерах воспоминаний о гражданской войне поощрялось в том случае, если оно было обставлено соответствующими ритуалами и проходило по официальному «канону» репрезентации гражданской войны. А вот любые попытки институциональной самоорганизации истолковывались властью в духе теории заговора. 2 декабря 1929 г. Башкирский обком партии получил секретное письмо информотдела ЦК ВКП (б), в котором, наряду с прочими, запрашивались данные о «движении за самоорганизацию бывших красных партизан». При знакомстве с составом затребованных сведений создается впечатление, что, по мнению ЦК, в стране уже сложилась разветвленная тайная организация ветеранов:

«Имеются ли настроения за создание самостоятельных организаций партизан и чем они вызваны. Попытки организационного объединения бывших партизан, роль в них партийцев и антисоветского элемента. По чьей инициативе возникал и проводился вопрос об организационном оформлении красных партизан. Формы организации и названия объединений. Уставы, программы и лозунги (приложить к записке). Наличие ярко выраженного антисоветского характера организации и их платформа. Формы связи между бывшими партизанами отдельных районов. Характер выступлений и принятых решений на партизанских собраниях, съездах, конференциях и пр. Численный охват партизан этими объединениями, их социальный состав»[25].

25 марта 1930 г. было принято постановление СНК о ликвидации бюро «красных партизан» и красногвардейцев[26]. Вместо них при городских советах создавались комиссии по выдаче удостоверений «красным партизанам» и красногвардейцам. Фактически эти комиссии выполняли функции органов социального обеспечения и не претендовали на деятельность, направленную на консолидацию социальной группы ветеранов. Участники гражданской войны, ожидавшие от партизанских бюро лоббирования интересов группы, не сразу сдали свои позиции, пользуясь тем, что советскими организациями работа с ветеранами была воспринята как обуза. Председатель челябинской комиссии по работе с «красными партизанами» при горсовете Колкотин писал в конце 30-х гг., что партизанские «бюро» продолжали работать в некоторых городах Урала, например, в Свердловске и Перми: «Приезжающие из других районов Урала бывшие красногвардейцы и красные партизаны говорят — «почему в других районах есть бюро партизан, а у вас нет». Создается нездоровая обстановка»[27]. Челябинские партизаны, вероятно, недовольные таким неравенством, 23 июня 1930 г., несмотря на официальный запрет, избрали на общем собрании собственную комиссию[28]. Как оказалось позднее, «своя» комиссия работала гораздо эффективнее, чем комиссия горсовета. Если же сохранить парти-

занские бюро не удавалось, ветераны искали другие институциональные «каналы». Уралсобес жаловался, что после ликвидации бюро на местах их функции стали выполнять секции Осоавиахима по военной работе среди партизан[29].

СОВЕТСКИЙ ПАТРИОТИЗМ A LÁ «КРАСНЫЙ ПАРТИЗАН»

На примере официальной коммеморации гражданской войны (юбилеев) мы показали, как путем героизации гражданской войны режим создал концептуальные рамки для интеграции старшего поколения в новую культурную парадигму. Военизированный характер официального патриотического дискурса межвоенного периода открывал и другие возможности для интеграции старшего поколения в сталинское общество. Архивные материалы военно-патриотической организации Осоавиахим свидетельствуют о том, что поколение ветеранов участвовало в патриотических мобилизационных кампаниях сталинского режима и трудилось в Осоавиахиме на ниве военно-патриотического воспитания молодежи. Ветераны были убеждены также в том, что они вполне могу пригодиться как солдаты в будущей империалистической войне.

Патриотические кампании были одной из форм социальной мобилизации[30] эпохи раннего сталинизма. Поводом для проведения кампаний, как правило, служили события международного характера — ухудшение отношений со странами «капиталистического лагеря», «провокации», локальные военные конфликты. Поводом для первой мобилизационной кампании «Наш ответ Чемберлену» и первой «недели обороны» (1927 г.) стало ухудшение отношений с Англией. В момент мобилизационных кампаний пропаганда заостряла вопрос об угрозе новой империалистической войны и способствовала возникновению феномена межвоенного добровольчества. В случае «красных партизан» режиму достаточно было активировать поведенческие коды эпохи гражданской войны. Так конфликт вокруг КВЖД вызвал среди «красных партизан» волну обращений и писем «во власть» с просьбами отправить их добровольцами в Дальневосточную Красную Армию. *«Мы, партизаны и добровольцы гражданской войны заявляем,* — сообщает резолюция собрания партизан Изумрудных копей, — *что каждая жизнь советского защитника будет стоить ста человек белобандитов, список присутствующих красных партизан и добровольцев гражданской войны передать в бюро коллектива ВКП (б) с ходатайством, чтобы последний договорился с одной из частей Красной армии о зачислении добровольцами при первом вызове советского правительства»*[31]. «Старый партизан» Николай Паратыгин, прежде чем перейти к просьбе о зачислении в Красную Армию, напомнил о своем добровольчестве, борьбе с Колчаком и трех ранениях и выразил уверенность, что *«мы, старые партизаны, как один возьмемся за винтовку и до колен в грязи будем защищать границы Советского Союза от нападающих на нас китайских бандитов...»*[32] В письмах «красных партизан» участие в гражданской войне выступает в качестве основания их патриотизма. В ретроспективе гражданской войны вырисовываются и элементы патриотического этоса — добровольность и жертвенность. Добровольчество было явлением достаточно массовым — в конце 1929 г. наркомат социального обеспечения Башкирии упоминал о решении большинства ветеранов Стерлитамака, Красноусольска и Красного Зилима вступить в Дальневосточную Красную Армию[33].

Демонстрация патриотического этоса стала атрибутом группы «красных партизан» в 30-е гг., а сам патриотизм выступал в роли легитимирующего дискурса в вопросах о материальных благах и привилегиях. Слеты «красных партизан» и красногвардейцев по поводу мобилизационных кампаний или юбилеев превращались в своеобразный ритуал, в котором строго соблюдались порядок и иерархия действий: за докладом о современном положении и угрозе новой империалистической войны следовала декларация патриотизма и мобилизационной готовности (*«Опасность войны, опасность нападения на наш союз возлагает на ветеранов войны… как никогда поднять производительность труда…», «Надвигающаяся опасность заставляет нас быть наготове…»*), перечисление практических мероприятий (инструкторская работа в Осоавиахиме, изучение совре-

менной техники, шефство над частями Красной Армии и т.п.), приветственные телеграммы командармам, под началом которых ветераны воевали в годы гражданской войны и, наконец, распределение подарков[34]. Демонстрация патриотизма выручала и в повседневной жизни, в трудной борьбе за привилегии. К ее помощи прибег «красный партизан» Алексей Попов, попытавшийся сесть в трамвай вне очереди и бесцеремонно высаженный из транспорта с помощью милиционеров. Жалуясь на действия кондуктора и милиции, Попов писал в своем заявлении: *«Чхать на меня как на красного партизана я не позволю, также и не позволю чхать на те привилегии и преимущества, которые мне дала партия и советская власть, потому что как партизан я еще буду нужен в будущей войне…»*[35]

Чтобы расширить наши представления о патриотизме «красных партизан», необходимо привлечь еще один комплекс документов Осоавиахима — материалы слетов «красных партизан», протоколы работы «партизанских бюро» и письма «красных партизан» в советские учреждения и комиссии по работе с ветеранами. В ходе исследования феномена советского патриотизма мы выяснили, что патриотизм «снизу» был многоликим явлением[36]. Его специфика была тесно связана со спецификой социальной группы[37]. Патриотизм «красных партизан» представлял собой классический случай, описанный в работах по социальной мобилизации. Патриотический этос группы формировался в процессе «обмена» политической лояльности на социальный статус. Героизация гражданской войны, описанная выше, была лишь одним из компонентов этого «обмена», его идейной оболочкой и легитимацией. Социально-экономической составляющей был привилегированный статус красного партизана или красногвардейца, связанный с существенными материальными благами в сталинском обществе всеобщего дефицита и бедности.

Судить об эффективности процесса «обмена» и его цене для обеих сторон по имеющимся источникам достаточно сложно в силу известной неполноты и лживости советской статистики, особенно в провинции. По материалам можно проследить процесс борьбы «красных партизан» за привилегии, активность органов советского и партийного руководства в этом вопросе, а также зафиксировать отдельные результаты и экстраполировать их на другие локальные сообщества. После ликвидации партизанских бюро борьба ветеранов за привилегии сконцентрировалась в комиссиях по выдаче партизанских удостоверений и на слетах партизан. В документах партизанских комиссий отразились в первую очередь представления различных органов власти и самих партизан о том, каким должен быть ветеран гражданской войны. Анализ этих представлений показывает, что в них переплелись нормоустанавливающие требования режима, официальные репрезентации идеального «советского человека» и советского патриота и идеальные саморепрезентации партизан. По распоряжению Уралоблисполкома, изданному в марте 1931 г., красногвардейцами считались те, кто вступил в отряды Красной Гвардии после 23 февраля 1918 г. и находился в них вплоть до слияния с войсками регулярной Красной Армии в июле-августе 1918 г.[38] Отсутствие четких критериев принадлежности к привилегированной группе ветеранов и сложность доказательных процедур превращала процесс консолидации социальной группы в хаотичный и «креативный» процесс. *«Выдача удостоверений на право пользования льготами бывшим красногвардейцам, партизанам и их семьям,* — писал в своем распоряжении Уралоблисполком, — *производится по недостаточно проверенным данным, состав комиссий по выявлению их бытности в Красной Гвардии и партизанских отрядах как следует не подбирается, выявление красногвардейцев и партизан производится не порядком, указанным в постановлении СНК и не на основании документов, подтверждающих это, а со слов и по запискам вторых и третьих лиц, очень часто комиссии вовсе не известных… В результате нередки случаи попадания удостоверений в руки лиц, вовсе не бывших в Красной Гвардии и партизанских отрядах»*[39]. Ревностно следили за «чистотой» рядов сами ветераны. Из экспертных записок, жалоб, заявлений бывших участников боев вырисовываются идеальные репрезентации «красного партизана». Надежды на причисление к группе привилегированных

рушились сразу, если выяснялось, что претендент на партизанское прошлое служил в белой армии, работал в тылу у Колчака или был осужден за уголовные преступления[40]. Иметь безупречное прошлое, однако, было недостаточно. Партизаны следили за тем, чтобы члены их группы соответствовали актуальным идеальным репрезентациям советского человека. Бывший красногвардеец Иван Курицын писал в Челябинский горсовет о недостойном поведении своего «соратника» по статусу:

«*Бывший красногвардеец гр. Рахматуллин очень часто пьяным является в ЦРК с требованием выдать ему что-либо и ведет себя очень скверно, выражаясь нецензурно, собирая около себя толпу зевак и дезорганизуя работу других, дискредитирует звание красногвардейца и красного партизана, а посему прошу на первом же заседании разобрать поднятый мною вопрос и гр. Рахматуллина или принудительно отправить на излечение или же отобрать у него удостоверение красногвардейца, кроме того возбуждаю следующий вопрос — создать бригаду и выслать ее в места торговли водкой, где также встречаются типы, именуемые себя красногвардейцами и обманывают толпу и получают вне очереди водку и дискредитируют звание красногвардейца и красного партизана*»[41]. Челябинка Анна Знаменскова на 14 листах описывала «похождения» своего мужа, который занимался спекуляцией, махинациями, кражами, отличался хулиганскими выходками и связями с людьми с «темным социальным прошлым». Бывший красногвардеец, по словам собственной жены, стремился «умышленно компрометировать советскую власть и руководящую коммунистическую партию», назывался «краснознаменцем», когда находил это выгодным, и «проклинал советскую власть с обывателями»[42].

В борьбе за социальный статус «красного партизана» и красногвардейца ветераны проявляли упорство и изобретательность, используя в своих интересах стереотипы и представления, проникавшие в общество из господствовавшего дискурса. Претендент на звание красногвардейца Пономарев обратился с жалобой на Челябинский горсовет в РВС СССР к Ворошилову, написав, что не может предъявить челябинской комиссии свои подлинные документы, так как они были использованы во время службы в ГПУ и представляют собой государственную тайну[43]. Бывший латышский стрелок Тамашкевич обвинил секретаря Челябинского горсовета в национализме:

«Неужели, если бы не было латышских стрелков, то и революции не было бы, с насмешкой иронически произнесла секретарь горсовета Астапович. Вот какое отношение русских к латышским стрелкам. Но я полагаю, что за это Астапович надо сделать соответствующее внушение: и впредь не обходить с насмешкой в национальном вопросе; мы, может, чище Астапович, несмотря на то, что она член партии. Латышские стрелки по вызову партии скорее явились на помощь, чем те, у кого есть партбилет. Правительство на нас надеется, а на Астапович и других нам наплевать. Нашу преданность партии и рабочему классу никто не отобьет, пусть даже мы будем терпеть вечные лишения и невзгоды»[44].

В целом попытку ветеранов гражданской войны консолидироваться, выработать специфическое групповое самосознание и эффективно лоббировать свои интересы во властных структурах сталинского режима нужно признать неудачной. Это не означает, что старшему поколению не удалось интегрироваться в сталинское общество. Интеграция для многих из них прошла успешно, а к ее издержкам нужно отнести, пожалуй, достаточно жалкие результаты борьбы ветеранов за привилегированный социальный статус. Какое-то материальное вознаграждение за пролитую кровь ветераны, конечно, получали. В Башкирии в 1929 г. на пенсии инвалидам было израсходовано 17327 руб., 26 ветеранов были направлены на курортное лечение, 121000 руб. была выделена на восстановление хозяйств беднейших «красных партизан»[45]. В Челябинске в 1932 г. по решению городского совета для снабжения «красных партизан», красногвардейцев и членов их семей был открыт закрытый распределитель. Но в общей массе ветеранов[46] эти «подачки» государства терялись как капля в море. Как свидетельствуют материалы местных органов власти, в провинции постановления правительства о льготах ветеранам выполнялись крайне неряшливо. Акт Челябинского горсовета, составленный в 1931 г., выявил

многочисленные нарушения в деле предоставления льгот. Местные административные органы «забывали» помещать детей «красных партизан» в «деточаги», предоставлять им жилплощадь без очереди, снижать квартплату, снабжать продовольствием и промтоварами в соответствии с привилегированным «1-м списком», освобождать от налогов и направлять на курортное лечение. Даже городская баня не всегда давала возможность помыться «со скидкой», как это было положено[47]. Провинциальные чиновники, руководствуясь принципом «до бога высоко, а до царя далеко», не слишком тщательно следили за выполнением обязательств по отношению к ветеранам. В 1932 г. челябинский городской совет и комиссия по подготовке к 15-й годовщине Октября направили руководителям всех организаций и предприятий города письмо со следующим призывом:

«*Дорогие товарищи!*

7-го ноября исполнится 15 лет, как пролетариат Союза советских социалистических республик под руководством славной коммунистической партии взял власть в свои руки.

В первые годы революции и гражданской войны отряды красногвардейцев и красных партизан в первых шеренгах на фронтах и в тылу самоотверженно с оружием в руках отстаивали диктатуру пролетариата от наседающих контрреволюционных банд.

В ознаменование 15-й годовщины октября заслуженные красногвардейцы и красные партизаны должны получить соответствующие подарки.

Президиум горсовета и комиссия по проведению октябрьских торжеств для этой цели просит вас выделить ..... руб. и внести на текущий счет № 938 Дома обороны в госбанке.

Надеемся, что вы это мероприятие сочувственно примите»[48].

Просительный тон письма и многоточие вместо суммы свидетельствуют о том, что местные руководители всех мастей, вернее всего, не слишком увлекалась подобной «благотворительностью». Наиболее успешной поэтому была политика «малых дел», когда ветеранам, их детям и членам их семей по случаю юбилейных торжеств выдавали разовые «вспомоществования» и подарки. Челябинский обком партии распорядился в честь празднования Дня освобождения Урала от Колчака в 1934 г. организовать бесплатное питание для детей ветеранов на всех «культурно-развлекательных площадках» города. В этот день ветераны могли бесплатно посетить киносеанс по специальным пригласительным билетам[49]. К 14-летнему юбилею Октябрьской революции бывшим «красным партизанам» города были выданы подарки. На праздничном заседании ветеранов был составлен подарочный список, в который включили 105 человек. Счастливчики получили «зимнее пальто, штиблеты и носки, ботинки и чулки (женщинам), ситец, брюки, костюмы, детские ботинки и чулки, бурки с галошами и саржу, пиджаки, косоворотки, кожаные тужурки, рабочие брюки»[50]. Год спустя на юбилей революции ветераном было выдано 20 пар сапог, 61 костюм, 19 пальто, 415 м мануфактуры и 2 путевки на курорт. Кроме того, 445 м мануфактуры было поделено между членами их семей, а также выдана материальная помощь в размерах 30, 50, 100 руб. безвозмездно или в форме ссуды[51].

Таким образом, в области законодательных гарантий, выполнения которых ветераны ногда требовали, дело обстояло неблагополучно, и шансы исправить ситуацию были невелики. А вот на единовременные «натуральные подарки» «красные партизаны» могли рассчитывать всегда. Ветеранская активность довольно быстро переориентировалась с «журавля в небе» на «синицу в руках», и канцелярии комиссий по выдаче удостоверений красногвардейцам и партизанам только успевали регистрировать просительные письма ветеранов. Регулятором ветеранских аппетитов были периодические кампании по обвинению в «рвачестве» и чистке партизанских рядов, в которых самое активное участие принимали сами партизаны и красногвардейцы. В 1930 г. Уралоблисполком критиковал ветеранов за их чрезмерную меркантильность, а горсоветы — за отсутствие просветительской работы: *«... Получатели удостоверений совершенно не информируются о том, для чего выдается им удостоверение, в силу чего у многих из них создается совершенно неправильное представление использования этого удостоверения — неред-*

ки случаи, что получатели удостоверений занялись рвачеством по отношению органов социального обеспечения, обкома и других»[52].

* * *

На примере ветеранов гражданской войны мы рассмотрели, каким образом происходила социальная интеграция представителей старшего поколения в сталинское общество. Идеологическим и культурным контекстом этой интеграции был официальный патриотический дискурс сталинизма. Для группы ветеранов важное значение имело включение героических и мифологизированных репрезентаций гражданской войны в советский патриотизм. Формирование сталинского дискурса о гражданской войне и соответствующей коммеморативной политики сопровождалось не менее значимым для «красных партизан» изменением социального статуса, связанным с введением льгот и привилегий для этой категории граждан. В конце 20-х — 30-е гг. атрибутом представителей группы ветеранов стал демонстративно декларируемый патриотический этос и социальный активизм, иногда выходивший за рамки проводившихся режимом патриотических кампаний и деятельности по военно-патриотическому воспитанию молодежи. В целом интеграция старшего поколения в социокультурный контекст сталинского общества проходила по «классическим» каналам социальной мобилизации, когда и власть, и целевая группа использовали механизмы обмена привилегий на политическую лояльность.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Постановление ЦИК было принято 22 февраля 1928 г.
2. Два года спустя — 13 января 1930 г. — было опубликовано новое постановление ЦИК и СНК СССР, согласно которому бывшие красногвардейцы и партизаны имели преимущественное право на выделение земли из государственного фонда, на снабжение сельскохозяйственной техникой. Партизанские коммуны и артели полностью освобождались от единого с/х налога на 2 года и от водного сбора, бедняцкие кооперативы из партизан имели льготы по ссудам. Все ветераны в целом пользовались преимуществами при приеме на курсы, учебные пункты для повышения квалификации и производственно-технической подготовки, получали жилплощадь наравне с рабочими. Дети партизан и красногвардейцев должны были приниматься во все учебные заведения наравне с детьми рабочих, освобождались от платы за учебу, имели первоочередное право на государственную стипендию. Дети-сироты бесплатно помещались в детские дома. См.: ОГАЧО. Ф. Р-220. Оп. 1. Д. 696. Л. 147-148.
3. См.: КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Сб. документов. 1917–1958. М., 1958. С. 244-245.
4. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 8. Д. 74. Л. 3-7, здесь л. 4.
5. Там же. Л. 7.
6. О видах капитала и о связи капитала с позицией в социальном пространстве см.: *Бурдье П.* Социальное пространство и генезис «классов» // *Бурдье П.* Социология политики: Пер. с фр. Н.А.Шматко /Сост., общ. ред. И предисл. Н.А.Шматко. М., 1993. С. 53-97.
7. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 8. Д. 74. Л. 39об-74.
8. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 8. Д. 74. Л. 42-43 и др.
9. Там же. Л. 39об-74.
10. *Нарский И.В*. Конструирование мифа о гражданской войне и особенности коллективного забывания на Урале в 1917–1922 гг.. // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии: Сб.статей. Челябинск, 2004. С. 394–395.
11. В качестве примера можно привести хотя бы труды так называемых военных специалистов по истории гражданской войны, позднее отправленные в спецхраны, публикации мемуаров «белых» генералов в ранний советский период и др.
12. См.: http://militera.lib.ru/h/vmf/02.html

13. См.: КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Сб. документов. 1917–1958. М., 1958. С. 244–286.
14. Там же.
15. Челябинский рабочий. 1930. 15 июля.
16. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 84. Л. 10-13.
17. Челябинский рабочий. 1934. 15 июля.
18. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 18. Д. 561. Л. 1-6.
19. Там же.
20. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 84. Л. 5-6; ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 18. Д. 561. Л. 1-6.
21. См.: *Нарский И.В.* Конструирование мифа о гражданской войне. С. 404-405
22. Об этих категориях см. подробнее: А.Шютц. Смысловая структура повседневного мира. М., 2003.
23. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 8. Д. 74. Л. 42.
24. Центральная свердловская газета «Уральский рабочий» в 1933 г. сообщала о том, что в ознаменование 14-й годовщины освобождения Урала от Колчака городское бюро «красных партизан» открыло в доме № 11 по улице Февральской революции мемориальную доску. Доска напоминала о том, что в годы революции и гражданской войны в этом доме размещался штаб Красной Гвардии. См.: Уральский рабочий. 1933. 16 июля.
25. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 8. Д. 74. Л. 1-2.
26. ОГАЧО. Ф. Р-220. Оп. 1. Д. 696. Л. 69.
27. Там же. Л. 90.
28. Там же. Л. 39.
29. Там же. Л. 101.
30. К теории социальной мобилизации см.: *Karl W*. Deutsch, Social Mobilization and Political Development, in: The American Political Science Review, Vol. 55, No. 3 (Sep., 1961), 493-514.
31. ГАСО. Ф. Р-2516. Оп. 1. Д. 46. Л. 2.
32. Там же. Л. 6.
33. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 8. Д. 74. Л. 9.
34. Там же. Л. 119-120, 125-127,175-176, 177, 224 и др.
35. ОГАЧО. Ф. Р-122. Оп. 1. Д. 743. Л. 46.
36. См., например, о патриотизме молодежи в целом и женщин в частности в: *Никонова О.Ю.* Оловянные солдатики, или как мы укрепляли обороноспособность страны (зарисовка из провинциальной осоавиахимовской жизни) // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX-XX веках: Сб. статей. Челябинск, 2003. С. 216-229; *Она же*. «Давайте прыгать, девушки!», или советский патриотизм в гендерном измерении // Гендерные исследования. 2005. № 13. С. 38-55; *Она же*. «Просим считать нас мобилизованными», или война как фактор социальной мобилизации // Проблемы российской истории: К 60-летию Победы. Магнитогорск, 2005. Вып. 5. С. 230-263.
37. В англо-американской историографии, затрагивающей вопросы формирования патриотизма, это понятие давно употребляется во множественном числе — т.е. речь идет не о патриотизме, а о патриотизмах. См., например: *Grainger G.H.* Patriotism: Britain 1900–1939. London, 1977.
38. ОГАЧО. Ф. Р-122. Оп. 1. Д. 696. Л. 100.
39. Там же.
40. Там же. Д. 743. Л. 103-105, 107.
41. Там же. Д. 696. Л. 45.
42. Там же. Д. 743. Л. 108-113.
43. Там же. Д. 743. Л. 75.
44. Там же. Л. 273.
45. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 8. Д. 74. Л. 8.
46. Отсутствие учета бывших красногвардейцев и красных партизан сделало точный подсчет их количества невозможным. К тому же, в 30-е гг. ряды «красных партизан» под-

вергались перманентной «чистке». По данным Наркомата социального обеспечения Башкирии, на 1929 г. в республике насчитывалось 1900 «учтенных» партизан, но цифра не была окончательной. См.: ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 8. Д. 74. Л. 31-39. Отрывочные сведения Челябинского горсовета сообщают о том, что к началу 30-х гг. в городе проживало 2168 человек инвалидов, красных партизан, красногвардейцев и членов их семей. Данные, приводимые в разнообразных «подарочных» списках, как правило, не превышают одной-двух сотен ветеранов. См.: ОГАЧО. Ф. Р-220. Оп. 1. Д. 696. Л. 12, 212-124; Д. 743. Л.128-131.

47. Там же. Д. 696. Л. 128.
48. ОГАЧО. Ф. Р-220. Оп. 1. Д. 743. Л. 308.
49. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 84. Л. 1-3, 5-6, 8-9, 14-21.
50. ОГАЧО. Ф. Р-220. Оп. 1. Д.696. Л. 119-120, 125-127.
51. Там же. Д. 743. Л. 128-131.
52. Там же. Д. 696. Л. 101.

O.Yu. NIKONOVA

SOVIET PATRIOTISM IN PROVINCE: «RED GUERRILLA'S» CASE

The author analyzes the process of the social integration of the senior generation representatives (the civil war veterans) into Stalin's society. Ideological and cultural context of the integration was the official patriotic discourse of stalinism. Inclusion of heroic and mythological representations of the civil war in the Soviet patriotism had a great value for the group of veterans. As a whole the integration of the senior generation into socio-cultural context within Stalin's society passed according to «classical» channels of social mobilization when both the authority and the whole group used various mechanisms in order to exchange privileges for political loyalty.

Е.М. БУРЯК (Магнитогорск)

Л.Д. ТРОЦКИЙ О ТРУДЕ И ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Являясь неординарной фигурой в истории, Л.Д. Троцкий сыграл одну из важнейших ролей не только в становлении советской власти, но и организации системы трудовых отношений. За годы гражданской войны и военного коммунизма Лев Давидович уверенно занимал одну из ключевых позиций в аппарате управления государством. Он был одним из пяти членов Политбюро в момент его создания в 1919 году. Являясь председателем Реввоенсовета и главой 1 РАТ, Троцкий на теоретическом уровне обосновывал необходимость использования и трудовых мобилизаций, и создание армий труда и целого комплекса мер, направленных на увеличение производительности труда. Однако, выступая на IX съезде РКП(б) он осознавал, что данные мероприятия не являются панацеей от всех бед, существующих тогда в стране. Говоря его словами «рост производительности труда — задача, рассчитанная на десятилетия, и предполагающая осуществление целого ряда духовных организационных, материальных, премиальных мер, параллельно с общим объемом культуры масс»[1]. Мы считаем необходимым, рассмотреть позиции Троцкого на вопросы становления и развития системы трудовых отношений как политического деятеля сыгравшего одну из важнейших ролей в процессе восстановления хозяйства страны. В 30–50-е годы прошлого века роль Троцкого была искусственно занижена,

вследствие создавшихся политических условий, и о нем говорилось только в негативном ключе — «Троцкий и троцкисты формально соглашаясь с решением партии по трудовым армиям, фактически извращали её»[2] или не упоминалось вовсе, а все заслуги приписывались В.И. Ленину и И.В Сталину — «в 1919 г. на хозяйственный фронт по инициативе Ленина и Сталина направлены и многие части Красной Армии, преобразованные в трудовые»[3].

Вопросы, касающиеся восстановления хозяйства и применения трудовых мобилизации, встали перед новой властью с особой остротой по мере освобождения территории от белогвардейских отрядов. Все хозяйство страны Троцкий разделил на ряд элементов, таких как: 1) техническое оборудование, 2) топливо, 3) металлы (железо, сталь, чугун) и хлопок и другие сырые материалы и пр. и 4) живая человеческая сила[4]. К началу 1920 г. все они находились в плачевом состоянии, но хуже всего дело обстояло именно с последней — живой человеческой силой. Причина такого положения, по мнению Троцкого, состояла в том, что рабочие совершенно дезорганизованы вследствие войн и революций. Ввиду того, что в области восстановления технического оборудования и добычи топлива поддержки извне ждать не приходилось, то главной движущей силой являются рабочие. В свою очередь всю рабочую силу Троцкий классифицировал на следующие категории:

1. квалифицированные элементы рабочего класса;
2. просто обученные рабочие;
3. неквалифицированные, т.е. необученные чернорабочие.

Теперь необходимо было максимально эффективно использовать имеющиеся трудовые ресурсы в стране. Говоря словами Троцкого, «80% человеческой энергии, уходящей на приобретение жратвы, — необходимо радикально изменить»[5]. Квалифицированные рабочие были оторваны от производства под лозунгами «рабочий — в деревню, чтобы наладить продовольственный аппарат, рабочий — в армию, на войну»[6]. Теперь же для их возвращения необходимо было выдвинуть лозунг: «Пролетарий — к станку!». Эта часть рабочих главным образом должна была играть организаторскую роль. По другому дело обстояло с неквалифицированной рабочей силой, под которой Троцкий подразумевал, прежде всего, «мужика»[7]. Неквалифицированная рабочая сила должна была использоваться: во-первых, для неотложных работ — очистки железных дорог от снежных заносов и ремонта путей, во-вторых, для создания приемлемых условий жизни для рабочих и добычи торфа, сланца и т.д. Отдельно Троцкий рассматривал вопрос о положении буржуазии в новом обществе. Отмечая каждый дом, в котором живут представители буржуазного паразитического слоя, желтым билетом, необходимо использовать их на самых неприглядных и грязных работах. Таким образом, будет восстановлена справедливость — теперь господствующие не так давно слои должны убирать грязь за рабочими и крестьянами, которые обслуживали первых в течение не одной сотни лет. То есть, необходимо сделать так, что б у «буржуазии отпала охота быть буржуазией»[8], необходимо всю её взять под строгий учет и максимально использовать на благо социалистического отечества, что невозможно на данном этапе сделать добровольно.

Выступая на III съезде СНХ, собравшегося после двухлетнего перерыва, Троцкий напомнил собравшимся, что во все времена переход от одного хозяйственного строя к другому всегда исчислялся огромным количеством жертв и в том числе в области хозяйства. Он признавал, что воспитание нынешнего рабочего происходит в ужасающих условиях нищеты и бедности, которые являются факторами переходной эпохи, что привело и продолжает приводить к массовому бегству рабочих, и распылению основной рабочей силы. Однако, чуть раньше, Троцкий говорил и о том, что эта переходная эпоха не закончится в один год. Таким образом, можно сделать вывод, что и нищета рабочего затянется надолго. Но именно так, по словам Троцкого и возможно воспитать работника будущего. Более того, он называет подобное состояние в среде рабочих величайшим завоеванием. Именно привлечение к труду сотен тысяч и миллионов этих рабочих есть настоящее и будущее страны. Тем не менее, определяющее значение в процессе восста-

новления хозяйства Троцкий, как и прежде, видит не в простых рабочих, а в квалифицированных специалистах, «авангарде» рабочего класса.. А широкие ресурсы сырой рабочей силы необходимо переобучать в квалифицированную. Пока же неквалифицированные рабочие получили название «сырой материал»[9].

Там же, где речь идет о квалифицированных рабочих, соответственно необходима работа профсоюзов. Именно профсоюзы здесь должны играть решающую роль в организации четкой деятельности специалистов. И только в том случае, если профсоюзы не справляются со своей задачей, используется метод принуждения, то есть в таком случае всеобщая трудовая повинность для специалиста, который занимается простой неквалифицированной работой, будет выглядеть примерно следующим образом: «Ты обязан отсюда сняться и отправляться в Сормово или на коломенский завод, ибо ты там нужен»[10]. А специалист в таком случае обязан появиться со своей трудовой книжкой именно там, где он больше всего необходим. Троцкий подчеркивает неоспоримую роль профсоюзов в восстановительном процессе, однако отношение профсоюзного движения к рабочим согласно его позиции не должно было быть одинаковым ко всем категориям рабочих, часть рабочих он попросту вычеркнул из профсоюзного движения. Те рабочие, которые ушли из городов в армию или в деревню больше не существуют для профсоюзов, так же как и те, так же как и те, что ушли на работу в губернские или волостные исполкомы. Однако эти десятки тысяч потерянных рабочих рук необходимо вернуть с помощью комиссариата внутренних дел или с помощью военного ведомства[11]. Оппонентом в вопросе о роли профсоюзов выступил Ленин, который подверг открытой критике брошюру Троцкого «О роли и задачах профсоюзов», указывая на наличие в ней огромного «количества теоретических ошибок и вопиющих неправильностей»[12]. Ленин считает, что профсоюзы должны вобрать в себя все элементы рабочей массы — и авангард рабочего класса и простых трудящихся. Являясь своеобразным «резервуаром государственной власти», профсоюзы должны выработать определенные подходы в работе с массой трудящихся. Они должны защищать материальные и духовные интересы всех трудящихся и не являться организацией принуждения. Профсоюзы, по мнению Ленина, прежде всего «организация воспитательная, организация вовлечения, обучения, школа управления, хозяйничанья, школа коммунизма»[13].

Неоднократно повторяя свои же слова, о невозможности в короткий срок восстановить народное хозяйство страны, Троцкий считал, что реальная цель — это постепенно и частично решить продовольственный вопрос. И только тогда можно будет говорить о массовых привлечениях рабочих на предприятия. Он совершенно был убежден в том, что снабжение рабочих продовольствием необходимо превратить в главную задачу, ведь рабочего, по его словам «кормить выгодно»[14], тем более, что страна в состоянии прокормить сейчас рабочих и их семьи. Необходимо добиться наличия 300 миллионов пудов хлеба и продовольствия, но прежде надо было восстановить энергоснабжение с помощью торфа, и сланца. Для достижения этой цели Троцкий делает ставку на сырую рабочую силу. Основной контингент — крестьяне. И если квалифицированные рабочие организуются силами профсоюзов, то сырую рабочую силу можно было поднять на работы только с помощью целевых массовых мобилизаций. Но оплачивать труд крестьян государство на данном этапе не в состоянии, что, собственно, крестьяне должны понять и принять и подождать, пока государство не встанет на ноги не вернет все «долги» деревне. Большая часть мобилизуемых это поймет, а те, кто будет уклоняться и возмущаться, будут привлекаться с помощью военных, т.е. точно так же как это происходило во время военных мобилизаций: «Трудящиеся — в армию, паразиты — на черную работу»[15].

Выступая на первом заседании ВЦИК 13 февраля 1920 г., Троцкий отвечал оппонентам, выступившим с критикой всеобщей трудовой повинности (ВТП) на съезде совнархозов и сравнившим её (ВТП) с Аракчеевщиной времен Александра I. Троцкий отмечал, что сравнение состоит только в принуждении к труду, больше же общего между двумя этими историческими явлениями не существует, поскольку теперь рабочие работают не на крепостника и рабовладельца, а на себя, на укрепление рабоче-крестьянской власти. Потому

как главная забота советского правительства — обеспечение достойной жизни граждан страны, соответственно и граждане обязаны отдавать все силы и возможности на благо государства[16]. Таким образом, Троцкий еще раз подтверждал, что всеобщая трудовая повинность является принудительной мерой привлечения к труду новой власти.

Всеобщая трудовая повинность, по словам Льва Давидовича, получила свое рождение и начало в первой конституции РСФСР 1918 г., в которой явилась «краеугольным камнем в здании социалистического хозяйства»[17]. Применяемая нерегулярно, от случая к случаю, она оставалась всего лишь принципом, без общего хозяйственного плана и соответствующего аппарата. Однако именно теперь, когда использование принудительного труда явилось столь очевидной необходимостью, проведение всеобщей трудовой повинности требовало реального упорядочивания и системы.

16 декабря 1919 г. Троцкий готовит доклад «О переходе ко всеобщей трудовой повинности в связи с милиционной системой». Первоначально в докладе дано обоснование введения трудовой повинности тем, что социалистическое хозяйство предполагает собой создание всеобщего плана, который охватывает всю территорию государства, со всеми естественными богатствами, средствами производства и живой человеческой силой. Для достижения максимального результата необходимо ввести общий строгий учет всех ресурсов и использовать подобно тому, как предприниматели использовали их на своих заводах или имениях. Непрерывность и полнота производственного процесса должны поддерживаться именно всеобщей трудовой повинностью. Троцкий определял её (ВТП), как процесс, при котором «каждый здоровый гражданин в известных возрастных пределах обязан известную часть своего времени отдавать той или иной отрасли производственного процесса»[18]. Трудовая повинность — напряженная, неусыпная героическая работа всех граждан, в ходе выполнения которой действует принцип «все за одного, один за всех». Троцкий приравнивал понятие «обязанность» и «повинность», объясняя суть всеобщей трудовой повинности, как обязательство каждого отдавать свои знания, умения и силу, а если потребуется то и жизнь, за великую социалистическую Россию[19]. Целесообразное распределение и использование живой рабочей силы, по словам Троцкого, может быть достигнуто далеко не сразу, а постепенно с использованием накопленного хозяйственного опыта удовлетворения общественных потребностей, планомерно организованным трудом, с более точным учетом рабочей силы. Однако до тех пор, пока трудовая повинность не войдет в норму, не станет привычной и не приобретет необходимого и бесспорного для всех характера, переход к данному режиму будет носить принудительный характер и поддерживаться мерами принудительного привлечения, т.е. «вооруженной силой пролетарского государства». И здесь же Троцкий подчеркивает, что одного принуждения будет явно недостаточно и для любого дальнейшего хозяйственного развития требуется обеспечение рабочей силы вообще необходимыми предметами питания. Именно для этого и введен натуральный государственный налог, который, по его мнению, может быть в полной мере обеспечен только принудительной силой государства. Неоднократно Троцкий подчеркивал, что выйти из хозяйственного хаоса, которым охвачена вся страна, быстро не удастся, и для этого потребуется длительный период, а не одномоментный скачок к централизованному хозяйству в масштабах государства. Более того, провести подобные изменения при сложившихся условиях на данный момент возможно только принудительным способом, т.е. всеобщая трудовая повинность является принудительной мерой советского правительства[20].

Умение существующей власти поддерживать местную инициативу технически, материально, внося необходимые коррективы, в зависимости от темпа и условий развития каждой отдельной территории страны является, по мнению Троцкого, настоящим искусством. Таким образом, и всеобщую трудовую повинность ни в коей мере нельзя воспринимать как обезличенную, подобно тому, как-то делается в отношении воинской повинности. Задачей введения всеобщей трудовой повинности он видел в том, чтобы для трудовой повинности найти опору среди уже устоявшихся связей между обычными районными и земляческими трудовыми производственными округами. В основу же раз-

деления на трудовые округа должен был лечь территориально-производственный принцип проведения всеобщей трудовой повинности в соответствии с естественно-историческими, производственными и бытовыми условиями. А далее, те же самые округа должны лечь в основу и территориально-административного деления Советского государства (область, губерния, уезд и волость). Аналогично подобное деление должно будет перенесено и на местные военные органы (комиссариаты) с постепенным переходом от постоянной армии к милиции. Смысл же милиционной системы Троцкий видел в максимальном приближении армии к хозяйственно-бытовой системе, по причине того, что простая живая человеческая сила является и потенциальной силой воинских частей. Так же и учет населения, должен рассматриваться под углом трудовой повинности таким образом, чтобы аппарат военного ведомства стал и аппаратом трудовой мобилизации. Милитаризация хозяйства должна была выполнять функцию воспитания высшей трудовой дисциплины самоотверженности и твердости. При демобилизации частей Красной Армии лучшие её кадры должны получить целесообразное распределение и использование, т.е. получить наиболее приспособленное к местным производственно-бытовым условиям размещение. Именно так, по мнению Троцкого, будет получен готовый аппарат управления милиционных частей. А армейские кадровики с успехом будут выполнять задачи по обучению простых рабочих и крестьян военному делу. Таким образом, будет получена боеспособная милиционная армия. Тем не менее, ближайшей задачей хозяйственного строительства Троцкий все же видел в решении наиболее неотложных производственных потребностей страны. Соответственно план должен заключать в себе четкие требования на рабочую силу для советских хозяйств, а в армии должен быть проведен профессиональный учет красноармейцев. Недавно мобилизованные в ряды Красной Армии по возрастам неквалифицированные специалисты должны быть привлечены на ближайших к своим родным местам промыслах[21].Высшему совету народного хозяйства необходимо немедленно создать квалифицированную комиссию из статистиков и надлежащих специалистов для разработки первоначальной черновой схемы трудовой мобилизации, которая будет отвечать задачам ближайшего хозяйственного плана. Данный план должен быть передан и военному ведомству для разработки методов и приспособления системы милиционно-территориальных округов к производственным округам. Однако окончательный план проведения трудовой повинности должен быть разработан специальной объединенной комиссией, в которую будут входить представители Выссовнархоза, Наркомпрода, Наркомзема, Наркомтруда и центрального совета Профсоюзов. А головными ведомствами из которых должны стать Выссовнархоз и Наркомвоен[22]. Уже 27 декабря 1919 года такая комиссия была учреждена постановлением СНК и уже 30 декабря приступила к работе. А председателем Междуведомственной Комиссии по вопросам трудовой повинности являлся Л. Д. Троцкий.

Троцкий, являясь председателем Междуведомственной Комиссии по вопросам трудовой повинности, 1 января 1920 г. выделял следующие задачи созданной 27 декабря 1919 г. трудовой комиссии:

1. учет наиболее квалифицированных кадров по всей стране. Разработка основных способов трудовых мобилизаций. Целесообразное распределение рабочей силы в соответствии с текущими потребностями и задачами страны;

2. воспроизводство квалифицированной рабочей силы (рабочие школы и т.д.);

3. создание методов и приемов для мобилизации неквалифицированной рабочей силы в городах и в деревнях как для неотложных срочных работ, так и для плановых;

4. привлечение военного ведомства для учета населения с точки зрения всеобщей трудовой повинности и для фактического ее проведения;

5. массовое привлечение воинских частей для выполнения сельскохозяйственных работ и восстановительных в промышленности[23].

Лев Давидович отмечал, что неплохо было бы членам комиссии по трудовой повинности воспользоваться опытом работы уже существующих учреждений.

Отвечая на вопросы, связанные с введением трудовой повинности, Троцкий в начале 1920 г. выдвигает ряд главных задач в проведении ВТП, одной из которых является задача целесообразного использования рабочей силы.

Во-первых, председатель ставит вопрос о том, какие мобилизации производятся, какие категории населения заняты в них и как долго по времени эти мобилизации длятся. Во-вторых, создавшимися условиями продиктована необходимость создания трудовых округов по проведению повинностей в соответствии с географическим размещением предприятий и отраслей. Основным условием создания подобных округов является обязательное продовольственное обеспечение работниками предприятий, находящихся в одном территориальном округе. Вследствие несоответствия требований на рабочую силу и количества предоставленных квалифицированных и неквалифицированных рабочих для проведения трудовой повинности необходимо создать специальное учреждение, которое бы занималось согласованием требований и реальными возможностями округа в предоставлении рабочих рук. Таким образом, Троцкий еще раз обосновывает необходимость создания Межведомственного Совещания по вопросам распределения рабочей силы, которое могло быть организовано при Совете обороны в составе Главкома по Трудовой Повинности и представителей ведомств: Наркомзема, Высовнархоза, Наркомпути, Наркомпрода и ВЦСПС[24]. Ратуя за создание специального органа по проведению трудовой повинности, Троцкий все-таки фундаментом рабочих отношений называет профессиональные движения рабочих, потому как «никакой штаб дивизии, никакой командир не может заменить эту специальную хозяйственную организацию»[25]. Однако передовые пролетарии, по мнению Троцкого, во время гражданской войны оказались, как ранее на предприятии, в авангарде красной Армии и соответственно к окончанию боевых действий уже являлись не рядовыми, а занимали руководящие посты. Теперь же по возвращении на заводы, к восстановлению промышленности именно этих передовых пролетариев из Армии нужно вернуть в промышленность, потому как, кроме трудового профессионализма они теперь уже обладают и качествами армейских руководителей — умение точно и без проволочек исполнять данные приказы. Таким образом, речь не шла об уничтожении профсоюзов и введении вместо них системы военного управления, а о возвращении членов профсоюзов с фронта и использовании их уже с опытом, полученным в армии на предприятиях.

По мере освобождения армейских частей на фронтах гражданской войны появился вопрос «Как быть с освобождающимися армиями?». Демобилизовать и распустить армию не представлялось возможным, и в тоже время, целые армии оставались без дела. Однако очень скоро военные армии переведены на положение трудовых. В телеграмме написанной спустя несколько часов после принятия решения о реорганизации 3 армии восточного фронта в 1 армию труда, адресованной председателю реввоенсовета 3 Армии Восточного фронта, Троцкий говорил о том, что работе необходимо придать характер «коммунистического служения»[26], а не принудительной трудовой повинности. Поддерживая предложение командования 3 Армии Восточного фронта Троцкий с первых же дней активно принимает участие в создании проекта о переводе 3 армии на положение трудовой, считая что подобные изменения могут носить огромные положительные последствия для страны. Однако он относился к созданию трудармии первоначально достаточно сдержанно. Зная, что идея о создании трудармии будет подвержена критике, в письме командующим 3 армией от 13 января 1920 г. Гаевскому и Матусевичу, он советовал выступить исключительно по существу, «скромнее по форме». И только после получения первых серьезных успехов, указывал Троцкий, можно было бы говорить о расширении опыта и задач для трудармии[27]. Для достижения серьезных успехов, в первую очередь, в следующем письме Гаевскому и Матусевичу, обещая всемерно помогать им в проведении в жизнь идеи о создании трудармии, он указывал на необходимость выработки общего плана работ, на установлении нормальных отношений хозяйственного центра и армии и на привлечении к работам и местного населения[28]. Таким образом, можно предположить, что по идее Троцкого в созданную трудармию должны были

влиться и местные жители под предлогом помощи красноармейцам в работах, а реально стать её частью. Еще до появления армий труда, Троцкий выдвигал тезисы о милитаризации труда, а с появлением трудармий эта идея получила практическое осуществление. Для восстановления хозяйства необходимо превратить всю страну в огромную фабрику, где хозяином является сам трудящийся народ. По словам Троцкого в восстановлении страны должны были участвовать все — рабочие; крестьяне; красноармейцы, свободные от боевых задач; те, кто вел в буржуазном обществе праздную жизнь, а сейчас еще не привык и не научился работать[29]. И именно эти категории сейчас необходимо использовать наиболее целесообразно. Эти тезисы были озвучены Троцким еще раньше, при проведении в жизнь всеобщей трудовой повинности. Только в порядке трудовой повинности привлекались до сего момента рабочие, крестьяне и буржуазия, свободные красноармейцы. Но именно сейчас должна была максимально использоваться рабочая сила красной Армии. «Если окажется возможным, то и все 100% бывшей 3-й армии, ныне 1-й армии труда, должны быть непосредственно приспособлены для трудовых задач»[30]. Именно сейчас, когда армия совершенно свободна от боевых задач, необходимо перевести её на восстановление хозяйства и промышленности страны. Однако Троцкий признает и то факт, что полностью сохранить армейский аппарат и перенести его в качестве образца в хозяйственное управление невозможно, поскольку «сейчас у нее огромная голова и очень маленькое туловище»[31] так же, как и 100% состав 3 армии восточного фронта невозможно перевести на хозяйственное положение. Таким образом, решено оставить уральскую кавалерийскую дивизии в неприкосновенности, как передовую часть армии, которая может понадобиться в любой момент. То есть необходимо избавляться от существующей громоздкой системы управления в армии, реорганизуя армейский аппарат в соответствии с хозяйственными нуждами и опираясь на территориальные и хозяйственные особенности региона. Подобный способ перехода от армейского управления к хозяйственному Троцкий сравнивает с разматыванием мотка ниток — если разматывать вдвоем, то можно смотать в такой клубок, который необходим, а если делать это в одиночку, то моток спутается в беспорядочный узел, который невозможно будет распутать. Перевод армии на хозяйственное положение возможен лишь при взаимодействии всех структур — и армейских и хозяйственных одновременно. Главной задачей Армии труда Троцкий видел в сборе основных продовольственных продуктов в районе расположения армейских частей, их погрузка в вагоны и отправка в пункты назначения, туда, где есть наибольшая в них необходимость. В работе главным образом должны проявиться армейская дисциплина и порядок, четкость выполнения поставленных перед трудармейцами задач и на предприятиях и в деревне; строгость в учете кадров и производимых работ. Должна быть уничтожена и закрытость информации в отношении военных частей: «в ежедневных оперативно-трудовых сводках должна вызываться каждая часть и отмечаться ее заслуги или упущения»[32], то есть должна работать и система пропаганды. Троцкий был совершенно убежден в том, что в деле успешного проведения трудовых мобилизаций, успешной работы фронта труда играет огромную роль пропаганда, что от неё в огромной мере зависит и эффективность деятельности учреждений по проведению трудовой политики и мотивация рабочих и крестьян на работы. Сами речи Троцкого были не только всегда логически построены и не содержали лишних предложений и слов, но и всегда в каждом своем выступлении оратор обязательно приводил одно или два предложения, которые становились лозунгами или воспринимались как безусловный призыв к действию. Благодаря армейским традициям, по мнению Троцкого, возможно было восстановление, которое будет укреплено методами принуждения и системы строгих наказаний для уклоняющихся. Дезертиры труда караются также жестко, как и дезертиры фронта — «Дезертир в труде так же презренен и бесчестен, как и дезертир в бою. Обоим суровая кара»[33]. Подобная жесткость оправдана тяжелейшим положением в стране, которое если не будет исправлено, то, как сказал сам Троцкий в начале 1920 г, «нашей стране грозит хозяйственная и культурная смерть»[34].

Таким образом, Троцкий считал, что восстановить народное хозяйство страны воз-

можно только лишь с помощью строгой дисциплины, лучшие традиции которой заложены в армии. Немаловажную роль здесь играет и распределение рабочих в соответствии с их квалификацией. Осознавая степень разрухи и бедственного положения нового государства, он подчеркивал, что восстановление затянется на десятилетия и потребует огромного напряжения сил. Троцкий являлся сторонником внеэкономических мер принуждения, однако не считал, что решить все внутренние проблемы можно только лишь с помощью трудовых армий и милитаризации страны. Трудовые армии же должны были использоваться только в целях решения продовольственного вопроса, т.е. являлись временным явлением. Государство Троцкого по мнению исследователя Л. Колаковски: «огромный, бесконечный концентрационный лагерь, в котором правительство осуществляет абсолютную власть над каждым аспектом жизни граждан и в особенности решает, какой объем работы они могут сделать, какого рода и в каких местах»[35]. Однако ни в коей мере нельзя забывать в каких условиях приходилось действовать, и в каком положении находилась страна, и был ли на тот момент иной способ решить существующие проблемы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Девятый съезд РКП (б). М., 1960. С. 100–101.
2. *Емеельянов. А.П.* Трудовая армия на Урале (1920–1921). М. 1945. С 41.
3. *Горелик Е.М.* Трудовые армии в борьбе за топливо и восстановление транспорта в 1920 г. Л.1952. С. 5; *Крицман Л.* Героический период великой русской революции. М-Л., Госиздат, 1926.
4. *Троцкий Л.Д.* «На пути к социализму. Хозяйственное строительство Советской республики» http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl542.htm.
5. Там же.
6. *Троцкий Л.Д.* Сочинения. Т. 15. Москва-Ленинград, 1927.
7. Там же.
8. Там же.
9. *Троцкий Л.Д.* «На пути к социализму. Хозяйственное строительство Советской республики» http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl542.htm.
10. *Троцкий Л.Д.* Речь на III всероссийском съезде советов народного хозяйства. М. 1920 г. С. 7.
11. *Троцкий Л. Д.* Сочинения. Т. 15. Москва-Ленинград, 1927.
12. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 42. С. 202.
13. Там же. С. 203.
14. *Троцкий. Л.Д.* Речь на III всероссийском съезде советов народного хозяйства. М. 1920 г. С. 10.
15. Известия ВЦИК. 1918. 30 июня.
16. Известия ВЦИК. 1920. 4 февраля.
17. *Троцкий. Л.Д.* Речь на III всероссийском съезде советов... С.7.
18. РГАСПИ. Ф.325. Оп. 1. Д. 51. Л. 1-4.
19. Экономическая Жизнь. 1920. 3 января
20. РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 51. Л.1-4.
21. Известия ВЦИК. 1920. 4 февраля.
22. РГАСПИ. Ф.325. Оп. 1. Д. 51. Л. 1-4.
23. Экономическая Жизнь. 1920. 3 января.
24. Троцкий Л.Д. «На пути к социализму. Вопросы строительства советской республики». http://www.1917.com/Marxism/Trotsky/CW/Trotsky-Path-2-S/4-1-3.html.
25. Красный Набат 1920. 28 и 29 февраля.
26. РГВА. Ф.164. Оп.1. Д.7. Л.9.
27. РГВА. Ф. 164. Оп. 1. Д. 7. Л. 7.
28. РГВА. Ф. 164. Оп.1. Д. 7. Л. 3.
29. В пути 1920. 8 февраля.

30. *Троцкий Л.Д.* «На пути к социализму. Хозяйственное строительство...
31. Там же.
32. РГВА. Ф.164. Оп. 1. Д. 7. Л.9.
33. Правда. 1920 г.16 января.
34. *Троцкий Л.Д.* На пути к социализму. Хозяйственное строительство Советской республики» http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl567.htm.
35. *Семененко В.И.* В трудных поисках истины: по страницам советской и зарубежной литературы о Л.Д. Троцком и «Троцкизме». Х., «Основа»., 1991. С.84.

E.M. BURJAK

L.D. TROTSKY: ABOUT LABOUR AND WORK RELAIONS WITHIN FIRST YEARS OF SOVIET AUTHORITY

L.D. Trotsky played one of the major roles during the restoration of the national economy of the country in the course and after the Civil War and the First World War. His methods were constantly criticized, however a host of decisions came out with his signature. The author makes an attempt to analyze Trotsky's viwes upon the labour policy question and the ways of its carrying out in the country within the first years of the Soviet authority.

Н.Н. МАКАРОВА (Магнитогорск)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ СТАЛИНСКОГО ПОЛИТБЮРО В ДОМАШНЕМ ИНТЕРЬЕРЕ (1934–1939 гг.)

От съезда «победителей» (1934) к XVIII съезду партии (1939), на котором была провозглашена амбициозная задача построения «заповедного коммунизма», сложилось ядро наиболее доверенных лиц, с которыми Сталин управлял государством вплоть до своей смерти. На протяжении 1934–1939 гг. непосредственное отношение к политбюро имели: А. А. Андреев, Л. П. Берия, К.Е. Ворошилов, Н. И. Ежов, А. А. Жданов, Л. М. Каганович, М. И. Калинин, С. М. Киров, С. В. Косиор, В. В. Куйбышев, А. И. Микоян, В. М. Молотов, Г. К. Орджоникидзе, Г. И. Петровский, П. П. Постышев, Я. Э. Рудзутак, Н. С. Хрущев, В. Я. Чубарь, Н. М. Шверник, Р.И. Эйхе. Не все из них прошли через «сито» личного сталинского отбора в 1937–1938 гг. Несмотря на внешнюю монолитность политбюро, на протяжении пяти лет в нем происходила драматическая борьба за право входить в число ближайших сталинских соратников и за те возможности, которые предоставляла власть. Высшей номенклатуре, представлявшей собой относительно замкнутое образование, полагались всевозможные материальные блага, привилегии и льготы. Иногда это трактовалось как осуществление принципа вознаграждения за труд с упором на бремя ответственности. С другой стороны, к представителям сталинского политбюро предъявлялись особые требования, которым полагалось соответствовать.

Социокультурный портрет сталинского политбюро можно представить, рассмотрев основные этапы социализации сталинских соратников. Содержание социализации личности определяется всей совокупностью социальной среды и тем, что личность проявляется в определенных шаблонах поведения, выполнении социальных норм и ролей. Основными факторами социализации личности являются государство, состояние экономики, социальной сферы, духовности, наличие или отсутствие военных конфликтов. Успех

социализации зависит от целенаправленности и методичности этого влияния. Институтами социализации являются семья, школа, профессиональная сфера, политические партии и т.д. (для правильной социализации характерна именно эта последовательность).

В политбюро были представители разных этносов: русские — Андреев, Ворошилов, Ежов, Жданов, Калинин, Хрущев, Шверник, Киров, Молотов, Постышев; латыши — Рудзутак и Эйхе; грузины — Сталин, Берия и Орджоникидзе; украинцы — Петровский и Чубарь; армянин — Микоян, поляк — Косиор и еврей — Каганович. Представители Политбюро в основном не были связаны землячеством. В столичном городе родились только Шверник и Ежов, а малой родиной для остальных представителей политбюро стали деревни, села и уездные города Российской Империи. Уровень жизни российской деревни конца XIX в. был крайне низким, а уездные города и слободы являли собой пример российской глубинки, в которой насчитывалось три-четыре тысячи жителей, несколько церквей, училищ, только начала появляться телеграфная связь, а надежные дороги отсутствовали. Культура каждого региона была индивидуальна. Она, несомненно, оказывала влияние на жителей, формируя ряд особенностей, присущих представителям того или иного региона, однако этот факт так же, как и национальность не влиял на принадлежность к «ближнему кругу».

По социальному происхождению сталинских соратников можно разделить на несколько групп. Были здесь представители крестьян, рабочих, чиновников, офицеров, ремесленников, а согласно петровской табели о рангах, действовавшей до 1917 г., выходцами из дворянской среды считались Молотов, Жданов, Орджоникидзе, но дворянского титула ни один из них не имел.

Большевики верили в возможность создания «нового человека» и поэтому уделяли большое внимание образованию. Однако выборочные исследования 1920 г. показали, что лишь 5 % членов партии имели высшее образование, 8% — среднее, 3 % — были неграмотными, а остальные — «низшее, домашнее или тюремное» (тем не менее уровень образования членов партии был выше среднероссийского)[1]. Среди сталинских соратников никто, кроме Молотова, не получил последовательного образования, поэтому они всю жизнь занимались самообразованием, вернее были начитанными людьми[2]. По сравнению с ленинским политбюро сталинское окружение имело невысокий уровень образования и традиционные культурные вкусы.

В основном все представители сталинского политбюро рано начали свою трудовую деятельность. До революции они были заняты на низкооплачиваемой работе, трудились лакеями, подмастерьями либо помощниками и ученикам квалифицированных рабочих. Непрерывного стажа работы на одном предприятии ни один из них не имел[3]. Занимаясь подпольной революционной деятельностью, будущие советские руководители «кочевали» с одного места на другое, перебиваясь случайным заработками или же находясь на содержании партии.

Жизненные обстоятельства, характер и убеждения заставляли их примкнуть к революционному движению. Самые старшие противопоставили себя царской власти на исходе XIX в., еще до формального выделения большевистской партии. Они часто брались за рискованные поручения. Многие из них неоднократно подвергались аресту, бежали, этапировались на вечное поселение в Сибирь и снова бежали. В ходе подпольной работы кое-кто из будущих сталинских соратников побывал за границей[4].

Большинство будущих советских лидеров смогли избежать мобилизации в годы первой мировой войны, перейдя на работу в патронно-гильзовые мастерские; другие находились в ссылках или на нелегальном положении. Лишь единицы из них пошли в царскую армию, а некоторые служили по призыву. Несмотря на отсутствие военных навыков, сталинские соратники принимали активное участие в революции и гражданской войне. В ходе междоусобной распри часть будущих сталинских сподвижников находилась на партийной и хозяйственной работе «в тылу», часть принимала непосредственное участие в боевых действиях, некоторые совмещали оба вида деятельности.

«Возраст» — понятие и биологическое, и психологическое одновременно. В этом

свете важно привести возрастные характеристики сталинского окружения за 1934 год. Соратники вождя представляли разные поколения. Самому молодому было 35 лет (Берия), самому старшему — около 60 лет (Калинин). Основной массе руководителей «стукнуло» 40–47 лет. Возрастной период 35–40 лет выступает как оптимальный с позиций организации; с другой стороны, в этом возрасте мужчина начинает себя «подгонять», больше заботясь о своей карьере. После 40 лет появляются первые признаки старения. Этот рубеж является переломным: кто-то приспосабливается жить в активном режиме, а кому-то не удается поддерживать необходимый ритм. С другой стороны, к сорокалетнему рубежу наблюдается максимальная тенденция к созданию вокруг себя группы особо близких людей. К пятидесяти годам карьеристы-политики развивают бурную деятельность. Появляются новые стимулы. Многие стремятся помочь младшим коллегам и заслужить их признание и поддержку.

Советский дипломат — невозвращенец Сергей Дмитриевский нарисовал портрет сталинского окружения: «В обстановке Гражданской войны вырастали, учились жизни, духовно складывались люди, которые потом стали властвовать над Россией… Там вырастал слой крепких людей…, который именно лег в основу партии… эти люди в своем большинстве прежде почти некому не были известны. Часть из них, но очень небольшая принадлежала к партии «старой гвардии» — к русской подпольной ее части. Но большинство принадлежало к молодежи. Некоторые из этой молодежи тоже получили закалку еще в годы подпольной революционной работы, остальные же, подавляющая масса, были выращены для революции войной. Тут были выходцы из разных общественных слоев: и простые дети народа, низов, рабочей и крестьянской среды и интеллигенты, все — вплоть до дворян… в теории они часто сбивались. Некогда ей было серьезно заниматься… Вождем этих слоев был Сталин…»[5].

Несомненно, важным показателем, характеризующим сталинское политбюро, является семейное положение. Частная жизнь существенно дополняет психологические портреты людей, которые долгие годы руководили страной. Писатель Лариса Васильева справедливо считает: «В начале века личное сливалось с общественным, взаимопонимая, взаимодополняя друг друга. Женщина шла за идеей, сочетая ее с чувствами. Мужчина, в меньшей степени предаваясь чувствам, тоже искал счастливых сочетаний. Если пара была в единомыслии, она была счастлива. Если начинались разномыслия — пара распадалась»[6].

Социальное, этнокультурное происхождение, а также образование и жизненный опыт кремлевских жен был разнообразен. Среди них были выходцы из крестьян (Нина Хрущева), ремесленников (Полина Жемчужина, Дора Хазан), разночинцев (Ашхен Микоян), рабочих (Екатерина Калинина, Мария Кирова, Евгения Ежова) и даже мелкопоместных обедневших дворян (Нина Берия). Среди кремлевских жен были русские, грузинки, армянка, галичанка — Н. Хрущева и много евреек (Хазан, Ворошилова, Каганович, Ежова, Жемчужина, Кирова, первая жена Куйбышева и Петровского). Однако уровень образования или национальная принадлежность на взаимоотношениях в семье не сказывались, т.к. преобладали отношения освященные любовью. Порою союз возникал вопреки традиционным нормам. В частности, брак Климента Ворошилова и Гоиды Горбман был разрешен только при условии венчания в церкви. Невеста приняла православие и стала Екатериной Давидовной. На родине Гоиды раввин предал ее проклятию, но полувековой брак Екатерины и Климента оказался гармоничным. Молодой Анастас Микоян женился на своей троюродной сестре Ашхен. Даже такое препятствие как кровная связь не остановила их. В любви они прожили вместе больше сорока лет и воспитали достойными людьми пятерых сыновей.

Подобно своим мужьям, кремлевские жены не получили последовательного образования, однако со временем многие из них повысили свой культурный уровень. Наиболее образованными среди женщин Кремля считались Дора Хазан, Нина Хрущева, Нина Берия, Полина Жемчужина, Зинаида Орджоникидзе. Жена Кирова Мария Маркус окончила только два класса немецкой школы и специального образования не имела. Случалось

и так, что обстоятельства заставляли прерывать учебу. Так, первая жена Ежова Антонина Титова училась в Казанском Университете на физико-математическом факультете, но мировая война заставила бросить учебу. Тем не менее, после войны уже в 1920-е гг. она окончила Сельскохозяйственную Академию имени Тимирязева и в будущем сделала научную карьеру.

Многие кремлевские жены рано начали свою трудовую деятельность. Например, Мария Каганович работала на трикотажной фабрике, Мария Маркус — в редакции газеты «Терек», Нина Берия — домашней прислугой. Начиная с 1910 г. Полина Жемчужина трудилась на табачной фабрике в Екатеринославле, затем кассиром — в аптеке. Сложные жизненные обстоятельства и общественно-политическая ситуация вели многих девушек в революцию: Мария Каганович принимала участие в революционном движении, а в 1909 г. вступила в РСДРП(б); Екатерина Калинина участвовала в революционном движении с 1905 г. и вступила в партию в 1917 г.; в 1912 г. в партию вступила Дора Хазан; Полина Жемчужина и Зинаида Жданова — в 1918 г. Из воспоминаний Хрущева следует, что Нина Петровна принимала активное участие в партизанском движении и даже выполняла ответственные агентурные задания. Она вступила в РКП(б) в 1920 г. Знакомство будущих советских лидеров со своими женами в основном происходили в связи с их профессиональной деятельностью[7].

На наш взгляд, можно выявить два типа кремлевских женщин. К первому стоит отнести тех, кто пытался играть активную роль в общественной жизни (Татьяна Постоловская-Постышева, Полина Жемчужина, Екатерина Калинина, Дора Хазан). Ко второму типу можно отнести тех, кто занимал различные должности, но особого рвения в карьере не проявлял (Мария Каганович, Екатерина Ворошилова, Доменика Петровская, Зинаида Орджоникидзе, Евгения Коган-Куйбышева, Пани Стяжкина-Куйбышева) и тех, кто по разным причинам расстался со службой (Мария Маркус-Кирова, Евгения Ежова, Нина Хрущева) или полностью посвятил себя семье (Ашхен Микоян). Так, Ашхен Микоян вынуждена была состоять в специальной организации для неработающих членов семей, живущих в Кремле.

Со временем резкие социальные перемены привели к упадку патриархальных устоев в советских семьях. Авторитарная власть мужчины ослабла. Исключением не стали и кремлевские семьи, жизнь которых была детерминирована условиями развития конкретного общества. Следуя традиции начала XX в., некоторые сталинские соратники браки не регистрировали, однако ценили свой семейный статус вопреки вольным поветриям первых лет советской жизни. Уже в 1930-е гг. разводы не приветствовались. По мнению Сталина, семья должна была быть крепкой. Даже, если в браке не все было ладно, формально семья сохранялась. В частности, известны факты, подтверждающие любвеобильность Кирова. Он поддерживал романтические отношения с сотрудницами партаппарата Ленинградской организации. К тому же, в связи с болезнью Марии Львовны у Кировых не было детей. Однако они не разводились и жили вместе. Все письма к жене Киров начинал словами «Дорогая Маруся!» и подписывал «целую, твой Сергей»[8]. Благоверностью не отличался Берия. Известно, что у него была внебрачная дочь Марта.

Взаимоотношения в кремлевских семьях были построены в большинстве случаев на доверии и уважении. В семьях царила атмосфера любви и взаимопонимания. Судя по таким критериям, как религиозная и социальная принадлежность, уровень образования и возраст вступления в брак, а также общность революционных взглядов, среди кремлевских семей существовала идеальная пара: Лазарь и Мария Кагановичи. Они даже во время поездок в лимузинах всегда держались за руки. Именно эту семейную пару считает идеальной Лариса Васильева: «Примером устойчивого, гармоничного единомыслия может служить семья Кагановичей — Лазарь и Мария. Среди большинства других кремлевских семей характерен некий смешанный тип разномыслия, стремящегося к единомыслию»[9]. Остальные пары по вышеизложенным критериям были «в разномыслии», однако это не мешало семейному счастью.

Советские лидеры в большинстве своем были заботливыми родителями, которые смогли воспитать достойных граждан страны. Нина Петровна Хрущева воспитывала не только своих детей — Раду, Сергея и Елену, но и детей мужа от первого брака. Заботливым отцом являлся Калинин. Он помогал своим детям выполнять домашние задания, а каникулы проводил с ними в деревне. В семье Берии большое внимание уделяли образованию сына Серго, который занимался спортом, музыкой и изучал английский язык. Одной из наиболее привлекательных традиций большевистской партии была практика усыновления детей, погибших товарищей по партии и обычных сирот. Были приемные дети у Микояна — сын С. Шаумяна, одного из Бакинских комиссаров. У Ворошиловых не было детей, и они вырастили пятерых приемных: беспризорника Петра они взяли в семью во время гражданской войны, а после смерти М. В. Фрунзе воспитывали его детей — Татьяну и Тимура, а также Евгения и Ивана Порхоменко. Родных детей у Ежова и Евгении Соломоновны не было, и они взяли девочку Наташу из приюта (после гибели родителей она была отправлена в Пензенский детский дом). После ареста ленинградского секретаря А. И. Угарова и его жены Шапошниковой, Полина Жемчужина на время взяла на воспитание их ребенка. Приемный сын был у Кагановичей. Зинаида и Серго Орджоникидзе опекали Елену Джапаридзе — дочь погибшего кавказского большевика.

Следует отметить, что кремлевские дети учились в привилегированных школах. Специальным постановлением ЦК ВКП(б) о «начальной и средней школе» от 1931 г. создавались привилегированные учебные заведения для детей советской элиты. Официально они назывались образцовыми школами, которые были призваны служить эталоном учебно-воспитательной деятельности. В подобных школах были более благоприятные условия для работы и учебы: финансирование, наличие нового оборудования и учебных пособий, более квалифицированные педагогические кадры. В характеристиках учителей можно было встретить такие фразы: «Является хорошим групповодом. Политически выдержанный товарищ. В образцовой школе работать может», или: « … идеологические ошибки были признаны и исправлены»[10]. Кроме того, в этих школах был свой врач, который следил за здоровьем детей. Одной из таких школ стала школа №32 — Московская опытно-показательная школа-коммуна имени Лепешинского (МОПШК). Были и другие спецшколы: № 20, № 25, №175 (с биологическим уклоном), №2 (с углубленным изучением физико-математических дисциплин и иностранных языков). Напротив Кремля располагалась школа №19. До революции в ней помещалась Мариинская гимназия. Отличительной чертой данной школы было то, что учились в ней дети из рядовых московских семей.

Семьи членов политбюро вынуждены были жить в соответствии с теми правилами и требованиями, которые к ним предъявлялись: жены должны были работать или состоять в специальной парторганизации, дети учиться в элитных школах и отдыхать в привилегированных пионерских лагерях. Все представители политбюро, как правило, были примерными отцами, они любили и заботились о своих семьях, стремились дать своим детям хорошее образование. Но система, созданная Сталиным, была настолько отлажена, что даже жены и дети соратников вождя принадлежали в первую очередь ей[11].

В целом быт советской политической элиты в 1934–1939 гг. был великолепно отлажен. Члены политбюро находились на государственном обеспечении, так называемом, безлимитном, т.е. не было никакого контроля за тем, сколько средств и куда идет. Для высшей номенклатуры Сталин завел еще одну нелегальную выплату — так называемый «пакет», с которого не брали даже партвзносы.

Квартиры в Кремле закреплялись за представителями политбюро, пока они оставались на своих постах. Если же кто-то попадал у Сталина в немилость, то наличие московской квартиры теряло всякий смысл, как для опального деятеля, так и для его домочадцев, которые пополняли тюрьмы, лагеря или детские дома. Квартиры в Кремле были «стандартные», обставленные казенной мебелью с бирками. Вне кремлевских стен жил только Берия. Он занимал особняк на углу улицы Качалова и Садового кольца. Там Берия был независим от условностей. На третьем этаже, обведенным с одной стороны бал-

коном, были расположены спальни и рабочие кабинеты. Вся мебель в доме была выполнена на заказ в стиле конструктивизма 30-х годов. В доме были и туалетная комната с мраморной ванной, и тренажерный зал со всеми гимнастическими снарядами и бильярдная. С 1926 г. Киров жили с женой в Ленинграде на улице Красных зорь в доме № 26\28, принадлежавшем ранее страховому обществу. Их квартира располагалась на четвертом этаже и состояла из пяти комнат общей площадью 200 кв. м. У Кирова была большая библиотека из 20 тысяч книг и фонотека более чем из ста пластинок. Обязанности по дому выполняла кухарка, домработница и еще один специально прикрепленный обкомом ВКП(б) человек, следивший за состоянием квартиры. Бездетную семью из двух человек обслуживали три человека, не считая шофера и охранников. В квартире Кировых можно было изучать последние достижения научно-технического прогресса: холодильник американской фирмы «Дженерал Электрик» (один из десяти, завезенных в Советский Союз); ламповый радиоприемник и грамофон.

В 1932 г. было завершено строительство Дома правительства — самого большого жилого здания в Европе. Оно представляло собой не просто громадный комплекс разноплановых построек. Дом правительства вмещал в себя несколько предприятий замкнутого цикла, в прямом и переносном смысле этого слова: клуб, «Новый» театр и кинотеатр «Ударник», поликлинику, прачечную, библиотеку, столовую, продовольственный магазин («закрытый распределитель»), детский сад, ясли. В верхней части дома располагались просторные обзорные площадки, террасы и даже солярий. С 1935 г. Хрущев получил пятикомнатную квартиру в этом доме. В 1938 г., когда Хрущева ввели в состав Политбюро, он получил большую квартиру в доме на улице Грановского.

Наличие дачи также являлось привилегией. Несмотря на то, что в кремлевских стенах бытовал «синдром скромности», многие члены Политбюро жили далеко не аскетично. Например, Чубарь и Петровский жили в специально подготовленных для них особняках. Вилла Постышева, расположенная в Липках напротив Мариинского парка, была построена в стиле барокко. Впрочем, и другие особняки ей не уступали. Например, дворец председателя УЦИК Петровского. У Андреева была дача Архангельское. По словам дочери, он ею дорожил. В прошлом это было имение купца Васильева, построенное в ложноанглийском стиле на высоком берегу реки Цыганки, притоке Десны. Дом был с башнями, флюгерами и витражами. Внутри обшит мореным дубом. В столовой дубовые лавки и огромный камин. В каждой комнате были изразцовые голландские печи. По воспоминаниям Светланы Аллилуевой дача Микояна выглядела весьма импозантно: «… в доме мраморные статуи, вывезенные в свое время из Италии; на стенах — старинные французские гобелены; в окнах нижних комнат — разноцветные витражи. Парк, сад, теннисная площадка, оранжерея, конюшня…»[12] . Дачу Ворошилова украшали портреты членов его семьи[13]. В пользовании Хрущева была государственная дача в Огарево. Как представитель номенклатуры Эйхе имел такие же привилегии. Об этом свидетельствуют воспоминания А. И. Мироновой-Король о загородной резиденции Эйхе: «И вот представьте себе. Зима. Сибирь. Мороз… Глухомань, тайга и вдруг… забор, за ним сверкающий сверху донизу огнями дворец. Мы поднимаемся по ступеням, нас встречает швейцар, кланяется почтительно… Огромный залитый светом вестибюль. Прямо — лестница, покрытая мягким ковром, а справа и слева в горшках — на каждой ступеньке — живые распускающиеся лилии…»[14]. Однако других свидетельств, подтверждающих ее воспоминания не обнаружено. Имеется больше свидетельств другого плана, одно из которых принадлежит Э. М. Глазуновой: «Скромен и неприхотлив. За все 10 лет я не помню на нем хорошего добротного пальто…»[15]. Достоверно можно сказать, что возможности у советской политической элиты были большие. Эта оценка в определенной степени перекликается с некоторыми официальными документами 1930-х гг. 3 февраля 1938 г. Политбюро утвердило совместное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР, которым ограничивались размеры дач ответственных работников. Такое запоздалое решение было продиктовано намерением дискредитировать ряд арестованных партфункционеров, включая Рудзутака которые «понастроили себе дачи в 15–20 и более комнат»[16].

Служебные машины были у всех представителей политбюро. Автопарк состоял главным образом из «ГАЗ-А» и «ЗИС», начало производству которых было положено в 1930-м г. С 1936 г. на «ГАЗе» началось производство новых комфортабельных машин модели «М 1», а в 1937 г. на «ЗИСе» — производство автомобилей «ЗИС 101» с кузовом «лимузин» (с перегородкой за передним сидением, толщина двойных стенок достигала 30-40 мм, пуленепробиваемых стекол — 80 мм, двойное дно, двойная крыша, усиленная задняя стенка).

Особой графой было питание кремлевских вождей. Каждое утро в кабинеты сталинских соратников приносили большие термосы и корзинки с провиантом на обед. Продукты для высшего руководства выращивались и заготовлялись на специальных базах и комбинатах под строгим наблюдением Особого отдела правительственной охраны. По свидетельству Светланы Аллилуевой, все продукты питания — мясо, рыба, овощи, фрукты, хлеб, вино — подвергались лабораторному исследованию, после чего поступали на кухню — каждый пакет в сопровождении акта, заверенного подписью токсиколога и печатью.

Вообще на пропитание одного человека выделялось 500 рублей в месяц. За продуктами жены ездили в «Кремлевку». Так, обед, рассчитанный на двоих, был в самую пору на девять человек. К обедам всегда прилагалось много масла и черной икры. Вместе с обедом можно было брать «сухой паек» — гастрономию, бакалею, сладости, спиртное. Довольно частым явлением в кругу вождей были дружеские застолья, которые проходили на даче Сталина, на квартире Ворошилова и других соратников. Подобные ужины заканчивались далеко за полночь.

Одежда для высшего руководства изготавливалась в специальных пошивочных мастерских при наркоматах, где по специальным талонам можно было сшить костюм. Все сталинские соратники носили полувоенный френч и сапоги, за исключением Калинина, который предпочитал серые и темно-синие костюмы, и Молотова, который носил светлые костюмы. Редко надевал костюмы Хрущев Он носил широкие рубахи с коротким рукавом. Предпочтение свитерам и брюкам отдавал Берия, который форму носил в исключительных случаях. В домашней обстановке Ворошилов носил фланелевые костюмы белого цвета. Воспоминания очевидцев свидетельствуют о том, что Ежов одевался плохо, даже небрежно: «…носил мятые дешевые костюмы и косоворотку»[17]. «Конечно ни о каких туалетах, об элегантности не может быть и речи. Кремлевские жены никогда не носили вечерних платьев, не делали причесок», — вспоминает сноха Кагановича[18]. Кремлевский синдром скромности не обошел никого. Хотя возможности были большие. Сноха Лазаря Кагановича рассказывает: «Быт скромный. Одежда вся штопалась. За все платили. Своих вещей никаких. В квартире на всей мебели бирки — казенная…»[19]. Внутри Кремля располагалась парикмахерская для сотрудников высшего ранга. Обслуживание было бесплатным.

Досуг и увлечения представителей сталинского политбюро были довольно разнообразны. В волейбол, городки, бильярд играли почти все или, по крайней мере, пробовали участвовать. Однако, каждый советский руководитель имел особые пристрастия. Например, Берия и Косиор просто обожали плавание. Первый из них любил заплывать дальше всех, когда море было неспокойно. Он также любил играть в футбол. На лыжах катались Каганович, Ворошилов и Андреев. Последний пробовал себя в альпинизме, теннисе и верховой езде. Кроме того, он профессионально занимался фотографией. Не расставаясь с камерой ни на отдыхе, ни за границей, Андреев делал качественные снимки, среди которых у него были любимые: «Ледоход на Москве-реке», «Синее море с полоской яркой зелени», «Горная тайга», «Ночь на Волге» Он коллекционировал пластинки и собрал огромную фонотеку. Любимым занятием Косиора была игра в городки. В свободное время Молотов сочинял стихи и играл на скрипке. Шахматами интересовался Куйбышев. Он же занимался стрельбой. Заядлым охотником был Киров. В его оружейной коллекции было восемнадцать стволов. Разносторонне одаренным человеком был Берия: рисовал карандашом, акварелью, маслом, любил музыку, читал историческую литературу, кол-

лекционировал работы о Малюте Скуратове, интересовался работами экономистов. Любительские кинофильмы Рудзутака высоко оценивал Сергей Эйзенштейн. Вполне обоснованно «заядлым» театралом можно назвать Хрущева, который регулярно посещал театр, преимущественно МХАТ. Важно отметить тот факт, что подобные увлечения и хобби были «не по карману» большинству рядовых граждан страны.

Все члены политбюро и их домочадцы лечились в Кремлевской больнице, расположенной в Сокольниках. Ее территория являлась как бы продолжением парка. У каждого корпуса обязательно стояла охрана. Для всех сотрудников «Кремлевки» существовало полугласное правило: не знакомиться с посторонними людьми, т.е. теми, кто не имел отношения к четвертому управлению. Врачам даже не говорили часто, кого они лечили. Так, хирург Кремлевской больницы П. Н. Мошенцева, даже не догадывалась, что оперировала Сталина. Вопросы задавать было запрещено, а больной был за занавеской[20]. Лишь через много лет врач узнала имя своего пациента. Персонал был подобран по «политическим качествам». Но несмотря на это уровень медицинского обслуживания был высоким, чтобы поддерживать здоровье советских лидеров на должном уровне[21]. Возраст и напряженная деятельность сказывались на состоянии здоровья сталинских соратников. В 1934 г . Киров более месяца лечился в санатории; у Орджоникидзе было больное сердце; Чубарь и Рудзутак длительное время проводили в отпусках, на лечении, в том числе и за границей. Заболевания сердца мучили Андреева и Орджоникидзе. Проблемы со здоровьем были у Калинина: головные боли и больные суставы. Как говорил сам Калинин: «…старость, но бороться буду…»[22]. В середине 1930-х гг. Калинин пережил резкое ухудшение зрения. Он много времени проводил в больнице и санаториях. В письме к Сталину в 1934 г. Калинин писал: «Состояние моих глаз таково, что через два-три года я совершенно буду слепым»[23]. У Жданова было слабое сердце, но он злоупотреблял алкоголем: «Иногда даже Сталин… покрикивал на Жданова, и тот вместо вина послушно наливал себе воду»[24]. К тому же Жданов страдал астмой. Отрицательная реакция организма на мясо преследовала Микояна. Со времен первой мировой войны он страдал малярией. С 1905 г., когда жандармы в Луганске до бесчувствия избили молодого Ворошилова, его стали донимать головные боли[25]. Своим «железным» здоровьем любил похвастаться Хрущев. К этому имелись основания: даже простуды и эпидемиологические заболевания обходили его стороной. В то же время можно выявить закономерность: Хрущев болел после нервных стрессов[26]. Заболеванием легких страдал Ежов, периодически борясь с недугом в санаториях. К концу своей карьеры, Ежова одолели психические расстройства: он часами повторял незамысловатые движения, «делал из бумаги «голубков», «самолетики», запускал их…»[27]. Кроме того, у Ежова обострилась тяга к алкоголю.

Таким образом, сталинское политбюро представляло собой верхушку советской политической элиты, занимавшей руководящие позиции во властных структурах. Судьба каждого представителя политбюро была удивительна, хотя, все они были типичными представителями своей эпохи. Процесс социализации представителей «ближнего круга» был нарушен: образование носило непоследовательный характер, а в некоторых случаях практически отсутствовало; трудовая деятельность была начата в детстве (в среднем в 13–14 лет, в некоторых случаях в 7 лет); столкновения с недетскими трудностями, потрясениями, унижениями, пережитыми в детстве и юности, формировали чувство протеста у будущих революционеров; вступление в партию и начало революционной деятельности происходило в годы юности. Кроме того, формирование личностей будущих советских лидеров проходило на фоне неустойчивой социально-экономической и политической ситуации в стране. Сталин не предъявлял особых требований к национальности и социальному происхождению своих сподвижников, поэтому в его окружении были представители разных этносов и сословных групп. В основном из низших слоев по происхождению, они были так называемыми практиками. Сталинские соратники принимали участие в стачечной борьбе, затем в революции и гражданской войне, но в разной форме и мере ответственности. Одни занимались административной, хозяйственной работой в центре, другие отправлялись на места, участвовали в боях гражданской войны.

Деловой «ближний круг» Сталина в силу своего происхождения и революционной деятельности в совокупности хорошо представлял региональные особенности России, но гораздо хуже знал внешний мир. Тюрьмы, ссылки, побеги, поездки за границу — это был уже образ жизни, формировавший определенное видение мира. Семейная жизнь представителей «ближнего круга» была подчинена правилам, которые господствовали в 1930-е гг. в кругу вождей и советском обществе в целом. Существовала особая «система» воспитания и образования кремлевских детей, определенные правила для кремлевских жен, ряд традиций которые в большинстве случаев соблюдались. Однако, несмотря на наличие подобной системы, в основном все кремлевские семьи жили счастливо, а браки заключались по любви. Вхождение в высшие эшелоны власти вело к изменению основных потребностей и жизненных интересов представителей политбюро и их семей. Возникал новый тип работника — представителя номенклатуры, который пользовался всевозможными благами. Трудно сказать, в какой мере каждый представитель политбюро пользовался теми возможностями, которые им были предоставлены. Воспоминания разных людей зафиксировали дачи, квартиры наравне со «стареньким пальто». Однако факты свидетельствуют о том, что вхождение в высшие эшелоны власти сопровождалось появлением новых материальных благ и гарантий.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Никонов В. А.* Молотов: молодость. М., 2005. С.49.
2. Постышев и Ворошилов не окончили начальной школы. Окончив два или три класса начальной школы, Ежов, например, отличался канцелярской грамотностью. Двухклассную сельскую школу окончил Андреев, Каганович, Рудзутак, Косиор, Калинин. В реальных училищах образование получили Молотов, Жданов, Берия, Киров, Чубарь. Позже Молотов окончил Политехнический институт в Петербурге. Бакинский Политехнический институт по специальности архитектура посещал Берия. Таким образом, Молотов и Берия — единственные представители Политбюро, которые приблизились к получению высшего образования. Фельдшерское образование при больнице получил Орджоникидзе. Окончив обучение на рабфаке Донецкого индустриального института, Хрущев поступил в Промакадемию, но всвязи с новым назначением не окончил ее. В духовных семинариях обучались Сталин, Петровский, Микоян. Последний из них затем учился в Эчмиадзинской духовной академии. После окончания кадетского корпуса Куйбышев поступил в Военно-медицинскую академию, но не окончил ее. Такой уровень образования был у сталинских соратников в годы революции, гражданской войны и первые годы советской власти. Впоследствии члены политбюро по роду своей деятельности занимались самообразованием, что позволило многим из них повысить уровень своих знаний.
3. С 1908 г. Андреев работал «мальчиком» в трактире, затем в ресторане «Гранд-отель», в 1914 г. поступил работать на фабрику помощником механика, затем работал в больничной кассе фабрики «Скороход». С детства Ворошилов работал на шахте, пас скот, в 1896 г. поступил на завод в городе Алчевске. Начиная с 1910 г. Ежов работал портным, позже поступил учеником слесаря на завод. После окончания учебы Калинин поступил в услужение к соседке — помещице, работал лакеем, токарем на заводе. Свою трудовую деятельность Каганович начал с 1907 г.: работал на обувной фабрике, складе металлолома, на мельнице, на различных заводах и кондитерской фабрике. Косиор с 1902 г. работал в слесарных мастерских Сулинского завода. Пастухом по найму, затем слесарем на заводах и шахтах Донбасса работал Хрущев. Подмастерьем в слесарно-кузнечной мастерской трудился Эйхе. На разных заводах работали Рудзутак, Чубарь, Шверник. Во время учебы в институте Молотов подрабатывал, играя на скрипке в ресторанах и кинотеатрах.
4. В ходе революционной деятельности немногие из сталинских соратников побывали за границей. В 1906–1907 гг. скрываясь от полиции в Германии, затем, переправившись в

Персию, Орджоникидзе руководил боевой дружиной, Весной 1911 г. он приехал в Париж, где стал слушателем партийной школы в Лонжюмо, организованной для обучения большевиков — практиков. В 1912 г. он участвовал в Пражской партийной конференции. Будучи делегатом четвертого съезда РСДРП в 1906 г. в Стокгольме побывал Ворошилов. В 1907 г. он участвовал в работе пятого съезда РСДРП в Лондоне. Уже в годы советской власти некоторые высокопоставленные работники выезжали за границу на лечение (Молотов, Ежов) или по служебным делам (Микоян, Ворошилов, Шверник).

5. Сталин И.В. В воспоминаниях современников и документах эпохи. М., 1995. С.75-76.
6. *Васильева Л.* Кремлевские жены. М., 1995. С.174.
7. Знакомство Кагановича со своей будущей женой произошло в годы подполья. В целях конспирации большевикам пришлось изображать семейную пару. Во время съезда председателей женотделов в Москве познакомились Полина Жемчужина и Вячеслав Молотов. В 1921 г. они поженились. Тридцатилетний Калинин встретил двадцатитрехлетнюю Екатерину Лорберг в 1905 г. в Петербурге на квартире большевички Т. Словатинской. Единственный брак по расчету среди сталинских соратников заключили Нина Гегечкори и Берия в 1922 г.: она хотела создать свою семью , ему необходимо было выехать за границу. Киров познакомился со своей женой Марией Львовной Маркус в 1909 г. в редакции газеты «Терек», где она работала. Знакомство Доры Хазан с Андреевым произошло на Путиловском заводе накануне революции. Хрущев познакомился с 22- летней Ниной Петровной Кухарчук в Донбассе. Она преподавала политэкономию на рабфаке, где Никита Хрущев учился. Очевидно, Николай Ежов и Антонина Титова познакомились в Суконно-Слободском районе партии, где она работала техническим секретарем, а он бывал по делам. В Архангельской ссылке познакомились Ворошилов и Гоида Горбман.
8. Гибель Кирова. Факты и версии // Родина. 2005. №3. С.65.
9. *Васильева Л.* Кремлевские жены. М., 1995. С.99.
10. *Андреевский Б.В.* Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1930–1940. М., 2003. С.333
11. В период репрессий в тюрьмах и лагерях в качестве заложников содержались ближайшие родственники сталинских соратников. При этом в кругу вождей насаждалась своеобразная идеология приоритета долга над личными чувствами. На деле это означало, что просить освобождения своих родных не просто было запрещено, но и опасно для собственной жизни.
12. *Аллилуева С.И.* Двадцать писем к другу. М., 1990. С.40.
13. Там же. С.39.
14. *Павлова И. В.* Роберт Эйхе // ВИ. 2001. №1. С.54.
15. Там же. С.55.
16. *Хлевнюк О.В.* Политбюро: механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996. С.257.
17. *Некрасов В.Ф.* Тринадцать железных наркомов. М., 1995. С.87.
18. Там же. С.145.
19. Там же. С.146.
20. *Мошенцева П.Н.* Тайны кремлевской больницы. М., 1998. С.58.
21. У высшей политической элиты было даже «свое» кладбище — Новодевичье. Здесь были похоронены Н.С. Аллилуева, а также М.М. Каганович, покончившие жизнь самоубийством.
22. Михаил Иванович Калинин. Жизнь и деятельность в фотографиях и документах. М., 1972. С.30.
23. Там же. С.27.
24. *Млечин Л.* Смерть Сталина. Вождь и его соратники. М., 2003. С.146.
25. *Буденный С.М.* Пройденный путь. Кн. 2. М., 1965. С.102.
26. Руководитель столичной окружной партийной организации Моисеенко постоянно напоминал Хрущеву о его «троцкистском прошлом». В 1925 г. Хрущев не выдержал и об-

ратился за помощью к Кагановичу. Довольно длительное ожидание решении вопроса могло вызвать нервный стресс и, как следствие, болезнь. Не исключено, что и в 1929 г. болезнь Хрущева была спровоцирована схожим стрессом. Однако видимых свидетельств о том, что в 1929 г. у Хрущева были неприятности на работе, нет. Подробный анализ этой ситуации дает историк Ю.В. Емельянов в своей работе «Хрущев. От пастуха до секретаря ЦК». М., 2005. С. 78-79.

27. Там же. С.109.

N.N.MAKAROVA

SOCIO-CULTURAL PORTRAIT OF STALIN'S POLITICAL BUREAU IN DOMESTIC INTERIOR (1934–1939)

The article lays emphasis on the stages of socialization among the leader's companions-in-arms, on their marital status and quality of life within the Soviet political elite. Factors of person's socialization are the state, economic and social spheres. Successful socialization depends on purposefulness and methodicalness of this influence. Institutes of the socialization are family, school, professional sphere, political parties. Taking into consideration the given factors it is possible to say, that Stalin's political bureau represented a group of the high-ranking officials who having come from social bottoms, possessing no high standard of knowledge used the various material benefits given within the state system..

В.А. ТОКАРЕВ (Магнитогорск)

«С «ЛЕЙКОЙ» И БЛОКНОТОМ…» ПО ВОСТОЧНЫМ ВОЕВОДСТВАМ: ОРГАНИЗАЦИЯ СОВЕТСКОГО ФОТОРЕПОРТАЖА В ПОЛЬСКУЮ КАМПАНИЮ (1939)

В межвоенные годы подавляющая часть советского общества обогащала свой багаж *визуальных образов* о мире исключительно благодаря фотографам и фотографии. Зритель мог познавать действительность и размышлять над нею посредством фотографии, и, конечно, политическая власть, как верховный заказчик информационного климата, стремилась контролировать, каким образом отражается реальность фоторепортерами и бильдредакторами. Ежедневно наряду с радио и кинематографом газеты и журналы в миллионах сообщений тиражировали образы несуществующего мира и внедряли в общественное сознание мифологию нового общества[1]. Мифотворческая функция фотожурналистики наиболее успешно была реализована в рамках фоторепортажа, под которым автор понимает прямую и последовательную форму визуального повествования о текущих событиях средствами фотожурналистики. Как правило, отдельный снимок (фотозаметка) или их случайный набор напоминают реплику об актуальной теме и событии. Фоторепортаж — это институированный взгляд, претендующий на концептуальную трактовку события. В 1930-е гг. фоторепортаж становится средством «*классовой пропаганды, агитации и организации масс, как и печатное слово*»[2]. При таком понимании фоторепортажа отбор объектов и тематики съемки являлся не только творческим, сколько классовым актом. Не случайно профессиональные качества фотокорреспондентов предвоенного поколения измерялись такими непременными критериями, как «политическая острота зрения»[3] и «ясное понимание политических задач, уменье по-большевистски ориентироваться в обстановке»[4]. Если действительность с трудом поддавалась

фиксации в канонах «реализма» в отдельном снимке, то фоторепортаж как совокупность фотографий позволял свободно манипулировать видимым. Фотокорреспонденты формировали *пропагандистский* образ современности. Информационный потенциал и пропагандистское воздействие фоторепортажа зависели, во-первых, от *профессионализма* и *мировосприятия* фотожурналистских кадров и, во-вторых, от *организационных усилий*, затраченных на его реализацию.

Особые навыки и усилия требовались для организации военного фоторепортажа. В мирные годы фотокорреспонденты регулярно привлекались к освещению боевой подготовки и военных учений Красной Армии. В 1935 г. Политуправление РККА создало специальную бригаду в составе корреспондентов А. Шайхета, Д. Дебабова, И. Шагина для освещения знаменитых Киевских маневров. От газетных редакций и Союзфото на Украину были командированы Н. Кулешов, Н. Соловьев, Н. Петров, М. Марков. Их основная задача состояла в рекламе советской военной мощи, и потому на опубликованных снимках полевые учения отличались своей опрятностью и фотогеничностью. Вскоре Абиссиния и Пиренеи оказались зарубежной рабочей площадкой для избранных советских корреспондентов, но уже летом 1938 г. первые батальные съемки пришлось производить на родной земле. На Дальнем Востоке разворачивается пограничный конфликт между советскими войсками и японской Квантунской армией. Первым из фотокорреспондентов В. Темин мчится в район боев. «Десять съемочных дней у озера Хасан дали мне больше чем все самые ответственные съемки, какие я производил когда бы то ни было» — признавался потом фотограф[5]. В номерах «Правды», «Красной звезды», «Комсомольской правды», «Вечерней Москвы» и в специальном выпуске «Иллюстративной газеты» публикуются снимки Темина. Читатели запомнили развевающийся красный стяг над сопкой Заозерной, однако никогда не увидели снимки Темина, которые тот сделал на похоронах погибших красноармейцев. Подытоживая победоносные хасанские события, полковник С. Гуров рекомендовал фотокорреспондентам в будущей войне «показать наиболее поучительные, волнующие и воспитывающие эпизоды боевых действий. Организованная, решительная и стремительная атака пехоты, искусная и мощная атака танков, налет авиации, удачная переправа через водную преграду, хорошая маскировка орудий, танков, отдельных бойцов и целых подразделений, лихая атака конницы, сноровистая работа связистов и саперов, политическая работа во время боя и в перерывах между боями, связь с населением, отдых бойцов и развлечения — все это должно быть в поле зрения военных фотокорреспондентов»[6]. Иными словами, будущая война продолжала рассматриваться преимущественно сквозь театральный окуляр.

Когда в 1939 г. загремели пушки на Халхин-Голе, редакция «Правды» командировала В. Темина и М. Бернштейна в Монголию. Оба были легки на подъем и охочи до перемены мест. От «Известий» выехал щеголеватый П. Трошкин. За смелость и бесстрашие, проявленные в Монголии и последующих кампаниях, между собой коллеги называли Трошкина «Солдатом». На Халхин-Голе фотокорреспонденты были постоянно на передовой и проникали всюду, где «горячо». Риск оказаться на японских штыках ничуть не смущал фотографов, чему свидетельством снимки рукопашного боя, который запечатлели Темин и Трошкин. За кочевой образ жизни и неуловимость журналист И. Экслер назвал их «бродягами», а Темина — привычно — «метеором»[7]. Как и предписывалось Главпуром, фотокорреспонденты стремились запечатлеть «решительную и стремительную атаку пехоты» и т.п. Однако война, которую фотокорреспонденты непосредственно наблюдали в Монголии, не укладывалась в каноны малокровной и победоносной кампании. Они убедились в погрешности сюжетных рекомендаций Главпура. Война оказалась изматывающей — физически и морально. Непредсказуемой. Жертвенной. «Снимать трудно, интересные объекты расположены далеко. Телеобъектив слаб по своим возможностям. — Отмечал в своем блокноте Трошкин. — Атака: бойцы идут разрозненно, маскируются. Выйти, высунуться из укрытия нельзя — пули, осколки свистят рядом. Страха за жизнь нет, но есть чувство того, что еще рано рисковать, так как, по существу, серьезного и дельного не сделано. Нужно работать»[8]. За Халхин-Гол фотокорреспон-

денты будут награждены медалью «За отвагу», однако их монгольский фоторепортаж станет известен коллегам-фотокорреспондентам и остальным современникам с многолетним запозданием. По завершению военных действий на реке Халхин-Гол советское руководство по внешнеполитическим соображениям распространит режим ограничений на антияпонскую пропаганду[9]. Таковым был опыт, накопленный советскими фотожурналистами в индивидуальном порядке к сентябрю 39-го.

В полдень 17 сентября 1939 г. председатель Совнаркома В.М. Молотов выступил по радио. Он объявил о «внутренней несостоятельности и явной недееспособности польского государства» и необходимости «подать руку помощи своим братьям — украинцам и братьям — белорусам, населяющим Польшу». Несколько десятков советских фотокорреспондентов были привлечены к освещению польской кампании и, как следствие, впервые в таком количестве сопровождали Красную Армию в её заграничном «освободительном походе». К тому времени техническая оснащенность советских фотокорреспондентов начала соответствовать тогдашним требованиям фотожурналистики. Отныне не нужно было обладать отменным физическим здоровьем и ловкостью, чтобы переносить громоздкий фотоаппарат и чувствовать свою зависимость от чужой помощи или транспорта. Фотопромышленность наладила массовый выпуск компактных пластиночных и пленочных фотоаппаратов. Для профессиональных фотографов производилась пластиночная камера «Репортёр». Самыми многочисленными пленочными камерами являлись «Фотокор» и различные модификации «ФЭДа», более известного как легендарная «лейка». Именно «лейка» завоевала сердца разъездных фотокорреспондентов и технически обеспечила фоторепортаж. Она была надежна в использовании и удобна в дороге. Конечно, за комфорт приходилось расплачиваться. Требовались особые навыки, чтобы сделать на «лейке» качественные снимки, правда, результат не всегда зависел от опыта фотографа. К удачно сконструированной камере прилагалась скверного качества советская фотопленка, которую использовали также в Польше. К тому же осень 39-го года выдалась дождливой и пасмурной, что также не могло не повлиять на результат. «Условия для съемки были самые неблагоприятные. — Писал В. Темин. — Солнце выглянуло из-за туч на 2-3 минуты. Почти всю первую съемку я произвел при пасмурной погоде и дожде — снимал с открытой диафрагмой при выдержке с $^{1}/_{20}$ и $^{1}/_{30}$ сек.»[10]. Думается, недостаток освещения погубил осенью 39-го не один фотокадр.

Наиболее многочисленный отряд фотокорреспондентов был командирован в Польшу агентством ТАСС и его республиканскими отделениями Радиотелеграфным Агентством УССР (РАТАУ) и Телеграфным агентством БССР (БЕЛТА) — не менее 15 человек: Ф. Кислов, С. Лоскутов, Д. Чернов, А. Межуев, Б. Фишман (все представляли Фотоклише ТАСС), Б. Козюк и А. Радиков (РАТАУ), Б. Вернер, И. Шишко, В. Цемин, Б. Хенин, Серова (все от БЕЛТА) и других. Редакция газеты «Правда» направила пятерых (М. Бернштейн, В. Темин, М. Калашников, К. Девишев, М. Озерский), «Известия» и «Красная звезда» — по четыре каждая. На подхвате находились пишущие спецкоры, владевшие фотокамерой, например, А. Амелин («Красная звезда») и П. Лидов («Правда»). Судя по опубликованным материалам, такими же или даже меньшими силами обошлись в восточных воеводствах центральные республиканские издания. «Комсомольская правда» и «Вечерняя Москва» командировали в Польшу всего по одному — два фотокорреспондента, рассчитывая, что такие опытные мастера, как И. Шагин и Д. Дебабов в одиночку смогут заменить целую группу фоторепортеров. Фотограф Дебабов взял с собой на фронт камеру для цветных съемок. Возможно, Дебабова подвела пасмурная осень 39-го, и малочувствительные негативы дали изображение низкого качества. Об этом можно только догадываться, по крайней мере, автору исследования не удалось установить судьбу эксперимента, работая с фондом Д. Дебабова.

В наиболее предпочтительном положении оказались фотокорреспонденты центральной воинской газеты «Красная звезда». Редакция была заблаговременно предупреждена Главпуром о предстоящей военной акции на западной границе, что позволило журналистам вовремя присоединиться к войскам Украинского и Белорусского фронтов. К тому

же сотрудникам «Красной звезды» не приходилось растрачивать время на согласование возможности и порядка производства съемок Красной Армии с военным командованием, чего не могли избежать прочие редакции[11]. От редакции «Известий» сразу же после выступления Молотова по радио поездом из Москвы выехал П. Трошкин. В редакции «Правды» также располагали сведениями о предстоящем военном выступлении. Накануне похода журналист П. Лидов предупредил своего коллегу Д. Руднева о том, что советские войска «вот-вот перейдут польскую границу»: «Мы с Володей Верховским выколачиваем командировку в Минск, чтоб быть поблизости. И ты время не теряй»[12]. За сутки до начала кампании Лидов по заданию редакции выехал в Мозырь — поближе к границе. Первым из фотокорреспондентов «Правды» в Польшу устремился неутомимый В. Темин, только что вернувшийся из Монголии. В два часа ночи 19 сентября он получил оперативное задание выехать на Белорусский фронт и спустя четыре часа уже вылетел из Москвы в Минск. Из-за плохой погоды остальную часть дороги он проделал на автомобиле. В тот же день Темин сделал вблизи Вильно около 200 снимков. Когда на страницах «Правды» появились первые фотографии Темина, прервалась «невыездная жизнь» М. Калашникова. Редакция командировала его на Украинский фронт. Утром 22 сентября «кремлёвский» фотограф, переодетый в форму красноармейца, вместе с другими журналистами вылетел первым рейсом почтово-пассажирского самолета из Москвы в Киев и дальше на Луцк Через три дня в «Правде» появились первые снимки Калашникова. Менее чем через неделю случайная реплика Сталина на московских переговорах с Риббентропом: «Где Калашников?», поторопила редакцию срочно отозвать Калашникова из Польши (на смену Калашникову во Львов отправится Михаил Озерский).

Советским журналистам предписывалось самым мобильным образом решать редакционные задания: «Оперативность же фоторепортера — это не пустая погоня за рекордами, а весьма важное политическое звено, — одно из первых условий повышения политической актуальности фотоснимков, усиление агитационного и пропагандистского их качества, наиболее широкого и полноценного использования фотографии в деле социалистического строительства, в воспитании советского патриотизма»[13]. В условиях военной кампании многое зависело от военного командования. Опять же в привилегированном положении находились журналисты «Красной звезды», которым повсеместно содействовали армейские чины. Удостоверения «Правды» и «Известий» также вершили на фронте чудеса. В распоряжение Михаила Калашникова командующий 5-ой армии комдив И.Г. Советников передал трофейный автомобиль. Не менее щедрым оказался комдив Я.Т. Черевиченко, прикрепивший к П. Трошкину шофера и автомобиль со словами: «Ездите, пока не надоест»[14]. Фотокорреспонденты ТАСС первое время эксплуатировали грузовую машину, пока военное командование не выделило им трофейные мотоцикл и малолитражку, но без водителей. Мотоциклом управлял С. Лоскутов, имевший опыт вождения. Машину за два дня освоил Б. Фишман. Кстати, зависимость от мотоцикла и малолитражки заставила Д. Чернова, С. Лоскутова, А. Межуева и Б. Фишмана чаще других фотокорреспондентов работать в паре, что, конечно, облегчало труд: один ставил композицию, другой снимал и составлял сопроводилки и т.д.

Передвижение по дорогам Польши было сопряжено с риском. Военнослужащие польской армии и ополченцы, пытавшиеся пробиться в Литву, Румынию и Венгрию, практиковали диверсионную войну, особенно в лесистой местности. В одну из таких засад попали фотокорреспонденты Д. Чернов и Б. Фишман. Несмотря на опасность, журналисты пытались раздвинуть горизонт. Наиболее неутомимыми и самыми подвижными фотокорреспондентами на «западно-белорусском» направлении (территории Новогрудского, Виленского, Белостокского и Полесского воеводств) оказались В. Темин («Правда»), отмахавший за двадцать дней более 3500 километров, и вместе с ним П. Трошкин («Известия»), тассовцы А. Межуев, Д. Чернов и Б. Фишман, который впервые сев за руль, проехал 1200 километров без единой аварии. Применительно к Украинскому фронту (Станиславское, Львовское, Тарнопольское и Луцкое воеводства) таковые не столь очевидны. Можно выделить Ю. Иванова («Красная звезда»), М. Калашникова и Н.

Колли (оба «Правда»), Н. Калики и Т. Мельника (оба «Комуніст»), К. Лишко («Советская Украина»). Кстати, велика была диспропорция представительства фотокорреспондентов на стратегических направлениях. На Белорусском фронте от центральных и республиканских газет и ТАССа их было на порядок выше, чем на Украинском. Конечно, данный факт повлиял на особенности отражения кампании[15]. Фотокорреспонденты снимали вермахт, заезжали в германскую зону оккупации, а П. Лидову и В. Темину, по сведениям правдиста Л.К. Бронтмана, якобы довелось побывать в поверженной Варшаве[16].

Фоторепортерам, командированным в Польшу, в целом удалось удовлетворить интерес соотечественников к фронтовым событиям, если не считать того факта, что собственно *боевые* эпизоды были сведены до минимума. Счастливыми обладателями таких снимков являлись «Правда» и «Известия». Из Гродно, где в течение нескольких дней польские солдаты и ополченцы держали оборону города, редкие фотографии прислал очеркист П. Лидов. Выехав 19 сентября из Минска к польской границе, к утру следующего дня Лидов добрался до Гродно, где второй день шли напряженные бои. Журналист фотографировал красноармейцев и «гродненских рабочих, активно помогавших частям Красной Армии». 22 сентября Лидов стал свидетелем «зачистки» города: «Часть, с которой я шел, медленно продвигалась по Подольной улице, обыскивая дома, чердаки, подвалы, сараи. Время от времени возникала перестрелка»[17]. Его тезка П. Бернштейн «понюхал порох» на Львовщине. В обоих случаях были сняты огневые позиции советских войск. Большинство коллег Лидова и Бернштейна, несмотря на все старания, не смогли засвидетельствовать боевую фазу кампании. Журналист Э. Виленский, нагонявший вместе с фотографом Трошкиным на легковой автомашине передовые части, вспоминал: «…как ни мчались мы в нашей «эмке» на запад, мы не могли догнать фронта. Наш водитель делал чудеса: он объезжал грозные переваливавшиеся танки, спускался в придорожные канавы, пересекал лесочки, мчался через кустарники… Все было напрасно: фронт шел впереди нас с такой бешеной быстротой, что все наши старания остались безрезультатными»[18]. Острый недостаток батального материала иногда толкал фотографов на инсценировку. Именно так можно квалифицировать фотографию Тимофея Мельника, чья публикация в «Комуністе» была приурочена к 20-летнему юбилею Первой Конной армии. Как гласила пояснительная надпись к снимку, подразделение младшего командира Балахнина «*идет в атаку на польских офицеров*». Во-первых, поражала стойкость редколлегии «Комуніста», придержавшей столь лакомый кадр до ноябрьских торжеств. Во-вторых, смущало местоположение фотографа в момент съемки. Он находился во время «атаки на польских офицеров» впереди советских кавалеристов, несущихся с саблями наголо. Естественно, что фотограф поостерёгся направить снимок с явно постановочной сценой в «Красную звезду», и предложил его цивильной газете «Комуніст» (Киев).

С завершением военной фазы кампании, фотокорреспонденты принялись активно искать подтверждения тому, что «началась нормальная жизнь». «С особым удовольствием — вспоминал Сергей Лоскутов, — мы делали снимки, показывающие работу рабочих и крестьянских комитетов,..»[19]. Не забывая о своих непосредственных обязанностях, фотографы успевали консультировать просоветские элементы, каким образом формировать милицию, и даже стоять в караулах вместе с рабочегвардейцами, как то довелось М. Грачеву («Известия»). Они сознательно вмешивались в процесс «экспроприация экспроприаторов» и направляли его. «Глубокое удовлетворение испытывали мы, когда видели, что наши инструкции воспринимаются с величайшей радостью и энтузиазмом. — Вспоминал Михаил Грачев. — К нам обращались с насущными вопросами: как делить землю, как поступить с урожаем на панских полях, как обеспечить жильем батраков»[20]. Так, недалеко от местечка Бениця В. Темину пришлось стать очевидцем конфликта между крестьянами и вооруженным сторожем, охранявшим частные владения. По просьбе местных жителей советский военный юрист пытался уговорить того допустить крестьян на помещичье поле. Убедительнее слов оказался щелкающий фотоаппарат, побудивший сторожа отступиться, а «повеселевшие крестьяне стали тут же ко-

пать панскую картошку»[21]. Иногда фотокорреспонденты сами вступали на митингах в полемику с теми, кто пытался скомпрометировать мероприятия новой власти[22]. Спустя два десятилетия молодые фотокорреспонденты, воспитанные на идеалах большевистской революции, как будто прикоснулись к легендарному для них прошлому.

Фотографы попытались, прежде всего, отобразить порочность социального и политического строя Польши и тех условий, в которых находились «бесправные нации», как назвал Молотов западных украинцев и белорусов (аналогично можно было рассматривать Советский Союз исключительно как пыточный конвейер). «Мы старались показать в снимках ужасающие условия белорусского крестьянства, жившего под гнетом панов и помещиков» — писал корреспондент «Фотоклише ТАСС» Сергей Лоскутов. «Первое, что бросилось в глаза советскому фоторепортеру — делился своими ранними впечатлениями Лоскутов, — это чудовищная нищета белорусского крестьянства. В ряде снимков мы показали оборванных, полуголодных грязных крестьянских детишек»[23]. «Никогда не забуду, — вспоминал Михаил Грачев («Известия»), — поездки в панское имение. Мы встретили там батраков, работавших на помещика по 25-40 лет. Они жили в таких лачугах, в сравнении с которыми иная собачья конура показалась бы благоустроенным жилищем. А зато панский бульдог, отвратительный, дряблый пес, занимал две комфортабельные комнаты, одна из которых, застланная коврами, служила ему спальней, а другая была собачьей ванной. Такова была реальность панской Польши»[24]. Один из жителей Ровно пригласил М. Калашникова к себе домой. По словам фотокорреспондента, жилье представляло собой «жалкую конуру из досок, обсыпанную землей, с одним подслеповатым окошком. Внутри — самодельная деревянная кровать, сундук, стол, земляной пол, сырость. «Вот все, что мы имеем за 20 лет господства панов», — говорит в заключение хозяин коморки»[25]. Обобщенный портрет «панской» Польши выглядел как немногочисленный набор из картинок капиталистического угнетения, архаики и социальной несправедливости. Оказавшись в Польше, советские фотокорреспонденты руководствовались комплексом социалистического превосходства, и намеренно занижали чужую да к тому же капиталистическую культуру и уровень жизни. Например, М. Калашников вынес о городе Луцк намеренно невзрачные впечатления: «Улицы покрыты булыжником, тротуары из каменных плит, асфальта нет совершенно. Много извозчиков, автомашины только иностранных марок. Правда, есть «Фиат польский». Я поинтересовался, что это за фирма. Мне объяснили, что итальянская фирма «Фиат» поставляла в Польшу моторы и другие части, а в Польше делали кузова и производили сборку. Так получался «Фиат польский»»[26]. Тем не менее, механическая объективность фотографии опровергала субъективные рассказы. Фотоиллюстрации с панорамами и видами Белостока, Борислава, Брест-Литовска, Вильно, Гродно, Луцка, Перемышля и Тарнополя, которые в первые дни кампании публиковали советские газеты с подачи ТАСС, отнюдь не изобличали Польшу как страну кромешной нищеты и упадка, не свидетельствовали о заявленной деградации даже в случае, когда перепечатывались фоторепродукции Б. Зейлингера из альбома четверть вековой давности «Летопись войны» (1915). Ничем непримечательные застройки или фабричный пейзаж восточно-воеводских городов напоминали прозаичную архитектуру большинства провинциальных городов Советского Союза, разве что выделялся из этого ряда своими роскошными площадями и помпезным театром Львов. Городские жители на снимках В. Вернера, С. Гурария, А. Гличева, Н. Калики, Б. Козюка, К. Лишко, С. Лоскутова, В. Мусинова, А. Радикова, Я. Соловейчика, В. Темина, Д. Чернова и Б. Фишмана выглядели не просто опрятно, сколько со вкусом и — по советским меркам — модно одетыми людьми. Дружинники и девушки-добровольцы из рабочей гвардии, как мог подумать советский обыватель, рассматривая фотоиллюстрации, щеголяли в хорошего покроя пальто, имели страсть к галстукам, носили изящные туфли и добротные ботинки, знали толк в элегантных шляпках и шляпах. Девушки отличались нарядностью и, можно сказать, не советским шиком.

Следующей задачей, которую почти ежедневно решали фотокорреспонденты в Польше, был поиск путей доставки негативов или снимков в редакцию. Пишущие жур-

налисты, по словам спецкора «Правды» В. Черствова, могли связаться с редакцией и передать текст корреспонденций по телеграфу, телефону, и даже воспользоваться военным проводом. Фоторепортеры не могли отделаться словесным рапортом. В первые дни польской кампании, когда почта бездействовала и между восточными воеводствами и СССР отсутствовало железнодорожное сообщение, фотокорреспонденты вынуждены были метаться на попутном транспорте между польскими городами и Минском или Киевом. В белорусской и украинской столицах они могли воспользоваться бильдаппаратом, однако для этого приходилось предварительно обрабатывать пленку и печатать снимки. Способ был затратным по времени и не самым надежным по качеству передачи изображения[27]. Тем не менее, им периодически пользовались К. Лишко, М. Озерский, М. Сытов, Н. Цидильковский и М. Калашников (последний самолетом переправлял снимки из Львова в Киев).

Союзные железные дороги были перегружены воинскими эшелонами, следовавшими в западном направлении, поэтому в Минске и Киеве московским фотографам приходилось полагаться преимущественно на авиаторов. Например, редакция «Правды» договаривалась о выделении отдельного самолета для доставки из Минска корреспонденции Темина. Фотографу оставалось приехать в Минск, сдать пронумерованные пленки летчикам, а текстовки к снимкам он диктовал по телефону (заодно Темин передавал материалы своих коллег из других изданий). По мере размещения советских авиачастей на польских аэродромах, поездки в Минск и Киев стали излишними. Позже фотокорреспонденты благодарили военное командование за помощь в доставке негативов из Ровно, Львова, Вильно, Гродно и Белостока в Москву: «Наши просьбы по срочной доставке материала или по установлению связи удовлетворялись быстро и четко»[28]. Вышеупомянутый комдив Черевиченко распорядится, чтобы корреспонденция Павла Трошкина («Известия») доставлялась в Минск самолетом. Фотограф передавал негативы экипажу, предварительно написав на пакете: «Не сгибать: плёнка и бумаги. На аэродроме в Минске вызвать по телефону 22780 заведующего белорусским отделением «Известий» тов. Шустера. Вместе с ним поехать в отделение. Присутствовать при передаче очерка в Москву. Узнать, как будет переслана плёнка. Немедленно вернуться в Вильно»[29]. Только негативы «западно-белорусского» направления перевозили пять самолетов. Скоростной самолет для доставки фотоснимков открытия Народного собрания Западной Белоруссии в Москву выделит первый секретарь ЦК КП (б) Белоруссии П.К. Пономаренко. В целом в польскую кампанию услугами авиации воспользовались редакции «Красной звезды», «Правды», «Известий», «Московского большевика», «Вечерней Москвы» и даже «Советской Украины».

Как только фотоматериалы поступали в редакции, за работу принимались бильдредакторы и прочие сотрудники иллюстрационного отдела. Именно бильдредактор («редактор по иллюстрациям, преимущественно по фотоиллюстрациям, инструктор и организатор фотосъемок для печати, специалист по отбору, оценке и текстованию фотоснимков») являлся промежуточной инстанцией между фотокорреспондентом и читателем. Во-первых, он производил отсев поступивших в редакцию фотоматериалов, руководствуясь требованиями к качеству негатива, тематическими предпочтениями, а также соображениями о ненарушении военной тайны, как-то предписывалось со времен советско-польской войны 1920 года. Текстовки к негативам и снимкам, которые в *обязательном* порядке прилагали фотокорреспонденты, облегчали бильдредакторам процедуру отбора необходимых кадров из всего массива поступивших негативов. Обычно текстовки включали фамилию фотографа, место и дату съемки, общие сведения о фотоизображении и примечания для сведения редакции (разборчиво написанные имена и фамилии людей, краткое изложение события). Материалы, которые соответствовали вышеперечисленным принципам, включались в текущие номера. Во-вторых, бильдредактор при необходимости самостоятельно производил предварительную газетную ретушь снимков. Часто бильдредакторам были подчинены искусные ретушеры, которые, как правило, получали приличный гонорар. От ретушеров зависело соответствие снимков

политической конъюнктуре и визуальным стандартам, которым также придавалось политическое значение. В третьих, бильдредактор с опорой на текстовки, составлял подпись к снимку. Сочинение подписи к фотоиллюстрациям, которые ориентировали снимок в «системе реальных жизненных и исторических координат»[30], считалось не менее ответственной задачей: «Наглядная и убедительная конкретность фотоснимка *в соединении с «соответствующей подписью»* дает в руки печати дополнительное орудие мобилизации и организации масс» — напоминала «Правда»[31]. Взаимодополнявшие друг друга фотоиллюстрация с подстрочником составляли единый информационный комплекс. Подпись настраивала массового читателя на «правильное» восприятие фотоизображения. Особенно придирчиво к составлению текстовок относились в аппарате ТАСС, чьи материалы широко перепечатывались по всей стране и за рубежом. Как правило, в подписи указывалась принадлежность снимка и его авторство. В дни польской кампании по вине бильдредакторов, а, может быть, наборщиков не удалось избежать недоразумений. Снимки Ф. Левшина в «Ленинградской правде» и «Московском большевике» присвоили также В. Темину. Под снимком Бориса Козюка (ТАСС) в «Советской Белоруссии» фамилию фотокорреспондента написали как «Козлюк». К тому же в редакции «Советской Белоруссии», вопреки возобладавшей тенденции фиксировать авторство снимков, бесцеремонно продолжали обезличивать творчество фотографов. Если в других газетах анонимные фотоиллюстрации бывали редкостью, то в «Советской Белоруссии» они составили до 40% от всего фоторепортажа польской кампании (в «Звязде» — около 20%)[32] . В центральных газетах предпочитали уточнять место съемки: «В Западной Белоруссии» («По городам и селам Западной Белоруссии») или «В Западной Украине» («По городам и селам Западной Украины»). Остальная часть подписи раскрывала содержание фотоиллюстрации. Она составлялась так, чтобы целенаправленно *комментировать* снимок и обусловить его «верное» восприятие зрителями. Например, самый первый снимок из Польши, напечатанный в советских газетах, бильдредактор сопроводил подписью: «*Крестьяне восторженно встречают части Красной Армии в районе Гродецка*» [Красная звезда. 21. IX.]. Одним лишь словом «восторженно» была задана необходимая тональность освещения польского похода. Бильдредакторы могли отступиться от текстовок корреспондентов и домысливать суть фотоизображения в угодном направлении. Один и тот же снимок А. Межуева и Б. Фишмана, распространявшийся ТАСС, был неодинаково препарирован в разных газетах. В «Комсомольской правде» бильдредактор указал под фотоиллюстрацией, что части Красной Армии восстанавливают мост через реку Супрасль [*Комсомольская правда*. 6. X.]. В киевском «Комуністе» устанавливались виновные — красноармейцы уже ремонтировали мост, взорванный польскими офицерами [*Комуніст*. 8. X.]. В «Советской Украине» вина за разрушенный мост была переписана с социально-чуждых офицеров на всю польскую армию [*Советская Украина*. 8. X.] . В четвертых, бильдредактор намечал расположение фотоиллюстраций на газетных полосах. В сентябре 39-го под самую важную тему дня обычно выделяли первые страницы (в сентябре — октябре более $^{2}/_{3}$ фотоиллюстраций размещались на первой — второй страницах; в ноябре такой чести удостоилась половина снимков, да и то благодаря обилию фотографий с правительственными персонами). Приходилось также учитывать сочетание фотоиллюстраций с прочими текстами, которые шли в номере. Так, 27 сентября 1939 г. ответственный за выпуск текущего номера «Правды» распорядился снять клише с видом разбомбленных зданий в Барановичах, который был поставлен на одну страницу со статьей известного архитектора А.Г. Мордвинова о поточно-скоростном строительстве домов в СССР. В завершение подобранные в печать фотоснимки и подписи к ним бильдредакторы всегда утверждали у главного редактора издания, и по существу делили с ним ответственность за материал.

В конечном итоге момент приобщения фотокорреспондентов к военной фазе кампании, профессиональное мастерство и оперативность фоторепортеров, а также статус и организационные возможности редакций и агентств, которые они представляли, определили лидеров в деле наглядного освещения «освободительного похода». Материалы фо-

токорреспондента «Красной звезды» Ф. Левшина появились на страницах газеты уже 21 сентября 1939 г. Первые его снимки из Польши были сопровождены многозначительным примечанием: «снято 17 сентября 1939 г.». Материалами Левшина откроют свой «польский» фоторепортаж «Комсомольская правда», «Ленинградская правда», «Звязда» и «Комуніст». Одновременно с «Красной звездой» отличилась «Правда», напечатавшая снимки В. Темина. Следующим днем «Известия» опубликовали снимки П. Трошкина из восточных воеводств. Потом собственными фотоматериалами отрапортовалась минская «Звязда» — 24 сентября будут опубликованы снимки Б. Равича. В отличие от «Красной звезды» и «Правды» остальные газеты отметились *собственными* фотоматериалами из Польши с запозданием в 5-6 дней. Только 26 сентября «Советская Белоруссия», «Комуніст» и «Советская Украина» напечатают снимки своих корреспондентов из Польши. «Вечерняя Москва» присоединится к лидерам лишь 27 сентября, хотя её фотокорреспондент Д. Дебабов находился в восточных воеводствах начиная с 20 сентября[33]. Столичная бригада «Фотоклише ТАСС» (С. Лоскутов, А. Межуев, Б. Фишман, Д. Чернов и др.), не поспевшая к развороту первых событий, предложит свой взгляд на события также с 27 сентября 1939 года.

Польская кампания была, несомненно, стержневым внешнеполитическим событием осени 39-го. Польская тема доминировала в советском газетном фоторепортаже с 18 сентября по 16 ноября 1939 года. В газетах «Правда», «Известия», «Красная звезда», «Советская Белоруссия», «Звязда», «Советская Украина» и «Комуніст» более 60 % всей фотоинформации относилось к «освободительному походу» и инкорпорации восточных воеводств в состав СССР. Тон задавала «Красная звезда» (более 70 % фотоиллюстраций), а также минская «Звязда» и киевский «Комуніст», которые приблизительно $^{2}/_{3}$ фотоиллюстраций связали с польской кампанией. Для части современников утро начиналось в длинных очередях у киосков или у газетных стендов. Об этом можно судить по снимку Владимира Минкевича, размещенному в «Вечерней Москве»: в ранний час москвичи столпились у газетной витрины «Известий» на площади Курского вокзала [*Вечерняя Москва*. 23. IX.]. Фотокорреспонденту «Иллюстративной газеты» Аркадию Шайхету удалось сделать пульсирующий жизнью снимок москвичей, буквально впившихся глазами в газетные страницы. И коллективно и в частном порядке жажда новостей с западной границы утолялась преимущественно газетами. В те дни миллионы соотечественников спешили приобрести свежие номера, и первым делом разглядывали напечатанные снимки из Польши. Известный кинорежиссер Ефим Дзиган в письме к драматургу Всеволоду Вишневскому сообщал: «*С огромным интересом смотрю фото, помещаемые в газетах. Они лучше всяких очерков и писаний специальных корреспондентов дают отображение настоящей живой жизни. Вглядываюсь в лица, одежду, строения, улицы, пейзажи. Сейчас интересно будет проследить, как все это начнет меняться, приобретая добротный Советский вид. Вот этот процесс самое увлекательное и интересное!*»[34]. Польскую кампанию запечатлели фотографы, чьи работы по настоящее время включаются в сводные альбомы о советском прошлом[35]. В целом кампания оказалась бенефисом правдиста В. Темина и краснозвездинца Ф. Левшина. Вместе с ними в символическую группу лидеров можно включить Д. Дебабова («Вечерняя Москва»), А. Межуева (ТАСС), Д. Чернова (ТАСС), С. Лоскутова (ТАСС), П. Трошкина («Известия»), К. Лишко («Советской Украины»), Н. Колли («Правда»), М. Калашникова («Правда») и Б. Фишмана (ТАСС). Именно их снимки из восточных воеводств составили своеобразную «классику» фоторепортажа польской кампании. Причем, её определяли не художественные достоинства снимка, а его растиражированность на страницах различных периодических изданий. Именно примелькавшиеся образы и сюжеты становились хрестоматийными[36].

Коллективный вклад фотокорреспондентов в освещение польской кампании уже тогда не был бесспорным. Одни критики считали, что фоторепортеры смогли своими снимками с волнующей силой и убедительностью дополнить корреспонденции с фронта и досказать недосказанное. За некоторыми фотографами признавались «замечательные

примеры оперативности». Другие критики пеняли «маститым» фоторепортерам» за недостаточную оперативность, за то, что они «предпочитали подолгу «творчески» осмысливать события, вместо того чтобы фиксировать эти исторические события на пленку и возможно быстрее прислать негативы в редакцию». Профессиональный рейтинг польской кампании был отчасти оглашен на страницах журналов «Советское фото» и «Большевистская печать». Отдельной похвалы заслужили «выразительные» и «отличные» снимки В. Темина, Н. Цидильковского, В. Мусинова, Ф. Левшина, П. Трошкина, П. Бернштейна, Д. Дебабова и М. Калашникова. Именно в их работах, по мнению рецензентов, присутствовало «ощущение значительности происходящего» и чувствовалось «дыхание исторических событий»[37].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Стигнеев В.Т.* Век фотографии. 1894–1994. Очерки истории отечественной фотографии. М., 2005. С.108.
2. *Морозов С.А.* Работа газетного фотокорреспондента. М., 1937. С.4.
3. *Микулин В.П.* Фотографическая съемка. М., 1939. С.148.
4. *Пригожина Ю.* Советские фоторепортеры // Записки фоторепортеров. М., 1939. С.8.
5. *Темин В.* С фотоаппаратом на фронте // Большевистская печать. 1938. №17. С.14.
6. *Гуров С.* Военный фотокорреспондент // Советское фото. 1939. №6. С.3.
7. *Экслер И.* «Героическая красноармейская» (Из фронтового дневника) // Большевистская печать. 1939. №23. С.22.
8. *Кривель А.М.* Слышишь, Халхин-Гол! М., 1989. С.78.
9. После урегулирования конфликта на Халхин-Голе к прокату были запрещены новые документальные фильмы «Слава героям Хасана» и «Халхин-Гол». На различных киностудиях страны были прерваны съемки и подготовительная работа над картинами «Гость», «Лазо», «Оруженосцы народа» и «Трое из комсомола». Большой театр и Ленинградский Малый оперный театр прервали репетиции оперы «Волочаевские дни». Прекращаются переиздания популярного романа П. Павленко «На Востоке» о будущей советско-японской войне. Победа советско-монгольских войск на Халхин-Голе не афишировалась в тех масштабах, как скажем, пограничный конфликт у озера Хасан. Выпущенный Главпуром РККА сборник «Бои на Халхин-Голе» (1940) был лимитирован и не был доступен рядовым читателям. Литераторам, писавшим о Халхин-Голе, приходилось использовать в текстах своеобразную «восточную» маркировку описываемых событий без прямого указания на Японию. Все, что касалось темы былой советско-японской конфронтации, преподносилось осторожно, с оглядкой на Токио.
10. *Темин В.* Первые снимки с фронта // Советское фото. 1939. №11. С.5.
11. Кстати, штатским фотокорреспондентам предпочтительнее было работать именно в военной форме: «Форма красноармейца была моим лучшим пропуском для съемок. Это во многом облегчало мне съемки в городе. В пути, в деревне, я не терял времени на предъявление документов» — вспоминал М. Клашников (*Калашников М.* С фотоаппаратом по Западной Украине // Советское фото. 1939. №11. С.4.).
12. *Руднев Д.М.* Интервью с самим собой. Таллинн, 1973. С.12.
13. *Е.С.* О качестве бильдпередачи // Советское фото. 1938. №14. С.4.
14. Очеркист «Известий» Э. Виленский, памятуя внимание Я.Т. Черевиченко к журналистам, с благодарностью напишет: «Он как настоящий большевик понимал роль печати и действовал как человек, правильно оценивающий значение газеты, особенно в условиях военных действий» (*Виленский Э.* Две корреспонденции из Западной Белоруссии // Большевистская печать. 1939. №23. С.26.).
15. При самом поверхностном взгляде на «географию» поездок фотокорреспондентов по восточным воеводствам и соответственно при локализации советского фоторепортажа становится очевидным его неповсеместность. Фоторепортёры, как может показаться,

почти по рекомендации военных штабов обошли «припятскую проблему». Огромный лесной и болотистый край традиционно был не удобен для быстрого и безопасного продвижения войск. Советское командование предпочло нанести основные удару в обход Полесского воеводства и северной части Волыни. Соответственным образом повели себя фотокорреспонденты. Они почти не заступали за границу Полесского воеводства, удовлетворяясь съёмками по лини Барановичи — Слоним. Южнее такой условной границей служила линия Ровно — Луцк — Владимир-Волынский. Недоступными оказались Сарны, Домбровица, Лунинец, Ковель, Ратно, Кобрин, Пружаны. Малопривлекательными для фотокорреспондентов показались оба фланга советского вторжения, прошедшие через северную оконечность Виленского воеводства (Белорусский фронт) и сквозь Станиславовское воеводство (Украинский фронт). В основном фотокорреспонденты действовали на направлениях 11-й армии и Конно-механизированной группы Белорусского фронта, а также Шепетовской (Северной) и Волочиской армейских групп Украинского фронта, что, в конечном счете, определило географическую локализацию фоторепортажа. Графически его можно представить в виде двух кривобоких эллипсов. «Белорусский» фотоареал был ограничен городами Столбцы — Молодечно — Вилейка — Вильно — Гродно — Белосток — Слоним — Барановичи. Из его границ выпадают Августов и Ломжа, до которых все-таки добрались Трошкин и Ярославцев. «Украинский» фотоареал оказался ограничен линией Ровно — Луцк — Владимир-Волынский — Замостье — Перемышль — Борислав — Тарнополь. Между двумя районами фотоактивности одиноко были обозначены Брест-Литовск и Пинск, которые навестили Д. Чернов и А. Межуев. Также нельзя не отметить гипертрофию львовских, белостокских и виленских сюжетов. Остальные города и веси находились в тени названных центров. Например, среди снимков, которые можно точно *идентифицировать по названию населенного пункта*, белостокские и виленские сюжеты занимают большую половину снимков «западно-белорусского» цикла. Виленские сюжеты пресеклись со второй декады октября 1939 г. в силу достигнутой в Москве дипломатической договоренности о передаче Вильно и округи литовскому государству. Чуть более десяти снимков посвящены Молодечно, Сморгони и Гродно. Среди «западно-украинских» - львовские сюжеты превышают все остальные вместе взятые. Создаётся впечатление, что определяющим фактором *частотности* городских и сельских съемок была *общность маршрута* и *постоянного нахождения* фотокорреспондентов. Так, деревня Кевлы Молодеченского повета, через которую проехали Д. Дебабов, С. Лоскутов и Б. Фишман, А. Межуев и Д. Чернов, была известна советскому читателю по 3 снимкам, чего не удосужились Волковыск, Лида, Пинск, Августов, Вилейки и Ломжа. Село Доброшино Жуковского повета (известно также как Добросино и Добрушино), которое вслед за кинорежиссёром А. Довженко навестили фотографы Б. Козюк и К. Лишко, оказалось статистически популярнее, чем Владимир-Волынский, Стрый, Замостье, Злочев и Дрогобыч.

16. Красная Армия, в свою очередь, оказалась объектом пристрастного интереса германских журналистов и просто фотолюбителей, которых в вермахте было предостаточно. «Снимались они [немцы] отчаянно и так и этак, карточки давали» — вспоминал филолог Виктор Шкловский о своём свидании с «заклятыми друзьями» в Перемышле (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 5. Д. 249. Л. 33.). Доходило до абсурда. Немецкие офицеры в кампании советских командиров и политработников позировали на фоне антифашистских плакатов, развешанных в агитпалатках. Правда, совместные фотосессии с немцами советская сторона не приветствовала, расценивая такие прецеденты как чрезвычайные происшествия. Именно так в одном из политдонесений охарактеризовали случай с политруком Воробьевым, который сфотографировался с германским офицером (РГВА. Ф. 9с. Оп. 36. Д. 3574. Л. 379.). Видимо, политические комиссары и кураторы от пропаганды, понимавшие всю фальшь советско-германской «дружбы», осознавали меру аморализма таких снимков, способных в будущем повредить репутации СССР. На себе это пришлось почувствовать Герою Советского Союза С.М. Кривошеину, который вступил в схватку с фашизмом еще на испанской земле. В 1945 г. в боях за Берлин советские

танкисты захватили фотографии с изображением генерала Г. Гудериана и советского комбрига, которые вдвоем принимали военный парад в Бресте. Этим комбригом являлся Кривошеин. Поразительную находку, изобличавшую какую-то «нашу сволочь», солдаты, не мешкая, передали в контрразведку. Там, подзабыв за четыре года войны реалии «освободительного» похода, пришли к выводу, что генерал Кривошеин с 39-го года водит дружбу с гитлеровцами (*Кривошеин С.М.* Ратная быль. Записки командира механизированного корпуса. М., 1962. С.224.). Мысль о былом советско-германском партнерстве в польских делах казалась фронтовикам противоестественной. После поражения Германии массив немецких фотографий в качестве трофеев достался союзникам и был растиражирован на Западе в годы «холодной войны». В Советском Союзе и странах Варшавского блока эти материалы находились под запретом. Только в конце 80-х годов фотографии внешне доброжелательных встреч немецких и советских солдат в Польше были обнародованы в странах Восточной Европы. По словам Эдмунда Дмитрова, эти фотодокументы послужили свидетельством многолетней фальсификации истории советско-германских отношений (*Dmitrow E.* Niemcy patrza na Armie Czerwona. Zblizenie w 1939 roku // Polska-Niemcy-Europa. Warszawa, 2000. S.123.).

17. *Лидов П.* Из Минска в Гродно и обратно // Большевистская печать. 1939. №21. С.37.
18. *Виленский Э.* Две корреспонденции из Западной Белоруссии... С.24.
19. *Лоскутов С.* На съемках в Западной Белоруссии // Советское фото. 1939. №11. С.4.
20. Советское фото. 1940. №9. С.4.
21. *Темин В.* Первые снимки с фронта... С.6.
22. Советское фото. 1940. №9. С.4.
23. *Лоскутов С.* На съемках в Западной Белоруссии... С.4.
24. Советское фото. 1940. №9. С.4.
25. *Калашников М.* С фотоаппаратом по Западной Украине... С.3.
26. Там же. С.3.
27. В июне 1935 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло решение о развитии в СССР фототелеграфной связи, позволявшей передавать фотоизображения на расстоянии. Первые советские устройства для такой связи (ЗФТ-А4, ФТ-37, ФТ-38) были названы на немецкий манер — бильдаппаратом. Во второй пятилетке наркомат связи должен был произвести и задействовать 65 бильдаппаратов, а также подготовить необходимое количество инженеров и техников фотосвязи. К началу 1938 г. в Москве вступила в строй центральная бильдпередаточная Наркомата связи. Агентство «Фотохроника», снабжавшее советскую прессу фотоиллюстрациями, создало столичную бильдгруппу для передачи снимков в Ленинград, Киев, Минск, Харьков и другие крупные города, в которых было установлено соответствующее оборудование. Из республиканских и областных отделений ТАСС в Москву по фототелеграфной связи поступали местные материалы. Бильдаппарат экономил время фотокорреспондентов на доставку снимков в редакцию, однако бильдпередача не обеспечивала качественное воспроизведение фотоизображения: отпечатки выходили слишком контрастными с потерей полутонов. Фотокорреспондентам, решившимся воспользоваться услугами фототелеграфа, рекомендовалось отправлять предварительно отретушированные крупноплановые снимки с четкими очертаниями.
28. *Лоскутов С.* На съемках в Западной Белоруссии... С.5.
29. *Виленский Э.* Две корреспонденции из Западной Белоруссии... С.31.
30. *Пондопуло Г.К.* Фотография и современность. М., 1982. С.114.
31. Правда. 1931. 24 октября.
32. Возможно, минчане использовали внередакционные фотоматериалы по взаимовыгодной приватной договоренности с фотокорреспондентами из других изданий. Анонимность компенсировалась гонораром.
33. *Темин В.* Первые снимки с фронта... С.5.
34. РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 2. Д. 381. Л. 3.
35. СССР, 1917-1991: История в фотографиях. М., 1998; *Bendavid-Val Leah, Brookman P.*

Propaganda & drems: Photographing the 1930s in the USSR a. the US. Zurich-New York, 1999; Вожди и люди: Фотоальбом. М., 1999.

36. Если применить к фоторепортерам соответствующий «индекс цитирования», то наиболее «повторяемыми» окажутся работы Б. Фишмана, Д. Чернова, С. Лоскутова, В. Темина, А. Межуева и М. Калашникова, Ф. Левшина.
37. *Краснов П.* Журналисты на фронте // Большевистская печать. 1939. №19-20. С.22; *Морозов С.А.* Фотоиллюстрация в газете. В помощь редакционным работникам. М., 1939. С.115; *Пригожина Ю.* Советские фоторепортеры... С.10; Советские фоторепортеры в Западной Украине и в Западной Белоруссии // Советское фото. 1939. №10. С.2; *Рубин И.* Отважный фоторепортер // Советское фото. 1940. №2. С.5; Советское фото. 1940. №9. С.5.

V.A. TOKAREV

«HAVING «LEIKA» AND THE NOTEBOOK...» ALONG EAST PROVINCES: ORGANIZATION OF SOVIET PHOTO-REPORT AT POLISH CAMPAIGN (1939)

The Soviet newspaper photographers were involved in propaganda maintenance of so-called Red Army «emancipating campaign» to Poland in autumn 1939. For the first time the numerous group of photographers appeared to be outside the country. Professional experience and personal qualities of correspondents, assistance of military and civil authorities, administrative ability of editorial boards contributed to efficient illumination of the Polish campaign in a pictorial rendition.

О.Ю. КОРОЧКОВА (Магнитогорск)

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ФАКТОРА НА ТРАКТОВКУ ОБРАЗА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1941–1945 гг.

В довоенное время тема первой мировой войны была востребована советскими писателями. Содержание произведений во многом зависело от международной конъюнктуры. Быстро меняющаяся внешнеполитическая ситуация расставляла свои акценты в изображение темы. Вторжение германских войск на территорию Советского государства актуализировало первое мировое противостояние и внесло собственные коррективы в его интерпретацию. Новая трактовка нашла свое отражение и в творчестве литераторов.

Первые два десятилетия советской власти первая мировая война была лишена самостоятельного значения и подавалась в контексте революционных событий и гражданской войны. Интерпретация базировалась на империалистическом характере, классовости и трагичности противостояния. Издержки финской кампании 1939 г. и германский фактор заставили советское руководство вновь обратиться к опыту первой мировой войны. Сложившаяся международная ситуация потребовала в короткие сроки найти средства и механизмы внедрения идеологических установок, способных объединить и мобилизовать советское общество на случай войны с нацистской Германией. Для эскалации патриотизма требовалось напомнить советскому народу о прошлых победах над немецкой армией. Как нельзя кстати оказалась «литературная находка» — Брусиловский прорыв[1], созданная после заключения советско-германского пакта о ненападении в ав-

густе 1939 г., в связи с прекращением антифашистской пропаганды. Данная военная операция удачно вписалась в рамки внешнеполитического курса: с одной стороны, она демонстрировала героизм русской армии, а с другой — раскрывала личность «автора» прорыва генерала А.А.Брусилова[2]. В короткие сроки властью был налажен выпуск военно-исторической литературы, посвященной наступлению[3]. Но историки рассматривали событие, ограничиваясь сугубо военными рамками, при полном отсутствии в исследовании личностного фактора. Как следствие, большинство исследований были ориентировано на узкий круг специалистов и не решало поставленных задач. Для адаптации темы к широкому кругу читателей, пропаганде пришлось обратиться за помощью к прессе, которая стала пионером в формировании героического символа первой мировой войны — генерала Брусилова.

Весной 1941 г. в официальной печати появились статьи «компетентных» авторов: военного корреспондента Н.Каржанского, старшего батальонного комиссара А.Мурашова, военного историка Г.Захарова и др., которые рассматривали Брусилова как талантливого генерала времен первой мировой войны[4]. Личное знакомство авторов с организатором прорыва снимало все вопросы, связанные с трактовкой его образа. Согласно их заключениям, Брусилов олицетворял яркий пример полководца-новатора и объявлялся несомненным продолжателем традиций русского военного искусства, «проникнутым суворовским духом маневра»[5]. Основным примером его полководческой деятельности был Брусиловский прорыв, который удачно вписался в пропагандистский канон, как яркая иллюстрация солдатского героизма. Теперь Брусиловский прорыв подавался как событие мирового значения, сорвавшее планы центральных империалистических держав.

Международная ситуация, сложившаяся с началом Великой Отечественной войны, потребовала от власти в короткие сроки найти средства и механизмы внедрения идеологических установок, способных объединить и мобилизовать советское общество для борьбы с внешней опасностью. Возникла острая необходимость напомнить советскому народу о прошлых победах над германской армией. Вследствие чего по-новому зазвучала и приобрела актуальность тема первой мировой войны, как последнее русско-германское противостояние.

Историческая ретроспектива войны России с немцами перестала носить классовый характер. Изменения были вызваны резкой сменой акцентов в изображении врага. Созданный «коминтерновский» образ противника, который был актуален в довоенной литературе, в первые дни Великой Отечественной войны не выдержал испытания на достоверность[6]. Его несостоятельность обернулась разочарованием и шоком, что потребовало изменить пропагандистские каноны в сторону воспитания и поощрения ненависти к фашистским захватчикам. Угроза порабощения иначе окрашивала давнишнего противника. Произошел перенос образа фашиста на кайзеровских солдат. То, что раньше изображали лишь как «кровавые эпизоды мировой бойни», теперь получили героическую окраску. Вновь в качестве примера героизма русской армии заиграл Брусиловский прорыв и, прежде всего образ Брусилова — военного лидера, сумевшего найти способ разгромить «непобедимого» врага. Как следствие, война 1914–1918 гг., формально считающаяся «империалистической», подавалась уже иначе, и ряд нюансов в официальной пропаганде позволила читателю воспринимать её как освободительную была «превращена» пропагандой в освободительную.

С первых дней войны к теме обратилась публицистика. О событиях первого мирового конфликта упомянули в очерках писатели Вс.Вишневский «Уроки истории» и С.Сергеев–Ценский «Народ-герой»[7]. «В 1914 году Германия вновь начала войну с Россией […] — отметил Вс.Вишневский — Наша армия в ответ вторглась в Восточную Пруссию; русская армия в 1915 году сорвала попытку Гинденбурга и Людендорфа окружить её в Польше; а в 1916 году генерал Брусилов нанес стремительный удар австро-германскому фронту. Он был прорван во многих местах […] Более 500 тысяч австро-германцев попало в плен, примерно такое же количество было ранено и убито»[8]. В газете «Правда» была опубликована статья полковника Г.Захарова «Документы о героизме русских

Главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал А.А.Брусилов

войск»[9], где автор рассказывал о солдатских подвигах, совершенных во время Брусиловского наступления. К концу 1941 г. вышло множество публицистических работ посвященных Брусиловскому прорыву[10]. На фоне современных реалий особое значение приобрели образ Брусилова и осуществленное им наступление. В условиях всеобщей паники необходимо было сохранить атакующий дух русской армии и показать преемственность её боевых традиций. Вследствие череды тяжелых военных поражений 1915 г. русская армия, теснимая противником вглубь своей территории, смогла летом 1916 г. блестяще осуществить наступление и освободить часть территорий, захваченных австро-германской армией. На предоставленном примере легко прослеживалась аналогия с первыми военными поражениями советской армии. Образец русско-германского противостояния был призван опровергнуть миф о непобедимости германских войск, и вселить в народ веру, что не все потеряно и победа не за горами. Свою значимость пробрел образ Брусилова. Он был признан выдающимся русским полководцем, одержавшим блестящую победу над немцами. Следует заметить, что Брусиловский прорыв был превращен пропагандой в законченное победоносное наступление. О его реальных итогах в сложившихся условиях постарались забыть. В пропагандистском плане первую мировую войну заключили в жесткие рамки Брусиловского наступления. Впрочем, короткие очерки не удовлетворяли советских граждан. Требовательные читатели заметил отсутствие в пропагандистском арсенале художественных произведений, посвященных событиям русско-немецких войн. Разные по возрасту и по долгу службы они поддали власти идею обращения к событиям первой мировой войны. «*Трудно представить себе писателя,* — говорилось в анонимном письме полученным редакцией газеты «Правда» — *который, живя сейчас в Москве начал бы работу над большой и трудоемкой повестью, — скажем, о прежних войнах Германии с русским народом. А, ведь, такие произведения нужны не меньше чем мелкие очерки и стихотворения*»[11]. О наличии интереса к теме свидетельствует письмо ученика восьмого класса в редакцию журнала «Знамя», с просьбой указать всю существующую (военно-историческую и художественную) литературу, освещающую историю подготовки и проведения Брусиловского прорыва[12]. Востребо-

ванность темы у населения подтвердило, что интересы власти и народа в потребности обращения к событиям 1914–1918 гг. и их переосмыслению совпали.

Очередным стимулом в пересмотре событий первой мировой войны стало поражение советский войск весной–летом 1942 г. Дабы воспрепятствовать упаднических настроениям, как среди военных, так и среди гражданского населения, пропаганда искала способы объяснение неудач. На помощь была призвана художественная литература. Произведения должны были отражать наступательные тенденции русской армии и вселять веру в победу. В январе 1942 г. начальник комитета по делам искусств М.Храпченко напомнил литераторам о необходимости воссоздать в своих произведениях «величественные образы людей, безгранично преданных родине»[13]. Читательский ажиотаж стимулировал создание координирующего органа, ведавшего производством художественных произведений. В декабре 1942 г. при Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) был образован Отдел художественной литературы. Отдел направлял и контролировал работу Союза советских писателей СССР и его отделений, литературно-художественных издательств: Гослитиздат, «Советской писатель», «Новый мир», «Знамя», «Звезда», «Октябрь», «Советская литература», «Дружба народов», «Литературная газета». В его состав вошли консультанты по республикам, научно-исследовательским учреждениям, иностранной и детской литературе, центральным литературным издательствам художественной литературы и литературных художественных журналов, а так же значительный штат редакторов и политконсультантов.

Писатели не заставили себя долго ждать. Результатом проработки темы стал роман С.Н.Сергеева-Ценского «Брусиловский прорыв»[14], который на всем протяжении войны пользовался популярностью на фронте и в тылу. Успех романа подтолкнул писателя к созданию пьесы[15]. В мае 1942 г. в редакцию журнала «Знамя» была прислана рукопись романа А.Н.Степанова «Бои под Луцком»[16]. К личности Брусилова обратился писатель Ю.Л.Слезкин[17]. После успешного романа «Багратион» к востребованной теме обратился писатель С.Н.Голубов[18].

В данных произведениях характер войны получил некоторые нотки справедливости, конфликт, если неформально, то косвенно трактовался как национально-освободительный со стороны России. Катализатором и главной силой наступления Юго-Западного фронта весной 1916 г. была победоносная 8-я русская армия. В качестве координатора её усилий выступал Брусилов. Образ генерала в сложившихся условиях Отечественной войны показал близость военного руководителя к солдатской массе, что было условием победы. Образ Брусилова — олицетворял пример полководца, ратовавшего за инициативную, наступательную стратегию. Генералу противостоял враг, который изображался писателями достаточно скупо и однородно, и в то же время был жестоким и коварным. В отдельных произведениях писатели попытались изобразить представителей немецкого командования, но они получилось невыразительными. Тиражируемая в 1930 годы идея внутреннего врага отошла на второй план.

Вслед за писателями к теме Брусиловского прорыва приступили драматурги. В рамках государственного заказа в 1942 г. И.Сельвинский создал свое первое произведение в прозе пьесу «Генерал Брусилов»[19]. Драма была окончена в конце 1942 г. Литератор изобразил брусиловское наступление в рамках доминирующей тенденции. В пьесе Брусилов был представлен как военачальник-новатор, способный найти выход из любого положения. В ноябре 1942 г. пьеса, признанная политредактором Б.Ростоцким патриотичной, правдивой и «особенно нужной в сегодняшних условиях»[20], была разрешена для театральных постановок. В экстренном порядке пьеса Сельвинского была разослана в действующую армию. Первая театральная постановка «Генерала Брусилова» была приурочена к празднованию 25-летия РККА и осуществлена Ярославским областным театром драмы им. Ф.Волкова. Столичные газеты поспешили отметить успех премьеры. В условиях сложившейся обстановки спектакль был признан критиками актуальным и злободневным. Пьеса пользовалась популярностью у театров и с успехом прошла по советскому тылу. Её увидели даже жители Крайнего Севера и Заполярья[21]. К сожалению,

из-за громоздких декораций и массовых сцен, на фронт, несмотря на возмущения военных, пьеса так и не попала[22].

Начало 1943 г., ознаменовавшееся переходом к наступлению и захвату стратегической инициативы вновь внесло коррективы в трактовку темы. Естественно, что наступление актуализировало Брусиловский прорыв, который ассоциировался уже с победами советской армии на фронтах Великой Отечественной войны. Работы писателей уже умалчивали о трагической предыстории боев русской армии, сделав акцент на эйфории победы. Борьба русских войск с германской армией была превращена писателями в *справедливую,* защищающую национальные интересы русского народа. Об империалистическом характере войны упоминалось ненавязчиво и вскользь. На общем фоне авторами выпячивалась фигура героя Брусилова. Писатели идеализировали личность генерала. Проба, сделанная литераторами в 1942 г., прошла успешно и не вызвала особых нареканий со стороны идеологических инстанций. Лояльность политредакторов позволила И.Бахтереву, А.Разумовскому, Ю.Слезкину сместить акценты на «автора» военной операции. Успех наступления объяснялся в первую очередь полководческими талантами Брусилова[23]. Совершенно очевидно, что в условиях значительных побед советских войск власти необходимо было выделить заслуги военачальников. Основной силой прорыва при этом называли вооруженный народ, но образ генерала доминировал над солдатской массой, которая была лишь исполнителем блестящего замысла генерала. Осуществились подвижки в изображении врага. В романе противник был представлен двумя лагерями: внешним и внутренним. Внешний враг был показан скупо и бесцветно. Как видно, писатели не нашли свежих красок и оригинальных идей, чтобы разнообразить вражеский стан. Все образы сливаются в два аморфных понятия: «немец» и «австриец». Противник вновь изображался безжалостным и беспощадным. Что же касается внутреннего врага, представленного императорской четой, частью генералитета и германофильской партией, то писатели показали его разнообразнее и выразительнее.

Концепции писателей получили влиятельную поддержку у партийных критиков. Они приветствовали обращение литераторов к фигуре генерала Брусилова, видя в нем незаурядный стратегический талант; осуществленный им прорыв, признавался одним из самых грандиозных сражений первой мировой войны[24]. В рамках указанной тенденции писатели в изображении первой мировой войны несколько отступили от закрепленных в «Кратком курсе истории ВКП(б)»[25] постулатов. События 1914–1918 гг. трактовались в современном контексте, в результате чего произошел откат от классовых оценок военного прошлого России. Частично реабилитировались и усилия русского офицерства в первом мировом конфликте. Данные отступления, сделанные литераторами, были очевидны для внимательного читателя. Данная инерция вызвала беспокойство среди советских историков. Член-корреспондент АН СССР А.В.Ефимов, в 1939 г. входивший в редакцию сборника «Против фашистской фальсификации истории»[26], сообщал в 1944 г. в письме Сталину: «Все войны России становятся справедливыми, доходят до идеализации царей»[27]. Но советский лидер предпочел проигнорировать замечание, так как счел нецелесообразным одергивать писателей.

В условиях грандиозных побед советской армии летом 1943 г. не приветствовалось обращение писателей к трагическим моментам первой мировой войны. Например, в 1943 году Управление пропаганды и агитации решало возможность издания рукописи писателя А.Степанова «В гвардейском штабе», основанной на дневниковых записях. В работе говорилось о событиях на Восточном фронте летом 1915 г., когда русская армия терпела неудачи. Рукопись была признана «в познавательном и художественном плане ничтожной» и запрещена к публикации[28]. Готовившийся к печати сборник военных рассказов А.Серафимовича также был скорректирован на героическую тематику. В специальный раздел «Царская армия и империалистическая война» были отобраны позитивно изображающие русскую армию рассказы, написанные писателем в 1914–1918 гг.[29] Несмотря на это, внимание пропагандистских инстанций к личности генерала Брусилова и проведенному им прорыву не угасало на протяжении всей Великой

Генерал А.А.Брусилов на фронте

Отечественной войны. В тылу вышло множество пропагандистских статей и брошюр[30], Организовывались выставки, отражавшие историю первой мировой войны[31]. В фойе кинотеатров создавались специальные экспозиции, освещающие историю Брусиловского прорыва. К 1943 г. фигура генерала Брусилова встала в один ряд с выдающимися полководцами А.Невским, М.Кутузовым, А.Суворовым. Усилия пропагандистских инстанций имели должный результат. Среди читающей публики вырос спрос на литературу о Брусилове и проведенной им операции[32].

Не потеряла свою актуальность тематика первой мировой войны и в год решающих побед. Издательство «Советский писатель» приняло в портфель 1944 г. недавно законченную работу Сергеева–Ценского «Последние доводы Императоров»[33]. В свет вышла пьеса И.Бахтерева и А.Разумовского «Русский генерал»[34], в журнале «Октябрь» были опубликованы первые главы романа Ю.Слезкина «Брусилов»[35]. Пропагандистские и литературные инстанции признали работу писателей удовлетворительной. Так председатель ССП СССР Н.Тихонов в докладе на пленуме отметил роман Слезкина «Брусилов»[36]. Окончание Великой Отечественной войны наложило свой отпечаток на трактовку первого мирового конфликта. Подготовленные к печати работы в срочном порядке начинали пересматриваться в соответствии с новым внешнеполитическим курсом. К тому же страна, находясь в эйфории победы, чтила героев нынешней, Великой Отечественной войны и полководцы прошлого не должны были затмевать их подвиги. На фоне советских военачальников заслуги Брусилова потеряли свою привлекательность. Кроме того, партийные инстанции поспешили напомнить писателям об империалистическом характере первого мирового конфликта[37]. История войны 1914–1918 гг. была возвращена к предвоенной трактовке, в которой отодвигалась на второй план героика и возвращалась классовость. Современная интерпретация привела в 1946 г. к значительной переработке писателями и драматургами своих трудов. Вопреки историческим фактам, в новые варианты добавлялись персонажи-большевики, осуществлявшие революционную работу на фронте. Полководческая направленность была снята, а содержание произведений наполнилось революционными идеями. Так, в пьесе И.Сельвинского Брусилов с удовольствием знакомился с запрещенной брошюрой В.И.Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма». В заключительной сцене, окончательно разочаровавшись в монархии, он устремился вслед за новой, «рабоче-крестьянско-солдатской Россией»[38]. Эволюция взглядов Брусилова в сторону большевистской

идеологии была проделана в работе И.Бахтеревым и А.Разумовским[39]. Роман Ю. Слезкина[40], по мнению критиков, «слишком модернизирующий идеологический и психологический образ Брусилова»[41], после десятка редакторских правок был опубликован в 1947 г. Писатель С. Голубов, видя бесперспективность темы, вовсе отказался от реализации замысла.

Таким образом, быстро меняющаяся международная ситуация, времен Великой Отечественной войны, явилась катализатором к пересмотру событий первого мирового конфликта. Во вновь созданных произведениях И.Бахтерева и А.Разумовского, И.Сельвинского, С.Сергеева-Ценского, Ю.Слезкина, замалчивался империалистический характер, классовость и трагичность противостояния, которые в рамках начавшейся войны потеряли актуальность и не отвечали целям пропаганды. Господствующее до Великой Отечественной войны трагическое восприятие событий минувшего мирового конфликта сменилась патриотическим осмыслением борьбы русских солдат с немецкой армией. Особое внимание было приковано к описанию героического эпизода первой мировой войны — Брусиловскому прорыву и его автору генералу Брусилову, который должен был служить своеобразным примером борьбы русского воина за национальную независимость. С началом Великой Отечественной войны тема пересматривалась в рамках патриотической тенденции. В 1942 г. события начала войны были переосмыслены согласно идеи, что отступление всегда ведет к победе. Перехват Красной армией стратегической инициативы и её наступление в 1943–1944 гг. расставило акценты в изображении событий первого мирового конфликта сугубо на эйфории победы. Поражение Германии и новая международная ситуация наложили отпечаток на трактовку событий первой мировой войны. Произошла частичная реставрация прежней трагической трактовки событий войны 1914–1918 гг., где Брусиловский прорыв занял свое почетное место.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Летом 1916 г. войсками Юго-Западного фронта, под командованием генерала А.А.Брусилова была осуществлена наступательная операция, прорвавшая оборону противника. Суть стратегических решений Брусилова заключалась в прорыве вражеских позиций не на одном участке, как это делалось ранее, а в нескольких местах на протяжении всего фронта. Неожиданный удар русских войск привел к тому, что противник не смог сконцентрировать свои резервы для отражения основного удара 8-й армии Юго-Западного фронта и понес значительные потери. Бездействие Западного и Северного фронтов, невыполнение обязательств союзниками, а так же ряд просчетов самого Брусилова привели к тому, что операция не получила того завершения, на которое можно было надеяться. Но в условия предвоенного времени, об этом можно было забыть.
2. Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926) — в начале первой мировой войны был назначен командующим 8-ой армией Юго–Западного фронта. Вверенные ему войска достаточно успешно вели боевые действия на Галицийском фронте. За доблесть, проявленную в боях, и умелое руководство армией Брусилов был отмечен рядом наград. Весной 1916 г. был назначен главнокомандующим Юго-Западного фронта. В мае 1916 г. армии Юго-Западного фронта, под командованием Брусилова, осуществили прорыв обороны противника. Данное наступление было самой успешной операцией Восточного фронта за всю историю первой мировой войны. После событий февраля 1917 г. Брусилов одним из первых присягнул Временному правительству и вскоре был назначен верховным главнокомандующим. После неудачно окончившегося наступления русских войск в июле того же года «победоносный» генерал был отстранен от должности и переехал в Москву. На сторону советской власти Брусилов перешел лишь в 1920 г. До самой смерти Брусилов был связан с Красной Армией. Последние годы жизни генерал посвятил любимому делу — кавалерии. В 1922 г. он был назначен главным военным инспектором коннозаводства и коневодства, а годом позже становится инспектором кавалерии РККА. Позднее Брусилов был прикреплен к Реввоенсовету СССР для особо важных поручений,

а свои обязанности по коннозаводству он сдал С.М.Буденному. Умер Алексей Алексеевич 17 марта 1926 г. и был похоронен на территории Новодевичьего монастыря.

3. Наступление Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 г. (Сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.). М., 1940; *Ветошников Л.В.* Брусиловский прорыв. Оперативно-стратегический очерк. М., 1940; *Яковлев В.* Инженерное обеспечение Брусиловского прорыва (1916) // Военно-исторический журнал. 1940. № 8; *Болтин Е., Вебер Ю.* Очерки мировой войны 1914–1918 гг. М., 1941; *Коленковский А.* Маневренный период первой мировой империалистической войны 1914 г. М., 1940; и др.
4. *Каржанский Н.* Генерал Брусилов. (Из прошлого русской армии) // Красная звезда. 1941. 19 января; *Мурашев А.* Воспоминания Брусилова // Красная звезда. 1941. 18 мая; *Захаров Г.* Сборник документов о Брусиловском прорыве // Красная звезда. 1941. 11 апреля.
5. РГАЛИ Ф. 1384. Оп. 2. Д. 214. Л. 5.
6. В середине 30-х г. текущий образ врага формировался при помощи Коминтерновского мифа о полной непопулярности и неприятии фашистского режима большинством населения Германии. Таким образом, в предвоенном общественном сознании закрепилось строгое разделение немцев на эксплуататоров-фашистов и угнетенный пролетариат, бесконечно сочувствующий Советскому государству рабочих и крестьян. Массовым явлением стала уверенность в классовом характере будущей войны.
7. *Вишневский Вс.* Уроки истории // Красная звезда. 1941. 24 июня; *Сергеев-Ценский С.* Народ-герой // Новый мир. 1941. № 11–12.
8. *Вишневский Вс.* Уроки истории.
9. *Захаров Г.* Документы о героизме русских войск // Правда. 1941. 26 июня.
10. *Вейсман Л.* В эти дни: литературно-художественный сборник. Ростов-на-Дону. 1941; *Вебер Ю.* Брусиловский прорыв. М. 1941; *Кузнецов Б.И.* Кампания 1916 г. на фронтах первой мировой войны. М. 1941; *Левин Ш.* Брусиловский прорыв. М. 1941и др.
11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д.68. Л. 146.
12. РГАЛИ. Ф. 632. Оп. 8. Д. 1. Л. 10.
13. *Храпченко М*. Советское искусство в дни войны // Литература и искусство. 1942. 1 января.
14. *Сергеев-Ценский С.Н.* Брусиловский прорыв. М. 1943.
15. РГАЛИ. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 253. Л. 30 об.
16. РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 12. Д. 71. Л. 1.
17. ОР.РГБ. Ф. 801. Оп. 1. Д. 9. Л. 7об.
18. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 211. Л. 31-32.
19. *Сельвинский И.* Генерал Брусилов. М. 1942.
20. РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 5. Д. 7246. С. 97.
21. Театральная хроника // Литература и искусство. 1944. 21 октября.
22. На передовой с нетерпением ожидали, что в репертуарах фронтовых театров появиться именитый спектакль: «Почему не приспособлены для условий фронтового театра пьесы о русских полководцах? — Написал в газету «Литература и искусство» капитан Б.Ярустовский. — […]такие как «Суворов», «Фельдмаршал Кутузов», «Генерал Брусилов»?» (*Ярустовский Б.* Театр на фронте // Литература и искусство. 1944. 15 января).
23. Образ генерала Брусилова напоминал образ Сталина в предвоенном искусстве.
24. *Щербина В.* Сергеев-Ценский // Новый мир. 1943. № 10–11; *Заславский Д.* Брусиловский прорыв // Большевик. 1944. № 1; Чарный М. Брусиловский прорыв // Офицер флота. 1944. № 5–6.
25. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М. 1938.
26. «Против фашистской фальсификации истории» Сборник статей. М.– Л. 1939.
27. РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 3. Д. 1050. Л. 2 об.
28. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 289. Л. 2.
29. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 287. Л. 40.

30. Среди них: *Галактионов М.* Брусилов как полководец. (К 90-летию со дня рождения.) // Красная звезда. 1943. 2 сентября; *Кузнецов Б.И.* Брусиловский прорыв // Блокнот агитатора Красной Армии. 1943. № 14; *Он же*. Генерал Брусилов // Труды академии (Военная академия имени М.В.Фрунзе). Сборник. 1943. № 8. С. 115–140; *Кузнецов Ф.Е.* Брусиловский прорыв. М., 1944; *Мавродин В.* Брусилов. (Очерк боевой деятельности). М., 1944; *Таленский Н.А.* Первая мировая война 1914–1918 гг. (Боевые действия на суше и на море). М., 1944.
31. В Новосибирске 23 февраля была открыта выставка «Героическое прошлое русской армии», посвященная 26 годовщине Красной Армии. В шестом разделе выставлялись произведения, посвященные первой мировой войне. Экспонировались живопись, графика, скульптура, предметы военного обихода, военные трофеи.
32. Романы и брошюры о Брусилове выходили значительными для того времени тиражами, и рассылались в действующую армию. «*Не забыть,* — вспоминал бывший политработник, краснодарский писатель Г.Степанов, — *как зачитывались «Бурной весной»* (переработанный Сергеевым-Ценским роман «Брусиловский прорыв») *политработники и военачальники в весенние месяцы решающего сорок третьего года» (Степанов Г.* А.С.Новиков-Прибой. С.Н.Сергеев-Ценский. (Письма и встречи). Краснодар. 1963. С. 74–75.). «Может быть, новинки удастся достать: книги о Брусилове и Багратионе или еще что-нибудь хорошее» — писала к подруге с фронта санинструктор Сара Шапиро, бывшая студентка исторического факультета. (Письма студентов исторического факультета МГУ. 1941–1945 гг. Публикацию подготовила Л.В.Максакова // ВИ. 2005. № 5.) Мемуары Брусилова держал при себе талантливый советский полководец генерал армии И.Д.Черняховский.
33. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 278. Л. 72– 74.
34. *Бахтерев И. Разумовский А.* Русский генерал. М. 1944.
35. *Слезкин Ю.* Брусилов // Октябрь. 1944. № 9.
36. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 366. Л. 99.
37. Среди них: *Усиевич Е.* Роман о первой мировой войне // Знамя. 1945. № 11. С. 136–149; *Ленобль Г.* Ю.Слезкин «Брусилов» // Знамя. 1947. № 10. С. 194–198.
38. *Сельвинский И.* Избранные произведения. М., 1947. С. 376.
39. *Бахтерев И., Разумовский А.* Русский генерал. М. 1946.
40. *Слезкин Ю.Л.* Брусилов. М. 1947.
41. *Ленобль Г.* Ю.Слезкин «Брусилов» // Знамя. 1947. № 10. С. 198.

O.Yu. KOROCHKOVA

IMPACT OF FOREIGN POLICY FACTOR UPON FIRST WORLD WAR IMAGE AND ITS INTERPRETATION IN FICTION DURING 1941–1945

The foreign policy situation is always having influence on creative process of writers. The article views the influence of the Great Patriotic War upon the interpretation of the First World War events (1914–1918) in Soviet literature. The special stress is made on characteristics of Brusilov's breach and its «author» general A.A. Brusilov.

Е.Л. ГЛОТОВА (Челябинск)

РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА УРАЛА В УСЛОВИЯХ МИРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА (1945–1950 гг.)

Переход к мирной жизни проходил не так просто, как многим казалось на следующий день после Дня Победы. В годы войны на первом месте стояли интересы производства, но не людей. Война стала серьезным испытанием на мужество, многим приходилось жертвовать ради общего дела — победы над врагом. Многочисленные документы свидетельствуют о том, что с окончанием войны, на поверхность выходят с особой остротой проблемы не только экономического, но и социально-бытового характера. Эти вопросы были очень тесно связаны, так как успехи на производстве зависели от людского фактора.

Первые дни мира принесли людям надежды на коренное изменение жизни. Условия жизни рабочих эвакуированных предприятий на протяжении всей войны оставались очень тяжелыми, но в военное время с ними мирились как с неизбежностью. После того, как война закончилась, отношение людей к бытовому неустройству резко изменилось. Вместе с окончанием войны началось движение за возвращение домой в среде эвакуированных и мобилизованных рабочих. Коллективы предприятий таяли на глазах. В течение 1945–1946 гг. самовольно оставили трубный завод полторы тысячи человек, завод №200–800, завод №78–920, Кузнечнопрессовый — 782 работника[1]. Это официальные данные, фактически дезертировало, как тогда говорили, в несколько раз больше. Попытки переломить ситуацию путем усиления карательных мер с участием военных трибуналов особого результата не дали. Помимо этого, происходила «массовая убыль» рабочего времени и самих работников за счет болезней и смертности, особенно среди групп, занятых в военном производстве с его крайне тяжелыми условиями.

Процесс послевоенной реэвакуации на несколько лет осложнил работу предприятий. Уезжали необходимые кадры и проблема нехватки работников, особенно квалифицированных, оставалась одной из самых сложных. В результате реэвакуации особенно пострадали крупные предприятия города, так как именно им были необходимы квалифицированные работники, большую часть которых в годы войны составляли эвакуированные из западных регионов страны люди. Были случаи, когда реэвакуация не только коллективов, но и оборудования осуществлялась явочным порядком. Так произошло с Опытным заводом ЧТЗ. В начале войны на его территории находился эвакуированный из Ленинграда завод № 100. В конце 1944 г., используя покровительство самого И.В. Сталина, директор и главный конструктор этого предприятия Ж.Я. Котин вывез в реэвакуацию почти все современное оборудование, больше половины инженеров, конструкторов и квалифицированных рабочих[2]. Настроения в пользу реэвакуации были такими массовыми, что это потребовало принятия специальных запретительных мер: руководители соответствующих наркоматов издали распоряжения, запрещающие рабочим покидать свои предприятия под угрозой судебной ответственности. Реэвакуация стимулировала развитие системы подготовки кадров. Однако сохранение специалистов представляло собой порой трудноразрешимую задачу. Главная причина текучести кадров лежала на поверхности — неудовлетворительное состояние материально-бытовых условий трудящихся, и прежде всего, не ставшая менее острой и в послевоенные годы жилищная проблема.

Плохие условия жизни стали одной из причин волнений и растущего недовольства рабочих на заводах Урала. Тяжелая ситуация из-за нехватки жилья и еды продолжалась по крайней мере до начала 1950-х гг. В ухудшающихся условиях жизни рабочие активно выражали свое отчаяние как на профсоюзных собраниях, так и в письмах, посланных в местные партийные и правительственные учреждения. Не только простые рабочие, но и руководители предприятий, герои труда — стахановцы, все страдали от нехватки жилья.

Трудно представить, но бывали случаи, когда местным властям приходилось решать вопросы строительства канализации и водопровода, дорог и тротуаров, городского транспорта, уличного освещения. Даже в официальных документах такое положение называлось «диким». Прогрессивные руководители предприятий поставили своей целью добиться того, чтобы каждая семья имела 2–3 благоустроенные комнаты с центральным отоплением, водопроводом и канализацией. В строительстве жилья архитектура принижалась и до крайности упрощалась. Это приводило к тому, что вся архитектура состояла из стандартных однотипных домов с однообразным оформлением главных фасадов. Эти недостатки сохранялись еще в течение десятков лет.

Важным вопросом материального благосостояния являлась заработная плата. В стране продолжала функционировать карточная система в снабжении продуктами питания. Карточная система централизованного снабжения не только промтоварами, но и продовольствием, нередко «недодавала» 70–80 процентов от положенного по норме. Иногда фонды вовсе не поступали — не только в годы войны, но и после нее. Недоставало у людей и денег, чтобы «выкупить» выдаваемое по карточкам. Продукция подсобных хозяйств в своей подавляющей части не доходила до рядовых тружеников. Большим подспорьем в улучшении питания населения являлось принявшее большой масштаб индивидуальное и коллективное огородничество. У тех рабочих, кто был занят в легкой промышленности, зарплата, в большинстве случаев, была настолько низкой, что едва позволяла не умереть от голода. Некоторые рабочие отказывались покупать облигации, предпочитая купить семенной картофель, а другие, даже члены партии, протестовали, не желая участвовать в субсидиарной экономике, считая, что им не стоит ждать адекватного вознаграждения за их труд.

Во времена голода 1946–1947 гг. люди даже не получали овощей и молока. В условиях голода рабочих не спасали даже подсобные хозяйства предприятий. На заводе №66, состоявшем в основном из эвакуированных, мобилизованных и репатриированных руководство завода было вынуждено снижать нормы выдачи продуктов. В результате рабочие отдельных цехов болели элементарной дистрофией, или имели преддистрофийное состояние. Особенно сильно от дистрофии страдали дети, так как большая часть их — это женщины с детьми из 3 человек и больше, с очень низким заработком из-за отсутствия квалификации[3]. В сложившейся ситуации руководители предприятий обращались за помощью к центральному руководству, но неоднократные просьбы о помощи в борьбе с голодом услышаны не были. В итоге, только на Златоустовском заводе №66 с января по апрель смертность увеличивается: январь — 24 человека, февраль — 36 человек, март 56 человек. Всего за период с декабря 1946 г. по июнь 1947 г. элементарной дистрофией заболело 772 человека, умерло — 136 — в основном старики и дети из репатриированных[4]. При решении вопроса о том как удержать заключенных на работе был сделан «вывод» — не допускать роста их заболеваемости[5]. Рабочие протестовали против подобных условий жизни: отказывались работать более 8 часов в день, выражали открытое недовольство администрацией предприятия, требовали немедленного возвращения на прежнее место жительства (большинство рабочих были эвакуированы в Омск с предприятий Ленинграда, Ворошиловграда и других городов). Аналогичная ситуация наблюдалась и на других заводах Урала, даже там, где положение было относительно благополучным.

Когда заводам предстояло осваивать производство новой продукции гражданского назначения, остро вставала проблема переподготовки кадров. Юноши и девушки обучались на курсах техминимума, изучения технологических процессов, станочников, электриков, совмещения профессий, в «стахановской» школе. На процессы социализации молодежи существенное влияние оказывала не только производственная, но и социально-бытовая, культурная среда предприятия. ЧТЗ им.Кирова один из крупнейших заводов в Челябинской области ярко иллюстрирует процессы, происходящие в общественной жизни послевоенного периода. В 1946 г. по инициативе и при активном участии молодежи ЧТЗ был построен лучший на Урале спортзал. Тракторостроители принимали актив-

ное участие в традиционных профсоюзно-комсомольских кроссах, особенно в лыжных, любили волейбол, футбол, другие спортивные игры. Заводские комитеты ВЛКСМ одними из первых в стране стали инициаторами проведения культмассовых мероприятий в летнее время на свежем воздухе — в лесу, в горах, на берегах рек и озер. При активном участии заводчан устраивались тематические молодежные вечера, лекции, выступления самодеятельных артистов и сильнейших спортсменов, организовывались игры, танцы, а на стадионах проходили физкультурные праздники. Комсомольские организации заводов активно участвовали в распределении путевок молодежи в дома отдыха и санатории. За послевоенные годы появились новые средние школы, кинотеатры.

Заботливо встречали воинов, демобилизованных из рядов Советской армии. Для их материального обеспечения создавались специальные материально-денежные фонды. Следует отметить, что кроме денежных выплат фронтовики получали уголь, дрова, комплекты одежды, обувь. На партийном уровне, в обкомах решались вопросы назначения пособий и пенсий по государственному социальному страхованию, руководствуясь разъяснением ВЦСПС, утвержденным СНК СССР 24 августа 1944 г. Для тех, кто находился в рядах действующей армии и ВМФ или в партизанских отрядах время пребывания засчитывалось в общий трудовой стаж и в стаж непрерывной работы. Условием для использования этого положения было требование трудоустройства на работу в качестве рабочего или служащего в течении 3 месяцев после освобождения от военной службы[6]. На этом исчерпывались позитивные изменения социально-бытовой жизни. Нерешенных вопросов было хоть отбавляй. Большую тревогу вызывало состояние здравоохранения. По сравнению с военными годами оно стало еще хуже. Все медицинские учреждения находились в бараках, в которых не представлялось возможным добиться стабильного санитарно-гигиенического состояния, не говоря уже о размещении современного медицинского оборудования и организации специализированных современных медицинских кабинетов. В крайне тяжелом состоянии находилась материальная база народного образования. Появление новых школы, позволяло лишь перейти от обучения в четыре смены на трехсменку, что по-прежнему создавало неблагоприятные условия для ведения нормального учебного процесса. Самые крупные школы строились до войны и капитально не ремонтировались, в то время как в 1930-е гг. некоторые из них считались лучшими. Мебель и школьное оборудование пришли в полную негодность. Дети получали травмы, а родители все в более острой форме выказывали свое возмущение создавшимся положением. Исключение составляли те случаи, когда по инициативе жителей стали серьезно заниматься благоустройством рабочих поселков.

Послевоенное историческое развитие страны характеризовалось крайне жесткой социально-экономической политикой. Только такой курс мог обеспечить необходимые темпы роста ВПК. Предотвратить недовольство населения могли лишь широкомасштабные пропагандистские акции. Широкую пропаганду вели печать и радио. С калининским призывом «Новая пятилетка наше родное, общенародное дело» выступила газета «Труд». Часто в агитационной работе применялись военные тема и символика. Заводская микросреда была обильно пропитана коммунистической идеологией, ставившей государственные интересы выше коллективных и личных интересов работников. Идеологизация производственной сферы ярко проявлялась в преддверии различных советских юбилеев, когда готовились эффектные «трудовые подарки», поднималась волна «социалистического» соревнования, поощрялись рапортомания и громкие комсомольские почины. Политическое воспитание молодежи осуществлялось через кружковые формы комсомольской политучебы, лекции и доклады, печать, радио, различные массово-политические мероприятия. Таким образом, можно утверждать, что на крупных предприятиях в послевоенное время была создана относительно благоприятная микросреда для профессионального роста и трудовой активности молодежи, ее всестороннего развития.

Атомная бомбардировка японских городов Хиросима и Нагасаки стала прологом холодной войны, в развертывании которой большая роль отводилась наращиванию воен-

ной мощи СССР и США. Поэтому так и не удалось населению Урала расслабиться после войны, залечить нанесенные ею раны, обустроить свой быт, построить достойное жилье, порадоваться красивой одежде, купить в дом хорошую мебель, о которой мечтали в самые трудные дни войны. С конца 1940-х гг. Урал вновь наращивает объёмы военной промышленности, и хотя не лилась кровь, не приходили с фронта похоронки, все равно по-настоящему мирной, беззаботной жизни великое поколение 1930–1950-х гг. так и не увидело. По-прежнему люди скудно питались, с большим трудом покупали одежду, жили в бараках. Они продолжали самоотверженно трудиться на заводах, которые реконструировались, росли, постоянно увеличивали объемы производства.

Очевидцы и участники послевоенного восстановления уходят, а вместе с ними уходит и бесценный опыт преодоления кризиса, аналогичного по многим параметрам тому, что мы переживаем сегодня. Проблема почему-то не кажется историкам актуальной.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Новоселов В.Н.., Шубарина Л.В., Кравцов В.М., Севрюк Н.А*. Ленинский район: страницы истории. Челябинск, 2005. С.64.
2. Ук. соч. С.65.
3. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп.11. Д.146. Л.6,7,8.
4. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп.11. Д.146. Л.13.
5. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп.1. Д.25. Л.253.
6. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп.10. Д.316. Л.73.

E.L.GLOTOVA

REALIZATION OF SOCIAL POLICY AT URAL DEFENSE-INDUSTRIAL COMPLEX IN CONDITIONS OF PEACEFUL CONSTRUCTION (1945–1950)

The question of the present work is realization of social policy at Ural enterprises during the post-war period (1945-1950). The article marks some positive and negative sides of this policy, draws attention to the stand that had been taken by some managers of enterprises about improvement of social, life, work conditions for workers.

Л. В. ШУБАРИНА (Челябинск)

ПРОИЗВОДСТВО ТАНКОВ В СТРУКТУРЕ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА СССР (1945–1953 гг.)

Победа Советского Союза во Второй мировой войне была достигнута во многом благодаря использованию в ходе стратегических операций крупных танковых соединений. Танковая промышленность Советского Союза сумела создать боевые машины, тактико-технические характеристики которых остались непревзойденными до конца военных действий. За годы войны танковая отрасль превратилась в одну из самых масштабных и сложных составляющих производства военной техники. В результате эвакуации Ленинградского Кировского, Ижорского, двух Харьковских и Сталинградского заводов сформировалась вторая мощная база танкостроения на Урале и в Западной Сибири. Новыми

центрами танкостроения стали Челябинск, Нижний Тагил, Свердловск, Омск, Барнаул. Значительное развитие танковое производство также получило в городах Поволжья — в Сталинграде и Горьком.

Следует заметить, что судьба танкостроительной отрасли на протяжении всей ее истории существования в Оборонно-промышленном комплексе (ОПК) складывалась намного сложнее, чем развитие других сфер военного производства. В 1930-е гг. при всех многочисленных реорганизациях системы управления и структуры оборонной промышленности танкостроение так и не стало отдельной отраслью. Когда в 1932 г. из Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ) был выделен Наркомат тяжелой промышленности (НКТП), танковые заводы вошли в состав Спецмаштреста Главного Военно-Мобилизационного Управления (ГВМУ) этого наркомата.

В 1936 г. функции ГВМУ перешли к Главному управлению военной промышленности (Главвоенпрому) и Главному управлению боеприпасов (Главбоеприпасу), при этом производство танков находилось в системе Главвоенпрома. Не нашлось места танкостроителям и в Наркомате оборонной промышленности, существовавшем с 1936 по 1939 гг. При его разукрупнении стали самостоятельными авиационная и судостроительная промышленность, промышленность боеприпасов и вооружения. Однако танковая отрасль стала одной из целого ряда составляющих Наркомата среднего машиностроения.

Только с началом Великой Отечественной войны, с 11 сентября 1941 г. был образован отдельный наркомат, ведавший танковой промышленностью, в состав которой входили заводы по производству танков и танковых дизелей, а также приборостроительные предприятия и снарядное производство.[1]

Невиданные трудности в организации работы танковой отрасли военного периода потребовали экстраординарной системы управления. Во главе этой системы находился Государственный Комитет Обороны (ГКО), который координировал и направлял работу всей военной промышленности страны. Он, по сути, стал ведущим органом управления СССР, функционируя наряду с Советом Народных Комиссаров. Аппарат уполномоченных осуществлял повседневное руководство, проводя в жизнь решения ГКО и Совнаркома. Параллельно существовал идеологический и организационный контроль партии. Заведующие отраслевыми отделами ЦК действовали через обкомы партии, промышленные отделы и сектора которых курировали парткомы предприятий.[2] Сложилась система тройного контроля над деятельностью танкового наркомата, как и остальных наркоматов — вооружений, боеприпасов, авиа- и судостроения — их курировали и ГКО, и Совнарком, и ЦК ВКП(б).

С окончанием войны милитаристская структура управления всеми отраслями народного хозяйства должна была быть упразднена. Переход к мирному строительству начался с реорганизации чрезвычайных органов руководства народным хозяйством, созданных в годы Великой Отечественной войны. Политбюро ЦК ВКП(б) 4 сентября 1945 г. утвердило постановление о роспуске ГКО, в котором говорилось: «В связи с окончанием войны и прекращением чрезвычайного положения в стране признать, что дальнейшее существование Государственного комитета обороны не вызывается необходимостью, в силу чего Государственный комитет обороны упразднить и все его дела передать Совету Народных Комиссаров СССР».[3]

В развитие принятого 26 мая 1945 г. постановления ГКО «О мероприятиях по перестройке промышленности в связи с сокращением производства вооружений» продолжалась структурная перестройка, суть которой заключалась в том, что военные отрасли как отдельные подразделения промышленности упразднялись, а в образованных на их месте гражданских отраслях военная продукция становилась всего лишь одной из составляющих наркоматов (министерств) мирного времени.

Такая структурная перестановка обусловила резкое сокращение выпуска военной номенклатуры. В русле разворачивающейся конверсии были упразднены наркоматы, продукция которых на сто процентов носила военный характер, а производственные

мощности передавались специализированным главкам (главным комитетам) в рамках гражданских наркоматов. Теперь между первым лицом отрасли и руководителями заводов, выпускавших военную продукцию стояло промежуточное звено — начальник главка.[4] Все эти изменения коснулись танковой промышленности. Танковые и дизельные заводы перешли в ведение Наркомата транспортного машиностроения, в котором были учреждены три главка: паровозный, вагонный и танковый. Уже осенью 1945 г. большинство предприятий, выпускавших в годы войны танковые моторы, были перепрофилированы: заводу №75 поручался выпуск тепловоза с дизелем американской модели, заводу №37 — маломощные легкие двигатели, с заводом №76 в октябре 1945 г. была еще неопределенность, и только заводы № 183 и ЧКЗ продолжали выпускать танки.[5]

Помимо конверсии, другой причиной коренной перестройки оборонно-промышленного комплекса стал новый виток военно-технической революции на Западе.[6] Во многом вызванная Первой мировой войной, она обусловила к середине 1930-х гг. создание в промышленно развитых странах массового производства новых видов оружия — авиации и бронетехники. В Советском Союзе этот процесс, начавшись во второй половине 1930-х гг., набрал силу только во время Великой Отечественной войны. В это время бронетехника, наряду с авиацией, стала наиболее эффективным видом вооружения, поэтому танковая отрасль стала приоритетным направлением ОПК СССР, а управление ею оптимизировалось. Отрасль стал возглавлять отдельный наркомат, который находился не в Москве, а в районе дислокации танковой отрасли — на Урале, располагаясь в Челябинске. Это позволяло ее наркому В.А. Малышеву быть в курсе всех возникающих проблем танковой промышленности и оперативно решать их. Сталин осуществлял ежедневный контроль, связываясь по прямой линии с директорами танковых заводов. Благодаря этим и другим мерам советская бронетехника вошла в число лучших мировых образцов, а объемы ее выпуска позволили в конце войны доминировать Красной Армии на полях сражений и одержать победу над фашизмом.

Атомная бомбардировка в начале августа 1945 г. японских городов Хиросима и Нагасаки продемонстрировала миру наступление эпохи абсолютно иных, качественно новых видов вооружений. Америка стала первой атомной державой, способной на безопасном для себя расстоянии наносить противнику удары огромной разрушительной силы. Действия американской администрации были восприняты Советским Союзом как попытка США лишить его статуса победителя и свести на нет достигнутую безопасность границ СССР. Отныне, наряду с восстановлением экономики, первоочередной задачей для страны стало строительство атомной, а затем ракетной и электронной промышленности.

Для реализации новых стратегических проектов было необходимым немедленно восстановить органы управления военной экономикой страны, обеспечивших высокую мобилизационную готовность народного хозяйства. Вслед за постановлением от 4 сентября 1945 г. последовало новое постановление Политбюро от 6 сентября 1945 г. «Об образовании оперативных бюро Совета Народных Комиссаров СССР», которое сохраняло на неопределенный срок утвердившееся за военные годы разделение главного органа управления государства ГКО (позже преобразованного в Совнарком) на два оперативных бюро: одно — для руководства наркоматами промышленности и железнодорожного транспорта, другое — для руководства всеми остальными. Возглавил первое оперативное бюро по руководству наркоматами промышленности и железнодорожного транспорта Л.П.Берия, а Г.М.Маленков стал его заместителем. В состав бюро также вошли Н.А.Вознесенский, А.И.Микоян, Л.М.Каганович и А.Н.Косыгин. В функции данного органа управления входили разработка стратегического планирования, составление планов по материально-хозяйственному снабжению, осуществление оперативного руководства над деятельностью наркоматов по обеспечению ими выполнение государственных планов. Правительство СССР определило приоритетные направления ускоренного военно-технического строительства и формирования соответствующей военно-научной инфраструктуры. Отныне первостепенное внимание обращалось на развитие ракетно-

ядерных вооружений, радиолокации, телевидения и инфракрасной техники, танковая же промышленность потеряла свою значимость и затерялась среди многочисленных главков и министерств демилитаризованной экономики.

Для придания работам по базовым направлениям статуса общегосударственных целевых программ были созданы Специальный комитет и три Главных управления при Совете Министров СССР, сыгравших важную роль на начальном этапе развитии атомной, ракетной и радиолокационной техники. Они, осуществляя постоянный мониторинг процесса развития своей отрасли, вовремя вскрывали узкие места и, оперативно определяя оптимальный управленческий уровень принятия необходимого решения, готовили проекты таких решений, добивались их оформления, как правило, в виде постановлений Совета Министров СССР, реже как постановлений ЦК ВКП(б) и в исключительных случаях как совместных решений ЦК ВКП(б) и правительства. На них возлагалось наблюдение за развитием научно-исследовательских, конструкторских и практических работ по ядерному оружию и реактивному вооружению, рассмотрение и представление непосредственно на утверждение Председателя Совета Министров СССР планов и программ развития научно-исследовательских и практических работ, а также определение и утверждение ежеквартальной потребности в денежных ассигнованиях и материально-технических ресурсах для работ по сверхновому вооружению, контроль правительства по проведению научно-исследовательских, проектных, конструкторских и практических работ, принятие совместно с соответствующими Министерствами и руководителями ведомств мер по обеспечению своевременного выполнения указанных заданий.[7]

Во главе всего комплекса работ по созданию принципиально новых и совершенствованию обычных видов вооружения встал Л.П. Берия. По прошествии времени становится все более ясной скрытая под политическими ярлыками роль Лаврентия Павловича Берии в развитии многих отраслей промышленности как во время войны, так и в первое послевоенное десятилетие. Напомним, что в экстремальной ситуации первого года военных действий именно Берия отвечал за результативную работу почти всех важнейших оборонно-промышленных наркоматов: боеприпасов, минометного вооружения, танковой промышленности и других, когда, в условиях демонтажа сотен предприятий на западе СССР и восстановления их на востоке страны, необходимо было снабжать фронт оружием и техникой.[8]

Благодаря руководству ОПК Берией, в период Великой Отечественной войны был достигнут технический паритет, а потом и техническое превосходство СССР на театре военных действий сухопутных сил, который, в первую очередь, определяла бронетанковая техника. В не менее критических условиях послевоенного противостояния СССР и США именно на плечи Л.П.Берии был возложен основной груз ответственности за создание ядерного щита Советского Союза.

По аналогии с Атомным проектом было создано Второе главное управление по реактивной технике при Совете Министров СССР. Исключительно важную роль в создании и развитии ракетной промышленности сыграл Д.Ф. Устинов. В течение сорока трех лет Д.Ф.Устинов находился на высших руководящих постах военной промышленности. В 1941–1957 гг. нарком, министр вооружения, министр оборонной промышленности СССР. В 1957–1963 гг. — заместитель, в 1963–1965 гг. — первый заместитель председателя Совета Министров СССР и председатель Высшего совета народного хозяйства СССР. Секретарь ЦК КПСС по оборонной промышленности в 1965–1976 гг. С 1976 г. член Политбюро и министр обороны СССР.

Являясь руководителем «сталинской школы», имея за плечами опыт успешного решения сложнейших проблем создания и производства вооружения, Д.Ф. Устинов и в послевоенный период отличался принципиальностью, высокой требовательностью к подчиненным, доходящей иногда до жестокости. При этом предоставлял большую самостоятельность тем руководителям, которым всецело доверял. Примером тому может служить деятельность совета Главных конструкторов ракетно-космических систем.[9]

Параллельно созданию в высшей мере засекреченных структур, работавших над созданием военно-технического паритета с США, была проведена реорганизация системы органов исполнительной власти. Законом Верховного Совета СССР от 15 марта 1946 г. Совет Народных Комиссаров СССР преобразовывался в Совет Министров СССР, Совнаркомы союзных и автономных республик — в Советы Министров этих республик, а наркоматы — в министерства. Можно предположить, что замена революционной терминологии европейской в названиях системы государственного управления была нацелена на создание нового имиджа Советского Союза. В глазах мировой общественности советское государство стремилось предстать партнером по политическому диалогу, отказавшись от ореола двигателя мировой революции.

Следующим шагом стало слияние обоих оперативных бюро в Бюро Совета Министров СССР, вначале во главе с Берией, а потом Сталиным, объединившем управление и военной, и гражданской сфер. Заместителями председателя стали Л.П.Берия, Н.А.Вознесенский и А.Н.Косыгин, а В.М.Молотов, А.А.Андреев, А.И.Микоян, К.Е.Ворошилов, Л.М.Каганович членами бюро. Однако в период начала корейской войны, в апреле 1950 г. оперативных органов вновь становится два: учреждается Президиум Совмина СССР, а уже существующий стал называться Бюро Президиума Совета Министров СССР. В его компетенцию входило, в первую очередь, рассмотрение срочных текущих и секретных вопросов обороны, военной промышленности, государственной безопасности.[10]

При Совете Министров СССР была образована система министерств, из которых 30 имели общесоюзное значение, а 19 — союзно-республиканское. В общем перечне министерств находились министерства вооружения, авиационной и судостроительной, химической и электронной промышленности, тяжелого машиностроения, химической и электронной промышленности, сообщения, металлургии, средств связи, транспортного и сельскохозяйственного машиностроения. В это время идет поиск оптимальной формы управления промышленностью, осуществляется череда реструктуризаций, основная тенденция которых — укрупнение министерств. Так, в 1948 г. создается министерство машиностроения, которое вобрало в себя министерства тяжелой промышленности, транспортного машиностроения, автомобильной и тракторной промышленности, станкостроения и ряд других. Такой гигант был плохо управляем и через год был упразднен.

Менее заметными, но не менее важными были изменения в деятельности партийного аппарата. В условиях однопартийной системы, отсутствия реального разделения властей провести грань между партийным и государственным аппаратом весьма непросто, так как партия являлась всеохватным организмом, использовавшим государственные органы управления в качестве инструмента собственной власти.

Наиболее значимые вопросы в сфере экономики страны оформлялись в виде решений Политбюро, которые определяли цели и задачи, состав исполнителей, сроки полномочия ответственных лиц. Управленческое воздействие решений Политбюро находило отражение в проектах постановлений ЦК партии или Совета Министров СССР, а нередко в проектах совместных постановлений обоих органов, представлявшихся на утверждение Политбюро. В особых случаях для решения главных проблем, экономических или военных, создавались специальные комиссии Политбюро под председательством одного из его членов с привлечением в состав комиссии представителей всех заинтересованных органов и организаций. Комиссия готовила предложения, которые после одобрения их Политбюро опросом или единолично Сталиным оформлялись в виде директив ЦК или в форме все тех же постановлений ЦК или Совета Министров СССР.

В 1946–1948 гг. в ЦК ВКП(б) отсутствовали производственно-отраслевые отделы. Вся работа по стратегическому управлению народным хозяйством была перенесена в Совет Министров СССР, что свидетельствовало об ослаблении влияния партаппарата на процесс выработки и принятия решений и прежде всего по вопросам развития ОПК. В июле 1948 г. производственно-отраслевые отделы были восстановлены, но прежнее влияние аппарат ЦК ВКП(б) вернул себе только в 1954 г., когда уже не было в живых ни Сталина, ни Берии. Результатом целенаправленных попыток партийно-государственно-

го руководства страны ввести процессы военно-технической революции в организационное русло стало решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 16 февраля 1951 г. о создании в структуре Совета Министров СССР Бюро по военно-промышленным и военным вопросам. Бюро предписывалось руководить деятельностью следующих министерств: авиапромышленности, вооружения, вооруженных сил и военно-морского флота. Новый орган возглавил Н.А.Булганин[11].

В октябре 1945 г. на базе упраздненного Наркомтанкопрома был создан Наркомат транспортного машиностроения во главе с В.А.Малышевым, остававшимся его руководителем до декабря 1947 г. Наркомат транспортного машиностроения в условиях послевоенной разрухи должен был осуществлять выпуск оборудования и машин для восстановления народного хозяйства и, одновременно, модернизируя, продолжать выпуск танковой продукции.

С октября же 1945 г. Малышев стал одним из руководителей Атомного проекта СССР и возглавил работы по получению высокообогащенного урана-235 диффузионным методом. С этого времени он активно вовлекал в Атомный проект крупные предприятия танковой промышленности, ее талантливых руководителей и специалистов.

По рекомендации Малышева Ленинградский Кировский завод (ЛКЗ) Наркомата транспортного машиностроения стал работать над решением сложнейшей проблемы создания газодиффузионных машин для обогащения урана. А с конца 1945 г. атомная проблематика стала главной в работе Ленинградского Кировского завода. Из танкостроения в атомную промышленность ушли вместе с Малышевым лидеры Ленинградского Кировского завода — директор А.Л.Кизима, главный конструктор Н.М.Синев, и многие другие. С 1946 г. в атомном проекте стал участвовать Челябинский Кировский завод (ЧКЗ) Наркомата транспортного машиностроения. Под непосредственным руководством И.М.Зальцмана началась разработка механизма подрыва ядерного боеприпаса, который был одним из самых сложных узлов атомной бомбы. В 1947 г. на должность руководителя научного центра (КБ-11) по конструированию и испытанию ядерного оружия в г. Сарове переведен выдающийся создатель танков, Главный конструктор ЧКЗ Н.Л. Духов.

Чтобы заполнить образовавшийся в руководстве танковой отрасли вакуум, на должность министра транспортного машиностроения в декабре 1947 г. был назначен Иван Исидорович Носенко. Он приобрел опыт руководства танкостроением в начальный период Великой Отечественной войны, когда одновременно с постом наркома судостроительной промышленности совмещал должность первого заместителя наркома танковой промышленности. Ему пришлось почти заново возрождать погребенное под фундаментом конверсии танковое производство, формировать новый директорский корпус, устанавливать новые формы взаимодействия танковой промышленности и науки. Главную роль в реализации этой программы сыграл первый заместитель министра и одновременно начальник Главного управления танкового производства Ю.Е.Максарев, занимавший эту должность с марта 1946 г.

Богатейший опыт руководителя танкового завода в Нижнем Тагиле, приобретенный в годы Великой Отечественной войны, эффективная работа в аппарате Минтрансмаша в течение сложнейших четырех послевоенных лет позволили Ю.Е. Максареву уверенно возглавлять министерство в период с 1950 по 1953 гг. Благодаря его большому организаторскому таланту, Советская Армия приняла на вооружение средние танки Т-54 и Т-64, тяжелый танк Т-10.

Если карьера Ю.Е.Максарева в послевоенные годы сложилась вполне успешно, то судьба других легендарных руководителей танкового производства сложилась по-другому.

Сразу после войны происходит своеобразная «чистка» директорского корпуса. Его составляли выдающиеся люди, которые в условиях войны занимали руководящие посты, успешно справлялись с заданиями правительства наивысшей сложности. Благодаря своим организаторским качествам им удалось в невероятно сложных условиях создать высокоэффективное производство вооружений, боевой техники и боеприпасов.

Под руководством директора Челябинского Кировского завода И.М.Зальцмана, директора Уралмаша Б.Г.Музрукова, директоров завода №100 Ж.Я.Котина, директора завода №200 К.С.Щербакова, руководителей других промышленных предприятий Урала, работающих на танковую промышленность, был осуществлен решающий вклад в обеспечение Красной Армии всем необходимым для достижения победы над фашисткой Германией. Поток высших государственных наград, почетных званий и отличий, увенчавших их деятельность военной поры, стал свидетельством о признании их заслуг руководством Советского Союза.

Ничто не предвещало серьезных потрясений, будущее рисовало перспективы дальнейших побед по реализации планов восстановления и развития народного хозяйства страны, новых продвижений в карьере. Однако на практике произошло все по-другому. В масштабах отрасли была осуществлена практически полная смена руководителей предприятий. В ходе громких процессов многие директора были лишены своих постов, государственных наград, званий и отличий, и во многом несправедливо.

Причин тому было достаточно много. Следует признать, что руководителям танковой промышленности одним из первых пришлось испытать на себе всю сложность и противоречивость восстановительного периода. Одной из главных причин «чистки» директорского корпуса предприятий танковой отрасли являлось значительное усиление его позиций. За годы войны руководители этих предприятий приобрели такую силу и авторитет, что вышли из-под контроля региональной партийной элиты. Они начали диктовать свои условия, навязывать свои оценки не только в вопросах производственной политики, но и по всем актуальным проблемам всех сфер жизни трудовых коллективов. В основе такой стратегии лежала монополия руководителей танковой отрасли на огромные ресурсы, которых была в первые послевоенные годы лишена региональная власть.[12] Местная бюрократия, вынужденная по каждому вопросу социальной политики обращаться за материальной помощью к гигантам оборонной промышленности не хотела дальше терпеть фактически подчиненного положения. Обком партии и другие органы ВКП(б) стремились избавиться от функций диспетчера военного производства. Для этого после войны имелись все объективные условия. В связи с конверсией промышленности и резкого сокращения оборонного заказа заводы должны были переключиться на выпуск товаров широкого потребления. При этом многое зависело от позиции обкома ВКП(б): или предприятие получит заказ на сложную в изготовлении и дорогую по стоимости продукцию или, как это произошло с агрегатным заводом г. Сима, стать монополистом по производству унитазов. Это хорошо понимал И.М.Зальцман, когда нацеливал коллектив на ускоренную перестройку завода на выпуск тракторной продукции. Выступая 24 ноября 1945 г. на собрании партийно-хозяйственного актива Челябинского Кировского завода, обращаясь к аудитории руководителей, он говорил: «Перед нами стоит вопрос полной реконструкции. Главное … — это освоить новые трактора. Если мы быстро трактор не освоим, то нас могут просить производить всякие мелкие детали, узелки для других, кто выполняет машину».[13]

Большим просчетом руководителей танкового комплекса предприятий являлось то, что многие из них оставались во власти глубокой убежденности, что государство не сможет отказаться от налаженного производства танковой отрасли, продукция которой обеспечила эффективность действий и военную победу Красной Армии. Не все из них понимали, что независимости директорского корпуса от местной власти пришел конец. Свидетельством тому стала ликвидация наркомата танковой промышленности, находившегося в годы войны в Челябинске, с которым директора заводов имели прямую личную связь. В результате структурной перестройки огромная танковая индустрия переходила в подчинение к одному из главков министерства транспортного машиностроения, которое располагалось Москве. Тот же И.М.Зальцман потерял право напрямую обращаться к наркому В.А.Малышеву, а должен был решать насущные вопросы с начальником танкового главка.

Оставшись один на один с тяжелейшими проблемами демилитаризации производства без ежедневной поддержки высшего руководства страны, руководители танковой отрасли стали терпеть одно поражение за другим. В годы войны главной их задачей было выдать продукцию любой ценой, не считаясь с любыми затратами. В наступившее время на первое место вышла проблема эффективности производства, государственные органы управления стали больше внимания обращать на финансовые показатели работы трудовых коллективов. С повестки дня не сходили вопросы рентабельности, ликвидации излишков материальных запасов, наличия оборотных средств. Больной проблемой директорского корпуса стала заработная плата коллективов, значительно уменьшенная после войны: ее выплачивали с большими задержками из-за провалов в финансовой деятельности заводов танкового комплекса.

Руководители танкового производства в годы войны проявили свои сильные административные способности, умение мобилизовать на достижение самой трудной цели десятки тысяч людей, организовать мощный штурм, бурный натиск за счет морально-волевых качеств своих работников. Однако недостаточное знание механизмов экономического развития, неумение выявить внутренние резервы производственного процесса, низкая механизация производства, устаревшее оборудование — все это приводило к тому, что предприятия танковой промышленности с большим трудом переходили на новые технологии, что вынуждало по-прежнему использовать административные рычаги руководства коллективами.

В результате, из-за недостаточно продуманной стратегии распределения сил и ресурсов, в условиях, когда рядом, под одной крышей с военным производством, все больший масштаб набирало производство гражданской продукции, директорский корпус все чаще подвергался жесткой критике со стороны руководителей своего главка и министерства. Классическим образцом реакции центра на деятельность руководителей предприятий танковой отрасли может служить письмо о ситуации на Челябинском Кировском заводе наркома танковой промышленности военного времени, а после войны министра транспортного машиностроения В.А.Малышева, который, обращаясь к коллективу ЧКЗ, писал: «Особую тревогу вызывает положение дел на заводе, работа в части гражданского производства и производства новых танков. Завод дважды сорвал установленные правительством сроки выпуска новых танков. Такая работа повлекла за собой невыполнение всех экономических и финансовых показателей работы завода. Но эти показатели могли быть не такими плохими, если бы руководители Кировского завода своевременно повели бы борьбу со всеми излишествами и непроизводительными потерями, и не жили бы по привычке на «широкую ногу»….. Руководители переоценили свои силы и недооценили трудности послевоенной перестройки. Не прислушивались к советам и указаниям Москвы. Не советовались с коллективом партийных и профсоюзных организаций. На заводе укоренилась практика неправильного руководства командных кадров. Некоторая часть руководящего состава завода заражена духом угодничества и низкопоклонства перед директором завода и старается скрыть от него недостатки и провалы в работе завода».[14]

Содержание этого документа ярко иллюстрирует особенности наступивших перемен. Если в 1941–1945 гг. проблемы решались организационными мерами и носили временный характер, то в условиях мирной экономики требовалось действовать на основе долговременной перспективы, создавать новую техническую, технологическую и кадровую политику. Могучий напор, смекалку и изворотливость директоров танкового производства, необходимые в экстремальных условиях, должна была заменить четко отлаженная системная работа, где уже не было места великому порыву, циклическим всплескам трудовой самоотверженности трудящихся масс.

В послевоенный период изменилось отношение инженерно-технических кадров и рабочих к своим легендарным директорам. Если раньше они мирились со многими, в том числе и крупными недостатками своих руководителей, относя их к издержкам экстремальных условий военного времени, то в мирное время массы открыто выступили про-

тив откровенной грубости, переходящей нередко в неприкрытое хамство. Люди выступали против сугубо административных мер руководства, недооценки морального стимулирования работников.

В адрес ЦК ВКП(б), местных партийных органов шли многочисленные жалобы на нарушение норм трудовой и общественной жизни коллектива. «Энергичный и технически грамотный руководитель. Прекрасно умеет моментально ориентироваться во всех вопросах работы треста. Однако резок, и, зачастую груб с подчиненными … берет непосильные задачи, обещает и не выполняет».[15] Такая характеристика, данная на имя директора завода №66 Бейдермана Бориса Захаровича во многом отражала типические черты личности крупнейших руководителей производства не только танковой отрасли, но и всего оборонного комплекса, сложившиеся в годы войны.

Таким образом, развитие танковой промышленности происходило в условиях двух мощных и прямопротивоположных процессов — конверсии народного хозяйства и реализации атомного и ракетного проектов. Танковая индустрия в глазах советского руководства потеряла приоритетное значение и на время ушла в тень, лишившись своего министерства и лучших руководителей, конструкторов и специалистов. Потребовалась полная замена военной стратегии СССР, осуществленная во второй половине 1960-х гг., чтобы танковая промышленность вернула утраченные позиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Симонов Н.* Военно-промышленный комплекс в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управления. М., 1996. С.10.
2. Там же. С.13.
3. Цит. по: *Жуков Ю.Н*. Сталин: тайны власти. М., 2005 С. 315.
4. Патронные, трубочно-взрывательные и снарядные заводы Наркомата боеприпасов перешли в ведение Наркомата сельскохозяйственного машиностроения, где военному производству уделялось намного меньше внимания, чем в годы войны, а вместо наркомата минометного вооружения был образован наркомат машиностроения и приборостроения.
5. ОГАЧО. Ф.124., оп.1. Д.610 Л.156.
6. Под военно-технической революцией мы понимаем научно-технический и технологический переворот в развитии средств вооруженной борьбы, строительстве и подготовке вооруженных сил, в способах ведения войны и военных действий.
7. *Новоселов В.Н., Толстиков В.С.* Тайны «сороковки». Екатеринбург, 1995. С. 435–438.
8. *Залесский К.А*. Империя Сталина. М., 2000. С. 56-57.
9. Там же. С. 455.
10. *Данилов А.А., Пыжиков А.В*. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М., 2001
11. *Жуков Ю.Н.* Борьба за власть в руководстве СССР в I945–1952 гг. // ВИ. 1995. № 1. С.16.
12. ОГАЧО. Ф.288. Оп.10. Д.131. Л.97.
13. ОГАЧО. Ф.124. Оп.1. Д.547.Л.17.
14. ОГАЧО. Ф.288. Оп.10. Д.131.Л.102.
15. ОГАЧО. Ф 288.Оп.13. Д.78. Л.273.

L.V. SHUBARINA

TANK MANUFACTURE IN STRUCTURE OF DEFENSE-INDUSTRIAL COMPLEX OF THE USSR (1945–1953)

The author analyzes the specificity of development within the tank industry in a structure of the defense-industrial complex of the USSR after the end of the Second World War (1945–1953). Primary factors of tank manufacture during the post-war period were two powerful and antagonistic processes: conversion of a national economy and realization of a nuclear and rocket projects. The tank industry in opinion of the Soviet authorities lost its value, so, being deprived of the ministry and the best managers, designers and experts it faded into the background for a long while.

Н.С. ХОМУТОВА (Челябинск)

РАЗВИТИЕ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ НА УРАЛЕ В 1945–1955 гг.

В послевоенный период в связи с изменениями международной обстановки, необходимостью скорейшего строительства новых оборонных предприятий и расширением производительных мощностей уже существующих, наблюдается постоянный массовый приток рабочей силы в оборонно-промышленный комплекс. Технический прогресс во всех отраслях народного хозяйства и повышение роли школы в формировании духовного мира советского человека в годы обучения поставили перед ней новые задачи. Среднее образование стало обязательным для овладения все усложнявшимися процессами производства. Лишь небольшая часть работников имела необходимую квалификацию, а, учитывая, что в военный период большинство людей не имело возможности получить полноценное образование или продолжить обучение в средней и высшей школе, уровень грамотности на многих заводах был крайне низким.

Таблица 1

КОЛИЧЕСТВО НЕГРАМОТНЫХ И МАЛОГРАМОТНЫХ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ЧЕЛЯБИНСКА В НАЧАЛЕ 1950-Х ГГ.[1]

Наименование предприятия	Всего неграмотных	В том числе		В том числе		Всего работающих
		учтено неграмотн.	учтено малограм.	обучено неграмотн.	обучено малограм.	
Завод №78 им. С.Орджоникидзе	601	92	502	–	–	7595
Завод №200 (Трансмаш)	678	92	586	–	–	6916
Завод №254 (Сельмаш)	24	8	16	–	–	2760
КПЗиС	426	110	316	–	–	?
ЧТПЗ	348	139	209	–	–	?
ЧМЗ	44	42	2	11		?

То есть количество неграмотных и малограмотных на некоторых оборонных предприятиях колебалась от 1 до 10%, что для наукоемких оборонных производств было недопустимым.

Особенно серьезную озабоченность у местного руководства вызывал уровень образованности ИТР, который также не всегда соответствовал требованиям оборонной промышленности. Показателен в этом смысле пример завода №132, работающего на авиационную промышленность.

Таблица 2

УРОВЕНЬ ОБРАЗОВАНИЯ ИТР НА ЗАВОДЕ №132 МИНИСТЕРСТВА АВИАЦИОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В АПРЕЛЕ 1947 Г.[2]

Категория	Всего	Образование				
		высшее	средне-техническое	среднее	неоконченное среднее	начальное
Начальники цехов	15	3	4	1	5	2
Начальники отделов	13	2	3	4	3	1
Начальники смен	19	–	–	2	10	7
Механики	11	–	–	1	5	5
Диспетчера	16	–	–	3	9	4
Конструкторы	24	4	6	5	9	–
Технологи	23	2	5	3	13	–
Старшие мастера	9	1	–	–	5	3
Мастера	65	–	–	2	32	31
Дирекция	3	3	–	–	–	–

Таким образом, на данном предприятии высшее образование имели только представители дирекции, и в то же время среди конструкторов и технологов менее половины были с высшим или среднетехническим образованием. А в некоторых категориях среднего руководящего звена (начальники смен, диспетчера) людей со специальным профильным образованием не было вообще.

В условиях быстрого развития и внедрения новых технологий и механизмов, руководство предприятий было вынуждено искать новые пути повышения уровня образования и квалификации ИТР. На заводе №200 в Челябинске ввели лекционно-курсовое обучение инженеров и руководящего состава: уже в 1946 г. специально приглашенные специалисты провели для них цикл лекций по теме «Экономика социалистического предприятия».[3] Активное участие ИТР этого завода принимали в повышении квалификации и обучении вновь прибывших рабочих. Только за первую половину 1946 г. они обучили 708 человек.[4]

На Челябинском Кировском заводе руководство всячески поощряло получение образования без отрыва от производства.

Таблица 3

О СОСТОЯНИИ ОБУЧЕНИЯ РАБОЧИХ, ИТР И СЛУЖАЩИХ НА ЧЕЛЯБИНСКОМ КИРОВСКОМ ЗАВОДЕ НА 1 ИЮНЯ 1952 Г.[5]

Форма обучения	Кол-во обучающихся
В вузах и техникумах:	
на вечернем	229
на заочном	191
В школах рабочей молодежи	1110
На различных курсах	648
ИТОГО	2178

Конечно, для коллектива, насчитывающего несколько десятков тысяч человек, такого количества обучающихся было явно недостаточно.

Осуществление закона о всеобуче должно было окончательно ликвидировать неграмотность и повысить общий уровень образованности. О том, что для государства в по-

слевоенное время это стало одной из важнейших задач, свидетельствует сумма расходов – во всесоюзном бюджете их доля в 1945–1955 гг. колебалась от 12 до 14%,[6] а, например, в бюджете Челябинской области от 39,6 до 41,7%.[7] Они занимали первое место в статье расходов по сравнению со всеми остальными социальными мероприятиями, причем расходы эти постоянно росли. За послевоенное десятилетие доля ассигнований на просвещение увеличилась почти в 2 раза.[8]

Выполнение закона о всеобуче предполагало, прежде всего, укрепление материально-технической базы школ и расширение школьной сети. В первые послевоенные годы школы переживали значительные трудности, связанные с оскудением учебной базы, нехваткой и низкой квалификацией педагогических кадров. Из 560 учителей в школах Ленинского района Челябинска с высшим образованием было 165 человек (31%), окончивших учительский институт (дающий право работать в семилетних школах) – 153 (25%), со средним образованием – 239 (42%) и 3 с неполным средним.[9]

В первую послевоенную пятилетку только в Челябинской области было построено более 100 школ, более чем на 60 тыс. увеличилось число учащихся и на 2740 – учителей.[10] Тем не менее, в Постановлении Совета Министров СССР по Челябинской области от 26 марта 1950 г. отмечалось, что развитие образования наряду с другими отраслями социальной сферы серьезно отставало от развития промышленности.[11] На весь Катавский район Челябинской области приходилось всего 7 средних учебных заведений (педучилище, 2 механических техникума, 4 средние школы), 4 школы рабочей молодежи, 14 неполных средних школ, 32 начальные школы, 16 детсадов и 3 ремесленных училища, и все это на 10000 учащихся.[12]

В самом промышленном районе Челябинска – Ленинском – в годы первой послевоенной пятилетки к началу каждого учебного года вводилось в строй 1–2 новых школы, но этого было недостаточно, так как рост школьной сети не успевал за развитием предприятий и ростом населения.[13] Поэтому во многих школах того времени занятия проводились в три смены, не хватало парт, классных досок, учебников.

Несмотря на предпринимаемые усилия по расширению школьной сети в течение четвертой пятилетки количество школ, занимающихся в 3 смены, не только не сокращалось, но в некоторые годы даже увеличивалось.

Таблица 4

ШКОЛЫ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ, ЗАНИМАЮЩИЕСЯ В 3 СМЕНЫ[14]

Годы	Количество школ с 3-хсменными занятиями	Из них	
		городские	сельские
1945	20	18	2
1946	13	10	3
1947	35	34	1
1948	68	60	8
1949	59	44	15

Увеличение количества школ с трехсменными занятиями в городах постепенно происходило до 1948 г., затем таких учебных заведений стало меньше. В сельской местности, напротив, в 1948 г. количество школ, занимающихся в 3 смены, выросло в несколько раз, и в 1949 г. их число еще увеличилось.

Ликвидация трехсменных занятий стала одним из ключевых направлений развития всеобщего среднего образования и повышения его качества. Но этот процесс в разных регионах и районах происходил по-разному.

Таблица 5

ЛИКВИДАЦИЯ ТРЕХСМЕННЫХ ЗАНЯТИЙ В ШКОЛАХ ЛЕНИНСКОГО РАЙОНА г.ЧЕЛЯБИНСКА[15]

	1947-48 уч.год	1948-49 уч.год	1949-50 уч.год
Всего школ	16	18	19
Работающих в 3 смены	15	5	8

Ленинский район Челябинска (так же, как и Орджоникидзевский в Свердловске) – это целый комплекс предприятий оборонной промышленности различных ее отраслей, состоявший не только из промышленных сооружений, но и многотысячных рабочих поселков. Долгое время здесь не удавалось ликвидировать трехсменные занятия. Причиной стал быстрый рост персонала заводов, строительство образовательных учреждений отставало от него. Так, завод №200 к 1948 г. выстроил в Челябинске целый поселок, в котором проживали несколько десятков тысяч человек, но дети трудящихся были вынуждены ходить в школу за 2–3 км, так как директор завода открыто заявил на заседании райисполкома, что строительство школ его не касается и является обязанностью исполнительных органов Советской власти.[16]

Второй причиной был рост количества учащихся в школах рабочей молодежи. Молодые люди, испытывая многочисленные трудности при работе в цехах, на станке и в конвейере, после восьмичасовой смены, а иногда и после сверхурочных работ, шли в школу. Определяющими стали лозунги: «Каждому молодому рабочему среднее образование», «Днем работать, вечером учиться».

Серьезно тормозил развитие образования постоянный срыв планов строительства. В Челябинской области за 1947–1950 гг. предполагалось построить 70 школ на 26440 мест, а было построено 49 школ на 18320 мест.[17] В Свердловской области из запланированных 44 школ в 1955 г. было введено в эксплуатацию только 22.[18] Некоторые предприятия по несколько лет не могли приступить, а затем закончить строительство образовательных и культурных учреждений. Начатое в 1947 г. строительство техникума на 200 учащихся и средней школы для одного из крупнейших предприятий Урала – завода №183 в Нижнем Тагиле превратилось в долгострой.[19] Причиной была не только нехватка материальных и людских ресурсов, но и задержки со стороны директоров заводов с предоставлением проектно-сметной документации.

В тот период по всей стране ощущалась нехватка педагогических кадров. В послевоенные годы наблюдался отток учителей из уральских областей в связи с процессом реэвакуации. Серьезной причиной, вынуждающей их покидать Урал, стали также тяжелые материально-бытовые условия. В 1950 г. более 100 педагогов Челябинска проживали в школьных зданиях, иногда в коридорах, отгороженных простынями.[20]

В первые годы после войны государство не имело возможности в полной мере финансировать строительство и материальную базу школ. Поэтому к решению задачи по обеспечению всеобуча были подключены промышленные предприятия. Но неоднократные просьбы исполкомов и директоров подшефных школ о выделении хотя бы комнат для учителей из фондов заводской площади, встречали отказ со стороны руководителей предприятий. В 1953 г. заводом им. С. Орджоникидзе, транспортного машиностроения (№200) и ЧТПЗ не было выделено ни одного кв. м для педагогов, и лишь завод №254 выделил 1 комнату.[21]

Как правило, свою задачу директора оборонных предприятий в сфере образования видели в выделении стройматериалов, рабочей силы и механизмов для возведения зданий учреждений образования. В 1953 г. в Ленинском районе Челябинска были построены 3 новые школы силами ТЭЦ-2, КПЗиСа и завода №200, на 120, 250 и 440 мест.[22] Очень часто заводы брали шефство над теми школами, которые построили собственными силами, так как они располагались в рабочих поселках предприятий, и учились в них дети заводчан.

Кроме нехватки школ, выполнению закона о всеобуче препятствовала невозможность регулярного посещения детьми школьных занятий из-за отсутствия обуви и одежды. Для устранения подобных причин оборонные заводы оказывали материальную помощь учащимся. В 1946–1947 уч.году для подшефных школ предприятиями Ленинского района Челябинска было выдано школьникам 1480 пар обуви, 18 комплектов одежды, 9530 м мануфактуры, 243 комплекта сухих пайков. Кроме того, силами этих же предприятий в школах к началу учебного года был проведен ремонт и завезено топливо.[23] Также в ведении заводов находились школы рабочей молодежи и собственные ремесленные училища. Контингент учащихся в школах рабочей молодежи был чрезвычайно неустойчивым. Сложности материальной базы школ, послевоенные трудности быта и жизни нередко являлись причинами, побуждавшими молодых людей оставлять учебу. В отличие от обычных общеобразовательных школ ШРМ подчинялись непосредственно руководству предприятий, так как были кузницей будущих кадров. Для них своевременно закупалась мебель, материалы для ремонта, тетради и учебные пособия. В 1946 г. директор завода №200 издал приказ, по которому в общежитии завода для проведения вечерних занятий в ШРМ была выделена и оборудована комната. Завод обеспечил школу мебелью, учебными пособиями, канцелярскими принадлежностями. Директор и преподаватели были прикреплены к заводскому магазину и столовой.[24] В 1950 г. школа №3 завода им С. Орджоникидзе, №4 завода №254, №11 КПЗиСа организованно приступили к занятиям, был полностью укомплектован штат учителей, организованно проведен набор учащихся. При плане в 1100 человек к 1 сентября было принято 1192 человека. Особенностью вечерних школ стала низкая успеваемость, в перечисленных школах только 7% учились на 4 и 5, 290 учащихся были неуспевающими.[25] Руководители предприятий различными способами пытались стимулировать работников получить среднее образование и стремиться к хорошим оценкам. Директор завода №200 издал приказ, согласно которому все учащиеся ШРМ получали дополнительное питание в организованном при школе буфете, в результате посещаемость повысилась до 90%, а успеваемость до 80%.[26]

Главной причиной выбытия учащихся из школ являлась задержка на сверхурочных работах. Руководители предприятий, несмотря на важность развития образования, не всегда стремились создать нормальные условия для учащихся вечерних школ и не интересовались их учебой. На заседаниях исполкомов и партийных властей всех уровней в 1948 г. было решено: потребовать от руководителей предприятий прекращения задержки учащихся школ рабочей молодежи на работе, посылку их в подсобные хозяйства и перевода из смены в смену, а также укрепления материальной базы ШРМ (оборудование кабинетов, приобретение библиотек, предоставление отремонтированных помещений, оборудование их жестким и мягким инвентарем). Была введена отчетность руководителей предприятий о создании условий для учащихся вечерних школ перед исполкомами местных советов.[27]

Подготовка учреждений образования к новому учебному году и их капитальный ремонт стала одной из важнейших обязанностей предприятий. В 1948 г. все 72 школы Нижнего Тагила были своевременно отремонтированы и подготовлены к началу занятий благодаря помощи заводов №183 и №56, где специально изготовили мебель и выделили из собственных фондов отделочные материалы. Существенную помощь в тот же год оказали школам предприятия в Свердловске, Каменск-Уральском, Серове.[28] Руководители предприятий старались обеспечить приемлемые рабочие условия для учащихся ШРМ – на заводе №200 начальники цехов были обязаны перевести всех учащихся на работу в 1 смену и осуществлять контроль за посещаемостью учебных занятий.[29] Завод №78 им. Орджоникидзе оборудовал в школе №47 токарные мастерские, завод №254 (Сельмаш) обеспечил инструментами технический кабинет в школе №46.[30]

Серьезное внимание развитию уделялось образовательных учреждений и в новых атомных городах. С пуском первого ядерного реактора руководство ПГУ стало уделять все больше внимания развитию социальной инфраструктуры рабочего поселка при заводе №817. Состояние и пути развития образования, материальные трудности местных

школ были постоянным предметом обсуждения на заседаниях политотделов. Так, в январе 1949 г. первое совещание политотдела Базы-10 было посвящено работе школ города, их за короткое время с момента пуска комбината к 1 сентября 1949 г. в городе функционировало уже 3.[31] Они в первоочередном порядке обеспечивались и педагогическими кадрами, и необходимым оборудованием, и учебными пособиями, за что отвечал первый секретарь обкома партии. Основной поток учителей направлялся из областного центра (45 человек из 80) и ближайшего города – Кыштыма (14 человек).[32] Перераспределение педагогических кадров в пользу атомных городов было связано с их быстрым ростом, постоянным притоком специалистов инженерных специальностей с семьями. Наличие серьезной строительной базы у атомных комбинатов (собственные кирпичные, деревообрабатывающие и стекольные заводы) позволило им форсированными темпами осуществить строительство школ и жилья для педагогов.

Несомненно, что развитие оборонной промышленности на Урале требовало огромного количества специалистов с высшим образованием. Важно был создать новые инженерно-технические кадры. В ходе послевоенного восстановления хозяйства, в связи с массовой реэвакуацией и масштабным развертыванием оборонной промышленности в Уральском регионе, потребность в инженерах уже не могла удовлетворяться только за счет столичных институтов. Гораздо эффективнее было готовить их на Урале, где уже был создан огромный интеллектуальный потенциал академических вузов.

Крупнейшей кузницей кадров для оборонной промышленности был Уральский индустриальный институт в Свердловске (с 1948 г. Уральский Политехнический). В 1949 г. на базе УПИ был создан физико-технический факультет для подготовки специалистов в области развивающейся атомной промышленности и энергетики. Развитие радиоэлектроники требовало подготовки специалистов по новым специальностям. В 1952 г. в УПИ был открыт радиотехнический факультет. К началу 50-х гг. появились вечерний и заочный факультеты в Нижнем Тагиле, выпускающие инженеров для танковой промышленности.

Быстрыми темпами развивался молодой вуз в Челябинске – созданный в тяжелый 1943 г. Челябинский механико-машиностроительный институт. Он сразу же включился в подготовку кадров для заводов Челябинской области. Первый факультет – танковый (затем переименован в автотракторный) был создан по инициативе руководителей танкостроительных предприятий – Н.Л. Духова, Ж.Я. Котина, И.М. Зальцмана для выпуска конструкторов боевых гусеничных машин, двигателей для них, технологов танкостроения.

Развитие оборонной промышленности на Урале способствовало быстрому росту числа вузов, увеличению количества людей с высшим образованием.

Во многом за счет помощи оборонных заводов удалось значительно увеличить количество школ, оборудовать их необходимым инвентарем, мебелью. В отличие от остальных отраслей социальной сферы, решающую роль в развитии образования сыграли предприятия, и, прежде всего их руководители. Именно директора заводов пытались всеми силами создать условия для обучения и повышения квалификации персонала предприятий оборонного назначения, зачастую именно от их позиции зависело, как распределять средства, выделенные министерством на социальную сферу. Только их понимание глобального стратегического значения ликвидации безграмотности и малограмотности для дальнейшего развития оборонной промышленности, строительство новых школ, постоянная помощь им со стороны предприятий способствовали претворению в жизнь закона о всеобуче. Это в свою очередь создавало условия для роста производительности труда, развития науки и экономики Уральского региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Составлена автором на основании данных ОГАЧО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 390. Л. 219, ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 10. Д.270. Л. 15.

2. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Фонд П-288. Опись 11. Дело 308.
3. ОГАЧО. Ф. Р-1444. Оп. 5. Д. 23. Л. 55.
4. Там же.
5. ОГАЧО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 1163. Л.8.
6. *Поляк Г.Б.* Послевоенное восстановление народного хозяйства. М., 1986. С. 82.
7. ОГАЧО. Ф. Р.-274. Оп. 3. Д. 73. Л. 7; Д. 125. Л. 129.
8. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 113. Л. 181-182.
9. ОГАЧО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 390. Л. 276.
10. ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 97. Л. 63.
11. Там же. Л. 61.
12. ОГАЧО. Ф. 308, Оп. 27. Д. 8. Л. 50.
13. ОГАЧО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 293. Л. 81.
14. Там же. Л. 198, 234, 267, 283.
15. ОГАЧО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 296. Л. 172-173; Д. 293. Л. 81.
16. ОГАЧО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 259. Л. 171.
17. ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3 Д. 97. Л. 74.
18. Центр документации общественных организаций Челябинской области. Ф. П-4. Оп. 54. Д. 96. Л. 24.
19. ЦДООСОФ. П-4. Оп. 43. Д. 93. Л. 34.
20. ОГАЧО. Ф. П-92. Оп. 6. Д. 219. Л. 8.
21. ОГАЧО. Ф. П-121. Оп. 1. Д. 390. Л. 220.
22. ОГАЧО. Ф. П-121. Оп. 1. Д. 390. Л. 276.
23. ОГАЧО. Ф. Р-994. Оп. 1. Д. 18. Л. 569.
24. ОГАЧО. Ф. Р-1444. Оп. 5. Д. 23. Л. 39.
25. ОГАЧО. Ф. Р-994. Оп. 1. Д. 41. Л. 125.
26. ОГАЧО. Ф. П.-1444. Оп. 5. Д. 23. Л. 39.
27. Там же. Л. 126.
28. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 87. Л. 55-56.
29. ОГАЧО. Ф. Р-1444. Оп. 5. Д. 41. Л.292.
30. ОГАЧО. Ф. П-121. Оп. 1. Д. 390. Л. 217.
31. ОГАЧО. Ф. П-1137. Оп. 1. Д. 15. Л. 3.
32. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 33. Л. 16.

N.S. KHOMUTOVA

DEVELOPMENT OF EDUCATION SPHERE IN URAL DEFENSE-INDUSTRIAL COMPLEX IN 1945–1955

Development of the defensive industry in Ural encouraged the fast growth of high schools and amounts of people with high education. Due to the help of defensive factories it was possible to increase considerably the number of schools and to equip them with all necessary facilities. Unlike the other branches of the social sphere, the main role in development of education had been played by the enterprises and their managers. Such a partaking in its turn produced conditions for a considerable growth of a labour productivity, development of science and economics in the Ural region.

Н.А. МАЛЫШЕВА (Магнитогорск)

ВЛИЯНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ФАКТОРА НА СОЦИАЛИЗАЦИЮ ДЕТЕЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война изменила жизнь всей страны. Но не менялась сущность системы государственного устройства СССР. Напротив, она послужила благоприятным периодом для усиления централизации власти и укрепления режима правления И.В. Сталина. Указы, постановления, решения принятые правительством были нацелены на то, чтобы не допустить всеобщей паники, расхлябанности, предательства в военное время. Ужесточался политический и идеологический контроль над жизнедеятельностью населения страны, в том числе и детей, которые были неотъемлемой частью советского общества. В суровые годы войны необходимо было воспитывать в людях патриотизм и преданность Родине. Гибель родных и близких, голод, эвакуация, свойственные для военного времени не могли не сказаться на поведении населения страны. Некоторые люди в первые дни войны находились в растерянности, страхе, не понимая, как они будут жить дальше. Но большинство были решительно настроены помогать Отчизне в отпоре врага, следствием чего явилась массовая мобилизация на фронт и производство, создание народного ополчения. Лозунг «Все для фронта! Все для Победы!» был главным в жизни и быте каждого советского человека. Здесь необходимо отметить, что наряду с личной инициативой, большую роль в складывании патриотизма у народа сыграла пропаганда, средства массовой информации, искусство, а для детей и школа, контролируемые правительством.

Идеологический фронт возглавлял и направлял Центральный Комитет ВКП(б), который сразу же после нападения Германии на Советский Союз перевел работу агитационно-пропагандистских органов на военный лад. В директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. содержался призыв к партийным и советским организациям, в котором предлагалось отрешиться от настроений мирного времени, повысить бдительность и дисциплину, проявить выдержанность и гражданскую ответственность. Руководство предупреждало, что необходимо не поддаваться на провокации коварного и хитрого врага. От советских людей требовалось реально расценивать противника, не допускать паники, непримиримо относиться к болтунам и распространителям слухов[1]. Правительство понимало всю мощь врага и то, что военные действия будут продолжительными. В дальнейших своих решениях и резолюциях Коммунистическая партия поставила задачу для идеологической работы с массами: создание морально-психологического настроя в стране, рассчитанного на ведение длительной и кровопролитной борьбы с врагом. Говоря о силе противника, необходимо было строго придерживаться допустимых рамок, чтобы у советских граждан не возникло чувство непобедимости. Работники идеологического фронта должны были в своей повседневной воспитательной и разъяснительной работе заострять внимание на правильном понимании народом сложившейся обстановки и укреплять уверенность в победе над врагом. 24 июля 1941 г. совместно ЦК партии и Совнаркомом было принято решение создать Советское Информационное Бюро, которое должно было освещать важнейшие события на фронте и в тылу[2]. Сводки Совинформбюро стали издаваться в печати и оглашались по радио.

На Южном Урале идеологической работой были заняты не только партийные организации. В связи с масштабной мобилизацией на фронт ряды агитаторов поредели, в связи, с чем было принято решение привлечь для агитации интеллигенцию. Преподаватели, врачи, журналисты, сельские специалисты организовывали митинги, собрания, индивидуальную и групповую агитацию на производстве, в эвакопунктах, на призывных пунктах[3].

Большую агитационную и пропагандистскую работу в годы войны вели средства массовой информации. Первые полосы как в центральных, так и в местных газетах зани-

мали сводки информбюро, указы и резолюции правительства. Необходимо отметить, что первостепенное место «Правда» уделяла положению на фронтах. Активно велась пропаганда боевых подвигов советских воинов. Освещалось политическое и экономическое положение страны. На ее страницах помещались материалы в поддержку различных форм социалистического соревнования, патриотических начинаний в пользу фронта и т.д. В местных газетах часто печатали статьи «Правды»[4]. В газетах Южного Урала можно было встретить эпиграфы, нацеленные на патриотический подъем населения. Например, в газете «Магнитогорский рабочий» от 8 января 1944 г. было помещено высказывание Председателя Президиума Верховного Совета М.И. Калинина: «… для полной победы над врагом всем нам необходимо как на фронте, так и в тылу, следуя призыву вождя, напрячь все силы, энергию и волю для достижения этой цели». В газетах печатались статьи, посвященные историческим датам с целью показать героическое прошлое страны, народное ополчение[5].

Дети также находились под прессингом пропаганды. В общеобразовательных учреждениях Южного Урала создавались всевозможные стенды, такие как «Последние известия», «Боевые эпизоды», на которые ежедневно вывешивались газеты «Комсомольская правда», «Пионерская правда»[6]. Данные газеты партийные организации рассматривали как средство агитации детей и подростков. Но в начале войны газета «Пионерская правда» вывешивалась не во всех школах: «из-за невнимательности и халатности руководителей» свежие номера этой газеты залеживались в школах и дети не имели возможности ее читать. В результате городской отдел народного образования предложил под ответственность директоров школ или их заместителей обеспечить доставку свежих номеров не только в школы, но и в детские лагеря, пионерские форпосты, на летние площадки, во дворы и колхозы, т.е. везде, где находились дети. Вывешивать газету рекомендовалось на видные места, либо предлагалось устраивать коллективные чтения[7]. В местных газетах публиковались обращения к ребятам, в которых пионеры и школьники призывали хорошо учиться, собирать металлолом и денежные средства в помощь фронту. Данные статьи были строго выверены и имели определенную структуру, например в «Магнитогорском рабочем» пионеры призывали собрать средства для строительства танка. Начиналась статья с обращения к детям: «Дорогие ребята-тимуровцы Урала! В нашей свободной стране, как нигде в мире дети живут счастливо. На счастье советских ребят посягнули кровавые разбойники, детоубийцы-гитлеровцы». Затем следовал призыв «отдать все силы на укрепление нашей Родины, на борьбу с заклятым врагом советских детей — кровавым Гитлером, который грозит превратить в пепел наши просторные школы, наши светлые пионерские дворцы, нашу солнечную жизнь». В третьей части воздействие на патриотический подъем детей подкреплялся упоминанием о И.В. Сталине и воюющих отцах и братьях, которые «под руководством самого мудрого и самого любимого друга и учителя […] раздавят ядовитую змею — фашизм»[8].

В качестве механизма пропаганды использовалось радиовещание. С началом войны значительно увеличилось количество выпусков «Последних известий», в которых регулярно передавались сводки информбюро. Популярными были выпуски «Письма с фронта и на фронт». Звучали литературные и музыкальные программы, передачи военно-патриотического характера, рассчитанные на массового слушателя. Когда начинало работать радио, у репродукторов, установленных на улицах и площадях г. Магнитогорска мгновенно образовывались толпы людей. Каждый оставался там, где его настигли слова диктора и внимательно слушал последние известия с фронта[9]. Специально для детей г. Магнитогорска в годы войны проводились радиомитинги, на которых выступали с патриотическими призывами не только школьники, но и пионервожатые, учителя, директора школ, заведующие городского отдела народного образования[10].

Но, тем не менее, на всем протяжении войны, а особенно в первый ее период, существовала дозированность информации. Ни в газетах, ни по радио особо не распространялась точная информация о положении на фронтах, освещались потери противника, при этом умалчивалось о своих, искажалась характеристика тыла, которая не соответствовала

реальному развитию военных действий. Отдельные средства массовой информации вводили в заблуждение читателей, характеризовали нападение Германии как вылазку. Газеты и журналы, публиковавшие обзоры западной печати, тщательно отбирали материал, однобоко информируя население, уделяя внимание негативным настроениям в немецком тылу, недовольству германского народа[11]. Все средства массовой информации и органы пропаганды следовали поставленной правительством задаче: население не должно было знать реального положения на фронтах и на оккупационных территориях, чтобы не пошатнуть его веру в несокрушимость Советского Союза. Однако люди понимали, что их не точно информируют. Иногда они узнавали о происходящем не из газет и радио, а от очевидцев событий. В результате стало возникать недоверие к газетам. Отсюда появлялись всевозможные слухи, что в свою очередь вызывало панику среди населения[12].

Социализация детей происходила во время прочтения газет и прослушивания радио. Пропаганда и средства массовой информации имели такое же идеологическое воздействие на них, как и на взрослых. Ребята, со свойственной их возрасту любознательностью, интересовались событиями, происходящими на фронте. Не понимая политическую терминологию, они слушали известия по радио, читали статьи газет и задавали вопросы взрослым, стремясь как можно больше узнать о происходящем. Вследствие чего, у них, как и у родителей, крепла уверенность в непобедимости Красной Армии и ненависть к врагу. Однако из вышесказанного видно, что не все взрослые разделяли эту точку зрения. Соответственно, родители своими опасениями делились с детьми, что в свою очередь вызывало у последних новых поток вопросов, но уже непосредственно связанных с растерянностью взрослых: «Почему Красная Армия отступает, вместо того чтобы наступать? Где наши прославленные маршалы — Ворошилов, Тимошенко, Буденный? Где наши танки, самолеты, кавалерия? Ответа нет. Есть лишь сухие информационные сводки Информбюро об оставленных боях и о количестве сбитых немецких самолетов и танков. Сколько же у них еще самолетов и танков, если они при таких потерях все еще стремительно рвутся вперед?»[13].

Искусство в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны, как и в предвоенный период, рассматривалось как элемент идеологического воздействия на население страны и правительство широко использовало данный рычаг влияния на массы. У детей преобладает эмоционально-образное мышление, соответственно искусство играло важную роль в формировании у них восприятия окружающего мира. Вышестоящие инстанции ставили перед деятелями искусства следующие задачи: вызвать в людях посредством своего творчества чувство патриотизма и гражданского долга, уверенность в непобедимости советских воинов, ненависть к врагу. Контроль со стороны правительственных органов над творчеством писателей и поэтов существовал на всем протяжении войны. В декабре 1943 г. принято постановление ЦК ВКП(б) «Об усилении партийного контроля над литературно-художественными журналами», в котором говорилось о повышении идейно-художественного уровня литературных произведений. Вся деятельность Совета писателей подвергалась цензуре партийно-государственных органов, которые направляли творческий процесс в нужное идеологическое русло[14]. В первые годы войны писатели обращались к событиям прошлого, повествовали о героических сражениях с иноземными захватчиками. В последующие периоды начали изображать события современности, где героем художественных произведений был бесстрашный боец, самоотверженный труженик, патриот-партизан. В общей массе литературных произведений, созданных в годы войны, роман занимал незначительное место. Преобладали малые формы литературного творчества –рассказы и публицистические очерки[15]. В детской литературе были популярными сюжеты о героях-пионерах, юных партизанах, таких как Зоя Космодемьянская, Андрей Матросов и т.д. Читая рассказы и повести, рассказывающие о событиях Великой Отечественной войны, дети стремились быть похожими на героев произведений. Находясь далеко от передовой, дети совершали героические поступки: перевыполняли планы на полях совхозов, собирали тоннами металлолом и т.д.

Для детской аудитории наиболее доступными для понимания были произведения живописи, так как изобразительное искусство наглядно показывало происходящие события. Правительство с первых месяцев войны уделяло пристальное внимание развитию живописи. Обращение Правления областного Союза советских художников от 5 июля 1941 г. к южноуральским работникам изоискусства призывало сосредоточить все силы на создании произведений, обладающих предельной мобильностью. Возможно, связано данное предложение было с тем, что наглядную агитацию необходимо было создать в короткий срок и в большом количестве. А также предлагало передать всю деятельность художников в руки местным партийным организациям. Например, в г. Магнитогорске исполком городского Совета депутатов трудящихся предложил попросить отдел агитации и пропаганды ГК ВКП(б) дать тематику для художников по оформлению зданий[16]. Популярным средством наглядной пропаганды в годы войны был плакат. В конце 1942 г., говоря о плакате, М.И. Калинин отмечал: «Плакат — это массовое искусство. Его влияние рассчитано на широкие массы. Как же плакат может быть не нужен, да еще в военное время? если позволительно такое сравнение, то я бы сказал, что картина — это пропаганда, а плакат — агитация»[17]. На страницах областных местных газет, в агитвитринах, в фойе кинотеатров периодически помещались плакаты, такие как «Враг будет разбит, победа будет за нами!» М.И. Ткачева, «Родина-мать зовет!» И. Тоидзе, «Чем ты помог фронту?» Д. Мора. Плакаты имели огромную мобилизующую силу. Они оставляли глубокий след в сознании человека, способствуя укреплению стремления победить врага. В военное время плакаты выпускались различного формата. На заседании бюро Челябинского обкома ВКП(б) 10 сентября 1941 г. среди наиболее действенных средств наглядной агитации были отмечены политические плакаты, выполняющиеся вручную с помощью трафаретной техники, которые создавали документальные зарисовки из жизни фронта и тыла, так называемые «Окна ТАСС»[18].

В киноискусстве в годы войны преобладали документальные и короткометражные фильмы. На экраны кинотеатров выходили картины созданные как в предвоенный период, так и в годы войны. Соответственно, фильмы военной поры были посвящены непосредственно борьбе с врагом. Необходимо отметить, что не все ленты, которые шли в кинотеатрах Южного Урала, имели оборонную тематику. Причиной тому, вероятно, было то, что людей интересовали не только фильмы, посвященные обороне страны. Они не хотели расставаться с мыслью о мирной жизни с ее переживаниями и событиями. Да и правительственные органы понимали, что населению необходимо было демонстрировать фильмы о мире, о любви, о человеческом счастье. Если фильмы, отображающие войну, показывали, как бороться против захватчиков, то фильмы не военной тематики демонстрировали ради чего бороться. Например, в г. Магнитогорске в кинотеатре «Магнит», Центральном клубе металлургов, в Клубе Железнодорожного транспорта, в театре им. А.С. Пушкина в годы войны показывали следующие фильмы: «Антоша Рыбкин», «Жди меня», «Перед рассветом», «Парень из тайги», «Богдан Хмельницкий», «Мечта», «Юность», «Новые похождения Швейка», «Два бойца»[19]. Необходимо заметить, что в некоторых кинолентах, посвященных борьбе советского народа против фашистских захватчиков, ход исторических событий искажался, что было связано с идеологической подоплекой данных картин. К примеру, русские солдаты, несмотря на кровопролитный бой, почти всегда оставались целыми. Если у наших воинов были ранения, то они были незначительными по сравнению с ранами врага. В военной технике небольшие потери, тогда как у противника огромные. И, конечно же, никакой паники и сумятицы в рядах советских бойцов[20]. Зритель видел на экранах кинотеатров мужество солдат, героический труд рабочих тыла, несокрушимость Красной Армии. После просмотра фильмов у людей крепла вера в скорейшую победу над врагом. Помимо показа фильмов патриотического характера, уральские партийно-государственные органы в целях той же агитационно-пропагандистской работы оборудовали всевозможные выставки агитплакатов, фотодокументов, повествующих о войне в фойе кинотеатров. Для детской аудитории в кинотеатрах делали специально подборку фильмов, которые были рассчитаны на их воз-

раст. Популярностью у ребят пользовался фильм «Тимур и его команда». Перед просмотром фильма проводились беседы с педагогами, врачами, фронтовиками.

На социализацию детей влияла и школа. Начавшаяся война потребовала внести некоторые коррективы в организацию патриотического воспитания детей в общеобразовательных учреждениях. Председатель Президиума Верховного Совета М.И. Калинин утверждал: «Политически близорук, ограничен и просто болтун тот, кто хоть на минуту подумает, что сейчас «не до детей». Рассуждать так сегодня — не видеть дальше своего носа, не жить интересами своей Родины. Надо неослабно воспитывать в наших детях, в нашей смене священную ненависть к фашизму, к врагам советской отчизны и всего трудового человечества»[21]. Значение контроля правительственных органов над работой учебных заведений в годы войны возросло. В первый год войны инспектирование школ в основном касалось лишь материально-бытовой и организационно-хозяйственной работы. Причиной тому, возможно, послужило то, что с начавшейся войной шла реорганизация работы общеобразовательных учреждений. В тылу многие школы занимали эвакогоспитали, руководители учебных заведений и учителя призывались на фронт, менялись учебные планы. В результате, не все принятые решения в центре сразу исполнялись в местных школах. Часто проверки приводили к неудовлетворительным результатам. Например, при проверке школы № 14 г. Магнитогорска было выявлено, что в здании грязь и беспорядок, на партах лежал слой пыли, на стенах и потолках была копоть, на полу разбросана бумага, а в одном из классов организована свалка[22]. Вероятно причиной такого положения в школе было то, что учителям не хватало времени заниматься бытовыми вопросами. Несмотря на то, что заведующие гороно призывали направлять «кипучую энергию» детей на овладение твердыми знаниями, в учебно-воспитательной деятельности учителей также наблюдались недостатки в связи с вышеперечисленными причинами. Так, в некоторых школах наблюдалась низкая трудовая дисциплина со стороны педагогического коллектива, начиная с директора и заканчивая учителями, которые систематически опаздывали, иногда и пропускали уроки[23]. Соответственно и дисциплина школьников на уроках и переменах требовали желать лучшего.

16 октября 1943 г. был принят приказ «Об улучшении контроля за работой школ и учителей и постановки учета знаний учащихся». В нем говорилось об обеспечении на местах регулярного посещения занятий в общеобразовательных учреждениях инспекторами народного образования и руководителями школ, а так же рекомендовалось обращать особое внимание на качество работы учителей и проверку знаний учащихся. Инспекторы стали более внимательно оценивать уровень знаний учеников, соответствие темы и содержания урока, учитывали малейшие расхождения с планом. Если работа учителей была неудовлетворительной, даже в незначительной степени, то следовало серьезное разбирательство не только на педсовете в кабинете директора школы, но и на страницах периодической печати, которая в военное время являлась рупором общественного порицания.

Правительственные органы контролировали и само содержание учебно-воспитательных программ. Перед школой в годы войны были поставлены следующие задачи: усиление идейно-политического и патриотического воспитания учащихся, укрепление учебной дисциплины, улучшение военно-физической подготовки, оказание помощи фронту, промышленности, аграрному сектору и семьям фронтовиков со стороны учеников. Общеобразовательная и практическая подготовка школьников должна была совпадать с интересами обороны страны. В 1942 г. Наркомпрос Российской Федерации издал новый учебный план на 1942/1943 учебный год. Например, в программу по литературному чтению включались произведения, транслирующие опыт борьбы русского народа с внешними врагами («Война и мир» Л.Н. Толстого и др.), в старших классах был введен обзор «Советские писатели в дни Великой Отечественной войны». Преподаватели истории рассказывали на уроках о героическом прошлом народов СССР, где особо заострялось внимание детей на войнах «справедливых и несправедливых», прививая сочувствие ко всем, кто ведет справедливую войну с захватчиками чужой территории. На уроках не-

мецкого языка изучалась военная терминология; на уроках русского — подбирались тексты для диктантов из газет и журналов, для сочинений задавались следующие темы «Что я сделал для достижения победы над врагом», «Юный партизан» и т.д. На уроках физики рассказывали о военной технике и т.д. [24] Но чаще всего проходимый материал увязывался с событиями войны лишь на уроках русского языка, истории и географии. Однако и на них учителя не всегда связывали тему урока с современностью, например «преподаватель Маркова говорит о плотности населения центра Европейской части СССР и не упоминает о том, что сейчас эта плотность населения значительно ниже вследствие эвакуации населения»[25]. Причиной тому было то, что катастрофически не хватало методической литературы, географических карт, дети занимались по старым учебникам. Однако необходимо отметить, что ребята с живым интересом знакомились с военной техникой, событиями войны. Многие из них мечтали стать героями.

Идейно-политическое воздействие на детей в годы войны осуществлялось всей совокупностью средств учебного процесса. Сильнейшим фактором его являлась патриотическое воспитание школьников, формы и методы которого были разнообразны. Помимо увязки поурочного плана школьных предметов с событиями военного времени, на классных часах и переменах проводились политинформации, на которых учащихся знакомили с обстановкой на фронтах, с самоотверженным трудом в тылу. Для этого учителя-политинформаторы получали еженедельные консультации в ГОРКОМе ВКП(б)[26]. Большое влияние на школьников оказывала наглядная агитация. В школах пионеры под руководством классных руководителей выпускали различного рода стенгазеты, боевые листки, лозунги. Так, в школе № 46 г. Магнитогорска учеников встречал лозунг «Готовя дома урок, подумайте о том, что в это время ястребок сражается с врагом» [27]. Но в некоторых школах наглядной агитации не было, имелись лозунги и стенгазеты, но и они выпускались нерегулярно[28].

Классными руководителями, комсомольскими и пионерскими организациями организовывались митинги школьников по поводу конкретных знаменательных событий, встречи с героями войны и передовиками производства. Ученики создавали агитбригады, лекторские группы и лектории, участники которых читали лекции об историческом прошлом СССР, героизме фронтовиков, трудовом подвиге тыла не только для школьников, но и выступали перед населением города и села. Наиболее востребованными были темы лекций: «Как фашисты издеваются над русскими людьми», «Расовая теория немецкого фашизма», «Ленин и Сталин — вожди партии, государства, армии»[29]. Исключительно эффективным средством патриотического воспитания была переписка школьников с фронтовиками. Писали на фронт школы, классы и отдельные учащиеся. Письма были адресованы не только героям войны, но и просто неизвестным солдатам. Для усиления идеологического воздействия на развитие патриотических настроений у детей такие письма печатались в центральных и местных газетах[30]. В ответ приходили письма с фронта, которые производили неизгладимое впечатление на школьников. Лейтмотивом всех ответов бойцов было — «Наше дело правое, мы победим!», что вселяло в ребят веру в скорейшую победу над врагом. Впрочем, необходимо отметить, что работа школы не всегда соответствовала поставленным перед ней задачам. К примеру, в проведении политинформаций были обнаружены случаи неудовлетворительной подготовки и проведения их. Инспектирующие органы отмечали, что многие преподаватели на консультациях не записывали отдельные характерные места, в связи с чем недостоверно излагали факты, «тогда как дети слушая информации» старались записать отдельные факты, цифры, «чтобы передать дома родителям». Проведение политинформации с показом на карте совсем не практиковалось[31].

В годы войны перед классными руководителями стояла задача создать кружки как одну из форм воспитательной работы[32], чаще всего это были хоровые, физкультурные, противопожарной охраны и т.д. Но работа кружков в школах Южного Урала была организована не повсеместно. Их вообще либо не создавали, либо они работали не систематически, а лишь начинали действовать перед каким-либо социалистическим

праздником[33]. Причиной такой неорганизованности кружков, возможно, было халатное отношение некоторых учителей к данной деятельности, кто-то из них, вследствие загруженности, просто не успевал заниматься внеклассной работой. Несмотря на строгий контроль со стороны учителей, руководства школ, пионеров и комсомольцев дисциплина в учебных заведениях была не всегда удовлетворительной. Как замечает заведующая гороно г. Магнитогорска А.Панарина в феврале 1943 г. «на улице, в общественных местах, в трамвае некоторые учащиеся становятся неузнаваемыми. Здесь они проявляют грубость, здесь десятилетний малыш курит, в трамвае никаких правил и т.п. Все эти факты говорят о том, что воспитание сознательной дисциплины ведется еще подчас формально, не затрагивает сознания ребенка»[34]. Правительственные органы не могли не принять строгих мер по пресечению плохой дисциплины. В августе 1943 г. СНК РСФСР утвердило «Правила для учащихся». Оно являлось программой воспитания школьников. В ученическом билете, который выдавали всем учащимся 5–10 классов, были перечислены нормы поведения. В самих «Правилах» было изложено 20 пунктов, определяющих требования к учащимся в отношении посещения занятий в школе, поведения на уроках, в общественных местах и дома, подготовке домашнего задания. Контроль над соблюдением этих норм поведения проводился по всей стране. Это позволяло устранять недисциплинированность, безответственность, плохое поведение по отношению к учителям и простым гражданам. «Правила для учащихся» и ученический билет выражали государственные требования к нормам поведения учащихся. Главное было воспитать в ребенке патриотические чувства, социалистический гуманизм и коллективизм[35]. Военное время жестко поставило вопрос о дисциплине. «Пусть установится известное единство требований, предъявляемых к учащимся, — говорил В.П. Потемкин в начале 1943г. На одном из выступлений. — Побольше требовательности, поменьше интеллигентского либерализма, конец системе упрашивания и уговаривания!... Нужно уметь приказывать ученику, когда требуется, и наказывать строптивого и нарушителя порядка»[36]. В результате чего в некоторых школах имело место неправильное поведение учителей по отношению к своим ученикам. Так как учителя и воспитатели должны были в своей работе строго следовать плану, утвержденному «сверху», то они иногда доводили до абсурда следование ему, стремясь обезопасить себя от неприятностей, которые могли возникнуть со стороны государственных органов в связи с несоответствием, либо расхождением с ним. Многие педагоги и руководители школ не применяли соответствующих мер взысканий за проступки[37], либо применяли армейскую дисциплинарную практику, которая оскорбляла достоинство учеников. Контролирующие инстанции, как и в прежние времена, следили за учебно-воспитательным процессом и детально сообщали «наверх» о чрезвычайных ситуациях в учебных заведениях. В некоторых случаях о таких происшествиях узнавали из газет: «Правильно поступает коллектив 31-й Магнитогорской средней школы: здесь не сюсюкаются с детьми, здесь предают проступки отдельных школьников широкой гласности. Перед лицом всего пионерского отряда, перед всем коллективом учащихся отвечает школьник за свое поведение. Никакой расхлябанности!»[38]. Но, тем не менее, дисциплина в годы войны в некоторых общеобразовательных учреждениях не всегда была удовлетворительной. Для разрешения сложившейся ситуации стали организовывать шефство отличников над неуспевающими детьми, развернули в школах социалистическое соревнование на лучшую успеваемость. Классные руководители пропагандировали хорошую дисциплину и успеваемость, делая акцент на то, что в тылу ученики хорошей учебой «приближают победу»[39]. В результате ребята стали более ответственно относиться к учебе и вести себя хорошо.

Большой вклад в патриотическое и идейно-политическое воспитание подрастающего поколения внесли пионерская и комсомольская организации. Ориентиром для пионеров были решения и деятельность ВЛКСМ. Комсомольцам принадлежала инициатива в организации тимуровского движения, они призывали ребят оказывать помощь раненым бойцам, собирать теплые вещи и материальные средства в фонд Красной Армии, участвовать в воскресниках и др. В начале войны в Домах пионеров были проведены семина-

ры со старшими пионервожатыми по вопросам о перестройке пионерской работы на военный лад. Комсомольцы с пионервожатыми занимались вопросом организации тимуровских команд и команд юных патриотов, по поводу чего в некоторых школах были проведены консультации. Пионеры проводили организационные работы по привлечению детей в тематические кружки, такие как драматический, ансамбль фортепиано, массовозатейный. Они помогали семьям красноармейцев, собирали подарки для Красной Армии, металлолом и лекарственные травы, выступали в госпиталях и т.д. Для патриотического воспитания в пионерских отрядах проходили звеньевые сборы на тему «Знания нужны как винтовка в бою», «Проверка соцсоревнований», «О символике и атрибутике»[40]. Однако необходимо заметить, что работа пионерской организации в начале войны была неудовлетворительной. В некоторых Домах пионеров г. Кургана в октябре 1941 г. были организованы занятия по политической пропаганде с лекторами-специалистами, которые срывались из-за непосещения данных занятий пионервожатыми, имелись школы, где пионерская работа вообще не велась[41]. Пионерские сборы проводились неудовлетворительно: к ним не достаточно готовились, отсутствовал общий график работы, да и вожатые посещали их нерегулярно. Руководство школ отмечало, что одной из причин неудовлетворительной работы пионерского движения являлась слабая помощь пионерам со стороны учительства[42]. Положение изменилось с принятием 15 сентября 1942 г. постановления Бюро ЦК ВЛКСМ «О крупных недостатках в работе пионерской организации и мерах по исправлению этих недостатков». Постановление напоминало об ответственности комсомола за правильное воспитание пионеров в духе «боевых традиций партии». Пути достижения этой задачи заключались в определении более четкого содержания и совершенствования форм пионерской работы, в организационном укреплении пионерского движения, в усилении руководства им со стороны комсомола и учителей[43]. После принятия данного постановления работа пионерской организации на Южном Урале улучшилась. Систематически стали проходить заседания штаба дружины, улучшилась дисциплина и успеваемость среди пионеров. А так же отмечалось, что с тех пор как пионерами и школьниками стали заниматься, понизилось количество приводов в детскую комнату[44].

В годы Великой Отечественной войны существовала целая система агитации и вовлечения детей в какое-нибудь общественное мероприятие. Важное место в патриотическом воспитании младших школьников занимало тимуровское движение. В организации данного движения не последнюю роль сыграли правительственные органы. Так, 22 июля 1941 года было принято постановление обкома ВКП(б) «Об организации и работе тимуровских команд в военное время», которое распространялось в областные и районные отделы народного образования. В постановлении предлагалось организовать тимуровские команды, в которые рекомендовалось вовлекать как можно больше учащихся, пионеров и комсомольцев. Были выделены и основные задачи тимуровских команд: помощь семьям красноармейцев, работа на полях, сбор металлолома и лекарственных трав и др. Старшим ребятам предлагалось изучение сельскохозяйственной техники, чтобы при необходимости они могли заменить взрослых, которые ушли на фронт[45]. Возглавляли тимуровские команды в основном классные руководители и комсомольцы. Иногда организацией команд занимались люди пожилого возраста, например 73-летняя женщина А.П. Рычкова создала тимуровскую команду из детей школьников, в которой насчитывалось 72 человека. За проделанную работу тимуровцы Рычковой А.П. получили телеграмму с благодарностью от И.В.Сталина, ЦК ВЛКСМ наградил тимуровцев именной серебряной шкатулкой и грамотой [46]. Имели место случаи, когда дети, увидев кинофильм или прочитав произведение А. Гайдара «Тимур и его команда», самостоятельно организовывали команды [47]. В результате данным движением была охвачена вся страна. В тимуровских командах участвовало более 2 млн человек. В выступлениях по радио, в периодической печати широко обсуждалось тимуровское движение. Для мотивации вовлечения детей в тимуровское движение и улучшения работы уже существующих команд в областных газетах создали Доску почета тимуровских команд, в которые заноси-

лись лучшие команды, отдельные учителя, комсомольцы и пионервожатые по представлению районных и городских комитетов комсомола[48]. На протяжении всей войны тимуровцы проделали колоссальную работу. Например, в 1942/43 учебном году 3133 тимуровские команды Челябинской области помогли 15 тыс. семей фронтовиков, завезли и распилили 9800 кубометров дров, школьники дежурили в госпиталях, писали письма по просьбе раненых, выступали с концертами, собирали металлолом, активно участвовали в сборе средств в фонд обороны. Только за три года войны учащиеся Челябинской области собрали примерно 10,5 млн рублей[49]. Деньги направлялись на строительство танковых колонн, звеньев самолетов и т.д. Вышестоящие органы по возможности через средства СМИ поощряли ребят. В газетах печатали благодарственные телеграммы и письма И.В. Сталина, адресованные отличившимся школьникам, где помимо похвальных слов размещались призывы продолжить помогать стране в трудное для нее время. После прочтения таких строк дети еще с большим энтузиазмом собирали денежные средства на строительство военной техники, в фонды помощи армии, собирали металлолом и лекарственные травы и т.д.[50]

Таким образом, годы Великой Отечественной войны для населения страны с лишениями и потерей близких принесли с собой ужесточение политического и идеологического контроля со стороны правительственных органов. Приказы, постановления, указы, принятые политическими организациями, были нацелены на то, чтобы воспитать в людях патриотизм, не допустить паники и предательства в военное время. Так как дети являлись неотъемлемой частью советского общества, то происходящие изменения в стране непосредственно влияли на их социализацию. Большую роль в патриотическом воспитании народа сыграли пропаганда, средства массовой информации и искусство, работа которых координировалась правительством страны. Наглядная агитация, печать и радио, следуя предложениям вышестоящих органов, однобоко, не полно раскрывали события, умалчивая об истинных масштабах военных действий. В результате чего люди, в том числе и дети, верили в несокрушимость Красной Армии и скорую победу над врагом. Как и в предвоенный период в годы Великой Отечественной партия считала школу органом политического воспитания молодежи. Поэтому идеологическая направленность правительственных решений не обошли стороной ее работу. Военное время потребовало общей мобилизации всех ресурсов. Каждый должен был принять участие в общем деле — разгроме врага. Дети могли приблизить победу хорошей учебой в школе, помощью промышленности и сельскому хозяйству. Для воспитания патриотизма в ребятах учителя на уроках и переменах показывали героизм, мужество, стойкость русского народа на полях сражения и у рабочего станка. Для педагогов, руководства школ, детских и юношеских организаций, используя при этом все способы агитации (периодическую печать, радио, кино, литературу, изобразительное искусство и т.д.). В результате чего в военные годы приняла широкие масштабы организация тимуровских команд, ребята помогали семьям красноармейцев, выступали с концертами в госпиталях, собирали металлолом и лекарственные травы, помогали колхозам в уборке урожая и т.д.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. М., 1985. С. 221–223.
2. КПСС в резолюциях и решениях съездов… Т.6. М., 1985. С.14.
3. *Акулова Т.Л.* Идейно-политическая и агитационно-пропагандистская деятельность интеллигенции Чкаловской области в первые месяцы войны // Война. Культура. Победа: материалы Уральского научного форума: в 2 ч. Челябинск. Ч.1. 2005. С. 168–169.
4. Магнитогорский рабочий. 1942. 26 марта.
5. Магнитогорский рабочий. 1944. 7 января; Магнитогорский рабочий. 1944. 19 февраля.
6. Государственный архив Курганской области. Ф.Р-800. Оп.1. Д.17. Л. 210.
7. ГАКО. Ф. Р-800.Оп. 1. Д.19. Л.105.

8. Красный Курган. 1941. 15 августа.
9. Магнитогорский рабочий. 1944. 7 января.
10. Магнитогорский рабочий. 1943. 3 апреля.
11. *Козлов Н.Д.* Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). СПб., 1995. С. 13–14.
12. *Булах Т.* Первые дни блокады // Нева.1992. № 1. С. 254.
13. *Разумовский Л*. Дети блокады // Нева. 1999. № 1. С. 12.
14. Культурное строительство в Оренбуржье: Документы и материалы, 1942–1987 / Сост. В.И. Швыдченко, Т.В. Костова, А.Е. Акиньшина и др. Челябинск, 1989. С. 39.
15. *Комков Г.Д*. На идеологическом фронте Великой Отечественной…М., 1983. С. 202.
16. Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. Р- 914. Оп. 1. Д. 195. Л. 39–40; МУ Магнитогорский городской архив. Ф. 10. Оп. 1. Д.356. Л. 46.
17. *Комков Г.Д*. На идеологическом фронте… С. 204.
18. ОГАЧО. Ф. ПФ-288. Оп.4. Д. 94. Л. 70.
19. Магнитогорский рабочий. 1942. 15 августа; Магнитогорский рабочий. 1943. 16 февраля.
20. *Кузнецова М*. Если завтра война // Историк и художник. 2005. № 2. С. 20.
21. *Калинин М.И.* Статьи и речи о коммунистическом воспитании 1925–1945 гг. М. 1951. С. 145.
22. ГАКО. Ф. Р-800. Оп. 1. Д. 17. Л.82; Магнитогорский рабочий. 1942. 9 апреля; Магнитогорский рабочий. 1942. 17 июня; Магнитогорский рабочий. 1943. 28 марта.
23. ГАКО. Ф. Р- 800. Оп. 1. Д. 18. Л. 38.
24. ГАКО. Ф. Р-800. Оп. 1. Д. 18. Л. 46; ГАКО. Ф. Р-800. Оп. 1. Д. 18. Л. 186.
25. ГАКО. Ф. Р-800. Оп. 1. Д. 18. Л. 38.
26. ГАКО. Ф. Р-800. Оп. 1. Д.18. Л.51.
27. Магнитогорский рабочий. 1943. 4 сентября.
28. ГАКО. Ф.Р-800. Оп.1. Д. 18. Л. 143.
29. ГАКО. Ф.Р-800. Оп. 1. Д.18. Л. 38.
30. Магнитогорский рабочий. 1943. 4 сентября.
31. ГАКО. Ф. Р-800. Оп. 1. Д. 18. Л.118.
32. ГАКО. Ф. Р-800. Оп.1 Д.34. Л.38.
33. ГАКО. Ф. Р-800. Оп.1. Д.18. Л.151.
34. Магнитогорский рабочий. 1943. 18 февраля.
35. Народное образование. Основные постановления, приказы и инструкции. М., 1948. С. 131–132.
36. *Потемкин В.П.* Статьи и речи по вопросам народного образования. М., 1965. С. 164–165.
37. ГАКО. Ф.Р-800. Оп. 1. Д. 18. Л.143; Магнитогорский рабочий. 1942. 9 апреля.
38. Магнитогорский рабочий. 1942. 18 января.
39. ГАКО. Ф.Р-800. Оп. 1. Д.34. Л. 38.
40. ГАКО. Ф.Р-800. Оп.1. Д. 17. Л.207; ГАКО. Ф. Р-800. Оп.1. Д.17. Л. 209.
41. ГАКО. Ф.Р-800. Оп. 1. Д. 18. Л.148.
42. ГАКО. Ф. Р-800. Оп. 1. д. 18. Л.117.
43. *Черник С.А.* Советская общеобразовательная школа в годы Великой Отечественной войны. М., 1984. С. 168–169.
44. ОГАЧО. Ф. П-485. Оп. 1. Д. 909. Л. 64–65.
45. ГАКО. Ф. Р-800. Оп. 1. Д. 19. Л.104; ОГАЧО. Ф. П-485. Оп. 1. Д. 768. Л. 493.
46. ОГАЧО. Ф. П-288-к. Оп. 1. Д. 44. Л. 2-3; ОГАЧО. Ф. П-485. Оп. 1. Д. 996. Л. 34–35.
47. Красный Курган. 1941. 14 августа.
48. ОГАЧО. Ф. П-485. Оп. 1. Д. 770. Л. 188.
49. *Черник С.А.* Советская общеобразовательная школа в годы Великой Отечественной войны. М. 1984. С. 172.
50. Магнитогорский рабочий. 1943. 3 апреля.

N.A. MALYSHEVA.

INFLUENCE OF IDEOLOGICAL FACTOR ON CHILDREN'S SOCIALIZATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The Great Patriotic War did not change the essence of the USSR state system. On the contrary, it was the favorable period for strengthening the centralization of authority and I.V. Stalin's regime. Orders, decisions, the decrees of the government accepted during the wartime, had been aimed at bringing up in people patriotism, preventing panic and treachery. Children were the integral part of the Soviet society so the current changes in the country directly influenced their socialization. Propaganda, mass media, art, school, the Pioneer and Komsomol organizations which activity was coordinated by the government of the country played a big role in patriotic education of children.

И.О. КОЛДОМАСОВ (Магнитогорск)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Антигитлеровская коалиция в составе двух сильнейших держав Запада и Советского Союза выполнила свою главную задачу — уничтожение фашизма, продемонстрировав согласованные действия в политической, экономической и военной сферах. Однако эти взаимодействия затрагивали в основном лишь властные структуры и военные штабы союзных государств. Между тем, достаточно широко известно, что общественное мнение стран-союзниц поддерживало идею более тесных контактов между американцами, англичанами и гражданами СССР. Реализация этих связей должна была быть представлена в социокультурной сфере, и в действительности состоялась в отношениях между Англией и Америкой. Ситуация во взаимодействиях западных стран и СССР оказалась не столь однозначной.

Желание создать прочную систему культурных контактов с советским союзником было изначально ограничено рядом условий. Первое из них заключалось в языковом барьере между странами, который отсутствовал при взаимодействии англичан и американцев. Очень важно учитывать и общекультурный уровень советского общества перед войной и по ходу ее. А он, как известно, сильно отличался от уровня образованности общества царской России, где любой грамотный человек более-менее сносно знал хотя бы один иностранный язык (правда, необязательно английский). Другое дело, что количество грамотных не превышало четверти населения, в то время как к 1926 г. она по официальной статистике достигла 51%, но при этом образовательный уровень оставался крайне низким: в середине 30-х гг. средняя продолжительность школьного обучения рабочих составляла 3,5 года (при минимальном нормативе в 4 года), а по жителям деревни официальную статистику вывести вообще невозможно[1]. Кроме этого, акценты в образовании ставились все же на технические прикладные и специализированные дисциплины, а никак не на гуманитарные науки, поэтому разница в языках была серьезным препятствием для ограничения контактов.

Другим условием, ограничивающим сферу культурного взаимодействия между государствами антигитлеровской коалиции, была собственно военная обстановка. В начальный период войны она совершенно не располагала к культурным связям, поскольку вопрос ставился о выживании Советского Союза и сохранении его суверенных границ. Не могло быть и речи о широких культурных контактах между странами по причине физи-

ческой невозможности их осуществления. С течением времени ситуация на фронтах менялась, но степень вовлеченности обеих сторон в обмен социокультурным опытом оставалась на низком уровне, виной чему выступали политические мотивы.

Третий фактор весьма своеобразен и присущ любому культурно-этническому сообществу — национальное самосознание или менталитет. Черты, свойственные обществам, существовавшим на Западе и в СССР, имели достаточно широкий диапазон отдаленности. Как справедливо заметим уже в 90-е гг. XX века русско-болгарский исследователь Г. Гачев, «цивилизацией современные народы сближены, культурами различены, и в этом с одной стороны, — возможность взаимопонимания, а с другой стороны — красота разнообразия»[2]. К этому остается лишь добавить, что 60 лет назад разговор о цивилизациях в советском обществе не был востребован, а значит, целесообразней говорить о взаимодействии культур с абсолютно различным менталитетом.

И, наконец, последнее и наиболее значимое, на наш взгляд, условие — закрытость советского общества в сравнении с западными социумами. Принципиальная разница в государственном устройстве союзников напрямую отражалась на возможностях большинства людей участвовать в различных сферах жизни своей страны, давала им шанс проявить свою индивидуальность. Либеральная идеология Запада, как и в предыдущие века, одним из основных своих постулатов считала невмешательство государства в частную жизнь людей. Концепция ВКП(б) напротив предполагала единство интересов государства и общества при руководящей роли партии. В результате общество действительно было вынуждено делать лишь то, что соответствовало интересам государства и под его строгим контролем. Для культурных контактов это ограничение являлось наиболее весомым, поскольку как раз в этой области рядовые англичане и американцы могли реализовать свои интересы в полном масштабе.

Итак, условия, которые влияли на взаимодействие США, Англии и СССР в социокультурной сфере мы рассмотрели. Теперь обратимся непосредственно к эпизодам сотрудничества западных держав с Советским Союзом в годы войны.

В первую очередь, надо отметить организацию в СССР, которая занималась поддержанием культурных связей с заграницей. Этой организацией было Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), созданное еще в 1925 г. и находящееся под кураторством как Наркома иностранных дел, так и Наркома внутренних дел. По мнению А. Мелехова, «это организация претендовала на монополию культурных связей с зарубежными странами»[3]. Главной задачей ВОКСа было «распространение за рубежом сведений (исключительно позитивного характера) о жизни в СССР»[4]. В работе Общество опиралось на связи с представителями советской интеллигенции, распределенных по функциональным (советской культуры, международного книгообмена, выставок, печати и т.д.) и территориальным (Американский, Английский, Восточный и т.д.) отделам. Первые отвечали за подготовку материалов для отправки в союзные страны и распространение полученных из-за границы сведений, вторые — за посылку и получение этих материалов[5].

С начала войны деятельность ВОКСа стала меняться с учетом реалий военного времени: если ранее она ограничивалась исключительно поддержанием культурных связей с небольшим числом государств, то с момента нападения Германии первоочередным делом становится «пропаганда борьбы советского народа против захватчиков, показ преступлений гитлеровцев на нашей земле, освещение посредством культурного обмена особенностей социального строя нашей страны, духовной жизни в условиях войны»[6]. При этом менялась и расстановка акцентов в геополитическом отношении: Англия и США, войдя в число союзников политических, стали приоритетными и в культурных связях. Это видно из существования отдельных отделов в ВОКСе, а также привлечения советских послов в Вашингтоне и Лондоне к осуществлению культурных контактов. Помимо этого в советских посольствах в Англии и США постоянно находились представители ВОКСа, занимавшие должности секретарей посольств.

Как видно, работа Общества строилась строго по государственной линии, что обеспечивало ее действенность, результативность, но лишь отчасти. С одной стороны, ВОКС мог регулировать как нормы поставок материалов по линии культурных связей, так и их содержание, но с другой — он не имел возможности отступить от государственных стандартов, чем существенно ограничивал свои собственные достижения в установлении контактов. Например, на январь 1943 г. были установлены следующие нормы грузов ВОКС для отправки диппочтой: Англия и США (вместе) — 70 кг, Китай — 50 кг, Иран — 30 кг, Афганистан — 30 кг, Монголия — 20 кг, Турция — 10 кг, Япония — 10 кг, Швеция — 5 кг и т.д. При этом делалась оговорка для случаев, когда почта идет отдельно в одну из западных стран: «размер груза согласовывается дополнительно, но не должен превышать 70 кг»[7]. Учет обстановки налицо — союзные государства получают намного больше материалов, чем остальные дружественные или нейтральные страны, но как используется эта информация, кто ее получает и что она содержит — неизвестно.

Зато известно о неудовлетворительном состоянии работы Уполномоченного ВОКС в Англии Барковского. Этот вопрос был поставлен перед советским послом в Лондоне И. Майским как раз в январе 1942 г. ввиду полного отсутствия информации о деятельности представителя Общества на территории Великобритании. Но к 1 июля 1942 г. положение не изменилось, о чем Председатель Правления ВОКС В.С. Кеменов вынужден был сообщить заместителю наркома иностранных дел А.Я. Вышинскому: «Несмотря на все требования ВОКСа (частично передаваемые через НКИД) т. Барковский игнорирует указания ВОКСа, не информирует ВОКС о своей работе, не посылает никаких справочных материалов, даже не подтверждает получения посылаемых ему материалов, не говоря уже сведениях об их использовании».[8] К тому же Барковский требовал денег, хотя по его же единственному отчету следовало, что он израсходовал меньше половины имеющейся у него суммы.

Уполномоченного ВОКС, конечно, освободили от занимаемой должности, но проблему расширения культурных связей смена одного сотрудника разрешить не могла. Во-первых, по причине отсутствия собственной инициативы, которая ограничивалась и направлялась тоталитарным режимом. А, во-вторых, ввиду слабой информированности работников государственных органов (даже отвечающих за связи с заграницей) о жизни и культурных особенностях данных держав. Почувствовать эти особенности, которые необходимо было учесть в последующей работе, можно было лишь побывав за рубежом, но никак из указаний ЦК ВКП(б).

Показательным в этом отношении выглядит своеобразный «ликбез», проводимый послом в США Константином Уманским на совещании сотрудников Совинформбюро 2 октября 1941 г. Дипломат рассказывал о различиях в работе в двух западных странах, анализируя политическую ситуацию там: «В Англии работать весьма легче. Все, что передается в Англию, английской печатью полностью воспроизводится. Волна сочувствия к нам в Англии есть, особенно когда едешь из Америки. Популярность наша на неимоверно высоком уровне. Работать в Англии, я еще раз повторяю, гораздо легче»[9]. Печально, но аргументацию этой легкости Уманский увидел в наличии изоляционистского лагеря внутри правящих кругов США, в отсутствии тотального контроля над прессой со стороны президента Рузвельта и в чисто национальном американском качестве — безукоризненной вере в свою этническую исключительность и, соответственно, абсолютно разной степенью доверия к информации, идущей от своих соотечественников и от иностранцев. «Мы здесь не прошибем массы читателей», — делает вывод посол, но тут же добавляет, что если использовать такие вещи как недавняя поездка на фронт американцев» или визит в СССР редактора газеты «Пост Меридием» Ральфа Ингерсолла, то «может быть эти вещи самые эффективные», и растопить лед в отношениях с союзниками все-таки удастся[10].

К сожалению, советское правительство рекомендациям Уманского следовать не собиралось. В этом был свой резон — условия военного времени (тем более столь тяжкие

в начальный период) не располагали к откровениям даже с потенциальными союзниками. Однако с дипломатической точки зрения расширение контактов именно между обычными людьми разных национальностей могло дать существенный эффект. Здесь же в силу вступал самый жесткий аргумент Сталина и других руководителей СССР — закрытый характер общества, стремление окутать тайной истинные условия жизни советских людей и одновременно не дать возможности получить информацию о Западе иначе, как через государственные каналы. Уже упомянутый визит Р. Ингерсолла в Советский Союз проходил далеко не гладко. 28 августа 1941 г. американский посол Лоуренс Штейнгардт добился аудиенции у Сталина и заявил, что редактор «Пост Меридием» сильно разочарован: ему не удалось ни увидеть советского лидера, ни съездить в район военных действий, то есть самые «горячие» и интересные для американского читателя моменты были не выполнены. Под давлением посла Сталин все-таки снизошел до приема Ингерсолла, уделив американцу целый час 3 сентября (вместо запрашиваемой одной минуты) и обсудив с ним широкий круг проблем — от военных и политических до экономических и повседневных, но в конце встречи заявил, что она состоялась лишь ввиду настойчивой просьбы Штейнгардта и попросил, чтобы содержание беседы не попало в печать[11]. Для американского редактора подобная логика выглядела полным абсурдом!

Еще более жестким было отношение советского правительства к гражданам своей страны, желающим работать за рубежом, — в Англии или в Америке. Примером может служить судьба Гарри Айзмана — уроженца Кишинева, в детском возрасте попавшего в США. Это были 20-е годы, и необразованный молодой человек вступил в ряды коммунистического движения молодежи, которое было весьма популярно в Америке. Айзман отличился в ходе молодежных демонстраций и столкновений с полицией, слухи о нем попали на страницы советской печати, и в конце 20-х полулегендарная фигура отправилась на родину, где была принята со всеми почестями. Помимо всесоюзной известности и почетных значков Айзман удостоился целой книги о своей персоне — «Красный галстук в стране капитала». Слава Гарри была общепризнанной, но когда с началом Великой Отечественной войны он «предложил послать его в Америку агитировать за скорейшее открытие второго фронта», полагая, что «это могло изменить ход войны», курировавший работу молодежного Коминтерна Раймон Гюйо дал ему «красный свет». Вскоре Айзман был призван в ряды Красной Армии, после войны работал в ВОКСе, был арестован за участие в «иностранном заговоре» и реабилитирован после смерти Сталина[12].

История Айзмана неплохо характеризует позицию советской власти в отношении союзников: сотрудничать — пожалуйста, но как, когда и с кем — мы определим сами. Право на посещение Британских островов или Нового света могло быть предоставлено только по долгу службы и «политически благонадежным товарищам». Культурный аспект в первые годы войны занимал достаточно низкую ступень на иерархической лестнице «СССР-Запад». Правда, общественные организации антифашистского характера начали появляться в Советском Союзе с начала войны, а с весны 1942 г. их деятельность приобретает регулярный оттенок. Такие организации носили название комитетов и насчитывалось их ровно пять — Всеславянский, Еврейский, советской молодежи, советских женщин и советских ученых. Все они входили в систему Советского информационного бюро и должны были выполнять задачу налаживания контактов с общественностью зарубежных стан, в том числе с народами Англии и Америки.

Однако вопрос о реализации этих контактов оставался открытым. Как уже указывалось выше западные страны были готовы к полноценным контактам с советским союзником на социокультурном уровне — и в техническом, и в идеологическом компоненте. Как отмечает видный исследователь англо-американских отношений в годы второй мировой войны Л.В. Поздеева, «к 1939 г. пресса, радио, кино получили на Британских островах самое широкое (после США) в мире распространение», и хотя «средства массовой информации также не пользовались в Англии традиционной свободой слова» (которая в военные годы уже существовала в США), степень либерализма к ним со стороны цензуры была несравнима с подобными органами в СССР — Бюро прессы и цензуры могло

запрещать лишь обнародование фактов, важных с точки зрения национальной безопасности, но не могло препятствовать прессе в выражении своего мнения»[13].

Аналогичную позицию лидеры западных держав занимали в отношении обмена визитами представителей общественных организаций, журналистов, ученых, деятелей искусства. Ограничения касались лишь военно-технической области по вполне понятным причинам — военные секреты всегда строго охраняются. В то же время информация на «повседневной основе» советскому союзнику предоставлялась, хотя вследствие «политического недоверия и коммерческих соображений» ее уровень тоже был низким[14]. В советском же обществе не было принято разглашать сведения, касающиеся личной жизни граждан, их социального и экономического благополучия, политических взглядов и т.п. — то есть всего того, что обсуждать на Западе считалось обыденным и индивидуальным делом.

Такое положение наблюдалось и при взаимодействии с союзниками высоких государственных деятелей, и при встречах функционеров довольно низких рангов, волею случая вынужденных пересекаться между собой. Летом 1943 года американский корреспондент агентства «Юнайтед Пресс» Генри Шапиро прилетел в блокадный Ленинград, где провел встречу с Секретариатом Ленинградского горкома ВЛКСМ. Обсудив жизнь Ленинграда и борьбу с фашистами, собеседники перешли к взаимоотношениям с союзниками, и вот тут-то выяснилась разница в возможностях советских и западных граждан: Шапиро как представитель демократического общества и как истинный репортер задавал свои вопросы открыто и с известной долей каверзы («А что вообще думают ленинградцы о помощи союзников? Считают, что делают то, что нужно, или считают, что можно было бы сделать больше?»), а комсомольцы отвечали сдержанно, взвешивая слова и пытаясь закамуфлировать их истинный смысл. Например, секретарь горкома Иванов на вопрос о ликвидации Коминтерна заявил: «Мы все до единого думаем то, что сказал товарищ Сталин», а затем немного конкретизировал ответ : «Мы считаем вполне правильным такое решение»[15]. Похожие соображения были высказаны и по вопросу о получении продуктов питания по ленд-лизу; не успел комсомолец Максимов сказать, что продукты стали поступать с июня-июля 1942 г., как Иванов оборвал его, отметив, что эти сведения известны лишь Максимову, а «мы знаем не все, и знать нам все необязательно. Во всяком случае, могу заявить: мы получали и получаем все то, что присылали для нас наши союзники»[16].

Этот обтекаемый тон свидетельствовал об опасениях со стороны руководящих работников комсомола «выдать» союзникам какую-либо нежелательную информацию об отношении к англичанам и американцам. Гораздо проще было прикрываться обезличенной формулировкой «мы» и ссылками на авторитетное мнение товарища Сталина, но представителей западного общества такое положение не устраивало. Отсюда — ограниченность даже тех контактов, которые происходили и могли считаться успешными. Однако советское правительство не было слепо в плане политики и в нужное время состоялась долговременная и хорошо организованная акция, призванная показать высокую степень сотрудничества СССР, США и Англии именно на общественном уровне. Конечно же, речь идет о поездке деятелей Еврейского антифашистского комитета в союзнические страны.

Еврейский антифашистский комитет (ЕАК) был создан вскоре после еврейского митинга в Москве 24 августа 1941 г. и оказал наиболее значимое влияние на общественное мнение союзных стран в военные годы. Например, в США под воздействием призывов еврейского населения СССР уже с августа 1941 г. развернулась кампания по сбору средств для советских граждан и даже был создан комитет еврейских писателей, артистов и ученых Америки, почетным председателем которого был избран всемирно известный физик А. Эйнштейн[17]. Этот комитет сумел не только организовать массовую поддержку всех еврейских организаций США в пользу Советского Союза (кроме того, росла популярность СССР среди евреев других англоговорящих стран), но и обеспечить значительную материальную поддержку, поскольку среди членов комитета было немало представителей крупного бизнеса, политики и культуры.

При этом советская общественность имела весьма приблизительное (а в провинции — и вовсе никакого) представление о движении американских евреев, так как средства массовой информации СССР фактически игнорировали мероприятия в поддержку собственной страны. Очевидно, что это делалось не по своей воле, а исходя из «госзаказа». Секретарь ЕАП Шахно Эпштейн даже был вынужден пожаловаться А.С. Щербакову, курировавшему работу Управления агитации и пропаганды по линии партии, на неудовлетворительное положение дел в этой области: «Очень странно, что такое важное явление, как движение солидарности с Советским Союзом евреев всего мира проходит совершенно незамеченным в нашей советской печати и радиовещаниях. Полное замалчивание и игнорирование у нас этого движения производит весьма неблагоприятное впечатление за рубежом, в особенности в США»[18].

Реакция правительства на слова Эпштейна последовала не сразу, а применительно к советскому обществу «политика умолчания» сохранялась в еврейском вопросе до конца войны. Но к середине 1943 г. отношения между союзными странами были далеко не теплыми (в первую очередь, из-за отсутствия ясности в вопросе о втором фронте), а на конец осени планировалась первая конференция всех трех лидеров государств антигитлеровской коалиции. Сталин пошел на умный политический маневр, с одной стороны, развернув компанию популяризации союзников в советских СМИ (это был третий пик после лета-осени 1941 г. и мая-июня 1942 г.), а с другой — отправив в длительную и результативную поездку по Великобритании и США председателя Еврейского антифашистского комитета Соломона Михоэлса и его заместителя Исаака Фефера. Цель поездки была очевидной — поднять рейтинг Советского Союза среди еврейского населения стран-союзниц с надеждой, что диаспора сумеет пролоббировать советские интересы в правящих кругах.

Расчет Сталина оправдался полностью: визит Михоэлса стал его бенефисом и одновременно важным козырем в окончательном повороте общественного мнения западных стран в сторону СССР. Представитель Комитета по кинематографии М. Колотозов ,по долгу службы находившийся в США во время приезда делегации ЕАК, в отчете своему руководству о сотрудничестве с американцами 3 сентября 1943 г. отметил: «Приезд Михоэлса был решающим фактором, расположившим к нам еврейские круги и давшим замечательный материальный результат»[19]. Более того, Колотозов ,прочувствовав вектор американских настроений, пошел дальше и сделал «предложение» своему начальству по оптимизации советско-американских связей в области искусства. Он заявил, что «одним из решающих шагов в вопросе завоевания дружественных чувств американцев будет приезд Шостаковича. Он самый популярный советский человек, его любят и хотят видеть. Его приезд принесет колоссальную политическую пользу нашей стране, не говоря уже о материальной стороне». При этом композитору не обязательно было даже выступать с концертами или в качестве дирижера; он мог бы написать музыку для кинокартин или даже сняться сам в кино, а мог бы просто совершить турне по Америке, выступив на ряде собраний и торжественных вечеров — главное значение для американцев имела сама фигура Шостаковича, а вовсе не его профессиональная деятельность[20].

Визит Шостаковича в Америку все-таки не состоялся (официальным предлогом послужило состояние здоровья композитора), что лишь подтверждает тезис о нерегулярности личных связей между союзническими странами. Однако контакты в области культуры и искусства не ограничивались единичными встречами видных ученых и общественных деятелей или даже работой целых делегаций в союзном государстве. Существовали и повседневные обмены корреспонденцией, литературой, кинолентами, а также переписка по вопросам о сложностях или успехах в данном направлении. Как отмечалось выше, именно эту рутинную работу в Советском Союзе должен был контролировать ВОКС и стоящие над ним наркоматы. Помимо указанных органов существовали и отдельные функциональные организации или отделы в них, отвечавшие за определенный сектор работы, — Главное управление по охране государственных тайн в печати при

Совете Министров (Главлит) и отдел иностранной цензуры в нем, Советское информационное бюро при государственном комитете по культурным связям с зарубежными странами (сокращенно — Совинформбюро), Комитет по делам кинематографии при СНК СССР с соответствующими представительствами в разных странах и т.д. Все эти организации решали собственные, но весьма важные в общей канве взаимоотношений с союзниками задачи — организовать непрерывный и результативный обмен печатной продукцией или кинолентами с целью ознакомления с иностранной культурой довольно широких слоев населения.

Казалось бы, реализация этих задач дело не очень сложное. Конечно, необходимы были довольно обширные государственные средства (в Великобритании и США эта сторона проблемы находилась в самостоятельном ведении компаний) и налаживание технических каналов передачи информации. В первые месяцы войны с фашистской Германией создать такие каналы для СССР было невозможно, потому что оба центра находились в тяжелом осадном положении, а любой провинциальный город не имел достаточного количества компетентного персонала. Но со второй половины 1942 г. ситуация начала исправляться, и к 1943 г. с технической точки зрения Советский Союз и его партнеры по антигитлеровской коалиции получили возможности широко и продуктивно обмениваться достижениями в области печати и киноискусства.

Однако достигнуть нужных результатов не удалось и в этом процессе причиной, чему стало содержание отсылаемых и получаемых материалов. Объем отправляемой информации был вполне достаточным для объективного освещения советской действительности, но руководители отделов, отвечающих за посылку, заботились в первую очередь о неразглашении военных тайн. Под категорию последних попадало практически все, содержащее цифровку, а также большинство географических названий, фамилий и др., указывающее на конкретное лицо, место или нормы. Эти правила распространялись и на короткие заметки, и на крупные публикации. Вот пример короткой заметки во всесоюзной газете «Правда» под названием «Налеты английской авиации на Германию»: «В коммюнике английского министерства авиации говорится, что днем 12 декабря бомбардировщики «Хемпден» совершили налет на Северо-Западную Германию. Объектами бомбардировок были нефтеочистительный завод в Эммерихе и промышленное предприятие вблизи Бремена»[21]. И всё, хотя западные источники информации, из которых это сообщение было получено, обязательно упомянули бы о результатах боевого вылета — степени разрушения намеченных объектов, примерных потерях с немецкой стороны и точных — со своей, не говоря уже о количестве самолетов, выполнявших боевое задание. Все описанное уже состоялось, поэтому скрывать один из многочисленных вылетов и статистические выкладки по нему с точки зрения западного человека считалось нелепым, но, по мнению советской цензуры, это информация была секретной и не должна была дойти до широкого читателя.

Именно по таким лекалам информация должна была подаваться за рубеж. Это в действительности происходило и вызвало плохо скрываемое удивление в западных странах. В конце концов, представитель пресс-радио отдела Комитета помощи России в войне в США Лев Грульов в конце ноября 1942 г. составил меморандум «О телеграммах от Совинформбюро и ВОКСа» и отправил его в советское посольство в Америке. Несмотря на ограниченный названием ареал охваченных материалов (телеграммы), теоретически американец перечислил все имеющиеся у советской стороны недостатки и те требования, которые позволили бы эти недостатки устранить. Грульов анализировал ситуацию и с количественной, и с качественной стороны: с 1 июля 1942 г. по телеграфу из СССР Комитет помощи России в войне получил примерно 60 тыс. слов, из которых 5 тысяч были использованы в прессе и еще 5 тысяч — в радиовещании, причем с американскими корректировками. Остальные же материалы были забракованы как не имеющие практического значения либо непонятные американскому читателю. Далее Грульов перечислил претензии к советским материалам, причем под первым пунктом значилась недостоверная информация в рассказах о зверствах нацистов. Слабым звеном этих рассказов, по

мнению американцев, является их недостоверность: отсутствуют фотографии, объяснение мотивов жестокости; все телеграммы о зверствах рисуют немцев, абсолютно без всякого исключения, черными красками, сгущая их до такой степени, что сами факты звучат неправдоподобно и неубедительно»[22].

Следующие претензии касались описания стахановского движения (один из любимых сюжетов советских СМИ военных лет). Американцы — люди с безусловно техническим складом ума — не удовлетворялись объяснением, что кто-то просто взял и перевыполнил норму; их интересовали причины, побудившие человека совершить трудовой подвиг, и, вспомогательные средства, способствовавшие свершению. Иначе говоря, «американцы хотят знать «как»», в то время как советские граждане руководствовались правилом «что»[23].

Другие доводы Грульова касались уже упомянутой статистики, безличности сообщений, отсутствия деталей, использования не просто однотипного, но часто и совершенно одинакового материала для разных американских изданий, маленьких темпов рассылки (2–3 месяца) и полного отсутствия чувства конъюнктуры у советских ответственных деятелей[24]. Получалось, что информация, отсылаемая американскому читателю, с точки зрения его самого, была пресной, очень похожей по стилю и сюжетам, расплывчатой и к тому же — не первой свежести. С позиции же советских функционеров, материалы были очень неплохими — типичными для советской печати и не разглашающими военных и частных тайн.

Весьма непросто обстояло дело с зарубежными материалами, которые должны были задействоваться в советской печати. Как следует из отчета Отдела иностранной цензуры (ОИЦ) Главлита за 1942 г., англо-американская литература занимала ведущее место в списке доставляемых из-за границы материалов — 116739 наименований из 201401 общего числа. Статистические данные разрешений-запрещений также в пользу союзников: 110001 экземпляров были допущены к печати сразу, 1695 — допущены с обработкой и лишь 5043 — запрещены, в то время как из остальной литературы запрещению подлежали 56308 наименований (в основном это касалось материалов из Германии и союзных ей стран)[25]. Характеристики цензоров отмечают дружественный общий тон литературы из Англии и Америки, ее преимущественно научно-технический характер, не требующий цензорского вмешательства, но в тоже время наличие материалов, направленных «против СССР с клеветой и выпадами против руководителей партии и правительства, Красной Армии и т.д.»[26]. Враждебные тона были найдены в военной и военно-морской литературе (особенно в американской до декабря 1941 г), иллюстрированных журналах и газетах, где публиковались сводки германских, японских, итальянских и других СМИ, включая материалы об успехах фашистских войск.

Если политические мотивы при запрещении той или иной статьи, сводки, очерка, печатного издания были безусловно важны и оправдывали столь жестокую линию советских органов цензуры под руководством партии, то касательно художественной литературы наблюдались явные перегибы. Например, для широкого читателя была запрещена книга англичанина Дж. Говарда «Наступает век публичных библиотек», где давалось описание библиотечной сети в Германии и проводилось сравнение её с Советским Союзом[27]. Или роман американки Кэй Бойл, совершившей в начале войны путешествие по Европе и создавшей «Азбуку любви» с драматичным сюжетом: американская женщина, живущая во Франции и находящаяся замужем за французом, влюбляется в австрийца; во время германской оккупации австриец выбирает режим маршала Петэна, но его возлюбленная отвергает это, надеясь на помощь Англии. Советская страна упомянута в книге всего лишь одной фразой: «Всего этого не было бы, если бы Россия нас не бросила». По мнению рецензента, печатать роман не стоило, поскольку описывался ограниченный период истории Франции, а главные события разворачиваются в среде эмигрантов[28]. Схожая аргументация наблюдалась при оценке сборника рассказов Уильяма Фолкнера «Иди вниз, Моисей», посвященных истории семьи Мак-Каслинов и повествующих о взаимоотношениях негров и белых, о природных явлениях, уничтожении

людьми флоры и фауны и т.д. Рецензент Каминская дает рассказам положительную оценку, представляет Фолкнера как крупного и оригинального писателя, но делает вывод, что печатать книгу не стоит из-за сложности для чтения[29].

Абсурдность подобных установок усиливалась тем фактом, что других авторов (например, Эрнста Хемингуэя) принимали с распростертыми объятиями, хотя художественную ценность его произведений навряд ли можно считать выше фолкнеровской. Просто, Хемингуэй активно поддерживал идеи коммунизма в Америке и считался «нашим» писателем с правильной политической ориентацией. К сожалению, политические мотивы вновь оказались превалирующими, что не давало возможности реально оценить искусство союзнических стран внутри СССР и вызывало раздражение на Западе.

Более динамично развивались межсоюзнические отношения в сфере киноискусства. Для СССР кино было жанром новым, в котором еще не удалось достичь высокого уровня, прежде всего, в техническом плане. Союзники имели неплохие возможности заполнить советский кинорынок разнообразной продукцией. Летом 1943 г. Помощник американского посла в Москве господин Ионг, выступая перед президентами кинематографических компаний США, заявил, что «рынок России свободен и мы сейчас должны приложить все усилия для того, чтобы завоевать его», особенно в связи с тем, что Англия начинает проникать на советский рынок со своими картинами раньше нас…»[30]

Правда, оценки Ионгом уровня советского зрителя были чрезвычайно примитивны: «В Союзе американские фильмы народ очень любит, и поэтому нам будет не трудно бороться с советской кинематографией, так как она представляет собою примитивное производство, стоящее на очень узком уровне развития науки и техники»[31]. При этом Ионг охарактеризовал СССР как «страну диктатуры, муштры и страха», где мнение частного лица никогда не принималось во внимание, но заверил американских киноворотил, что у американцев в Москве прекрасный контроль за всеми картинами, и они не позволят, чтобы в конце проката с экрана прозвучало: «Да здравствует Сталин!» Уверенность в успехе помощник посла высказывал безапелляционную, совершенно не принимая мнения другой стороны[32].

А оно существовало и вполне четко было выражено представителем комитета по Кинематографии М. Колотозовым, находившимся в Америке около трех месяцев и изучившим местный кинематограф. Выводы Ионга ему представляются ошибочными, хотя и убедительными для президентов кинокомпаний, но это не было опасным явлением. Ретивость Ионга следовало бы использовать в пользу СССР и «не покупать американские фильмы в Москве до тех пор, пока советские картины не будут транслироваться в Америке», — советовал Колотозов. Главная проблема, по его мнению, состояла в том, что до середины 1943 г. Только один советский киноработник — Антонов — находился в США и пытался организовать обмен фильмами[33].

Отношение к советскому кино в Америке также испытывало влияние политики и хода военных действий. Колотозов приводит пример отзыва из США посла М. Литвинова и немедленного падения интереса к советскому кинематографу и обратную ситуацию после грандиозного успеха Красной Армии в Курской битве[34]. В среде киноискусства при этом также выделяются сторонники и противники сотрудничества с СССР: многие газеты из числа «реакционной» прессы организовали кампанию против американской же картины «Миссия в Москву», назвав ее показ открытой попыткой импортирования большевизма и выдвинув лозунг о запрещении сеансов в американских городах. Эта кампания была результативной — в Бостоне, Чикаго, Калифорнии «Миссию в Москву запретили к просмотру, в Вашингтоне — сорвали сеансы, — но сообщение о провале фильма в СССР и запрете на его показ там («Миссия в Москве» имела большой успех) было опровергнуто теми же газетами с завидным постоянством[35].

В Англии советское кино было более востребованным, чем в США, но подчинялось определенным правилам: демонстрировалось только в качестве «второй программы» (после английского или американского фильма с длительностью от 1 часа до 1 часа 15 минут), переделывалось под западный стандарт, переводилось «творчески», то есть не

дословно, а при помощи «живой мысли». Эти нормы создавали для советских работников ряд проблем: обычная продолжительность картины составляла 1,5 часа, поэтому необходимо было сокращать фильмы до указанных параметров или не сокращать и держать на полке; переход на западные стандарты был связан с отсутствием динамичности в советских картинах, но под переделку попадало даже название, причем доходило до абсурдного комизма, когда «По щучьему веленью» становилось «Магической рыбкой», а «Линия Маннергейма» — «Пятьюдесятью градусами ниже нуля»[36]. Процедура переработок существенно затягивалась, поскольку в ней было задействовано Союзинформкино, работающее чрезвычайно медленно (например, указание о необходимости обратного переименования фильма «Русский салат» в «Кино-концерт» поступило уполномоченному в Англии П. Бригаднову только через 1,5 года, когда фильм сошел с экрана)[37].

Таким образом, в области кинематографа сотрудничество также ограничивалось вследствие недостаточного или неудачного функционирования создаваемых органов, ответственных за кинообмен, различий между советским и западным менталитетом как в процессе создания, так и в процессе восприятия картин, и неизменных политических мотивов. Неэквивалентный обмен в этой области был изначально предопределен техническим преимуществом англичан и американцев, но навязывание собственных правил каждой стороной вела к неудаче общего дела.

Разумеется, в рамках данной статьи невозможно охватить весь спектр взаимоотношений между союзниками в социокультурной области. Он весьма многолик и включает в себя совершенно неизученные сферы (например, переписку советских и западных школьников, рабочих, ученых и т.д.). Мы же ставили перед собой задачу на примере отдельных фактов из различного рода взаимодействий показать общую концепцию межсоюзнических контактов. Эта концепция отличалась довольно разносторонним, но иррегулярным характером связей, сложностями в их осуществлении как технического, так и идеологического толка, постоянным вмешательством политических мотивов в любую область действия и взаимным недоверием, которое могло быть ликвидировано на локальном, но не на глобальном уровне. Социокультурные связи нельзя назвать самым удачным звеном в отношениях между союзниками, хотя факт их расширения в сравнении с довоенным периодом несомненен. При этом советское общество получило меньшую и менее достоверную информацию о западной действительности, но даже она в скором времени начала подаваться в черных красках в связи с «холодной войной».

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А.* История России: учебник. М., 2005. С. 393, 396.
2. *Гачев Г.* Национальные образы мира. М., 1998. С. 14.
3. Мелехов А.С. Роль общественности СССР и США в укреплении двустороннего сотрудничества в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Дис. на соис. учен. степ. к.и.н. Воронеж, 1999. С. 63.
4. *Невежин В.А*. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997. С. 39.
5. *Мелехов А.С.* Ук. соч. С. 63.
6. *Невежин В.А*. Из истории культурных связей СССР с Великобританией и США в рамках антигитлеровской коалиции (1941–1945 гг.) // Духовный потенциал советского народа в годы Великой Отечественной войны. М., 1990. С. 208.
7. ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 14. Д 99. Л. 65.
8. Там же. Л. 138.
9. ГАРФ. Ф. 8581. Оп. 1. Д 1. Л. 1.
10. Там же. Л. 3.
11. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 374. Лл. 32-40.
12. *Поляков Ю. А*. После роспуска Коминтерна // Новейшая история, 2003. № 1. С. 113–114.

13. *Поздеева Л.В.* Лондон-Москва. Британское общественное мнение и СССР, 1939-1945. М., ИВИ РАН, 1999. С. 13-15.
14. Союзники в войне, 1941-1945. М., 1995. С. 244.
15. РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 136. Лл. 24-25.
16. Там же. Лл. 29-30.
17. *Мелехов А.С.* Ук. соч. С. 55-56.
18. Цит. по: *Мелехов А.С.* Ук. соч. С. 57.
19. РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 4. Д. 80. Л. 56.
20. Там же. Л. 56.
21. «Правда», 1941 г., 14 декабря.
22. ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 14. Д. 103. Л. 74 об.
23. Там же. Л. 75 и 75 об.
24. Там же. Лл. 76-79.
25. ГАРФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 41. Л. 6 об.
26. Там же. Лл. 7-8.
27. Там же. Лл. 17-18.
28. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Д. 1074. Лл. 9-13.
29. Там же. Лл. 1-8.
30. РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 4. Д. 80. Л. 48.
31. Там же. Л. 48.
32. Там же. Л. 49.
33. Там же. Лл. 59-61.
34. Там же. Л. 55.
35. Там же. Лл. 77-78.
36. Там же. Лл. 70-73.
37. Там же. Л. 71.

I.O.KOLDOMASOV

PUBLIC AND CULTURE CONTACTS BETWEEN STATES OF ANTI-HITLER COALITION IN WARTIME

Except military and economic interaction were existed interactions between USSR and English-American blocs in public and cultural sphere. They concerned exchanges of articles and literary works, cinema demonstrations, activity of public organizations, visits of famous peoples and other parts of interrelations. These contacts were complicated by some conditions such as language difference, wartime situation, national self-awareness and totalitarian characters of soviet society. The main factor effecting the relations between the allies was the political one, so all changes were connected with policy to better or worse. On the whole the contacts were extended compared with the peace period before the war, but the collaboration was not full.

А.Н. ХАРИТОНОВ, К-Д. МЮЛЛЕР (Дрезден)

СОВЕТСКИЕ И НЕМЕЦКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ И ИНТЕРНИРОВАННЫЕ. ИЗУЧЕНИЕ ВОПРОСОВ ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА

ВВЕДЕНИЕ

Германия в XX столетии развязала две кровопролитные войны, вылившиеся на европейском театре действий главным образом в противостояние Германии и России/СССР. Масштабы жертв и разрушений Второй мировой войны не имеют аналогов в истории человечества. Только со стороны Советского Союза на фронтах, в плену, а также в результате претворения в жизнь зловещих нацистских доктрин погибло более 20 млн. человек. Количество немцев, лишившихся жизни на фронтах, во время бомбардировок и в плену, также исчисляется миллионами. Трагедия Второй мировой войны оказала и оказывает до сих пор существенное влияние на историческое развитие и общественную мысль в наших странах.

Послевоенная историография об этой войне охватывает сотни тысяч публикаций. Но проблема в том, что в течение почти 6-ти десятилетий как германские, так и советские историки, и публицисты рассматривали события этой войны каждый со своих позиций, в соответствии с общественной памятью своей страны, которые коренным образом отличались друг от друга. Совместная разработка многих вопросов тогда была невозможной.

Лишь с прекращением существования СССР, объединением Германии и преодолением былой «холодной войны» был открыт путь к совместному изучению истории Второй мировой войны, в том числе и вопросов военного плена, путь к установлению судеб военнопленных СССР и Германии.

Советские военнопленные до недавнего времени относились к «забытой» и своего рода табуированной группе жертв Второй мировой войны. Их история — как военная, так и послевоенная — характеризуется особой трагичностью.

Нацистская пропаганда объявляла советских людей «славянскими недочеловеками». Именно так и обращались с ними в лагерях военнопленных и в рабочих командах, вследствие чего миллионы стали жертвами этой политики. Но и окончание войны, освобождение пленных из лагерей для советских людей отнюдь не ознаменовалось полной свободы для всех: еще при отправлении из лагерей, а тем более по возвращении на родину бывшим пленным вновь и вновь задавали вопросы, почему они оказались в плену, почему не боролись до конца? Перенесенные ими лишения в немецких лагерях советскими органами учитывались лишь в общем контексте, крайне редко они играли роль в индивидуальной судьбе человека. Поэтому для сотен тысяч бывших бойцов Красной Армии на смену немецким лагерям пришли советские — их отправляли на принудительные работы с тем, чтобы «искупить вину» перед Родиной. А человеческая судьба бывших пленных интересовала в основном только их родных и близких.

Забвению они были преданы и в Германии. В ней бывшие концентрационные лагеря и лагеря для военнопленных после 1945 г. стали использоваться НКВД в качестве спецлагерей, теперь уже для немецкого контингента или же для размещения немецких граждан, выселяемых и изгоняемых из Польши, Чехословакии и других государств. В сознании этих людей собственная история, собственные лишения выходили на первое место, а судьба советских военнопленных уходила как бы на задний план, стала рассматриваться как прошлое, о котором хотелось как можно быстрее забыть.

В Германской Демократической Республике военный плен хотя и играл определенную роль в исторической науке, но исследовался весьма односторонне. В официальной историографии основной упор делался на героическую борьбу антифашистов, на группы сопротивления в лагерях. Сооружались многочисленные мемориальные комплексы

героям войны и сопротивления, но как правило не конкретным людям, а в обобщенном виде анонимным героям, неизвестному солдату и т.д. Официальная советская трактовка истории военного плена всецело была перенесена на ГДР[1].

В СССР вплоть до 80-х гг. прошлого столетия в анкетах задавался обязательный вопрос о пребывании в плену. Для сотен тысяч советских граждан утвердительный ответ на такой вопрос был связан с целым рядом проблем. Если они и избежали сталинских послевоенных репрессий, сам факт пребывания в плену влиял нередко на всю их последующую жизнь, они надолго оказались, как бы запятнанными и даже в кругу самых близких людей не принято было об этом говорить.

Лишь с начала 90-х годов заговорили, открыто о судьбе военнопленных, о проблемах военного плена, заговорили и сами бывшие военнопленные. Но до сих пор у бывших советских военнопленных нет лобби, нет никакой инстанции, которая отстаивала бы непосредственно их интересы[2].

Необходимо также учитывать, что на западе Германии историки достаточно интенсивно начали исследовать тему военного плена советских граждан лишь через 30 лет после окончания войны. В первые послевоенные десятилетия не только немецкие солдаты отвергали такие исследования, но и широкая общественность не воспринимала ученых, занимающихся этой проблематикой, обвиняя их в «выносе сора из избы», в разрушении картины «чистого вермахта», а также в подыгрывании коммунистам, что в условиях «холодной войны» могло стоить и рабочего места историку. В общественном сознании бытовало мнение, что офицеры вермахта делали все возможное для того, чтобы облегчить участь советских военнопленных, а вина за смерть миллионов людей лежит на политическом руководстве Германии, на «СС», да и на самом руководстве Красной Армии, которое якобы так плохо кормило своих солдат, что они попадали в плен уже полностью истощенными[3].

Появившиеся в середине 80-х гг. первые публикации о советских военнопленных дали толчок проведению — нередкой по частной инициативе — многочисленных исследований на местах, в первую очередь там, где ранее располагались лагеря или рабочие команды. Результаты этих работ открыли совершенно новое видение прошлых событий в немецкой общественности: оказалось, что даже в мелких деревнях, расположенных в сотнях километров от линии фронта, условия содержания советских военнопленных, пригнанных туда на принудительный труд, были катастрофическими и значительно отличались от условий содержания военнопленных других национальностей. Эти различия продолжали существовать даже после смерти пленных. На так называемых «русских кладбищах», разбросанных по всей территории Германии, с захороненными на них сотнями тысяч советских военнопленных, как например в Зенне, Цайтхайне или Берген-Бельзене, после войны фактически невозможно было найти информацию о конкретных людях, похороненных там[4].

В отличие от этой практики, размещение, питание и принудительные работы немецких военнопленных в СССР в основном не отличалось от военнопленных других национальностей, а главное — по возвращении домой они не подвергались никакой дискриминации, не была табуирована и эта тема в обществе[5]. Скорее даже наоборот: судьба миллионов немецких солдат, находившихся в плену у союзников — а со временем, прежде всего на территории СССР — волновала не только их семьи, но и обладала огромной гуманитарной и политической значимостью. Не было ни одной партии в Германии, которая не требовала бы скорейшего возвращения военнопленных на родину. Их количество в СССР указывалось до 3,6 миллионов человек. До 1950 г. из Советского Союза в Германию возвратилось около 2-х миллионов бывших военнопленных. По официальным данным с российской стороны — и это подтверждается найденными до сих пор архивными документами — в СССР было зарегистрировано только 2,4 миллиона немецких военнопленных[6], из них около 400000 умерло, находясь в плену[7].

Когда Советское правительство 5 мая 1950 г. официально заявило об окончании процесса репатриации немецких военнопленных и в связи с этим сообщило, что теперь в ла-

герях и тюрьмах СССР осталось только 13500 военных преступников, замешательство охватило немецкое общество: куда же пропало еще более одного миллиона военнослужащих[8]?

«Поиском» их и защитой прав осужденных должно было заниматься организованное в западной Германии при Министерстве юстиции так называемое Центральное бюро по правовой защите, основной задачей которого стала защита интересов немецких военнопленных за границей. Но внимание немецкой широкой общественности не ослабевало и в отношении судеб немецких военнопленных, которых советские органы приговорили к различным срокам заключения и лишили статуса военнопленных[9].

И после 1956 г., когда по итогам посещения Федерального Канцлера ФРГ Аденауэра в 1955 г. последние немецкие граждане были репатриированы на родину, судьбы военнопленных, история их плена не потеряла исторического значения.

Уже в 50-е гг. при Министерстве внутренних дел Германии с целью воссоздания истории немецкого плена была образована научная комиссия под руководством профессора Эриха Машке. Комиссией до 1974 г. было издано 22 тома работ, 10 из которых были посвящены непосредственно истории немецких военнопленных в Советском Союзе[10]. Основой этих публикаций служили десятки тысяч воспоминаний бывших военнопленных, анкеты, опросы и другие немецкие документы. Советские источники при написании этих томов не привлекались, т.к. архивы СССР тогда были недоступны для немецких исследователей. Тем не менее, результаты работы этой комиссии на долгие годы оставались фундаментом всех исследовании по этой проблематике[11].

В конце 70-х годов историография по проблематике военного плена пополнилась, были изданы публикации и под разным углом точки зрения: на западе и на востоке Германии, а также в СССР[12].

В этой связи хотелось бы отметить, что вся литература о военном плене в Германии опирались в первую очередь на многочисленные воспоминания бывших военнопленных, и такая ситуация сохраняется ещё и сегодня[13]. К наиболее типичной мемуарной литературе можно отнести книгу Хельмута Гольвитцера опубликованную в 50-годы[14]. Различные организации бывших военнопленных, прежде всего Союз возвратившихся на родину, также опубликовали множество мемуаров или книг, основанных на воспоминаниях[15]. В отношении советских военнопленных, ситуация за неимением таких материалов несколько иная.

Только начиная с 90-х гг., когда для широкой общественности появилась возможность работать в архивах бывшего СССР с ранее недоступными документами, появился шанс как для немецких так и для восточноевропейских и других историков вернуться к продолжению написания истории военного плена на новой основе и самое главное, учитывая разные аспекты и точки зрения с обоих сторон. С этого времени историография этого вопроса требует уже отдельного исследования.

С тех пор появляется все больше литературы, написанной совместно немецкими и восточно-европейскими авторами. В 1995 г. в Доме истории в г. Бонне была организована совместная выставка «Военнопленные». В сборнике статей, сопровождающем эту выставку, российские и немецкие историки как с совместных так и каждый со своих позиций опубликовали своё видение истории войны: пропаганда на фронтах, организация военного плена как такового, судьбы, работа военнопленных, репатриация, политика государств и другие вопросы[16].

Во второй половине 90-х гг. состоялась первая совместная германо-российская конференция по вопросам военного плена, результаты конференции были опубликованы в сборнике статей. В июле 1997 г. состоялась встреча научных сотрудников архивов и историков, на которой также обсуждалась тема советских и немецких военнопленных (1941–1956)[17]. Были рассмотрены вопросы организации лагерей, смертности в лагерях, деятельности групп сопротивления и коллаборационизма. Впервые стало известно, с каким объемом документов по этой теме можно работать.

В августе 1998 г. в институте изучения тоталитаризма им. Ханны Арендт при Техни-

ческом университете г.Дрездена начали проводиться исследования по теме практики советских военных трибуналов в отношении военнослужащих вермахта и гражданского населения Германии. В 2001 г. результаты исследований были опубликованы в обширной монографии[18].

И на постсоветском пространстве[19] в 90-е гг. появилось большое количество непредвзятых публикаций о военнопленных разных национальностей[20]. Условно можно отметить две основные группы исследователей: одна привлекает к работе документы из государственных архивов[21], другая опирается в основном на документы архивов, находящихся в ведомстве Министерства обороны[22]. Дополняя друг друга данные публикации значительно обогащают наши знания богатым фактическим материалом.

В середине 90-х гг. были опубликованы монографии по военному плену отдельных исследователей. По глубине исследований они значительно разняться друг от друга, но отдельно хотелось бы отметить монографии В.Коносова[23], А.Епифанова[24] и С.Сидорова[25]. Результатом новой политики в архивном деле являются и совместные публикации российско-немецких авторов[26].

В российской исторической практике стал проводиться сравнительный анализ плена военнослужащих, граждан (подданных) различных государств. Так с 1-го по 2-е октября 1998 г. состоялась «Международная научно-практическая конференция, посвященная 55-летнему юбилею образования антифашистских организаций военнопленных в СССР». Инициатором конференции выступил Мемориальный музей немецких антифашистов в г.Красногорске при активной поддержке Министерства культуры России. На этой конференции на основе документов и реалий, рассматривались общие моменты и различия нахождения в плену немецких, финских, итальянских, венгерских и японских военнопленных[27]. В эти же годы стали появляться и книги о немецких военнопленных, написанные при использовании архивного материала службы безопасности[28].

К сожалению сегодня можно все ещё констатировать, что в широкой общественности Германии публикации российских, белорусских, украинских и других историков из постсоветских государств фактически не играют никакой роли. Указанная же здесь выборка литературы показывает широкий спектр интересов этих историков и результаты их исследований, которые в случае их доступности немецко-говорящему населению, без сомнения были бы способны повлиять на многие существующие до сих пор в какой-то мере предвзятые точки зрения. Именно совместная разработка белых пятен истории может способствовать преодолению обоюдных стереотипов, укоренившихся со времен «холодной войны».

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ГУМАНИТАРНОГО ПРОЕКТА

Как видно из этого краткого обзора литературы, тема военного плена и по истечении более 60 лет после окончания второй мировой войны остается актуальной не только в узких научных кругах. Она жива в воспоминаниях людей, в общественном сознании, так как все еще многие вопросы не решены, многие судьбы не выяснены.

За пределами бывшего Советского Союза до недавнего времени исследователи могли в основном опираться лишь на воспоминания очевидцев и на документы западных архивов, в которых информации особенно о советских военнопленных крайне мало. Более того, даже нормативные документы советского правительства, не говоря уж о материалах НКВД и других силовых министерств в отношении военнопленных, зачастую были недоступны. В результате этого проделанные работы неизбежно оставались в определенной мере однобокими, неполными. Одновременно с этим и в работе многочисленных мемориальных комплексов в Германии, музеев и выставок настоятельно требовалась дополнительная информация, в том числе и о советских военнопленных или «остарбайтерах».

Поэтому постепенное открытие архивов стран-наследниц бывшего СССР в 90-е гг. воистину ознаменовало новый этап в изучение истории советских и немецких военно-

пленных и интернированных. Открывшиеся таким образом возможности дали огромный толчок исследованиям по этой проблематике. Но важнее, чем постепенное накопление до тех пор неизвестного фактического материала, пожалуй, было последовательное развитие и расширение контактов между архивистами и историками Германии и России.

Этому с немецкой стороны способствовали существенные изменения в общественном восприятии войны и роли вермахта в ней. Преступления вермахта перестали табуироваться и в общественном мнении в Германии возрос интерес к более полному анализу прошлого. Появилось и желание в какой-то мере искупить вину перед невинными жертвами этой войны. Возникли инициативные группы, фонды по вопросам новейшей истории, которые стремились к расширению контактов с российскими учреждениями и исследователями.

Поэтому, предложение России совместно исследовать считавшиеся до тех пор в Германии пропавшими, документы о советских военнопленных — а они хранятся в ЦАМО — нашло сразу же поддержку у немецкой стороны. Многие хотели в начале в одиночку разрабатывать этот указанный массив документов о советских военнопленных. Работа шла изолированно друг от друга и поэтому, в конечном счете, не имела успеха. Лишь объединение усилий всех сторон и политическая поддержка привели к прорыву в этом вопросе.

Осенью 1999 г. состоялось совещание большинства немецких учреждений, организаций, институтов выразивших желание и заинтересованность по изучению проблематики плена бойцов Красной Армии и «остарбайтеров». Бывший Уполномоченный Федерального правительства Германии по вопросам культуры и СМИ (БКМ), а также „Совместная немецко-российская комиссия по изучению новейшей истории германо-российских отношений“ при Федеральном министерстве внутренних дел Германии (БМИ) (с 2000 г.) поддержали инициативу исследования судеб советских военнопленных. Созванная группа специалистов, состоявшая из ученых трех федеральных земель — Саксонии, Нижней Саксонии и Северного Рейна-Вестфалии, должна была дать рекомендации о возможности совместной реализации такого научно-гуманитарного проекта. Весной 2000 г. было принято предложение по реализации «пилотного» проекта по учету судеб военнопленных советских офицеров, чтобы на базе относительно небольшого комплекса документов накопить первый опыт. Расходы на обеспечение данного проекта взяли на себя названные выше федеральные министерства, а также причастные к этому федеральные земли Германии.

Началась интенсивная, систематическая совместная работа. Она прошла так успешно, что с 2002 г. проект был еще раз расширен: приступили к разработке судеб военнопленных рядового и сержантского состава (в общей сложности до 1 миллиона человек), интернированных гражданских лиц, а также немецких военнопленных. К проекту присоединились белорусские партнеры и по предложению Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений[29], проект получил свое сегодняшнее название. В 2004 г. в рамках межправительственных консультаций Германии и Украины было подписано Соглашение между Государственным комитетом архивов Украины и Объединением Саксонские мемориалы о совместном изучении этого вопроса в Украине.

Так как с немецкой стороны деятельность комиссии регулируется МВД Германии, то и проект финансируется этим министерством, а также уполномоченным Федерального правительства по культуре и средствам массовой информации. Общее руководство проектом и координация работ осуществляется Объединением Саксонские мемориалы в память жертвам политического террора. Проект с немецкой стороны пользуется широкой поддержкой на всех уровнях: Министерством культуры, Федеральным архивом, Народным Союзом Германии по уходу за военными могилами, Красным Крестом Германии, различными инициативными группами и военными мемориалами. Но своим развитием он обязан в первую очередь архивным службам России, Беларуси и Украины, а также силовым министерствам этих стран.

Такая широкая политическая, деловая и не в последнюю очередь финансовая поддержка всех причастных сторон дает нам основание с уверенностью смотреть в будущее, зная, что усилия будут увенчаны успехом и проект достигнет свои цели. Главная из них состоит в том, чтобы создать такую базу данных, которая по возможности охватила бы всех бывших военнопленных и интернированных. Обработка и сосредоточение такова массива информации в централизованной и доступной форме имеет огромное гуманитарное и научное значение. На основе создающейся базы данных все больше людей смогут узнать о судьбе своих близких, считавшихся до сих пор без вести пропавшими. А историки получат уникальный материал для проведения углубленных исследований по всем вопросам военного плена.

СУДЬБЫ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

а) Цели и задачи проектных работ

Во время Второй мировой войны не менее 5,2 миллиона военнослужащих Красной Армии оказались в плену у немцев, более половина из них лишились жизни. Из этого общего количества 5,2 миллиона человек около 1,5 миллиона человек были доставлены в лагеря, располагавшиеся на территории рейха и в них до конца войны погибло более 370000 человек. Причины смертности были различными, но к основным можно отнести голод, строгий режим содержания, тяжелую физическую работу, а также целенаправленное уничтожение отдельных групп военнопленных.

После 1945 г. многие умершие на территории Германии советские граждане считались на родине пропавшими без вести. Многие были убеждены, что выяснить их судьбу не является возможным из-за отсутствия каких-либо документов. Сегодня, когда многие архивные фонды сняты с секретного хранения и сотрудничество по реализации нашего проекта развивается успешно, стало известно, что документы, могущие пролить свет на судьбы этих военнопленных, существуют и к тому же они весьма многочисленны.

К основным в этом вопросе можно отнести документы бывшего ВАСта (Справочная служба вермахта, сегодня носит название Германская служба), в котором отложилось множество регистрационных карточек на советских военнопленных с 1941 по 1945 гг. Данные о каждом советском военнопленном на территории рейха, где бы он не находился — на работах, в госпитале или переводился в другой лагерь — заносились на специальные карточки и сопровождали его повсюду. В случае смерти пленного они отсылались в ВАСт.

В 1943 г., когда налеты авиации союзников на Берлин усилились, документы ВАСт перевезли в г. Майнинген (Тюрингия), где они попали в руки американцев. Отобранные документы в отношении граждан СССР были переданы представителям Красной Армии и после этого следы их, для общественности, были потеряны. Ныне они благодаря открытию архивов опять стали доступны для исследователей. Именно поиск и электронная обработка этих документов и является основной задачей проекта «Советские военнопленные». Мы стремимся привлечь к работе по возможности все документы, которые так или иначе могут пролить свет на судьбу человека: документы финансового характера в Германии, отчеты строительных фирм, но также и документы фильтрационных лагерей.

Основные виды этих документов сводятся к следующим:

- **Персональная карточка 1** — она содержит следующую информацию: Фамилия, имя, отчество, год рождения, место рождения, адрес родственников для переписки, время и место пленения, перевод из лагеря в лагерь, болезни, время смерти и часто место захоронения. Нередко имеется на карточки фотография.
- **Персональная карточка 2** — на ней подробно указаны места работы и зарплата.
- **Зеленая учетная карточка** — на ней зафиксировалось каждое перемещение из лагеря в лагерь для сообщения в ВАСт.

- **карточка госпиталя** — на ней указано место госпиталя, в котором находился пленный, и история его болезни. В случае смерти сюда заносились причина смерти и место захоронения.
- **Извещение о смерти и карточка захоронения** — на них указаны место, где человек умер, причина смерти, кладбище и месторасположение могилы.

Перечисленные здесь документы должны были заполняться на каждого военнопленного, но практика показала, что это делалось не всегда и что нередко бланки были заполнены не в полном объеме.

В качестве дополнительных источников используются отчеты военных округов, в ведении которых находились те или иные лагеря, а также регистрационные документы самого лагеря. В них, помимо персональных данных о военнопленном, указывалось время поступления в лагерь или перевод, а в случае смерти — причина и дата смерти, место и дата захоронения.

Все документы из личного дела советского военнопленного советскими органами для дальнейшего контроля в 1945 г. были расформированы. С тех пор они хранятся в различных архивах на всем постсоветском пространстве. В ВАСт частично сохранились отчеты руководства военных округов вермахта о смерти военнопленных.

Проект призван решать две основные задачи — гуманитарную и научную.

Гуманитарная: выяснить в широком масштабе судьбы попавших в немецкий плен и умерших в плену военнослужащих Красной Армии, сообщить об этом их родственникам с точным указанием кладбища, где данный человек нашел последний покой. Для достижения этой цели мы тесно сотрудничаем с территориальными органами бывшего СССР.

Научная: более подробно проанализировать основы и практику военного плена с систематическим привлечением как можно большего количества архивных документов, исследовать историю существования лагерей, закономерности и характерные особенности режимных объектов по годам, регионам и т.д.

В этой связи можно выделить следующий круг центральных вопросов:

- Попытаться путем выяснения судеб отдельных людей приблизиться к установлению более точного количества попавших в плен в целом, умерших в плену (причин смерти по месяцам и по годам), количества целенаправленно уничтоженных советских военнопленных, в частности переданных в гестапо.
- Уточнить количество лагерей и мест их расположения.
- Проанализировать отрасли экономики, в которых привлекали военнопленных на работы, а также число занятых в них человек.
- Эмпирически проследить пути военнопленного.
- Исследовать существующие в лагерях группы сопротивления и проблемы коллаборации.
- Проанализировать практическое претворение в жизнь приказов в отношении военнопленных.

С самого начала работы над проектом и по сей день проводится систематический поиск документов о военном плене, а также их систематизация и электронная документация, что значительно облегчит работу исследователям в будущем.

В областных архивах бывшего КГБ находятся на хранении сотни тысяч документов фильтрационных лагерей, в том числе приложенных к ним Персональных карточек 1, зеленых учетных карточек, госпитальных карточек и другие трофейные документы.

В них также хранятся документы людей, чьи судьбы после войны так и не были установлены. Может быть, они просто не вернулись к себе на родину, может быть, были переданы гестапо и уничтожены. Мы стремимся в нашем проекте охватить и этот круг документов, так как они касаются судеб сотен тысяч людей.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), РГВА и Федеральный архив/Военный архив в г.Фрайбурге имеют в своих фондах тоже многочисленные документы о военном плене как общего характера, так и с информацией о конкретных лю-

дях. Анализ документов, собранных в мемориальных комплексах в Германии, показал и их уникальный характер. Поэтому и их необходимо привлекать к работе над проектом.

Уже это выборочное перечисление мест хранения документов показывает объективные трудности проекта, дает некоторое представление о том, что сроки его реализации достаточно обширны.

В 2002 г. Объединением Саксонские мемориалы были подписаны двусторонние соглашения с партнерами в России и Белоруссии. Если на начальном этапе проекта обработке подлежали документы «только» на 56000 человек, то сейчас перед участниками проекта гораздо более обширные задачи:

- По актуальной информации, только из архивов Российской Федерации предстоит занести информацию в базу данных с 900000 карточек;
- в архивах Республики Беларусь находится информация на не менее 20000 человек. Информация на 6.500 человек уже занесена в базу данных;
- по данным украинской стороны, в архивах Украины находятся карточки на более чем 100000 бывших советских военнопленных. На конец 2006 года охвачены и занесены в базу данных 8.000 человек;
- кроме того, следует учитывать ещё западноевропейские и немецкие архивы[30];
- идет подготовка и выпуск описей различных архивов по проблематике военного плена[31].

б) Методы работы над проектом

За последние семь лет работы над проектом был накоплен немалый опыт. Систематически усовершенствовались методы поиска, сбора и документации найденной информации. Первым шагом был тщательный анализ данных, извлекаемых из найденных документов. Все сотрудники, работающие над проектом, проходят специальный инструктаж в отношении понимания этих данных. Благодаря этому результаты работы в разных архивах становятся сопоставимыми, эффективно дополняют друг друга и главное — подходят для интеграции в общую базу данных.

На основе анализа имеющейся информации была разработана электронная база данных. Решающую роль в этом направлении играло плодотворное сотрудничество с Электронным архивом Российской Федерации, в результате которого удалось во много крат повысить скорость обработки данных по сравнению с первым пилотным проектом. А объем работы огромен. На каждого военнопленного информация, содержащаяся на обнаруженных по нему карточках (иногда это одна карточка, чаще всего несколько), должна заноситься в компьютерную базу данных вместе со сканированными образами этих карточек. Дополнительная сложность состоит в том, что оригинальные немецкие карточки после войны были переведены на русский язык. Но эти русские записи на карточках тогда делались, видимо, довольно поспешно, а может быть и люди, которые этим занимались, недостаточно хорошо владели немецким языком. Вследствие эти записи нередко ошибочны. Поэтому сотрудники, которые теперь заносят эту информацию в базу данных, должны в каждом случае проверить, правильно ли написание имен, городов, воинских званий и т.д. На сегодняшний день над этим работают люди, прекрасно знающие свое дело и способные эффективно исправлять возможные ошибки. Таким образом, база данных в год пополняется информацией на примерно 120000 человек.

Раз в год эти данные на электронных носителях передаются немецкой стороне. В Объединении Саксонские мемориалы в г.Дрездене создан единый центральный банк данных. Сюда же добавляется информация из списков умерших военнопленных и кладбищенских списков, составленных уже после войны в Германии и хранящихся в немецких архивах. На основе всех этих источников и реализуется научная работа, даются справки по запросам заинтересованных лиц.

в) Результаты работы над проектом

В рамках начальной фазы проекта под названием «Советские военнопленные офицеры» было охвачено почти 56000 человек, умерших в немецком плену, сканировано около 100000 документов (в основном учетных карточек ВАСт), что составило около

180000 сканированных листов. Одновременно проводилась работа по анализу документов по этой проблематике в архивах России и Германии. В результате в 2002 г. была опубликована Книга Памяти Хаммельбург с предисловием Бундесканцлера Герхарда Шрёдера, посвященная более 700 советским офицерам, умершим в этом лагере для военнопленных офицеров (Офлаг) в Баварии.

После войны было широко распространено мнение, что умершие в плену военнослужащие Красной Армии были захоронены без какой-либо регистрации, в анонимных братских могилах. Работы по проекту доказали, что военнопленные в лагерях на территории рейха были подвержены самому подробному учету, который в случае их смерти подразумевал указание места, времени и точного расположения могилы на кладбище. В большинстве случаев эти данные сегодня можно восстановить. Так, например, на основе архивных документов удалось по истечении 60-ти лет после окончания войны реконструировать кладбище Шталага Зенне, хотя большинство могил давно заросло травой[32]. Например, из 253 человек, похороненных в одном из рядов этого кладбища, удалось установить имена 237 человек. На кладбище Берген-Бельзен, где похоронено более 20000 советских военнопленных, удалось установить до настоящего времени имена почти 7000 человек. Также удалось установить и большинство имен военнопленных советских офицеров похороненных на кладбище Хаммельбург[33]. В отношении лагеря Нойхаммер, в архиве г.Подольска находится на хранении полная книга регистрации всех умерших в этом лагере[34].

В настоящее время подходит к концу работа над книгой памяти и с указанием кладбищ по федеральной земле Саксония (Германия), где похоронены граждане бывшего СССР. Благодаря проведенной в рамках проекта работе, установлены имена 17.606 человек, похороненных в Саксонии (похороненные на кладбищах крупного лагеря для советских военнопленных, расположившегося в г.Цайтхайне под Ризой учитываются отдельно), в то время как до недавнего времени известны были лишь имена около 5000 человек.

Другой проблемой являлось то, что в полученных сообщениях о смерти как в отношении советских военнопленных, так и немецких, вплоть до недавнего времени, не указывалось место захоронения. Обращения огромного количества людей с дополнительной просьбой сообщить им об этом, долгое время оставались без положительного ответа. Основной причиной такого положения, скорее всего, было нежелание правительства СССР допустить к выезду его граждан за границу, даже на возложение венков на могилу, а также нежелание сообщить места массовых захоронений немецких военнопленных. Лишь с начала 90-х гг. благодаря поддержке правительств и проведенной обширной работе сотрудников архивов России, Белоруссии и Украины стало возможным во многих случаях удовлетворить такие просьбы. Работа в этом направлении идет, и будет продолжаться в будущем.

Таким образом, сопоставление и дополнение кладбищенских списков, отдельных сообщений и некоторых других документов из советских архивов с кладбищенскими списками, составленными в Германии сразу после войны, дают ощутимые результаты. Сведенные в общую базу данных, они дают возможность более точно устанавливать имена похороненных.

Хочется ещё раз подчеркнуть, что выяснение индивидуальных судеб людей является основой проекта. К нам, в частности, нередко обращаются администрации российских, белорусских и украинских городов[35] с просьбой, предоставить им списки уроженцев этих городов, погибших в плену на территории Германии, которые до недавнего времени считались без вести пропавшими. Списки, составленные на основе собранной в рамках проекта базы данных, в этих городах широко публикуются в газетах, передаются по радио, ходят из рук в руки. На это откликаются семьи бывших военнопленных. На основе полученных теперь уже от администрации этих городов списков родственников мы готовим качественные копии имеющихся личных документов, которые затем в соответствующей обстановке вручаются семьям умерших как последняя, хоть и трагическая па-

мять о любимом человеке. Такие события до сих пор имеют огромный резонанс, глубоко западают в душу.

Большой значимостью обладают и научные результаты проведенной работы:

- усовершенствовалась карта лагерей бывших советских военнопленных на территории Германии
- идет работа над составлением карты немецких лагерей на оккупированных территориях
- обогащаются знания о политике германского руководства в отношении военнопленных и ее претворения в жизнь
- в частности конкретизируется картина функционирования этих лагерей
- пополняются и знания о трудовом использовании военнопленных и многих других аспектах их трагической судьбы.

Богатый фактический материал, обнаруживаемый в ходе работы над проектом, эффективно дополняет уже имеющийся и во многих случаях позволяет доказать то, что до сих пор за неимением данных оставалось лишь научной гипотезой.

Так, например, выяснить количество военнопленных, доставленных в лагеря на территории рейха, сегодня уже представляется вполне реально разрешимой задачей.

Большинство сообщений о движении военнопленных, отправленных раз в месяц в центральный аппарат для учета, уже собрано и доступно исследователям. Мы можем выяснить не только «наполняемость» отдельных лагерей по месяцам и годам, но и утверждать, что на территорию рейха было доставлено почти 1,5 миллионов военнопленных. Сегодня также известно, сколько из них вернулось домой. Наша задача теперь состоит в том, чтобы выяснить имена всех тех, кто остался навеки лежать в чужой земле.

Значительно сложнее установить сегодня количество военнопленных, содержавшихся в лагерях на оккупированных территориях. В отношении их немецкими и советскими/российскими историками не только указано разное количество, но и задействованы разные методы подсчета. Российские историки, как правило, обозначают среднее количество в 4,6 миллиона военнопленных, из которых 1,9 миллиона умерло, и 6,8 миллиона погибших в боях, а также 5миллионов пропавших без вести (возможно тоже попавших в плен), из которых погибло 2,3 миллиона. Согласно одним немецким данным, умерло около 2,53 миллиона человек из общего количества 5,16 миллионов попавших в плен красноармейцев[36], по другим — 3,3 миллиона из 5,7 миллионов[37]. По недавно проведенным подсчётам по документам Бундесархива/Военный архив, до февраля 1945 г. в плен попало 5245882 военнослужащих Красной Армии[38].

Но выяснить общее количество — это только часть проблемы, ведь военнопленные не были «однородной массой»[39]. Согласно одним данным в плен попало 32603 офицера. Согласно другой статистике в лагерях рейха уже к октябрю 1942 г. находилось более 53000 советских офицеров. Возникает вопрос, а как определяли офицеров, если на них не было офицерской формы, а документы они тоже выбросили? Нередко это происходило от того, что в начале войны было широко распространено мнение, что немцы расстреливают офицеров, так как их автоматически причисляли к коммунистическим кадрам. В лагерях VIA Хемер и VIK Зенне уже позже, после дополнительных допросов и по настоянию самих военнопленных в карточках регистрации была сделана запись — офицер. Происходило это в связи с тем, что с марта 1942 г. среди военнопленных стали распространяться слухи, что жизнь в офицерских лагерях легче и лучше, а значит, шансы выжить возрастали.

Следует обратить внимание на еще одну проблему при определении количества военнопленных: на разницу между общим количеством взятых в плен и числом тех, кто прошел хотя бы поверхностную регистрацию в одном из сборных лагерей. По времени между взятием в плен и доставкой в такой лагерь ведь могли проходить не только дни, но и недели, в отдельных случаях месяцы. Умершие или убитые на этом пути военнопленные, как правило, не были охвачены никакой статистикой. Даже списки военнопленных, составленные в Дулагах (т.е. прифронтовых пересыльных лагерях) на оккупи-

рованных территориях не были известны в Берлине и указанные в них военнопленные не проходили по отчетам.

О том, что качество учета военнопленных на оккупированных территориях оставляет желать лучшего, свидетельствует и документ Верховного командования вермахта (OKW)[40] от 1 мая 1944 г., в котором помимо прочего указано, что с 22 июня 1941 в ведении OKW должно было прибыть 3,117 миллиона военнопленных, на самом деле же прибыло лишь 2,836 миллиона. Причина для такой разницы чисел кроется в побегах, смертных случаях во время этапирования, неточных первоначальных подсчётах и т.п. Тем не менее, OKB возмутилось, как это могли «затеряться» 300000 (!) человек[41]. Но здесь следует ещё раз подчеркнуть, что такая разница при подсчете общего количества военнопленных наблюдалась, прежде всего, на оккупированных территориях, а не в отношении лагерей на территории рейха[42]. Поэтому необходимые для выяснения этих случаев источники, скорее всего, хранятся в российских, белорусских, украинских архивах.

Но в бывших архивах СССР находятся не только такого вида документы, но и немецкие документы управления лагерей, групп «СД», переписка частей Вермахта и другие, попавшие в руки Красной Армии при поспешном отступлении частей Вермахта. Для того, чтобы убедиться, с какой точностью велась статистика в лагерях, достаточно просмотреть некоторые сохранившиеся в Германии документы из Бундесархива[43].

Стремления определить точное количество военнопленных с обоих сторон и количество погибших среди них вызвано отнюдь не только академическим интересом[44]. Этот вопрос всегда имел существенное политическое значение и сопровождался сильным эмоциональным фоном. Ответ на него разделял людей: кто назвал малое количество жертв считался сторонником прошлого, умаляющего преступления нацизма, а кто назвал высокие числа — несерьезным исследователем, играющем на горе жертв во имя своих политических интересов. Именно поэтому мы считаем, что достоверные факты, подтверждающие реальное количество жертв, способствуют разряжению обстановки и взаимопониманию между нашими народами. Не в последнюю очередь и для существующих мемориальных комплексов и кладбищ как в Германии, так и в странах Восточной Европы этот вопрос остается глубоко актуальным для того, чтобы усовершенствовать эти мемориалы, освободить их от пережитков былого идеологического влияния и сделать их воистину местом человеческой памяти.

СУДЬБЫ НЕМЕЦКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

а) Цели и задачи проектных работ

Ещё до начала проекта по установлению судеб советских военнопленных и плена как такового в 2000 г., изучение истории немецкого плена было составной частью исследований Совместной комиссии[45].

Но с 2001 г. Объединению Саксонские мемориалы было поручено более интенсивно провести подготовительную работу по этой теме и выяснить дополнительные возможности углубления проводимых исследований, в том числе и при поддержке Германского Красного Креста, уполномоченного Федеральным правительством Германии выяснить судьбы немецких граждан.

Благодаря поддержке архивного руководства России, Белоруссии и Украины была получена информация о количественном и качественном составе документов, находящихся на хранении в архивах этих государств[46]. Стало ясно, что материала и по этой группе лиц очень много и потребуется много времени и усилий для обработки этого материала в гуманитарных и научных целях. Поскольку речь шла о документах, ранее находящихся на секретном хранении, необходимо было заручиться поддержкой правительств всех причастных государств, так как и в этой части проекта, работа возможна только в тесной кооперации всех партнеров.

В гуманитарном плане настала пора признать, что семьи бывших немецких военно-

пленных, невзирая на преступления, нередко совершенные последними, все же имеют человеческое право на память о своих родных. Речь не идет о реабилитации этих солдат, а о памяти общечеловеческого характера, о памяти детей об отце. Множество немецких семей, чьи отцы и деды до недавнего времени считались без вести пропавшими в бывшем Советском Союзе, с огромной благодарностью узнают о том, когда и по возможности при каких обстоятельствах их родственник умер и где находится его могила. И это опять-таки имеет не только личностный, но и политический диапазон, растет взаимопонимание, преодолеваются противостояния.

В научном плане мы стремимся не проводить какие-либо параллели, а именно сравнивать политику государств в отношении военнопленных[47]:

- в отношении отдельных групп пленных, например, преступный характер так называемого «приказа о комиссарах»
- в отношении содержания пленных в лагерях на разных этапах войны и послевоенного периода
- в отношении трудового использования пленных и т.д.

б) Методы работы над проектом

В настоящее время в российских архивах проводится работа по составлению базы данных на немецких военнопленных, одновременно проходит сканирование документов и их «привязывание» к персональным данным.

На базе этих материалов в последующем запланировано:

- подготовить справочники по местам расположения лагерей и рабочих батальонов
- провести полномасштабное исследование истории одного лагеря, характерного для многих, например Воркутлага для лагерей осужденных, и другого для «обычных» военнопленных
- выяснить, была ли разница в содержании военнопленных по разным республикам бывшего СССР
- проследить историю забастовок в лагерях
- опубликовать сборники документов и т.д.

в) Результаты работы над проектом

Важнейшим результатом первого этапа работы над этой частью проекта является достижение соглашений о поиске документов в ряде архивов на территории бывшего СССР. За это немецкая стороны исключительно благодарна политическому и архивному руководству Российской Федерации, а также Беларуси и Украины. База данных на сегодняшний день охватывает уже более 800000 немецких военнопленных, на которых составлены соответствующие записи и сканированы документы на этих лиц. Полученная информация в Германии помогла уже тысячам семей узнать судьбу до сих пор считавшегося без вести пропавшим родственника. Особо люди ценят знание о месте захоронения, ибо память их теперь перестала быть абстрактной, все большее число немцев изъявляет желание самим увидеть это место. Люди, которые в жизни не думали поехать в Россию, теперь пытаются ближе познакомиться с той страной, в чьей земле их родственник нашел свой последний покой. Думается, что и этой в определенной мере способствует взаимопониманию между нашими народами.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАБОТЫ НАД ПРОЕКТОМ

Обе части проекта «Советские и немецкие военнопленные и интернированные. Изучение вопросов истории Второй мировой войны и послевоенного периода» связаны между собой значительно теснее, чем это может представляться на первый взгляд. Дело в том, что многие солдаты Вермахта за преступления против советских военнопленных предстали перед Советскими военными трибуналами. Этому предшествовали многочис-

ленные допросы, в протоколах которых зафиксированы зачастую подробные показания в отношении военного плена и функционирования лагерей для советских военнопленных и многое другое. Таким образом, из этих документов мы можем почерпать ценные дополнительные показания очевидцев тех давних событий. Но и сами процессы проливают свет на судьбу допрашиваемых. Остаётся только надеется, что количество приобщенных к работе в рамках проекта протоколов допросов и сопутствующего им материала будет возрастать и это позволит дополнить наши знания и о практике Военных трибуналов[48].

Мы надеемся, что совместная работа над проектом поможет и широкой общественности наших стран ближе и глубже узнать отношение друг друга к этой проблематике. Именно поэтому мы стремимся издавать публикации как минимум на русском и на немецком языках и использовать средства массовой информации для того, чтобы в общественном сознании осталась живой память об этой трагической странице истории — о военном плене.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Примером может послужить информационная брошюра о шталаге304, выпущенная в свое время райкомом СЕПГ г.Ризы: *Zeithain E.* Den Toten zum Gedenken, den Lebenden zur Mahnung. Großenhain, 1985. Похожие публикации выходили в свет и в Западной Германии. О шталаге 326, например, рабочей группой «Цветы для Штукенброк» было опубликовано: Arbeitskreis Blumen für Stukenbrock (Hg.), Protokoll Stukenbrock. Porta Westfalica 1981. Несмотря на то, что эти публикации имели в основном региональное значение, они все же давали определенный импульс дальнейшим исследованиям по проблематике советских военнопленных.
2. *Müller K.D.* Die Tragödie der Gefangenschaft. S. 335–364; *Goeken U.* Von der Kooperation zur Konfrontation. Die sowjetischen Repatriierungsoffiziere in den westlichen Besatzungszonen // *Müller.* Op. cit. *Poljan P.* Deportiert nach Hause, Sowjetische Kriegsgefangene im „Dritten Reich“ und ihre Repatriierung. München; Wien, 2001.
3. Ср. *Wette W.* Wehrmacht Die. Feindbilder, Vernichtungskrieg, Legenden. Darmstadt, 2002.
4. О состоянии исследований и историографии до открытия архивов на постсоветском пространстве см. *Osterloh J.* Ein ganz normales Lager. Das Kriegsgefangenen-Mannschaftsstammlager 304 (IV H) Zeithain bei Riesa 1941–1945. Leipzig, 1997.
5. Сказанное ниже относится в основном к Западным Зонам Германии/ФРГ до 1990 г.
6. Приводятся очень разные числа как в отношении советских военнопленных, так и немецких. Точное количество взятых в плен возможно было узнать только после хотя бы формальной регистрации, но сообщения о взятых в плен были написаны часто по очень поверхностным подсчетам, что и привело к такой разнице сегодня. К этому необходимо добавить, что и во время марша и во время этапирования умирало большое количество военнопленных, которые не прошли никакой регистрации.
7. По данным Российского государственного военного архива (РГВА) у них на хранении находятся 1,2 миллиона дел на 1,2 миллиона выживших военнопленных (среди них 32000 приговоренных), на 325000 умерших военнопленных, а также на 110000 умерших в неволе и 190000 вернувшихся на родину немецких гражданских лиц.
8. Служба розыска Германского Красного Креста в 1956 г. опубликовала брошюру о судьбе немецких военнопленных в СССР: *Kurt W.* Böhme, Zur Geschichte der Kriegsgefangenen im Osten. Teil 1: Vom Ort der Gefangennahme ins Kriegsgefangenenlager. Bielefeld, 1956. После репатриации последних немецких военнопленных из СССР в 1956 г., Служба розыска Германского Красного Креста продолжала исходить из того, что судьба 1,3 миллионов человек все ещё продолжала оставалась невыясненной.
9. *Reinhart M.* Die Kriegsverbrecherprozesse gegen deutsche Gefangene in der Sowjetunion. Hamburg, 1950.
10. См., например, *Kurt B.* Deutsche in Straflagern und Gefdngnissen der Sowjetunion (= Zur

Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen im Zweiten Weltkrieg. B. V). München, 1965; *Kurt W*. Böhme, Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. Eine Bilanz (= Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen im Zweiten Weltkrieg. B. VII). München, 1967.

11. По послевоенной политике Германии и работе комиссии Машке см. *Manfred Z.* Die Dokumentationstätigkeit deutscher Stellen und die Entwicklung des Forschungsstands zu den Verurteilungen deutscher Kriegsgefangener in der UdSSR in den Nachkriegsjahren // Andreas Hilge /Ute Schmidt/Günther Wagenlehner (Hrsg.), Sowjetische Militärtribunale. B. 1: Die Verurteilung deutscher Kriegsgefangener 1941–1953“, Köln-Weimar, S. 25–69.
12. *Will B.* Heimat Parole. Deutsche Kriegsgefangene in Ost und West. Bayreuth, 1979; *Blank A.* Die deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR. Köln, 1979. Александер Бланк во время войны служил офицером в органах НКВД и работал переводчиком у генерал-фельдмаршала Паулюса. После войны он преподавал в советском университете и опубликовал несколько работ о немецких военнопленных, которые позже были переведены на немецкий язык и в 1979 г. опубликованы в Германии.
13. В списке литературы и источников в работе *Andreas H.* Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion 1941–1956. Kriegsgefangenenpolitik, Lageralltag und Erinnerung. Essen, 2000 указано почти 300 не опубликованных воспоминаний вернувшихся домой немцев.
14. *Helmut G.* ...Und führen, wohin du nicht willst. Bericht einer Gefangenschaft, hier Frankfurt 1954. Значимость темы «Военный плен» для Германии подчеркивалось еще и тем, что вступление к этой книге было написано Президентом Федеративной республики Германии Теодором Хойсом.
15. См. например: Zeugnisse einer Gefangenschaft, hrsg. vom Verband der Heimkehrer. Bad Godesberg, 1962.
16. Kriegsgefangene — Voennoplennye. Sowjetische Kriegsgefangene in Deutschland — Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. Begleitbuch zur Ausstellung, hrsg. von der Stiftung Haus der Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. Düsseldorf, 1995.
17. *Müller K.-P.* Tragödie der Gefangenschaft in Deutschland und in der Sowjetunion 1941–1945. Köln-Weimar, 1998.
18. Результаты были опубликованы в двух томах. *Hilger Andreas/Ute Schmidt/Günther Wagenlehner* (Hg.), Sowjetische Militdrtribunale Band 1: Die Verurteilung deutscher Kriegsgefangener 1941–1945, Köln-Weimar, 2001, и *Andreas Hilger/Mike Schmeitzner/Ute Schmidt* (Hrsg), Sowjetische Militärtribunale Band 2: Die Verurteilung deutscher Zivilisten 1945–1955. Köln-Weimar, 2003.
19. По историографии военного плена в Украине см. *Чайковский А*. Плен. За свои и чужие грехи. Военнопленные и интернированные в Украине 1939–1953 гг. Киев, 2005.
20. В отношении не немецких военнопленных см. *Катасонова Е.Л.* Японские военнопленные в СССР. Большая игра великих держав. М., 2003.
21. Военнопленные в СССР 1939–1956 гг. Документы и материалы / Под ред. Загорулько М. М., 2000.
22. Иностранные военнопленные второй мировой войны в СССР. Т. 13 / Под ред. Золотарева В.А. М., 1996; Немецкие военнопленные в СССР 1941–1955. Т. 13/2: Сборник документов; Т. 13/3: Сборник документов и материалов / Под ред. Золотарева В.А. М., 1999 и 2002.
23. *Конасов В.Б.* Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. Вологда, 1996.
24. *Епифанов А.Е.* Сталинградский плен 1942–1956 годы (немецкие военнопленные в СССР). Книга вторая. М., 1999.
25. *Сидоров С. Г.* Труд военнопленных в СССР 1939–1956 гг. Волгоград, 2001.
26. См. например: *Epifanow A., Hein M.* Die Tragödie der deutschen Kriegsgefangenen in Stalingrad von 1942 bis 1956. Osnabrück, 1996; *Epifanow A., Erwin P.* Stalins Kriegsgefangene. Ihr Schicksal in Erinnerungen und nach russischen Archiven. Graz, 1997.
27. Трагедия войны — трагедия плена: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. М., 1999.

28. *Марковчин В.* Фельдмаршал Паулюс: от Гитлера к Сталину. М., 2000.
29. Часть проекта «Советские военнопленные» разрабатывается под руководством Объединения Саксонские мемориалы (Центр документации) при кооперации с Народным Союзом Германии по уходу за военными могилами и Саксонским Государственным архивом г. Дрезден и при поддержке Бундесархива. Часть проекта „Немецкие военнопленные и интернированные“ реализуется под руководством Объединения Саксонские мемориалы (Центр документации) при кооперации с Народным Союзом Германии по уходу за военными могилами, Германским Красным Крестом-Служба розыска и при поддержке Бундесархива.
30. Например документы из Федерального архива/Военный архив, центральные фонды армии тыла, так называемые фонды Z и ITS. Фонды Z содержат обширную информацию о лагерях на оккупированной территории СССР, другой фонд содержит информацию о работе военнопленных.
31. В рамках проекта опубликованы следующие книги: Книга памяти умерших советских военнопленных. Кладбище Хаммельбур г. Бавария. Издатель: Народный Союз Германии по уходу за военными могилами. Кассель 2002. (на нем. и рус. яз.); Документы по истории Великой Отечественной войны в государственных архивах Республики Беларусь. Дрезден, Минск, Грац 2003 (на нем. и рус. яз.); Во имя живых. Помнить о погибших. Совместный интернациональный проект по выяснению судеб советских и немецких военнопленных и интернированных. Дрезден, 2003 (на нем. и рус. яз.). Лагеря советских военнопленных в Беларуси. Справочник. (Гл. ред. Адамушко В.И.). Минск, 2004.
32. *Reinhard Otto.* Die Rekonstruktion von Gefangenenfriedhöfen am Beispiel des Lagerfriedhofes des Stalag 326 (VIK) Senne in Ostwestfalen, in: Für die Lebenden — Der Toten gedenken. Dresden, 2003. S. 104–118.
33. См.: Gedenkbuch verstorbener sowjetischer Kriegsgefangener. Friedhof Hammelburg Bayern. Kassel, 2002.
34. ЦАМО, отд. 9, А 33948, д.1–4.
35. Например, Тверь, Курск, Киев, Могилев, Витебск.
36. *Streim A.* Die Behandlung der sowjetischen Kriegsgefangenen im Fall Barbarossa, Heidelberg-Karlsruhe, 1981. S. 244–248.
37. Штрайт. Никаких товарищей. С. 245–249. Его подсчеты переняло сегодня большинство исследователей.
38. Бундесархив, BA MA RH 2/2623, Bl. 393.
39. Здесь уместно спросить, а были ли все военнопленные военнослужащими Красной Армии? В 1943–1944 гг. при борьбе с партизанами в Белоруссии Вермахт забирал в плен часто все мужское население деревень, вплоть до 16-ти летних юношей. На карточках тогда на против графы — воинское звание — стояло «гражданский». Позже многие из них были из лагерей переданы на биржи труда. Белорусска Эмилия Александровна Ермолинская попала в плен 26.12.1943 г. под Любаны. Воинское звание — студент. После пребывания в госпитале и после лагерей в гг. Ковно и Рига она была доставлена 24.4.1944 г. в Шталаг I B Хохенштайн/Восточная Пруссия. 14.7.1944 г. её из лагеря передали на биржу труда в Цихенау и она получила статус «восточный рабочий». С ней вместе в «плен» попал и её сын, родившийся в 1943 г. Архив КГБ г. Минск, 1768/1/55–56, image-file 10002101 — 2106.
40. Необходимо проводить различие между Верховным командованием Вермахта (OKW) и Верховным командованием сухопутных войск (OKH). OKH отвечало за военнопленных непосредственно в местах боевых операций, OKW — на территории Рейха, Норвегии, Украины и других территориях.
41. BA MA, RH 2/2623, Bl. 22.
42. Сравни попытки произвести точный подсчет статистику лагерей в военном округе VI Мюнстер, ГАРФ, Ф. 7021. Оп.105. Д.7.
43. Например каждодневный подсчёт комендантской службы тыла 550; BA MA, RH 23/42.

44. Количество жертв по отдельным лагерям на территории Рейха: лагерь Цайтхайн, недалеко от Дрездена, работа в 1946 г. советской комиссии установила, что возможное количество жертв в этом лагере 140000 человек (по документам ЦАМО количество умерших не более 30000 человек), лагерь Берген-Бельзен, считалось умерших в нем советских военнопленных 50000 человек, по документам ЦАМО — 20000, лагерь Зенне — 65000 жертв, на основании документов 15000 умерших).
45. Прошедшие в 1997 и 1998 гг. конференции в институте им. Ханны Арендт были организованы при поддержке Совместной комиссии.
46. Информация об уже обработанных фондах была предоставлена отдельно.
47. Советские и немецкие военнопленные в годы Второй мировой войны. Дрезден-Минск, 2004.
48. Подготовительная работа к проведению Минского процесса над нацистскими преступниками в 1946 г. позволила получить важнейший материал о лагере Озаричи и об отношении командования группы войск к советским военнопленным. Генерал Рихерт: «Я имел очень большие задания... вопросы же лагеря были третьестепенными, и я ими не интересовался». В: Заложники вермахта (Озаричи — лагерь смерти). Документы и материалы / Сост. Кнатько Г.Д. и др. Минск: НАРБ, 1999. С. 188 (на нем. и рус. яз.). Профессор Ганноверского университета Ханс-Хайнрих Нольте на базе ставших доступными документов пишет: „Эти преступления во многом соответствуют характеру германской войны против СССР вообще, и в частности, в рамках её последней фазы...» *Nolte H-H.* С. 279.

A.KHARITONOV, K.-D. MULLER

SOVIET AND GERMAN PRISONERS OF WAR AND THE INTERNED. STUDING OF HISTORY OF THE SECOND WORLD WAR AND THE POST-WAR PERIOD

The work represents the review of research and its modern condition on the problem: Soviet, German prisoners of war and the interned. The article marks the results and prospects on the further studying of the problem under consideration. The author also designates the purpose and the primary goals of humanitarian projects which have been realized by the Russian and German experts of scientific. Theses are «Destinies of Soviet War Prisoners», «Destinies of German War Prisoners».

Л.С. ВЕРАХИНА (Челябинск)

ИЗУЧЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Христианская демократия возникла в Западной Европе. Существуют разные мнения о времени ее зарождения. Одни исследователи связывали возникновение понятия «христианская демократия» с Французской революцией, когда некоторые католики попытались соединить христианские идеи с революционной практикой[1]. Другие видели зачатки христианской демократии в трудах аббата Фелисите Робера де Ламменне, одного из родоначальников христианского социализма. Третьи считали точкой отсчета революцию 1848 года, которая стала следствием острых противоречий индустриальной эпохи и потребовала христианского ответа на волнующие общество проблемы[2].

Первые политические объединения христианских демократов были образованы около 1830 г. в Бельгии, Франции и Ирландии; в Германии возникли после 1848 г.; в Италии появились в конце XIX в. Расцвет христианской демократии пришелся на послевоенное время, когда она заняла сильные позиции в ФРГ, Италии, Бельгии, Нидерландах, Австрии, распространилась в Латинской Америке. В России христианская демократия получила некоторое развитие в начале XX в. на основе неправославных христианских конфессий. В результате революции и утверждения Советского государства христианско-демократические идеи были оставлены и актуализированы почти на столетие позже в 90-е гг. XX в. Историография христианской демократии развивалась вслед за развитием изучаемого явления.

В советской историографии проблематика христианской демократии не получила систематического и всестороннего изучения. Советская наука занималась исследованием западной христианско-демократической традиции, потому что в СССР не было места христианской демократии, как и другим, альтернативным социализму, политическим идеологиям[3]. Целью этих исследований был критический анализ христианской демократии, так как она играла важную роль во многих европейских «буржуазных» государствах. Реже советские ученые интересовались опытом российских дореволюционных христианско-демократических и христианско-социалистических партий[4].

Определяющей для этого периода стала точка зрения В.И.Ленина, который характеризовал христианскую демократию негативно, как буржуазную идеологию, но отмечал, что деятельность и христианских демократов, и христианских социалистов в России «играет как нельзя больше на руку революции»[5].

В советских работах христианская демократия трактовалась как социально-реформаторское направление общественной мысли, ратующее за совершенствование буржуазного строя и тем отвлекающее трудящихся от их реальной борьбы за свои права. Христианско-демократические партии считались консервативными, прокапиталистическими, правоцентристскими. Подчеркивались антикоммунистические позиции мирового христианско-демократического движения, особенно проявившиеся в годы холодной войны[6]. Для советской историографии характерно отсутствие единого четкого понимания термина «христианская демократия». Часто смешивались «христианская демократия» и «христианский социализм». Например, М.М.Шейнман относил христианскую демократию к правому, буржуазному, либо либерально-демократическому направлению в христианском социализме[7]. Христианским социализмом М.М.Шейнман называл даже социальную концепцию католической церкви, выраженную в энцикликах папы Льва XIII, хотя папа говорил о христианской демократии и призывал бороться с социализмом[8]. С.Л.Сокольский различал христианскую демократию и христианский социализм, отмечал, что формирующийся немецкий ХДС испытал влияние христианского социализма в программных установках[9]. Польский ученый С. Маркевич выделял единое социально-христианском движение, которое положило начало христианской демократии, в его состав включал и «примитивный утопический» христианский социализм, и социальный католицизм[10]. Авторы сборника «Социальные идеи христианства в XX веке» также говорили о существовании социального движения в христианстве, но отмечали в его составе три направления: 1. христианский социализм; 2. «центристскую» позицию Ватикана; 3. традиционных неоконсервативных и правых католиков, среди которых были и христианские демократы[11].

Советские исследователи связывали становление христианско-демократического учения с развитием социальной концепции Католической церкви, которая активно изучалась[12]. Вмешательство церкви в социальные проблемы признавалось отрицательным, так как ее мероприятия «не только не способствовали совершенствованию общественного механизма … но всемерно препятствовали этому, защищая … самые закостенелые, отжившие, омертвевшие социальные системы, взгляды, понятия, теории, обычаи»[13]. Только в перестроечное время стало возможным непредвзятое рассмотрение церковной социальной концепции, сравнение католических и православных идей[14].

С 1990-х гг. обозначился новый этап в отечественной историографии. Крах идеологических догм позволил ученым взяться за разработку ранее запретных тем. С этого времени начался пересмотр истории церкви, в частности, проблем взаимодействия политически активной интеллигенции с Русской православной церковью, роли РПЦ в решении социальных проблем[15]. Д.В.Поспеловский затронул деятельность будущих активистов христианской демократии в период их диссидентства[16]. Предметом изучения стало положение христианства и христиан в современном обществе, «социализация» религии в ответ на меняющиеся общественные условия[17]. Предпринимались попытки осмыслить социальную концепцию Русской православной церкви на основе сравнения ее с католической[18]. Наметились сдвиги в изучении религиозной философии в дореволюционной России, которая разрабатывала схожие с западными идеи социального христианства и христианской политической партии[19]. Проблема становления христианской демократии рассматривалась как часть проблемы взаимодействия религии и политики[20].

В конце 80-х – начале 90-х годов XX века в России появилась и своя собственная версия христианской демократии, которая стала предметом изучения. Особенностью изучения современных российских христианско-демократических партий являлось то, что исследователь и объект исследования существовали в одном времени. Изучение российской христианской демократии носило в основном эмпирический характер. Российская христианская демократия рассматривалась главным образом в статьях, монографии единичны[21]. Большинству подобных исследований была присуща публицистичность, можно выделить особую группу работ - статьи журналистов на страницах периодических изданий, поднимающие вопрос: возможна ли христианская демократия в России, поможет ли России выйти из кризиса заимствование чужого опыта[22].

Проблемам христианской демократии была посвящена международная конференция, прошедшая в Санкт-Петербурге в 1992 г.[23] На ней поднимались и вопросы общественных принципов христианства, и вопросы христианской демократии непосредственно. В 2000 г. была проведена международная конференция по электронной почте «Христианские начала экономической этики», в которой участвовали ученые Омска, Айхштетта, Москвы. Затронутые в ней темы субсидиарности, социальной рыночной экономики, христианского обоснования экономической деятельности являются составными элементами христианско-демократического учения[24].

Стремление сориентироваться в большом количестве разнообразных политических партий и групп породило целый массив справочных изданий, посвященных российским партиям, дореволюционным и современным. В них уделено внимание и христианско-демократическим партиям. Дореволюционные российские партии были представлены в энциклопедии, вышедшей под редакцией В.В.Шелохаева; в ней к христианско-демократическим организациям Российской империи отнесены только польский Католический союз и Литовская христианско-демократической партия[25]. В справочнике В.Березовского и Н.Кротова христианско-демократические организации перестроечного периода рассматривались в контексте самодеятельного общественно-политического движения[26]. Ряд справочных изданий содержали дату регистрации, численность, имена лидеров, краткие программные положения, названия периодических изданий христианско-демократических партий. Это были тонкие брошюры в несколько десятков листов, которые характеризовали наиболее популярные, на взгляд составителей, партии[27]. К справочной литературе можно отнести и фундаментальный труд под редакцией В.Н.Краснова, посвященный изучению избирательного процесса в России, анализирующий партии, участвующие в выборах, в том числе и христианско-демократические[28]. Информация о Челябинской областной организации Российского христианско-демократического союза была включена в издание «Основные общественные и другие некоммерческие организации Урала»[29].

Часть работ современных авторов была построена на сравнении западной христианской демократии и российской. Е.Л.Бестужев отметил, что российские христианско-демократические партии отличны от западных так же, как и латиноамериканские, и вос-

точноевропейские. Специфика национальных христианско-демократических партий обуславливается набором факторов. Это различия политической культуры, стратегий, противоположные взгляды на международные проблемы. В России развитие христианско-демократических идей связано с доктринальными особенностями Русской православной церкви[30]. А.А.Амплеева подчеркнула, что отличия существуют и между ведущими европейскими христианско-политическими партиями: немецким Христианско-демократическим союзом и итальянской Христианско-демократической партией. В России, по мнению А.А.Амплеевой, на христианско-демократическое движение накладывают отпечаток атеистические традиции и трудности процесса демократизации[31]. Р.Саква, доктор, специалист по проблемам российской политики Кентерберийского университета, напротив, обнаружил схожие черты у западных и российских христианско-демократических партий. Они сыграли важную роль в развитии многопартийности и уходе от коммунизма[32]. Иногда исследователи противопоставляли западный и российский опыт без попыток выявить причины разных путей развития христианско-демократических идей[33].

Большое внимание исследователей привлекал политический аспект христианской демократии, выраженный в деятельности партий. В научной литературе нет единодушия по вопросу о месте христианско-демократических партий в политической системе России. А.А.Данилов относил Христианско-демократический союз России, Российское христианско-демократическое движение, Российскую христианско-демократическую партию к либеральному спектру[34]. В.Н.Краснов разделил все партии и движения на демократические, социалистические, социал-демократические, национал-патриотические; но он не нашел в своей классификации места для христианских демократов[35]. Поэтому вынужден был отнести их в безликую категорию «другие партии и организации», в рамках которой он выделил христианские организации, смешивая христианско-демократические партии со всеми объединениями религиозной направленности. При этом он отметил, что Российское христианско-демократическое движение входило в движение Демократическая России, которое у него демократическое и радикально-реформистское. Э.Г. Филимонов считал, что христианско-демократические партии отличаются друг от друга по идейным установкам, их можно разделить на две группы: 1. Христианско-демократический союз России, Российский христианско-демократический союз, Российская христианско-демократическая партия, ориентировались на опыт и идейные установки западных христианских демократов; 2. Российское христианско-демократическое движение предлагало оригинальный отечественный вариант христианской демократии[36]. Показательно, что Российское христианско-демократическое движение в работах некоторых авторов относилось и к либеральному (в начальный период своей деятельности), и к национал-радикальному (в следующий период) направлениям политического спектра[37].

Другие аспекты деятельности христианско-демократических партий в России – благотворительная, международная, идеологическая - практически не рассматривались. Идейному наполнению понятия «христианская демократия» была посвящена статья Ю.С. Пивоварова, опубликованная в сборнике «Проблема демократии в политической мысли XX столетия»[38], но она затрагивала достижения христианско-демократической мысли на современном этапе, опираясь на рассуждения одного из видных идеологов современной немецкой христианской демократии – Рихарда фон Вайцзеккера.

В исследовательской литературе христианско-демократическое движение было представлено только столичными партиями (Христианско-демократический союз России, Российское христианско-демократическое движение, Российская христианско-демократическая партия, Российский христианско-демократический союз) и их деятельностью в Москве. Были слабо изучены региональные структуры христианской демократии, их влияние на местную политику, особые мнения, возникающие в регионах.

Появились работы, посвященные не всем российским христианско-демократическим организациям одновременно, а отдельным партиям. Р.Саква считал самым важным опыт

Российского христианско-демократического движения, которое, на его взгляд «представляет единственное разумное сочетание национально-государственных интересов и демократии»[39]. На время опубликования работы Р.Саквы в России (1993г.) конкурентов у Российского христианско-демократического движения, действительно, не было.

Включение российской христианской демократии в научные исследования не способствовало формированию четкой дефиниции. Словари не объясняли, что такое христианская демократия, однако, почти каждый словарь, посвященный христианству[40] или религиям вообще, а также политические словари[41] давали краткую историю христианской демократии в Европе. Исследователи, избегая определения христианской демократии, называли христианско-демократическими те организации, которые сами позиционировали себя подобным образом, а остальные относили к «религиозно-политическому движению»[42]. Или, как Э.Г.Филимонов, распространяли понятие «христианская демократия» на разнообразные христианские политические концепции, даже если очевидно, что такие деятели, как Булгаков, Эрн, Свенцицкий придерживались явно социалистических взглядов[43].

Только наметились попытки серьезного академического изучения проблем христианской демократии. В 2000 году была защищена кандидатская диссертация А.В.Щипкова «Христианско-демократическое движение в постперестроечной России»[44]. Автор рассматривал христианскую демократию как составную часть истории демократического движения России переходного периода и пытался выяснить причины появления христианско-демократических партий в современной России. В работе привлекались документы из личного архива автора, который был очевидцем описываемых событий. История христианско-демократического движения представлена в диссертации как переход от «кухонного» этапа (при советской власти) к «публичному» (перестройка и начало 90-х гг.) и возвращение к «кухонному» этапу в связи с неудачами в избирательной борьбе.[45]

Таким образом, современное состояние общественно-исторической науки, которая освободилась от стереотипов и односторонних оценок идеологических явлений, позволяет ставить и исследовать проблему христианской демократии в России. Следует отметить, что интерес к ней не угасает, несмотря на то, что пик политических успехов христианских демократов в России (первая половина 90-х годов) давно позади. Ученые продолжают анализировать российский христианско-демократический опыт. Однако, специальные исследования, посвященные российской христианской демократии, только появляются, эта проблема еще далеко не исчерпана. Еще не привлекались архивные источники, отражающие деятельность христианских демократов. Не востребованы обширные материалы периодической печати. Исследователи использовали в качестве источников опубликованные программные документы христианско-демократических партий[46] и партийную прессу[47]. По мнению автора, расширение источниковой базы позволит во многом устранить указанные выше недостатки, присущие современным исследованиям российской христианской демократии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Бестужев Е.Л.* Христианская демократия: становление и перспективы развития в Западной Европе и в России // Политическая наука. 2003. №4.
2. *Амплеева А.А.* Христианско-демократическое движение в Западной Европе и России. М., 2002.
3. *Борозняк А.И.* К истории формирования ХДС/ХСС // Ежегодник германской истории 1973. М., 1974; *Истягин Л.* Баварский форпост западногерманской реакции // Мировая экономка и международные отношения. 1975. №12; *Михайлова Л.В.* Католическая церковь и рабочий класс ФРГ. М., 1980; *Сокольский С.Л.* Дилеммы ХДС // Мировая экономика и международные отношения. 1976. №8; *Он же.* Социальная тактика ХДС/ХСС в Западной Германии в 1945-1949 гг.: (некоторые проблемы формирования партии и эволюции ее программных установок) // Ежегодник германской истории 1975. М., 1976;

Ходорковский Л.Д. Политический клерикализм в ФРГ: Церковные и светские клерикальные организации. М., 1970.
4. *Шейнман М.М.* Христианский социализм в России. М., 1969.
5. Там же. С.136.
6. *Маркевич С.* Современная христианская демократия. М., 1982.
7. *Шейнман М.М.* Христианский социализм в России. С.115.
8. Там же. С.108-115.
9. *Сокольский С.Л.* Христианско-демократический союз ФРГ: социология и политика. М., 1983. С.167.
10. *Маркевич С.* Ук. соч.
11. Социальные идеи христианства в XX веке. Сборник обзоров. М., 1989.
12. *Андреев М.В.* Католицизм и основные проблемы современности. М., 1973; *Григулевич И.Р.* Папство. Век XX. М., 1981; *Кислова А.А.* Социальное христианство в США. Из истории общественной мысли в 90-е годы XIX – 30-е годы XX века. М., *Ковальский Н.А.* Католицизм и мировое социальное развитие. М., 1974; *Шейнман М.М.* Католицизм в меняющемся мире. М., 1975.
13. *Григулевич И.Р.* Ук. соч. С.16.
14. Социальные идеи христианства в XX веке. Сборник обзоров. М., ИНИОН АН СССР, Институт философии. 1989.
15. *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь: испытания начала века // ВИ. 1993. №1; Он же. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. *Одинцов М.И.* XX век в Российской истории (Государство. Церковь. Народ) // Религиоведение. 2001. №1,2.
16. *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке.
17. Религия и политика в посткоммунистической России: (Материалы «круглого стола») // ВФ. 1992. №7; *Баллестрем К.Г.* Церковь и демократическая культура: проблемы адаптации и конфликты // ВФ. 2002. №1; *Поссенти В.* Демократия и христианство // ВФ. 1996. №7; Спикер М. Христианство и свободное конституционное государство // ВФ. 2001. №4; *Андреева Л.А.* Христианство и власть в России и на Западе: компаративный анализ // Общественные науки и современность. 2001. №4; *Дубов И.Г.* Уровень религиозности и влияние религиозных установок на отношение россиян к политическим лидерам // Полис. 2001. №2; *Овсиенко Ф.Г.* Политизация конфессий и клерикализация политики: тенденции развития и риски в российском обществе // Религиоведение. 2002. №2; Хилл *К.,Филатов С.* Христиане и власть // Независимая газета. 1992. 1 октября.
18. О социальной концепции русского православия. Под ред. М.П. Мчедлова. М., 2002.
19. *Макашова М.* Сергей Булгаков: к христианской политэкономии // Общественные науки и современность. 1994. №3; *Кошелева В.* Наступит ли время Бердяева? // Общественные науки и современность. 1991. №3; Владимир Соловьев и Фридрих Ницше (материалы международной конференции) // ВФ. 2002. №2; *Носов А.А.* От «соловьевских обедов» к религиозно-философскому обществу // ВФ. 1999. №6; *Шеррер Ю.* В поисках христианского социализма в России // ВФ. 2000. №12; *Паршин А.Н.* Русская религиозная мысль: возрождение или консервация? // ВФ. 2002. №4; *Элбакян Е.С.* В поисках «нового религиозного сознания» // Религиоведение. 2002. №1, 2.
20. *Бестужев Е.Л.* Христианская демократия: становление и перспективы развития в Западной Европе и России // Политическая наука. 2003. №4.
21. *Амплеева А.А.* Христианско-демократическое движение в Западной Европе и России. М., 2002; *Щипков А.В.* Христианская демократия в России. М., 2004.
22. *Мень М.* Страна понятного завтра // Независимая газета. 2000. 26 октября; *Шустов Я.* У нас это возможно? Христианская демократия как панацея от системного кризиса // Независимая газета. 2001. 28 ноября; *Щипков А.В.* ХДС и РПЦ // Независимая газета. 1993. 1 июля; *Он же.* Возможность христианской демократии // Независимая газета. 2000. 12 апреля; *Федоров В.* Приемлема ли для нас политика Эрхарда // Независимая газета. 1993. 7 октября.

23. Христианская демократия сегодня: Международная конференция в Санкт-Петербурге, май 1992. СПб.,1992.
24. Христианские начала экономической этики: Сборник материалов международной Интернет-конференции. М., 2001.
25. Политические партии в России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. Под ред. В.В.Шелохаева. М., 1996.
26. Неформальная Россия: О «неформальных» политизированных движениях и группах (опыт справочника). М., 1990.
27. Партии и политические блоки в России. Вып. 1. М., 1993; Справочник общественно-политические движения и партии России. Вып. 2. М., 1994.
28. Россия: партии, выборы, власть. Под ред. В.Н. Краснова. М., 1996.
29. *Привалов Н.Г.* Основные общественные и другие некоммерческие организации Урала: в 7 т. Екатеринбург-Челябинск: Урал-эксперт. 1998. Т.2.
30. *Бестужев Е.Л.* Христианская демократия: становление и перспективы развития в Западной Европе и России // Политическая наука. 2003. №4.
31. *Амплеева А.А.* Христианско-демократическое движение в Западной Европе и России. М., 2002.
32. *Саква Р.* Христианская демократия в России // Социс. 1993. №4, 7.
33. *Любин В.П.* Политические партии на Западе и в России: сопоставимы ли понятия? // Политические партии и движения в России и на Западе: процесс формирования. Методы исследования. М., 1994.
34. Из истории партий и общественно-политических движений России и СССР / Под ред. А.А.Данилова. М., 1992. С.83.
35. Россия: партии, выборы, власть / Под ред. В.Н. Краснова. М., 1996. С. 44.
36. *Филимонов Э.Г.* Христианская демократия в России // Словарь. Религии народов современной России / Под ред. М.П. Мчедлова. М., 1999. С.543-544.
37. Политические партии России: история и современность / Под ред. А.И. Зевелева, В.В. Шелохаева, Ю.П.Свириденко. М., 2000.
38. *Пивоваров Ю.С.* Христианская демократия в конце XX столетия (протестантский извод) // Проблема демократии в политической мысли XX столетия. Проблемно-тематический сборник. М., 1999.
39. *Саква Р.* Христианская демократия в России // Социс. 1993. №4, 7.
40. Напр.: Христианство. Словарь. Под ред. Л.Н. Митрохина, А.Н. Лещинского, М.И. Одинцова, Р.Т. Рашковой. М., 1994.
41. Напр.: Политика: Толковый словарь: Русско-английский. М., 2001.
42. Религиозно-политические партии, движения и их роль в политической жизни России // Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние) / Под ред. Ф.Г. Овсиенко, М.И. Одинцова, Н.А. Трофимчука. М., Российская Академия государственной службы при Президенте РФ. Отдел печати. Фонд национально-культурного возрождения народов России. 1996.
43. *Филимонов Э.Г.* Христианская демократия в России // Словарь. Религии народов современной России / Под ред. М.П.Мчедлова. М., 1999; *Филимонов Э.Г.* Христианско-демократический Союз России // Там же; *Филимонов Э.Г.* Российский Христианско-демократический Союз // Там же; *Филимонов Э.Г.* Российская Христианско-демократическая партия // Там же.
44. *Щипков А.В.* Христианско-демократическое движение в постсоветской России: Дисс… канд. философ. наук. М., 2000.
45. *Зайцев А.* Может ли христианин быть демократом // Независимая газета – религия. 2005. 2 февраля.
46. Напр.: Российское христианское демократическое движение. Сборник материалов. М., Дума Христианского Демократического Движения. 1990.
47. Напр.: Вестник христианской демократии.

L.S. VERAHINA

STUDYING OF RUSSIAN CHRISTIAN DEMOCRACY IN DOMESTIC HISTORIOGRAPHY

In the Soviet historiography the problematics of Christian democracy was treated as the social-reformatory direction of the public idea. That course was regarded as the one standing up for perfection of a bourgeois regime and distracting workers from the real struggle for their rights. At the present stage there seems to be a sharp increase of interest to the given subject. However, the special researches devoted to the Russian Christian democracy, have only appeared recently, that is why the problem is far from exhausting its own potentialities yet.

Ф И Л О Л О Г И Я

ЛИНГВИСТИКА

Н.Н. РАКИТИНА (Магнитогорск)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ АНГЛИЙСКОЙ АББРЕВИАТУРЫ

Начало процесса сокращения слов относится к глубокой древности. Аббревиатура в разных видах письменной речи так же стара, как сам письменный язык.

В истории аббревиации как негде наглядно переплетаются лингвистические и исторические факторы. Тот исторический факт, что Британия была долгое время частью Великой Римской Империи, нашел свое отражение в развитие языка, и, в частности, в развитие аббревиатуры. Поэтому мы считаем необходимым достаточно детально рассмотреть аббревиацию в Древнем Риме, поскольку современный английский язык содержит очень большое количество латинских сокращений *(P.S. – post scriptum – приписка; N.B. – nota bene – особое внимание; i.e. – id est – то есть; e.g. – exempli gratia – например)*.

Влияние латинского языка на становление и развитие словарного состава английского языка широко известно — латынь вплоть до XIX столетия была международным языком науки, техники, медицины, биологии, фармакологии. И в настоящее время латинские морфемы используются для создания новых научных и технических терминов. Особенно много латинизмов в языке юриспруденции, биологии, истории, философии, филологии, психологии, математики, химии, экономики, педагогики, т.е. в важных сферах жизнедеятельности человека.

Как было сказано выше, сокращение слов было распространенно в Древнем Риме. При изучении римского военного присутствия в Херсонесе (середина II – начало III вв.) было сделано несколько археологических открытий, позволивших выявить принципиально новые моменты в организационной структуре римских войск, дислоцировавшихся в Херсонесе и его округе[1]. Среди керамической эпиграфики Херсонеса стало известно клеймо на черепице с аббревиатурой *VEMI*, которое предположительно расшифровывалось как *[opus] ve(teranorum) mi(ssiciorum)*. Установлено, что такое клеймо ставили на продукции, изготовленной группой ветеранов римской армии, которая жила в канабе херсонесского гарнизона.

Изучение аббревиации имеет довольно давнюю традицию. Появление сокращенных слов отмечено в эллино-романской эпохе. Римляне писали *AUC* вместо Ante urbem condĭtam или ab urbe conditā, исчисляя время с 753 г. до н.э. – года основания Рима. С помощью, так называемой суспензии, т.е. используя начальные буквы слов, они сокращали сначала имена собственные (в классическое время имя римского гражданина состояло из трех компонентов: личное имя, подобное мужскому имени русского языка писалось сокращенно, ср.: *G.* < *Gains, Q.* < *Quintus, A.* < *Aulus* (Авл), *App.* < *Appius* (Аппий), *G.* < *Gaius* (Гай), *Gn.* < *Gnaeus* (Гней), *D.* < *Decimus* (Децим*), L.* < *Lucius* (Луций), *M.* < *Marcus* (Марк), *P.* < *Publius* (Публий), *Q.* < *Quintus* (Квинт), *Sex.* < *Sextus* (Секст),

Ser. < *Servius* (Сервий), *T.* < *Titus* (Тит), *Tib.* < *Tiberius* (Тиберий)), а в дальнейшем и другие слова (*cos.* < *consul, v.c.* < *vir clarissimus*).

Мы предполагаем, что именно наличие такого рода сокращений спровацировало появление среднего имени в английской антропонимии и нашло дальнейшее развитие в аббревиации, например, *John F. Kennedy* > *J.F.K.*

В данном случае, мы можем наблюдать трехэтапное развитие имени собственного. Мы выделили следующие этапы развития английских имен, обладающих среднем именем: т.к.

1-й этап аббревиации – сокращение первого имени в латинском языке;

2-й этап аббревиации – сокращение среднего имени в английском языке;

3 -й этап аббревиации – инициальное сокращение в английском языке.

Сокращенные имена собственные имелись еще у англосаксов. В VIII в. встречались сокращенные имена *Eda* < *Edwine*> *EDWIN, Sicga* < *Sigewrith* и др.

В латинском языке повторение одной и той же буквы обозначало множественное число (*coss.* < *consules, vv.cc.* < *viri clarissimi, NN.BB.* < *nobilissimi, HH* < *heredes*). Такой же способ используется в английской аббревиации для обозначения множественного числа, например, *pp.* – *pages* – *страницы.*

Аббревиатуры использовались также для сокращения единиц меры и веса. Почти все бронзовые монеты, выпущеные до конца III века н.э., имеют на обратной стороне буквы *SC*. Данный процесс имеет место и в англоязычной финансовой сфере. Английское слово *pound*, обозначаемое графически *J*, восходит к латинскому слову *libra*, а *pence*, обозначаемое *d* – к латинскому слову *denārius*. Данные примеры наглядно иллюстрируют влияние латинских сокращений на английскую метрическую систему в частности и в языке в целом.

Тенденция сокращать, которая наблюдалась в римской юриспруденции, была привнесена в английский язык и многие римские сокращения до сих пор используются в данной деятельности (*in re*).

Римские юристы, например, так часто прибегали к суспензии, что были составлены своды сокращений *(Notae iuris)*, которые дошли впоследствии до средневековья.

Метод контрактуры, т.е. сокращение слова с помощью его начальных букв и окончания, был заимствован римлянами из греческого языка. Этот метод использовали вначале для сокращенного написания так называемых Nomina sacra (священных имен) ср.: *ths* < *theos* (бог). Римляне заимствовали и применяли эту систему для обозначения обычных понятий ср.: *frs* < *fratres* (брат), *gra* < *gratia* (благодарность). Условное обозначение сокращения (черта над аббревиатурой) сменила примерно в III в. н. э. обычную ранее точку. Единицы заимствовались также и из скорописи, ср.: *esse* (быть) < *est* (есть). Уже в позднем римском курсиве использовались почти все виды аббревиатур, которые в средние века получили дальнейшее распространение, в особенности в юридических, медицинских и богословских текстах.

Кроме того, достаточно длинные и громоздские латинские фразы были сокращены до одного-двух значимых слов и в таком виде вошли в современные языки, в частности, английский.

Как отмечалось выше, основная сфера применения подобных сокращений – официальный стиль и юриспруденция, ср.: *ad prot* < *ad protocollum* (к занесению в протокол), *int. al.* < *inter alia* (в числе прочего), *s.l.* < *secundum legem* (в соответствии с законом) и т.д.

На основе анализа Латинско-русского словаря[2] было установлено, что в латинских текстах чаще всего встречаются однобуквенные сокращения *U.* < *Urbs* = Roma, *b* < *bonus, bene* в 54% случаев, двухбуквенные *P.R.* < *popubus Romanus, R.P.* < *res publica, T.P.* < *tribunicia potestas* (36%), трехбуквенные *D.P.S.* < *de pecuniā suā* (на свои средства), *O.M.N.* < *omnium nomine faciunda* (8%), четырехбуквенные *O.I.B.Q.* < *ossa illīus bene quiescant* (3%) и один случай употребления семибуквенного сокращения *S.V.B.E.E.Q.V.* < *si vales bene est, ego quidem valeo*, представляющий собой передачу в наиболее экономичном виде целого изречения.

Совершенно справедливо считается, что XX век является «веком аббревиации» в области развития языка, хотя сам процесс словосокращений в письменной речи начался еще в XV веке.

В истории развития английского языка принято выделять три периода, в течение которых он претерпел значительные изменения.

Первый период – древнеанглийский [450–1066].

Графические сокращения встречались уже в древнеанглийском языке.

Второй период – среднеанглийский [1066–1500].

Существовала следующая классификация сокращений в этот период времени:

1. Аферезис /сокращение начальных слогов/, который встречается и во французском языке, прослеживается довольно часто в заимствованных словах в среднеанглийский период: сокращению подвергаются гласные и согласные в начале слова. Могут сокращаться как префиксы, так и составные части корня.

Hospitel – spitel (Ancr. Riw1e, 14812), Destruien (Hom. II 179) – struien (Hom., II, 51), apprentice – pprentice (Langl. III, 218), Assambled – sembled (Pt., 177), advocate – vocate (Curs. Mundi, 20927).

В средневековой Англии установилась практика процесса сокращения, заключавшаяся в постоянной редукции краткого неударного гласного или слога в начале слова, особенно при быстром произношении. Таким образом, многие слова приобрели краткую альтернативную форму. При этом почти в каждом случае при сохранении двух форм слов развилось различие значений. Так, в настоящее время уже трудно представить, что *assize* и *size* когда-то являлись двумя вариантами одного слова с единственным различием в произношении, ср.: *as-size/, ‘saiz/ n (...)* 3. *magnitude of an article of commerce; size / saiz/ n* (…) 3. *any set of standard or authorized magnitude or measure according to which goods are produced* [COD, 1984].

Приведенные ниже примеры принадлежат к группе слов с сокращенным префиксом или префиксоподобным элементом, ср. *tire (n.& v.t.)< attire, squire (n.&v.t.)< esquire, tend (n.& v.t.)< attend.* Такой способ сокращения, называемый эферизисом, по сей день применятся в языке, ср.: *nuff < enough (e.g. This problem is nuff said* [COD, 1984], *stunning < astonish, napron < apron, etc*. При рассмотрении данного способа сокращений необходимо учитывать также разговорные формы синтаксических сочетаний *(‘twill < it will, ‘twas < it was, ‘twould <it would, ‘twere < it were, ‘tis < it is)*, которые сохранились в современном английском языке как устаревшие и используемые в поэтическом стиле.

В среднеанглийский период начали появляться слова, образованные способом усечения, такие, как rep < reputation – ‘репутация’; pos < positive – ‘положительный’; mob < mobile vulgus – лат. ‘толпа’ и другие.

2. Синкопа – сокращение ударных или безударных слогов в середине слова – нередкое явление в словах, проникших из французского языка в английский. Сокращение гласной в середине слова мы наблюдаем еще в памятниках среднеанглийского периода: sust – nance, вместо sustenance (Cl. 340); *commad – ment*, вместо *commandement (Curs. Mundi, 14319); constable* вместо *conestable (Rob. Glouc. 538); pe1-rimage вместо po1irimage (Misc. 28 Kent.S.).*

Гласные или сочетания гласных, находящиеся первоначально под ударением, подвергаются сокращению, если ударение переносится на предшествующий им слог. Примеры: *pu1tis* – из старофранцузского *pu1ettis*, в новоанглийском – *poã1try (Langl.,VII, 25222); merc1e* – из французского *mirac1e (Curs. Mundi. 548/9512).*

Синкопе подверглись безударные слоги в отдельных французских словах, заимствованных в новоанглийский период – *Capitaine – captain; chempinee – chimney.*

3. Апокопа конечного безударного «е» встречается во французских словах уже в ранних среднеанглийских текстах. В большинстве случаев это *«е»* уже не выражается графически как после гласных так и согласных: *mesur (Ancr.Riwle, 56), purs (ow1 and Night. 694), fest (Genes. And Exod., 315), abbey (Lag. Brute II, 3191), Contre (Lag. Bruite, II*

154). В многочисленных случаях безударное *«е»* в положении после гласных пишется, но уже не произносится.

Практика сокращения слов механизмом апокопа, то есть усечения конца слова, просматривается на всем протяжении истории английского языка. Апокопа прогрессировал в течение всего переходного периода от англосаксонского к современному английскому языку, однако пополнение лексики вследствие данного процесса началось сравнительно поздно.

В настоящее время в лексическом фонде английского языка полное право занимают слова, образованные с помощью апокопа и воспринимаемые носителями языка как хороший английский «старой доброй Англии» ср.: *mob, cab, miss, fan, piano, snob* < *лат. s. nob.* < *sine nobilitate* (не аристократ, от пометки, ставившейся в средние века в университетах возле фамилий студентов – выходцев из нетитулованных семей) и др.

Более того, в 70-90 гг. XX в. апокопа становится одним их продуктивных способов образования неологизмов и сленговых слов (более 15% всех неологизмов в английском языке в настоящее время образуются по способу апокопа[3], ср.: *anchor* < *anchorman* (обозреватель новостей, координирующий теле- или радиопрограммы), *detox* < *detoxificaton* (часть больницы, где лечат алкоголиков и наркоманов).

Процессы аббревиации происходили и в эпоху Возрождения, когда сокращения английских слов были замечены в творчестве ряда драматургов, прежде всего Шекспира.Например, *morn* > *morning (Шекспир), vs* > *versus (Генри Констебль).*

С введением книгопечатания в XV в. английский язык получает дополнительный импульс для своего дальнейшего развития: закрепляется и упорядочивается орфография, происходят изменения в произношении, морфологии и грамматике, прогрессирует аналитизм, который благодаря ряду исторических причин оказывается для английского языка продуктивным.

В «Кратком Оксфордском словаре английского языка» [1961] первые употребления сокращений датируются XV–XVI вв. Например, *Mr.*< *Master* – 1447 г.; *Mrs* < *Mistress* – 1952 г.; *a.m.* < *ante meridiem* – лат. ‘до полудня’; *p.m.* < *post meridiem* – лат. ‘после полудня’ – около 1600 г.

Как отмечает Г. Менкен «Характерная привычка американцев сводить сложные понятия к самым сжатым сокращениям была заметна уже в колониальный период»[4].

В XV–XVI вв. складывается и стремительно развивается на базе лондонского диалекта национальный английский язык, чему, в числе прочего, способствовала большая образовательная и культурная роль двух университетов – Оксфордского и Кембриджского, которым обязаны такими сокращениями, как *chum* (однокашник), *fag* («шестерка», младший ученик, прислуживающий старшим ученикам) и др.

Третий период – новый английский [1500 – до нашего времени].

К середине XVI в. остро встает вопрос о нормализации литературного языка. Так, в 1568 г. в работах Томаса Смита и Джорджа Харта предпринимаются попытки упорядочения орфографии; писатели и критики ведут дискуссии о языковой норме, а сторонники пуризма выступают за ограничение народного словоупотребления рамками разговорной речи и обеспокоены легкостью, с которой создаются новые слова. Поэтому уже в 1589 г. Дж. Путтегэм в книге «The Art of English Poesy» («Искусство английской поэзии») призывает считать образцовым язык королевского двора. Однако новообразования разговорной речи активно проникают в «высшие сферы». Не случайно сокращения *cit* < *citizen*, впервые зарегистрированное в 1641 г., получило широкое распространение именно в придворных кругах во времена Реставрации Стюартов. В 1660–1700 гг. появляются слова *miss* < *mistress, mob* < *mobile vulgus, hack* < *hackney*.

Постепенно аббревиация утрачивает социальную маркированность и становится обычным явлением во всех сферах жизни и общественных кругах. Уже во времена королевы Анны (1702–1714) увлечение аббревиацией было настолько сильным, что Дж. Свифт даже пишет очерк («Tatler», №230), в котором он выражает тревогу по поводу постоянного засорения английского языка сокращениями.

Сокращения и неологизмы подвергались нападкам пуристов на всем протяжении XVIII–XIX вв. В начале XVIII в. Эддисон в выпуске «Spectator» возражал против одной из начинающихся в английском языке прогрессивных тенденций сокращения или устранения начального или конечного слога в слове. Тем не менее, в XIX в. в ряду многих других появились слова cab и navvy (имя, данное рабочим, которые были заняты в международном судоходстве).

В 1837 г. Ч. Диккенс в своих «Posthumous Papers of the Pickwick Club» использует аббревиатуры: *P.V.P., M.P.C. < Perpetual Vice-President, Member Pickwick Club, G.C., M.P.C. < General Chairman, Member Pickwick Club. taxicab > taximeter + cabriolet (19 в.)*

В конце XIX века усиливается тенденция к различного рода усечениям слов в английском языке. Американский ученый А. Марквардт датирует время появления некоторых распространенных усечений: phone < telephone – ‘телефон’ – 1886 г.; fan < fanatic – ‘энтузиаст’, ‘болельщик’, ‘любитель’, ‘фанатик’ – 1896 г.; gym < gymnasium – ‘гимнастический зал’ – 1897 г.; gas < gasoline – ‘бензин’, ‘горючее’ – 1905 г.; movie < moving pictures – ‘кино’ – 1906 г.[5]

Как отмечают многие лингвисты, во второй половине XIX века в английском языке все шире стали распространяться сокращения инициального типа.

В XX веке инициальные аббревиатуры превратились в весьма устойчивый и продуктивный словообразовательный тип. Лексическая аббревиация завоевала прочные позиции и продолжала развиваться быстрыми темпами[6].

В заключение подчеркнем, что заимствованные англичанами сокращения с уходом римлян продолжают существовать в современном англоязком вокабуляре.

Таким образом, по мере возрастания компонентного состава сокращенной единицы уменьшалась возможность ее образования, и язык шел по пути сокращения создания многобуквенных образований.

Основа аббревиатурных единиц представляла собой как слово, так и словосочетание, связь слов, в котором оформлялась по типу согласования.

Сравнительно редко апокоп слова оформлялся по типу графо-лексической аббревиатуры, единственным отличием была точка в конце единицы, ср.: *HAR. < harnspex, IM. < imperium, imperator, IDQ < iidemque и др*.

Причина появления и распространения аббревиального способа словообразования в латинском языке лежит в проявлении общеязыковой тенденции к экономии и связана с необходимостью фиксации новых фрагментов общественного опыта лексическими средствами. При этом аббревиация оказывалась одним из способов, отвечающих прагматическим установкам словопроизводства. Аббревиация являлась способом словообразования, получившим распространение на территорий древних государств, в частности Римской империи, что доказывают многочисленные литературные памятники, но они не отражают особенности и характеристики явления в целом, поскольку коммуникация в социуме не может проходить только в форме письменного общения, ее вербальный аспект чрезвычайно важен для функционирования любого языка.

Изучение исторической действительности проходит через анализ текстов языка и знаков семиотических систем, что приводит к развитию не только лингвистических, но и исторических наук.

Аббревиатура в своем терминологическом и стандартизированном значениях интегрирует картину и определяет норму действий и характер взаимоотношения людей в их деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Зубарь В.М.* О римских войсках в Херсоне и его округе в свете новых открытий // Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Варшава, 2000. С. 252-264.
2. *Дворецкий И.Х.* Латино-русский словарь. 6-е изд., стереотип. М., 2000 .
3. *Заботкина В.И.* Новая лексика современного английского языка. М., 1989. С. 48.

4. *Mencken H.L.* The American Language. New York, 1963. P. 92.
5. *Marckwardt A.H.* American English. New York, 1958. P. 93.
6. *Борисов В.В.* Аббревиация и акронимия: Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках. М., 1972. С. 10.

N.N. RAKITINA

HISTORICAL PRECONDITIONS OF RISE AND STAGES OF DEVELOPMENT OF ENGLISH ABBREVIATION

The work is devoted to the process of origin and development of an English abbreviation. The author has shown skill to understand, systematize and generalize a material on questions of historical development of the English abbreviation. The article has a diachronical, factor-graphical character and represents both linguistic, and historical aspects. The author, certainly, deepens our notion about the researched phenomenon, reveals her own new features and makes interesting, substantiated conclusions.

The author examines in detail the interlacing of linguistic and historical factors in development of the English abbreviation, placing high emphasis on the abbreviation in Ancient Rome as far as, the ancient Roman abbreviation is the basis of origin for the English abbreviation.

Ю.Г. РЕПП (Омск)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭВФЕМИЗМ: ЯЗЫК ВЛАСТИ ИЛИ ВЛАСТЬ ЯЗЫКА? (ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ С ПОЗИЦИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ)

«With words we govern men»

Disraeli

Этимология слова «эвфемизм» восходит к греческому *eu* — «хороший», *phemi* — «говорю», где данный термин употреблялся для обозначения стилистического тропа, играющего роль словесного смягчения грубого или непристойного выражения.

В собственно лингвистическом плане эвфемизмы стали изучаться с XIX века. Точкой отсчета послужила работа немецкого лингвиста Г.Пауля, который выделил эвфемизмы в своей схеме семантических изменений[1].

Интерес к исследованию данного феномена, как среди отечественных специалистов, так и за рубежом особенно возрос в 60–80-х годах XX века в связи с выходом в свет работ С.Видлака, В.Ф.Донского, А.М.Кацева, Дж.Лоренса и др. В трактовке последнего эвфемизм понимается как «форма слова, которая (по разным причинам) выражает идею в смягченном или завуалированном виде»[2].

По мнению ряда исследователей, занимающихся проблемой эвфемизации речи, истоки современных эвфемизмов следует искать в древних языковых табу[3].

Бесспорным, на наш взгляд, является положение о том, что преемственность древнего языкового табу и современных эвфемизмов проявляется, прежде всего, в общности психологических мотивов. То есть, ведущим фактором табуирования и эвфемизации на протяжении всех этапов развития человеческого сознания являлось *подсознательное чувство страха*.

В процессе культурно-исторического развития общества изменился лишь характер этого страха, прошедший многоступенчатую эволюцию от суеверного трепета перед неизвестными сторонами мироздания до опасения потерять уважение со стороны окружающих («потерять лицо»[4]), вызвать негативную реакцию собеседника, инициировать напряжение или конфликт между народами и государствами.

На современном этапе развития общества помимо психологической составляющей к числу интегративных признаков древних языковых табу и современных эвфемистических субституций мы можем отнести:

— их *культурно-ценностную составляющую*, благодаря наличию которой, по мысли А.М.Кацева, в табу (и эвфемизмах) «как в зеркале отражается все единство и многообразие человеческой культуры»[5]. Кроме того, помимо общечеловеческих ценностей эвфемизмы также отражают национальную специфичность той или иной культуры. Данная особенность эвфемистических замен подробно рассматривается также в работах Л.Н. Вавиловой, В.Ф.Донского, Н.А.Евсеевой, А.М.Кацева, Г.Н.Мухамедьяновой и др.;

— наделение слова *магической функцией*, что, на наш взгляд, особенно значимо для изучения эвфемии в рамках политического дискурса, поскольку языковые запреты с древнейших времен были связаны с верой в магическую функцию языка, посредством которой можно *воздействовать* на окружающий мир, управлять им;

— а также их *социальная обусловленность*, предполагающая действие морально-этических мотивов. Кроме того, социальная составляющая современных эвфемизмов предполагает их «чувствительность» к общественным оценкам тех или иных явлений и событий. Поэтому огромное влияние на эвфемистический пласт лексики оказывают факторы социально-политического, экономического, а также культурного развития общества. Данные факторы определяют возникновение в языке новых табуированных единиц, отражающих в свою очередь сдвиги в ценностно-нормативных установках общества.

В связи с этим нельзя не согласиться с мнением, согласно которому эвфемизмы всегда определяли «языковой вкус эпохи», отражая эстетические потребности общества завуалировать те явления действительности, которые представлялись социально порицаемыми, неприличными или грубыми[6].

Итак, эвфемизмы, будучи языковым приемом, являются своего рода зеркалом культуры, отражающим определенные фрагменты картины мира носителей того или иного языка. Наличие эвфемистических переименований в языковой практике общества позволяет нам судить о степени табуированности той или иной темы в рамках определенной культуры, а значит о ее базовых ценностях. Следовательно, в данном случае мы придерживаемся социолингвистической трактовки в определении феномена «культура», согласно которой ее организующим началом считается *система ценностей* каждого общества[7]. Данное высказывание в полной мере может быть отнесено к эвфемистическим субституциям, функционирующим в области политического дискурса, то есть *политическим эвфемизмам*.

Обращаясь к вопросу о специфике современной политической коммуникации, нельзя не отметить тот факт, что основной сферой ее реализации являются каналы масс-медиа. Благодаря использованию СМИ политический дискурс занимает на данный момент ведущее положение по влиянию на массовую аудиторию. Следовательно, язык (в частности язык политики) является не просто зеркалом событий, происходящих в обществе, а становится главной движущей силой в создании нашего образа действительности, который носит *мифологизированный* или *виртуальный* характер[8].

Это объясняется тем, что современная эпоха рождает множество *идеологических мифов*, происхождение которых может быть как стихийным, так и сознательно сконструированным политическими идеологами в целях манипулирования общественным сознанием.

Миф во все времена являлся одной из форм существования культуры. Практическим способом функционирования мифа являлась магия, использующая символические сред-

ства для воздействия на реальные предметы и явления. При этом мифы не просто давали уверенность в стабильности мира, но и, превращаясь в стереотипы, упрощали его, фиксируя представления о добре и зле, «своих» и «чужих», определяя тем самым «этническое самосознание народа»[9].

Перечисленные базовые характеристики мифа первобытной эпохи имеют силу и в настоящее время. Единственным отличием является то, что миф, в истинность которого, как правило, безоговорочно верят, в условиях современного информационного общества, современной массовой культуры стал одним из важных психологических механизмов управления обществом. Примером подобного мифа, созданного в американском политическом дискурсе и распространенного через СМИ, является миф о «глобальном терроризме», которому США объявили войну (*«War on Terror»*).

Другими словами, в настоящее время политический язык имеет *нормотворческую значимость*, то есть формирует стереотипы речевого поведения и шире — влияет на создание и распространение ценностей и культурных доминант и языковой картины мира в том или ином обществе.

С другой стороны, по мысли некоторых исследователей, языковая картина мира в свою очередь не только отражает, но и в известном смысле *интерпретирует реальность* в головах людей[10].

Творцами такой «сглаженной» реальности являются носители так называемого «*энкратического языка*» или (в терминологии Р.Барта) языка «под сенью власти»[11].

К их числу исследователи относят представителей большой прессы, то есть проводников массовой культуры, а также представителей господствующей политической элиты.

На базе такого языка («политического социолекта»)[12] создаются политически скорректированные и идеологически завуалированные номинации государственных институтов, социальных явлений действительности (в том числе социально-экономических проблем), а также печальных, тяжелых событий в жизни людей.

Примечательно, что в современной лингвистике в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей появляются все новые наименования языка современной политики. В отечественной лингвистике помимо уже упомянутых обозначений «политический социолект», «энкратический язык», «язык под сенью власти»[13], существуют также такие термины как «язык правительства»[14], «язык звездно-полосатой пропаганды»[15].

В зарубежной лингвистике со временем также появляется все больше различных терминов, обозначающих язык политики, начиная с «unmentionables»[16], «language of politics»[17], «Neusprech», а также «doublespeak»[18] до современных «bureaucratese», «Pentagonese» и даже «State-Departmentese», предложенных в тезаурусе эвфемизмов Дж. Ниман и К. Сильвер[19].

Мы в свою очередь предлагаем обозначить изучаемое явление как *политический язык новой информационной эпохи*.

Для осуществления политического влияния в языке имеется целый ряд приемов, при помощи которых становится возможным ввести в заблуждение общественное мнение. При этом одним из наиболее действенных средств идеологического воздействия в сфере современного политического дискурса, по единогласному мнению многих отечественных и зарубежных исследователей, являются **политические эвфемизмы**[20].

Мы, вслед за Е.И.Шейгал считаем, что политический дискурс наиболее приспособлен для приукрашивания действительности и сокрытия реального положения дел, поэтому тенденция к эвфемизации является одной из прагматических закономерностей функционирования политического языка[21].

Интерес к исследованию политических эвфемизмов особенно возрос в 60-е годы XX века и был непосредственно связан с военными действиями во Вьетнаме. Именно этим временем датируется появление своего рода новояза современной информационной эпохи в политике англоязычных стран (в особенности в США), который получил название «Vietlish»[22].

Именно со времен войны во Вьетнаме в англоязычном политическом дискурсе впервые появились, довольно прочно закрепились и были транслированы в другие культуры такие эвфемистические номинации как «*peacekeeping mission*» («миротворческая миссия») для обозначения военного вторжения (как правило, незаконного). К числу подобных эвфемизмов, вуалирующих и искажающих суть событий, относится также «*sweeping operation/ security sweep*» («операция по зачистке») с целью сокрытия насилия, а порой тотального уничтожения этнических меньшинств.

Количество подобных эвфемизмов в английском языке (особенно в его американском варианте) резко возросло в связи с увеличением вооруженных конфликтов. Вследствие этого появилась острая необходимость вуалирования, а иногда и полного сокрытия агрессивных противоправных действий военных, выполняющих указы правительства, а также сокрытия реального числа жертв подобных «политических» войн.

Так, в современных англоязычных медиатекстах привычные и всем понятные обозначения реальных событий и явлений — «war», «aggression», «weapon» — были заменены более благозвучными терминами с весьма туманным значением, вуалирующим суть происходящего, — *«conflict», «involvement», «device»*. Наводящее панический страх со времен второй мировой войны словосочетание «concentration camp» получило в свою очередь эвфемистическое название *«strategic hamlet», «peace camp» или «relocation center»*[23].

Таким образом, эвфемизмы в данном случае являются тем самым «фиговым листом», о котором говорил Л.П.Крысин, при помощи которого официальный Пентагон пытается скрыть реальные факты от мирового сообщества[24].

Кроме того, в широком смысле мы можем говорить об эвфемизмах как отражении картины мира, наивных представлений человека о том, что есть «хорошо», а что «плохо». Отсюда стремление скрыть то, что плохо, дав этому явлению *другое имя*.

Эвфемистическое преобразование в политическом дискурсе является в первую очередь проявлением *магической функции* языка, то есть, по мысли Е.И.Шейгал «мотивируется предположением о том, что изменение имени может придать новые свойства денотату,…как бы меняет его природу»[25].

Основной движущей силой этого процесса является принятая в обществе *система ценностей*, следование нормам которой и обуславливает возникновение эвфемистических переименований во избежание этического дискомфорта при использовании прямых номинаций.

Таким образом, употребление политического эвфемизма не только позволяет нам изучить базовые ценности той или иной культуры, но и дает возможность «высветить «*антиценности*», обозначить координаты социального зла»[26].

Убивать, насиловать, причинять физический и моральный вред — это плохо, поэтому пытки иракских военнопленных американскими солдатами получили эвфемистическое название «*mistreatment of detainees*»[27]. Следовательно, негативно окрашенный глагол «to torture» заменяется нейтральным «to mistreat», что означает «to treat smb. badly or in an unkind way»[28]. Подобным образом солдаты, осуществлявшие пытки, были названы эвфемизмом, семантика которого несет меньший негатив, — «*the wrongdoers*», обозначающий людей «who does sth dishonest or illegal»[29].

В настоящее время феномен «политический эвфемизм» является предметом исследования не только традиционных лингвистических дисциплин, в число которых входит семантика, стилистика, лексикология, но и сравнительно молодых направлений лингвистического знания, включающих социолингвистику и лингвокультурологию, что закономерно определяет чрезвычайное многообразие подходов к определению и интерпретации изучаемого понятия.

При всем многообразии трактовок политического эвфемизма большинство исследователей сходятся в определении *цели* и *основного мотива* при создании политических эвфемизмов.

Так, ведущим мотивом эвфемизации речи в сфере политической коммуникации, по мнению ряда отечественных и зарубежных лингвистов, признается *сокрытие истинных целей непопулярной политики государства*, а также *правды об отрицательных сторонах денотата* от незначительной подтасовки фактов до открытой дезинформации населения с целью ввести в заблуждение общественное мнение[30].

Исходя из данного положения и в связи со спецификой нашего исследования, в самом общем виде мы можем говорить о ***двух основных группах политических эвфемизмов***, особо широко используемых в современных политических медиатекстах.

К первой группе мы относим так называемые *социальные (или социально-экономические) эвфемизмы*, появление которых обусловлено стремлением правящей элиты скрыть или, по крайней мере, несколько затушевать остроту существующих социально-экономических проблем, о чем уже было упомянуто ранее.

Мы считаем возможным выделение нескольких подгрупп в данной группе эвфемистических замен:

— *социально-экономическая нестабильность* vs *экономический кризис*. Ключевое для данной группы эвфемизмов понятие «economical crisis» получило целый ряд эвфемистических субституций. К их числу относятся следующие эвфемизмы: «*period of economic adjustment*», «*meaningful downturn*», а также «*period of negative economic growth*»;

— *работа и увольнение*. С.Г.Тер-Минасова приводит примеры переименования слова «firing», несущего негативную коннотацию. Так, глагол «fire (workers)» стали подменять рядом эвфемизмов: «*lay off*», «*downsize*», «*rightsize*», а также «*to make redundant*»[31].

— *социальное обеспечение* (в том числе жилищные условия). Примером подобного явления может служить иллюзорное решение проблемы жилья для бедняков, именуемых ныне людьми, живущими «*in low social brackets/ in reduced circumstances*», их воображаемым переселением из трущоб («slums») в «*substandard housing*»[32]. Здесь лексическая единица с ярко выраженной негативной коннотацией «slum» — «a street or district of old buildings in a poor dirty conditions, often crowded with people»[33] заменена нейтральным определением «*substandard*» — «below the usual or required standard»[34].

К данной подгруппе можно также отнести *проблему безработицы*. В данном случае вместо термина «unemployment» употребляется ряд эвфемизмов, в том числе «*economically inactive*»[35]. В данном случае используется нейтральное прилагательное «inactive», означающее «not active, passive». Тем самым вина ложится на плечи самих безработных, не имеющих постоянного места работы якобы по причине их пассивности, нежелания трудиться. Такие эвфемистические замены используются в сфере политического дискурса с целью снятия вины, разряжения общественной напряженности, которая может привести к социальному конфликту.

Таким образом, мы можем говорить о своеобразном эвфемистическом способе решения серьезных социальных проблем, имеющем символический характер и реализуемом на психологическом уровне.

Особую нишу в современной политической коммуникации занимают *военно-политические эвфемизмы*, используемые с целью прикрытия агрессии, незаконных военных вторжений, а также различных проявлений насилия над личностью. Политические эвфемизмы являются одним из самых действенных инструментов, которые активно используются субъектами политической деятельности в так называемой информационной войне.

Эта война получила в работах некоторых современных исследователей называние Третьей мировой[36]. Информационная война считается, по мнению специалистов, наиболее опасной из всех возможных войн, поскольку местом ее проведения является человеческое сознание.

В результате такого преобразования в общественном сознании появляются новые политические и идеологические мифы, назначением которых является создание поддержание желаемого для власти образа действительности.

Так, заказное политическое убийство получает название «*executive action*», а акты насилия со стороны «миротворцев» уклончиво называются «*those practices*»[37]. Нанесение разрушительных воздушных ударов силами войск коалиции — «*giving the adequate answer*»[38], внутриполитические репрессии — «*public tranquility*»[39], а война — «*police action*»[40].

Кроме того, исследователи, непосредственно занимающиеся изучением политических эвфемизмов (В.П.Живулин, Е.В.Кипрская, Л.Б.Коржева, Л.П.Крысин, Г.Н.Мухамедьянова, О.В.Обвинцева, Е.И.Шейгал; A.Keith, K.Burridge, N.Zoellner, R.W.Holder, W.Safire и др.), говорят о наличии определенных ***ценностных доминант*** в эвфемистически преобразованных лексических единицах.

В американской культуре данная особенность нашла свое выражение в *идеологии политической корректности*, исходя из основных положений которой, можно судить о доминирующих ценностях, а самое главное — о *морально-ценностных концептах* культуры[41].

Итак, в современной лингвистической литературе существует точка зрения, согласно которой значительная часть современных политических эвфемизмов обязана своим возникновением *концепции политической корректности,* отражающей специфику американской и британской культуры[42]. Именно явлению политической корректности обязаны своим появлением такие эвфемистические переименования, как «*undocumented persons/ noncitizens*» вместо «illegal aliens», а также «*newcomers*» вместо «foreigners»[43].

Идеология политической корректности послужила базисом для образования пласта эвфемизмов, мотивированных *морально-нравственными* принципами, то есть желанием избежать оскорбления субъекта по социальному статусу, религиозной или расовой принадлежности.

Например, национальные меньшинства получили уже устойчивые, общепринятые названия «*African-Americans, Asian-Americans, Latino population, Cape Coloured*»[44]. Помощь малоразвитым странам стала политически — корректно именоваться «*gift*»[45], а сами страны — «*backward/ developing*» вместо «uncivilized»[46].

Таким образом, мы, вслед за О.Ф.Ивановой, можем говорить о том, что политическая корректность — это своего рода стратегия, а эвфемистические переименования — тактические ходы, при использовании которых, становится возможным сохранить, либо нарушить баланс взаимодействия между отдельными социальными группами[47].

Кроме того, с точки зрения лингвокультурологии, *политкорректность* — это скорее *культурное*, чем языковое *явление*, поскольку все изменения в культурной сфере неизменно отражаются в языке. Языковые изменения, в свою очередь, активно участвуют в культурных процессах и влияют на них[48].

Так, запреты политически корректного языка позволяют нам говорить о следующих ***концептах, отражающих базовые ценности англоязычной культуры*** (в данном случае культуры США):

— концепт «*свобода/независимость*» («**Liberty**»), включающий в себя такие приоритеты как личная свобода, свобода выбора и самоопределения индивидуализм, расчет на самого себя, независимость от правительства, полное отсутствие внешнего принуждения.

По этой причине ссылка, насильственное переселение людей, а следовательно, грубое нарушение их прав не может быть названо прямо — «exile» («the state of being sent away from one's native country or home, esp. for political reasons or as a punishment; *forced* absence»)[49]. По этой причине данное явление получает в американских СМИ эвфемистическое название «*voluntary evacuation*»[50], становясь, таким образом, в сознании людей сознательной и добровольной сменой места жительства: «voluntary» — «acting, done or given willingly»[51];

— концепт «*равенство*» («**Equality**»), предполагающий равенство возможностей всех членов общества, а также терпимость к меньшинствам. В связи с этим существует ряд эвфемистических субституций, при помощи которых становится возможным избе-

жать упоминания об этнической или расовой принадлежности индивида, о чем уже упоминалось ранее. Например, выходцы из так называемых стран Третьего мира получили нейтральное наименование «*ethnic*» вместо «black» и др., а также «people from *ethnic states*»[52]. «Ethnic» — of or involving a nation, race, or tribe that has a common cultural tradition; (of a person) — belonging to the specified country or area by birth or family history rather than by NATIONALITY[53];

— концепт «*достаток/благосостояние*» («**Prosperity**»), раскрывающий такие ценностные ориентиры представителя американского общества как состязательность, прогресс, достижение, деловая ориентация, свободное предпринимательство, погоня за материальными благами, рассмотрение работы и связанного с ней благосостояния как одной из ведущих ценностей. Однако анализ медиатекстов современного американского политического дискурса позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время этот концепт уходит на второй план, уступая место таким ценностям как равенство (в том числе в материальном положении), социальное равновесие.

В современном американском обществе плохо быть не только бедным, но и богатым, поэтому упоминания о крайней нищете и чрезмерном достатке стало в настоящее время политическим табу. Например, в словаре Холдера зафиксированы такие эвфемистические единицы как «*advantaged*» для обозначения богатых и «*the least advantageous section of community*» для смягченного описания бедных и неимущих[54]. При этом «advantaged» определяется в словаре Хорнби как «having a good social and financial position», а «advantageous» как «profitable, beneficial»[55];

— все вышеобозначенные ценностные приоритеты могут быть объединены в рамках концепта «*американской мечты*», охватывающего все перечисленные характеристики. «**American dream** is the ideal of freedom and opportunity that motivated the Founding Fathers; the *spiritual strength of the nation*»[56].

Э.Я.Баталов называет данный концепт «гражданской религией страны», которая представляет собой совокупность идеалов и стереотипов, главным из которых является представление об Америке как стране свободы и неограниченных возможностей, где каждый может добиться успеха и продвижения по социальной лестнице[57];

— концепт «*религия/религиозность*» («**Religion**»), включающий такие понятия как вера в Бога, моральность, подчинение высшему закону, а также следование внутреннему закону — совести. Кроме того неотъемлемой составляющей данного концепта является идея «*религиозной миссии*» США, идея исправления мира.

Данная идея реализуется в настоящее время, по мысли Г.Меггле, при помощи так называемых «*миссионерских войн*», своего рода современных крестовых походов с целью глобализации базовых американских (а по сути общечеловеческих) ценностей: свободы, равенства и человеческого достоинства[58].

Отсюда военные вторжения войск коалиции именуются не иначе как «*peacekeeping mission», «war for freedom*», «*liberation the people of Iraq*», а сами войска — «*humanitarian forces*»[59].

Негативной стороной данного концепта могут быть проявления крайнего национализма. Кроме того, вера в провиденческую, предопределенную свыше миссию США указывать путь развития всему человечеству в настоящее время приобретает гиперболизированные черты стремления к мировому господству и выражается в агрессивных действиях Пентагона по отношению ко всем инакомыслящим[60].

В связи с этим ряд современных отечественных и зарубежных исследователей (Г.Меггле, Б.Межуев, Н.Плотников, Г.Филимонов, Ю.Хабермас, Э.Хобсбаум и др.) выделяют изоляционистский *идеологический концепт* «**крепость-Америка**», свойственный современной американской культуре.

Данный концепт, получивший в свете событий 11/9 статус официальной доктрины, определяет, по мнению специалистов, стиль нынешней американской политики, представляя глобальное обеспечение интересов США в качестве *религиозной миссии*[61].

С другой стороны, нападение Америки на Ирак было официально оправдано соображениями национальной безопасности — «*self-defense*», поскольку режим С.Хуссейна представлял «угрозу» для безопасности США — «*the threat to the American security*»[62]. То есть здесь мы имеем дело с целенаправленной подтасовкой фактов, намеренным изменением смысла происходящих событий с целью манипулирования общественным сознанием;

— ключевым для описания американской культуры мы, вслед за О.В.Гайковой, считаем концепт «**американизм**»[63] или концепт «**американской исключительности**», поскольку он отражает веру в прогресс и преданность американским общественно-политическим институтам, в творческие силы человека, а самое главное — твердую уверенность в исключительности общественно-политического развития Америки. Данный концепт связан, по мысли О.В.Гайковой, со становлением и формированием идеи национального самосознания и самой американской нации[64].

Название «американизм» представляется нам не вполне удачным, поскольку оно созвучно с термином «американизм», которым в лексикологии обозначают заимствования из американского варианта английского языка. Поэтому в дальнейшем мы будем использовать название «американская исключительность» для обозначения данного концепта.

Зародившись уже на начальных этапах освоения Нового Света, концепт «американской исключительности» имеет противоречивый, двойственный характер. С одной стороны, данный концепт основан на провозглашенных самими американцами принципах свободы, индивидуализма и демократии и несет в себе «миссионерскую идею возрождения всего человечества»[65].

С другой стороны, негативным следствием подобной идеи является изоляционизм, непосредственно связанный и послуживший основанием для формирования следующего фундаментального концепта американской культуры, который, по сути, вбирает в себя все перечисленные ценностные доминанты.

Таким образом, политические эвфемизмы, появление которых, как правило, мотивировано этическими и идеологическими запретами (политическими табу) позволяют нам судить о базовых ценностях изучаемой культуры.

Кроме того, на настоящем этапе развития современного информационного общества политические эвфемизмы стали одним из самых эффективных и опасных средств воздействия на массовую аудиторию, манипулирования общественным сознанием в сфере политического дискурса.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Пауль Г.* Принципы истории языка. М., 1960. С. 122–123.
2. *Lawrence J.* Unmentionables and other Euphemisms. London, 1973. P. 81.
3. *Видлак С.* Проблема эвфемизма на фоне теории языкового поля // Этимология. М., 1986. С. 23–41; *Бушуева Т.С.* Прагматический аспект эвфемии и дисфемии в современном английском языке: Дис….канд. филол. наук. Смоленск, 2004; *Вавилова Л.Н.* К вопросу об эвфемизации современной русской речи. Сборник научных трудов // http: www/universitet/fil/com, *Варбот Ж.Ж.* Табу // Русский язык. Энциклопедия. М., 1979. С. 402, *Донской В.Ф.* О табу и эвфемизмах // Проблемы стилистики, лексикологии и фразеологии. Иркутск: ИГУ, 1976. С. 23–29; *Евсеева Н.А.* Культура и языковые запреты // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2000. №2. С. 43–47; *Кацев А.М.* Языковое табу и эвфемия. Ленинград, 1988; *Крысин Л.П.* Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. Берлин, №1–2, 1994. С. 28–49 // www.philology.ru/linquistics2/krysin-94; *Шмелев Д.Н.* Эвфемизм // Русский язык. Энциклопедия. М., Советская энциклопедия, 1979. С. 402; Busch (электронный ресурс), *Holder R.W.* How not to say what you mean: Oxford Dictionary of Euphemisms. Oxford, 2003; Schoeder (электронный ресурс); *Lawrence J.* Op. cit.

4. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. М., 2004. С. 297.
5. *Кацев А.М*. Ук. соч. С. 13.
6. *Иванова О.Ф.* Эвфемистическая лексика английского языка как отражение ценностей англоязычных культур: Автореф. дис….канд. филол. наук. М., 2004; *Кацев А.М*. Ук. соч.; *Евсеева Н.А*. Культура и языковые запреты // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2000, №2. С. 43–47; *Крысин Л.П.* www.philology.ru/linquistics2/krysin-94; *Москвин В.П.* Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования // ВЯ. 2001. №3. С. 58–70.
7. *Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г*. Культурология. Теория культуры: Учеб. пособие для вузов. М., 2004. С. 108.
8. *Жуков И.В*. Война в дискурсе современной прессы // *Русакова О.Ф.* Дискурс, политический дискурс, политическая дискурсология // Многообразие политического дискурса. Екатеринбург, 2004. С. 7–32; *Овчарова Г.Б*. Опыт лингвокультурологического исследования современной русской политической речи: Автореф. дис….канд. филол. наук. Краснодар, 2001.
9. *Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г*. Ук. соч. С. 183.
10. *Овчарова Г.Б*. Ук. соч., Орлова 1998.
11. Цит. по *Орлова Н.В*. Эвфемизмы в массовой коммуникации и их культурно-речевая интерпретация // Славянские чтения: Тезисы и материалы Научн.-практ. Конф. Омск. №6. 1998. С. 145.
12. Там же.
13. Там же.
14. *Кипрская Е.В*. Политические эвфемизмы как средство камуфлирования действительности в СМИ (на примере конфликта в Ираке 2003–2004 гг.): Дис…. канд. филол. наук. Киров, 2005.
15. *Нарочницкая Л.Н.* Язык звездно-полосатой пропаганды // www.rusedina.org.
16. *Lawrence J.* Op. cit.
17. *Safire W.* Safire's New Political Dictionary. The definitive guide to the new language of politics. New York, 1993.
18. *Rawson H.* Rawson's Dictionary of Euphemisms and other Doubletalk. New York, 1995.
19. цит. по *Кипрская Е.В*. Политические эвфемизмы как средство камуфлирования действительности в СМИ (на примере конфликта в Ираке 2003–2004 гг.): Дис…. канд. филол. наук. Киров, 2005.
20. *Живулин В.П*. Становление общественно — политической лексики США в сфере государственного управления в XVII–XX вв.: Автореф. дис….канд. филол. наук. СПб., 1997; *Кипрская Е.В*. Ук. соч.; *Коржева Л.Б.* Изучение политических эвфемизмов в курсе подготовки дипломатов // Язык. Культура. Общество. М., 2001. С. 147–156, *Мухамедьянова Г.Н*. Эвфемия в общественно-политической лексике (на материале современного немецкого, русского и башкирского языков): Автореф. дис….канд. филол. наук. Уфа, 2005; *Нарочницкая Л.Н.* Язык звездно-полосатой пропаганды//www.rusedina.org.; *Обвинцева О.В.* Эвфемизм в политической коммуникации (на материале английского языка в сопоставлении с русским): Дис….канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003; Ayto 1993; *Keith A., Burridge K.* Euphemism and Dysphemism. Language used as Shield and Weapon. Oxford/New York: Oxford University Press, 1991 // http://www.shlrc.mq.edu.au/style/nov1991.html; *Holder R.W.* Op. cit.; *Rawson H.* Op. cit., *Richman Sh*. Government by Euphemism // www.fff.org/comment; *Zoellner N.* Der Euphemismus im Alltaeglichen und Politischen Sprachgebrauch der Englischen. Frankfurt-Main, 1997; *Safire W.* Op. cit.
21. *Шейгал Е.И*. Семиотика политического дискурса. М., 2004. С. 297.
22. *Кипрская Е.В*. Ук. соч.; *Крысин Л.П.* www.philology.ru/linquistics2/krysin-94; *Нарочницкая Л.Н.* Язык звездно-полосатой пропаганды//www.rusedina.org.; *Панин В.В.* Политическая корректность в текстах mass-media//http://www.utmn.ru/frgf/No14/ text05.htm.; *Keith A., Burridge K.* Op. cit.; *Holder R.W*. Op. cit.; *Lawrence J.* Op. cit.; *Rawson H*. Rawson's Dictionary of Euphemisms and other Doubletalk. New York: Gordon Publishers, Inc., 1995.

23. http:// www.iraqiwar.mirror-world/article.
24. *Крысин Л.П.* Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. Берлин, №1–2, 1994. С. 28–49 // www.philology.ru/linquistics2/krysin-94.
25. *Шейгал Е.И*. Ук. соч. С. 185.
26. Там же.
27. www.nytimes.com.
28. *Hornby A.S.* Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford Univercity Press, 1995. P. 747.
29. *Hornby A.S*. Op. cit. P. 1384.
30. *Вайнрих Х*. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С.44–87; *Карасик В.И.* О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Сборник научных трудов. Волгоград, 2000. С. 95–126. (электронный ресурс); *Коржева Л.Б.* Изучение политических эвфемизмов в курсе подготовки дипломатов // Язык. Культура. Общество. М., 2001. С. 147–156; *Олянич А.В.* Драматургия политического и военно-политического конфликта в массово-информационном дискурсе (стратегии презентации «своих» и «чужих») // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. Екатеринбург, 2004. С. 303–322; *Орлова Н.В*. Эвфемизмы в массовой коммуникации и их культурно-речевая интерпретация // Славянские чтения: Тезисы и материалы Научн.-практ. Конф. Омск. №6. 1998; *Шейгал Е.И.* Ук. соч.; *Lawrence J.* Op. cit.; *Holder R.W*. Op. cit.; *Safire W*. Op. cit.
31. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация.М., 2000. С. 197.
32. www.nytimes.com.
33. *Hornby A.S.* Op. cit. P. 1117.
34. *Hornby A.S.* Op. cit. P. 1192.
35. *Holder R.W*. Op. cit. P. 125.
36. *Борисенко М.В.* Роль политической мифологии в современной мировой политике. Вестник МГУ. Серия Социология. 2002. №3. http://bormar.narod.ru/rolmifa.htm; *Денисюк Е.В*. Манипулятивное речевое воздействие: к вопросу об эстетической оценке // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. Екатеринбург, 2004. С. 273–284; *Жуков И.В*. Война в дискурсе современной прессы // Мазиев, Сарафанникова (электронный ресурс); Романова 2002 и др.
37. http://www.whitehouse.
38. http://www.whitehouse.
39. *Holder R.W*. Op. cit. P. 318.
40. *Safire W.* Op. cit. P. 587.
41. Американский характер: Очерки культуры США / Под ред. О.Э.Тугановой. М., 1991; *Баталов Э.Я.* Политическая культура современного американского общества. АН СССР, Институт США и Канады. М., 1990; Гайкова 2003, *Тер-Минасова С.Г*. Ук. соч.; Bar-Tal, Teichman 2005; Bauman 2003; *Burridge K*. Political correctness: euphemism with attitude//www.shlrc.mq.edu.au/style/dec 1995; *Holder R.W*. Op. cit.; *Safire W.* Op. cit.
42. *Адлер Д*. Борьба против политической корректности // Америка, сентябрь. 1993. № 442; *Иванова О.Ф.* Эвфемистическая лексика английского языка как отражение ценностей англоязычных культур: Автореф. дис….канд. филол. наук. М., 2004; *Кипрская Е.В*. Ук. соч., Толстая (электронный ресурс); *Burridge K.* Op. cit.; Fowler, 1991, *Holder R.W*. Op. cit.; *Safire W.* Op. cit.
43. www.nytimes.com.
44. *Longman* Dictionary of English Language and Culture. Addison Wesley Longman, 1998. P. 181.
45. *Holder R.W*. Op. cit. P. 7.
46. *Holder R.W*. Op. cit. P. 18.
47. *Иванова О.Ф.* Ук. соч.
48. *Адлер Д*. Ук. соч.; *Баталов Э.Я.* Ук. соч.; Воробьев 1997, Дергачева 1998, *Евсеева Н.А*. Ук. соч., *Карасик В.И.* Ук. соч. (электронный ресурс); Маслова 2001, *Попова Е.А*. Поли-

тический дискурс как предмет культурно-лингвистического изучения // Языковая личность: проблемы значения и смысла: Сб. научн. труд / Под ред. И.В.Сентенберг, В.И.Карасика. Волгоград, 1994. С. 143–152; *Овчарова Г.Б.* Ук. соч.; Хроленко 2004; *Burridge K*. Op. cit.
49. *Hornby A.S*. Op. cit. P. 402.
50. www.washingtonpost.com.
51. *Hornby A.S*. Op. cit. P. 1333.
52. www.nytimes.com.
53. *Hornby A.S.* Op. cit. P. 393.
54. *Holder R.W*. Op. cit. P. 5.
55. *Hornby A.S*. Op. cit. P. 18.
56. *Safire W*. Op. cit. P. 17.
57. *Баталов Э.Я.* Ук. соч. С. 125.
58. *Меггле Г.* Мысли об иракской войне // Логос №1. Спец. выпуск «Война».М., Дом интеллектуальной книги, 2003. С. 52–69. С. 57.
59. www.parliament.am/news.php.
60. *Валлерстайн И.* «Шок и трепет?» // Логос №1. Спец. выпуск «Война». М., Дом интеллектуальной книги, 2003. С. 48–51; *Жижек С.* Война в Ираке: в чем заключается подлинная опасность? // Логос №1. Спец. выпуск «Война». М., Дом интеллектуальной книги, 2003. С. 75–88; *Меггле Г.* Ук. соч.; *Плотников Н*. «Credo, quia absurdum». Политическая теология Дж. Буша — младшего // Логос №1. Спец. выпуск «Война». М., 2003. С. 70–74; *Филимонов Г.Ю*. Факторы культуры во внешней политике США // http://humanities.edu.ru/db/msg/38693.
61. *Плотников Н*. Ук. соч. С. 71.
62. www.parliament.am/news.php.
63. *Баталов Э.Я.* Ук. соч.; Гайкова 2003 и др.
64. Гайкова 2003.
65. Гайкова 2003: 57.

U.G. REPP (Omsk)

POLITICAL EUPHEMISM: LANGUAGE OF AUTHORITY OR POWER OF LANGUAGE? (RESEARCH OF PROBLEM FROM POSITION OF LINGVO-CULTURE SCIENCE)

The work considers the problem of language influence within a modern English-speaking political discourse by means of euphemistic substitutions. The author carries out the analysis on the example of two basic groups of political euphemisms, most widely submitted in English political media-texts. The phenomenon of political euphemism is examined in the present article through the prism of basic value dominants of English-speaking (in particular American) culture.

Е.Ю. КАРМАЛОВА (Омск)

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В ТЕЛЕВИЗИОННОЙ ФЕСТИВАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ

Ещё Р. Барт отмечал, говоря о мифологии, что «носителем мифа способно служить все: не только письменный дискурс, но и фотография, кино, реклама»[1]. По мнению М.Элиаде, некоторые аспекты и функции мифологического мышления образуют важную часть самого человеческого существа. Мифологическое мышление может утратить свои прежние формы, может адаптироваться к новым культурным модам, но не может исчезнуть окончательно[2]. В работе «Аспекты мифа» в качестве современного мифологического материала он анализирует комиксы, некоторые произведения современного искусства.

Правда, далеко не все современные культурологи, философы, социологи считают рекламную коммуникацию мифологической. «Реклама ещё один феномен масскульта, создающая массовые мифы для индивидуального пользования. Реклама по типу её создания и использования бессознательного вполне может быть отнесена к сфере мифологии, в то время как, по сути, является псевдомифологией, ибо искусственно формирует якобы жизненно значимые ситуации, придает высокий жизненный статус событиям и действиям рутинно-обыденного характера. Иными словами, нарушает порядок уровней бытия и иерархию статусов, фактически разрушая то, что почиталось задачей подлинного мифа. В настоящее время телевизионная реклама оказывается тем средством массовой коммуникации, которое приводит к унификации и распространению одной и той же культурной продукции, одних и тех же моделей поведения и одних и тех же мифов».[3]

Одна из основных причин называть рекламу псевдомифологической коммуникацией — сознательное конструирование в ее рамках тех или иных моделей и даже предварительное прогнозирование тех или иных психологических реакций. Иррационализм современного мифотворчества не является бессознательным, естественным, как это было у первобытных носителей мифологического сознания. Он вводится и используется сознательно, для того чтобы сконструировать мифологическую реальность и заменить ею существующую. В первобытном мифологическом мышлении в этом просто не было необходимости, поскольку реальность была одна. По мнению критиков массовой культуры, одной из наиболее «одиозных» форм которой является реклама, все это нужно для того, чтобы проникнуть в глубины «человеческого бессознательного», актуализировать существующие там архетипические структуры и подключить их к переживанию нынешних впечатлений, тем самым усилив их воздействие. Здесь идет речь о том механизме, который у рекламистов-практиков носит название «мифопроектирование» или «архетипическое кодирование». Но, заметим, рекламный креатив далеко не всегда является проекционным, очень часто та или иная эстетическая идея возникает бессознательно, и лишь при последующем анализе в ней обнаруживаются архетипические структуры и формы.

Тем самым, если говорить о современной массовой культуре, то в разных ее видах, например литературе и рекламе, могут быть реализованы совершенно сходные механизмы. Один из них — это сознательное конструирование текста с точки зрения включения в его структуру различных мифологических сюжетов и образов. Другой, прямо противоположный, — бессознательное использование этих моделей, потому что, как писал К.Г.Юнг, «говорящий прообразами говорит как бы тысячью голосов, он пленяет и покоряет, он поднимает описываемое им из однократности и временности в сферу вечно сущего, он возвышает личную судьбу до судьбы человечества и таким путем высвобождает в нас все те спасительные силы, что извечно помогали человечеству избавляться от любых опасностей и превозмогать даже самую долгую ночь».[4] Несомненно, в современной массовой культуре в различных ее видах и формах гораздо чаще реализуется первый механизм, чем второй. Но полностью исключать существование последнего мы тоже не можем.

Если раньше одной из функций мифа и ритуала было утверждение мирового порядка, то современный миф, напротив, усиливает ощущение хаоса, которому противостоит не культурный герой, а над- или внечеловеческая сила (государство, транснациональные корпорации и т.п.). Заметим, что реклама создает иной, нереальный мир в противовес существующему, тем самым разрушая мифологическое единство, точнее говоря, замещая его. Но этот вымышленный, мифологизированный мир всегда (возможно, кроме шоковой рекламы) предстает или как идиллический, или как победивший хаос. В рекламе, даже использующей в качестве модели голливудский масскультовый образчик жанра апокалипсиса, хаос всегда будет побежден космосом, гармония будет восстановлена.

Интересны также отношения между современным мифом, человеком и хронотопом, связывающим их. По мнению исследователей современной массовой культуры, современный миф не предназначен для того, чтобы приобщить человека к чувству вечности, помочь выйти за пределы своей временной и пространственной ограниченности. Нам кажется, что в отношении мифологического хронотопа рекламного дискурса это не так. Хотя реклама создает лишь иллюзию выхода человека за пределы его пространственных и временных координат.

«Правильнее говорить не о втором рождении мифа или его возрождении, но о новом цикле развития культурной способности к освоению мифа в формах мифологического мышления, о новой актуализации самой потребности в мифе».[5] Рекламная коммуникация, как и вся массовая культура, является одной из основных форм реализации современной мифологии. Это выражается прежде всего в особом способе переживания реальности (иррациональном, нерефлексивном, некритичном) и в особом способе структурирования мира. Пространство и время являются для мифологических систем базовыми, архетипическими началами, на основании которых создается целостная, глобальная, универсальная, оптимистическая картина мира.

Пространственно-временные представления в архаическом мифе и современной мифологии обнаруживают много сходного, получая конкретизацию в каждом виде и жанре. Если говорить о рекламе, то она обладает повышенной семиотичностью, знаковой избыточностью. Пространственные локусы и временные особенности представлены в рекламных текстах достаточно лаконично, что позволяет каждое их проявление воспринимать как знак, каждую вещь как сверхценную по смыслу.

В определенной части рекламных роликов пространство и время представлены как «жизнеподобные», т.е. в них отражен линейный, исторический временной принцип, в котором важны в основном два состояния времени — до и после использования товара. Этот принцип характерен для рекламы лекарств, косметических средств, напитков. Пространство в данных роликах также воспринимается как реалистическое, несмотря на то, что реклама в целом моделирует несуществующий, нереальный мир. Для «жизнеподобных» роликов характерна последовательная сюжетность, съемка с помощью более длинных кадров, чем в «мифологической» группе, линейное развертывание сюжета в пространстве и времени.

В «мифологической» группе рекламных роликов съемка обычно используется клиповая, кадры короткие, с помощью такой монтажной техники пространственные локусы акцентируются и приобретают дополнительные семиотические смыслы. Реклама такого типа организована более сложно, так как рекламируемый товар становится лишь одной из вещей, организующих мифологический тип пространства: в нем есть и другие вещественные акценты. Развитие сюжета в этом типе рекламы может не иметь начала или конца, какие-то этапы в его развитии могут быть опущены без ущерба для миромоделирования. Время в этой группе рекламных роликов также специфично: взаимосвязанно с развертыванием пространства оно может замедляться или убыстряться, прерываться и т.д.

Время и пространство в «мифологической группе» рекламных роликов даже внешне, на первый взгляд не поддерживает иллюзию реалистичности. В них движение в пространстве может развертываться в двух основных направлениях — по вертикали (сверху

вниз и наоборот) и по горизонтали (справа налево и наоборот). Эти же принципы организации пространства присущи и многим роликам «реалистической» рекламы. Хотя в ней, несомненно, доминирует сюжетный, горизонтальный тип.

Организация пространства в роликах «мифологической» группы тоже неоднородна:

1) если в таком ролике присутствует субъект, развивается сюжет инициации, то развертывание пространства обычно происходит по горизонтали. Герой в этих роликах передвигается по горизонтальной поверхности, желая достичь определенной цели. Реже происходит передвижение героя по вертикали, сверху вниз и/или обратно, как, например, в рекламе кроссовок «Найк» («Каннские львы» 2003 года) девушка задает герою трудную задачу: герои стоят на балконе верхнего этажа, она кидает вниз то заколку, то сумочку, а юноша прыгает по балконам вниз и возвращается назад с вещами своей девушки, всякий раз успешно проходя испытание. Герой также может двигаться от определенного центра к периферии, на границе между своим и чужим пространством достигать своей цели, проходить инициацию и возвращаться назад или даже не возвращаться: для рекламного ролика этого типа вполне возможно, что герой проходит инициацию, но из ирреального мира не возвращается. В рекламе джинсов «Ливайс» герои начинают движение из «своего» пространства (комната, квартира), продолжая движение, проходят сквозь стены, а затем переходят в ирреальное, чужое пространство: начинают быстро двигаться вертикально вверх по стволам деревьев. Возвращения из чужого пространства не происходит.

Пространство как по горизонтали, так и по вертикали «населено» живыми людьми и вещами, причем рекламируемая вещь не всегда акцентирована, как это бывает в обычной товарной рекламе. Она также часть этого пространства. Субъект движется в каждом из слоев по горизонтали или по вертикали развертывающегося мира, часто имеет возможность переходить из одного слоя в другой, при этом со временем также происходят различные метаморфозы. Как и в архаическом сознании, в современном мифологическом часто время и пространство тесно соединены друг с другом, представляют собой неразрывный хронотоп: поэтому изменения в пространстве несут с собой и изменения во времени.

2) Эту группу можно назвать вариантом первой, так как здесь есть субъект, правда, это не человек, а, например, автомобиль, изображенный в соответствии с принципом антропоморфизации или зооморфизации. Одушевленный автомобиль в рекламном ролике также «проходит инициацию»: преодолевает гололед, горы, грязь и т.д. Таким же способом часто рекламируются автомобильные шины, например, известная марка «Пирелли» в фестивальном ролике «Ночь пожирателей рекламы» 1997 года.

3) Если в ролике нет акцента на единичном субъекте, человек является такой же частью мира, как и все остальное: вещи, деревья, дома , животные — то пространство (то есть движение камеры оператора) может также развертываться по вертикали и по горизонтали. Никакого сюжета в роликах такого типа нет, связь между эпизодами, смонтированными в клиповой манере, исключительно ассоциативная. Это становится понятным после того, как реципиент досмотрит ролик до конца и осмыслит его идею. Например, в ролике «Эйрбас» мы видим движение по вертикали через нижний (подземный), средний (земной) к верхнему (небесному, надоблачному) миру. Внутри нижнего и среднего пространств есть свои слои, подразделения; обитатели каждого из них суетятся, спешат. И только в верхнем пространстве нет суеты и спешки. Рекламный слоган данной авиакампании: «Путешествие в мире и спокойствии».

Достаточно часто интересны с точки зрения игры с пространством ролики общественного движения «Гринпис» («Каннские львы», 2003, №42). В данном ролике противопоставляются топосы города и естественной природы. Пространство города изображается как густо заселенное: здесь много людей, домов, машин. Камера оператора движется справа налево, несколько раз останавливается, акцентируя какие-то отдельные локусы, человеческие фигуры (данный способ съемки на телевидении называется «панорама с акцентом на объекте). За кадром идет дикторский текст, перечисляющий то, что встре-

чается в поле зрения. Но «диктору» как будто не хватает дыхания, он астматически вдыхает: город перенаселен, людям не хватает воздуха. Затем камера перестает двигаться, и перед нами возникает один остановленный дальний план — вид реки Амазонки, сельвы — картина открытого широкого пространства в противовес узкому, замкнутому душному топосу города.

(Илл.1, 2)

С пространством и временем в этой группе роликов также могут происходить различные метаморфозы. Но так как человек здесь не выделен из макрокосма, то искривление пространства и замедления в течении времени мы осознаем не через призму анализа субъекта, а через метаморфозы его тела например:

(Илл.3).

4) В третьей группе роликов в повседневной, внешне реалистической жизни современного человека (по мнению исследователей, именно в этой сфере и реализуется прежде всего современное мифологическое сознание) воплощаются принципы мифопоэтического миромоделирования. Рекламные кампании некоторых мировых брендов целиком строятся на реализации этого механизма. Например, в роликах компании «Икеа» в различных вариациях моделируется пространство квартиры, комнаты, хотя и личное, но изоморфное целому миру. Причем моделирование может происходить в двух направлениях: от укрощения хаоса к созданию гармонии, наведению порядка (Илл.4) и от превращения космоса в хаос, от порядка к беспорядку.

5) Эти ролики трудно объединить в отдельную группу, потому что они единичны. В них воспроизводится мифологическое представление о пространстве целиком, нередуцированное, нелокализованное, в отличие от других роликов «мифологической» группы.

(Илл. 4, 5, 6).

В результате анализа роликов фестивальной рекламы можно с большой долей уверенности обозначить, какие группы товаров обычно рекламируются в «реалистическом» и «мифологическом» типе роликов. «Мифологическая» группа — это в основном реклама автомобилей, спортивной одежды, чаще всего обуви, джинсов, напитков, мороженого, мебельных брендов и др. «Реалистическая» реклама в большей степени продвигает товары повседневного спроса: средства гигиены — шампуни, дезодоранты, мыло; продукты. Данное разделение не исключает возможности того, что реклама товара/услуги может быть сделана вопреки привычным стереотипам креаторов. Хотя в целом указанная нами дифференциация типов рекламы в зависимости от видов товара существует.

Резюмируя свои наблюдения над созданием образа пространства в рекламе, скажем, что его развертывание, как и в мифологии, также можно обозначить через принцип от Хаоса к Космосу: в рекламе пространство структурируется обычно благодаря рекламируемому товару. В целом рекламное пространство имеет многослойную структуру, как и пространство мифологическое.

Несмотря на многослойность рекламного пространства, обычно действия героя развертываются в одном («земном») или двух («земном»=среднем — «верхнем»/нижнем) мирах. Изображение мифологического «троемирия» малохарактерно для рекламного дискурса.

Благодаря многослойности пространства в рекламе герои, как и в мифе, могут передвигаться в нем с различной, иногда мгновенной, иногда замедленной скоростью.

Для рекламных текстов также важны пространственные границы: здесь часто акцентируются образы лестницы, тоннеля, любого вида границы, символизирующие переход от одного локуса к другому.

Современные культурологи относят массовое искусство к так называемым каноническим культурам (понятие введено Ю.М.Лотманом). К этому же типу относятся, напри-

мер, мифология, фольклор, искусство Средневековья.[6] По мысли Ю.М.Лотмана, все канонические культуры организуют информацию через повторы, неявное цитирование, варьирование, создающее эффект замедления, торможения, остановки времени. Поэтому время в текстах массовой культуры предстает не как линейное (хотя в них представлена и такая форма), а как развивающееся в собственной системе координат, существующее по своим законам.

В рекламных текстах, как и в любых других продуктах массового искусства, есть событийное время (линейное, историческое, фиксирующее движение от прошлого к настоящему и будущему). Довольно часто именно в роликах с данным типом временного развертывания случаются хронологические перемещения и различные манипуляции со временем: его остановка, выход за его пределы, замедление, убыстрение. Это становится возможным и даже поддается визуализации, в отличие от вербальных форм массового искусства, благодаря техническим приемам работы со временем: монтажу, спецэффектам ускорения или замедления. Здесь, на наш взгляд, скрывается и основное отличие времени, представленного в текстах массового искусства, и мифологического времени при всех их многочисленных сходствах. Последнее для мифологического сознания представало всегда как реальное, единственно возможное, первое же является сознательно или бессознательно сконструированным, смоделированным и замещает собой реальное время только в рамках массовой культуры (правда, последняя пытается заменить собой весь реальный мир).

Представлено в текстах массового искусства и циклическое время, основное для мифологического сознания. Циклическое время связано с воспроизведением архетипа, стереотипа, какой-то апробированной опытом ситуации, которая не требует рефлексии, не осмысляется и воспроизводится часто бессознательно. Именно здесь, на наш взгляд, случаются повторы, используются сюжетные формулы, существует жанровая предзаданность. Например, в фольклоре, где однажды заданные ситуации: получение трудной задачи, встреча с помощником, получение волшебного предмета, испытание, вознаграждение или гибель (для сказки); скачка, бой, пир, состязание, похвальба (для былины) — остаются неизменными, а творчество заключается в индивидуальности комбинации и в акцентах. Применительно к рекламе мы бы назвали это стереотипичностью развития сюжета: в первом типе роликов «мифологической» группы, например, сюжеты практически всегда развиваются стандартно(исходная ситуация — получение задания — волшебный помощник — прохождение или непрохождение испытания). Причем какие-то звенья могут опускаться, варьироваться, но незначительно; при юмористической трактовке сюжет может выворачиваться наизнанку, но этапы его развития остаются прежними.

Вся художественная культура так или иначе опирается на структуры «коллективного бессознательного». Но, если в высокой культуре их смыслы индивидуализируются автором, а затем и реципиентом, то в массовой культуре их функция совершенно противоположная: они способствуют возникновению запрограммированных реакций. С одной стороны, это позитивный момент, так как современный субъект тем самым возобновляет коллективный опыт и самоидентифицируется относительно него. С другой стороны, реактивация архетипического, производящаяся в частности с помощью восстановления архаико-подобных пространственно-временных форм, способствует манипуляции сознанием субъекта.

Для рекламного дискурса, как и для всей массовой культуры, характерно также противопоставление сакрального и профанного типов времени. В профанном времени находятся люди, в сакральном — герои, но для рекламы в «мифологической» группе характерен выход героя за рамки обычного, профанного времени и переход его в сакральное время, а затем обычно возвращение назад. Перемещение во времени связано и с передвижением в пространстве (ролик «Ливайс»: движение по горизонтали начинается в реальном пространстве комнаты, затем герои пробивают стены нескольких комнат, т.е. проходят через границы между реальным и ирреальным пространством, после чего на-

чинается движение по вертикали в ирреальном пространстве — вверх по стволам деревьев и в небо, вопреки всем физическим законам). Заметим, что время в этом ролике развивается параллельно развертыванию пространства: от профанного к сакральному с использованием принципа ускорения. В ролике «Иксбокс», представленном на фестивале «Каннские львы» 2002 года, цикличность времени в рекламном тексте иллюстрируется абсолютно гротесковым способом: человеческая жизнь от рождения до могилы проходит перед нами в течение минуты, смена пространственных локусов происходит мгновенно, связь между ними внешне не детерминирована, она внутренне-асссоциативна.

Несомненно, данная дихотомия связана в архаическом и современном мифологическом искусстве с проблемой героя. Тип поведения персонажей, представленный в данных и множестве других рекламных текстов, является исключительным, для бытовых ситуаций нехарактерным. Персонажи здесь действуют так же, как культурные мифологические герои (как бы это ни было на первый взгляд невозможно): они выполняют свое предназначение и осуществляют выбор пути вопреки всему. «В мифологии, в том числе и современной, время выполняет совершенно особую функцию: изымает человека из бытийных обстоятельств и погружает его в особое поле, где субъект перестает существовать как целостность и проживает эпизоды двух автономно существующих реальностей, чередующихся между собой».[7]

Таким образом, в рекламе, как и в других видах и формах массового искусства, линейное, событийное время сосуществует с циклическим: первое в большей степени представлено в названной нами «реалистической», «жизнеподобной» ветви рекламных текстов; второе — в «мифологической» группе. В рамках последней также несомненно существование временной дихотомии «профанное-сакральное», которая воплощается в архетипе героя-антигероя и в сюжете инициации.

Если брать рекламу в целом, то в ней, как и в мифологии, в символико-образной форме оказываются представленными практически все известные ныне концепции пространства и времени — открытые (в бесконечность) и закрытые (замкнутые), однородные (равномерные) и неоднородные (с уплотнениями и разряжениями), линейные и нелинейные, статические и динамические, субстанциональные и релятивные, однослойные и многослойные и т.д.[8]

Принципиальное отличие мифологического архаического и мифологического рекламного хронотопов состоит в том, что их архетипические основы по-разному осмысляются современным им сознанием. Кроме того, для массовой парадигмы мифологическое — это способ отказа от реальности, уход в сконструированное ирреальное время и пространство. «Время мифа является вертикальной детерминантой активности человека в культуре, нацеливая его на вечные ценности. Массовая культура нацеливает человека по преимуществу на настоящее. Однако там, где осуществляется реактивация древнейшего архетипического символа целостности, человек получает возможность приобщиться к высшим ценностям и вернуть утраченную самоидентификацию».[9]

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Барт Р*. Мифологии. М., 2000. С.234.
2. *Элиаде М*. Аспекты мифа. М., 2000.
3. *Самохвалова В.И.* Язык масскульта и современная мифология // Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». М., 2003. С.180–181.
4. *Юнг К.Г.* Архетип и символ. М., 1991. С. 284.
5. *Самохвалова В.И*. Ук. соч. С. 168.
6. *Лотман Ю.М.* Каноническое искусство как информационный парадокс // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М., 1973. С.20.
7. *Костина А.В*. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М., 2005. С. 323–324.

8. *Косарев А.Ф.* Философия мифа: мифология и ее эвристическая значимость. М., 2000.
9. *Костина А.В.* Ук. соч. С. 329–330.

E.YU.KARMALOVA (Omsk)

MYTHOLOGICAL SPACE AND TIME IN TV FESTIVAL ADVERTISEMENT

In article «Mythological space and time in television festival advertisement» by E.U. Karmalova the author considerers parallels between mythology of modern mass culture and archaic mythology. The advertisement as the form of mass culture personifies many lines of the mythological thinking, first of all, principles of world modeling, symbology of colour and space and time.

In article proves the idea that all known concepts of space and time turn out to be represented in TV advertisement, either they do in mythology. Thus, they can be opened and locked, uniform and lumpy, linear and nonlinear, steady-state and dynamic and other.

Fundamental difference between mythological archaic and mythological advertising concepts of time and space is that the comprehension of their bases differs in modern consciousness from one to another. For mass paradigm mythological being is the way to refuse the realities, leaving for the constructed unreal time and space.

КИНОИСКУССТВО, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Н.В. ЧЕРНОВА (Магнитогорск)

«Я НЕ ДОЛЖЕН БЫТЬ ХОЛОДНЫМ СОЗЕРЦАТЕЛЕМ ТОЙ ЖИЗНИ, КОТОРУЮ Я ПЕРЕНОШУ НА ЭКРАН…»: ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ РЕЖИССЕРА П.ПЕТРОВА-БЫТОВА

«Делал всё с рывка, с наскока»
(Из записных книжек П.Петрова-Бытова)

«*Он художник-реалист, любящий полнокровную жизнь нашего сегодня*»
(Адриан Пиотровский)

Советский кинематограф первой четверти XX в. создавался во многом случайными людьми. Одной из таких «случайных» фигур, для которой кино стало судьбой и трагедией оказался Павел Петрович Петров-Бытов (1895–1960)*. «Человек «неожиданный», никто не знал, на что он способен» — эта фраза из записных книжек Петрова-Бытова, как нельзя лучше характеризует его творческий путь. По словам известного сценариста, критика и теоретика советского кино М.Блеймана, Петров-Бытов «не оставил ничего такого значительного, чтобы его “воскрешать”. И не нужно поправлять историю и преувеличивать роль этого человека в нашем искусстве»[1]. Конечно, Блейман прав, однако лишь с той оговоркой, что при жизни творчеством и самой фигурой Петрова-Бытова, которому в своё время предлагали ставить «Великого гражданина», интересовались многочисленные зрители и коллеги по цеху. Так, кинокритик Х.Херсонский назвал Петрова-Бытова забытым мастером «хотя и не первого десятка, но с голосом своим и звонким»[2]. Литературовед Раиса Мессер отзывалась о нем, как о «примечательной творческой» личности, приобщение к культуре, к искусству которой шло бурно, но клочковато: «Талант его — искренний, яркий — прорывался в ранних фильмах […] сквозь упрощенную трактовку событий и характеров. Вульгаризаторством отличались и его воинствующие выступления по общим вопросам развития советского кино. […] сильнейшие стороны его дарования: искренность, темперамент, трагедийность».

Действительно, в Петрове-Бытове уживались два противоположных начала: мечтательный домосед и нонконформист. Первый был добродушным и «гостеприимным хозяином, […] как-то по-детски веселым и наивным»[3]. Он умел радоваться самым обыч-

* Автор признательна петербургскому исследователю Петру Алексеевичу Багрову за важные замечания по вопросам киноискусства.

П.П.Петров-Бытов 1920-е гг.

ным вещам и не приходил в уныние в тягостные минуты. Он готов был снять с себя последнюю рубашку, поделиться последним куском хлеба. Неизменно сдержанный, даже застенчивый, он приходил в ярость от малейшей лжи и беспринципности. Другой — «высокий, широкоплечий, с большой кудрявой головой, тяжелыми кулаками, зычным громоподобным голосом»[4] — превращал съемочную площадку и киностудию в ринг. Он сердился на артистов, которые почему-то не могли понять, что и как надо играть и обижались на его резкие выпады. Он ссорился с редакторским отделом, который заставлял его неотступно придерживаться сценария и снимать то, что нужно, а не то, что хочется. Он не мог найти общего языка с другими режиссерами, часто не понимая, что отстаивают они одно и то же. И, тем не менее, он почти в одиночестве продолжал «размахивать кулаками», чем снискал себе славу «мракобеса» и «упрямого режиссера». Впрочем, тому способствовали нелегкий жизненный путь Петрова-Бытова и его «тяжелый» характер. Будучи мальчиком, имеющим пристрастие к театру и поэзии, он рано узнал «жизнь “в людях”: бурлак, батрак». Потом Петрова-Бытова мобилизовали в царскую армию: его зачислили в учебную команду — школу прапорщиков, где он схлестнулся с взводным и угодил на гауптвахту. Будущему режиссеру грозил военно-полевой суд, но взводный смягчил свои обвинения — он был бывшим учителем — и спас солдата от трибунала. За строптивость Петров-Бытов был загнан «к черту на кулички» — в город Тургай, что в казахских степях, нести гарнизонную службу. Уподобившись Тарасу Шевченко, Петров-Бытов сочинял стихи, с которыми выступал перед солдатами[5]. В ноябре 1918 г. он стал большевиком. По партийной мобилизации Петрова-Бытова направили в 6-ю стрелковую дивизию, а вскоре назначили комиссаром полка. В боях под Ригой он получил ранение. После лечения в госпитале был мобилизован в органы ВЧК, где занял должность полномоченного Политконтроля по зрелищам. Служба по сути дела «была сугубо политической и партийной». Однако, и на этой должности будущему режиссеру не удалось задержаться надолго. По словам Петрова-Бытова, до него докатилась «волна зиновьевских ставленников» и его «тихой сапой» сняли с работы. Протесты и требования Павла Петровича объяснить причины снятия остались без ответа. Позже он признался, что изгнание из ВЧК заставило почувствовать себя «отвергнутым партией»[6]. С другой стороны, именно этому увольнению он был обязан своим приобщением к кинематографу.

В 1924 г., Петрова-Бытова пригласили работать на киностудию Севзапкино (позже «Ленфильм») в качестве ответственного редактора выпускаемых на экран фильмов.

Во многом новому назначению способствовало его образование. Еще в 1921 г. он окончил Петрозаводскую театральную студию по классу актерского мастерства. «В редакции заграничных фильмов, — вспоминал Петров-Бытов, — мы творили буквально чудеса по преобразованию буржуазной направленности фильмов в небуржуазную»[7]. Тогда же Петров-Бытов вместе с известным режиссером Б.В.Чайковским написал сценарий «На жизнь и на смерть», и участвовал в съемках картины в качестве второго режиссера. Фильму суждено было стать первым самостоятельным опытом режиссера Петрова-Бытова, т.к. после смерти Чайковского он завершил съемки самостоятельно.

На «Ленфильме» Петрову-Бытову пришлось нелегко. Попав на киностудию, режиссер, по его собственным словам, «почувствовал себя в положении партизана в тылу у врагов»[8]. У него почти не было друзей на студии, многие относились к нему иронично или со снисхождением. Вчерашний чекист оказался в окружении таких интеллектуалов, как Л.Трауберг, Г.Козинцев и др., и вынужден был доказывать свои убеждения и принципы привычными ему средствами, иногда — в самой грубой форме. Так, принимая вызов критики, после провала картины «Право на жизнь» (1928), он опубликовал в журнале «Жизнь искусства», как выразился Г.Козинцев, «программную»[9] статью с провокационным названием «У нас нет советской кинематографии»[10], в которой заявил, что зрителю непонятны такие авангардистские картины, как «Стачка», «Новый Вавилон», «Звенигора», что зритель на такие картины не пойдет. Кроме того, режиссер утверждал: если художник не вышел из рабоче-крестьянской среды, он не может ее правильно изобразить, а на 95% наши режиссеры — это люди чужие, эстеты, которые должны наполнить свою творческую личность новым, советским содержанием[11]. На студии разгорелся очередной скандал, эпицентром которого стал Петров-Бытов, заявивший о себе к тому времени прекрасным фильмом «Каин и Артем». Благодаря чему на «Ленфильме» прижилась адресная шутка: талантливость студийного коллектива такова, что такой коллектив может заставить даже плохого режиссера поставить хороший фильм. Не замечая чужой аргументации и эрудиции, Павел Петрович настаивал на своем мнении: каждый кинофильм должен «быть понятным и доступным широкому зрителю»[12]. Редко кому удавалось переубедить Петрова-Бытова, а то и подчинить своему авторитету. Среди них, в частности, был руководитель киностудии «Ленфильм» Адриан Иванович Пиотровский. Он видел в режиссере не только человека с неразвитым вкусом и буйным характером, но также сумел уловить человеческую самобытность, какую-то сермяжную окрыленность бывшего чекиста. Он «разглядел ее в отношении художника к миру, в органической для него теме: человек, распрямляющий спину, рвущийся из темноты, томимый жаждой духовного освобождения». Пиотровский угадывал в Петрове-Бытове режиссера, «умеющего видеть новое», «публициста в кинематографии»[13]. В 1934 г. на обсуждении не самого удачного фильма Петрова-Бытова «Чудо» Пиотровский сказал: «Я дорожу в Петрове-Бытове стихийным поиском своей темы и образов. Ему есть что сказать. Есть пафос исканий и мучений…»[14]. Лояльное отношение Пиотровского к Петрову-Бытову нередко вредило самому руководителю студии. После выхода на экраны исторического фильма «Пугачев» (1937) по «исправленному» и «покалеченному» сценарию Ольги Форш[15], Пиотровского обвинили в том, что «руководство узаконивает соавторство с писателями, соглашается на принижение сценариев до уровня режиссера»[16]. Справедливости ради, отметим, что Ольга Форш снисходительно отнеслась к своему «соавтору». По словам Раисы Мессер, писательница видела в режиссере ту же сердцевину, что и Пиотровский. Во время работы над сценарием «Пугачев», «она сама внимательно прислушивалась к размышлениям и догадкам Петрова-Бытова о характере и лексике главного героя будущего фильма». В то же время Ольга Форш «с трудом воспринимала вульгаризаторские схемы Петрова-Бытова, говорила о них насмешливо, возмущалась. Она выговаривала Павлу Петровичу за его историческое невежество и бескультурье. В выражениях она не стеснялась»[17]. При этом Павел Петрович, человек пылкий, обидчивый и нетерпимый, к своему сценаристу — дворянке, генеральской дочке, бывшей институтке, символистке — относился крайне недоверчиво. Например, он

«попрекал ее репродукцией картины Леонардо да Винчи «Тайная вечеря», висевшей на стене в ее кабинете, уверенный в том, что картина висит здесь вместо иконы. «— Старуха тайно верит в бога», — полагал Петров-Бытов[18]. Недоверие режиссера в итоге вылилось в полное отрицание проделанной Форш работы. После многократных переделок сценария, Петров-Бытов «потребовал присвоить себе права “стопроцентного автора сценария”». Однако комиссия, созданная в управлении по охране авторских прав, «нашла претензии Петрова-Бытова совершенно безосновательными[19].

Еще одним человеком, которому удалось наладить отношения с Петровым-Бытовым, оказался ленинградский режиссер Александр Иванов. Их знакомство состоялось на съемках первого самостоятельного фильма Павла Петровича «Волжские бунтари», где Иванов выполнял функции помощника режиссера. В своих воспоминаниях Иванов отзывался о режиссере как о человеке с виду мрачноватом, грубоватом, но с доброй душой. Впрочем, теплые отношения у них сложились не сразу, а только после того, как Иванов, не выдержав напора Петрова-Бытова, устроил последнему разнос. «После этого происшествия, — вспоминал Иванов, — Павел Петрович стал со мной заметно приветливее. У нас с ним было много общего. Оба в партии с восемнадцатого года, оба были в Красной гвардии, дрались против белых на фронтах. Он был года на три старше меня. Я с интересом присматривался к его работе, прислушивался к его рассуждениям, размышлениям, а они у него были интересные, и в то же время простые и понятные мне»[20].

К 1938 г. Петров-Бытов был уже достаточно опытным режиссером, изведавшим и победы, и провалы. Работая на «Ленфильме», он поставил 10 художественных картин: как удачных, по оценкам критиков («Водоворот», «Каин и Артем» и «Чудо»), так и проходных («Волжские бунтари», «Право на жизнь», «Поворот», «Сложный вопрос» и другие). Неудачу большего количества картин сам режиссер, имевший пристрастие к остросюжетным приключенческим фильмам, объяснял тем, что после фильма «Каин и Артем» был сломан его «естественный творческий рост. Мне не давали ставить фильмы на темы, которые я считал для себя близкими и отвечающими интересам народа»[21]. Хотя скорее на процессе постановки кинолент и их качестве отражался характер Петрова-Бытова. В процессе съемок режиссера отличало нежелание, а может быть и неумение работать с артистами. Например, на съемках «Каина и Артема» Петров-Бытов, желая объяснить артистке Елене Егоровой сцену, говорил: «Ты играй так, как будто видишь небо в алмазах». Актриса очень старалась, не понимая, что сыграть это просто невозможно[22]. Опять же сказывалась импульсивность и нахрапистость его натуры. Режиссер Иванов вспоминал, что Павел Петрович был «человек скоровоспломеняющийся», «что называется, человек крутой: любил покрикивать и держал свою съемочную группу в страхе божием». Когда у него с актерами что-то не получалось, начинал нервничать. В свою очередь раздражались актеры, с которыми «надо работать спокойно, терпеливо». Наиболее показательна в данном случае ситуация, произошедшая когда-то на съемках фильма «Волжские бунтари». После очередного выпада Петрова-Бытова в адрес артистов, Александр Иванов предложил постановщику передохнуть и дать возможность ему поработать с актерами. Режиссер усомнился, но согласился на предложение помощника. После того, как с артистами поработал Иванов, Петрову-Бытову продемонстрировали неполучавшуюся сцену. «Павел Петрович, — вспоминал Иванов, — оживился. Он увидел новые возможности и кое-что подсказал актерам. Они обрадовались, предложения постановщика не шли в разрез с их поведением. И вот, кажется, сцена готова. Петров-Бытов подозвал меня.[…]

— Молодец! Быстро ты их обломал…

— Я их не обламывал, Павел Петрович. Только поспокойнее надо с ними. Поласковее…

— Поласковее, — нахмурился он. Он не очень-то любил это слово, для него это были просто телячьи нежности»[23].

Бесцеремонность по отношению к артистам Петров-Бытов позволял себе не только на съемочной площадке. Например, артист И.И.Коваль-Самборский пробовался на роль

Пугачева, но Петров-Бытов в течение нескольких месяцев даже не удосужился сообщить ему результаты пробы[24]. Вполне очевидно, что столь своеобразное отношение к артистам приводило к соответствующим результатам. Практически во всех рецензиях на фильмы Петрова-Бытова отмечалась невыразительная игра актеров. Примером может служить отзыв Х.Херсонского на фильм «На жизнь и на смерть», который Петров-Бытов закончил вместо умершего режиссера Б.Чайковского. Кинокритик писал: «Актеры… не воплощают рабочих, а только “наигрывают”. Театральный темперамент и поза не спасают их от невольной фальши. Типов, живых людей, которые стали бы близкими и глубоко понятными зрителю, нет. У автора, видимо, были серьезные намерения, но они не вылились в строгую и стройную художественную форму»[25]. Конечно, это был первый опыт Павла Петровича в качестве режиссера, и ошибки были естественны. Однако недостатки первой картины с завидным упорством проявились и в последующих фильмах. Не обошли они стороной и самую удачную киноленту «Каин и Артем». В целом, восхищенно отзываясь об этом фильме, Анатолий Луначарский[26] к недостаткам отнес игру артистки Елены Егоровой: «Мне кажется, что при превосходном общем типаже артистка Егорова несколько выпадает из него. Впечатления в монастыре даны неожиданно схематично и карикатурно и лежат какой-то посторонней заплатой на общей ткани картины»[27]. Подобные же замечания появились и в отзывах на фильм Петрова-Бытова «Пугачев». В частности отмечалось: «Хорошо выбраны, хорошо загримированы казацкие старшины, но у них нет ролей и характеров, они отличаются лишь бородами. Хорошо придумана роль Софьи, но артистка Брянцева* ведет роль нерешительно. […] Даже хорошо построенные сцены, где Филимон раскрывает измену, не доходят до зрителя, потому что недоиграны их участниками»[28].

Кроме того, для Петрова-Бытова было характерно стихийное видение сюжета, которое часто расходилось с утвержденным сценарием. Режиссер домысливал сценарии, иногда вычеркивал ключевые сцены, добавлял новые персонажи и эпизоды. Например, в фильме «Волжские бунтари», по словам Блеймана, было «наворочено столько людей, эпох, выстрелов и массовых сцен», что они пожирали друг друга: «Если бы героя не убивали в последней части, ее можно было бы показать первой». Подобная ситуация сложилась и с фильмом «Пугачев». Режиссер по собственному усмотрению «линчевал» сценарий, написанный Ольгой Форш, которая постепенно приходила в отчаяние от всей суммы переделок ее текста. После просмотра «Пугачева» В.Шкловский пришел к следующему заключению: «…всех событий, связанных с Пугачевым, в одной картине, конечно, не покажешь, но отбор того, что следует показать, надо начинать не во время постановки, а до начала съемок»[29]. Даже в горьковский рассказ «Каин и Артем» режиссер внес существенные изменения. Он изменил финал рассказа, сделав его более оптимистичным. После такого вмешательства пропала правдивость горьковской истории, что, однако, не смутило Анатолия Луначарского: «Артем уж слишком нерабочий человек, уж слишком паразит и босяк. Такие люди весьма редко примыкали к социал-демократии. Но это все-таки сравнительно маленькое неправдоподобие, которое можно простить ради внутренней осмысленности и ради превращения всей картины в идеологически-содержательную, дающую какое-то разрешение безысходной трагедии, начертанной Горьким и во всем остальном с мрачным великолепием выполненной Петровым-Бытовым и его талантливыми сотрудниками»[30]. Впрочем, сам Горький картины Петрова-Бытова считал безграмотными, о чем он поведал аудитории в речи 10 апреля 1935 г. на совещании писателей и кинематографистов[31].

С нежеланием Петров-Бытов приобщался к работе с историческим и иконографическим материалом. Он предпочитал воплощать на экране современность, реалии настоящего дня. Например, успех фильма на тему советской деревни «Водоворот» был обеспечен тем, что Петров-Бытов уехал в деревню. Там он написал сценарий «выхваченный из самой гущи деревенской повседневности». Сценарий был составлен с конкретным уче-

* В картине роль Софьи сыграла актриса Ленинградского академического театра драмы Е.П. Карякина. Видимо, А.А. Брянцева поначалу была назначена на эту роль, но играла её слабо и была заменена.

том местности: реки, леса, построек, людей и нравов. На месте были произведены съемки картины. В результате получился фильм, в котором, по словам Пиотровского, «зритель города с изумлением увидел новую для него, радостную, буйно живущую и полнокровную деревню, крестьянский же житель признал фильму своей, правдивой, говорящей о деле на деловом языке»[32]. Впрочем, такой натуралистический подход в создании фильма не гарантировал успеха. «Современные» картины Петрова-Бытова, построенные на малознакомых событиях, становились схематичными и дилетантскими. Примером тому может служить кинолента «Волжские бунтари», созданная на полуэкзотическом материале быта чувашей. Петров-Бытов ознакомился с историей чувашского народа и революционной борьбы в Поволжье. Сценарий писал вместе с народным артистом Чувашии И.Максимовым-Кошкинским, который должен был консультировать постановку массовых сцен и сниматься в одной из эпизодических ролей[33]. Несмотря на то, что некоторые газеты вполне лояльно отнеслись к новой картине, назвав ее заметным историко-революционным фильмом, посвященным первой русской революции, мнение дирекции студии и кинокритики было неумолимо. Картину оценили как «серьезный провал», а в рецензиях значилось, что «чуваши непохожи, и даже чувашское богослужение выглядит невыразительно. Снимали картину на Волге, с тем же успехом ее можно было бы снять у Литейного моста» [34]. Спустя несколько лет после выхода фильма на экран режиссер с горечью упрекал себя за недостаточно глубокое изучение быта и психологии чувашского народа.

Пренебрежительное отношение Петрова-Бытова к источникам для кинолент на современную тему было в какой-то степени приемлемо — режиссер мог воспользоваться своим богатым опытом. Иное дело фильм исторический, который не терпел поверхностного отношения к факту. Показательна ситуация с исторической лентой «Пугачев». Мало того, что незнание исторической обстановки режиссером и его стремление «адаптировать» сценарий под себя привело к появлению нелепостей в репликах героев картины. Совершенно неверно был выстроен финал киноленты: «Сцена казни Пугачева построена исторически неверно. — Комментировал кинокритик В.Шкловский. — Пугачев стоит на месте казни. На заднике декорации нарисована старая Москва. Здесь надо было дать Замоскворечье с Болотом, но нарисован почему-то Кремль, и нарисован плохо». При постановке значительной модернизации подвергся образ самого Пугачева. «Заводы умели не ссориться с башкирами, но Пугачев не мог выступать в роли комиссара Фурманова», — настаивал Шкловский[35]. Кроме того, критике подверглись строй и боевые порядки армии Пугачева, которые, по мнению комбрига, военного историка Н.Левицкого, «живо напоминают строй и порядки современной армии, а команда для стрельбы артиллерии звучит в устах Пугачева как команда сегодняшнего дня»[36]. О том, что «авторы “Пугачева” недостаточно глубоко подошли к разработке сценария и трактовке эпохи» писала историк М.Н.Нечкина. На страницах «Правды» Историк предложила читателям подробный анализ картины. Среди замечаний можно отметить следующие: слабо представлена жизнь крепостной деревни и само крестьянское восстание «лишь предполагается в фильме да проскальзывает в обобщающих надписях», преувеличена политическая сознательность Пугачева и его роль как организатора движения, «давший в общем довольно цельный и правдивый образ Пугачева заслуженный артист республики К.Скоробогатов в этой сцене (объяснения Салавату напрасности разорения заводов — Н.Ч.), по воле авторов фильма, подрисован под агитатора-большевика»[37] и т.д.

Единственный фильм, работая над которым Петрову-Бытову пришлось детально изучить историческую обстановку, был «Каин и Артем» по произведению М.Горького. Сюжет фильма предложил режиссеру творческий руководитель «Ленфильма» А.Пиотровский. Кинокритик Мессер вспоминала, что, «Пиотровский добивался от Петрова-Бытова изучения исторического материала при разработке тех или иных тем. Упрекал его в прямолинейности и примитивности психологии героев, в работе исключительно крупными мазками». Во многом благодаря настойчивости Пиотровского фильм «Каин и Артем» действительно получился. Нарком просвещения Луначарский назвал его «подлин-

П.П.Петров-Бытов 1930-е гг.

ным искусством». Первым впечатлением от этой картины у кинокритика Блеймана было «восхищенное удивление». «Немую» киноленту «Каин и Артем» озвучил лидер французского авангарда Абель Ганс[38]. Лента с успехом прошла в Париже, а, вернувшись на отечественный экран, нередко выдавалась за картину самого Ганса[39]. Следовательно, Петров-Бытов мог быть добросовестным и последовательным мастером, правда, при должном и, самое главное, авторитетном контроле за ним.

Эпилогом карьеры режиссера в художественном кинематографе для Петрова-Бытова стал историко-революционный фильм «Оборона Петрограда». Поставить фильм по сценарию ленинградских писателя Н.Брыкина и кинокритика В.Недоброво «Оборона Петрограда» Петову-Бытову предложили в 1937 г. После триумфа «Чапаева» и трилогии о Максиме тема революции и Гражданской войны манила к себе почти гарантированным успехом. Правда, с появлением среди киноперсонажей образов Ленина и Сталина историко-революционная тема перестала быть предсказуемой и безопасной. Неудачная картина могла погубить любую профессиональную репутацию и осложнить дальнейшую работу в кинематографе[40]. Думается, Петров-Бытов осознавал вытекавшую из «Обороны Петрограда» меру ответственности, однако надеялся извлечь из проекта долгожданные творческие дивиденды, и, как следствие, обосноваться на кинематографическом Олимпе.

История создания фильма «Оборона Петрограда» витиевата и не до конца прозрачна. Впервые «Оборона Петрограда» была упомянута в планах студии Ленфильм на 1938 год. Предполагалось, что Петров-Бытов будет на выбор ставить «Бруски» Панферова или «Оборону Петрограда» Брыкина и Недоброво. Очевидно Павла Петровича не устраивали обе темы. «Оборона Петрограда» была предложена режиссерам братьям Юрию и Рафаилу Музыкант, которые в свою очередь собирались в 1938 г. ставить фильм по сценарию А.Пантелеева «Юность большевика» о юных годах Сергея Кирова[41]. Переориентация братьев Музыкант на «Оборону Петрограда» вполне объяснима. Руководство «Ленфильма» с этой картиной связывало большие надежды, а режиссеры, одни из талантливейших представителей советской кинематографической молодежи[42], только что закончили постановку фильма «За советскую родину» о борьбе с белофиннами в Карелии, получившего заслуженно высокую оценку зрителя и кинематографистов[43]. Однако, неожиданная смерть в июне 1938 г. Рафаила Музыкант[44] заставила дирекцию студии вновь заняться поисками режиссера на постановку «Обороны Петрограда».

Выбор, очевидно, был невелик. Так, например, Сергей Эйзенштейн снимал фильм «Александр Невский», Сергей Герасимов работал над «Комсомольском», Фридрих Эрмлер ставил «Великого гражданина», Лео Арнштам — «Друзья», а Владимир Петров — вторую серию «Петра I». Братья Васильевы, завершив работу над кинолентой «Волочаевские дни», готовились к съемкам «Обороны Царицына». В настоящих условиях рискованный выбор пал именно на «безработного» Петрова-Бытова. К тому же он жаловался на то, что два года находится в «изнуряющем и опустошающем простое»[45]. Стремление режиссера к работе совпало с новой линией руководства киностудии «трудоустроить» собственные кадры. В докладе директора «Ленфильма» о проделанной работе за первый квартал 1939 г. значилось следующее: «Руководствуясь сталинским указанием, что "особенное значение имеет вопрос о смелом и своевременном выдвижении новых молодых кадров" в 1939 г. мы пошли на известный риск и выдвинули большое количество молодых работников на самостоятельную работу. […] Ряд товарищей, не работавших в продолжение долгого промежутка времени получили работу. […] Режиссер коммунист Петров-Бытов, также четыре года* ничего не делавший, получил постановку и работает над ней: "Оборона Петрограда"»[46].

Несмотря на то, что Петров-Бытов считал предложенный ему сценарий «недоброкачественным»[47] и лишенным «элементарных драматургических достоинств»[48], он согласился его снимать. Свое решение Петров-Бытов объяснял системой распределения сценариев между режиссерами, согласно которой постановщики были лишены какой-либо инициативы. Позже Петров-Бытов вспоминал: «Темы и сценарии тоже спускались сверху вниз, без учета личных способностей и возможностей постановщиков. Хочешь бери, хочешь «клади зубы на полку». Брали скрепя сердце — жить все-таки надо»[49]. Картина «Оборона Петрограда» появилась во всесоюзном плане кинопроизводства на 1938 г.[50] Однако ввиду «недоработанности сценария»[51] на Ленфильм «Оборона Петрограда» поступила лишь летом 1939 г., о чем поспешила сообщить зрителям газета «Кино». Несмотря на имевшиеся замечания, Петров-Бытов объявил присутствующим: «— Вот теперь я этот сценарий буду делать, он мне очень нравится». Уже через два дня режиссер подверг сценарий раскадровке и сообщил, что сценарий «написан так, что его можно так же снимать»[52]. Готовую картину предстояло сдать на одной пленке дирекции студии — 26 февраля, а Комитету — 27 февраля 1940 г.[53]

Съемки начались, но одна за другой возникали непредвиденные трудности. У режиссера отсутствовал ясный и продуманный постановочный план. Петров-Бытов стремился снимать по собственному варианту, который сочинялся в последнюю минуту перед съемкой, а иногда рождался прямо на съемке. Эти изменения не доводились до сведения редакторов: в силу своего характера, режиссер не намерен был объяснять сценарному отделу свои планы, чувствуя поддержку руководства. Кроме того, он настаивал на некоторых поправках сценария, и руководство шло навстречу.

Подобное своеволие в отношении сценария привело к столкновению с редакторами. По мнению некоторых критиков, в частности Раисы Мессер, сценарий содержал ряд эпизодов, которые «звучали выразительнее и энергичнее, чем в снятом материале»[54]. В ответ на «публичную» критику на страницах газет Петров-Бытов просто перестал пускать редакторов и журналистов на съемочную площадку. «Тайные» поправки и поведение Петрова-Бытова привели к конфликту между ним и сценарным отделом киностудии «Ленфильм», который с особой остротой проявился 29 декабря 1939 г. на заседании художественного совета студии. В целом обсуждение картины представляло собой перепалку редакторов студии и Петрова-Бытова за редким вмешательством нейтральных сторон. Ситуацию нагнетала взаимная неприязнь ораторов. Редактора ссылались на все тот же «сложный» характер режиссера. Выступая на заседании, один из редакторов — Н.Коварский — начал свою речь с возмущенных слов, что «работать с Павлом Петровичем просто становится невозможно, потому что каждый раз, когда мы пытаемся обсу-

* Заявление дирекции «Ленфильма» о столь длительным простое Петрова-Бытова безосновательно: в 1937 г. режиссер закончил постановку фильма «Пугачев».

дить тот или иной кусок сценария — идет четырехдневный ураган, после которого оказывается, что снято как раз то, против чего мы возражали»[55].

В целом, обвинения редакторского совета строились на уже знакомых тезисах, постоянно кочевавших из рецензии в рецензию на фильмы Петрова-Бытова. Прежде всего, это отступление от сценария[56]: дописывание собственных сцен, их переделка и игнорирование некоторых эпизодов, утвержденных сценарным отделом и дирекцией студии[57]. В новой картине с особой силой проявлялось традиционное для Петрова-Бытова нежелание работать с артистами. Режиссеру не удалось использовать все возможности, представленные тщательно подобранным актерским ансамблем. В роли генерала Юденича предстал импозантный В.Гардин. Образ Люденквиста воплотил В.Честноков[58], будущий исполнитель роли Ленина. На роль барона Клюге фон Клюгенау был назначен А.Виолинов, на Лихтермана — Е.Григорьев. Роли красных командиров Осокина и Каширина в фильме исполнили соответственно артист Ленинградского Большого драматического театра Г.Мичурин и артист Александринского театра А.Чекаевский. На роль комсомольца Сенюшкина подыскали молодого артиста Павла Кадочникова[59]. Инженера Бахметьева доверили сыграть В.Сафронову, рабочего Ивана Егоровича — Константину Скоробогатову (он же сыграл роль Ленина). Воплотить на экране образ Сталина было поручено «проверенному» М.Геловани.

Среди остальных артистов было проще приспособиться к характеру и манере работы Петрова-Бытова Константину Скоробогатову, который ранее снялся в главной роли в фильме Петрова-Бытова «Пугачев». И на этот раз, играя рабочего Ивана Егоровича, Скоробогатов поймал кураж и даже подсказывал режиссеру отдельные детали, например, в сцене телефонного разговора Ивана Егоровича с Лениным. Сам артист вспоминал об этом следующим образом: «Мой герой просто, по-рабочему докладывал вождю, что танки готовы: “Сделали, Владимир Ильич! Будьте покойны”.

При съемке этого эпизода я почувствовал, что реплике старого путиловца чего-то недостает, и вдруг произнес слова, которых не было в роли:

— Вот, послушайте-ка!

При этом я несколько озорно протягивал трубку в том направлении, откуда слышался гул испытываемых танковых моторов. Эта деталь, казалось мне, выражала те интимно-доверительные отношения, какие установились между рабочими и Лениным»[60].

По словам Константина Скоробогатова, ему было «интересно создавать образ представителя питерского пролетариата, жить его мыслями и поступками в острый момент, когда предстояло отстоять великий город от наступавшего Юденича». Кроме того, артист был непосредственным свидетелем событий, воспроизводимых в киноленте, «прекрасно помнил и обстановку тех дней и людей — питерских пролетариев, защитников Петрограда»[61]. Интерес Скоробогатова к роли сказался на качестве работы. Все члены художественного совета «Ленфильма» отмечали безусловный успех артиста в роли Ивана Егоровича. «Мне нравится весь характер человека, которого играет Скоробогатов. — Говорил С.Герасимов. — Это характер положительный, характер жизненный, который существует, подсмотренный характер, старого рабочего на Путиловском заводе, это не отвлеченная фигура». В свою очередь режиссер Ф.Эрмлер, присоединяясь к общему мнению, советовал Петрову-Бытову усложнить образ рабочего: «пускай он иногда сорвет глотку, а то он относится так, как будто прожженный в боях человек и берет все на выдержку. Но образ очень правильный и хороший»[62].

Впрочем, образ Ивана Егоровича был скорее исключением, чем правилом. При обсуждении образа предателя-военспеца Люденквиста, сыгранного артистом В.Честноковым, у критиков еще возникали разногласия. По мнению Раисы Мессер, «работа Честнокова просто блистательна. Есть представление о Люденквисте». С другой стороны, Сергей Герасимов в бочку с медом не преминул положить и ложку дегтя. Он отметил, что Честноков просто на фоне остальных смотрится вполне сносно, а так «он не блестящий исполнитель, не на высоте, — правда он это делает чище, чем другие белогвардейцы, своеобразный живогазетный налет на нем присутствует». По отношению к другим

отрицательным образам критика была единодушна. Сценарный единомышленник Люденквиста Лихтерман, по ее мнению, получился неправдоподобным. По словам режиссера Г.Васильева, в картине Лихтерман «так прост, что такого человека в то время сейчас же взяли бы за шиворот и посадили бы в ГПУ. […] Они вероятно более скрыто вредили. А тут думаешь — почему его не посадили. Так все откровенно и не веришь этому делу». О том, что роль Лихтермана исполняется «наивно», настаивал и Герасимов: «это какой-то лакей, даже не лакей, а мелкий прасол попавший сюда с Сенного рынка. Очень уж жульнического вида личность». Редактор Мессер в образе Лихтермана нашла общие черты с Карташевым в исполнении И.Берсенева в фильме «Великий гражданин»: «Но там это было уместно, а здесь — необычайно дешево» [63].

Особенно примитивным получился образ генерала Юденича. Режиссер Арнштам приравнял этот образ к «царю-гороху». И опять же, командующий Северо-Западной армии «ужасно глупо говорит, хотя бы об оркестре… все, это очень глупо… Это сказочное представление о каком-то белом генерале…»[64], — сетовал режиссер. Не многим отличалась характеристика Юденича, данная Коварским: «…все время у Павла Петровича желание не сделать Гардина дураком, но все-таки оказывается, что это и не генерал царской армии, с кем мы боролись, а последний городовой с перекрестка в Конотопе». По мнению редактора, данный образ нельзя постоянно держать «на нутряной интонации, нельзя делать его каменным изваянием, который слез с провинциального памятника». Другими словами, по общему мнению, вся линия белых представлялась «абсолютно неубедительной и просто невозможной».

Объяснить малоудачную игру талантливых артистов, конечно, можно эмоциональным признанием Петрова-Бытова: «У меня не вышла линия врагов. Может быть, я тут перехлестнул, я их очень ненавижу. Может быть отсюда вытекает это. Я не жил в той обстановке, не видел в бытовой обстановке их. Может быть, я тут перегнул это дело. Может быть надо подсократить»[65]. Однако, с положительными персонажами дело обстояло не намного лучше. Например, Петрову-Бытову пришлось согласиться с мнением художественного совета, что артист Чекаевский в образе Антона Каширина «не особенно хорош». «У тебя Чекаевский это какой-то красавиц Зигфрид. — Констатировал Арнштам. — Это должен быть человек небритый, который тычется то туда, то сюда. Это совсем другой образ. Ты же видел этих людей. Я помню, когда я еще был в гимназии, к нам пришел комиссар, он курил папиросочку, у него было измученное желтое лицо. А ты снимаешь кожаного героя». Впрочем, всю вину за неудачу персонажа режиссер переложил на сценаристов, заявив, что «все это связано с текстом. На чем вообще построена вся картина? Кто в центре? Я сначала протестовал, дошло дело до конфликта, — потому что в фильме нет индивидуальных судеб, на которых можно было бы раскрыть характер» [66]. При этом режиссер признался, что не знает, как вытягивать образ Каширина.

Не остался в долгу Петров-Бытов. В своем выступлении он открыто заявил, что с самого начала «у Коварского была определенная установка — не взирая на материал, не находя в нем ничего хорошего — смешать меня с грязью. Вот эта установка двигает. Какая другая идеологическая установка — я не знаю, но эта была ясна с самого начала»[67]. Выступая в своей обычной манере, Павел Петрович не захотел мириться с положением вещей, где он один оставался крайним, и парировал многие замечания худсовета заявив, что все изменения в сценарии производились с согласия дирекции студии. Мало того, Петров-Бытов предложил для выяснения действительного положения вещей создать «комиссию авторитетных товарищей, которая и разберет и увидит, что я сделал сам, как и что переделано мною самостоятельно без ведома и разрешения Сценарного отдела и дирекции». Директор студии «Ленфильм» Н.М.Лотошев, принявший сторону сценарного отдела, не остался в долгу. Он вынужденно признал, что именно руководство студии настаивало на изменении сценария, но «они возникли не потому, что сценарному отделу захотелось переделать, или дирекции, а потому, что с одной стороны […] для уточнения материала, а с другой стороны были бесчисленные требования

Петрова-Бытова о переделке сцен. Там текст не ложился у него, там сцена не выходит»[68]. В свою очередь режиссер вполне обосновано приводил и другие причины изменения сценария. В частности, сценарий претерпел массовые коррективы в результате того, что были учтены все «суждения, замечания и поправки» членов художественного совета, сделанные на прошлом совещании[69]. Что касается собственных выдумок, то Павел Петрович их признал, настаивая, что это была всего лишь одна сцена, которую он снял «без ведома и вопреки настоянию сценарного отдела».

После столь категоричного обсуждения отснятого материала картины Петров-Бытов находился на грани отчаяния. Он прекрасно понимал, что если учесть все пожелания худсовета и из картины «выбросить сцену у Ленина, выбросить заговорщиков, выбросить бои, выбросить пожар, выбросить массовые сцены, революционные сцены, сцены с телефоном, все проходы», то «получится короткометражная картина. Если выбросить заговорщиков, то не на чем будет держать зрителя». Убеждая худсовет студии, режиссер настаивал, что «картина еще не подчищена. Картину можно еще подчистить, но если вы уничтожите все эти вещи — картины не будет, картину значит загубили». Режиссер был уверен в успехе картины у массового зрителя, и заявил своим цензорам буквально следующее: «Зритель ее примет[70] и это мне гораздо дороже вашей критики». Тем не менее, дирекция студии оказалась глуха к чаяниям режиссера и санкционировала учесть замечания художественного совета и «произвести соответствующую работу». К началу 1940 года фильм был готов.

7 марта 1940 г., в момент решительного наступления Красной Армии в Финляндии председатель Комитета по делам Кинематографии Большаков был на приеме у Сталина, где, возможно, был затронут вопрос о новом фильме «Оборона Петрограда», т.к. на следующий день готовая картина была отправлена в Москву на утверждение Комитетом по делам кинематографии[71]. В целом можно лишь догадываться о характере московских просмотров. Скорее всего, было принято решение продолжить работу над картиной. Однако режиссер, сценаристы, руководство и редактора «Ленфильма» никак не могли договориться. Киностудию лихорадило, как только речь заходила об «Обороне Петрограда». Дело во многом заключалось в политическом значении картины, в которой в качестве центрального персонажа фигурировал Сталин. Все хотели выпустить картину «правильной», но каждый это видел по-своему. 11 апреля 1940 г. в Ленинградском Доме Кино состоялся просмотр и обсуждение «Обороны Петрограда», на котором присутствовали и авторы фильма[72]. В конце мая того же года в ведомственной газете «Кино» сообщалось, что «Ленфильмом» в текущем году уже сдано две картины: «Оборона Петрограда» и «Приятели», — «последняя не может быть признана творческим достижением»[73] студии. Таким образом, картина Петрова-Бытова к определенным достижениям все-таки относилась. Публике было заранее объявлено, что в мае-июне на экраны будет выпущен новый историко-революционный фильм «Оборона Петрограда»[74]. Проходил месяц за месяцем, а картина все никак не могла вырваться к массовому зрителю. В августе 1940 г. «Кино» опубликовала еще несколько оптимистических заметок и афишу киноленты «Оборона Петрограда» с указанием ведущих артистов: Скоробогатова (Ленин и Иван Егорович), Геловани (Сталин), Чекаевского (Каширин), Честнокова (Люденквист) и Гардина (генерал Юденич). Рядом с афишей помещалась многообещающая надпись: «Скоро на экраны Советского Союза выпускается новый художественный историко-революционный фильм «Оборона Петрограда»»[75]. Однако в высказываниях наблюдателей уже наметились траурные нотки, из которых становилось ясно, что Петрову-Бытову так и не удалось решить многочисленные проблемы, включая финал картины. Корреспондент газеты «Кино», сценарист и кинокритик Борис Бродянский указывал на то, что «фильм лишен единства и распадается на сумму примеров. В нем нет образа, связывающего все эти элементы». Кроме того, по мнению критика, вызывала сомнение концовка картины: «механически пристегнутые хроникальные кадры, воспроизводящие боевую технику современной Красной Армии. Важнее было бы раскрыть формирование в те годы боевых традиций, нашедших свое дальнейшее развитие под Хасаном и на снежных

полях Финляндии». Критике подверглись вражеские образы, которые в фильме «не получили настоящего раскрытия» и казались (особенно после второй серии «Великого гражданина») стандартно-плакатными[76]. Спустя несколько месяцев, в прессе появился симптоматичный сигнал о том, что «Оборона Петрограда» не отвечает по своему идейному и художественному уровню элементарным требованиям»[77], а в декабре вышел приказ И.Большакова «О приведении режиссерских кадров кинематографии в соответствие со стоящими перед ними задачами». В нем говорилось, что «на киностудии «Ленфильм» режиссеры Петров-Бытов и Иванов А.Г., много лет работающие в кинематографии, но, очевидно, не уделяющие достойного внимания своему творческому и культурному росту, поставили неудовлетворительные по художественному и идейному уровню картины «Оборона Петрограда» и «Переход»[78]. В итоге Петров-Бытов получил предупреждение Комитета по делам кинематографии, что если «он не будет работать над повышением своего идейного, культурного и профессионального уровня и не проявит этого в ближайшей же работе, комитет отстранит его от самостоятельной режиссерской работы»[79]. Приказом Большакова официально признавался провал фильма, вернее, провал был обнародован. Картина подлежала перемонтажу, из нее изымались образы вождей.

После перемонтажа и некоторых досъемок, разрешенных Комитетом по делам кинематографии, студию уполномочили сдать фильм на одной пленке 20 января 1941 г. В связи с корректировкой содержания фильма, изменилось и его название. 24 апреля 1941 г. фильм вышел на экраны под новым названием — «Разгром Юденича». Несмотря на все сложности, критические замечания руководства и критиков, признание режиссера в том, что ему «на свое детище и смотреть не хочется»[80], фильм все-таки имел некоторый успех у зрителей в годы Великой Отечественной войны, особенно в блокадном Ленинграде. В январе 1942 г. Клуб сотрудников УНКВД на Алтае включил в программу детского кинофестиваля фильмы «Тимур и его команда», «Гибель «Орла», «Дети капитана Гранта» и «Разгром Юденича»[81]. Владимир Лавров в своих «Записках шестидесятника» вспоминает: «Бывали в кино. Днем показывали «Разгром Юденича», «Оборону Царицына», «Александра Невского». Восхищали бесконечные битвы»[82]. Действительно, фильм превратился в набор батальных сцен, видом которых увлекался нетребовательный зритель.

Неизвестный зрителю фильм «Оборона Петрограда» стал эпитафией к творческой биографии Петрова-Бытова. Если до нее с режиссером как-то еще на киностудии считались, терпели его характер, позволяли использовать собственные «методы съемки», то после провала «Обороны Петрограда», дорога на «Ленфильм» Петрову-Бытову была закрыта навсегда. Режиссёр оказался «вне закона»: недоброжелатели сводили счеты, ему более не поручали новых постановок. Нет, его не уволили со студии. Время само распорядилось его судьбой — началась Великая Отечественная война. В августе 1941 г., когда киностудия «Ленфильм» готовилась к эвакуации в Алма-Ату, Петров-Бытов добровольно вместе со своим другом режиссером Евгением Червяковым* и другими ленфильмовцами ушел на фронт, в народное ополчение. Служил на Северном флоте. Руководил прифронтовым Мурманским драматическим театром, в котором репетиции подчас шли под бомбежками. После демобилизации был командирован на свердловскую киностудию. Затем направлен в Финляндию уполномоченным «Совэкспортфильма». Когда, наконец, режиссёр вернулся в Ленинград, работы на «Ленфильме» не предвиделось: киностудия только восстанавливалась, да и памятен был еще провал «политически значимого» фильма «Оборона Петрограда». Увидев закрытую дверь в художественную кинематографию, Петров-Бытов устроился на Ленинградскую студию научно-популярных фильмов. Однако работа в области научного кино не доставила режиссеру удовлетворения, он продолжал мечтать о художественной кинематографии. Режиссер свободное время посвящал изучению вопросов марксистско-ленинской философии и… физики. В 1949 г. он пришел к заключению, что «историческое развитие форм движения

* Режиссер Евгений Червяков погиб на легендарном «Невском пятачке».

материи совершается на основе мгновенной пространственной связи материи, путем относительного астрономического движения микро и макро гравитационных систем, по сути двух бесконечных (микро и макро)». О своем открытии режиссер поспешил сообщить в ЦК ВКП(б). Привлеченные эксперты не смогли совладать с идеями, вернее с терминологией Петрова-Бытова. Ответа из Центрального Комитета партии не последовало. Тогда, не долго думая, он о своем «открытии» решил поделиться лично со Сталиным, и написал письмо лично вождю. Вновь ни какой ответной реакции. Столь невнимательное отношение со стороны партийного и государственного руководства, в которое режиссер верил самозабвенно, заставило его задуматься над вершащимися вокруг делами. «Я стал внимательно присматриваться, — писал Петров-Бытов, — к происходящим в нашей стране событиям и увидел, что многое в стране социализма так происходить не должно. В особенности меня поразил культ личности Сталина. Увидел огромные ошибки в его работах по философии и экономике. Писал ему об этом, но ответа не получил»[83]. Над головой режиссера постепенно сгущались тучи. В 1952 г. Павел Петрович, по его словам, пережил свое «9-е января»: «увидев, что слова Сталина разошлись с делами», он написал в ЦК заявление о привлечении Сталина к партийной ответственности. Нельзя сказать, что Петров-Бытов не понимал, что играет с огнем — он это прекрасно осознавал. Но натура и характер Петрова-Бытова не позволяли ему сидеть, сложа руки, он должен был действовать, восстанавливать справедливость. Ходили слухи, что на людной трамвайной остановке режиссер обратился к народу с речью. Он заявил, что «мы живем при деспотическом режиме, а Сталин — кровавый диктатор. Слышать такое было необычно и страшно. Люди попрыгали в трамвай…»[84]. Кара не заставила себя долго ждать. Его не стали судить, а просто провели врачебное освидетельствование и посадили в тюремную психиатрическую больницу, в которой он просидел долгих два года. В заключении Павел Петрович искал утешение в поэзии.

Смерть Сталина освободила режиссера, но не способствовала его возвращению в кинематограф. Уже в 1960 г. он написал письмо Н.С.Хрущеву, в котором были такие строчки: «Однако до сих пор, несмотря на многочисленные заявления руководителям кинематографии и в Министерство культуры, я не могу получить работу по специальности режиссера художественной кинематографии»[85]. Скорая смерть позаботилась о том, чтобы бюрократический приговор 40-го года обжалованию не подлежал…

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Блейман М.* Павел Петров-Бытов // Двадцать режиссерских биографий. М., 1978. С. 202.
2. *Херсонский Х.Н.* Страницы юности кино. Записки критика. М., 1965. С. 140.
3. *Блейман М.* Павел Петров-Бытов… С. 213.
4. *Лебедев С.С.* Лента памяти. М., 1974. С. 90.
5. *Ханеев О.* «Завтра будет солнечный день» // Искусство кино. 1983. № 5. С. 75-76.
6. РГАЛИ. Ф. 2387. Оп. 1. Д. 79. Л. 11-12.
7. Там же. Л. 12.
8. Там же. Л. 19.
9. *Козинцев Г.М.* Собрание сочинений. Т. 1. Л., 1982. С. 134.
10. *Петров-Бытов П.П.* У нас нет советской кинематографии // Жизнь искусства. 1929. № 17. С. 8.
11. *Караганов А.В.* Всеволод Пудовкин. М., 1973. С. 119.
12. *Лебедев С.С.* Лента памяти… С. 90.
13. *Пиотровский А.* Режиссер советского быта П.П.Петров-Бытов // Право на жизнь. Л. 1928. С. 6.
14. Из истории «Ленфильма». Статьи, воспоминания, документы. Вып. 3. 1920–1930-е гг. Л., 1973. С. 143.
15. *Форш О.* Пугачев. Киноповесть // Красная нива. 1936. № 4.
16. *Кин А.* Собрание драматургов Ленинграда // Кино. 1937. 17 мая.

17. *Мессер Р.Д.* Не пройдет бесследно… // Ольга Форш в воспоминаниях современников. Л., 1974. С. 144.
18. Там же. С. 144-145.
19. *Исаков Ю.* Режиссеры писали сценарии… // Литературная газета. 1938. 5 марта.
20. *Иванов А.* Экран судьбы. Роман жизни. Л., 1971. С. 191.
21. РГАЛИ. Ф. 2387. Оп. 1. Д.109. Л. 47.
22. *Егорова Е.Г.* Моя профессия. Записки актрисы кино. М., 1969. С. 34.
23. *Иванов А.* Экран судьбы… С. 192.
24. *Коваль-Самборский И.И.* Актер и режиссер // Кино. 1936. 17 сентября.
25. *Херсонский Х.Н.* Страницы юности кино… С. 140.
26. *Луначарский А.* «Каин и Артем» // Известия. 1929. 20 ноября.
27. Луначарский о кино. Статьи. Высказывания. Сценарии. Документы. М., 1965. С. 161.
28. *Шкловский В.Б.* За 60 лет работы в кино. М., 1985. С. 195-196.
29. Там же. С. 195.
30. Луначарский о кино… С. 161.
31. *Горький А.М.* Литература и кино // Литературная газета. 1935. 15 апреля.
32. *Пиотровский А.* Режиссер советского быта П.П.Петров-Бытов… С. 6.
33. *Лебедев С.С.* Лента памяти… С. 84.
34. *Блейман М.* Павел Петров-Бытов… С. 204.
35. *Шкловский В.Б.* Об историческом сценарии // Советский исторический фильм. Сб. статей. М., 1939. С. 76.
36. *Левицкий Н.* Сценарий о Суворове // Кино. 1937. 18 декабря.
37. *Нечкина М.Н.* «Пугачев». Новая картина «Ленфильма» // Правда. 1937. 2 ноября.
38. *Блейман М.* Павел Петров-Бытов… С. 214.
39. *Ханеев О.* «Завтра будет солнечный день»… С. 82.
40. Об этом можно судить на примере режиссера Ефима Дзигана. В годы Великой Отечественной режиссера оценивали не по талантливому фильму «Мы из Кронштадта», а по неудавшейся «Первой Конной». Когда Дзигана привлекли к постановке фильма «Секретарь райкома», за ним был установлен тотальный контроль. Как известно, «Секретарь райкома» снимался в срочном порядке по распоряжению Сталина. Как только на съемочной площадке возникли некоторые сложности, «бракодела» Дзигана оперативно отстранили от работы (РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 771. Л. 148.).
41. *Орловский А.* Студия Ленфильм в 1938 году // Кино. 1937. 29 декабря.
42. Памяти Р.А.Музыканта // Кино. 1938. 11 июня.
43. *Трауберг И.* «За Родину» // Кино. 1937. 12 октября.
44. РГАЛИ. Ф. 2733. Оп. 1. Д. 756. Л. 4.
45. *Петров-Бытов П.* Все ли так благополучно // Кадр. 1938. 1 ноября.
46. ЦГАЛИ СПб. Ф. 257. Оп. 16. Д. 787. Л. 101.
47. РГАЛИ. Ф. 2387. Оп. 1. Д. 79. Л. 35.
48. *Д.Л.* Поучительная история // Кадр. 1940. 23 марта.
49. РГАЛИ. Ф. 2387. Оп. 1. Д. 79. Л. 35.
50. Ежегодник советской кинематографии за 1938 год. М., 1939. С. 182
51. Приказ по студии о запуске кинокартины «Оборона Петрограда» в период подготовки вышел 4 апреля 1939 г. Впрочем, весною ни о какой подготовке к съемкам речи не шло. Как значилось в отчете дирекции «Ленфильма», «из-за недоброкачественности литературного сценария, потребовавшего значительных переделок» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 257. Оп. 16. Д. 989. Л. 3), последовали доработки сценария. В мае 1939 г. к написанию сценария был привлечен драматург Александр Петрович Штейн, по словам начальника сценарного отдела «Ленфильма» Коварского, «человек способный и при том в высшей степени профессиональный». Дирекция киностудии заключила со Штейном договор «на редактуру сценария» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 257. Оп. 16. Д. 728. Л. 143).
52. ЦГАЛИ СПб. Ф. 257. Оп. 16. Д. 1715. Л. 23.
53. ЦГАЛИ СПб. Ф. 257. Оп. 16. Д. 989. Л. 3-4.

54. *Мессер Р.* Дела и дни «Обороны Петрограда» // Кадр. 1939. 29 ноября.
55. ЦГАЛИ СПб. Ф. 257. Оп. 16. Д. 1715. Л. 2.
56. К досаде авторов сценария и редакторов, утвержденная сцена «В теплушке» изначально не понравилась режиссеру, который заявил, что «он эту сцену снимать не хочет». Несмотря на постоянные заверения худсовета и дирекции о необходимости данной сцены, Петров-Бытов ее так и не снял.
57. Справедливости ради нужно отметить, что при обсуждении «Обороны Петрограда» у Петрова-Бытова были сторонники или, по крайней мере, сочувствующие ему. Среди них режиссеры С.Васильев, у которого не было «ощущения полной паники, гибели, катастрофы […]. Все проникнуто большим внутренним смыслом в основном, волнует меня, как зрителя. […] в картине есть несколько сцен сделанных (режиссерски — Н.Ч.) хорошо…» и Лео Арнштам, посильно помогавший Петрову-Бытову в постановке картины и выразивший уверенность в том, «что эта картина пройдет. Она пройдет и безусловно будет иметь большой политический успех». По мнению режиссера С.Герасимова, картину Петрова-Бытова «можно было рассматривать как явление глубоко позитивное, на общем фоне таких картин», если бы это была не оборона Петрограда. В картине режиссер отмечает «прекрасные моменты», «подкупающие вещи», такие как «деталь с телефонной трубкой». «Это уже взгляд художника», — восклицает Герасимов и продолжает: «И даже сейчас, когда угадываешь за этим отражения будущей картины, думаешь — какое это будет величественное зрелище» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 257. Оп. 16. Д. 1715. Л. 10, 14, 15).
58. В.Честноков пробовался на роль Ленина в 1937 году. В это время артист работал в Театре имени Ленинского комсомола, который принял к постановке пьесу Н.Погодина «Человек с ружьем». На роль назначили другого артиста. Но «мечта сыграть роль Владимира Ильича, — признавался Честноков, — с тех пор не покидала меня». (*Честноков В*. Как я работал над образом Ленина. Записки актера. М.-Л., 1960. С. 22).
59. Первоначально кинокарьера П.Кадочникова складывалась не вполне удачно. В 1936 году он играл главную роль в фильме «Соловей». Однако, когда была снята четверть картины артиста заменили на другого исполнителя. (Кино. 1937. 29 января).
60. *Скоробогатов К.* Жизнь и сцена. Л., 1970. С. 131.
61. *Крымов А.* Народный артист РСФСР Константин Васильевич Скоробогатов. М., 1952. С. 17.
62. ЦГАЛИ СПб. Ф. 257. Оп. 16. Д. 1715. Л. 20 об.
63. Там же. Л. 9.
64. Там же. Л. 17 об -18.
65. Там же. Л. 25-26.
66. Там же. Л. 4, 17.
67. Там же. Л. 24 об.
68. Там же. Л. 27 об.
69. Там же. Л. 24.
70. ЦГАЛИ СПб. Ф. 257. Оп. 16. Д. 919. Л. 10.
71. Кадр. 1940. 11 марта.
72. РГАЛИ. Ф. 2063. Оп. 1. Д. 219. Л. 2.
73. *Михайловский О.* В студии «Ленфильм» // Кино. 1940. 23 мая.
74. *Чигинский А.* На съемках фильма «Оборона Петрограда» // Советский киноэкран. 1940. № 5. С. 13.
75. Кино. 1940. 16 августа.
76. *Бродянский Б.* «Оборона Петрограда» // Кино. 1940. 2 августа.
77. *Гринев А.* Плоды гнилого руководства // Кино. 1940. 11 октября.
78. *Большаков И.* Приказ «О приведении режиссерских кадров в соответствие со стоящими перед ними задачами» // Кино. 1940. 13 декабря.
79. Там же.
80. РГАЛИ Ф. 2387. Оп. 1. Д. 79. Л. 36.

81. Хронология истории Алтая – год 1942 // http://irbis.asu.ru/docs/altai/history/chrono/1942.
82. *Лавров В.* Сцены из частной жизни: Из записок шестидесятника // СПб., 1998. № 19 (http://www.spbumag.nw.ru/97-98/no19-98/11.html).
83. РГАЛИ. Ф. 2387. Оп. 1. Д. 109. Л. 47-48.
84. *Мельников В.* Жизнь — кино // Искусство кино. 2005. № 9. С. 155.
85. РГАЛИ. Ф. 2387. Оп. 1. Д. 109. Л. 47.

N.V. CHERNOVA

«I SHOULD NOT BE A COLD SPECTATOR OF THAT LIFE, WHICH I TRANSFER ON SCREEN…»: CREATIVE SEARCH AND DEVELOPMENT OF DIRECTOR P. PETROV-BYTOV

The article views creative search and development of the Soviet director P.P. Petrov-Bytov. Having got into cinematography quite by chance, he noted his career at «Lenfilm» studio with several successful films. The epilogue of his creative activity was his picture «Petrograd Defense».

Т.Е. ХУЗИНА (Магнитогорск)

ПРЕДМЕТНЫЙ МИР В СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ 1930-х годов

Ничто настолько приближенно и выпукло, фактологически достоверно не характеризует время, насколько его характеризует вещь. По природе своей она удалена от политики, но свойственная человеку привязанность к вещи способна влиять на исторический ход событий. Пристальное вглядывание в предметный мир в отечественном кинематографе 1930-х гг. дает возможность вплотную, осязаемо приблизиться к жизни на этом сложном отрезке истории. Но эта возможность — суть иллюзия — потому что в фильмах тех лет конструируется особая реальность (бытовая в том числе), и она имеет очень условное отношение к действительности. Намеренно близорукий подход к предмету в кадре позволяет, тем не менее, выявить некоторые общие закономерности, ускользающие при традиционном анализе замысла и сюжета.

Хотя первостепенной задачей авторов фильма и является выражение определенной идеи, кинематограф, в силу своего родственного картине пространственного характера, не может фокусироваться исключительно на мире идей, его художественные средства требуют использования видимого материала, реальных форм. Даже если используемые предметные формы имеют целью создание на экране мира, не существующего в действительности, своего рода «обмана» средствами искусства, они должны существовать на самом деле, в крайнем случае, быть бутафорскими, поэтому кинематограф, конструирующий срез жизни, не может обойтись без предмета. Конечно, предмет не играет и не может играть здесь главную роль, традиционное назначение его — обстановка места действия, в рамках которого он может становиться более или менее значимым, оставаясь безмолвным статфажем или — и это его высшая точка — участвуя в раскрытии сути действа, основной идеи фильма.

Период 1930-х гг. — начальная стадия в формировании «стиля жизни» советского человека, тех черт, которые станут характерными для последующих десятилетий. Именно в 1930-е гг. быт приобретает определенные черты и начинает оформляться новое

отношение к нему, посыл к которому задали ещё лозунги 1920-х гг., пестревшие фразами наподобие: «Против старого быта!». В 1930-е гг. нарождается новая семантика вещи в искусстве, и при заявке на реалистическое отражение действительности место действительного предмета начинает прочно занимать своего рода предметная мифология — достаточно ограниченный набор объектов предметного мира, который будет фигурировать в произведениях живописи, кинематографа и литературы. 1930-е гг. — это принципиально иной подход к трактовке предметной реальности, самое важное в которой то, что предмет перестает быть аполитичным.

В кинематографе 1930-х гг. происходит схематизация предмета, его развеществление средствами кинематографа. Это уже не конкретная вещь со своей историей, трещинами и рытвинами, приобретенными в ходе долгой или недолгой службы, иными словами, предмет перестает быть «просто предметом» (цветком, который куплен в N, или глобусом, у которого после падения обломалась подставка, и пр.) и становится предметом вообще, предметом в широком смысле этого слова (цветком, глобусом, книгой, вазой, пианино и пр.). Вещи, таким образом, утрачивают значимость как мелочи жизни, которым свойственно накапливаться, тускнеть, покрываться копотью, скалываться, увядать, и с которыми человек волен свободно обращаться (к примеру, использовать их в качестве безмолвной натуры в самых безумных живописных экспериментах) и приобретают значение «следов» или знаков некоей идеологизированной реальности, шутить с которой уже опасно. Одним словом, с предметом начинают обращаться осторожно. Не случайно в живописи тех лет, несмотря на взлет в 1920-е гг., натюрморт отходит далеко на периферию, оставаясь в какой-то степени прибежищем для художников, не придерживавшихся официальной линии искусства.

В кинематографе тех лет нам практически (за редким исключением) не найти натюрморта как группы художественно скомпонованных предметов, имеющей целью наиболее точно приблизиться к жизни, натюрморта, отражающего с большей или меньшей степенью достоверности бытовые реалии, как нет предметов, которые являлись бы неотъемлемой частью ткани фильма. В большинстве случаев камера как бы «проскакивает» через вещи, акцентируясь на словах, действиях и взглядах, таким образом, роль предмета как такового, как неотъемлемой части характеристики персонажа обозначается несущественной. Но нельзя сказать, что в фильмах тех лет совсем нет натюрморта.

Сквозной идеей через фильмы 1930-х гг. проходит положительный образ человека, живущего во имя идеи, не замечающего вокруг себя мелочей быта, потому не стремящегося обустроить его. Аскетичный демократизм обстановки, окружающей такого героя, иногда противопоставляется пристрастию к «буржуазной» роскоши героя отрицательного. Кинематограф 30-х гг. конструирует утопический мир. И этот мир соответствует не столько действительным современным реалиям, сколько свойственным эпохе представлениям об идеальной реальности, действие здесь разворачивается в известной степени в утопических времени и пространстве: некотором светлом будущем, спроецированном на настоящее, пространстве некоего идеального города (Москва) или деревни. Натюрморт здесь существует (хотя бы в виде абриса места действия), но с точки зрения бытовой конкретности это натюрморт идеальный. И интересен он именно как образ некоей желаемой действительности, как бытовой срез представлений о такой идеальной действительности. О том, как «должно быть» или как «хотелось бы, чтобы было».

Согласно этой вневременной проекции, предметы здесь в большинстве случаев — это предметы вообще, наименее индивидуальные в плане характеристики стиля эпохи (советские 30-е), не несущие также отпечатка личного вкуса владельца, и именно эта их имперсональность является характерной. В русле создания прекрасной безвременной действительности проходит часто и по-разному звучащая в фильмах тех лет тема античности: греческая античность как идеальная, не-портретная культура, а из римской отбирается ее репрезентативность.

Таким образом, начинает господствовать некоторый безвременный стиль, отобравший себе из прошлого лишь некоторые предметные реалии и манипулирующий ими:

самовар, ваза для фруктов, стеклянный графин с водой и граненым стаканом, ваза с цветами, красивая фарфоровая посуда, кресло-качалка.

При обрисовке интерьера официального учреждения, отделения милиции, кабинета наделенного полномочиями ответственного работника (председателя колхоза, представителя обкома, заведующего и т.п.) постоянным является общая стилистическая тенденция, которую мы условно назовем ампирной, хотя и с большой оговоркой. Рассматриваемые нами предметы не претендуют на тождество с конкретными предметами данного стиля — они несравнимо уступают произведениям ампира в роскоши, в разнообразии мотивов, художественности их исполнения. И римская античность здесь воспринята уже не только не через первые, но и не через вторые или третьи руки — это отражение отражения, имперский стиль, из которого изъяты все внешние украшательские моменты и оставлена только голая функция, сущность — служение целям репрезентации. *Массивные тумбы, диваны, столы с пресс-папье, пепельницами, чернильницами, металлическими карандашницами, бронзовыми или гипсовыми статуэтками, бюстами вождей* (бюст мог заменяться висящим на стене портретом) — все подчеркнуто монументально и статично. Отдельно следует отметить непременные *двойные письменные приборы и респектабельные портьеры.*

Те же черты, за отсутствием разве что письменных принадлежностей и портретов вождей, мы находим и в обрисовке городской квартиры. Здесь постепенно устанавливается все более и более нейтральный стиль. Обязательной в изображении интерьеров жилых комнат становятся *ваза с цветами* на пианино, комоде, обеденном столе или специальном круглом столике. Характерны высокие потолки, большие окна и стерильная чистота этих интерьеров. Не в том смысле, что в интерьере должны быть грязь и мусор, но в реальном интерьере всегда есть следы жизни: небрежно брошенное полотенце, неразборчиво толпящиеся предметы, кресло, сдвинутое со своего места и т.п. Все эти детали тщательно вычищены, а точнее, эту бытовую атмосферу никто не пытался восстанавливать, а потому она остается по большей части схематичной. Особенно сияющие чистота и пустота в изображении больничных коридоров и палат («Летчики», 1935 г., «Строгий юноша», 1935 г., «Доктор Калюжный», 1939 г. и др.).

Пристрастие к пространству исторически нейтральному можно увидеть и в характерном для 1930-х годов увлечении театрально-музыкальной тематикой. Это сюжеты, где местом действия становится театр или цирк («Строгий юноша», 1935 г., «Веселые ребята», 1934 г., «Цирк», 1936, «Музыкальная история», 1940, «Антон Иванович сердится», 1941), сюжеты, где моделируется сказочно-прекрасный образ безоблачного быта, по сути — идеальная декорация («Девушка спешит на свидание», 1936 г., «Девушка с характером», 1939 г.), или театрализация «а ля рюс» («Волга-Волга», 1938 г., «Свинарка и пастух», 1941 г.). В конце 1930-х гг. тема театра, «комедии ошибок» иногда сочетается с реалиями коммунальной жизни («Подкидыш», 1939г., «Музыкальная история», 1940 г.). Во внимании, с каким освещается коммунальный быт, можно увидеть краткосрочное возрождение бытописательского отношения к предмету.

Чаще всего скомпонованные в кадре вещи внесены для характеристики рода занятий персонажа (инженер, студент, врач), как, например, рулоны бумаги и чертежные принадлежности или «больничные» натюрморты в фильме Ю.Райзмана «Летчики» (1935 г.) или обязательные полки с книгами, письменный стол и настольная лампа как атрибуты профессии («Учитель» С.Герасимова, 1939 г.). Другая роль — способствовать созданию настроения в лирических или (реже) драматических сценах. Сам набор вещного мира, как мы уже говорили, достаточно стабилен и немногочислен.

Особо следует отметить мотив *цветов,* который присутствует практически в каждом фильме 1930-х гг. и несет значительную смысловую нагрузку. В живописи 1930-х гг. цветы — отдельная тема. К ним обращаются Д.Штеренберг и В.Татлин, П.Кончаловский и И.Машков, П.Кузнецов и Ю.Щукин. Хотя, конечно же, по значимости, по сравнению с советской проблематикой эта тема, и вообще натюрморт, находятся глубоко на

периферии. Примечательно, что в литературе тех лет при практически полном отсутствии описания быта, цветы фигурируют.

Рядом с цветами, но значительно уступая им в численности, стоит изображение *фруктов, почти всегда* — в *высокой вазе* на ножке. Можно только догадываться, что изображение этого мотива связано с отсутствием его в реальной жизни. Но в произведениях натюрмортного жанра тех лет фрукты — мотив достаточно частый.

Другой важный и один из самых эмоциональных компонентов фильма — *окно,* (и чаще всего*, с комнатными растениями на подоконнике)*, новости, как хорошие, так и тревожные приходят через него, к нему часто обращают свои монологи герои («Цирк», «Доктор Калюжный», «Строгий юноша», «Свинарка и пастух» и др.). Колышущаяся занавеска, ветер, распахивающий створки, открытое окно в момент важных раздумий персонажа — это связь с большим миром за окном, вторжение волнений мира в жизнь героя.

Обязательный *стеклянный графин с водой и граненый стакан* обычно представлены в качестве самостоятельного мини-натюрморта, как правило, на специальном столике.

В общем и целом в начале 1930-х годов в изображении предметного мира можно выделить две основных тенденции, берущие свое начало в 1920-х гг. и к концу 1930-х гг. слившиеся в одну. Условно обозначим их как бытописательскую и знаковую. Разберем для сопоставления несколько фильмов 1920-х и 1930-х гг. Равно как и проанализируем некоторые картины, отклоняющиеся от перечисленных выше характеристик, являющиеся в разной мере исключениями из правил.

Те изменения, которые были нами обозначены в самом общем виде, внешне проявившие себя в кажущемся невнимании к бытовой обстановке, особенно явственно проступают в сравнении с кинематографом 1920-х гг., когда ради отражения реальной картины быта иногда видоизменялся сюжет литературного первоисточника. Так было, в частности, с фильмом Я.Протазанова «Аэлита» (1924 г.).

Фильм щедро демонстрирует интерьеры и предметный мир эпохи нэпа, которых совсем нет в одноименной повести А.Толстого; внимательно отслеживается убранство «уплотненных» квартир, ясно высвечивающее эклектичный характер предметного мира того времени: претенциозные предметы «старого быта» соседствуют с убожеством пролетарского съемного «угла». В замысле картины реалии нэпманской России соотносятся с фантастикой Марса. В вопросе быта ткань фильма распадается на два различных, в какой-то степени противоположных куска. Один создан в литературно-описательной манере, характерной для Протазанова-постановщика произведений классики. Другой существует в абсолютно абстрактном, вымышленном пространстве, лишенном времени и истории, а следовательно, и вещей.

В первом — предметный мир принадлежит ещё целиком уходящей эпохе. *Кресла, скатерти, фарфоровая посуда* и пр. — осколки некогда налаженного быта. Можно рассмотреть традиционный *старинный камин* в квартире инженера Спиридонова, по соседству с ним самостоятельно (за отсутствием прислуги) пришивающего себе пуговицу; этот камин по сюжету становится одним из действующих лиц. Не находит покоя в *готическом кресле* красноармеец Гусев, *многофигурная барочная скульптура* в комнате его супруги выглядит также странно — вместе эти предметы как бы подчеркивают несовместимость устремлений героя с миром, отголосками которого являются.

Показательны противопоставления: эпизоды на эвакуационном пункте, где толпы нищих и голодных принимаются на фоне *классических колонн*, как и сцена сведения в кадре *модных женских туфелек и лаптей*. Вписаны в ткань «земной» части фильма и тип спекулянта (из «бывших»), и скудость обеспечения, оговариваемая с оптимистической интонацией (титры: «Жизнь медленно, но неуклонно налаживалась»). Все это, показанное вскользь, в совокупности обрисовывает общую стихийность и неустойчивость бытового уклада. Мы видим реалистически трактованную бытовую среду, в определенной степени случайную по подбору предметов, поскольку и представляет она обломок некогда целостного мира. Нарождающийся новый мир еще не выработал своего стиля,

не проявил своих вкусов в стихии *вещи*. Важно, что проблемы героев картины неразрывно связаны с бытовыми условиями, зачастую из них и проистекают (подселение Эрлиха, в результате которого едва не произошла трагедия; смена работы Наташи, вызванная тем, что «жизнь налаживалась», и пр). Сюжет фильма выкристаллизовывается из быта и постепенно назревающего желания человека вырваться из него (об этом свидетельствуют фантазии инженера Лося о Марсе, мечты красноармейца Гусева о новой революции и даже комические амбиции самодеятельного сыщика — не случайно именно эти трое оказываются сведены судьбой и волей режиссера на космическом корабле).

В «Путешествии мистера Веста в страну большевиков» Л.Кулешова (1924 г.) несколько иной подход к быту и вещи. Так же, как в картине Протазанова, здесь сопоставляются два мира, в данном случае это две России — страна Советов «глазами заграницы» и она же истинная, настоящая. Первая часть фильма иллюстрирует порожденные страхом американца картины «дикой» и варварской страны, разыгранные для него шайкой авантюристов; во второй происходит постепенное разоблачение этой мнимой реальности — сначала для Джедди, охранника мистера Веста, а потом и для самого мистера Веста. Финал картины наглядно «овеществляет» замену одной реальности другой: вместо «разрушенных большевиками» университета и Большого театра иностранцу показываются они же подлинные, целые и невредимые. Подобная же метаморфоза происходит в сознании мистера Веста с людьми и вещами– место *сумрачного полуподвала, серпа и гусиного пера* занимает *обставленный кабинет с телефоном*, а кровожадных разбойников в отрепье — «настоящие» большевики в *униформе*.

В связи с общим принципом построения фильма здесь подчеркнуто гротескны мимика и жесты. Столь же гротескно акцентированы и немногочисленные предметы. Возможно, к этому подтолкнули авторов специфические выразительные средства немого кино, необходимость акцентирования мимики и жеста, а вместе с ними и предмета — как обстановки места действия. Так или иначе, можно отметить общую направленность к знаковой трактовке вещи. Предметы выступают как знаки определенной схематизированной реальности, они её, таким образом, обозначают: «*чемоданы* мистера Веста» — излишнюю привязанность к комфорту; *носки с американским флагом* — некое заграничное инобытие, странное для граждан страны Советов; *нью-йоркские журналы с фотографиями* — засилье ложной информации о РСФСР и т.п. Каждому означенному таким образом предмету-идее выведен антипод: так, американскому понятию о комфорте иронично противопоставлены картинно и несколько вызывающе *висящие на веревке носки* в комнате «бывшего эстета» Жбана, а также *обломок зеркальца*, являющийся достоянием криминальной «графини».

Центр подобных противопоставлений занимают картинки «дикости» русских, разыгранные для мистера Веста шайкой жуликов. Один из актов представленной комедии — чай «по-советски»: «*буржуйка», примус, чайник* и обязательное *блюдце*; другой –«большевистские зверства», которые призваны олицетворять *серп* и застывшая, *опредмеченная мимика* персонажей; атрибутами беззаконного суда становятся *полутемное помещение, гусиное перо и свиток*. В финале фильма ложные представления мистера Веста, а с ними и их предметные знаки, заменяются на истинные — *телефон, форменная одежда, чернильница, пресс-папье* — признаки налаженного делопроизводства. Идея замены одной реальности на другую проходит красной нитью сквозь ткань фильма, и выражается она через предметы. Таким образом, вещь является здесь чрезвычайно важной составляющей образа, без неё противоположность советской России и капиталистической Америки, «цивилизованной» страны Советов и — «полудикой», варварской Руси невозможно было бы обрисовать так немногословно и ясно.

В шедевре А.Роома «Третья Мещанская» (1928 г.) вещи являются неотъемлемой частью повествования, картина построена на тонкой психологической игре, тесном взаимодействии героев друг с другом и с предметами; об этом свидетельствует и одно из названий фильма, под которым он известен за рубежом — «Bed and sofa» («Кровать и диван»). Первые кадры знакомят зрителя с главными героями — едет в Москву В.Фогель;

спят на кровати муж и жена, *портреты и вырезки* на стене; спит возле *цветочных горшков кошка; обеденный стол* с привычным наборов посуды: *пепельница, изящный кувшин с водой, сахарница*, смятое, небрежно брошенное *полотенце*; уголок кухни с *примусом, чайником, тазом, тарелками.*

Это репрезентация основных действующих лиц будущей драмы, каждый из которых, подобно чеховскому ружью на стене, в определенный момент «выстрелит» — сыграет свою роль в развернувшихся событиях. *Ширма*, композиционно особенно важный элемент фильма, представлена отдельно — её главный герой картинно вносит в комнату. *Дорожная корзина*, в начале фильма незаметно покоящаяся на шкафу рядом с самоваром, в контрапунктной для повествования сцене, где герой спешно собирается в командировку, становится предметом беспокойства для всех троих — ведь именно отъезд героя сыграет поворотную роль в их судьбе. Она же появится и в другой важной сцене — когда герой придет забрать свои вещи, но так и останется — эпизод, с которого начинается странная жизнь втроем. Как важный свидетель в нескольких сценах фигурирует *пепельница* — первых знаков внимания Фогеля, аккуратно прибравшего стол, далее она же — в сцене игры в шашки, характерного времяпрепровождения друзей-соперников, и она же в финале как предмет фатальный — ею придавлена последняя записка Людмилы.

Множество других, существенных для картины, деталей вносят именно предметы. Кипяченое молоко в стакане, к которому герой придирчиво требует *подстаканник* (отметим это, так как позднее в кинематографе подстаканник явится уже элементом идеальной декорации); натюрморт из *цветов, гантели и газеты; поварская книга* и *сервированный стол*, над которым хлопочет жена; *фарфоровые статуэтки*, излюбленные *слоники на комоде*. Все эти символические картинки безмятежного семейного счастья, обрисовывающие стабильность уклада обитателей квартиры в первых кадрах фильма, впоследствии изменятся до неузнаваемости или исчезнут из повествования. Солнечный *подоконник с занавесками и множеством цветов* в начале фильма — в разгар драмы превратится в *пустынный натюрморт* с дождливым пейзажем за окном.

Предметы явятся равноправными участниками повествования, каждый раз принимая различную эмоциональную окраску. Психологически необходимы *листы бумаги*, посыпавшиеся из рук смятенной, впервые оставшейся в двусмысленной ситуации героини. *Газета на пустом столе*, сметаемая прорвавшимся из окна ветром, вносит предощущение грозы, состояние некоторого тревожного ожидания. *Настольная лампа* становится фактически безмолвным собеседником Николая, пытающегося разместиться ночевать на рабочем столе — обратившись к ней лицом, он рисует в воображении радужные картины домашнего уюта. Все эти моменты недвусмысленно свидетельствует о том, что в фильме А.Роома предметы не только необходимы для характеристики персонажей, но и являются своего рода действующими лицами.

В этой картине Роома герой не мыслим вне окружающего его узкого круга вещей. Человек здесь (как вообще в кинематографе 1920-х гг.), органично существует внутри быта, его жизненные ситуации разыгрываются именно здесь. Невозможно представить, как повернулись бы в фильме отношения троих, не возникни у мужа (Н.Баталов) простейшей, но в данной ситуации неразрешимой из-за отсутствия в е щ и (кровати) проблемы — неудобно спать на столе, и после мучительной ночевки на рабочем месте герой вынужденно идет на компромисс. Человек привязан к миру вещей, к материальности (тяжести) своего существования вообще, его духовные устремления формируются во взаимодействии с этим миром. Прежний, обыденный уклад и обыденные человеческие отношения просвечиваются сквозь ткань фильма; множество вещей, с точки зрения функции не столь нужных, привносят в картину неповторимую окраску, ощущение правды жизни.

Совершенно иное мировоззрение проявляется в фильме того же А.Роома 1935 года «Строгий юноша». Построение картины в некоторых чертах перекликается с «Третьей Мещанской». Она также начинается с «представления» будущих персонажей. Лестница, ведущая к даче доктора Степанова; видимый сквозь прозрачный занавес сервированный

стол с букетом белых хризантем; купающаяся героиня; снова стол, но без занавеса; снова идиллия с купанием; спящая собака и Цитронов в плетеном кресле; купание, затем Цитронов; спящие мраморные львы; повара, бодро начинающие день. Это небольшая прелюдия определяет настроение фильма, но здесь, по сравнению с «Третьей Мещанской», предмет начинает действовать не столько как конкретный объект с конкретным местоположением, сколько как абстрактный умозрительный символ. Появление этого символического аспекта очень показательно для характеристики не только изменившегося языка Роома, но и, во многом, времени.

Один из принципиально важных в структуре фильма моментов — *лестница*. Уже в первом кадре она предстает не только и не столько архитектурным элементом дачи доктора Степанова, декорацией места действия, сколько символом движения к некоему недосягаемому идеалу, лестницей, ведущей если не в рай, то, во всяком случае, в некий возвышенный, вознесенный над обычным, мир. Этому в немалой степени способствуют озаряющий её солнечный свет и звучащая за кадром музыка. Мотив лестницы будет неоднократно фигурировать на протяжении фильма в композиционно важных кадрах — именно эта или другие, в зависимости от места действия. Таким образом, предмет обстановки приобретает здесь, помимо обыденного, другое, надмирное, вневременное звучание. Действие фильма переносится в символическое пространство, пространство настоящего большого чувства и подлинной Красоты, для подчеркивания которого автор часто прибегает к противопоставлениям. В этом смысле введен низменный во всех отношениях персонаж Федор Цитронов, который как бы воплощает то дурное, что есть в докторе Степанове.

Прием повторения одного и того же предмета в разных ситуациях уже использовался режиссером в «Третьей Мещанской», но здесь он подчеркнуто акцентирован. В размеренном ритме картины эти повторения приобретают характер ритмических пауз. Причем повторяются не только предметы обстановки, но и реплики героев, что переводит происходящее из обыденного аспекта в подобие античной драмы. Герои цитируют по несколько раз в течение фильма одни и те же реплики совершенно так же, как переходят из кадра в кадр одни и те же предметы. Ситуации фильма разворачиваются в одних и тех же декорациях, решается несколько тех же вопросов.

Параллели с античной Грецией недвусмысленно проявляются и в некоторых других моментах фильма, в частности — в сценах на стадионе. Комсомольцы уподобляются здесь героям спортивных состязаний в Олимпии: несется на квадриге Гриша, забрасывает диск, копируя позу мироновского «Дискобола», Николай, причем камера в этот момент выбирает точку зрения несколько снизу, как бы ставя фигуру на постамент, придавая ей тем самым монументальность. Особенно показательны композиции в раздевалке, проникнутые очарованием греческого рельефа — гармонической выверенностью поз и движений, восходящих непосредственно к античному первоисточнику; строгим отбором деталей, организацией динамичной доминанты на фоне статичного окружения, безупречной чистотой интерьера.

О «чистоте» и тональности фильма Роома необходимо сказать отдельно. Исследователями отмечались особое внимание советских режиссеров в 1930-е гг. к употреблению белого цвета и определенная семантика его в кинокартинах. Есть эта семантика и в фильме Роома: не случайна стерильная чистота интерьеров, белые цветы и белые одежды героев, общая светящаяся атмосфера картины. Но важно, что белый цвет здесь несет вполне определенное символическое значение. Так, в начале фильма, обрисовывающем появление (заметим, ожидаемое) Гриши и, впоследствии, встречу влюбленных, на Маше белое легкое платье, на молодом человеке былые рубашка и брюки. Вокруг, вдоль лестницы, белоснежные цветы. Причем персонажей более прозаических это не затрагивает: светлая в полоску рубашка у доктора Степанова, сочетание черного и серого в одежде «отрицательного персонажа» Цитронова; и такая закономерность прослеживается везде по ходу действия фильма — в дальнейшем различная одежда будет у друзей и матери Николая, но почти никогда не белая, хотя они и «герои положительные». Роом очень

строг в этом отношении. Цвету, а точнее тону, он придает семантическую функцию. Белый выступает атрибутом идеального, возвышенного, чистого мира души. Соответственно там, где герои живут в нем или приближаются к нему, возникает белое. Можно прочитать это как своего рода условность или подтекст, с помощью которого режиссеру удается подчеркивать моменты перехода из одного мира, одного состояния в другое. Сценам «на стадионе» он таким образом придает иное, надмирное, вселенское звучание; уподобляя молодость страны поре «юности человечества». Светлое платье на «некрасивой» Людмиле находит объяснение в её реплике: «А мне уже сказали: Я Вас люблю…».

В связи с этим нельзя не отметить финальную прогулку влюбленных, во время которой они идут по мосту, так что крыши домов оказываются внизу, совсем близко, но все же герои оказываются идущими *над* городом. Здесь они существуют уже в реальном мире, на это указывает её *черный костюм* и *черный пиджак* — на нем. Этот переход из мира идеального показан очень деликатно, мы его фактически только угадываем — тонкость структуры и при этом какой-то особый эпический ритм фильма Роома просто поразительны. Многослойность, свойственная его произведениям, позволяет существовать одновременно нескольким уровням прочтения, и семантика белого вплетается в структуру фильма, не нарушая целостности. В рамках многослойности и сложности нельзя не отметить и другую особенность — особое внимание к теме цветов, цветы, проходящие лейтмотивом через всю картину.

Напомним, что для Роома очень важен предмет — нечто, если оно попадает в кадр, всегда не случайно, особенно если один и тот же мотив повторяется по ходу фильма неоднократно. Обилие цветов на даче доктора Степанова, несколько белых цветочков (хризантем?), постоянно упоминаемые на столе в комнате главного героя, комнатные растения и срезанные, цветы везде — в помещении и на улице. Внимание к этому мотиву достигает крайних размеров в сюжете видения или сна Гриши. Гигантские, бутафорские белые цветы на длинных стеблях принадлежат какой-то сказочной породе, особому сорту, что говорит о том, что порождены они не столько впечатлениями от прекрасного, сколько представлениями о том, каким должно быть прекрасное. Перед нами ирреальная картина, фантастическая декорация, раскрывающая внутренний мир героя. Цветы здесь — метафора райского сада, обращающая зрителя к образу возвышенного бытия. Как мы уже отмечали, мотив цветов характерен для советского искусства 1930-х гг., и зачастую он используется в подобной идеалистической трактовке.

Открытие ирреального пространства в фильме происходит не единожды. Намек на существование некоего другого, назовем его идеальным**,** мира просвечивается и в эпизодах в театре, куда друг Гриши является за фраком. Проходя увлекательный, можно сказать, овеянный историей, путь через подсобное помещение, минуя статуи разных эпох, служащие здесь элементами реквизита, он на какое-то время останавливается, любуясь эпизодом чарующего балета. Вид персонажа, одетого в майку с эмблемой «Динамо», контрастирует с действом, разворачивающимся перед его глазами, создавая ощущение двух параллельных, несоотносимых друг с другом пространств. Движение героя дальше — и тот же балет мы видим сквозь сетку декораций — изящно изогнутых стволов и веток, закрученных в духе модерна.

Именно эти декорации впоследствии сказочно возникнут сами собой в сцене поцелуя из сна Гриши, когда посреди концертного зала зацветут сады, а зеркальный пол превратится в зеркальное озеро. Символический смысл происходящего — преображение мира в моменты любви. В этом участии неодушевленного предмета в создании психологического состояния фильма видятся явные переклички с принципами «действенной сценографии», которые формируются в театре в 1920-е — 1930-е гг. — тенденции к расширению возможностей декорации и предмета как такового в создании центрального образа спектакля.

Следует обратить внимание еще на один момент — создаваемая режиссером предметная реальность искусственна, она носит явно умозрительный, а потому несколько бутафорский характер. Этот момент только подчеркивают сцены в театре и эпизоды сна. Мир,

сотворенный Роомом в этой картине — это мир прекрасной грезы, которая соединяется с реальностью только в финале фильма — когда герои встречаются, перестав таить свои чувства, но при этом они утрачивают тот волшебный мир, который их окружал ранее. Далеко не так эффектна, как во сне, сцена реального поцелуя, но она реальна; и один из знаков этого перемещения с небес на землю, как мы уже отмечали, — черные одежды героев.

В связи со всем вышесказанным проявляется сущностная разница между концепциями построения предметного мира «Третьей Мещанской» и «Строгого юноши» — в последнем Роом стремится уже не отобразить реальность, а реальность смоделировать.

Отметим, между делом, что подобная черта в 1930-е гг. становится явственной в кинематографе, она свойственна не одному только Роому и, по-видимому, имеет причины не только политического характера. Помимо идеологического заказа она, возможно, стала следствием общей неясности, несформированности картины вещного мира в 1930-е гг. — инерция 1920-х заканчивается, потенций для развития авангарда, как и для реалистического искусства, в прежнем их понимании, больше не существует. Становятся неактуальными и нэпманская, «мещанская» бытовая подробность, и воинствующий аскетизм периода «голода и разрухи». Таким образом, отсутствие законченного, устойчивого образа реальности могло вызвать к жизни различные формы бытового мифотворчества — возвышенно-поэтические, как в уникальном фильме Роома, фантазии «в русском стиле» И.Пырьева («Свинарка и пастух», 1941 г.) или аскетически-деловые, как в целом ряде картин второй половины 1930-х — 1941 гг. Во всех случаях эти построения имеют выраженный бутафорский характер. Мы имеет перед собой очень условную с точки зрения свидетельства о времени картину. По ней можно догадываться об идейной жизни, но бессмысленно искать бытовой правды, правды, складывающейся из мельчайших подробностей точно взятого фрагмента. Это зачастую произведения искусства, но не реалистического, потому доверять артефактам, представленным в фильмах, как историческим свидетельствам, искать в них подлинный вещный мир 1930-х гг. нельзя, как нельзя по изображениям «града небесного» на византийских мозаиках судить о том, как жил человек средневековья.

«Веселые ребята», 1934 г. — яркий пример несоответствия кинематографического мира действительности, но нас интересует не столько это несоответствие (не будем затрагивать пока понятия «правды» в искусстве как этической проблемы), сколько просвечивающая в языке картины возможность игры с предметом, возможность, которая исчезнет позднее из фильмов конца 1930-х гг. О свободном обращении с вещным миром прошлого и настоящего свидетельствуют хотя бы перипетии со *статуей Венеры*. Собственно даже не с самой статуей, а с её иронической копией — к ней привязывают быка, и на какое-то время она становится комическим центром сюжета, с маской наивной серьезности осмеивается героем, а в конце концов вдребезги разбивается. Любопытно, что в фильме вообще неоднозначный диалог с античностью. Так, в сцене бодрого марша главного героя (и его музыкального сопровождения) по Прозрачным ключам он проходит мимо увитой виноградной лозой беседки и корзины, переполненной только что собранными гроздьями, мимо женщины, картинно остановившейся с кувшином, Анюты, расплескивающей на бегу воду, минует кузницу с работающими в ней кузнецами и заканчивает шествие, сыграв мелодию на решетке полуразрушенной ограды (как у Маяковского «на флейте водосточных труб»). Эта бравурная песня на фоне подобранного зрительного ряда звучит как гимн труду и изобилию, чаше, полной до краев, юности и смелости, кроме того, здесь просматриваются параллели с жизнелюбием «колыбели человечества», освоенной и своеобразно воплощенной. Советская действительность предстает как преемница мировой цивилизации.

Другой сюжет из того же фильма, где коровы и козы с мычанием и блеянием взбираются по роскошной лестнице, фланкируемой классическими вазами, содержит явную браваду, демонстрирует пролетарское превосходство над аристократической утонченностью и культурой в прежнем, традиционном её понимании. Финал фильма являет ненасильственное, совершенно как будто естественное (несмотря на все эпатирующие

выходки джазменов) слияние только что «хулиганивших» музыкантов с классической декорацией — бутафорской архитектурной вазой на фоне акведука.

Надо сказать, что новое (в сравнении с 1920 г.) отношение к миру вещей декларируется уже в фильмах начала 1930-х гг. В картине Г.Козинцева и Л.Трауберга «Одна» (1932 г.) любовь к согревающим мелочам быта, от которых не может отказаться героиня, закадровым голосом власти заклеймена как «мещанская», а словосочетание «любитель компота» приравнивается к слову «враг». Прямые «директивы», указующие на то, как должен относиться советский человек к быту, появилось не только в кинематографе. Так, например, эскиз оформления карнавальной группы «Старый быт. (Поганки)» Ю.Щукина (1930 г.) содержит агрессивный лозунг: «Против старого быта», в качестве символов которого представлены *икона, примус, чугунок, карты*, а также *лоскутное одеяло*, в которое завернуты орущие младенцы, и *платок в горошек* на голове старухи (по-видимому, олицетворение необразованной, «темной» Руси).

Предметную систему фильма «Счастье» А.Медведкина (1934 г.) можно обозначить как знаково-символическую (подобный ход мы встречали в «Путешествии мистера Веста в страну большевиков»). Фильм построен в форме сказа, как мужик пошел искать счастье, и оперирует фольклорными цитатами подчеркнуто гротескного характера. В картине заимствуются приемы и образный строй агитационно-массового искусства: как отдельные шаржированные персонажи-типы, характерные для оформления популярных в те годы демонстраций и манифестаций («поп», «кулак», «бедняк», «солдат» и т.п.), так и сам язык, упрощенный до простейших, прочитываемых однозначно символов. Хотя расцвет агитационно-массового искусства приходится на 1920-е гг., инерция подобных мероприятий сохраняется и в начале 1930-х гг., о чем свидетельствуют и сохранившиеся фотографии, и эскизы (например, Ю.Щукина).

Предметный мир картины построен на мифологемах, издревле бытующих в сознании — это, с одной стороны, расхожие символы: нищеты и изнурительного труда, а с другой — богатства и преуспевания. Овеществляя представления о том, «что есть счастье» для крестьянина, в начале фильма фигурируют *вареники*, сами летящие в рот, согласно сюжету, это и есть тот чаемый, но недосягаемый идеал безбедной и беззаботной жизни, который крестьянин может узреть только сквозь дырку в заборе. Появляющийся в дальнейшем найденный главным героем *кошелек с деньгами* является центральным образом в представлениях о «дармовом» счастье, непременным условием коего является факт неожиданности, удача должна была именно «свалиться с неба». Результатом находки становится осуществление прекрасной мечты — покупка *коня в яблоках* и *сторожевой собаки*. При этом реальность показана значительно более блеклой, нежели умозрительный идеал: коник подчеркнуто тщедушный, собачка, которую хозяин ведет на цепи, хиленькая и робкая. Все эти символы трактованы иронически остро и представляют собой элементы гротескной игры с предметами и реальностью, игры, в которой предмет лишен тяжести и существует в условном пространстве-времени, схематически обозначенном как царская Россия. Вещь, как мы уже говорили, носит здесь гротескно-знаковый характер, а мотивы заимствованы из народных сказаний, песен, лубочных картинок, соответственно отражают они не реальность, а *представление о реальности*, преломленное многовековой мечтой. Причем предмет содержит в себе это представление в качестве подтекста, демонстрируя тем же условным языком свою связь с исходным прототипом, но и явственное отличие от него: купленная собака не охраняет дом, конь не пашет, и жена-лошадь Анна (как она представлена в титрах) на своей спине тащит этого «кормильца» с поедаемой им соломенной крыши, а затем и сама впрягается в плуг; сарай-будка («недвижимое» имущество) настолько развалившийся, что переезжает с места на место; и даже «яблоки» на коне нарисованные. В качестве источников используемых мифологем выступают народные песни («Ехал на ярмарку ухарь-купец…», «Если б я был царем…», сказки (табличка на распутье: «Направо пойдешь — …, налево пойдешь — …» или огромный замок на двери у Хмырей, за которой — сундук, в сундуке — ларец, а в ларце — дырявый кошелек), пословицы («Один с сошкой, семеро с ложкой»),

лубочные и вывесочные картинки (конь «в яблоках», мотивы рисунков-заставок на фоне титров).

Заставки титров следует отметить особенно. Во время действия в царской России мы видим на них меняющиеся, одинаково унылые пейзажи, когда же действие переносится в советскую Россию, картинка становится иной: теперь это вывесочный натюрморт, изображающий *гору фруктов с арбузом*. Этот натюрморт потом материализуется в мифологеме о богатой жизни колхозника — в *воз овощей и фруктов*, выданных колхозникам на трудодни. Идея изобилия подчеркивается средствами гротескного преувеличения — от продуктов «ломится» телега и в буквальном смысле ломается амбар в доме Хмырей, *арбузы, тыквы и чугунок со сметаной* весело бросают колхозники во врагов-расхитителей. Наряду с упомянутой вывеской иллюстрируются и другие фольклорные мотивы: пресловутый *«горошек»* на платке Анны и на штанах у сатирически изображенного попа, он же преображенный — на коне «в яблоках». Особенно ярко и недвусмысленно раскрываются народные истоки в песне Хмыря, которую он поет изнемогшей от непосильного труда жене.

В сценах песни, рисуемых воображением Хмыря, предстает наивно-сказочная декорация :лубочно-картонные *царский дворец, стол, стулья*. Позы персонажей, их костюмы и предметы сервировки заимствованы из народных картинок. Сам Хмырь в картонной короне грызет *жареную баранью ногу*, его жена по-царски степенно вкушает *яблоко*, на столе перед нею — *ваза с фруктами*, схожая с возникающим позднее как элемент образа советской России вывесочным натюрмортом на титрах.

Интересен не только наивный характер этих представлений, обнажающий перед нами мир мечтаний героя, но и сложный контекст, который тянет за собой само употребление лубочно-вывесочных мотивов. В 1910-е гг. подобные мотивы появились невдруг в живописи «бубновых валетов» и явились тогда актуальным фактом искусства. Обращение художников, прошедших классическую школу живописи, к презренному на тот момент сюжету внесло свежую струю в отечественное искусство, и означало не только обновление живописи, оно стало вехой в обновлении искусства вообще, повернувшегося лицом к окружающей жизни, действительности «здесь и сейчас» в её радостном, жизнеутверждающем аспекте. Мы видим различные точки зрения на один и тот же мотив, одну и ту же мифологему: «бубновые валеты» 1910-х гг. использовали лубочно-вывесочную тематику как язык разговорной речи, приблизивший искусство к местной художественной стилистике, может быть, подобно тому, как некогда Данте, написавший «Божественную комедию» на «низменном» итальянском. Рассматриваемый же фильм отобразил взгляды полуграмотного «мужика», представителем или, вернее, собирательным образом которого выступил Хмырь. Поэтому живопись «Бубнового валета» — это взгляд сверху вниз, её интонация по отношению к предметной мифологии снижающая, а «Счастье» — взгляд снизу, изнутри, оттуда, где эта мифологема формировалась, соответственно трактована она с интонацией повышающей (в нашем случае — повышающей значимость предмета, выступающего знаком мифологемы).

Таким образом, получается интересная вещь: сама мифологема одинаково актуальна для крестьянина 1910-х гг. и для колхозника 1930-х (мужик-то тот же!). Если следовать сюжету фильма, то в 1930-е гг. мифологемы не меняются, а осуществляются, становясь реальностью. Так, в «Счастье» лубочные цитаты являются в первой части фильма признаком архаичного прошлого, присутствующем в сознании как неосуществимая мечта, а во второй — как осуществившийся факт, миф находит счастливое подтверждение в жизни. Таким образом, возникает миф об осуществленном мифе, известная идея, положенная в основу соцреализма. Интерес в картине Медведкина кроме прочего в том, что метаморфоза, происходящая с предметной мифологией, представляется в нем в схематически упрощенной, и потому легко прочитываемой форме. Может быть, те же предметы, которые в начале столетия представляются в качестве образов желанных, но недосягаемых, возникают в искусстве 1930-х гг. в качестве иллюстрации идеи об осуществленном идеале, подобии рая на земле.

В более позднем фильме того же А.Медведкина «Новая Москва» (1939 г.) схематизация многократно усиливается, уже не имея оправданием создание художественного образа. Бутафорский характер, искусственность построений является в фильме в гипертрофированном виде. Все бытовые подробности здесь вычищены настолько, насколько это возможно в кинематографе; складывается ощущение, что их здесь «вывели», как выводят пятна на скатерти. Желая создать образ будущего в настоящем, режиссер устраняет предметы «старого» быта, устанавливая на её место стерильную бутафорию — возможно, воспринимая бытовые подробности как якорь, сдерживающий поступательное движение, а возможно, это продиктовано действительной стилевой несформированностью уклада в 1930-е гг. Так или иначе, но в результате на свет явилась ужасающая своей безжизненностью (но увлекательная с точки зрения характеристики времени) фантасмагория, запечатлевающая в чистом виде те схемы и клише, которые у авторов более маститых звучат приглушенно, оживленные талантом режиссера и актеров. Здесь явственно проступает умозрительный характер построений авторской группы, творящей суррогатную реальность, и ощущение мертвенности подавляет все остальные впечатления.

Создавая видимость Москвы «как она будет», режиссер рушит законы материального мира и здравого смысла, его герои ходят не по твердой земле — она сама вместе с домами здесь куда-то едет (подобно тому, как в «Счастье» «едет» за кобылой сарай, или передвигается ногами расхитителей колхозный амбар, только в более грандиозных масштабах); ломается все, всякие представления об устойчивости, быте, «недвижимых» ценностях. Человеку здесь в буквальном и переносном смысле не на что опереться, в окружающем пространстве нет ничего ему соразмерного.

Действительной бытовой среды, как можно догадаться, в фильме Медведкина нет ни в изображении таёжной новостройки, ни в пейзажах Москвы, они превращены в некие фантомы, неопределенные во времени и пространстве. Несмотря на непрестанную браваду, не покидает ощущение, что авторам самим необходимы подтверждения того, что все происходит «на самом деле», в реальности, и именно в качестве таковых зрителю репрезентуются Химкинский речной вокзал, памятник Сталину (к слову сказать, эти же виды фигурируют в картине «Волга-Волга»), несколько новых московских улиц. Но среди бутафорских цветов и бумажных макетов показанные документальные свидетельства сами кажутся элементами гигантского кукольного театра. Искусственность представленного в картине предметного мира особенно явственна в сценах новогоднего карнавала.

Мы уже говорили о популярности подобных мероприятий в 1920-е — 1930-е гг. В оформлении празднеств участвовали лучшие художники, нередко такие действа были масштабными, используя, кроме прочего, и специально изготовленные марионетки. В «новой Москве» карнавал открывается видом ночного неба с зажигающимися профилями Ленина и Сталина, в качестве обрамления которого выстраиваются в ряд гигантские гербы республик на высоких шестах, расставленные, будто в назидание, как распятые вдоль Аппиевой дороги гладиаторы; а дополняет советскую символику перекрестный нарисованный свет нарисованных же гигантских «Аврор». Посреди этого величия мир ряженых в карнавальные костюмы выглядит ничтожным. Атмосферу непосредственного места действия составляют в первую очередь бросающиеся в глаза гигантские подсолнухи, вокруг них вертится круговорот костюмов и масок. Имперсональные улыбающиеся маски, выражение которых многократно повторяется в лицах персонажей «живых», не противоречат общей искусственности обстановки. Гигантские бутафорские подсолнухи, натуралистические медвежьи шкуры, множество лент, натянутого смеха и конфетти лишний раз подчеркивают неподлинность сотворенной кинореальности.

Предметы как элементы декорации, обрисовывающей место действия — давняя театральная традиция, но в данном случае назначение её — заместить собой реальность настоящую, таким образом осуществив подмену в сознании зрителя. Вместо умалчиваемой действительной обстановки — «идеальный» суррогат. Главным атрибутом этой суррогатной реальности в «Новой Москве» становится уже знакомый нам мотив *цветов*.

Именно он используется в первую очередь для обозначения «прекрасного быта» — именно для обозначения, потому что самого «прекрасного быта» мы не увидим — возможно, потому, что цветы — мотив исторически наиболее нейтральный, и в этом смысле безошибочный, что при отсутствии собственного сформировавшегося предметного мира и отрицании старого оказалось неизбежным. Цветы в «Новой Москве» — это и огромные подсолнухи, изображающие праздник на карнавале, и искусственные цветы, среди которых утопает скамейка, где расположились побеседовать после выставки главные герои, и множество букетов на столе в комнате сказочно быстро, едва ли не в одночасье, отстроенного в тайге города, куда возвращается Алеша.

Почему по большому счету сменилось отношение к предмету?

Нельзя сказать, чтобы власти обходили этот момент или не придавали ему значения, скорее наоборот, повышенное внимание к предмету, в какой-то степени «зацикленность» на предмете и при этом дефицит его привели к тому, что неодушевленная вещь становится объектом чуть ли не религиозным — с ней борются, ощущая реального, не вымышленного врага. В свете всего вышесказанного, обстановка советских фильмов 1930-х годов представляется не игнорирующей предметный мир, как это может показаться на первый взгляд, а наоборот, продуманной и взвешенной в идеологическом отношении системой со своей семантикой и иерархией.

T.E. KHUZINA

MATERIAL WORLD IN SOVIET CINEMA OF 1930-S

The new art semantics of a thing arises in 1930-s. When reflecting objective reality the place of the valid subject had been strongly occupied with some kind of material mythology. The 1930-s is essentially the other approach to the interpretation of the subjective reality, where the subject ceases to be apolitical. The d?cor of the Soviet films of 1930-s is represented not as ignoring the material world, but, on the contrary, as the system well thought-out and weighed according to the only ideology with its own semantics and hierarchy.

Г. А. ЯНКОВСКАЯ (Пермь)

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ И ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ЗРИТЕЛЬ СОВЕТСКОГО ИСКУССТВА В ГОДЫ ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА

Массовый зритель искусства появился в СССР в 1930-е гг., в эпоху политики «культурности» и утверждения нормативной эстетики социалистического реализма, провозгласившей приоритет «народного» вкуса и повествовательной понятности. Неискушенный в искусстве человек «от сохи» или «от станка» должен был за годы первых пятилеток превратиться в активного и компетентного любителя прекрасного. Тысячи людей в ускоренном темпе осваивали прежде незнакомые им социальные практики: посещали художественные выставки, музеи, галереи; публично высказывались на темы искусства, покупали изделия художественной промышленности и делали их частью своей повседневной жизни. Если верить официальной риторике, то рекрутированный в выставочные залы новый зритель полностью соответствовал продвигаемому газетой «Советское искусство» идеалу: «Требования советского зрителя к художественному качеству произведений живописи и скульптуры значительно выросли и растут непрерывно. Советский

зритель не прощает художнику плохого рисунка, вялого цвета, а главное — поверхностного и тем более неправильного изображения нашей действительности»[1].

Однако «простой» человек оставил очень мало свидетельств о своем непосредственном отношении к миру изобразительного искусства. В отличие от интеллигенции, он редко озвучивал свое мнение и вел дневники, где подвергается рефлексии жизненный опыт.

Социология зрительской аудитории — серьезная научная проблема, имеющая почти столетнюю историю[2]. В годы сталинизма социологическое изучение предпочтений публики, начатое в 1920-е гг., прекратилось. Достоверных источников по этой проблеме сохранилось немного. В основном это книги отзывов посетителей художественных выставок, письма читателей в газеты и журналы, обращения граждан в адрес силовых ведомств. Исследователи наивного письма отмечают, что авторы подобных текстов пользовались идеологическими клише, как идиомами повседневного языка, они высказывались не так, как им думается, но как предписывают господствующие риторики. В них избыточно высокий уровень авторского самоконтроля и нет следов спонтанности[3]. Поэтому в разговоре о широкой аудитории искусства всегда трудно отделить публичную речь от кулуарного пересуда, непосредственное впечатление от принятых правил высказывания. В предлагаемой статье рассматриваются два взаимообусловленных сюжета: институты художественного просвещения и мир мнений об искусстве «простого человека» в годы позднего сталинизма (1945–1953).

Для продвижения искусства «в массы» важно было вовлечь нового зрителя в коммуникацию с художественными произведениями, привести в выставочные залы и музеи, научить воспринимать художественные образы. Деятельность художественно-просветительских учреждений находилась в прямой зависимости от государства, которое вмешивалось в такие специальные вопросы, как музейная экспозиция, текст экскурсий, состав коллекций или методы их реставрации. Художественных музеев и галерей с досоветской родословной за пределами Москвы и Ленинграда было немного. Среди них — картинные галереи в Феодосии (год основания — 1880) и Пензе (1897), Горьковский (1896), Кировский (1900), Краснодарский (1904) и Воронежский (1915) художественные музеи. На волне послереволюционного энтузиазма, национализаций и экспроприаций в 1920–1930-е гг. были образованы Астраханская картинная галерея и Калужский художественный музей (оба — в 1918), Иркутский, Ульяновский художественные музеи (1920), Севастопольская и Пермская картинные галереи (1922), Омский музей изобразительных искусств (1924), художественные музеи в Хабаровске (1931), Курске (1935), Куйбышеве, Калинине (1937), Рязани (1938), Туле (1939), Нижнем Тагиле (1944). В целом в 1938 г. на территории Российской федерации действовало 28 художественных музеев и галерей, в 1940 г. — уже 35[4].

Статистика свидетельствует, что за годы сталинизма интерес к искусству резко вырос, независимо от того, какими средствами и с какими целями этот интерес подогревался, какими организационными мерами достигалась массовая посещаемость художественных учреждений. Власть гордилась тем, что в 1913 г. в Третьяковке побывало 150 000, в 1928 г. — 265 675, а в 1938 — 759 579 посетителей. В музей изобразительных искусств в Москве в те же годы пришло 180 869, 160 000 и 811 881 посетителей соответственно[5]. Юбилейную выставку 1933 г. в честь 15-летия РККА в Москве посетило 503 000, в Ленинграде 509 000, в Харькове 250 000, в Киеве — 238 000 человек[6].

Однако музеи из «храма красоты и науки» превратились в «политико-просветительные комбинаты». В годы сталинизма музейщикам навязывались принципы экономического детерминизма и классовой борьбы, кадры искусствоведов пытались «коммунизировать» и «орабочить»[7].

В годы войны вся система художественного просвещения и пропаганды перестраивалась по законам военного времени: десятки местных музеев и галерей оказались в зоне военных действий, оккупации или перемещались вглубь страны. В тылу местные музеи, галереи, художественные училища закрывались из-за недостатка средств, мате-

риалов и сотрудников. Их здания передавались эвакуированным музеям и промышленным предприятиям. Годами уже после окончания войны художественные учреждения не могли вернуть себе утраченные помещения. Бумага, множительная техника, краски, транспорт — все было предметом дефицита.

С началом холодной войны советские музеи оказались в изоляции, поскольку контакты с зарубежными коллегами практически прекратились. Сотрудники и коллекции страдали от бесцеремонного вмешательства властей в художественную жизнь. Борьба с «формализмом» (фантом официальной советской эстетики и художественной критики 1930-х — 1960-х гг.) и «космополитизмом» привела к тому, что в 1948 г. был закрыт музей нового западного искусства. Из экспозиционных залов исключались произведения отдельных художников и целых направлений, как это случилось с импрессионизмом. Квинтэссенцией вмешательства политики в музейную практику стала трансформация московского музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в музей подарков И. Сталину в 1950 г.[8]

В тяжкие послевоенные годы людям чаще приходилось думать о выживании, чем об искусстве. И много ли возможностей они имели для того, чтобы приобщиться к прекрасному, когда на смену экстремальному военному времени пришли «нормальные» будни позднего сталинизма? Вся система культуры медленно и трудно «демобилизовывалась», возвращалась к довоенным нормам и показателям. Эрмитаж, Русский музей, Третьяковская галерея частично возобновили свою работу в 1945–1946 гг. Сам факт открытия для публики этих собраний общенационального значения трактовались официальной пропагандой и населением как символ послевоенного восстановления.

Возобновление работы местных художественных центров не имело столь широкого общественного резонанса, как реэвакуация столичных коллекций. Внешне ситуация в провинции выглядела благополучно. Несмотря на бытовые трудности послевоенного времени, посещаемость региональных художественных музеев постоянно росла, о чем свидетельствует следующая таблица[9]:

Посещаемость художественных музеев республиканского подчинения

	1946 г.	9 месяцев 1948 г.
Количество посетителей в тыс. человек	785 932	1 285 327
Количество проведенных экскурсий	7483	15 801
Количество проведенных выставок	123	351
Количество прочитанных лекций	600	2264

Однако фактически в первые три послевоенных года во многих регионах учреждения искусств свернули свою работу, о чем, в частности, говорилось в приказе № 789, изданном в 1948 г. Комитетом по делам искусств при Совмине РСФСР. Провинциальные художественные музеи и галереи не имели подобающих зданий и выставочных помещений, работали в неудобное время, закрывались на выходные и праздничные дни, отчего количество зрителей было ничтожно малым. Так Якутский художественный музей был открыт для посетителей по нескольку часов только 100 дней в году, Пензенская картинная галерея — 184 дня. Посещаемость Куйбышевской картинной галереи еле превышала 23 %[10]. Каталоги и путеводители, как правило, не выпускались, или представляли собой брошюры, изданные на макулатурной бумаге без иллюстраций и внятного текста. В автономных республиках экскурсии и этикетки к экспонатам существовали исключительно на русском языке, что ограничивало аудиторию только русскоязычным населением. К тому же экспонировалась, по мнению властей, слишком маленькая часть от имеющихся коллекций. В названном документе приводились данные по Хабаровскому музею, где выставлялось 126 из 2930 экспонатов или 4,3 % художественной коллекции. В Иркутске экспонировалось 917 из 3057 единиц хранения или 30 % коллекции, в Ульяновске — 1400 из 3617 или 38%[11], в Омске — 877 из 3124 или 28%, в Кирове — 133 из 7634 или 1,7%.

Если тревога по поводу экспозиционной политики Кировского и Хабаровского музеев была вполне обоснованной, то критика музейщиков других регионов звучала непрофессионально. Показывать зрителям около трети собрания — это очень высокий показатель в музейной практике. Мотивы для критики были совсем иные. Власть раздражала не экономическая неэффективность, а уклонение художественных музеев от агитационно-массовой работы со зрителями. В логике курса сталинского руководства на идеологическую мобилизацию и реинтеграцию послевоенного общества с помощью «ждановщины» и национал-патриотических кампаний, все институты распространения и рецепции изобразительного искусства должны были сосредоточиться на формовке соответствующих стереотипов восприятия художественных произведений. Контроль над деятельностью художественных музеев и галерей был частью идеологических кампаний 1946–1949 гг. по борьбе с отклонениями от официальной эстетики.

С приказа № 789 начинается «чистка» кадров, заподозренных в «низкопоклонстве перед Западом» и слабой идейно-политической подготовке[12]. С этого времени письменные тексты экскурсий подвергались цензуре и утверждались на худсоветах. Из работы экскурсоводов уходит импровизация, диалог со зрителем, авторские интерпретации. Вместо этого утверждается дидактический, авторитарно-монологический стиль ведения экскурсий по заученному тексту.

С 1948 г. работа с массовым зрителем доминирует в деятельности художественных музеев и галерей. Экскурсоводы в обязательном порядке выезжают с лекциями и беседами на предприятия и в колхозы, открывают искусствоведческие кружки для взрослых и детей. Та же миссия продвижения искусства в массы возлагалась на самые демократичные и наименее престижные выставки советской эпохи — «передвижки».

Еще в 1940 г. была создана Дирекция художественных выставок и панорам, в структуре которой вскоре появился специальный отдел передвижных выставок, получивший в 1949 г. право закупки художественных произведений. В конце 1940-х гг. отдел организовывал примерно по 4 выставки в год с заданным маршрутом и политически актуальной тематикой.

В провинции своими силами передвижные выставки организовывали местные отделения союза художников, худфонда, художественных кооперативов и музеев. Организаторам приходилось считаться с отсутствием транспорта, дорог, специальных помещений и неискушенной аудиторией. С тем, что выставки развертывались в избах, сельских клубах, кинотеатрах, складах, вокзалах. По Каме, Оке и Волге курсировала плавучая передвижная выставка[13]. В Иркутске сотрудники художественного музея везли выставки по бездорожью, с «использованием всех видов транспорта, от самолета до коровы»[14] в такие глухие лесопункты Забайкалья, где о картинах и лекциях по искусству не слышали никогда. Вот почему в провинции выставки старались сделать максимально мобильными, составляя их из репродукций или копий[15].

Передвижные выставки по коммуникационным функциям сопоставимы с печатным изданием. Стандартный и редко меняющийся набор тем, сюжетов, художественных решений превращал передвижные выставки в своеобразные хрестоматии, наглядные пособия. Они распространяли однотипные визуальные образы, учили общепонятному визуальному языку. Даже приблизительный маршрут передвижных выставок впечатляет. Только в 1953–1954 гг. общесоюзные передвижки побывали в Калинине, Щербакове, Ярославле, Горьком, Казани, Чебоксарах, Саратове, Астрахани, Рубцовске, Алейске, станции Шипуново, Небит-даге, Ереване, Грозном, Ставрополе, Краснодаре, Арзамасе, Ашхабаде, Сталинабаде, Самарканде, Ташкенте, Алма-Ате, колхозе «Луч Востока», Иркутске, Красноярске, Горно-Алтайске, Бийске, поселке Зональный, Барнауле.

В целом с 1947 по 1952 гг. выставки, организованные Дирекцией, состоялись в 145 городах и сельских районах, побывали более чем в 50 колхозах и совхозах. В отчетах указывалось: «Было обслужено около 3 млн. зрителей и проведено около 20 000 консультаций по вопросам изоискусства». О размахе деятельности Дирекции можно судить по данным сводной таблицы[16]:

Годы	Количество выставок	Количество зрителей	Количество экскурсий
1947	11	152.215	300
1948	6	202.342	528
1949	4	397.600	1 227
1950	4	495.600	1334
1951	5	767.092	2 465
1952	4	827.612	2 169
всего	34	2 842 461	8 023

В послевоенный период на выставки возлагались исключительно дидактические задачи, о сути которых дает представление фрагмент из редакционной статьи газеты «Советское искусство»: «Выставки должны воспитывать в народе чувство советского патриотизма, закалять его идейно, удовлетворять его высокие духовные потребности, развивать его вкусы, вести вперед. Эту задачу может и должна выполнять каждая выставка. Однако некоторые художники еще не изжили ложного представления о значении выставок. Они склонны порой считать выставку личным, чисто профессиональным, а не общественным, гражданским делом»[17].

Дидактика становится приоритетом послевоенной культурной политики. В этом деле большие надежды власть возлагала на общество «Знание», на систему лекционных бюро, находящихся в подчинении комитета по делам культурно-просветительских учреждений при Совмине РСФСР. В этой системе сложился многоступенчатый механизм форматирования зрительского восприятия. Лектор в ходе беседы расставлял смысловые акценты, объяснял, как должно понимать то или иное художественное явление. В свою очередь, методические комиссии лекционного бюро и контролеры из партийных инстанций «направляли» лекторов[18]. Аналогичные функции навязывались художественной критике, которая должна была, по образному выражению А. Кантора, «изменить зрение всей страны»[19]. В годы сталинизма критика и искусствознание сплошь и рядом подменялись художественной пропагандой, были скованы жесткими канонами и страхом отлучения от профессии[20].

Подобно тому, как осваивались практики, влияющие на восприятие вербальных текстов (обязательные программы по чтению в школе, читательские конференции, посещение библиотек, собирание домашних книжных коллекций и т.д.), в советском обществе шло обучение правилам смотрения и восприятия искусства. Освоение письма и чтения, правил знаково-символического обмена, нормативной телесности представляло собой процесс обретения советской идентичности. К этому списку социальных навыков идентификации необходимо добавить особую практику — видение. Восприятие окружающего мира глазами предполагает умение смотреть и критически оценивать произведения искусства, выносить эстетические суждения. Сегодня никого не удивляют прокламации о «культуре видения»[21]. Но в начале тридцатых призывы воспитывать у простого человека «культуру зрения» звучали исключительно инновационно, хотя и сводились к различным приемам формирования благонадежного зрителя.

Одним из таких приемов было опрощение профессионального языка. Любой социолект, в том числе и искусствоведческий жаргон, способствует групповой дифференциации, что прямо противоречило сталинской программе тотальной интеграции общества. Поэтому специальная терминология в художественной пропаганде были скорее исключением, чем правилом. «Желтый хром», «поль-веронез», «неаполитанская желтая» и прочие профессиональные тонкости в своем кругу обсуждались, но публично речевые особенности художественных профессий демонстрировались редко.

Для обучения не обязательно использовать подлинники. Важен сам наглядный образ, визуальная информация, преподнесенная в определенном ракурсе. Отсюда еще одна особенность ситуации в провинции. За отсутствием телевидения, при дефиците качественных и доступных изданий по искусству, массовый зритель чаще всего имел дело с дубликатами от искусства, с копиями и репродукциями, нежели подлинниками[22]. Имен-

но дубликаты формировали универсальный визуальный лексикон, обязательный для усвоения и запоминания населением.

Посещение выставки — особое социальное действие, означающее соответствие социальной норме «культурного» человека. А книги зрительских отзывов — специфическое граффити, с помощью которого зритель оставляет знак, что он это социальное действо освоил. Для зрителя книга отзывов может быть местом удовлетворения личных претензий на статус эксперта по искусству, проявлением политической лояльности, способом преодоления социальных границ и даже каналом высказывания протестных настроений[23]. Эти своеобразные документы позволяют отчасти реконструировать провинциальный контекст непростых отношений официального искусства и советского зрителя.

На первый взгляд, книги отзывов демонстрируют высокую степень влияния на «простого зрителя» художественной пропаганды. Записи отформатированы самоцензурой, состоят из формул, подтверждающих идеологическую и политическую лояльность: славословий в адрес Сталина, осуждений «буржуазных выродков-импрессионистов» или «нелепейших мазков» космополитов. Записи в книгах отзывов группировались вокруг нескольких тем: благоприятных условий для расцвета искусств в СССР; высокого уровня советского искусства; заботы партии, правительства и лично тов. Сталина об искусстве; значимости конкретной выставки; идеологических и технических ошибок, допущенных художниками[24].

Записи в книгах отзывов демонстрируют, что освоение нового языка, присвоение лексики, свойственной более образованным слоям населения, часто проходило формально. Имитативное использование клишированных высказываний об искусстве один из зрителей выставки 1952 г. продемонстрировал так: «Мне очень понравилась картина «Вручение Дзержинскому декрета об организации ВЧК». Сколько Аригенала (так в тексте — Г.Я.) в этой картине!»[25].

Однако книги отзывов содержат и другие фрагменты, в которых зрители пытались дать сигнал наверх и сообщить о реальном состоянии культуры в провинции. В них говорилось, что далеко от Москвы нет музеев, галерей, профессиональных художников, трудно достать художественные материалы, не у кого получить профессиональную консультацию[26].

Зрители считали, что организаторы выставок недооценивают уровень провинциальной аудитории и отправляют на периферию произведения сомнительного качества. «Наши художники, особенно в последнее время работают слишком небрежно, гоняются за масштабами и общим количеством продукции, что не может заслуживать одобрения», — сетует один из посетителей передвижной выставки 1948 г. в Молотове[27]. На челябинцев та же выставка произвела «ужасающее» впечатление: «Громкая реклама. Сотня объявлений, призывающих челябинцев посмотреть работы лучших художников. Многообещающие слова и только. Редкие ряды картин, худшие работы художников. Для какого зрителя рассчитана выставка? Создается такое впечатление, что организаторы выставки отобрали самые посредственные картины этих мастеров и пусть, дескать, челябинский зритель довольствуется этим. Ошибочное мнение… Такие заслуженные и выдающиеся художники, как Герасимов, Бубнов, Авилов и другие… представлены бледно и, более того, весьма неудачно»[28], «почему в столице создается впечатление, что для провинции все сойдет?»[29].

Менее искушенные посетители, не имеющие достаточного опыта в репрезентации своего мнения, в основном предъявляли к искусству информационные требования. Их претензии сводились к мелочным придиркам «похоже-непохоже» в духе иллюстративного жизнеподобия. Колхозникам могли не понравиться картины А. Пластова оттого, что, «во-первых, очень яркая рубашка у колхозника, а, во-вторых, как-то не естественно написан бычок»[30].

В целом авторы книг отзывов высказывались об искусстве в основном в рамках трудовой концепции художественного творчества. Эта традиция более явно прослеживает-

ся по письмам читателей в газеты. В середине тридцатых в традицию входят коллективные обращения стахановцев, ударников, передовиков труда к советским художникам и скульпторам, написанные в романтическом духе велеречивой патетики[31]. В сороковые годы зрительские отклики персонифицируются и систематически публикуются в рубрике «Трибуна зрителя». Эта возможность предоставлялась социально успешным представителям советского общества: служащим, мастерам, инженерам, лауреатам государственных наград, рабочей аристократии.

Характерная особенность послевоенных писем в редакцию — критический настрой. Зритель считал себя вправе не только иметь собственное мнение, но и выражать недовольство творчеством советских художников[32]. Наверное, самым убедительным свидетельством конфликта аудитории и тиражируемого официального искусства послевоенных лет стала дискуссия 1948 г. «О натурализме»[33]. Она началась 6 июля 1948 г. с публикации статьи «Против натурализма в живописи» инженера-конструктора Виктора Сажина в «Комсомольской правде» и взбудоражила художественное сообщество. Автор статьи, размышляя о всесоюзных выставках 1946–1948 гг. описал неприглядную картину. Читатель «Комсомолки» сожалел, что «художники стали благодушны», «идут на поводу у обывателя», «создают искусство для бедных», «заменили живую натуру фотографией». Работу дружественных к бюрократической элите критиков В.Сажин назвал «подмазыванием» и «лакейской угодливостью»[34]. Статья послужила прологом к ожесточенной дискуссии между представителями властвующей группировки художественной элиты и некоторыми фрондирующими московскими художниками и критиками. Дискуссия длилась чуть более двух месяцев и вызвала сильный общественный резонанс.

В. Сажин, безусловно, — не наивный зритель. Он представляет столичную инженерно-техническую интеллигенцию, образованную часть публики. Но в дискуссии о натурализме прозвучал и протестный голос «снизу», от лица менее компетентных зрителей. 7 августа 1948 г. «Комсомольская правда» опубликовала отклики читателей (в основном одобрительные) на статью Сажина. Зрителей раздражала «фотографическая отделка и слащавость» некоторых произведений, плохое качество гравюр, литографий, репродукций, оформления садов и парков. Зритель явно устал от навязчивой и прямолинейной идеологии. Он признавал те работы советских художников, в которых он мог узнать свое предметное окружение, свои чувства, людей своего круга (израненных фронтовиков, работяг, женщин, замордованных одиночеством и тяжким бытом). Письма в газеты, дискуссия о натурализме, книги отзывов посетителей художественных выставок демонстрируют, что «воспитанный партией и правительством» лояльный зритель формально освоил риторику и правила публичных высказываний об искусстве. Тем не менее, это не исключало критического отношения, а порой и отчуждения массового зрителя от парадно-церемониального искусства послевоенных лет. Что касается эстетических предпочтений и особенностей «народного» вкуса, то это тема отдельного разговора и специального исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Советское искусство. 1950. 4 ноября.
2. Обзор литературы см.: *Reid S.*. In the Name of the People. The Manege Affair Revisited // Kritika. Vol. 6. 2005. N 4. P.673–716.
3. *Козлова Н.Н., Сандомирская И.И.* «Я так хочу назвать кино»: «наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения. М., 1996; *Козлова Н.Н.* Сцены из жизни «освобожденного работника» // Социологические исследования. 1998. № 2. С. 116; *Она же*. Советские люди: сцены из истории. М., 2005.
4. РГАЛИ. Ф. 2075. Оп. 1. Д. 7. Л. 6; Оп. 7. Д. 18. Л. 54
5. *Манин В*. Искусство в резервации. М., 1999. С. 164.
6. Советская живопись. М., 1939. С. 1.
7. *Пиотровский Б.Б.* История Эрмитажа. Краткий очерк. Материалы и документы. М., 2000.

8. *Чегодаева М.* Музей подарков Сталину // Декоративное искусство СССР. 1989. № 9. С. 4–5.
9. ГАПО. Ф. 604. Оп. 1. Д. 30. Л. 5.
10. РГАЛИ. Ф. 2075. Оп. 7. Д. 208. Л. 24/об.
11. ГАПО. Ф. 604. Оп. 1. Д. 29. Л. 180–180/об.
12. Так, с должности директора Пермской художественной галереи был смещен Н.Н. Серебренников, которого с 1 сентября 1949 г. сменяли друг за другом выдвиженцы по партийной линии.
13. РГАЛИ. Ф. 2075. Оп. 5. Д. 12. Л. 14.
14. Там же. Ф. 2075. Оп. 7. Д. 208. Л. 30.
15. Тематику выставок см.: РГАЛИ. Ф. 2458. Оп. 2. Д. 335, Л. 1.
16. РГАЛИ. Ф. 2458. Оп. 2. Д. 339. Л. 1.
17. Советское искусство. 1947. 25 июля.
18. См., например, отзывы, рецензии и заключения на прочитанные лекции по Молотовскому лекционному бюро за 1947–1950 гг. // ГАПО., Ф. 1009. Оп. 1. Д. 4.
19. *Кантор А.* Краткая история ликвидации художественной критики // Декоративное искусство СССР. 1990. № 1. С. 9.
20. О сталинизации художественной критики см.: «Эстетический арсенал метода»: категории соцреалистической критики // Соцреалистический канон. СПб.. 2000. С. 281–523.
21. Обзор литературы см: *Розин В. М.* Визуальная культура и восприятие. Как человек видит и понимает мир. М., 1996; Messaris P. Visual “Literacy”. Image, Mind and Reality. Oxford., 1994.
22. К примеру, в Молотовской области (ныне – Пермский край) в 1949 г. в залах картинной галереи экспонировалось 13 выставок, шесть из них состояли исключительно из репродукций.
23. О книгах отзывов см.: *Plamper Jan.* Cultural Production, Cultural Consumption. Post-Stalin Hibrid // Kritika. Vol. 6. 2005. N 4. P. 755–762.
24. РГАЛИ. Ф. 2906. Оп. 1. Д. 356. Л. 1–2.
25. РГАЛИ. Ф. 2458, Оп. 2. Д. 451. Л. 4/об.
26. РГАЛИ. Ф. 2458. Оп. 2. Д. 442. Л. 8/об.
27. РГАЛИ, ф. 2458. Оп. 2. Д. 388. Л. 5.
28. Там же. Л. 12/об. Л. 14/об.
29. Там же. Л. 10/об.
30. Там же. Л. 2, 29/об.
31. Эталон таких обращений – письмо 1500 ударников Сталинградского тракторного завода, опубликованное 8 сентября 1935 г. в газете «Советское искусство». В нем говорилось: «Товарищи художники! Товарищи скульпторы, мастера победившего класса!... Мы жмем ваши руки, мастера кисти и резца, мы ждем вашего ответа перед страной, перед партией, перед нашим великим Сталиным. Ответа делом. Ответа яркого, бодрого, как ярка и бодра наша жизнь».
32. См., например, письма зрителей в газете «Советское искусство» от 15 апреля, 25 июля, 15 августа 1950 г.
33. Детально социальная подоплека и детали дискуссии о натурализме обсуждаются в: *Янковская Г.А.* «Предвестие свободы»: Опыт социальной интерпретации одной художественной дискуссии конца 1940-х годов // Отечественная история. 2006. № 5. С. 125–130.
34. Комсомольская правда. 1948. 6 июля.

G.A. JANKOVSKAJA

ART EDUCATION AND PROVINCIAL SPECTATOR OF SOVIET ART AT STALIN'S REGIME

The functioning of museums, picture galleries and movable exhibitions is considered to be the means of art propaganda. The major purpose of the Soviet cultural policy was making aesthetic education and art significant parts within a daily life of an «ordinary person». The author of the article following the logic of «visual researches», considers the vision to be a social practice caused by visual conventions accepted within society, social values and discursive norms. G. Jankovskaja shows, the ways exhibitions and museums introduced visual lexicon of the epoch to new spectators, besides some methods are considered concerning mastering the social practices such as public statement about art. The author draws quite discrepant shape for the object of art propaganda — the provincial spectator of the Soviet art basing on visitors' books and newspaper discussions.

ХРОНИКА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «РОССИЯ И КАНАДА В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ И СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ» (Магнитогорск, 2–3 ноября, 2006)

2–3 ноября 2006 г. в Магнитогорском государственном университете состоялся международный научно-практический семинар «Россия и Канада в исторической ретроспективе и современных реалиях», который был организован Центром изучения истории Канады (кафедра новой и новейшей истории МаГУ), посольством Канады в РФ и Российским обществом изучения Канады. В нем приняли участие ведущие канадоведы Москвы, Тамбова, Волгограда, Екатеринбурга, Якутска и Владивостока. Семинар был открыт приветственными словами представителей принимающей стороны в лице ректора МаГУ д-р.филос. наук, проф. ***В.Ф. Романова*** и декана исторического факультета, д-р. ист. наук, проф. ***М.Г. Абрамзона***. С ответным приветственным словом выступили исполнительный директор РОИК ***В.И. Соколов***, проф. ***Ж.П. Ленотр*** (Франция) и почетный гость семинара — второй секретарь посольства Канады в РФ ***Меттью Мейер***. В своей речи он рассказал о состоянии современных российско-канадских отношений и наметил перспективы дальнейшего двустороннего сотрудничества в области охраны окружающей среды, освоения северных территорий и международной безопасности.

В рамках открытия семинара прозвучали выступления студентов факультета лингвистики и перевода, которые исполнили канадские народные песни и стихи известных поэтов. Этот блок, обеспеченный информационной поддержкой ведущих городских СМИ, не только способствовал популяризации канадской культуры в Магнитогорске, но и росту интереса к Канаде деловых кругов и общественных организаций города. Последний хорошо проявился уже на пресс-конференции, где присутствующие могли из первых рук получить интересующую их информацию и обменяться мнениями.

Работу конференции открывали ведущие специалисты Института США и Канады РАН. В своем выступлении заведующий отделом Канады ИСКРАН, исполнительный директор РОИК, канд. экон наук ***В.И. Соколов*** определил приоритетные направления российских исследований по канадской проблематике, отметив, что особую практическую ценность для нашей страны представляют разработки канадского опыта строительства системы образования, здравоохранения, политики многокультурности и федерализма. Доклад ведущего научного сотрудника ИСКРАН, канд. экон наук ***Е.Г. Комковой*** был посвящен проблеме возможного изменения внешнеполитического курса Канады по отношению к России с приходом консервативного правительства С. Харпера. Обращая внимание на исторические особенности канадской внешней политики, традиции российско-канадского сотрудничества и современную внутриполитическую ситуацию, автор сделал вывод о том, что новому премьер-министру, известному своими проамериканскими симпатиями, будет сложно направить Канаду в фарватер политики

США и свести к минимуму ее связи с Россией. Директор Центра американских исследований ВолГУ, д-р ист. наук, проф. ***А.И. Кубышкин*** провел анализ исторического опыта и современного развития пограничного сотрудничества Канады и США. По словам докладчика, граница как важнейший символ самоидентификации канадцев может изменить свое значение в условиях трансформации форм пограничного сотрудничества, вызванных угрозой международного терроризма и осложнением международной обстановки в нач. XXI в.

Доклады, представленные на пленарном заседании, можно сгруппировать в следующий тематический комплекс:

- актуальные проблемы истории и современности Канады
- история и современное состояние двусторонних российско-канадских отношений
- восприятие Канады в современной России
- компаративные исследования канадского и российского опыта в различных сферах государственной политики

Сообщения историков отражали различные аспекты политической, экономической, культурной и дипломатической истории Канады XIX–XX вв. Доцент кафедры новой и новейшей истории МаГУ, канд. ист. наук ***А.Г. Иванов*** обратил внимание на то, что в российском канадоведении наблюдается недостаток работ биографического жанра и выразил надежду на развитие биографики. В своем сообщении он рассмотрел жизненный путь и политическую карьеру Джозефа Хау, который был способен сочетать интересы Новой Шотландии с интересами Британской империи и в этом смысле мог бы служить хорошим примером для некоторых современных российских политиков. Темой доклада студентки 5 курса истфака МаГУ ***А. Куркиной*** стали возможные пути политического развития Британской Колумбии в 1860 — нач. 1870-х гг. По словам докладчицы, модели аннексии этой колонии со стороны США и установления прямого управления из метрополии обладали потенциалом для реализации на практике, но в силу ряда объективных и субъективных причин Британская Колумбия вошла в состав конфедерации. Старший преподаватель кафедры новой и новейшей истории МаГУ ***Д.А. Федянин*** в своем сообщении рассмотрел положение Канады на мировом хлебном рынке в кон. XIX — нач. XX вв., указав факторы возвышения этой страны в качестве одного из важнейших экспортеров зерна в Европу. В докладе студента 5 курса факультета искусствоведения Уральского Государственного университета ***С. Гончарова*** была проанализирована история канадского искусства рубежа XIX–XX вв. Выводом служила мысль, что в обращении к темам природы и «северного» мироощущения художественной элите Канады удалось объединить разрозненные компоненты канадского общества и заложить фундамент самобытного развития искусства этой страны. Преподаватель истфака Тамбовского госуниверситета, канд. ист. наук ***Н.Ю. Жуковская*** посвятила свое сообщение истории американо-канадских отношений периода первой мировой войны. По словам автора, в связи с конкуренцией в области военных поставок и шпиономанией двусторонние отношения США и Канады оставались напряженными вплоть до 1917 г., когда США вышли из нейтралитета и присоединились к антигерманскому блоку.

Сообщения по актуальным проблемам современной Канады сконцентрировались на проблемах коренных народов и федерализма. Доцент кафедры истории английского языка Дальневосточного государственного университета, канд. филос. наук ***Т.И. Денисенко*** поделилась своими личными впечатлениями от посещения в Канаде резерваций индейского племени Шушвап и рассказала об инициативах этой нации по сохранению своего вымирающего языка, традиционного образа жизни и культуры. Преподаватель Академии Социального Образования ***Т.Н. Мухаметзянова*** в своем докладе «Проблемы экономического взаимодействия федерального центра и регионов на примере Канады» рассмотрела систему трансфертных и выравнивающих платежей, благодаря которой Оттава эффективно решает проблему дисбаланса и неравномерности в экономическом развитии отдельных регионов.

Семинар показал растущий интерес отечественных канадоведов к проблемам истории и современного состояния двусторонних российско-канадских отношений. Обращаясь к начальному этапу установления связей Канады и России, аспирант кафедры новой и новейшей истории МаГУ ***В.С. Федоренко*** рассмотрел историю переселения секты меннонитов. По его словам, существовало две крупные волны эмиграции российских меннонитов в Канаду: первая приходится на 1870-е гг. и связана с введением всеобщей воинской повинности, вторая имела место в 1929–1930-х гг., когда большевики приступили к реализации программы коллективизации. Темой доклада студентки 5 курса истфака МаГУ ***А. Забродиной*** стала канадская помощь СССР в годы Великой Отечественной Войны по программе ленд-лиза. В результате анализа документальной базы этой программы и объема поставок, автор пришла к выводу о том, что сотрудничество СССР и Канады по ленд-лизу внесло определенный вклад в разгром общего врага. В сообщении студентки 5 курса истфака МаГУ ***О. Митюшкиной*** получили отражение проблемы советско-канадских отношений времен «холодной войны». Докладчица определила периоды сближения и конфронтации двух стран, причины антисоветизма во внешней политике Канады, степень ее независимости от внешнеполитического курса США, формы деятельности канадской разведки и роль обществ дружбы с СССР в налаживании канадо-советских отношений. Старший преподаватель кафедры новой и новейшей истории МаГУ ***С.А. Селезнёва*** охарактеризовала современное российско-канадское сотрудничество в области развития северных и арктических территорий. Автор проанализировала двусторонние «северные проекты» в сфере охраны окружающей среды, сохранения традиционной культуры коренных народов, реализации ряда экономических и образовательных программ.

Актуальной и значимой для отечественного канадоведения стала представленная на семинаре тема восприятия Канады в современной России. Заведующая кафедрой новой и новейшей истории МаГУ, д-р. ист. наук, профессор ***М.Н. Потёмкина*** посвятила свое выступление проблемам формирования образа Канады в современной российской прессе. Анализ массовых и доступных читателю периодических изданий привел автора к следующим выводам: российские СМИ, проявляя минимальный интерес к Канаде, не формируют у читателей цельного образа страны и в большинстве случаев преподносят ее как страну развитой индустрии и демократии и как родину хоккея; в связи с отходом от стереотипов времён «холодной войны» происходит эволюция образа Канады в российском массовом сознании в сторону признания ее самостоятельным, независимым от США, субъектом мировой политики; отечественные СМИ в освещении проблем взаимодействия России и Канады значительно отстают от реальной динамики российско-канадских отношений.

Доцент кафедры новой и новейшей истории МаГУ, канд. ист. наук ***А.Е. Любецкий*** представил сообщение на тему «Канада глазами студентов МаГУ», подготовленное по результатам социологического опроса. Указывая на явно недостаточный интерес студентов к Канаде, автор в то же время отметил, что молодежь не воспринимает эту страну как непримиримого врага и видит необходимость расширения взаимовыгодного российско-канадского сотрудничества.

Семинар отразил качественный рост компаративных исследований в отечественном канадоведении. Так, профессор кафедры дошкольной педагогики МаГУ, канд. пед. наук ***Е.С. Бабунова*** рассмотрела новую тему социализации дошкольников Канады и России посредством их участия в народных мероприятиях. Автор определила особенности канадской и российской системы дошкольного образования, формы и содержание социализации и механизмы вовлечения детей в народные мероприятия. Темой доклада доцента Финансово-экономического института Якутского государственного университета, канд. геогр. наук ***Е.Е. Тотоновой*** стал туристический бизнес в Канаде и его роль в решении глобальных проблем северных территорий. Отмечая, что туризм обеспечивает приток инвестиций и занятость коренного населения при сохранении их традиционных культур, автор предложила целый комплекс мероприятий по его развитию в республике

Саха-Якутия. Доцент кафедры экономики и предпринимательства МаГУ, канд. пед. наук ***И.В. Кобелева*** посвятила свое сообщение сравнению канадского и российского опыта охраны окружающей среды. По ее словам, России в реализации своей экологической политики необходимо учитывать положительные стороны канадской программы устойчивого развития, которая основана на стимулировании инвестиций в природоохранные объекты, введении режима ускоренной амортизации природоохранных объектов, организации системы образцово-показательных лесов, привлечении женщин в процесс воспитания в молодом поколении экологической культуры.

В целом, семинар выполнил стоящие перед ним задачи. Он расширил научные связи, позволил специалистам обменяться мнениями, придал новый импульс их исследованиям и в этом смысле стал важным событием в российском канадоведении.

А.Г. Иванов (Магнитогорск)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГСП — Античные государства Северного Причерноморья. М. 1984.
БИ — Боспорские исследования. Симферополь-Керчь.
БС — Боспорский сборник. М.
БСКС — Большой словарь крылатых слов русского языка: Около 4000 единиц.
БКИЗ — Бурятское книжное издательство.
БНЦ СО РАН — Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН.
БФ — Боспорский феномен. Материалы международной конференции. СПб.
БФ СО АН ССС — Бурятский филиал Сибирского отделения АН СССР.
ВВ — Византийский временник.
ВДИ — Вестник древней истории.
ВИ — Вопросы истории.
ВКАЭ — Восточно-Крымская археологическая экспедиция ИА РАН.
ВФ — Вопросы философии.
ГАПО — Государственный архив Пермской области.
ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.
ГАСО — Государственный архив Свердловской области.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ДБ — Древности Боспора.
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения.
ИА РАН — Институт археологии РАН.
ИА АН СССР — Институт археологии АН СССР.
ИИА УрО РАН — Институт истории и археологии Уральского отделения Российской Академии наук (Екатеринбург).
ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры.
ИЭРЖ УрО РАН — Институт экологии растений и животных Уральского отделения Российской Академии наук (Екатеринбург).
КБН — Корпус боспорских надписей.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
ЛА — Личный архив автора статьи.
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
ОГАЧО — Объединенный государственный архив Челябинской области.
ОГПУ — Оренбургский государственный педагогический университет.
ОР ГМТ — Отдел рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого (Москва).
ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск.
РА — Российская археология. М.
РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.
РГАЭ — Российский государственный архив экономики.
РГНФ — Российский гуманитарный научный фонд.
СА — Советская археология.
СамГПУ — Самарский государственный педагогический университет.
СГМИИ — Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им А. С. Пушкина.
СО РАН — Сибирское отделение Российской Академии наук.
СЭ — Советская этнография
Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея.
Угол. Улож. — Уголовное Уложение.
УрГУ — Уральский государственный университет (Свердловск, Екатеринбург)
ФА ОмГПУ — Фольклорный архив кафедры русской и зарубежной литературы Омского государственного педагогического университета с указанием шифра единицы хранения.
ХСб — Херсонесский сборник. Севастополь.
ЦГИА РБ — Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан.
ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области.
ЦДООЧО — Центр документации общественных организаций Челябинской области.
ЧелГУ — Челябинский государственный университет.
ЮУрГУ — Южно-Уральский государственный университет (Челябинск).

AJA — American Journal of Archaeology.
AE — Archaiologike Ephemeris.
BCTH — Buletin archeologique du Comite des travaux historiques. Paris, Ministere de l'Education nationale.
CEFR — Collection de L`Ecole Francaise de Rome.
CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum.
CRAI — Comptes-rendus de l'Academie des Inscriptions et Belles-Lettres. Paris, de Boccard.
FgrHist Jacoby F. — Die Fragmente der griechischen Historiker
Jeffery L. Jeffery L. H. — The Local Scripts of Archaic Greece. Oxf., 1961.
JHS — Journal of Hellenic Studies.
HSCPh — Harvard Studies in Classical Philology.
IG — Inscriptions Graecae, 1 – (1873–).
IGR — Inscriptiones Graecae et Romanae.
ILS — Inscriptionum Latinarum Selecta.
IOSPE — V. Latyshev. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini, I2.
ND — Notitia Dignitatum.
RMD — Roman Military Diplomas.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

История Древнего Мира и Археология

А. В. Ковальчук (Москва) — Керамический штамп с пос. Генеральское-Западное . 3
А. В. Бонин (Москва) — Памятники хоры Боспора I в. до н.э.: еще раз о хронологии объектов сигнально-оборонительной системы 8
А.В. Ивенских (Пермь) — «Боспорские» отряды в римской императорской армии . 43
А.Н. Никитин (Магнитогорск) — Очерк историографии военной истории римской Африки (вторая половина XIX — середина XX вв.) 53
А.Н. Никитин (Магнитогорск) — Историография военной истории римской Африки (с 1960-х гг. по настоящее время) 56

История России

А.А. Рыбалко (Челябинск) — Культура традиционного домостроения у оренбургских казаков 68
Д.В. Тимофеев (Челябинск) — Соотношение понятий «закон» и «свобода» в правительственных проектах и российской публицистике первой четверти XIX века 83
И.Г. Оноприенко (Белгород) — Дворянская усадьба середины XIX в. как отражение функционирования института крепостничества в быту (на примере центрального черноземья) 97
А.А. Подвигайло (Белгород) — Развитие аренды церковных земель в Курской и Воронежской губерниях в 60-90-е годы XIX столетия 101
Ю.В. Варфоломеев (Саратов) — Свобода слова перед царским судом: «общественные» и «литературные» судебные процессы в России в начале XX в. 104
М.В. Друзин (Магнитогорск) — Уральские горнозаводчики, власть и рабочий вопрос (начало XX в.) 114
А.Г. Дорожкин (Магнитогорск) — Промышленное развитие России в годы первой мировой войны в освещении немецкоязычной историко-экономической литературы XX в. 121
О.С.Нагорная (Челябинск) — Пропаганда сепаратизма среди восточно-европейских народностей Российской империи в германских лагерях военнопленных Первой мировой войны 129
П.В. Батулин (Челябинск) — Военная цензура в период Первой мировой войны и революции 1917–1918 гг.: проблема сущности и преемственности 141
А. А. Абрамовский (Челябинск) — Формирование советских правоохранительных структур в Уфимской губернии в 1917–1918 гг. 156
А. В. Буданов (Челябинск) — Становление органов рабочего управления национализированным производством Урала (1917 — май 1918 гг.) 163
О.Ю. Никонова (Челябинск) — Советский патриотизм в провинции: случай «красных партизан» 168
Е.М. Буряк (Магнитогорск) — Л.Д. Троцкий о труде и трудовых отношениях в первые годы советской власти 181
Н.Н. Макарова (Магнитогорск) — Социокультурный портрет сталинского Политбюро в домашнем интерьере (1934–1939 гг.) 189
В.А. Токарев (Магнитогорск) — «С «Лейкой» и Блокнотом…» по восточным воеводствам: Организация Советского фоторепортажа в Польскую кампанию (1939) . 199

О.Ю. Корочкова (Магнитогорск) — Влияние внешнеполитического фактора на трактовку образа первой мировой войны в художественной литературе 1941–1945 гг. 211
Е.Л. Глотова (Челябинск) — Реализация социальной политики на предприятиях оборонно-промышленного комплекса Урала в условиях мирного строительства (1945–1950 гг.) 220
Л.В. Шубарина (Челябинск) — Производство танков в структуре оборонно-промышленного комплекса СССР (1945–1953 гг.) 223
Н.С. Хомутова (Челябинск) — Развитие сферы образования в оборонно-промышленном комплексе на Урале в 1945–1955 гг. 232
Н.А. Малышева (Магнитогорск) — Влияние идеологического фактора на социализацию детей в годы Великой Отечественной войны 239
И.О. Колдомасов (Магнитогорск) — Социокультурные контакты между государствами антигитлеровской коалиции в годы войны 249
А.Н. Харитонов, К-Д. Мюллер (Дрезден) — Советские и немецкие военнопленные и интернированные. Изучение вопросов истории Второй мировой войны и послевоенного периода 260
Л.С. Верахина (Челябинск) — Изучение российской христианской демократии в отечественной историографии 275

ФИЛОЛОГИЯ

Лингвистика

Н.Н. Ракитина (Магнитогорск) — Исторические предпосылки возникновения и этапы развития английской аббревиатуры 283
Ю.Г. Репп (Омск) — Политический эвфемизм: язык власти или власть языка? (исследование проблемы с позиции лингвокультурологии) 288
Е.Ю. Кармалова (Омск) — Мифологическое пространство и время в телевизионной фестивальной рекламе 299

КУЛЬТУРА

Киноискусство, Искусствоведение

Н.В. Чернова (Магнитогорск) — «Я не должен быть холодным созерцателем той жизни, которую я переношу на экран…»: творческий путь режиссера П.Петрова-Бытова 307
Т.Е. Хузина (Магнитогорск) — Предметный мир в советском кинематографе 1930-х годов 322
Г. А. Янковская (Пермь) — Художественное просвещение и провинциальный зритель советского искусства в годы позднего сталинизма 334

ХРОНИКА

А.Г. Иванов (Магнитогорск) — Международный научно-практический семинар «Россия и Канада в исторической ретроспективе и современных реалиях» . . . 343

CONTENTS

HISTORY

Antiquity an Archaeology

A.V. Kovalchuk (Moscow) — Ceramic Punch from Generalskoe-Zapadnoe Settlement . 7
A.V. Bonin (Moscow) — Settlements at the Bosporan Chora in the 1st c. AD: Chronology within Objects of Signal-Defensive System 42
A.V. Ivenskikh (Perm) — «Bosporan» Squadrons in Roman Imperial Army 52
A.N. Nikitin (Magnitogorsk) — Sketch on Historiography of Military History of Roman Africa (second half of 19th — mid. of 20th cc.) 56
A.N. Nikitin (Magnitogorsk) — Historiography on Military History of Roman Africa (from 1960 till present time) 67

Russian History

A.A. Rybalko (Chelyabinsk) — Culture of Traditional House-Building at Orenburg Cossacks 82
D.V. Timofeev (Chelyabinsk) — Correlations of Conceptions — «Law» and «Freedom» in Governmental Projects and Russian Publicism (first quarter of 19th c.) 97
I.G. Onoprienko (Belgorod) — The Noblemans Estate in the Middle of the 19th century as Reflection of Functioning of the Institution of Serfdom in Everyday Life (On the Pattern of the Central Black Earth Region) 101
A.A. Podvigaylo (Belgorod) — The Development of the Lease of Church Lands in the Kursk and the Voronezh provinces in 60–90-s of the 19th c. 104
Yu.V. Varfolomeev (Saratov) — Freedom of Speech and Tzarist Court: «Public» and «Literary» Litigations in Russia in the beginning of the 20th c. 113
M.V.Druzin (Magnitogorsk) — Ural Bourgeoisie, Authority and the Working Matter (beginning of the 20th c.) 121
A.G. Dorozhkin (Magnitogorsk) — Industrial Development of Russia within the First World War in Interpretation of the German History-economic Literature of 20th c.. . 128
O.C. Nagornaya (Chelyabinsk) — Propagation of Separatism among East Europe Nationalities of Russian Empire in German Camps of War Prisoners during First World War 140
P.V. Batulin (Chelyabinsk) — Military Censorship during the First World War and Revolution of 1917–1918: Problem of Essence and Succession 155
A. A. Abramovsky (Chelyabinsk) — Formation of Soviet Law-Enforcement Structures in Ufa Province in 1917–1918 162
A.V. Budanov (Chelyabinsk) — First Steps of Workers' Managing Committee of Nationalized Industry in Ural Region (December 1917 — May 1918) 168
O.Yu. Nikonova (Chelyabinsk) — Soviet Patriotism in Province: «Red Guerrilla's» Case 181
E.M. Burjak (Magnitogorsk) — L.D. Trotsky: About Labour and Work Relaions Within First Years of Soviet Authority 189
N.N. Makarova (Magnitogorsk) — Socio-cultural Portrait of Stalin's Political Bureau in Domestic Interior (1934–1939) 199
V.A. Tokarev (Magnitogorsk) — «Having «Leika» and the Notebook...» Along East Provinces: Organization of Soviet Photo-report at Polish Campaign (1939) 211

O.Yu. Korochkova (Magnitogorsk) — Impact of Foreign Policy Factor upon First World War Image and Its Interpretation in Fiction During 1941–1945 219
E.L. Glotova (Chelyabinsk) — Realization of Social Policy at Ural Defense-Industrial Complex in conditions of Peaceful Construction (1945–1950) 223
L.V. Shubarina (Chelyabinsk) — Tank Manufacture in Structure of Defense-Industrial Complex of the USSR (1945–1953) 232
N.C. Khomutova (Chelyabinsk) — Development of Education Sphere in Ural Defense-Industrial Complex in 1945–1955. 238
N.A. Malysheva. (Magnitogorsk) — Influence of Ideological Factor on Children's Sosialization During great Patriotic War 249
I.O. Koldomasov (Magnitogorsk) — Public and Culture Contacts Between States of Anti-hitler Coalition in Wartime 259
A.N. Kharitonov, K.D. Muller (Drezden) — Soviet and German Prisoners of War and the Interned. Studing of History of the Second World War and the Post-war period . . 275
L.S. Verahina (Chelyabinsk) — Studying of Russian Christian Democracy in Domestic Historiography. 282

PHILOLOGY

Linguistics

N.N. Rakitina (Magnitogorsk) — Historical Preconditions of Rise and Stages of Development of English Abbreviation 288
U.G. Repp (Omsk) — Political Euphemism: Language of Authority or Power of Language? (Research of Problem from Position of Lingvo-culture Science) 298
E.Yu.Karmalova (Omsk) — Mythological Space and Time in TV Festival Advertisement 306

CULTURE

History of Cinema and Theatre

N.V. Chernova (Magnitogorsk) — «I should not be a Cold Spectator of That Life, Which I transfer on Screen…»: Creative Search and Development of Director P. Petrov-Bytov 322
T.E. Khuzina (Magnitogorsk) — Material World in Soviet Cinema of 1930-s 334
G.A. Jankovskaja (Perm) — Art Education and Provincial Spectator of Soviet art at Stalin's Regime. 342

CHRONICLE

A.G. Ivanov (Magnitogorsk) — International conference «Russia and Canada: historicle retrospective and reality» (Magnitogorsk State University, 2–3 of November, 2006). 343

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Проблемы истории, филологии, культуры» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера, материалы полевых исследований, архивные материалы, также критические статьи и рецензии на новые публикации по тематике издания. Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в журнале.

1. Рукопись (общим объемом до 1 а.л.) представляется в 1-м экземпляре, набранном на компьютере с соответствующим шрифтом (Times New Roman Cyr., 14-й кегль) и распечатанном на принтере (класса LQ-100 и выше) на белой бумаге с одной стороны листа. К тексту прилагается дискета. Текст должен занимать 29-30 строк на странице (поля стандартные). Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

2. Присылаемые для публикации материалы должны состоять из: основного текста, примечаний, списка подрисуночных подписей, резюме, списка сокращений, иллюстраций (если они необходимы), сведений об авторах. Все указанные части рукописи должны начинаться с новой страницы.

3. Начало статьи оформляется по образцу: автор(ы), название города (для зарубежных авторов также страны), название статьи. Например:

Е.М.Алексеева (Москва)
Местная среда ранней Горгиппии

4. Сноски (нумерация сквозная) помещаются после основного текста и оформляются по образцу:

Кошеленко Г.А., Гаибов В.А. Дура-Европос после М.И. Ростовцева // ВДИ. 1999. №3. С. 221-232.

Псковские летописи. Т.1. М.; Л., 1941. С.341.

Чернов С.С. Отчет об археологических разведках в бассейне р.Вори в 1977 г. // Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 6695.

ЦДОООСО. Ф.42. Оп.2. Д.29. Л.6.

Ссылки на оригинальные работы древних авторов приводятся в скобках в тексте и в примечания не включаются.

В тексте следует использовать только общепринятые сокращения, список которых публикуется в журналах РАН.

5. К статье помимо списка сокращений необходимо приложить русский текст резюме объемом не более 1 страницы машинописного текста. Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо наиболее специфические термины, географические названия и имена давать или в переводе, или с пояснением. Автор может приложить и свой вариант английского текста резюме в целом.

6. Тексты, присылаемые в редакцию для публикации, должны быть тщательно проверены и подписаны автором.

7. Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

Проблемы истории, филологии, культуры

Выпуск XVI/3

План университета 2006 г.

Редакторы: *Н.И.Бахчеева, И.В.Мирошникова, Л.С.Новикова.*
Верстка *А.В.Ремнев.*

Регистрационный №1348 от ??.??.??? г. Подписано в печать 31.05.2006 г.
Формат 70×100 1/16. Бумага тип. №2. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 53,3. Уч.-изд. л. 50,4.
Тираж 1000 экз. Заказ №???. Цена свободная.

Издательство Магнитогорского государственного университета
455038, г.Магнитогорск, пр. Ленина, 114
Типография МаГУ

На 1 стр. обложки:

Голова оленя в клюве грифа; на плоских сторонах – изображение гуся в лапах грифа. Навершие головного убора. Второй Пазырыкский курган. V–VI вв. до н.э.

На 4 стр. обложки:

Керамические сосуды в форме повозки. Период Кая, V–VI вв. н.э. Корея.